ВСЕВОЛОД

ИВАНОВ

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

ПЬЕСЫ

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

ПЬЕСЫ

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

ПЬЕСЫ

●

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1979

Р2
И20

Иванов Всеволод.
И 20 Пьесы/Предисл. П. Маркова; Коммент. Е. Цейтлина.— М.: Искусство, 1979.— 480 с., портр.

Данная книга дополняет собрание сочинений Всеволода Иванова, выпускаемое издательством «Художественная литература». В состав сборника вошли следующие пьесы: «Бронепоезд 14-69», «Блокада», «Поле и дорога», «Двенадцать молодцев из табакерки», «Вдохновение», «Ломоносов». В приложении впервые публикуется пьеса «Ключ от гаража».

И $\frac{70600-106}{025(01)-79}$ БЗ-99-17-77 4702010200 ББК 84Р7
Р2

© Издательство «Искусство», 1979 г.

ДРАМАТУРГИЯ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

Всеволод Иванов впервые появился в Художественном театре в канун 10-летия Октября. Это было очень важное и решающее для театра время. Театр вернулся из гастрольной поездки в Америку и заново составлял труппу, соединяя воедино «стариков» и тогдашнюю молодежь, вскоре занявшую твердые позиции в театре. Коллективу необходимо было определить репертуарную линию. Нужно было найти свой репертуар и писателей, которые помогли бы ему вынести на сцену образы гражданской войны и современности. Ему были необходимы в первую очередь глубокие психологические пьесы, помогающие театру понять и отобразить современность. Так возникло обращение театра к молодым писателям-беллетристам — Леонову, Катаеву, Олеше, Бабелю, и в их числе к одному из первых — Вс. Иванову, также не пробовавшему себя в драме, но уже привлекшему внимание театра исключительной свежестью и силой своих первых произведений.

По существу, вся пьеса «Бронепоезд 14-69» — спектакль, которым театр отметил 10-летие Октябрьской революции,— возникла внутри театра. Первоначально юбилейный спектакль замышлялся как ряд сцен, написанных близкими театру писателями и объединенных темой гражданской войны. Среди прочитанных отрывков выделялся отрывок, предложенный Вс. Ивановым, взятый из его «Партизанских повестей». Он был необычен по содержанию и давал МХАТ как раз тот материал, в котором театр нуждался. Театр намеревался создать спектакль одновременно простой и патетический, спектакль о массах, о личностях, выдвинутых революцией: подлинно героический, но рассказанный ясными, сильными словами. Прочитанный отрывок, казалось, удовлетворял этим требованиям. Так родился замысел пьесы «Бронепоезд». Отрывок стал обрастать новыми эпизодами. Так родилась пьеса. Театр с самого начала видел ее некоторую хаотичность, знал, что, по существу, у нее два финала («Взятие бронепоезда» и «Сцена в депо»). Но все эти технологические недостатки становились незначительными по сравнению с яркостью образов, чудесным языком и поэтической правдой борьбы.

Сила «Бронепоезда» была в его чистоте и пафосе. Сцена на колокольне, посвященная интернациональному братству трудящихся, является одной из лучших в советской драматургии.

Спектакль был повортным в истории МХАТ. С ним на его сцену пришли впервые образы партизан, красноармейцев и рабочих. За

каждым из них вставала среда, из которой он вырос, настойчивым выразителем которой он стал. Кровью, гневом, пафосом была наполнена пьеса, с непобедимой поэзией воскрешавшая первые революционные годы: она говорила о «добре», во имя которого и ради которого «горит наша Россия». За вождем партизан Вершининым виделись тысячи партизан, проникнутых волей к освобождению. Скромный, сосредоточенный, мудрый тактик и организатор, председатель Военно-революционного комитета Пеклеванов был одним из первых образов большевика на сцене, олицетворявших партию. В веселом и озорном Ваське Окороке пел восторг революции. В капитане Незеласове воплотилось горькое отчаяние, безнадежность сопротивления, крушение философии отчаянно и напрасно сопротивлявшейся белогвардейщины.

Спектакль был очень дорог МХАТ. О времени его создания, о первом его представлении мхатовцы всегда вспоминают с волнением; с таким же волнением играли «Бронепоезд» при каждом его возобновлении. Вс. Иванов очень много дал актеру МХАТ — все трещины ролей, все недосказанности были незначительны по сравнению с прекрасным умением Иванова схватить самое зерно, самую сущность роли. Для Качалова — Вершинина, Баталова — Васьки Окорока, Хмелева — Пеклеванова, Кедрова — Син Бин-у, Прудкина — Незеласова, Станицына — Обаба этот спектакль был поворотным моментом, определившим их дальнейшее творчество.

Спектакль «Бронепоезд» стал творческим и политическим манифестом МХАТ.

Через два года театр показал вторую пьесу Вс. Иванова — «Блокаду». Мне до сих пор кажется, что этот спектакль по-настоящему ие был оценен критикой. «Блокадой» Вс. Иванов начал новый этап своего театрального пути. Нельзя не следить с напряжением за поисками Вс. Ивановым своего лица драматурга, как бы противоречивы нн были некоторые из его опытов. «Блокада» была первой пьесой Вс. Иванова, задуманной в драматической форме. Как пьеса она вызывала много возражений, но очень волновала театр темой, неожиданностью образов, а в отдельных своих частях действительно потрясала — например, в сцене ухода красноармейцев и рабочих на Кронштадт. К числу ее побеждающих достоинств относилась прежде всего — как всегда у Вс. Иванова — великолепно вскрытая атмосфера эпохи и обстановки. Уже в его первой пьесе навсегда запечатлелись живой запах тайги, накалившиеся стены бронепоезда, ночной Владивостокский порт. В «Блокаде» атмосфера Питера 1921 года, пафос идущих на бой отрядов, сила и крепость питерского пролетариата были по-настоящему монументально выражены писателем. И Вл. И. Немирович-Данченко («Блокада» принадлежит к числу его самых смелых и интересных постановок) нашел тонкие приемы для выражения нового стиля произведения. Театру приходилось преодолевать не-

которые качества пьесы. Вс. Иванову хотелось заглянуть в самую суть человеческой души, в ее «тайное тайных», как назывался один из ранних сборников его рассказов. Рождение нового человека и противоречия роста, победа над старыми чувствами, новое понимание долга были для Вс. Иванова, вероятно, самым главным в пьесе. Ощущая зерно образов, находя для них кованый, насыщенный язык, наполняя их богатством мысли, он порою пренебрегал точной мотивировкой действий и поступков. Но в «Блокаде» жил подлинный пафос, который вызывал ответный отклик зрительного зала, в особенности в финале 4-го действия — поход на Кронштадт — и в сценах Дениски. Вс. Иванов искал новую форму для выражения современности — форму своеобразной современной обобщенной символической трагедии. Действующие лица пьесы жили восторгом эпохи, накал страстей был велик. Актеры любили высокую атмосферу пьесы, тот строгий этический счет, который предъявлял Иванов людям; и вновь в этом спектакле ряд актеров нашли себя. В первую очередь это касалось Кудрявцева — Дениски, Качалова, игравшего «железного комиссара» Артема, Кедрова, Ливанова, Грибунина и Тарханова, Тихомировой, Еланской.

Так начался интересный и своеобразный драматургический путь Вс. Иванова. Нужно прямо сказать, что сценическая судьба его произведений отнюдь не отвечает их художественному качеству и дерзости поставленных автором задач. Далеко не все пьесы Вс. Иванова нашли свое сценическое осуществление — во всяком случае, число непоставленных пьес Вс. Иванова превышает число тех, которым удалось увидеть свет рампы. «Компромисс Наиб-хана», «Пархоменко», «Голуби мира», «Ломоносов» — вот, кажется, все пьесы, которые (помимо «Бронепоезда» и «Блокады») отдельные театры числили в своем репертуаре. Есть несомненное противоречие в том, что театры как бы отступали перед оригинальностью сценического построения, остротой сюжетного хода, внезапностью характеристик, которые отмечают драматургию Вс. Иванова. Как будто бы им не хватало смелости, чтобы по-настоящему разобраться в тех творческих задачах, которые ставит Вс. Иванов и которые должны были бы увлекать театры.

Характерно, что одним из наиболее заинтересованных творчеством Вс. Иванова лиц был Вл. И. Немирович-Данченко, который, однако, также не был в силе преодолеть, скажем, в Художественном театре некоторое внутреннее противодействие пьесам Вс. Иванова. А между тем Вс. Иванов, обращаясь к любой своей новой пьесе, как бы заново открывает для себя особый жизненный и театральный мир. На первый взгляд трудно найти общие закономерности для таких различных пьес, как «Вдохновение» и «Двенадцать молодцев из табакерки». Как будто нет ничего общего между глубиной чувств «Блокады» и парадоксальностью «Двенадцати молодцев из табакерки». Вс. Иванов видит театр, может быть, не всегда стройно, но неизмен-

но свежо и не любит повторяться в приемах. Впрочем, это было видно уже по «Блокаде», столь сгущенно трагедийной после романтического и в то же время бытового пафоса «Бронепоезда». Театр делает для него зримым, ярким, объемным то, что он видит в жизни. Свое знание действительности, изучение прошлого он передает зрителю и читателю в форме, которая многим может показаться даже преувеличенной; романтический гиперболизм мышления Вс. Иванова выливается увлекательно и неожиданно. В нем живет неудержимое желание обострить сценическое положение, довести его до предела, может быть, даже сделать нарочито парадоксальным, он увлечен этим драгоценнейшим художественным заданием.

Но как бы ни были разнообразны приемы, какие бы новые жанровые формы ни искал Вс. Иванов, они неизменно вытекают из одного и того же источника творчества. Вс. Иванов крепко стоит на твердой, ароматной и побеждающей почве земли — все его пьесы органически вырастают из его соприкосновения с пышной, богатой, сияющей разнообразными красками жизнью. Его мощное мировосприятие не нуждается в украшательстве, тем менее в облегченности. Он любит всматриваться в жизнь и различает в ней краски, недоступные взору обычного человека. И как бы порой капризны ни были извилистые ходы его сценических построений, как бы лукаво ни глядел он порой на события, за этим лукавым и хитрым взором удивленного миром художника постоянно ощущается его мудрость, позволяющая ему так хорошо охватывать историю от Дмитрия Самозванца до нашей современности. «Парадоксальность» нужна ему для того, чтобы сделать основную мысль ясной, объемной, порой кричащей. Потому-то выбор формальных приемов Вс. Иванова поражает своим разнообразием. Но он упрямо идет по избранному пути. Его не смущает частое равнодушие театра к его пьесам; порой кажется, что он пишет их не в расчете на театральное представление, а для того, чтобы дать выход владеющему им творческому беспокойству: он принадлежит к числу драматургов, которые не могут не писать, которые убеждены в необходимости именно данной драматургической формы для выражения своих мыслей (только «Бронепоезд» был в какой-то мере инсценировкой). Это вовсе не означает, что драматургия Вс. Иванова принадлежит к печальной области «Lesedrama», драмы для чтения. Наоборот, сохраняя все литературные достоинства, его драмы требуют сценического воплощения; театр найдет в них неисчерпаемый, заразительный, хотя и нелегкий материал для победоносной работы.

Например, блистательную историческую пьесу «Двенадцать молодцев из табакерки» можно было бы определить — хотя бы по богатству и знанию языка тех лет — как удачнейшую стилизацию. Но первоначальное впечатление будет крайне обманчивым. Вс. Иванов как бы вжился в события, связанные со смертью Павла I, и видит весомо, зримо всех действующих лиц, участвовавших в драматиче-

ской концепции безумного императора. Это не стилизация языка и событий, это верность духу времени, это полнейшее проникновение в трагикомедию тех дней. Взамен мистической философии Мережковского или биографической фактографии других авторов события оценены с политической точки зрения в форме парадоксально-острой пьесы. Каждый из образов, начиная с фигуры самого Павла, показан в пьесе заново, во всех противоречиях, составляющих его сущность. Вс. Иванов впервые в драматургии вскрывает борьбу международных сил — Англии и Франции,— которые пытались сделать Россию игрушкой в своих руках. Нигде не подчеркивая своей тенденции, Вс. Иванов разоблачает их игру. Но за всеми дипломатическими и дворцовыми интригами стоит тема народа, народа, для которого борьба Демидовой и Беннигсена, Зубова и Павла является, по существу, призрачной. Эту трагическую комедию, наполненную сюжетно захватывающими сценическими поворотами, постоянно сопровождает, как лирическая струя, трагическая судьба певца — народного таланта, к которому безразлично относятся вершители судеб государства. Разрыв между миром придворным и миром народа обрисован в «Двенадцати молодцах» с поразительной силой. Вс. Иванов доходит в этой пьесе почти до фарса, чтобы затем наполнить пьесу лирическим содержанием. Он не боится резкого памфлета, как, например, в блещущей юмором сцене приема Павлом английского посла. Через линию народного певца, через казаков, побывавших в плену за рубежом, постоянно звучит тема доносящейся из Франции революции, тема Пугачева, будущих восстаний, которые разрушат призрачное царство, с такой ядовитой характерностью описанное Вс. Ивановым. Потому и сама пьеса теряет печать тяжеловесной исторической хроники, а приобретает необходимую свежесть, как будто бы читатель впервые становится подлинным современником событий, протекающих перед ним во всей их первозданности.

Вс. Иванов не осовременивает пьесу. Он обнаруживает подлинное чувство эпохи в целом и людей эпохи. Такова русская красавица, купчиха-авантюристка Демидова с ее дерзко-самонадеянной попыткой добиться русского престола; или холодно-расчетливый Беннигсен, противопоставленный широкому и безудержному темпераменту «молодцев из табакерки». Таков противоречивый, внезапный, почти изуверский характер Павла с его неоправданной мечтой о высоком призвании, с его пародией на рыцарство, с невероятным сочетанием жажды справедливости, политической прозорливости и одинокой человеческой тоски и чудовищно нелепого жестокого самодурства. Может быть, ни в одной другой пьесе Вс. Иванов не обнаружил такого исчерпывающего мастерства в построении сценических характеров, как в «Двенадцати молодцах». Щедро, почти расточительно рисует он русскую империю на рубеже веков — дыхание неизбежного бунта окутывает пьесу.

Но если для эпохи Павла Всеволод Иванов избрал такую неожиданную форму, то еще более неожиданной кажется построенная в двойном плане пьеса «Вдохновение»: люди нашей современности, простые киноактеры, снимающиеся в историческом фильме о Дмитрии Самозванце, внезапно во время съемки оказываются среди реальности тех лет. Современность, так сказать, опрокинута в историю. Прием как будто сам по себе не нов, но новы те художественные средства, которыми пользуется Вс. Иванов для преследуемой им цели.

Когда пьеса «Вдохновение» обсуждалась в МХАТ, она вызвала острые споры. Многим она казалась лишь «сказкой». Между тем в ней, так же как и в «Двенадцати молодцах», определилось умение Вс. Иванова видеть историю «свежими очами». Подобно тому как живыми стали образы Павла и Демидовой, Беннигсена и Орлова, так же ожили образы Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек. Дело отнюдь не в том, что люди нашей современности попадают в смешные пародийные положения (а таких легко приходящих в голову положений в пьесе, к счастью, не очень-то много), и не в примитивном противопоставлении наших людей людям прошлого,— затейливая форма пьесы, в которой одинаково реальны как прошлое, так и настоящее, нужна Вс. Иванову для того, чтобы показать извечное стремление народа к свободе, движению вперед, неукротимость русского характера. Мы не смотрим свысока и с пренебрежением на быт начала XVII века, наоборот, в ряде характеров мы видим неискоренимую талантливость русского народа.

Переплетая настоящее с прошлым, Вс. Иванов ни на минуту не упрощает приема.

Попавшие в далеко ушедшие времена наши современники принимают свое появление в далеких исторических обстоятельствах без столь ожидаемого удивления, но очень делово и обстоятельно, подобно тому как астролог Дмитрий хочет лишь проверить у новых кудесников точность их предвидения будущего, ничуть не сомневаясь во внезапно представившейся возможности. Двойной план проведен во «Вдохновении» крайне последовательно и до мелочей реалистически оправдан. Вс. Иванов чувствует себя при дворе Дмитрия так же уверенно, как и во дворце императора Павла. Он описывает атмосферу XVII века со вкусом и смаком. Жизнь эпохи взята широко, с размахом, и многие исторические факты (гибель Дмитрия) получают новое и убедительное освещение. Читатель с абсолютным доверием воспринимает окружение Дмитрия и мастерски описанные взаимоотношения Дмитрия и Марины. Его Дмитрий умен, образован, понимает толк в искусстве, но деспотичен, своеобразен и эгоистичен. Вс. Иванов пользуется избранным им театральным приемом для обозначения вольной силы народной. Совсем второстепенную роль играют в развертываемой неожиданной «сказке» знакомые исторические личности, подобные Шуйскому, немногими и точными штрихами обо-

значен Басманов. Но политическая канва (народ, шляхетство, боярство) прочерчена свежо и прозрачно, а тема народа получает первенствующее значение. Она — и в стремительном характере Натальи, и в русских умельцах, и в страстном боевом образе Конева, полного воли к справедливости. «Прошлое» возникает зримо, бытово, вплоть до точно описанного дня в поместье. Вс. Иванов дерзко смешивает «прошлое» и «настоящее» и выводит парадоксальный прием из области пародийной в план широких обобщений.

«Вдохновением» назвал свою пьесу Вс. Иванов. Она о вдохновении русского народа, о поэтической его натуре, о его мечте о будущем, о нетерпеливой борьбе со всем косным. Новый поворот драматургии Вс. Иванова — его стремление к созданию современной символической, вернее, философской, драмы.

При всей конкретности образов художественное мышление Вс. Иванова всегда направлено к обобщению. Его интересуют не единичные факты, а целостное явление. «Поле и дорога» могут сперва запутать читателя внезапностью положений и характеров. Судьба Даудова, сложного и оригинального человека, который задумал собрать встречных и непутевых людей для того, чтобы перевоспитать их, судьба его ненужного милосердия составляет основной сюжет пьесы.

Конечно, точно такого рода событие, вероятно, не случилось в жизни. Вс. Иванов строит экспериментальную пьесу, экспериментирует на судьбах людей. Его пьеса — полемика с философией всепрощения, с философией нравственного самоусовершенствования. Она сложна по фактуре. Это философская комедия, в которой со свойственной Вс. Иванову художественной щедростью он столкнул людей различных судеб. Вс. Иванов сгущает краски до предела. Идеалист, гуманист, великолепный труженик, мастер Даудов выходит в символическое «поле», чтобы вывести встречных неприкаянных, потерявшихся людей на дорогу труда, первоначально создав из них «семью», и тем вернуть их к прекрасной сознательной жизни. Но его самонадеянная мечта оказывается ошибочной, а их блуждания — поисками сытого благополучия. Он включает их в свою «семью» и становится предметом их издевательств. Он приводит их на завод — они устраиваются на сытное место в столовой, наслаждаясь ложью и обманом. Красивый, одинокий романтичный Лаптев оказывается лжецом, низким трусом и обманщиком. Так лопается мечта Даудова о перерождении человека. Не напрасно в ужасе отворачивается от выдуманной и призрачной «семьи» Даудова мечтающая о науке цыганка Хорошавка, и лицемерным оказывается его «подвиг» перед мужественной замкнутостью и честностью Мигулы. И Даудов приходит к выводу: одного не обидишь — можешь обидеть многих. Он обнаруживает беспощадную правду и в финале пьесы заявляет: «Я за смертную казнь». Вс. Иванов лепит образы с памфлетной беспощадностью, весело и зло.

Цикл пьес Вс. Иванова неотрывен от всего многолетнего, безостановочного творчества художника, неизменно ставившего перед собой новые и новые идейные и художественные задачи, от его многочисленных повестей и романов, очерков и мемуаров. Он и в драматургии остается тем же беспрестанно ищущим, требовательным писателем, который по праву своего ярчайшего таланта занял выдающееся место в советской литературе.

Павел Марков

БРОНЕПОЕЗД 14-69

Пьеса в четырех действиях,
восьми картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Капитан Незеласов — командир бронепоезда.
Прапорщик Обаб — его помощник.
Надежда Львовна — мать Незеласова.
Семен Семеныч.
Варя — отдаленная родственница Незеласовых.
Сережа — ее брат.
Вершинин — командующий партизанской армией.
Васька Окорок — секретарь штаба партизанской армии и затем командир полка партизан.
Петров — партизан, член партизанского штаба.
Пеклеванов — председатель ревкома.
Знобов — железнодорожник } *члены ревкома*
Семенов — матрос
Филонов — старый рабочий железнодорожного депо.
Син Бин-у — китаец.
Миша — студент.
Настасьюшка — жена Вершинина.
Начальник станции.
Никифоров — машинист бронепоезда.
Солдат.
Жена Пеклеванова.
Японец, выслеживающий Пеклеванова.
Дутченко — денщик Незеласова.
Первый рыбак.
Второй рыбак.
Патрульный.
Мужичонка.
Первый беженец.
Второй беженец.
Старичок.
Учитель.
Старушка.
Дама в манто.
Первая дама.
Баба.
Американец.
Мужик, сопровождающий американца.

Мужик в валенках.
Мужик с перевязанной щекой.
Старик.
Ветхий дед.
Первый артиллерист.
Второй артиллерист.
Евгеньев.
Молодой рабочий.
Связной.
Американский офицер.
Японский офицер.
Партизаны и партизанки, рабочие депо.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Раньше здесь, в центре города, был цветочный магазин, а теперь располагается семья Незеласовых. Вдоль стен широкие пустые полки, на которых еще валяются вставленные один в другой цветочные горшки с продырявленными донышками. Сквозь стекла зеркальной витрины, занимающей всю заднюю стену, видна улица, железнодорожные постройки, портовые сооружения, мол и море. Изредка у витрины кто-нибудь остановится, посмотрит тупыми, мертвыми глазами и затрусит дальше. Два солдата *вносят тюки, распаковывают их.* Надежда Львовна *тщательно и заботливо осматривает каждый тюк. Если ей встретится книжка, она ее вынет и отнесет к полочке, возле которой сидит капитан* **Незеласов**, *темноволосый молодой человек лет двадцати пяти, нервный и чрезвычайно честолюбивый.*

Надежда Львовна. Дутченко, Дутченко, сюда тащи... сюда... Осторожней... осторожней... Сашенька, ты знаешь, беженцы в город все прибывают. В каждом окне тюки, чемоданы, а все радуются. Ну и правильно: спокойствия добились. Значит, так *(считает вещи):* шестнадцать, семнадцать, восемнадцать — там, девятнадцать... Саквояж? Дутченко! Где мой саквояж?..

Входит Дутченко.

Дутченко. Який такой саквояж?

Надежда Львовна. Ну такой... коричневый... Ах, боже мой!.. Там у меня все!

Дутченко. Та у той комнати...

Дутченко *и* Надежда Львовна *уходят, она тут же возвращается с саквояжем.*

Надежда Львовна. Ну, слава богу, теперь, кажется, все.

Незеласов *(судорожно хватая и перелистывая книги).* Велик корабль Россия. И великое множество на нем крыс. *(Отбрасывает книгу.)*

Надежда Львовна. Какие крысы, Саша?

Входит **Семен Семеныч**.

С е м е н С е м е н ы ч. Надежда Львовна, Надежда Львовна!.. Здравствуйте, здравствуйте! Боже мой, как вы великолепно устроились!..

Н а д е ж д а Л ь в о в н а. Не правда ли, прелестный цветочный магазин? Другие устроились просто в неприличных местах.

С е м е н С е м е н ы ч. Александр Петрович, здравствуйте! Не угадаете, кого я сейчас встретил?

Н е з е л а с о в. Кого?

С е м е н С е м е н ы ч. Городского голову Преображенского Трофима Ефимовича. Бесстрашный человек. На собственной тройке от Самары до Омска бежал и только в Омске на поезд пересел.

Н а д е ж д а Л ь в о в н а. А я редиску хорошую на базаре нашла. Здесь нас, самарских, не любят, но мы обживемся! Упрекают: вы, говорят, эсеры, учредительное собрание!.. Какое там, прости господи, учредительное собрание!

С е м е н С е м е н ы ч. ...Да, общительный мужчина генерал Спасский! На парад торопится, а все же остановил экипаж и сигарой угостил.

Н е з е л а с о в *(опять перелистывая книгу)*. А новостью он вас не угостил? Пеклеванов бежал из тюрьмы.

С е м е н С е м е н ы ч. Кто такой Пеклеванов?

Н е з е л а с о в. О боже! «Кто такой Пеклеванов?» *(Читает.)* «Е в г а н е и. Племя, обитавшее в глубокой древности в северо-восточной части Апеннинского полуострова и вытесненное оттуда венетами». Вытесненное! Пеклеванов — это тот, кто вытесняет евганеев. И притом так вытесняет, что, пожалуй, и в словарь не попадешь, ха-ха! Из Самары вытеснили, из Омска вытеснили, из Иркутска вытеснили... и вот притиснули к Тихому океану!..

Н а д е ж д а Л ь в о в н а. Значит, хочешь — не хочешь, а вoюй. Дальше бежать некуда.

Н е з е л а с о в. Мама, где Варя?

Н а д е ж д а Л ь в о в н а. К генералу Спасскому обедать пошла.

С е м е н С е м е н ы ч. А оттуда всем семейством на парад. Американские, японские, английские, французские части... вся Европа и Азия! Слышишь, Саша? Американские войска маршируют.

Слышен марш. Все, кроме Незеласова, подходят к окну.

Красиво! Нет, теперь за Америкой мы, как за каменной стеной. Крышка и Пеклеванову и партизанам — всем им крышка!.. Гром победы, раздавайся!

Н е з е л а с о в. По-моему, бывать каждый день у генерала Спасского унизительно. Генеральша, помешанная на попах и кошках, дура. Вчера ангорского кота с хивинской кошкой спарили. Теперь ждут — чудо получится. А дядя Вяча — генерал Спас-

ский — переплетами увлекается, книжечки сшивает... Это в то время, когда вся тайга полна партизанами!.. Генерал Спасский — бездарность, трус и мерзавец!

Надежда Львовна. Саша!

Незеласов. Да, мерзавец! Кто прикрывал его отступление? Кто его выручил под Хабаровском? Я моим бронепоездом. Сейчас он хвастается своей дружбой с американцами. А кто помог спасению американской миссии возле Байкала? Кто вытащил вагон английского генерала Рокса, когда состав зажгли партизаны? Я! Все мои сверстники у атамана Семенова уже имеют генеральские чины, а я по-прежнему капитан. Моему бронепоезду отказывают в капитальном ремонте... Да-да, генерал Спасский боится моего решительного характера и моего бронепоезда. Но я ему еще покажу, где раки зимуют!

Семен Семеныч. Нехорошо так говорить о крупном начальстве, Александр Петрович. Генерал Спасский — личность необыкновенная. Да вот на днях идем мы с Варей по улице. Он нас встретил, остановил и спрашивает: «Семен Семенович, отчего у вас борода такая ровная?» — «Не могу знать, Вячеслав Алексеевич». А сам чувствую, что краснею, краснею... Мудрец! Да, знаете, мне службу обещали. Похвалили. Голос, говорят, у вас звучный. Ну что ж, голос у меня, может быть, и звучный, но при чем же тут голос?! Ведь это же не опера, не храм, а интендантское управление.

Слышен марш.

Надежда Львовна. Опять американские войска идут!

Семен Семеныч. Надо на них поближе посмотреть.

Надежда Львовна и Семен Семеныч уходят. Входит Обаб.

Обаб. Господин капитан!

Незеласов. А, Обаб! Здравствуйте!

Обаб. Я вас сегодня целый день ищу, господин капитан. На бронепоезде три раза был. Механиков туда нагнал, слесарей, артиллеристов человек полтораста. У американцев инструментов взял, материалы...

Незеласов. Зачем?

Обаб. Надо бронепоезд спешно ремонтировать. Вследствие приказа начштаба восточного фронта сего числа назначен я в ваше распоряжение.

Незеласов. Ко мне на бронепоезд?

Обаб. Так точно, господин капитан. *(Подает пакет.)*

Незеласов *(читает)*. Бронепоезд мой должен прикрывать воен-

ные действия американских и японских войск, направляющихся в тайгу против партизан?

Обаб. Да, так написано в приказе, господин капитан.

Незеласов. И действительно: все американские военные грузы могут идти только по железной дороге. Без прикрытия партизаны сожгут составы.

Обаб. Это уж они обязательно.

Незеласов. Да и поезда с американскими войсками надо прикрывать.

Обаб. Надо, надо.

Незеласов *(помолчав и сделав несколько шагов по комнате)*. А вам известно, Обаб, что из тюрьмы бежал Пеклеванов?

Обаб. Раз бежал, поймают.

Незеласов. Кто поймает?

Обаб. Люди генерала Спасского поймают. А они не поймают — японцы поймают. А японцы не поймают — американцы поймают.

Незеласов. А если все-таки никто из них не поймает? Если Пеклеванов снова поднимет восстание? Кто подавлял все восстания рабочих? Я и мой бронепоезд.

Обаб. Это верно, господин капитан!

Незеласов. Мне бы пора командовать гарнизоном. И в чине полковника, не меньше. А я по-прежнему капитан.

Обаб молчит.

Что же вы молчите, Обаб?

Обаб. Я передал приказ, господин капитан.

Незеласов. А знаете, почему все это происходит? Избавиться от меня хотят. Да, стекаем, Обаб, стекаем, как гной из раны...

Обаб. Сволочь бунтует, ее стрелять надо, а которые глупее — пороть.

Незеласов. Заклепаны вы наглухо, Обаб. Ничего до вас не доходит. Точка, Обаб, точка. Родина нас вышвырнула, а думали, нужны, очень нужны, до зарезу нужны. И вот расчет получен, да не расчет, а просто в шею!

Обаб. Мозгуете все, Александр Петрович, мозгуете. Вот атаман Семенов не мозгует — бьет.

Незеласов. Преодолеть что-то надо, Обаб, а вот что — не знаю, не пойму.

Обаб. Женщину вам надо, Александр Петрович, лучше хины.

Незеласов. Не знаю, может быть, может быть...

Обаб. Александр Петрович, мне сапоги надо заказать, а сроку сапожник возьмет не меньше месяца...

Незеласов. Да, раньше, чем через месяц нам выступить в тайгу не удастся. Пока ремонт бронепоезда...

О б а б. На ремонт — три дня...

Н е з е л а с о в. Пока поймаем Пеклеванова... Да я же, черт возьми, о вашем счастье позабочусь, а вы меня в тайгу тянете! Что?

Обаб молчит.

О б а б. Не будет ли еще каких распоряжений, господин капитан?

Н е з е л а с о в. Купите два фунта конфет.

О б а б. Слушаю, господин капитан. Какого сорта?

Н е з е л а с о в. А, все равно!

В дверях Обаб сталкивается с С е р е ж е й и В а р е й, держащей букет цветов.

В а р я. Обаб, добрый день! Куда?

О б а б. За конфетами.

В а р я. Возвращайтесь скорее чай пить.

О б а б уходит.

Саша, я сегодня веселая!

Н е з е л а с о в. Вот как! Отчего?

В а р я. Из-за тебя.

Входят Н а д е ж д а Л ь в о в н а и С е м е н С е м е н ы ч. Варя передает цветы Надежде Львовне.

В а р я. Тетя Надя! Вам.

Н а д е ж д а Л ь в о в н а. Мне? От кого же?

В а р я. Американский полковник спросил меня о капитане Незеласове. Я ответила, что капитан жив-здоров и живет со своей семьей. И тогда полковник просил меня передать этот букет матери капитана Незеласова, воспитавшей храбрейшего сына, которого знает и уважает вся Америка.

С е м е н С е м е н ы ч. Неужели вся? Ну, Александр Петрович, ты шагнул!

В а р я. Ах, господа, какой духовный подъем! Когда прошли американские войска и за ними двинулись наши белые дружины Святого креста, весь город начал сбор пожертвований! Победить большевиков или умереть. Генерал Спасский последнее столовое серебро пожертвовал.

С е р е ж а. А епископ Макарий — крест, осыпанный бриллиантами.

В а р я. Я тоже не вытерпела и отдала свое последнее бриллиантовое кольцо.

Н е з е л а с о в. Разве у тебя два кольца! Какое же это у тебя на пальце?

В а р я. То есть я хотела отдать, но еще не отдала. Завтра отдам не-

пременно. Да, господа! Поздравьте Сережу. Он вступил в дружину Святого креста.

Варя и Сережа *(поют)*.

Марш вперед, Россия ждет
Счастья и отрады!
Марш вперед, трубят в поход!
Красным нет пощады!

Сережа. Епископ Макарий сам будет командовать дружиной Святого креста!

Варя. Вы представляете, господа, когда епископ Макарий наденет высокие охотничьи сапоги и сядет верхом на лошадь... Это будет внушительно. Именно об этом говорили весь обед у Спасских. Да, господа, на площади было страшно торжественно. Играли три оркестра — американский, японский и наш. Генерал Спасский прекрасную речь сказал. Как это... Да! Он сказал, что раньше Россия не была в крестоносцах, то есть не ходила к гробу господню, а теперь гроб господень перенесен в Москву, и на Москву крестовым походом пойдут все народы, и что впереди всех пойдет он, генерал Спасский...

Незеласов. Ну, и глупо сказал.

Варя. Что?

Незеласов. Глупо сказал.

Варя. То есть я могла перепутать, но он говорил очень и очень умно. Штатские ему хлопали, а войска кричали «ура».

Семен Семеныч. Достаточно убедительно. А любопытно, Варенька, каков у Спасских обед был? Здесь едят совершенно удивительные вещи. Например, я читал в ресторане: соус Беже.

Варя. Соуса Беже быть не может. Такого слова даже нет. От слова беженец, что ли? *(Поет вместе с Сережей.)*

Довольно быть беженкой —
С ружьем собирайся.
Довольно быть неженкой —
В поход отправляйся.
Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И, как один, прольем
Кровь молодую...

Сережа выходит. Варя отходит от пианино и идет к Надежде Львовне.

Тетя Надя, знаете, у кого я буду новое платье шить? У мадам Фанни!

Надежда Львовна. Как! Она здесь?

Варя. Здесь. Я ее на параде встретила.

Надежда Львовна. Адрес взяла?

Варя. Еще бы!

Незеласов. И о мадам Фанни тоже на обеде у Спасских говорили?

Варя. Ах, не беспокойтесь, пожалуйста, капитан Незеласов! Я не такая глупая, чтобы на званом обеде о платьях говорить. Я говорила о родине и о вас.

Незеласов. Обо мне?

Варя. Да, о вас.

Незеласов. Спасибо за память.

Варя играет.

И я тоже думал о тебе, Варя. Стоял утром у моря, смотрел, как рыбачьи лодки подплывают. Море кидалось к моим ногам, ревело. И в тот момент, когда я подумал о тебе, оно знаешь что выбросило к моим ногам? Щепу.

Варя. Щепу?

Незеласов показывает щепу.

Я — щепа? Капитан Незеласов, не нужно символизма. И, кроме того, вы скоро услышите, что щепа-то эта строит вам дом и счастье. *(Надежде Львовне.)* Тетя Надя, мебельщики не приходили?

Надежда Львовна. Жду с часу на час. Здесь мы выгородим перегородку для Саши, здесь для тебя, а это будет у нас гостиная.

Входит Сережа с крестом на груди.

Сережа. Каково, а?

Семен Семеныч. Красиво! Хоть и молод ты для формы...

Сережа. Все крестоносцы будут так одеты.

Семен Семеныч. Неужели и сзади тоже крест?

Входит Обаб.

Обаб. Что значит настоящие коммерсанты! Во всех магазинах — американские конфеты.

Сережа. Знаете, Обаб, мы, дружинники, все будем с крестами.

Обаб *(медленно соображая)*. С какими это крестами?

Сережа. На груди огромные кресты из белой материи. И будто бы партизаны угрожают, что вырежут нам кресты на груди ножом...

Обаб. Нет! Мужики к этому делу непривычны. Кожу человеческую тоже резать надо умеючи.

Варя и Сережа *(поют)*.

Смело мы в бой пойдем
В святой дружине
И, как один, прольем...

Незеласов. Дружины Святого креста! Крестоносцы! Пять тысяч верст вы бежали к Тихому океану лишь для того, чтобы выдумать эти дурацкие дружины Святого креста!

Варя. А ты что, разве не бежал с нами? Ты что, упал с неба?

Надежда Львовна. Варя!

Варя. Нет, тетенька, я ему сейчас все скажу. Да, на обеде у Спасских говорили о вас, капитан Незеласов! И не я... Я лишь начала. Говорили все союзные офицеры: американские, французские, японские, английские. Вас считают самым умным, смелым и непреклонным. Ваш бронепоезд — пример для остальных бронепоездов армии! Без вашей помощи союзные войска не смогут проникнуть в тайгу, разбить партизан.

Обаб. Верно!

Незеласов. Ах, вы не понимаете ничего! Евганеи...

Варя *(берет за руку Незеласова и отходит с ним в сторону)*. Саша! Ты на пороге счастья. Союзники вспомнили твои подвиги. Разве генерал Спасский посылает тебя в тайгу? Американцы. Сибирь будет принадлежать не генералу Спасскому, а им. Помоги им раздавить партизан — это займет немного времени,— а там возвращайся, сбрасывай Спасского и сам становись на его место. Мне именно на это намекнул полковник, передавший букет для тети Нади. Ну, что, разве я напрасно обедала у Спасских?

Незеласов берет щепу.

Ты что, Саша?

Незеласов. Кажется, я действительно был дураком, когда сравнивал тебя со щепой. *(Идет к столу, по дороге выбросив щепу в дверь.)* Господа! Я ошибался. Пеклеванов — вздор. И затем, какое там восстание, когда город полон американских и японских войск? Прапорщик Обаб!

Обаб *(вскакивая и вытягиваясь)*. Слушаю, господин капитан!

Незеласов. Прапорщик, доложите генералу Спасскому, что я благодарю его за доверие и выполню его приказ.

Одобрительный шум. Семен Семеныч лезет к Незеласову целоваться.

Семен Семеныч. Сереженьку-то, может быть, с собой возьмете, Александр Петрович! Ведь какая карьера!

Сережа. Возьмите меня!

Обаб. Александр Петрович! Сапоги-то, выходит, мне не шить?

Незеласов. Дарю лучшие сапоги с лучшего партизанского командира. В тайгу, Обаб, в тайгу!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Порт. В море огоньки кораблей. Вдоль стены мола рельсы. На молу и внизу, возле рельсов, фонари. Вечер.

На тумбе, возле какого-то якоря и кучи толстых цепей, сидит Миша, бедный и больной студент. Гуляют редкие парочки, и для них-то Миша играет на флейте. У ног его фуражка, где лежит несколько монет.

Входят первый и второй рыбаки.

Первый рыбак. Патрули не проходили, играющий?

Миша. Если б патрули прошли, меня бы прогнали отсюда.

Второй рыбак. Из бедных, видно. Никита Егорыч не проходил?

Миша. Я не знаю никакого Никиты Егорыча.

Первый рыбак. Вершинина?

Миша. Не знаю.

Первый рыбак *(вглядываясь)*. Никак военный? Уйти от греха.

Уходят.

Входит Знобов, он в форме военного матроса.

Знобов *(садится возле Миши)*. А ты все играешь, студент? Поздно.

Миша. Дома тоже тоскливо и голодно.

Знобов. Та-ак. Вершинина не видел, случайно?

Миша. Я не знаю никакого Вершинина.

Знобов. Большой мужик, умный, правду ищет. Под его влиянием несколько волостей. Мужики с ним в шаг идут.

Миша. Недолго, значит, проживет ваш Вершинин.

Знобов. А что?

Миша. Американцы сюда для того и приплыли, чтоб побольше таких русских правдоискателей перестрелять.

Появляется Обаб, важный и серьезный.

Обаб. Матрос! Ты чего ночью тут?

Знобов. Виноват, ваше благородие. Любовное свиданье.

Обаб. Доложи своему командиру — два часа под ружье.

Знобов. Есть, ваше благородие.

Обаб *(Мише, который наигрывает на флейте)*. А ты чего воешь? И еще студент. Студенты все должны воевать.

М и ш а. С одной стороны, болен, с другой — не сочувствую.
О б а б. Кому?

Миша молчит.

Кому, говорю, не сочувствуешь, крыса, кому?

З н о б о в уходит.
Входит В е р ш и н и н с женой Н а с т а с ь ю ш к о й. Вершинин, несмотря на теплый вечер, одет почти по-зимнему, на нем шапка. Степенный, лет сорока пяти крестьянин, он полон внутреннего, неколебимого достоинства, приправленного легким, подчас еле уловимым юмором. Он несет какие-то рыболовные снасти. Жена его Настасьюшка, с которой он обращается нежно и ласково, моложе его лет на десять; одета она по-крестьянски франтовато, но не пестро; руки ее полны игрушек, и, улыбаясь, видимо, думая о детях, она часто подносит к уху жестяную, ярко раскрашенную погремушку.

В е р ш и н и н *(жене)*. Глядь, Настасьюшка, как их благородье-то командует. А ведь он, кажись, земляк? Здорово живете, Иван Аристархович.
О б а б. Здравствуй... Вершинин.
В е р ш и н и н. В дорогу отъезжаешь?
О б а б. Да, с бронепоездом. Возле порта стояли, а теперь надо и другие кое-какие места проверить. А ты сюда по каким делам?
В е р ш и н и н. По каким делам? Мне почудилось: по каким тропам? Нонче тропки-то в разные стороны бегут. Запутались. И люди, которые позлей, сильно запутались, Иван Аристархович.
Н а с т а с ь ю ш к а *(пытаясь отвести разговор в сторону)*. И саблю вы получили, Иван Аристархович, справную саблю, хозяйственную. Девки-то, поди, льнут?
В е р ш и н и н. Сабля?.. Сабли, они тоже по-разному достаются. Был мужик одного со мной села. Зажиточный мужик был. Ну, помри его отец, и подумал тот мужик: поеду-ка я в город торговать. Торгует. А тут война, товаров меньше. Невыгодно! И пошел тогда мужик тот в фельдфебеля, а там и в офицеры произошел. В поручики из фельдфебелей попал, а, Иван Аристархович?
О б а б *(гордо)*. Пока прапорщик.
В е р ш и н и н. Ну-ну. Некогда мне звездочки-то в небе считать, не то что у разных там усмирителей. В кавалерии служишь, Иван Аристархович?
О б а б. Говорят тебе, в бронепоезде!
В е р ш и н и н. А, по-моему, в кавалерии веселей. Падать, так хоть с коня, а не с вагона.
О б а б. Все зубы скалишь, Вершинин? Перестань!

Настасьюшка. Никита Егорыч, нам надо идтить. Не пришел, вишь, твой знакомец-то.

Вершинин. Придет. А я пока с этим знакомцем поговорю. Иван Аристархович, а ты не помнишь, как я тебя за скирдами порол? За курицей ты моей вместе со своим псом гонялся. Я тебе говорил: «перестань», а ты ее палкой зашиб. И до теперешнего времени деньги за курицу не уплачены.

Обаб. За курицу? Сколько тебе за курицу?

Вершинин. За курицу аль за то, что я тебя порол?

Обаб *(поняв насмешку)*. Цыц! С кем разговариваешь? Смотри, Вершинин, а то ведь я могу...

Вершинин. Не научился ты орать-то. Плохо орешь, совсем плохо. «Могу»! Не много ты сможешь, Иван Аристархович. Мыслей на многое у тебя не хватит. Вот и сабля у тебя остра и рука, быть может, сто пудов подымет, а я стою перед тобой не разрубленный.

Обаб. Очень мне надо тебя рубить... И без тебя хлопот... Ты только посмей у меня с партизанами снюхаться... раздавлю! *(Уходит.)*

Вершинин. Не велика пакость, а сколько, гляди, от нее вреда!

Входит Знобов.

А, вот и Знобов! Садись, господин Знобов, садись рядом да говори. Я, тебя ожидаючи, тут с одним земляком тоже поговорил...

Настасьюшка. Да почти и порубились.

Знобов. Неприятное скажу, Никита Егорыч.

Вершинин. А ты знаешь что: ты меня в свои неприятности не мешай. Ты меня в приятности введи. Впрочем, где теперь ждать приятного? На город посмотришь — весь в чужом народе. Американцы, англичане, японцы... чего им надо?

Знобов. Россию под себя забрать.

Вершинин. На деревню взглянешь — народ смутный, тоскливый, скучный. Чуть отвернешься от него в сторону, он со скуки самогон начинает гнать. Какая неприятность-то?

Знобов. Военная.

Вершинин. Слышал, восстанье маленькое поднимали?

Знобов. Да, возле тюрьмы. Пеклеванова надо было освободить.

Вершинин. Освободили?

Знобов. Освободили.

Вершинин. Слыхал я о нем. Справедливый, говорят, человек. Отправили его куда?

Знобов. Да еще не отправили.

Вершинин. Надо отправлять.

Знобов. Надо. Ловят. Тридцать тысяч за голову назначили.

Вершинин. Дорогая голова.

З н о б о в. Вот и говорим, что не каждому ее можем доверить!

В е р ш и н и н. Где каждому!

З н о б о в. Тебе бы, Никита Егорыч, партия эту голову доверила. На заимку, в тайгу спрячешь?

В е р ш и н и н. Да господь с тобой, Знобов! Да как же я могу в вашу войну ввязываться? Наша душа — крестьянская, мирная. Мы соху, землю, море да лодку только и знаем. Куда нам воевать? Зачем?

Н а с т а с ь ю ш к а. Наша душа — крестьянская, хозяйственная, мирная, господин Знобов, нам воевать не годится.

В е р ш и н и н. И люди мы неученые, неграмотные, а семья у меня вышла крупная: не считая стариков, жена, племяши да своих робят двое — Митька да Сашка.

Н а с т а с ь ю ш к а. И, ведь сказать, робята! Такие все к жизни справные...

В е р ш и н и н. Робята ничего, обходительные, веселые. Надо им это веселье сохранить, а как? Вокруг нас — тайга, горы, реки, а дальше взглянешь — земля бушует... Вот тут-то неграмотный и разберись!

З н о б о в. Считаете вы себя, Никита Егорыч, неграмотным, а жизнь видите лучше иного грамотного.

В е р ш и н и н. Нет, нет, ты меня в войну не тяни.

З н о б о в. Война мимо вас пройдет, Никита Егорыч. Видно, такое ваше счастье. Только слышал я, на вашу волость японцы с одного края заходят, а с другого — американцы. Восстали ваши мужики, что ли?

В е р ш и н и н. Нет. Какое там восстание? Никакого восстания не было. Так, двух милиционеров по пьяному делу кокнули. Нет, никакого восстания у нас нету.

З н о б о в. Ну, нет так нет. А мы вот в городе непрерывно восстаем. *(Помолчав.)* Когда Пеклеванова освобождали... брат у меня погиб, Никита Егорыч.

В е р ш и н и н. Павлуша?

З н о б о в. Павлуша.

В е р ш и н и н. Да ведь ему и семнадцати, поди, не было? Зачем же ты, Знобов, такого молодого пустил?

З н о б о в. Смелость, она годами не измеряется, а чтоб Пеклеванова освободить, нужны были смелые люди.

В е р ш и н и н. Славный парень был Павлуша-то. Ах ты, владычица! Ну, царство небесное.

З н о б о в *(помолчав)*. Никита Егорыч!

В е р ш и н и н. Не могу я, Знобов. Пойми ты, ради Христа, не могу... Ну зачем я буду военных прятать? Я-то ведь не воюю. Я — мирный. *(Помолчав.)* Другое дело... пройдет мимо заимки, по тайге, странник какой... такой, что мимо нас, вроде, сейчас прой-

дет. Ну, такого я пожалею, пущу, кормить и защищать буду и, хоть мильён за него обещай,— не выдам. Да понял, что ли?

З н о б о в. Понял. Пройдут мимо тебя странники, Никита Егорыч, пройдут. *(Уходит.)*

Вершинин сидит задумавшись. Поодаль играет на флейте Миша.

Н а с т а с ь ю ш к а. Мягкое в тебе сердце, Никита Егорыч.

Молчание.

Глянь-кось, Никита Егорыч, и китаец твой идет.

Входит китаец С и н Б и н - у с мешком. Неслышно шагая, идет и садится возле Настасьюшки. Они разговаривают шепотом.

Родных-то в городе, выходит, не нашел?

С и н Б и н - у *(выговаривая «р», как «л», «ч» и «ш», как «с»)*. Нисиво нету. Нисиво нету. Моя на тюльма ходила Пеклеванова освобождать.

В е р ш и н и н. И ты ходил?

С и н Б и н - у. Больсевикам вместе ходил. Наса дом, фанза, нетю. Родны все умирай. Моя одна остался. Амеликанза меня тюльму садить нада.

В е р ш и н и н. Тебя в тюрьму?

Н а с т а с ь ю ш к а. В городе, выходит, Синбину, нельзя тебе работать.

С и н Б и н - у. Нельзя. Мой злой есть. Моя японза, амеликанза воевать есть. Моя Никита Еголысь воевай вместе!

Н а с т а с ь ю ш к а *(смеясь)*. Да чего Никите Егорычу воевать? Работы он тебе, Синбину, достанет, а воевать он не будет. Ты и не жди.

С и н Б и н - у. Амеликанза, японза Китай забилайла. Амеликанза, японза Сибил у Лоссия забилайла. Моя Никита Еголысь воевай вместе!

Н а с т а с ь ю ш к а. Ну, и рассердился же ты, Синбину!

С и н Б и н - у. Моя сильна силдитый есть!..

Н а с т а с ь ю ш к а. Никита Егорович! Смотри-ка, наши!

В е р ш и н и н. Верно, наши.

Входят п е р в ы й и в т о р о й р ы б а к и.

В е р ш и н и н. Вы что, робята?

П е р в ы й р ы б а к. Никита Егорыч, тебя ищем.

В т о р о й р ы б а к. Для горя, Никита Егорыч.

Н а с т а с ь ю ш к а. Для горя, мужики?!

В е р ш и н и н. Для какого горя?

П е р в ы й р ы б а к. Беда, Никита Егорыч. Волость послала за тобой.

Вершинин. Ну, коли волость послала, значит плохо. Говори все.

Первый рыбак. Все и скажу, хоть тяжко... Окружают наше село антервенты, ставят пулеметы. Под вечер мы с пашни идем, нас, значит, пулеметами и встречают. И в старого и в малого, не глядя.

Настасьюшка. И в малого, говоришь?

Первый рыбак. И в малого.

Второй рыбак. И в малого.

Вершинин. И в малого?.. Да что же это такое, господи!.. По ком панихиду-то служили из моих?.. Которого?..

Первый рыбак. Как мы с моря вернулись, ваш тятенька, Егор Иваныч, по детям вашим панихиду служили. И Митю, значит, и Сашеньку поминали.

Настасьюшка. Мамынька!.. Панихиду по Митеньке!.. Мамынька, милая, ро́дная, кровная мамынька!..

Вершинин. И Митю, говоришь, и Сашеньку? Обех?

Второй рыбак. Обех.

Первый рыбак. Скирды-то наши горели прямо будто с плачем. Двое суток зарево стояло, из сопок видно. Мы всей волостью с сопок это глядим, а они горят, пышут. Ветер подул, и в нашу сторону дым несет. Дым-то, Никита Егорыч, хлебом пах.

Второй рыбак. Разорвешь ты всем сердце своими жалобностями.

Настасьюшка *(причитая)*. Детушки мои милые, детушки мои кровные, побили-постреляли вас злодеи лютые, а такие вы были веселые да обходительные, такие к жизни справные...

Вершинин. Уведите Настасью-то... В лодку ее... Я следом приду...

Рыбаки уводят Настасьюшку.

А ты, Никита Егорович, рыбу привез продавать... Обновы покупал... Дудки ребятишкам... *(Смотрит на Мишу.)* Ишь, воет дудка...

Входят Пеклеванов и Знобов.

Пеклеванов. Как вы думаете, вот этот студент, что на флейте играет, шпик?

Знобов. Похоже на то, товарищ Пеклеванов.

Пеклеванов. Так вот запомните: шпики никогда так не играют. *(Передает монету.)* Дайте ему полтинник.

Знобов отходит к Мише.

(Подсаживаясь к Вершинину.) Здравствуйте, Никита Егорыч.

Вершинин *(не поднимая головы)*. Здравствуй, добрый человек.

Пеклеванов. Я — Пеклеванов.

Вершинин (*не поднимая головы*). Знаю.

Знобов (*издали, тихо*). Странник.

Пеклеванов. Да, в странника приходится превращаться. Наука. Впредь умей лучше воевать.

Вершинин. А за что ты воюешь?

Пеклеванов. За мир.

Вершинин. И мне мир?

Пеклеванов. Всем, кто трудится. Пахарю, как вы, Никита Егорыч. Рабочему, как вон Знобов. Но мир — великий мир труда и социализма — придет через большие битвы. Наука, как побеждать интервентов, помещиков и буржуазию, — очень тяжелая наука. Здесь очень многому нужно учиться. Скажем к слову, Никита Егорыч, вот у вас влияние на целый уезд, а ведь, возможно, таблицы умножения вы и не знаете.

Вершинин (*не поднимая головы*). Не знаю, брат. Угадал.

Пеклеванов. А ее надо знать с шести-семи лет. Детьми надо знать.

Вершинин. Детьми?! Вот мои бы дети... они бы...

Пеклеванов (*вглядываясь в него и схватив его за руки*). Что случилось с вашими детьми, Никита Егорыч?

Син Бин-у (*подходит, тихо Пеклеванову*). Американза, японза его дети убивай есть.

Знобов. Интервенты вторглись в их волость, Илья Герасимыч!

Пеклеванов (*Знобову, горячо*). А вы еще настаиваете, чтоб я скрылся в тайге? Американцы и японцы будут убивать в деревне и в городе беззащитных детей и женщин, а я буду сидеть в тайге?! Американцы и японцы будут захватывать Россию, уничтожать ее народ, сжигать ее великую культуру, а я буду отдыхать в тайге?! Нет! (*С силой.*) Надо скорее готовить восстание. Поголовное восстание. (*Знобову.*) Таково последнее решение ревкома.

Знобов. Илья Герасимыч, кругом ходят патрули, ваш голос весь город знает...

Пеклеванов. И, однако, восстание! Никита Егорыч! Крестьяне действуют разрозненно. Будем большевиками: давайте соединять их в армию. Соединив, выйдем на железнодорожную линию, перережем ее, интервенты испугаются, хлынут назад, а тут их встретит восстание в городе! (*Знобову.*) Да, восстание! Поднимайте крестьян, Никита Егорыч, идите к городу. Не знаю, встречу ли я вас сам, но клянусь жизнью, победившая революция встретит вас с торжеством. (*Знобову.*) Где там уж странники! Мы воины, а не странники!

Вершинин. Были странники, да все вышли. И жизнь была, и дети были, и дом, и уваженье, и хозяйство. А вчера моим домом японцы да американцы небо освещали! Огонь-то хлебом кресть-

янским дышал. Да хлебом ли одним! Детей моих сожгли вместе с хлебом. Туда, в небо, дымом!

П е к л е в а н о в. Огромное горе у вас, Никита Егорыч! И как я его понимаю, ах, как понимаю!

З н о б о в *(вглядываясь)*. Патрули. Иду задерживать, Илья Герасимыч!

П е к л е в а н о в. Не нужно задерживать. Разговор окончен.

В е р ш и н и н. Окончен разговор, парень. Спасибо тебе, Илья Герасимыч, справедливый человек. Поговорил я с тобой, и стало у меня на душе светлей. Без тебя бы мне... тьма...

П е к л е в а н о в *(смущенно)*. Ну что вы... *(Достает револьвер.)* Возьмите, сгодится. Возьмите, как удостоверение или, фигурально выражаясь, мандат. Идите и не сомневайтесь. Самое страшное в нашем деле — сомнение. *(С силой.)* Двигайтесь навстречу восстанию! До свиданья, друг!

П е к л е в а н о в и З н о б о в уходят. Неподалеку от Вершинина, не замечая его, проходит Н е з е л а с о в, держа в руках собачку. Рядом с ним, смеясь, идут а м е р и к а н с к и й и я п о н с к и й о ф и ц е р ы. Позади д е н щ и к с вещами.

В е р ш и н и н *(поднимая и опуская револьвер)*. Упулить или обождать? Нет, подожди, Никита Егорович. *(Мише.)* Эй ты, тоска-игрок, ты таблицу умножения знаешь?

М и ш а. Конечно. Я в техническом учился.

В е р ш и н и н. А как кличут?

М и ш а. Конечно, Миша.

В е р ш и н и н. Ну, Миша так Миша. Я гляжу, ты тоже неустроенный?

М и ш а. Неустроенный.

В е р ш и н и н. Ну вот что, Миша, пошли!

М и ш а. Пошли.

В е р ш и н и н. Синбину, пошли.

В е р ш и н и н, С и н Б и н - у и М и ш а уходят. Пауза. На вершине мола появляется п а т р у л ь н ы й.

П а т р у л ь н ы й. Эй, в море, кто идет? Стой! Кто идет?

В е р ш и н и н *(издали)*. Мужик пошел. Побаивайся!

П а т р у л ь н ы й. Стой! *(Стреляет.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Железнодорожная станция в тайге. Лес и горы близко подступили к станции, и оттого бревенчатое здание ее, крытое бурым железом, выглядит, несмотря на яркий солнечный день, довольно мрачно. Вдоль палисадника, окружающего станцию, выстроились очередью беженцы. Они стоят, быть может, не столько надеясь получить кипяток, сколько узнать, что творится около станции и в тайге. Где-то недалеко дышит паровоз бронепоезда.

Дама в манто. Господа, вы не знаете, почему остановился бронепоезд?

Первый беженец. На двадцатой версте разобран путь.

Второй беженец. А от нашего состава отцепили паровоз.

Старичок. Но где же американские войска? Почему всюду разговоры о партизанах, о Вершинине?..

Учитель. Господа, соблюдайте душевное равновесие, это залог здоровья и успехов. В конце концов, безопаснее всего на станции, а не среди тайги.

Входит начальник станции.

Дама в манто. Господин начальник станции, почему здесь остановился бронепоезд 14-69?

Начальник станции. Позвольте мне пройти.

Дама в манто. Не партизаны ли вокруг зверствуют?

Начальник станции. Отстаньте от меня! *(Уходит.)*

Старушка. Дымом пахнет. Это Вершинин поджег тайгу. Мы сгорим заживо.

Старичок. Говорил я, Анна Петровна, останемся дома. Там тоже пекло, но хоть в своем именье.

Дама в манто. Ясно, Вершинин приближается. Конец!

Учитель. Господа, что интеллигенции требуется доказать? Свою умственную выдержанность. Вершинина не существует. Думайте, что он абстракция.

Старушка. Нужно думать, как вывезти нас из тайги, а не о том, чтоб только чай пить, только чай пить!

Входит Обаб.

Обаб. Эй, вы, чревовещатели, марш по теплушкам!

Входит Незеласов.

Незеласов. Обаб! Час назад я распорядился, чтоб трогался бронепоезд.

Обаб. Извольте корреспонденцию, господин капитан!

Незеласов *(просматривая телеграммы)*. Но не для получения же корреспонденции мы стоим здесь два часа?

Обаб. Проверяем путь. Кое-где провода перерезаны. Думаю, партизаны..

Незеласов. Для меня не существует: «думаю». Для меня существует: «знаю». Партизаны? Путь разобран? Немедленно составить ремонтную группу! Под усиленным казачьим конвоем поместить в соседний с паровозом вагон! Набрать воды, угля. Быстро!

Обаб. Слушаюсь, господин капитан! *(Уходит.)*

Входят начальник станции и беженцы.

Начальник станции. Беженцы требуют, господин капитан...

Беженцы. Просим, просим.

Начальник станции. Беженцы требуют, чтоб их поезд везли к городу, господин капитан... а у меня насчет пути совершенная...

Незеласов. Совершенная каша у вас в голове! Через десять минут мой бронепоезд пройдет и расчистит путь и сможете отправить беженцев дальше. *(Кладет депеши рядом с собой на скамью, подзывает щенка и играет с ним.)* Иси, иси, дурачок! Глаза умные, а сам ни черта не понимает.

Начальник станции. С людьми тоже так же бывает, господин капитан.

Незеласов. Особенно с такими ротозеями, как вы.

Входит Обаб.

Казаки вернулись с объезда? Партизаны на линии замечены?

Обаб. Настроение мужиков враждебное.

Начальник станции. Совершенно враждебное, господин капитан!

Незеласов. Я спрашиваю вас не о настроениях, тем более мужицких, а я спрашиваю вас: замечено ли на линии движение партизан? Я должен рассеять это движение. *(Показывая депешу.)* В депеше значится, что к станции с минуты на минуту должны прибыть американские и японские составы. *(Начальнику станции.)* Есть у вас доказательство приближения американских поездов?

Начальник станции. Телеграфные провода перерезаны, господин капитан.

Незеласов. Но я приказал послать вместе с казаками связистов. Послать ко мне казаков!

Молчание.

Обаб! Где казаки?

Обаб. Перебиты, господин капитан.

Незеласов. А связисты?

Обаб. Перебежали к противнику.

Незеласов. Мост на двухсотой версте охраняется?

Обаб. Охрана есть, но жива ли она — неизвестно.

Незеласов. Послать два взвода из резерва бронепоезда! Послать по линии связистов! Срочно добиться связи с американским командованием! За неисполнение приказа — расстрел.

Обаб *(начальнику станции)*. Слышал? Ну, смекай, Гаврила.

Начальник станции *(телеграфисту в окошко)*. Срочно добиться связи с американским командованием. Фу-у... как бы мне этот проклятый бронепоезд отправить? *(Уходит.)*

Входят Син Бин-у с корзиной семечек, первый и второй рыбаки.

Син Бин-у *(оглядываясь)*. А, знакомый места. Я плииска, лаботал, ехал мимо-мимо. Кипяток здесь бели, кусай. Я садись? Где я садись?

Первый рыбак. Сюда садись, китай, здесь виднее все.

Второй рыбак. Да подороже торгуй, чтоб Никите Егорычу убытку не было.

Син Бин-у. Моя сильно злой есть, моя холосо толговать буди.

Рыбаки уходят.

(Берет в горсть семечки и ссыпает их обратно в корзинку, приговаривая.) Э-э, семиска ести. Сибко холоси семиска ести, покупайла! Семиска!..

Входит Никифоров — машинист бронепоезда.

Никифоров *(хмурый, неторопливый и, видимо, очень недалекий умом)*. Сыпь. Два стакана.

Син Бин-у *(насыпает два стакана)*. А деньги?

Никифоров. Чего?

Син-Бин-у. Деньги.

Никифоров. Патент имеешь?

Син Бин-у. Патента? Нету. Семиска много у белый баска. У-у... сибалситы...

Никифоров. Чего шебуршит, где?

Син Бин-у. Голова сибалситы много, а думать мало.

Никифоров. А тебе, что же, камень чтобы в голове лежал?

Голос Незеласова. Старшего фейерверкера ко мне в вагон! Живо!

Син Бин-у. Это кто есть?

Никифоров. Капитан Незеласов, командир бронепоезда. Понял? Он вашего брата вне всякого закона шлепнуть может.

Син Бин-у. Да, может. Блонепоезда все лусский офицела ести? Амеликанский офицела нетю? Японский нетю? Английский нетю?

Никифоров. А тебе зачем?

Син Бин-у. Белый русский офицела семиска покупай ести, его семиска кусай. Амеликанза, японза, инглиз семиска кусай нету. Моя сибко толговай хосу.

Никифоров. Дурак ты, как я на тебя посмотрю. Кабы тут американцы были, они б тебя давно — ак, ак! У них насчет Азии это скоро.

Син Бин-у. Сколо, сколо, да. Азия их тоже сколо, сколо — да?..

Никифоров. Чего?

Син Бин-у. Я амеликанза, японза ожидайла. Она семиска все у меня покупайла?

Никифоров (*передразнивая*). Всю корзину твою покупайла. Эх, жаден ты, вижу! Из крестьян прифронтовой полосы без патента торговать тут бы никто не осмелился.

Син Бин-у. Моя плиска лаботай. Японза... фанза моя... сжигала. Жена, дети убивала... моя одна остался... голода ходила — тоже никого нетю... моя семиска стала толгую...

Никифоров. Жалко, что и тебя японцы не прикокошили.

Син Бин-у. Да, жалко, жалко... Блонепоезд много солдат остался, много моя семиска покупай будет? Семиска моя много плинести надо?

Никифоров. По стакану если каждому, стаканов сто надо. Да ведь все равно ни копья тебе не заплатят, ха-ха!

Вбегает начальник станции.

Начальник станции. Господин прапорщик! Американское командование у аппарата! (*Уходит в станцию.*)

В здание станции поспешно входит Обаб.

Син Бин-у. Командила блонепоезда ести? Сибко селдитый командила, у!.. Белый командила много блонепоезда ести?

Никифоров. А тебе чего от меня надо? Ты чего все выспрашиваешь?

Син Бин-у. Сибко жалко капитана. Капитана мало блонепоезда, спать, есть плохо. Кокаина надо. Моя к амеликанза поехать можна, кокаина доставайла.

Никифоров. Ха-ха! То-то, я думаю, какая тебе выгода тут семечками торговать. Кокаин, значит, достаешь? У американцев?

Син Бин-у. Амеликанза где?

Никифоров. А черт их знает! Тайга большая.

Син Бин-у. Тебе тоже сильно волнуйся, а? Тебе тоже кокаину?

Никифоров. Нет, я, брат, не волнуюсь. Я, брат, всегда закон выполняю, предписание, понял?

Входит начальник станции.

(Начальнику станции.) Вы почему, ежели начальник станции, без фуражки? Раз закон, предписание — носи фуражку. *(Уходит.)*

Начальник станции. Закон? А колокол кто у меня упер?

Появляются беженцы.

(Входящим по одному беженцам.) Как мне жить без колокола? Вы меня замотали!

Дама в манто. Но мне доподлинно известно, что тайга горит и подходит Вершинин, всех расстреливая!

Учитель. Госпожа Воробьева, соблюдайте душевное целомудрие, не волнуйтесь.

Первый беженец. Партизаны вышли на железнодорожные пути.

Второй беженец. И американцы и англичане отступают!

Начальник станции. Ничего подобного. Уши у вас чрезмернейшие. Сообщение имеем по всей линии, и на всей линии полное благополучие. Вот только что английский генерал Рокс няньку разыскивал, награду обещал.

Старичок. Но тогда почему наш поезд не двигается вперед? Ведь мы же купили билеты!

Из здания станции выходит Обаб.

Обаб. Господин капитан, господин капитан!

Входит Незеласов.

Вот! *(Протягивает депешу.)* Американцы сюда не прибудут.

Незеласов. Почему?

Обаб. Их атакуют партизаны.

Незеласов. Чепуха! Заслоном между американцами и партизанами поставлены войска генерала Голованова. Куда они девались?

Обаб. Войска генерала Голованова разбиты Вершининым.

Незеласов. Просто голова кругом... Но ведь рядом с войсками Голованова стояли войска генерал-лейтенанта Сахарова. Где они?

О б а б *(роясь в депешах, которые держит Незеласов).* Тут где-то написано...

Н е з е л а с о в *(читает).* «Генерал Голованов повешен партизанами...» «Генерал-лейтенант Сахаров скрылся неизвестно куда...» Позвольте, Обаб, но кто же наше непосредственное начальство?

О б а б. Не могу знать.

Н е з е л а с о в *(в бешенстве).* Превосходно! Мы предоставлены самим себе? Очень хорошо. Ну что ж, раз американцы не идут ко мне на выручку, я пойду к ним. Приказано было составить ремонтную группу рабочих. Где группа?

О б а б. Распоряжение сделано, господин капитан.

Н е з е л а с о в. Однако странно воевать, не имея высшего командования! Мы что же, переходим всецело под командование к американцам, а?

О б а б. Не моя обязанность думать, господин капитан. Я — что обойма, пулеметная лента. *(Уходит.)*

Н е з е л а с о в. Однако, черт возьми, надо разобраться в этих телеграммах! *(Собирает клочки брошенных телеграмм.)*

Д а м а в м а н т о *(сопровождаемая другими беженцами).* Нас все еще не отправляют, господин капитан. А здесь опасно. Сюда, говорят, приближается Вершинин?..

Н е з е л а с о в. Какой Вершинин? Чего болтаете?

Д а м а в м а н т о. Но Вершинин, говорят, поднял все губернии...

Н е з е л а с о в. Тем не менее я всех охраняю и охраню.

Д а м а в м а н т о. На вас, господин капитан, вся наша надежда.

П е р в а я д а м а. Вершинин нас всех вырежет.

Н е з е л а с о в *(со сдержанной злостью).* Вон!

Выстрел. Б е ж е н ц ы скрываются.

Г о л о с О б а б а. Тащи сюда, сюда, тебе говорят, тащи его.

О б а б и д в а с о л д а т а втаскивают м у ж и ч о н к у весьма жалкого и запуганного вида.

М у ж и ч о н к а. Кто там по линии бродит, откуда мне знать, ваше благородие? Я же не воюющий!

Н е з е л а с о в. Кто этот мужик?

О б а б. За водокачкой — двое подозрительных. «Стой!» — они по коням. Этот остался...

М у ж и ч о н к а. Да мимо я шел, ваше благородие!

Н е з е л а с о в. Партизан? Ко мне в вагон, допросить! Обаб! Где же ремонтная группа рабочих? Бронепоезд без нее не может выступить.

О б а б. Рабочие разбежались, господин капитан. Ремонтную группу составить нельзя.

Незеласов. Разбежались? Обаб! Сжечь дома у этих бежавших, уничтожить их семьи! Партизана расстрелять! *(Уходит.)*

Мужичонка. Ваше благородие, как же со мной-то? Как же?

Обаб. А так с тобой, что идем. Другие бы из тебя жилы вымотали. Благодари бога, что перед смертью благородного офицера встретил.

Солдат. Ты бы, дядя, синий горох, сапоги сейчас снял. Возись с тобой, мертвым-то.

Мужичонка, мало что понимая, судорожно сдергивает сапоги.

Обаб *(вынимает револьвер, закуривает папиросу, стукнув ею о портсигар)*. Живей!

Солдат *(помогая снять сапоги)*. Вот и будешь теперь, как их благородье говорит, лежать ты ненадруганный.

Уводят мужичонку. Револьверный выстрел. Вбегают беженцы.

Первый беженец. Что такое происходит? Кто стреляет?

Учитель. Да это из револьвера!

Далекие выстрелы.

А вот это, кажется, из винтовок.

Первый беженец *(влез на кипятильник)*. Тысячи, тысячи, исчислить невозможно!

Учитель. Господи, ведь вечер — темно уже! Кого вы видите?

Первый беженец. Я партизан и ночью разгляжу!

Входит начальник станции.

Начальник станции. Что такое? Кто обстреливает?

Проходит солдат с сапогами.

Солдат. Казак прискакал. Партизаны, говорит, наступают к мосту на двухсотой версте.

Дама в манто. Вот и достоялись!

Старичок. Анна Петровна! Как нам быть?

Входит Обаб.

Обаб. Вон отсюда, гниды! Господин капитан!

Входит Незеласов.

Незеласов. Обаб, допросите партизана: какими силами они идут на мост у двухсотой версты?

Обаб. Партизана уже нет в живых, господин капитан.

Незеласов. Тогда казака, доставившего донесение.

Обаб. Ранение в голову, он без памяти.

Начальник станции. Подозревают, господин капитан, что партизаны хотят взорвать мост...

Незеласов. Мост? Обаб! Позвать машиниста бронепоезда!

Обаб. Никифоров, сюда!

Голоса *(отдаленные)*. Никифорова, сюда!

Незеласов. Взорвут!.. Взорвут... Ну, достопочтенный, убеленный сединами господин Спасский, вы рады? Ваш план удался. Капитан Незеласов и его бронепоезд замурованы в тайге? Капитан Незеласов отрезан от американцев? Капитан Незеласов подведет их?.. Врете!!

Входят Никифоров и Обаб.

Никифоров! Поручаю тебе выполнить геройский приказ. Мы идем выручать американцев. К линии приближаются партизаны, но мы размечем их артиллерийским огнем.

Никифоров. Так точно!

Незеласов. Ремонтную группу, Обаб, составить из юнкеров и артиллеристов. Вы, Обаб, и вы, Никифоров, представлены к «Георгию»!

Никифоров. Мой отец, ваше благородье, сто десятин имел да батраков... потому наследство отняли большевики вне закона! А я закон чту больше бога, ваше благородье.

Незеласов. Здесь закон — я.

Никифоров. Я, ваше благородье, всегда поезда вожу по закону, по инструкции. Сказано по инструкции — паровоз во главе поезда... Я не могу вести бронепоезд, когда мне велят ставить паровоз в середине состава!

Незеласов. А, дьявол! Ну, ставьте паровоз во главе состава. Еще?

Никифоров. Еще на маневры, на воду не меньше часу...

Незеласов. Да вы с ума сошли? Они взорвут тем временем мост. *(Хватаясь за револьвер.)* Немедленно к мосту!..

Обаб *(положив руку на его револьвер)*. Господин капитан, машинист у нас один, помощник неопытный, угробит...

Жестом Обаб прогоняет машиниста, усаживает Незеласова на скамейку. Вдали, у палисадничка, сидит Син Бин-у, внимательно наблюдая за происходящим.

Незеласов. А-а, генерал Спасский! Врете! Мой бронепоезд не так легко замуровать! Я встречусь с американцами, я прорвусь к морю! *(Вскакивает.)* И вас, господин Спасский,— к стенке, к стенке!.. Я — диктатор! Я спасаю Россию!.. Я!.. Я!.. *(Схватился за голову, пошатнулся.)*

Обаб *(подхватил его, усадил на скамью)*. Сейчас схлынет, господин капитан. Вот водицы испейте — и пройдет.

Незеласов. Все пропало, Обаб. Все пропало! Мы, прапорщик,—

трупы. Всем нам — лопата, могила!.. *(Видит китайца.)* Обаб, видите, сидит. *(Снимает кольцо и передает Обабу.)* Кокаину.

Обаб *(подходит к китайцу).* Кокаин, ходя, есть?

Син Бин-у. Кокаин нетю. Семеска еся...

Обаб *(бьет ногой в корзинку).* Пшел! *(Возвращается к Незеласову.)*

Входит Никифоров.

Никифоров. Господин капитан, паровоз готов.

Незеласов. Готов? Вперед, бронепоезд 14-69! Вперед, последнее слово российской техники! *(Уходит.)*

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Еще до открытия занавеса слышны возгласы людей, скрип телег, ржание коней.

Занавес медленно расходится.

Видна крыша сельской церкви, служащая и помещением штаба партизанской армии и наблюдательным пунктом, откуда видно течение боя. На колокольне, возле колокола, стол, стулья, а к перилам прикреплен красный флаг. Церковь находится на холме. Кругозор с нее очень велик. Тайга, пересекающая ее темная река. Можно разглядеть и темно-желтую полосу железнодорожной насыпи, вьющейся по тайге.

На крыше стоит и сидит много крестьян, вооруженных винтовками, берданками, шашками. У стола Вершинин, рядом, глядя вниз с крыши, стоит Васька Окорок, молодой белокурый парень в алой рубахе и голубой кавалерийской фуражке.

Васька Окорок. Никита Егорыч! Идут! Во, смотри, по всем дорогам валит народ!..

Вершинин. Какая волость подошла?

Старик. Гришатинска волость, Никита Егорыч.

Вершинин. Выдать им обвооруженья сколько надо! Гришатинцы пойдут на Тамбульскую просеку: против французских частей.

Окорок. Эй, гришатинцы, поворачивай на Тамбульскую просеку: вам французов бить!

Крики снизу: «Ура-а!»

А там кто? *(Вершинину.)* Мутьевская волость появилась, Никита Егорыч.

Вершинин. Мутьевцев на Прислужный тракт: японцев трепать!

Окорок. Мутьевцы, на Прислужный! Сметай японца!..

Гул и крики снизу.

Ух, мутьевцы хорошо дерутся, Никита Егорыч. А там кто? Онисимовцы, Никита Егорыч!

Вершинин. На англичан.

Окорок. А мне с ними можно, Никита Егорыч?

Вершинин. Когда тебе, Васька, будет можно, сам скажу. Кто еще подошел?

Старик. Митрофановцы. А там, подале-то, сосновцы идут.

Вершинин. Митрофановский уезд и Сосновский — все на американцев! Скажи, сам поведу.

Окорок *(вниз)*. Сосновцы, митрофановцы, на американцев! Никита Егорыч сам с вами в бой пойдет.

Снизу крики: «Ура-а!..»

Старик. Сколько народу-то поднял, Никита Егорыч! Третий день в бой идут. Тысщ, поди, сто пришло.

Окорок. Не меньше, как мильон. Звать, что ли, всех на заседанье штаба, Никита Егорыч?

На крыше показывается ветхий дед.

Вершинин. Постой, китайца все нет. Цел ли? Дед, а тебе чего?

Ветхий дед. А я помолиться хотел. Вошел, а в храме-то пулеметы да ружья. Вы что с храмом божьим сделали, дьяволы? Бога рушить хочете?

Вершинин. Не бога, дед, а всех этих чужеземных волков. Вон они со всего свету сбежались терзать Расею. Тебе Расея, дед, нужна?

Ветхий дед. А как же мне без Расеи жить-то? Чать, я тоже русский.

Вершинин. Ну, так молись, дед, за Расею да за то, чтоб взрыв сейчас хороший произошел. Мост через Мукленку на двухсотой версте взрываем.

Ветхий дед. Взрываешь? А кто мост этот строить будет? Опять мы?..

Окорок. Откуда он взялся, провокатор тиковый? Дать, Егорыч, этой стерве в зубы?

Ветхий дед срывается вниз по лестнице.

Вершинин. Бог... Бог-то бог, да сам не будь плох. Бог вот дал американцам все село спалить, а себе, видишь, колокольню оставил. Нам такого бога не надо! Трижды семь — двадцать один. Вот это верно. А то бог!.. А девятью девять сколько? Вот это бог его знает. Когда помню, а когда забываю.

Окорок *(вниз)*. Ребята, а вы каких уездов?

Голоса *(снизу)*. Подлисьевского уезда, Каменданского!

Окорок. Подлисьевцы да каменданцы пришли, Никита Егорыч! Что им прикажешь?

Вершинин *(подходит к краю крыши, вниз)*. Подлисьевцы! Камен-данцы! Крестьяне! Товарищи! Всем вам идти на американцев, бить их у Мутьевки и бросать в реку. Двигай!

Окорок. Двига-ай!..

Голоса *(снизу)*. Ура-а!..

Вершинин. Будут люди после нас жить хорошо или не будут?

Окорок. Какие люди?

Вершинин. Всякие люди, которые работают. Люди, которые на земле живут.

Окорок. Это их дело: хорошо или плохо жить. Однако, по-моему. хорошо обязаны жить, сволочи.

Вершинин. Илья Герасимович Пеклеванов, верный человек, говорил: не сомневайся! И как быть по-другому? Что же, зря мы сейчас тысячи людей на американские пулеметы бросаем? Для чего мне их губить, если все это зря?..

Окорок. Никита Егорыч! Китаец вернулся.

Вершинин. Ну? Давай его сюда!

Окорок. И то взбирается! Вон, вон! Лицо-то, смотри, довольное. Здравствуй, друг!

Входит Син Бин-у.

Син Бин-у. Здлавствуй, Вась, здлавствуй!

Вершинин. Ну, что принес, Синбину? Какова твоя разведка?

Син Бин-у. Станция капитана Незеласов есть. Сибко нехолоси капитана. Такая солта палсивая! Сибко блонепоезд свой гони-гони к мосту.

Вершинин. К какому мосту?

Син Бин-у. Моста двести велст.

Окорок. На двухсотой версте, Никита Егорыч! А чего он к этому мосту гонит?

Син Бин-у. Ему амеликанза, японза помогай надо. Ему без амеликанза плохо жить надо.

Вершинин. Ага! На соединенье идет? Сведения он какие получил?

Син Бин-у. Плохо сведенья. Ему плохо сведенья. Ему тепель белой алмии самый главный селовека есть, а ему плохо. Амеликанза без ему плохо, ему без амеликанза совсем подыхай есть.

Вершинин. Значит, правильно я сделал, что послал мост на двухсотой версте взорвать. *(Смотрит вдаль.)* Успеют ли? Ну, как бронепоезд проскочит?

Окорок. Ребята не таковские, взорвут.

Вершинин. А кто спорил, что мост взрывать не надо?

Гул взрыва. Все прислушиваются.

Покончили с мостом. Успели. *(Всем.)* Товарищи крестьяне! Перво-наперво — вечная память нашим братьям, которые сейчас

бились у моста, подвели под него динамит и погибли. Наших, поди, погибло... Одним словом, кто погиб,— вечная тому память!..

Колокольчик вдали. Внизу взволнованные голоса.

Окорок. Никита Егорыч! Кто-то незнакомый скачет.

Голос *(снизу)*. Из города! От ревкому!

Вершинин. Давай его сюда!

Появляется Знобов.

Знобов?

Окорок. Знобов!

Знобов. Васька?! Здорово! С самого германского фронту не виделись, а?.. Никита Егорыч! Командирован я для общей директивы по деревням, а вам ревком приказал сказать, что все к восстанию готово.

Вершинин. Пеклеванов? Сам?

Знобов *(передавая бумагу)*. И письменно пишет. Ждем, дескать, всю вашу армию в город.

Вершинин. Иду. Василий, вдарь в колокол, сзывай народ!

Окорок бьет в колокол.

(Знобову.) А мы, брат Знобов, мост на двухсотой версте взорвали и бронепоезд 14-69 от американцев отрезали.

Знобов. Хвалю. Бьетесь славно! Ну, мы тоже в городе силенок немало накопили.

Вершинин *(вниз)*. Товарищи! Слово скажет член городского подпольного ревкома Знобов.

Знобов. Товарищи! Революционный пламенный вам привет, товарищи партизаны, от штаба восстания в городе. Восстание в городе вспыхнет с минуты на минуту, и оно будет сокрушительным для интервентов и для тех мерзавцев, которые им продались. Так сказал Пеклеванов, так сказала партия, а что она скажет, то верно.

Аплодисменты, крики «ура!»

Товарищи, вы взорвали мост, вы громите войска интервентов, вы разгромили уже белые войска, вы отрезали от американцев бронепоезд 14-69, вы идете к городу. И мы вас там встретим с честью, в нашем славном портовом городе. Одним словом, крой и никаких гвоздей!

Крики: «Ура-а!»

Рабочий класс Дальнего Востока еще раз покажет, как он может биться за Советскую власть!

«Ура!»

Что же касается международного положения, то оно в пользу Советской России. Трудящиеся всех стран требуют от своих правительств, чтобы войска интервентов — американцы, англичане, французы, японцы и другая мразь — немедленно покинули пределы нашей Родины. А белые, они, товарищи, бегут! В недуг души вдарило. Оземь бьются, трепыхаются. А... наше дело жару наподдать.

Все. Ура-а!..

Вершинин. Петрова, командира сорок третьего полка, сюда!

Окорок. Сергей Петрович, к штабу!

Входит Петров.

Петров. А я здеся, Никита Егорыч!

Вершинин. Петров, ты пять раз был ранен в бою. Награждаю тебя почетным поручением. Ты проберешься в город и пойдешь к товарищу Пеклеванову.

Петров. Спасибо, Никита Егорыч!

Вершинин. Командование сорок третьим передашь Василию Окороку. Ты пять раз был ранен в бою, а Василий только три. Ему надо подравняться.

Окорок. Ужо подравняюсь, Никита Егорыч!

Вершинин. Пеклеванову скажешь, Петров, так: все твои приказания, Илья Герасимыч, получили и выполним. Мы идем к городу. Слышите, мужики?

Радостный гул толпы.

Митинг закрываю! Помирать пора!

Старик. Поднимай, Илья Герасимыч! Не давай землю ни американцу, ни японцу.

Ветхий дед *(показываясь)*. Никому земли, православные, не давайте. Гоните всех!..

Мужик в валенках. Не давай землю! Мира хотим. Со всей Сибири идут к нам армии за Советскую власть бороться.

Окорок. Вот наволокли мы, Знобов, народу! Гляди, какие все ухобаки-парни, германского бою солдаты.

Знобов. Армия хорошая.

Вершинин. Гляжу я на народ, Знобов, и душа у меня пищит, будто котенка на мороз бросили. Не понимаю... Мост вот взорвали, новый строить придется. Пошто так, Знобов? Умом я еще до многого не дошел, Знобов. Ну, выгоним мы американцев, японцев, англичан, освободим всю Расею... Так ведь ею надо управлять... а таких, как я, много... Как же я Росеей-то управлять буду, неученый-то? Кто меня поведет? Кто научит?

Знобов. Партия. Большевики. И поучат, и поблагодарят, Никита

Егорыч, и детям своим, и внукам своим будут про твои подвиги рассказывать...

Вершинин. Какие там подвиги! При подвигах-то человек спокойно спит, а я вот глаз сомкнуть не могу: все боюсь, как бы что не проворонить. Слушай, Знобов! Скажи ты Пеклеванову: Вершинин, мол, горячо тревожится за тебя, видеть тебя хочет, Илья Герасимыч. *(Тепло и тихо.)* Золотой, светлый человек, яркий, как молонья...

Син Бин-у *(Знобову)*. Сибко Пеклеванов холосий есть. Моя здеся воюй, Китай потом ехал. Моя весь китайски клестьян Пеклевано лассказывай есть! Сибко много рассказывай!..

Окорок. Нет, Синбину, я тебя в Китай не пущу. Мы войну кончим, землю вокруг нашей деревни всю вспашем, засеем и в Москву учиться поедем.

Син Бин-у. Моя Китай тоже пахать надо много-много.

Старик. Пахать нам всем надо. И будем пахать, потому за нас Питер... Итернаципал... И все другие земли за нас! Верно, Знобов?

Знобов. С того и живем. Прощайте, я погнал. Петров, ты как?

Петров. Готов.

Знобов и Петров уезжают.

Вершинин *(шумно и радостно вздыхая)*. Ну, кажись, все, слава богу, хорошо. *(Мише, который наигрывает на флейте.)* Миша! Отложи дудку. Будя, поиграл! Поди, Миша, с почетом встреть героев, которые при взрыве моста уцелели.

Миша уходит.

Окорок. Никита Егорыч, а кому штабные дела передать?

Вершинин. Мухоярову.

Появляется баба в розовом платке.

Баба. Православные! Православные! Наши-то мужики меριканца пыймали.

Суматоха. Появляются мужик, сопровождающий американца, и американец в летной форме.

Мужик, сопровождающий американца *(американцу)*. Стой здеся! Никита Егорыч который?

Окорок. Да вот он перед тобой. Ты рассказывай скорей, как пымали-то?

Мужик, сопровождающий американца *(подталкивая американца к перилам)*. Привели мы его к тебе, Никита Егорыч, как, значит, о справедливости твоей слава. Наш-то полк из Воз-

песенской волости состоит, а бьемся мы с этими мериканцами вдоль Мукленки.

Вершинин. Знаю. Ладно бьетесь.

Окорок. Сам-то какой деревни?

Мужик, сопровождающий американца. Кто?

Окорок. Ты.

Мужик сопровождающий американца. Я-то? Мы вместе с нашим селом воюем... Пепино, село, слышал?

Окорок. Пожгли, сказывают?

Мужик, сопровождающий американца. Пожгли. Ну, и сволочь же! Прямо гнида, а не нация! Вот у вас хоть колокольня осталась, а у нас все село спалили. Ну, озлились мы, обворужились, встали под твою команду, Никита Егорыч, и давай крушить их!..

Первый рыбак. Одну муку примам, понятно!

Окорок. А дале-то, дале как?

Мужик, сопровождающий американца. А дале так, что ехали они, мериканцы-то, на трашпанках... в жестяных ведерках молоко везли! Чудной народ, как посмотрю! Завоевывать нас приехали, а молоко жрут со щиколадом. Ну, которых мы тут побили, а этот в ту пору руки задрал и кричит: «Пролетар, пролетар!» Прах его знает, може, он и на самом деле пролетар. Вот мы и привели его к тебе, Никита Егорыч. Суди! Судите, мужики, судите!

Мужики *(с возрастающим гневом)*. Чего там судить? Пристрелить его.

— Бросай с колокольни и никаких!

— Ишь забрались, хозяйничают, будто у себя.

— Да и у себя-то так постесняются.

— Просили их сюда?! Убить!

Окорок. Убить? Убить человека всегда можно. Очень просто. Плевое дело убить. Вон их сколько по нашим деревенским улицам убитых-то валяется. А сегодня у нас, братцы, счастье. Пеклеванов жив-здоров, воссгание готовит; интервентов мы лупим; мост взорвали; бронепоезд 14-69 в угол загнали... Мы вот пообедаем, самогону выпьем, а тогда почесь голой рукой этот бронепоезд заберем! Вот и выходит, что... надо, братцы, упропагандировать нам эту курву американскую. Ну, а коли не поймет он нашу душу, тогда мы его и кокнем.

Мужики *(развеселившись)*. Хо-хо-хо!.. Да ты хоть прорéху-то застегни, Васька!

— Валяй, Вась, запузыривай!

— На камне и то слова долбят, а это, какой ни на есть, человек!

— Василий, он хоть и мериканцу, а втемяшит!.. Ха-ха-ха!..

Баба *(американцу)*. А ты вникай, дурень. Тебе лучшего они хочут.

Син Бин-у. Аникая... Аникая...

Окорок *(бойко, американцу)*. Слухай, парень! Ты им, своим-то, разъясни подробно. Расея — это одно. Америка — это другое. Чего они в Расею лезут? На чужом добре разбогатеть хотят?

Мужики. Со всех стран на нас навалились!

— Чего вам не люба Советска власть?

— Чего вы нам мирной жизни не даете?

Старик. Видишь, как народ-то разозлен. А русского, парень, злить негоже. Русской, он разозлится, так он не то что твою Америку, он все разнесет! Люди вы образованные, должны это понять.

Мужик в валенках. Мы не разбоем занимаемся, мы землю свою в порядок приводим.

Син Бин-у. Своя земля в полядок, а? Моя Китая тоже в полядок надо, да?.. Твоя американза купца нам плиходила, полядок везла, нам полядок твоя не надо!

Мужики. Верно! Верно, китай!..

— Докуда это ихние купцы нас пушками угощать будут?

Американец. Камрад, ай донт андерстенд! [1]

Мужики совершенно не ожидали этого. Они переглядываются. Васька Окорок опешил и даже отступил назад.

Старик. Не вникат: совсем чужой земли человек.

Мужик в валенках. Пустой! По-русски-то не понимат! Во — бедность!

Мужик, сопровождающий американца. Да отдать его в обоз, чего тут с ним чертомелиться!

Окорок *(раздумчиво)*. Нет, он должен нас понять. Тут надо только такое слово найти... Эх, кабы да какую умную книжку.

Баба. Книжки-то все по-русски, да и те покурены.

Окорок. Ишь ты! А надо все-таки дойти до него. Стой! *(Радостно взмахивает руками, хватает американца за грудь и подтягивает к себе. В упор кричит ему.)* Ты, парень, слухай! *(Очень раздельно, все более и более повышая голос.)* Ле-е-е-ни-ѝн... Ленин!..

Американец. Ленин?.. Ленин ура!

Окорок *(стуча себя в грудь)*. Мы, пес ты этакой, советские люди! Советская республика!..

Американец. Республик? Совет? Ура!..

Мужики *(весело)*. Понимает!.. Понимает, ля-ля.

— А Васька-то, Васька по-американски кроет!

— Васька, ты ихних-то буржуев...

— ...по матушке!

— Ха-ха!..

---

[1] Не понимаю, товарищ.

Б а б а *(притащив громадную икону)*. Вот разве по картинке? Она хоть и святая, так и тут святое дело разъясняется.

О к о р о к. Святая? Мы и по святой можем. *(Читает надпись.)* «Авраам приносит в жертву Исаака». Очень хорошо. *(Послюнив палец, растирает икону. Американцу.)* Слухай! Вот этот, с ножом-то, буржуй. Ишь, брюхо-то распустил. Часы б ему с цепочкой на такое брюхо. А вот тут, на бревнах-то, связанный вьюноша, пролетариат лежит. Понял? Пролетариат!

С и н Б и н - у. Плолетали... Моя — плолетали... Это вся — плолетали.

О к о р о к. Все мы здесь пролетариат — понял?

А м е р и к а н е ц. Пролетариат? Ай эм уоркер фром Детройт отомобиль уоркс![1] Работчи... я... работчи... отомобиль. *(Показывает жестами.)*

О к о р о к Автомобиль? *(Всем.)* Видал? Рабочий он. Насильно его мобилизовали.

С т а р и к. А пусть он документы покажет.

Б а б а. Да по роже видно, мужики, не буржуй он.

М у ж и к и. Валяй, Васька, запузыривай!

— Лупи!

О к о р о к *(схватив американца за голову, глядя ему в глаза)*. Парень, ты скажи им там... за морями-то... чтоб... Эх, сгорит ради добра наша Расея, и прах с ней... Слухай. Ну вот, лежит наш пролетариат на бревнах, а буржуй его режет. А на облаках *(показывая)*, вот тут, в виде бога, американцы, японцы, англичане, вся эта сволочь империализма сидит и распоряжается!

А м е р и к а н е ц. Империализм? Империализм долой!

М у ж и к и. Верно!

— Гони их!

С и н Б и н - у. Нетю лусски, нетю. Нетю китайза, нетю. Нетю амeликанза, нетю. Ести все одна плостая, тлудовая селовека, она мила хосет. Санго.

О к о р о к. Вот и все. Никита Егорыч. Упропагандировал.

В е р ш и н и н. Накормить его теперь. А накормивши, вывести на дорогу и отпустить.

О к о р о к *(все еще возбужденный)*. Разъяснить всем можно. Надо только сердце иметь. *(И, не в силах подавить своего возбуждения, запевает, пляшет. Мужики подхватывают припев.)*

Табак английский,
Мундир российский,
Погон японский,
Правитель омский...

Эх, шара́бан мой, американка,
А я девчонка да шарлатанка!

---

[1] Я рабочий детройтских автомобильных заводов.

Табак скурился,
Мундир сносился,
Погон свалился,
Правитель скрылся...

Эх, шарабан мой, американка...

Шум, бег, крики внизу. Врывается Миша, *за ним* мужик с перевязанной щекой. *Миша бледен, весь дрожит.*

Миша. Да перестаньте вы петь, а-а...

Мужик с перевязанной щекой. Никита Егорыч...

Вершинин *(грозно)*. Ну?

Мужик с перевязанной щекой. От моста я, Никита Егорыч...

Вершинин. Вижу.

Мужик с перевязанной щекой. Прорывались мы к мосту, Никита Егорыч, а там — американцы да казаки, да с пулеметами. Подступа нет... И моста-то мы, Никита Егорыч, не взорвали.

Вздох толпы. Пауза.

Вершинин. Не взорвали? А грохот откуда мы слышали?

Мужик с перевязанной щекой. Динамит несли обратно, Никита Егорыч. Ребята малоопытные, пробовали, что ли... я впереди шел, далеко. Ну, и вышло, что сами себя взорвали. Подбегаю. Кровь да шапки... Один только, Никита Егорыч, я и уцелел.

Вершинин. Уцелел ли? *(Стреляет.)*

Мужик с перевязанной щекой падает.

Окорок *(вставляя в карабин обойму)*. Мериканца тоже кокнуть?

Вершинин. Мериканец тут ни при чем. Пускай учится, как с трусами поступаем. Трусы — и вдобавок динамит загубили. Пустить, говорю, мериканца!

Первый рыбак. Глаза ему завязать, когда поведем?

Вершинин. Никому глаза не завязывать. Шире глядеть! *(Всем.)* Земляки, товарищи, да ведь бронепоезд-то к американцам прорвется... стыд-то какой... мост-то мы... ах, господи! Наврали мы с вами, мужики, Илье Герасимычу, нахвастались. *(В отчаянии.)* А-а, горе! Петрова к нему отправили: «Поднимай восстанье, Илья Герасимыч, мы свое обещание выполнили»... Где выполнили-то, где? *(Во весь голос.)* Всем к насыпи! Всем в бой! Бей набат! Качай, мужики, к насыпи! Митинг закрываю, помирать пора.

Звонит колокол, тревожно, набатно. Через сцену, хватая оружие, пробегают партизаны.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Железнодорожная насыпь в тайге. Сумерки. Восходит луна. Слабо поблескивают рельсы. Шумит лес, широкими темно-зелеными валами поднимающийся в горы. Издали, от моста через реку Мукленку, слышна перестрелка. К насыпи выбегают партизаны. Впереди — Вершинин, Васька Окорок, Син Бин-у, Миша.

Вершинин. Здесь! Стой!

Голоса. Стой!.. Стой!..

Вершинин *(оглядываясь)*. Не слыхать и не видать. Думают, отбили партизан от моста, ну и покончили с ними. Спит небось капитан Незеласов, во сне невесту видит. Василий, есть у тебя невеста?

Окорок. До невест ли тут, Никита Егорыч?

Вершинин. А у тебя есть, Миша?

Миша. Конечно, есть, Никита Егорыч!..

Вершинин. Подожди, не мешай: думаю.

Первый рыбак. Тише.

Все слушают.

Нет, не слыхать. Что ж делать-то, Никита Егорыч? Лес палить, загораживать ему дорогу?

Вершинин. Подожди: думаю.

Первый рыбак. Тише! Нет, я его и даве слышал. Гудет! Ишь, вверху, в горах где-то крутит и гудет. Гудет!

Окорок. И весело ж гудет, сука!

Вершинин. Весело? Не знаю, весело ли... Помнишь, Василий, ты хвастал? «Самогону выпьем, голой рукой возьмем». Бери голой рукой, бери!.. Мужики, мост через Мукленку цел. Ну, пусть он целым и останется: через него мы этот наш бронепоезд поведем! Обязаны мы, мужики, на этом бронепоезде в город на помощь к Илье Герасимовичу... Приказываю: путей не разбирать, моста не взрывать, бронепоезд взять в целости!

Общий вздох.

Голос. Приказ тяжелый.

О к о р о к. В целости? Да как же его взять в целости-то? Капитан Незеласов не трус, его нашим криком не напугаешь. Как же?..

В е р ш и н и н. Думай. Одним «ура» на войне много не сделаешь. Думами побеждают. Умом. Шестью семь — сорок семь.

Г о л о с а. Руби тайгу!

М у ж и к в в а л е н к а х. Чем его брать-то? Сталь ведь там, пушки! Своротить рельсы, да под откос.

П е р в ы й п а р т и з а н. Верно! Где нам на нем в город!

В т о р о й п а р т и з а н. В город? Он как хватит по нам изо всех пушек!

М у ж и к в в а л е н к а х. Под откос его свалим, и то слава богу.

С и н Б и н - у. Моя говолить надо!

В е р ш и н и н. Подожди, Синбину, потом скажешь. Ага! Под откос! Не хотите, мужики, выполнять мой приказ? Не хотите брать бронепоезд голыми руками? Спасибо, порадовали, отблагодарили вы меня за труды! Ну, что же, зря я, значит, вас сюда к насыпи привел. Простите, старики, и ты, молодежь, прости за беспокойство. Простите — и прощайте. Передайте командование кому другому, а я ушел. Да и вы бегите в тайгу, пока целы, пока капитан Незеласов вас к американцам не пригнал. Бегите, сибирские партизаны!

О к о р о к. Мне бежать?

В е р ш и н и н. Ну, а какой ты командир, Васька? Бросай пулемет, беги, спасайся. Може, когда Сибирь американцам отдашь, они тебя к себе в холуи возьмут?

С т а р и к. А ты, Егорыч, насчет американских холуев поосторожней.

В е р ш и н и н. Ой, напугал!

С т а р и к. Приказ твой только что вышел. Ну, люди и задумались, как его выполнять. Да и ты сам еще не сказал, как его надо выполнить. А чтоб мы, русские, американскими холуями стали,— это нам ни к чему. Холуями мы у господа бога не бывали, а не то что у американцев каких-то! *(Громко.)* Мужики, бери бронепоезд! Кати на нем в город!

В т о р о й р ы б а к. Катить мы согласны, да как его взять-то?

П е р в ы й р ы б а к *(с раздражением)*. Вот ты всегда такой... жалобный!

М у ж и к в в а л е н к а х. А верно, как возьмешь? Остановить его можно, скажем: накатаем на рельсы бревна...

Г о л о с а. Бревна накатать, бревна!

О к о р о к. Бревна? Бревна он раскидает. Откроет по нам артиллерийский огонь, и под прикрытием огня команда раскидает бревна. И уйдет он опять... Рельсы разве взорвать?

М и ш а. Он их восстановит опять же под прикрытием огня. Я знаю: я в техническом обучался...

О к о р о к. В техническом? Миша, а нет ли у тебя такого способа, чтоб на ходу остановить бронепоезд? Скажем, паровоз самую малость повредить, чтоб его потом сразу же мы дальше двинули?..

М и ш а. Конечно, такого способа нет!

О к о р о к. Эх ты!.. Ложись, чего торчите на виду у насыпи!..

Молчание. Мужики отходят от насыпи. Далекий гудок в горах.

П е р в ы й р ы б а к. Идет.

В т о р о й р ы б а к. Идет!.. И воет же злобно и гудет же, бешеный пес!..

П е р в ы й р ы б а к. Где-то наши головы будут...

П е р в ы й п а р т и з а н. Будут под бронепоездом, коли не будете думать, как взять его.

Миша подходит к Вершинину, который сидит, опустив задумчиво голову.

М и ш а. Извините, Никита Егорыч, а если б вот мертвая...

О к о р о к. Кто у тебя, Миша, мертвая?

М и ш а. Если бы мертвая туша...

О к о р о к. Да не понимаю я. Какая мертвая туша? Откуда?

М и ш а. Син Бин-у говорит, что машинист бронепоезда целиком, так сказать, подчинен железнодорожным инструкциям. Это значительно помогает нам.

С и н Б и н - у. Его, масинист, закон все влемя хвалила сибко.

В е р ш и н и н *(заинтересовавшись)*. Ну-ну, дальше?

М и ш а. А по железнодорожной инструкции, если на рельсах мертвая туша...

О к о р о к. Откуда мертвая туша?

В е р ш и н и н. Не мешай, Василий!

М и ш а. Ну, я не знаю откуда! Конь мог идти, упал на рельсы, или какой другой зверь... Словом, по инструкции машинист обязан остановить поезд.

С и н Б и н - у *(убежденно)*. Его поезда обязательно остановила. Я его знала холосо-холосо. Мелтвой туса положила лельсы надо.

В е р ш и н и н. Откуда, милай, быть здесь мертвой туше? Шли мы сюда напрямки, через болота да скалы. Тут ни коню, ни волу, ни даже собаке пути нет. *(Помолчав.)* А если на рельсах труп человека?

С и н Б и н - у. Твоя, Никита Еголыч, холосо стлеляла?

В е р ш и н и н. Умею.

С и н Б и н - у. Твоя лучсе всех стлеляй есть, знаю. Твоя пуля белка глаз ходила, стлеляй есть.

Вершинин. И белке в глаз могу.

Син Бин-у. Селовека на лельса легла. Масиниста голову паловоза высовывай. Его смотлеть надо, сто на лельса лежала. Его ты глаз стлеляй.

Вершинин *(громко, всем)*. Земляки, слыхали? Человек лежит на рельсах. Машинист высовывает голову взглянуть, кто лежит? Я тому машинисту, как белке, в глаз пулю. Товарищи, один из нас должен лечь на рельсы. Я понимаю... страшно...

Молчание.

Вершинин. Но только, по-моему, успеет машинист остановить поезд... не будет же он резать человека... Ну, товарищи!

Голоса. И зарежет!

— Не то страшно, что зарежет, а страшно одному лежать.

— Позволь всем миром лечь, Никита Егорыч!

— Одному лежать страшно.

Вершинин. Зачем всем? Один должен лежать. Одного я вызываю добровольца! Последний раз спрашиваю, товарищи. Ну?!

Голос *(издалека)*. Сам ложись!

Вершинин. Сам? *(Идет к насыпи.)* Ну, сам-то я лягу...

Окорок *(преграждая ему путь)*. Никита Егорыч, не допущу.

Старик. Да и общество не допустит. Общество, верно?..

Партизаны. Кто допустит? Лучше все ляжем вместе.

— Народ скажет: Вершинин лег, а вы глядели!

— Не пускай Никиту Егорыча.

Окорок. Нельзя пускать Никиту Егорыча. Он всему нашему делу голова. А тут ведь простое тело нужно. *(Снимает винтовку и револьвер.)* Я лягу.

Вершинин. Васька, песня ты? Дай обниму тебя, милай. *(Обнимает Ваську Окорока.)*

Син Бин-у подходит и отодвигает Окорока.

Син Бин-у. Васька ходила не надо... моя надо ходила!

Вершинин. Он первым сказал — пойду. Он пойдет.

Васька. Я!

Син Бин-у. Кто пелвый придумала — ложился селовека на лельсы? Моя плидумала. Моя масиниста видала, моя говолила с ним. Моя имей пелвый плава и ложился на лельса! Моя ложился надо!

Вершинин. Нет, ты постой, Синбину! Васька за свою землю ляжет.

Син Бин-у. Моя тоже здесь за своя земля ляжет. Советская леволюция нетю — китайска леспублика тоже нетю. Моя здесь за Китай ложился. О! Ты! О! Лусски селовек — настоящий село-

век сести. Его моя понимай быстло! Его моя понимай — Син Бин-у хотела показать вас налод — селдце мой налод...

Вершинин. Уважение?

Син Бин-у. Да, да! Моя сильно уважай лусски налод, у!

Вершинин (*решительно*). Васька! На рельсы Синбину ляжет.

Васька. Не могу, Никита Егорыч!

Вершинин. Василий!

Окорок. Не послушаюсь, Никита Егорыч!

Вершинин. Василий Окорок, приказываю!

Окорок отходит от насыпи. Син Бин-у проходит вверх.

А ты, Василий, собирай гранаты. Обвязывайся. Если бронепоезд не остановится — бросайся с гранатами под колеса. (*Син Бин-у, наверх.*) Синбину китай, ты от нас забыт не будешь. Держись!

Син Бин-у (*на насыпи, слушая*). Его ближе сюда ходит... его колеса стуси-стуси, слысу...

Вершинин. И мы слышим, Синбину. Пули готовы.

Постепенно темнеет.
Гудок. Грохот приближающегося бронепоезда.

Син Бин-у (*в темноте*). А-а-а...

Выстрел.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Тусклый, почти могильный сумрак. Сверкающий свет орудийного залпа озаряет башню бронепоезда и орудия, возле которых уныло и устало, в полусне, стоят артиллеристы. По их движениям видно, что силы их истощились. Возле орудий кучи пустых орудийных патронов. На ящике из-под патронов сидит капитан Незеласов, серый, как мох. Пытаясь освободиться от давящего мрака ночи, ходит возле орудий прапорщик Обаб, без мундира, в грязной и мокрой от пота рубашке.

Незеласов (*в телефон*). Орудия! Первое, второе — к бою! Вдоль насыпи! Прицел тридцать пять, трубка тридцать пять. Огонь!

Блеск света и два орудийных выстрела.

По-моему, попали! Молодцы, артиллеристы!

Обаб (*у смотровой щели*). Ничего не вижу, господин капитан. В кого попали?

Незеласов. Вдоль насыпи — двадцать пять. Картечь. Огонь!

Опять два выстрела.

Обаб. По кому вы бьете, господин капитан? Там тьма тьмой.

Незеласов. Не мешайте, не мешайте. А почему мы стоим, Обаб?

Обаб. Я же докладывал: машинист убит, а помощник ранен.

Незеласов. А как он себя чувствует?

Обаб. Рука раздроблена в локте. А! Паскуда! Дурак! Один дурак высовывается посмотреть, кто на рельсах, и получает пулю в глаз, другой оттаскивает его и получает пулю в руку.

Незеласов. Значит, управлять паровозом некому. А юнкера?

Обаб. Из юнкеров тоже никто не может, господин капитан.

Незеласов. Чудовищно болит голова. *(Пьет воду.)* Мне кажется, что я не спал целое столетие... А у Спасских сейчас ужинают, затем сядут играть в преферанс, Варя приляжет на диван и будет читать. Ха-ха! Спасский острит, не подозревая, что здесь, на насыпи, решается его судьба. К стенке, к стенке, генерал Спасский!.. Обаб, скомандуйте: «Огонь! Орудия — первое, второе — огонь!»

Обаб. До каких же пор мы будем стрелять в пустоту, господин капитан?

Незеласов. О чем вы мечтаете, Обаб?

Обаб. Я?

Незеласов. Вы мечтаете о том, чтобы заменить меня на посту командира бронепоезда. Но какой же вы командир, если на ходу засыпаете? Артиллеристы же не спят!

Обаб. Не спят? А вы посмотрите на них!

Незеласов *(бьет сапогом солдат)*. Эй, скоты, не спать!

Первый артиллерист. Ваше благородье, замучились.

Второй артиллерист. И воды нету для орудия...

Незеласов. Что орудия, горячие, Обаб?

Обаб. Раскалились, стрелять опасно, господин капитан.

Незеласов. И, однако, первое, второе — к бою! По насыпи двенадцать! Картечь! Огонь!

Обаб *(показывая на уснувших солдат)*. Они свалились, господин капитан, заснули.

Незеласов. Я сам мучительно устал, прапорщик! Но все же я очищу насыпь от партизан.

Обаб *(раздраженно)*. Да где они, где? Сам ничего не видит — и других пугает. Завел нас всех в тайгу, переводит зря снаряды, машиниста какого-то идиота поставил на паровоз... Жизненка твоя паршивая! Сам паршивый! *(Кричит несколько раз дико.)* Не хочу, не хочу, не хочу!..

Незеласов неслышно смеется.

(Смотрит на него оторопело.) Как тихо, боязно-то как! Господин капитан, прикажите открыть огонь!

Незеласов *(смеясь)*. Ха-ха... По кому огонь? Ни вдоль насыпи, ни на самой насыпи никого нет. Что, вам боязно? Вы меня сумасшедшим считаете?

Обаб. Прикажите открыть огонь!

Незеласов. Да-да, Обаб, вы правы. Люди должны бояться. Бога, родины, своих близких и особенно своего разума. Не доверяйте разуму, Обаб!

Обаб. Так точно! *(Хрипло.)* А-а... *(Пятясь от амбразуры.)* В морду им, господин капитан, в морду картечью!

Незеласов *(хватая трубку телефона)*. Алло! Орудия — к бою! Второе! По насыпи! Картечью! Огонь!

Тишина.

Огонь, черт возьми!

Обаб *(выхватывая у него трубку)*. Второе — к бою, картечью им в морду, огонь!

Незеласов *(перехватывая трубку)*. Вы слышите, огонь! *(Бросает трубку.)* Спят непробудно. Ха-ха!.. Очень хорошо. Да что вы на меня таращите буркалы, Обаб? Я в полном уме. Я проводил испытания.

Обаб. Испытания?

Незеласов. Да, я испытывал юнкеров и солдат в любви к России. Оказывается, они больше любят сон, чем Россию. Ну, черт с вами! Вы ее проспали — я отдаю Россию американцам в колонию! Нет больше России. И не нужна она никому! Примите команду над бронепоездом, прапорщик Обаб. Потушите свет, я ухожу.

Обаб. Господин капитан!

Незеласов. Взгляните мне в глаза. Что, сумасшедшие? Ну, то-то! Вы еще до сих пор не поняли, почему я вел такой бешеный огонь вдоль насыпи? Я угонял партизан в тайгу. А сейчас я открою дверь и во тьме и в тишине проберусь по насыпи к американцам. Приведу оттуда машиниста.

Обаб *(облегченно вздыхая)*. Слава тебе, истинному Христу! Перепугали вы меня, господин капитан. Фу-у... Чего бы вам это раньше не сказать?

Незеласов. Шинель!

Обаб подает шинель.

Незеласов *(берет карабин, набивает карманы патронами)*. Однако будем осторожны. Погасите свет! Дверь открывайте неслышно и ровно настолько, чтоб я мог пролезть боком. Счастливо

оставаться, Обаб! Я вернусь часа через два-три, во всяком случае до рассвета.

О б а б. Доброго пути, Александр Петрович, будем вас ждать.

Н е з е л а с о в. Да-да, ждите непременно! Дайте-ка еще пару гранат. Погасите свет.

Обаб гасит свет и открывает дверь.

(Просовывает в отверстие голову, плечо. Шепотом.) Еще немного...

Выстрел. Незеласов падает.

О б а б *(отскакивает от двери и прижимается к противоположной стене, достает револьвер).* Каюк! И вышло — командиром бронепоезда мне не бывать.

Дверь начинает открываться все шире и шире, словно сама собой.

Эй, кто там?

Луч фонаря освещает внутренность вагона.

Кто-о?!

Г о л о с В е р ш и н и н а. Опусти наган! Прапорщик Обаб Иван Аристархович!

В сопровождении п а р т и з а н входит В е р ш и н и н.

В е р ш и н и н. Не твой черед палить, прапорщик Обаб Иван Аристархович. Привел господь, встретились-таки... Опусти наган да глаза рукой закрой, а то вот перед смертью твоей плюну тебе в глаза... За всех убитых вами людей, за всю поруганную землю, предатель! Ступай наружу, к мужикам...

О б а б. Никита Егорыч, прости!..

В е р ш и н и н. Иди к своим землякам, они тебя встретят. Ну?!

О к о р о к. Принимай!

О б а б, пошатываясь, уходит, сопровождаемый О к о р о к о м. Выстрел за сценой. Входит О к о р о к.

Готов Обаб! *(Увидел лежащего Незеласова.)* Нпкпта Егорыч! Незеласов.

В е р ш и н и н. Жив еще?

О к о р о к. Тоже готов.

В е р ш и н и н. Выкидывай эту падаль! Очищай помещение!

О к о р о к. Никита Егорыч, тут еще артиллеристы спят.

В е р ш и н и н. Вытащи на воздух, окати холодной водой. Они нам сгодятся.

О к о р о к уходит.

(Партизанам.) Сдвиньте ящики, товарищи, присаживайтесь. Мне с вами посоветоваться надо.

Партизаны рассаживаются. Входит Миша.

Миша. Никита Егорыч, паровоз в исправности, я осмотрел. Едем, что ли?

Вершинин. А кто там из паровозной прислуги есть?

Миша. Помощник машиниста, да у него рука раздроблена.

Вершинин. Кто же паровоз-то поведет?

Миша. Конечно, я.

Вершинин. А сможешь?

Миша. Да я же в техническом обучался!

Общая радость.

Вершинин. Веди бронепоезд с песнями, с гудками, воем, визгом, прямо в город к Илье Герасимовичу. Веди!.. Никита Егорыч здоровкаться едет...

Миша уходит. Входит Окорок.

Окорок. Помощник машиниста говорит, что никогда такого знающего машиниста не встречал. Никита Егорыч! Позволь мне у пулемета встать?

Вершинин. Становись!

Старик. Да ты что, Никита Егорыч, взаболь надумал на американцев идти?

Вершинин. А разве нам такое в диковинку?

Старик. Да ведь их там у моста и вдоль всей Мукленки, аж до самого города, тысячи!

Вершинин. Мужики! Наши-то вдоль Мукленки уж бьются, а тут вдруг бронепоезд 14-69. Американцы рады — э, помощь пришла, поддержка, сам знаменитый капитан Незеласов! У наших сердце падает: Незеласов, чего таить, драться может. И тут — а-та-та!.. по американцам! Старики, да ведь ради такого счастья мы и родились! Ради этого наш милый, родной — вечная ему память — Синбину погиб. Родной, милый, вечная тебе память.

Все снимают шапки.

Старик *(ударив кулаком по ящику)*. Не обидим китайца! И Расею не обидим. Веди нас на американцев, Никита Егорыч! Веди!

Все. Веди!

Гудок. Бронепоезд тронулся. Еще гудок. Все прильнули к смотровым щелям.

В с е. Поехали! Поехали! Поехали!

Бронепоезд идет.

О к о р о к (*запевает*).

Табак английский,
Мундир российский,
Погон японский,
Правитель омский ..
Эх, шарабан мой...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Китайская фанза на окраине города. Кан — лежанка — вдоль стен. Высоко, под самым потолком, окно. Обстановка фанзы убогая. Сосновый некрашеный стол, табуреты, жестяной умывальник, в углу на гвозде висит поношенное пальто Пеклеванова. На столе несколько книжек, чайник, два стакана, кусок хлеба.

Пеклеванов на табурете, плотно прижав к глазам бинокль, смотрит в окно. Он худощав, немножко сутул, с длинными, вьющимися на концах волосами, расчесанными на косой пробор, в очках, полон ясности, простоты. Глаза его светятся мягко и вместе с тем решительно. Голос тверд и в то же время певуч. Входит жена Пеклеванова с корзинкой, в которой лежат овощи и хлеб.

Жена. Опять у окна?

Пеклеванов. Голубушка, там море и виден довольно большой кусок крепости. Русское море, русские пушки...

Жена. По этому морю ждут с часу на час кораблей с новыми американскими и японскими десантами, а у русских крепостных орудий стоят американские артиллеристы.

Пеклеванов. Однако в крепости есть и русские солдаты.

Жена. Да, белые.

Пеклеванов. Это обыкновенные мобилизованные русские рабочие и крестьяне. *(Соскакивает с табурета и взволнованно ходит по комнате.)* Я смотрел на море и мечтал, Маша. Мне грезилось, что русские орудия начали обстрел приближающихся американских и японских кораблей — и те повернули в море. И мало ли каких чудес не бывает на свете, Маша!

Жена. Самое большое чудо, что мы с тобой еще живы, например.

Пеклеванов. И самое чудо из чудес — русский народ! Он создал величайшее чудо — советскую революцию. Как она возвысила человека! Ну, возьми хотя бы Вершинина. Давно ли это был простой рыбак, пахарь, охотник? И вот прошло месяц-два, не больше, перед нами великан, собравший и двинувший на американцев и японцев целую армию.

Ж е н а. По указаниям Пеклеванова.

П е к л е в а н о в. По указаниям партии, по указаниям Ленина. Жена, дорогая, замечательная, всегда нужно помнить о Ленине!

Ж е н а. Я помню. Я его видела в тысяча девятьсот пятом году, девочкой. И меня поразили его глаза. Поверишь ли, точно обожгло огнем. Какой ум, какая воля!.. И знаешь, Илья, ты... я ужасно волнуюсь за тебя, Илья. По городу опять расклеены афишки американского и японского командования. За твою голову уже дают не пятьдесят, а двести пятьдесят тысяч.

П е к л е в а н о в. Ого! Пеклеванов поднимается в цене, значит дело Пеклеванова расширяется. Голова! Они думают, что, отрубив одну голову, отрубят голову всей социальной революции. Ха-ха! Что значит отрубленная голова одного человека, если целый народ просветлел головой, поднял голову, несет ее высоко-высоко! Ах, Маша! В какие счастливые времена мы с тобой живем. Столетия, тысячелетия люди будут завидовать нам!

Ж е н а. Да, но сейчас тяжело.

П е к л е в а н о в *(целуя ей руку)*. Знаю. И мне не легко. В бинокль я видел: от крепости с узелком идет Филонов. Знаешь, такой лысенький, старенький слесарь из железнодорожного депо. В крепости ведь американцы устроили концентрационный лагерь, и Филонов, наверное, носил сыну передачу. Я представил себе муки старика. Филонов знает, что японцы сожгли Сергея Лазо в паровозной топке...

Ж е н а. Боже!.. На углу, против нашего дома, японец с корзинкой бумажных цветов. А одет — словно не бумажные цветы, а шелк продает.

П е к л е в а н о в. Значит, шпик. Ну-ну... тут всюду шпики... и один другого глупее. Ты не волнуйся, Машенька. У тебя и сердце слабое, и это вредно в твоем положении. Ради будущего наших детей держи себя крепко, Маша.

Ж е н а. Я держу себя. *(Взглянув на стол.)* Ну что это? На столе оставил важные бумаги.

П е к л е в а н о в. Это я не оставил, а приготовил.

Ж е н а. А в ящике стола — два револьвера.

П е к л е в а н о в. Да, действительно револьвер, хотя бы один надо б спрятать. *(Достает из ящика револьвер и кладет его в карман.)* А второй возьми себе, Маша.

Ж е н а. Восстание назначено на сегодня?

П е к л е в а н о в *(помолчав)*. А почему ты догадалась?

Ж е н а. Я ли тебя не знаю, Илья?

Стук извозчичьей пролетки.

Приехали? За тобой?!

П е к л е в а н о в. Ничего, ничего! Это Семенов. Он всегда ездит на

лихачах, изображая гуляку. Что ж, довольно безопасная выдумка.

Стук в дверь.

А это вот Знобов! Он, наоборот, предпочитает ходить пешком и очень бедно одетым. Войдите, друзья!

Входят члены ревкома Семенов, Знобов *и партизан* Петров.

Здравствуйте, здравствуйте! Дождь? У меня горло заложило и третий день насморк. *(Доставая платок.)* Смотрите, какие здесь платки носовые вырабатываются! Не платок, а будто солнце в океан уходит. Нет, платок должен быть скромным. *(Сморкается.)* Итак, все члены штаба ревкома собрались? Товарищ Петров, мы вас ввели в состав штаба.

Петров. Спасибо, товарищ Пеклеванов. Я тут, в порту, среди грузчиков и возчиков кое с кем сошелся.

Пеклеванов. Новости от Вершинина есть?

Петров. Окромя того, что он сам мне велел передать, других новостей, Илья Герасимыч, еще не получили. Вершинин — туча. Куда ветер — туда и он с дождем. Куда мужики — туда и Вершинин.

Знобов. Поезда с ранеными американцами и японцами продолжают прибывать. И все в голос: Вершинин идет.

Петров. Он придет. Его слово верно.

Пеклеванов *(достав из стола бумаги).* Маша, согрей-ка нам чайничек! Мы потолкуем. *(Семенову.)* Численность крепостного гарнизона, считая охрану арестованных, на сегодня?

Семенов. Тысяча девятьсот штыков.

Пеклеванов. В том числе русских, мобилизованных?

Семенов. Два неполных батальона, готовых перейти на нашу сторону. Они только просят, чтоб к ним комиссара-коммуниста прислали...

Пеклеванов. Вы и пойдете комиссаром, Семенов.

Семенов. Слушаюсь.

Пеклеванов. Когда рабочие депо захватят железнодорожную станцию и выпустят две ракеты, это будет означать, что они идут на штурм крепости и что вы, Семенов, должны поднять восстание внутри крепости.

Семенов. Будет сделано, товарищ Пеклеванов.

Пеклеванов. Начав восстание в крепости, Семенов, выпустите три ракеты. *(Повернувшись к Петрову.)* Это будет означать, Петров, что вы должны захватить порт. Мы назначаем вас комиссаром порта.

Петров. Уж и не знаю, как справлюсь, а благодарю вас, Илья Герасимыч, за доверие.

Пеклеванов *(Семенову)*. Добавили американцы пулеметов и орудий в крепость?

Семёнов. На первый и второй форты добавили по десять пулеметов, а в общем вооружение крепости прежнее.

Пеклеванов. Патронов? Снарядов? Гранат?

Семенов. Неограниченный запас.

Пеклеванов. Значит, когда захватим крепость, снарядов у нас будет достаточно, чтобы обстрелять десантные корабли? Час их прибытия не изменен?

Семенов. Они прибудут в момент начала нашего восстания.

Пеклеванов *(Знобову)*. Перебросьте в крепость в распоряжение товарища Семенова необходимое число артиллеристов и прислуги, способных управляться с крепостными орудиями.

Знобов. Слушаюсь, товарищ председатель ревкома.

Пеклеванов. Когда из депо взовьются две красные ракеты, вы, Семенов, откроете огонь из крепостных орудий по кораблям интервентов.

Семенов. Слушаюсь, товарищ председатель ревкома.

Пеклеванов. Знобов — комиссар депо. Ему сегодня ровно в семь вечера поручается начать восстание.

Знобов. Будет исполнено, товарищ председатель ревкома.

Пеклеванов. А почему все-таки лицо хмурое, Знобов?

Знобов. Подтверждений точных нет, Илья Герасимыч.

Пеклеванов. Каких нет подтверждений? Чему нет подтверждений?

Знобов. А что Вершинин разбил американцев и японцев. Вдруг да они вовсе не в панике? Вдруг да они нам в тыл ударят?

Пеклеванов. Вы верите партии, Знобов?

Знобов. Кому ж мне верить, если не партии?

Пеклеванов. А мне вы верите?

Знобов. Через вас, Илья Герасимыч, я свет увидел, жизнь понимать стал.

Пеклеванов. Я верю Вершинину, верю народу русскому. Пусть даже американцы разобьют Вершинина, пусть город один поднимет восстание — все равно буря в крестьянстве такая, что оно поддержит город — и мы победим. Да, Знобов?

Знобов. Победим, Илья Герасимыч!

Пеклеванов. А теперь чайку попьем.

Семенов. Что вы, Илья Герасимович, какой тут чай!

Пеклеванов. Нет в жизни таких обстоятельств, при которых нельзя было бы напиться чаю. Машенька, чайку... И покурим. *(Смотрит в корзинку.)* Ну, вот, папирос-то и забыла купить. Семенов, вы, кажется, курите?

Семенов *(подает портсигар)*. Пожалуйста!

Пеклеванов. Опять американские сигареты? И чего ради курить такую мерзость? Русские табаки лучшие в мире. Который, однако, час? *(Смотрит.)* Ого! Пора!

Семенов. Как у вас насчет оружия, Илья Герасимыч? Дорога вроде спокойна, а все-таки шпики могут обстрелять...

Жена. Ах!

Пеклеванов. Эх, слова-то вы все какие выбираете, Семенов.

Семенов. Виноват!

Пеклеванов. Ну, идите. Обождите меня в пролетке.

Семенов, Петров и Знобов уходят.

Да, бывают, значит, случаи, когда перед делом и чайку попить некогда! Все же ты налей мне, Маша, стаканчик, покрепче.

Жена *(прикрывая своим телом входную дверь)*. Не пущу! Кто мне тебя вернет, если интервенты убьют тебя? Кто? *(Запирает дверь и кладет ключ в карман.)*

Пеклеванов. Семенов всегда преувеличивает опасность.

Жена. А ты преуменьшаешь!..

Пеклеванов. Маша, я не понимаю твоего настроения.

Жена. Нет, понимаешь! Ты все понимаешь, но ты готов пожертвовать всем... всем...

Пеклеванов. А как иначе должен действовать коммунист? И как должна действовать жена коммуниста?

Голос Семенова *(с улицы)*. Купец, скоро? Темнеет, рестораны запрут, выпить хочется.

Пеклеванов *(напряженно посмеиваясь)*. Конспиратор! Рестораны запрут!.. Почему в шесть часов рестораны должны запирать?

Жена. Потому что введено осадное положение. Илья! Не ходи!

Пеклеванов. Позор, Маша! Что же мне, как гоголевскому Подколесину, в окошко прыгать? Ведь и подумать нельзя... никак нельзя подумать, чтоб я отказался. Ты мне всегда верила. Так вот я тебе со всей убежденностью говорю, что для меня нет смерти. И я, и ты, и наши дети — бессмертны, потому что мы дети народа, а народ бессмертен. И ты, жена большевика, должна это понять, должна. И ты поняла. Да?

Жена *(вынимает из кармана ключ, отдает)*. Иди.

Пеклеванов *(отпирает дверь, выходит и сейчас же быстро возвращается. Запирает дверь)*. Ерунда какая!.. *(Лезет в окно.)*

Жена. Илья, что такое?

Пеклеванов скрылся.

В дверь стучат. Жена молчит. Ручка двери начинает двигаться.

Ж е н а. Кто это? Кто? *(Открывает дверь.)*

Входит я п о н е ц *с корзиной цветов.*

Я п о н е ц *(ставит корзину на стол).* Нисиво.
Ж е н а. Что вы хотите?
Я п о н е ц *(оглядывая комнату).* Нисиво.
Ж е н а. Что вам нужно?

Слышен стук удаляющейся пролетки.

Я п о н е ц. Нисиво. Нисиво... *(Подбегает к окну. Смотрит. Затем поспешно выскакивает на улицу через дверь.)*
Ж е н а. Послушайте, а корзинка? *(Смотрит в окно.)* Туда? За ним, за Ильей?

Выстрел на улице.

(Хватает револьвер из ящика стола.) Вот тебе — «нисиво»! Вот, вот, вот! *(Стреляет в окно несколько раз.)*

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Депо. Очень шумно и в самом депо и за его дверями. Слышны гудки паровозов, лязг буферов, движение вагонов и голоса толпы, бегущей по путям. Р а б о ч и е *достают из подвала ящики с оружием. Седой тощий рабочий* Ф и л о н о в, *держа узелок в руке, прислонился к рычагу, которым включается гудок. Входит* м о л о д о й р а б о ч и й.

Е в г е н ь е в *(над подвалом).* Пошевеливайся там, внизу! Сейчас Знобов придет. *(Молодому рабочему.)* Ну, как там?
М о л о д о й р а б о ч и й. Четыре поезда с американскими да три с японскими войсками подкатили! С фронта утикают, ха-а!..
Е в г е н ь е в. Слышишь, Филонов? Вершинин-то американцев жмет!
М о л о д о й р а б о ч и й. И как еще жмет! Слышите, орут? Требуют, чтоб их в крепость вели: там, дескать, укроемся. Не-е, от нас не укроешься!
Е в г е н ь е в. Сейчас Знобов явится, будем восстание начинать. Филонов, слышишь?
Ф и л о н о в. Не буду гудеть. Сам Пеклеванов придет и ему скажу: не буду гудеть, не буду подавать знака к восстанию!!
М о л о д о й р а б о ч и й. Очумел!
Ф и л о н о в. Вы очумели, а не я. У меня в лагере, в крепости, сын сидит, будете наступать на крепость, американцы его расстре-

ляют. Что, вам моего сына не жалко? Что вы, не люди? Нельзя мне гудеть!

Медленно входит З н о б о в.

З н о б о в. Раздали оружие?

Е в г е н ь е в. По всем цехам роздано, сейчас для себя берем.

З н о б о в. Непосредственное руководство восстанием поручено мне. Я им из депо руководить буду. Товарищ Евгеньев!

Е в г е н ь е в. Слушаю, товарищ Знобов.

З н о б о в. Людей на крепость поведешь ты, Евгеньев.

Е в г е н ь е в. Есть.

З н о б о в. Напоминаю, Евгеньев. Две выпущенные мною белые ракеты означают — начинай штурм крепости.

Е в г е н ь е в. Две белые ракеты — штурм крепости.

З н о б о в. Три белые ракеты из крепости, значит — комиссар Семенов поднял там восстание.

Е в г е н ь е в. Три белые ракеты — восстание в крепости, мне легче.

З н о б о в. Две красные ракеты из депо — крепость открывает огонь из орудий по кораблям интервентов, приближающихся с десантом.

Е в г е н ь е в. Две красные ракеты — «огонь по кораблям интервентов!» Все?

З н о б о в. Все.

Е в г е н ь е в. Разрешите задать вопрос, товарищ Знобов? Товарищ Пеклеванов...

З н о б о в. Он будет здесь. Оружие все получили?

В с е. Все!

М о л о д о й р а б о ч и й. И отрядам своим раздали.

З н о б о в. Филонов, давай гудок! Пора!

Ф и л о н о в *(схватил валявшийся на полу тяжелый молоток и вернулся к гудку)*. Никифора Фотова американцы в крепости убили, Кондратия Глебова голодом заморили, Степана Мартемьянова на воротах повесили... Сыну принес нонче шаньги, не пускают! А на крепость пойдете, всех арестованных они перебьют. Моего сына, сына моего убьют! *(Поднимает молоток.)* Отойди, которые, от гудка!

М о л о д о й р а б о ч и й. Смирись, Филонов.

П е р в ы й р а б о ч и й. Не волынь, Филонов!

В т о р о й р а б о ч и й. Весь город гудка ждет, что ты?!

Ф и л о н о в. Пеклеванов придет — и ему скажу: не буду гудеть!

Е в г е н ь е в. Слушай, Филонов. Мы с тобой рядом двадцать лет работаем — и ни разу не ссорились: тебе говорю: гуди, иначе прикончу тебя. *(Поднимает револьвер.)*

П е р в ы й р а б о ч и й. Да он загудит!

З н о б о в. Семь часов. Филонов, гуди!

Е в г е н ь е в. Смирись, Филонов!

З н о б о в. Мне приказано начать восстание в семь часов — и я начну, Филонов!

Ф и л о н о в. Не смирюсь. Не буду гудеть! Стреляй!..

М о л о д о й р а б о ч и й. Товарищ Пеклеванов!

З н о б о в. Товарищ Пеклеванов скажет свое слово.

Дверь медленно открывается. Голоса за дверью. Рабочие, стоявшие у дверей, отступают. На складной железной кровати, превращенной в носилки, вносят тело Пеклеванова. За телом идет ж е н а Пеклеванова.

Ф и л о н о в *(оторопело)*. Помер? *(Всматриваясь.)* Убили?! *(Крестится.)* Царство тебе небесное, душевный ты человек, Илья Герасимыч!

Вбегает а м е р и к а н с к и й о ф и ц е р.

А м е р и к а н с к и й о ф и ц е р. Вагон генерал Спасски где?

Офицера ударяют прикладами. Он падает. Его быстро выносят за дверь.

Ф и л о н о в. Пеклеванова убили!.. Ну, теперь загужу... Сам загужу — пусть на смерть сыну своему и себе... Открывай восстанье, Илья Герасимыч! *(Дает гудок.)*

З н о б о в. Вперед, в направлении крепости!

Е в г е н ь е в. В направлении крепости! Развертывай знамя, товарищи! Филонов понесет!

З н о б о в. Знамя оставить здесь. *(Берет знамя и накрывает им тело Пеклеванова.)* Вас и без флага кому нужно поймут.

Р а б о ч и е. Втолкуем!
— Айда, товарищи!

Р а б о ч и е уходят. Знобов подходит к жене Пеклеванова, стоящей у тела мужа. Вбегает м о л о д о й р а б о ч и й.

М о л о д о й р а б о ч и й. Ворвались! Выбили! Станцию захватили, товарищ Знобов!

Ж е н а. Вокзал взяли?

М о л о д о й р а б о ч и й. Взяли!

З н о б о в. Две белые ракеты!..

Вбегает с в я з н о й.

С в я з н о й. Записка от товарища Петрова.

З н о б о в *(прочитав записку)*. Сообщи Петрову: станцию захватили.

С в я з н о й убегает, вбегает т р е т и й р а б о ч и й.

Как там, в крепости?

Третий рабочий. В крепости тоже бой. На станции обнаружен эшелон с боеприпасами. Что делать?

Знобов. Собирай всех, кто остался в цехах, на подноску снарядов бойцам.

Третий рабочий убегает.

Молодой рабочий. Товарищ Знобов, в море показались корабли интервентов.

Знобов. Не может быть?! *(Смотрит в бинокль.)* Да, корабли! Что же они там, в крепости, валандаются? Что же этот Семенов думает?.. Ну, смотрите, смотрите, корабли идут! Десанты американские, японские идут, а они там валандаются!.. *(Хватает винтовку и гранаты.)*

Жена. Вы куда, Знобов?

Знобов. В крепость! Десанты подходят, а они там...

Жена. Вы непосредственно руководите восстанием, Знобов. Вы замещаете Пеклеванова, как же вы можете покинуть штаб восстания? Позвольте мне пойти. Дайте винтовку и гранату.

Знобов дает оружие, жена Пеклеванова уходит.

Молодой рабочий. Ракета!.. Вторая!.. Третья!.. Три белые ракеты из крепости! Ура-а!..

Знобов. Комиссар Семенов поднял восстание в крепости. Две красные ракеты.

Рабочий. Людей на подноску снарядов организовал. Американцы бегут из портовых зданий, товарищ Знобов!..

Знобов. Петров поднял восстание в порту. Ну, на порт я всегда надеялся. Крепостные орудия бьют по кораблям интервентов.

Молодой рабочий. Товарищ Знобов, корабли интервентов от наших орудий в океан повернули!.. Удирают от наших крепостных орудий! Прожектор вдоль линии, товарищ Знобов!

Знобов. Почему прожектор? Откуда тут быть прожектору?

Молодой рабочий. Бронепоезд?! Под красным флагом! Наши!..

Входит Вершинин. За ним партизаны, рабочие, жена Пеклеванова. Вершинин останавливается перед телом Пеклеванова, снимает шапку.

Вершинин. Грозно ты нас встретил, Илья Герасимыч. А мы тебе огромные земли отвоевали, американцев, японцев, англичан разбили... *(Яростно, громко.)* Разбили, да не добили! Где они еще сидят, Знобов? Откуда их надо выбивать?

Знобов. В крепости их доколачивают... *(Вершинину.)* А в порту с интервентами твой Петров еще бьется.

Вершинин. Василий! Бронепоезд к порту! Бей этих американских, японских паскуд, сбрасывай в море! Миша, веди бронепоезд!

М и ш а. Веду, Никита Егорыч.

В е р ш и н и н. Илью Герасимыча — на бронепоезд! Перед собой, на руках его понесем, как знамя наше боевое. Пущай Илья Герасимыч первым в порт войдет.

Музыка. Ж е н а Пеклеванова, В а с ь к а О к о р о к и другие п а р т и з а н ы поднимают носилки с телом Пеклеванова. В е р ш и н и н и З н о б о в помогают поднять носилки, а затем Вершинин идет к дверям. Сцена пуста. За окном — бронепоезд. Гремит музыка.

(На бронепоезде.) Вперед! Броневик — к бою!

М и ш а *(запевает).* Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Музыка. Бронепоезд отходит.

З а н а в е с

БЛОКАДА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аладьины:
Осип Мироныч.
Артем Осипыч — его сын.
Анна Матвеевна — жена Артема Осипыча.
Семен — второй сын Осипа Мироныча, матрос кронштадтский, «клешник».
Лукьян — внук Осипа Мироныча.
Дениска — второй внук Осипа Мироныча.
Сергей Жихарко — печатник.
Ольга — его дочь, накладчица.
Загид Юсупов — печатник.
Грушников, *Магин* — *наборщики.*
Пансий Кисель — странник, живущий при общежитии скоропечатни.
Иван Ададуров, *Григорий Тюфякин* — бывшие совладельцы скоропечатни «Трех Ветров».
Яблочкин — корректор типографии.
Куваев — представитель СНХ Петрограда.
Антоний Гетеерец — голландец, владелец корабля «Дракон».
Яков Делагарди — швед, штурман корабля «Дракон».
Сашка Рубцов — матрос из Кронштадта.
Домна-Розанда Прекрасная — проститутка.
Андронов, *Иван Мясной*, *Павлюк*, *Лыков*, *Федька Забот* — Курсанты тульских военных курсов Красной Армии, направленные на Кронштадт и расквартированные в общежитии скоропечатни «Трех Ветров».
Первая и вторая торговки.
Старик с Буддой.
Безмолвный милиционер.
Женщина с веером.
Обыватель с попугаем.
Обыватель с китайским ковром.
Обыватели.
Рабочие скоропечатни, курсанты.

Место действия — припортовые улицы Петрограда. Время — 1921 год, март.

ПРОЛОГ

Над каналом колышется туман, скрипят уключины и слышна песня Рубцова:

Товарищ, товарищ, болять мои раны,
Болят мои раны вглубоке.
Одна заживает, другая нарывает,
А третья во внутреннем боке!
Товарищ, товарищ, вопче погибаю...

Туман медленно спадает, и уже видны вдали огни порта и большое мутное окно скоропечатни, по которому скользят тени людей. Лодка причаливает, звенит цепь, и слышен неразборчивый голос Рубцова. Из переулка, качаясь от голода и страха, показываются туманные спутники Рубцова: Я б л о ч к и н, А д а д у р о в, Т ю ф я к и н. Туман все реже. Гудит сирена. Спутники Рубцова вздрагивают, останавливаются. Выходит Д о м н а - Р о з а н д а П р е к р а с н а я. Она в изорванных ботинках, стучит оторванными каблуками, а на голове у нее персидская керманшаль. Обняв Домну-Розанду за плечи, величественно и нагло качается Р у б ц о в.

Д о м н а - Р о з а н д а *(радостно)*. Конец коммунизму!

Спутники кидаются к Рубцову. Он их останавливает рукой.

Я б л о ч к и н. Товарищ Рубцов, мы к вам.

Р у б ц о в *(хрипло и упоенно)*. Слушайте меня.

А д а д у р о в. Вам давно уже пора ехать.

Рубцов поднимает кулаки. Спутники замирают.

Р у б ц о в. Хватит! Опускаю якорь. Стоп машинка! Не поеду я в Самарскую губернию мешочничать! Не подходи, не раздражай! *(Выхватывает нож.)* Поколю раздражателей!

Я б л о ч к и н. Кому ж ехать за хлебом, товарищ Рубцов?

А д а д у р о в. Мы вам и портьеры, мы вам и мебель свою ободрали.

Т ю ф я к и н. Скоропечатню нашу захватили; мебель мы свою сами пожгли, и слышите, пароход еще над нашим несчастьем...

Вой сирены «Дракона».

Р у б ц о в. Мебель меня ваша не касается. И несчастья меня ваши не касаются. А что скоропечатню вашу забрали... *(Подходит к*

окнам, смотрит.) Ишь, галдят, руками машут, беспокоятся! Про кронштадтские разговоры услыхали? Семен Аладьин на моей стороне, слышали?..

Ададуров *(робко)*. Поезд может уйти, товарищ Рубцов.

Тюфякин. Нам очень голодно, знаете, нужен хлеб.

Ададуров. В крайнем случае я еще предложу вам золотые часы с портретом железного канцлера Бисмарка.

Рубцов *(грозя кулаком типографии)*. Я вам покажу гудеть! Мы за вас все революции перенесли, а вы только гудете у машин...

Домна-Розанда. Езжай, езжай в Самарскую губернию, матрос, а перед поездом пойдем, я тебе для ради *(указывает на окружающих)* страдающих людей бесплатно переночую...

Рубцов. Отхлынь, растыка! Революционер я или не революционер? Нужны мне коммунисты или не нужны? Справлюсь я с Расеей без коммунистов или не справлюсь? Отходи, поколю, не мешай думать!

Яблочкин. Кому же, если не вам думать, гражданин Рубцов. А нам надо хлеба и нам, знаете, тяжело. Вот, слышите, опять воет: в этом несчастном городе даже пароход заблудился.

Ададуров. Идите к вокзалу, а то в тумане и вы заблудитесь.

Тюфякин. Туман опять спускается. Уже третью неделю туман...

Ададуров. На вокзале я вручу вам часы железного канцлера...

Рубцов. Я сам крепче железа и звончее всякого металла. Катитесь от меня к чертовой матери! Я, может быть, шесть адмиралов потопил и часов у меня золотых... я даже не сосчитаю, сколько у меня золотых часов. Представляете вы меня, кто я! Я герой, я...

Кисель *(с мешком под мышкой выходит тихо из дверей скоропечатни)*. А я из себя, Рубцов, представляю странника при скоропечатне «Трех Ветров». Остановившегося странника. В скоропечатне галдеж, страннику скучно, Дениска Аладьин ходит вроде домового, упереть страннику, выходит, трудно, и все же *(опускает узел)* я упер. Рубцов, литеры на пули бандитам продашь, отличные пули отольют из литер.

Тюфякин *(Киселю укоризненно)*. Опять вы растаскиваете нашу скоропечатню?..

Кисель. А если тебе жалко литер — перекупи. Я тебе, как хозяину, даже дешевле, чем Рубцову, продам.

Ададуров. Как мне ни противно, но я могу па вас Дениске пожаловаться, Кисель.

Кисель. Поди жаловайся. Найди Дениску поди. Там такой галдеж да суматоха! *(С мечтательным восхищением.)* При такой суматохе, вижу я, громадные суммы можно переть!..

Рубцов *(решительно)*. Это что такое стоит, Кисель, скоропечатня?..

Кисель *(тоже решительно)*. Скоропечатня... бывших... вот *(указывает)* этих...

Рубцов. Это что, Кисель, шаланда?

Кисель. Ей-богу, шаланда, Рубцов.

Рубцов. А в типографии галдят, Кисель?

Кисель. Галдят, Рубцов.

Рубцов. О чем галдят, странничья твоя душенька?

Кисель. Сомневаться начали, матросское твое горлышко!

Рубцов. Амба! *(Стучит ножом в шаланду.)* Объявляю: вот вылез я сейчас с лодки на берег, вот — шаланда, вот — скоропечатня... Объявляю: свободную торговлю, закрытие коммунизма, а скоропечатня, если со мной не согласится,— я ее в железный лом сдаю. Шаланда моя! Берег мой! Скоропечатня моя! Петербург мой! Я теперь пират.

Пауза.

Тюфякин *(Ададурову)*. Если он действительно пират, не привезти ему хлеба. Зачем пирату ехать в Самарскую губернию?

Ададуров *(вдруг обрадованно)*. А знаете, тут, кажется, что-то можно сделать... Я еще не знаю, что: я устал, мне трудно думать. Я шесть дней уже не кушал хлеба — все картошка и картошка...

Рубцов *(впрыгивая в шаланду)*. Нужны Петербургу дрова или не нужны? Вот и разбираю шаланду на дрова! Эй, подходи крещеные, свободная торговля открыта! Пять фунтов хлеба за бревно, сухие хорошие бревна, малодержанные...

Пауза.

Домна-Розанда. Кто же бревно за пять фунтов продает, грабитель? Стыдно мне за тебя. Ты знаешь, как эти пять фунтов мне достаются. Возьми два!

Рубцов. Не торгуйся с пиратами, бери, пока не раскупили. С тебя четыре фунта и одна ночевка, Домна-Розандушка, курва...

Кисель. Так ты не едешь в Самарскую, Рубцов?

Рубцов. Пять фунтов, пять фунтов, надвигается сырость, покупайте...

Кисель. Не едешь? *(Быстро развязывает узел, достает оттуда матросскую рубашку и бушлат, быстро накидывает их на себя и становится рядом с Рубцовым.)* Пять фунтов за бревно, кроме того, продается шрифт, литеры, годные для рыболовных грузил и пуль...

Тюфякин. Наш же шрифт нам же на пули предлагают, мешочник превращается в пирата, странник — в революционного матроса, и в тумане вопит в беспорядке пароход... Боже мой! А в кого же превратился Семен Аладьин? Слышишь, Рубцов?

Р у б ц о в. Скоро узнаем. *(Прислушивается.)* Это ты насчет какого парохода, хозяин, жалуешься?

Слышна сирена.

А ведь на самом деле воет. Скитаешься? Торговать мешаешь? Вот я сейчас вам свой дар речи покажу. А ну, вой! *(Начинает выть вместе с пароходной сиреной, и та медленно начинает утихать.)* Замолчала? Меня не смутишь!

Туман сгущается.

Во, окаянная мгла — и товару покупатель не рассмотрит! Кисель, подай мне зажигалку.

Кисель подносит к лицу Рубцова зажигалку. В темноте видно только бешеное лицо Рубцова, освещенное огнем зажигалки. Слышно шипение пара, короткие свистки, глухие слова команды.

Стой, корабль! Стой, кляповина!

Г о л о с Д е л а г а р д и из тумана: «Это Петербург есть?»

Р у б ц о в. Вот и прешь ты, курва, на Петербург!

Г о л о с Д е л а г а р д и: «Вы есть на льдине?»

Р у б ц о в. Мы есть на берегу, сукин ты сын!

Г о л о с Д е л а г а р д и: «Как — на берегу? О механик, тихий ход назад!»

Р у б ц о в. Куда же ты прешь? Куда? Не дави людей, тут бревно торчит из моей шаланды, стой!

Слышны вопли, треск ломающихся досок, сирена смолкает. На шаланде остается Рубцов, все остальные убежали.

Вот и напоролся на бревно! Куда теперь якорем на меня идешь, не видишь: человек, Рубцов! Убери якорь!

Туман спадает. Сначала виден ржавый, опутанный водорослями якорь, который уперся прямо в грудь Рубцову, затем показывается весь корпус парохода — ветхий, с разорванной и залатанной обшивкой, с торчащими на ней тряпками и газетами, рваный спасательный круг висит, привязанный куском толстого каната, у перил парохода ящики с товарами, на ящиках с биноклем в руках Д е л а г а р д и, оборванный, грязный.

Сказал — остановлю, вот и якорь...

Д е л а г а р д и *(испуганно смотрит на Рубцова)*. В пароход вошло ваше бревно, господин?

Р у б ц о в. А почему ему не войти?

Кисель (*развязно идет на шаланду*). Наше бревно в любое помещение войдет.

Делагарди (*все тем же оторопелым голосом*). Это Петербург есть?

Рубцов (*деловито*). Откуда корабль?

Делагарди. О, мы пока из Стокгольма! Мы торговцы. Ваша страна — непонятная страна. Мы приезжали в нее много раз, и каждый раз она была другого вида. Мы не можем привыкнуть. У входа в залив поднимается на корабль лоцман, этот лоцман совершенно пьян и не интересуется рулем, а интересуется революцией в Стокгольме. У нас мало революций, и мы только торговцы! И с лоцманом вместе напился наш механик и, напившись, стал интересоваться революцией в Петербурге. Катер повел нас в порт, и вдруг катер лопнул в том месте, где у него канат, а команда его не знала этого и революционно пела и ушла от нас. И мы остались одни в тумане. Вы есть представитель правительства?

Рубцов. Я есть пират и, кроме того, могу огневые речи произносить.

Делагарди (*изумленно*). О-о-о!.. Ваша страна — непонятная страна.

Тем временем набережная наполняется испуганными и голодными обывателями с мешками, корзинками, тележками. Они боязливо пробираются вдоль стен, сторонясь Рубцова. Суровый ветер треплет их жалкие одежды.

Домна-Розанда (*указывая иностранцам на обывателей*). Не верь им, иностранец. Лучше меня никто с тобой спать не сможет. Угости папироской. Я сколько времени тебя ждала, они тебя обманут.

Первый обыватель. Здесь!.. Сюда!..

Второй обыватель (*Тюфякину*). Здесь иностранцы будут белые булки разбрасывать?

Тюфякин. Не слышал.

Второй обыватель. Жадничаете, а еще интеллигент!

Первая обывательница (*бежит к сходням*). Мы будем рвать и хватать булки, а нас снимать.

Первый обыватель. Для иностранного кино!

Вторая обывательница. Голодающих и несчастных жителей Петербурга!

Делагарди смотрит на обывателей с ужасом. Он устал, и ему трудно жалеть кого-либо, кроме себя. Он останавливается на сходнях и, прислушиваясь к воплям, слабо отмахивается руками и от своих мыслей и от неистовых, полусумасшедших людей.

Делагарди. Господин Гетеерец, почему вы не выходите?

Голос Гетеереца: «Я переодеваюсь для представительства».

Второй обыватель. Снимайте, пожалуйста, скорей. Снимайте, пока остальной народ не прибежал. Иначе давка будет, уверяю вас.

Вторая обывательница. Им давку интересней снимать, но нам больно, иностранцы. Мы голодные и больные...

Первая обывательница. Бросайте, пожалуйста, скорее белые булки!.. Белые булки!.. Бросайте скорее белые булки!

Делагарди *(устало)*. Господа, у нас нет белых булок. Мы не в силах их бросать. Мы — бедные иностранцы, мы почти пираты... Мы...

Рубцов *(обрадованно)*. Пираты-ы!.. Я же сам оратор и пират. Что ж ты мне вместо руки якорь протягиваешь? Иди сюда!

Делагарди. Мы в блокаду возим и продаем продовольствие в страны, где его нет. Мы возили в Германию, немцы нам платили аккуратно, мы наняли шесть кораблей, и англичане взорвали те корабли на воздух. Мы собрали последние крохи и поехали в Россию. О, как сюда тяжело ехать!.. Мы оборвались, обносились. Много эскадр ловило нас, бедных торговцев. Аэропланы выслеживали наш путь. Мы много страдали. У нас есть только один костюм для представительства, владелец корабля «Дракон» сейчас надевает этот костюм.

Входит Гетеерец, в смокинге и котелке.

Голоса. Зачем же хвастались, что будете снимать??
— Зачем у вас фотографический аппарат?
— Бросайте булки!..
— Булки, белые булки!..
— Дайте нам булки!..

Делагарди. В торговле выгодней всего говорить правду. Я долго торгую и привык к правде. У нас нет фотографического аппарата. *(Все так же утомленно-смущенно.)* Вот владелец корабля «Дракон».

Гетеерец. Мы приехали торговать, а не разбрасывать булки. Мы не кинооператоры и не пасторы. Мы привезли в Россию продовольствие, а вместо него берем железо, медный и чугунный лом!

Рубцов. Имею лом. Иди сюда!

Кисель *(подходит к Гетеерецу и отводит его в сторону)*. Никто тебе такого поучительного разговора не даст, как я. Вот видишь: Рубцов! *(Кричит.)* Рубцов, есть, сделано, пожалуйста!

Рубцов подходит к Гетеерецу. Делагарди окружен обывателями.

Р у б ц о в. Типографии покупаешь? Машины берешь?

Г е т е е р е ц. Совесть не позволяет нам покупать машины без владельцев таковых, и мы берем только лом.

Р у б ц о в. Есть и лом. Есть и владельцы. Бревно мое? Мое. Вынуть бревно надо? Выну. И плотников приведу и механиков. И починят и типографию разберут. Вот и весь мой разговор. *(Уходит в шаланду.)* Кому бревно? Кому недорогое бревно?..

К и с е л ь. Эй, хозяева!

Торопливо подходят А д а д у р о в и Т ю ф я к и н.

Т ю ф я к и н *(заикаясь от радости).* Вы — европейцы, вы поймете, как нам тяжело жить... Мы питаемся картофельной шелухой, и у нас отнята типография, отнят дом и мебель.

А д а д у р о в *(отталкивая Тюфякина).* Мы возьмем с вас очень недорого... Машины скоропечатни куплены в Германии перед самой революцией, в Лейпциге, у фирмы «Копп и сын», и приспособлены для печатания роскошных изданий. Кроме того, четырехэтажный дом. Мебель, правда, пострадала... но вы, культурные люди, вы поймете, что дом...

Г е т е е р е ц. Мне не надо дома. Дом трудно увезти.

А д а д у р о в. Отлично, отлично! Вы знаете — самые ценные машины даже не разобраны... Виноват, ящики сожгли, но машины...

Т ю ф я к и н. У меня постоянные колики и по утрам головные боли...

А д а д у р о в. Кроме того, нефтяные двигатели и свои динамо-машины — не хотели связываться с городской электрической сетью, потому что — видите ли...

К и с е л ь *(отталкивает владельцев).* Потому что дураки. Кто так с покупателем разговаривает? *(Подходит вплотную к Гетеерецу.)* Наши предложения — мое, значит, и Рубцова *(указывает на владельцев),* а эти... так... для честности взяты. Ты покупаешь эту типографию как лом?

Г е т е е р е ц. Кто же может выдать исправную типографию на слом?

Т ю ф я к и н. Мне бы на солнышко, в Италию...

К и с е л ь. Раз я говорю, значит — имею полномочия. Мы, может, тебе всю Расею на слом сдадим. *(К хозяевам.)* Не застите мне света. Дайте мне простор для разговора. Теперь к Петербургу мгла приближается, и Кронштадт, того гляди, сплошь, как Рубцов, встанет. А против Кронштадта никто, кроме коммунистов, не пойдет, понял? Грабиловка и сражения на улицах, а мы тем временем — в чужие страны странничать!

Т ю ф я к и н. Хорошо бы в чужие страны...

Г о л о с а. Дайте нам булки!

— Обманщики, зачем остановились?

— Зачем обещали снимать?

Д о м н а - Р о з а н д а. Иностранцы, уходите, Дениска бежит.

Голоса. Бросайте булки, пока не прибежал Дениска!

— Бросайте булки!

Рубцов. Шаланда моя. В корабле мое бревно. Берег мой. Петербург мой. Идем, иностранцы, скоропечатню осматривать. На слом! А Дениска... Кто такой Дениска? Я любому Дениске дам в морду, и закроются навеки у него глаза.

Домна-Розанда. Закрой ему глаза, Рубцов. Прекрати Дениску. Надоели мне Аладьины!..

Рубцов. И закрою.

Толпа шарахается. Вбегает Дениска.

Дениска Аладьин. Почему здесь без дела столько людей? Граждане, отойдите, заслоняете горизонт. Пароходчики, господа пароходчики, есть у вас разрешение опускать якорь против нашей скоропечатни? У нас сегодня гарт украли. Литеры пропали. Ненужные, а все-таки из хозяйства... Разрушают!

Кисель. Без разрешения не разрушат ценностей. Иностранцы на шаландное бревно наехали, значит, и в этом есть смысл и разрешение, Денис Артемыч.

Дениска. Кисель, не поучай! Если иностранец — в порт он должен войти. Мы типографию обязаны пустить, а иностранец от нее внимание отвлекает.

Медленно клубится туман.

Голоса. Туман! Опять туман!

— Фотографируйте, пока не спустился туман!

— Бросайте булки, ради бога!..

— Бросайте булки, мы хотим есть!..

Дениска. Вчера краски бочонок уперли, а сегодня гарт, литеры...

Кисель. Небось сам украл, а теперь треплешься.

Дениска. Литеры пропали из зеленого ящика. Все хозяйство разворуете! Матросы подозрительные по Петербургу шляются. Кисель, стерва, и тот в матросы попал. Скоропечатня стала. Нефти нету. Мне нефть надо!

Кисель хохочет.

А тут девки в типографии любовь крутят!..

Кисель. Любовь и нужна в такой мгле!

Дениска. И ты о любви завопил, гнида!.. Иностранцы, черт вас дери, отвечайте, я револьвер достаю!

Делагарди. Мы не можем отойти. В нашем корабле бревно.

Рубцов. Это мое бревно!

Дениска. Какое бревно? Руби бревно и отходи в порт. Мне работать надо. Мы и во мгле будем работать. Я — комендант скоро-

печатни «Трех Ветров», и я от имени коммуны спрашиваю последний раз...

Делагарди. Я отвечаю вам правду, господин комендант. Мы в тумане вошли в канал и наткнулись на шаланду. Машины повреждены... кругом туман...

Гетеерец. Мы приехали честно торговать. Раньше всего мы торговали...

Рубцов. Будет, поговорили. Не чипай моих знакомых. Они из-за границы под мою руку приехали!

Дениска. А, заговорил!.. То-то вы, защитники, по Петербургу клеши распустили, а по Кронштадту языки. *(Возбужденно кричит.)* Не мешай работать, марш на свой корабль, клеш! Иностранцы — в порт! Товарищи рабочие...

Рубцов *(прерывая его, спокойно к обывателям)*. Иностранцы начали булки кидать, граждане.

Толпа кидается и оттесняет Дениску.

Дениска *(выскакивая из толпы)*. А это кто там? Хозяева? Ададуров, лысая сука, тебе что тут у иностранного корабля? А ты что там в тумане делаешь, Тюфякин?

Рубцов. Могилу тебе делает, Дениска.

Кисель. А туман-то от старого режима, от торговли свободной!..

Дениска. Ой, зашпаклюю я тебя свинцом, Кисель, постранствовал ты по белому свету... Не шевелись, гад!..

Контуры парохода исчезают в тумане.

Кисель. Пали в туман, Дениска, пали! Матрос в тумане над Петербургом, размышляет...

Дениска. И буду палить. Выходи ближе! Становись сюда! Разобраться хочу.

Рубцов. В Неве разберешься, прощай. А вот сейчас дядька твой, Сенька, приедет. Тоже поможет разобраться. Да здравствует Кронштадт!.. Да здравствует...

Дениска. Выходи!

В тумане выстрел, топот и смятение. Пароход на мгновение озаряется испуганными огнями, и начинает гудеть сирена.

Домна-Розанда *(вопит)*. Конец коммунизму!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Улица перед скоропечатней «Трех Ветров». Далекий отзвук орудий. Курсанты вкатывают блиндированную будку для пулеметов. За окнами типографии шум голосов.

Курсанты: Мясной, Лыков и Павлюк.

Мясной. Кати ее насеред улицы. *(Подходит к дверям.)* Эй, тульские, кто там еще есть, помоги!

Из дверей скоропечатни выходят Андронов и Павлюк.

Андронов *(возмущенно).* Товарищи, как же так: мы будки против кронштадтцев, а в нижнем этаже печатники обсуждают вопрос: посылать им на беспартийную конференцию в Кронштадт делегатов или не посылать!

Мясной. Тише! Кати будку!

Андронов. Московские курсы, сказывают, отказались идти на кронштадтцев, а красноармейцы и совсем. Пускай, говорят, коммунистические юнкера идут, это про нас-то, про курсантов...

Павлюк. Шестнадцатая дивизия, Расея-матушка — разговорная река, и Петроморбаза тоже делегатов послали в Кронштадт.

Усиливается говор в типографии. Курсанты слушают.

Разговаривают. А мы будки... И проволоку...

Андронов. Только одни коммунисты идут, говорят, на Кронштадт.

Мясной. Тише! Они *(указывая на окна)* кто? Пролетариат? Пролетариат. Он в затемнении? В затемнении. Он ослабел? Ослабел. И приказано нам: оружия к нему не применять. Ясно? Ясно.

Андронов. Я через типографию проходил, так они мне чуть в глаза не плюнули.

Мясной. Плюнут, и то молчи. Ты пролетариат?

Андронов. Тульский пролетариат.

Мясной. Вот то-то и оно. Стрелять мы в них не можем. Тише! Все с ними по уговору должно быть. Таково мое политическое разъяснение.

Павлюк. А матрос если придет? Они матроса ждут. Рубцов и с ним делегат Семен Аладьин!

Мясной. Тише. Я все сказал. Кати будку. Натягивай проволоку.

Входит Жихарка.

Ж и х а р к о *(хмуро и устало)*. Курсанты, красные юнкера, против кого будка? Проволокой кого задерживаете?

М я с н о й. Тише, товарищи, кати!..

Ж и х а р к о. Путиловский завод забастовку объявил. Невский тоже... Московские курсы отказались выступать. Красные курсанты, против кого пулеметы?

М я с н о й. Сюда кати будку, сюда! Где снаряжение?

Ж и х а р к о. Петроморбаза отправила в Кронштадт делегатов. В Обуховском забастовка. Против кого штыки становите, тульские?

М я с н о й. Тише! Переходи и ты, Жихарко, в Кронштадт.

Ж и х а р к о. А в Кронштадте кто? Офицеры? К офицерам питерские рабочие делегатов послали. Как ты думаешь?

Л ы к о в. Павлюк, отвечай ему, скучно мне что-то с ним спорить.

П а в л ю к. Зиновьев удерет, кронштадтские матросы на Невский выкатят, вот и офицеры явятся.

М я с н о й. Тише, черт вас дери! *(Видно, что он с трудом сдерживает злость.)*

А н д р о н о в. А ты, гражданин Жихарко, уходи. Уходи в помещение возмущаться, не мешай работать коммунистам.

Жихарко стоит неподвижно.

М я с н о й *(со сдержанной злостью)*. Уходи!

Ж и х а р к о. Не пойду. Бей меня! Бей меня голодного и обманутого, бей!

М я с н о й *(порываясь к нему с поднятым кулаком, но тотчас же отступая назад)*. Эх ты! *(Свирепо.)* Хороший ты человек!.. су... сучковатый ты... с... сноп! Не можем мы пролетариат бить! А вот будь в тебе капля буржуйской крови, я бы с тобой сс... сосед, поговорил.

А н д р о н о в. Коммунисты, тише.

Появляются А н н а М а т в е е в н а, О л ь г а и р а б о ч и е. Анна Матвеевна — сухая и строгая женщина. Она говорит со всеми спокойно, милостиво, сдержанно. Она много знает истинного в жизни, но думает, что истины эти лучше от человека скрыть. Она со свертком в руках, подходит к крыльцу скоропечатни. В дверях Ольга.

А н н а М а т в е е в н а. Пушки-то как хлещут. *(Мясному.)* И что ж, в наш квартал могут залететь?

М я с н о й *(угрюмо)*. Тише, не приставайте к трудящимся.

О л ь г а *(с трудно сдерживаемым возмущением)*. Анна Матвеевна, правда, что Артем из Харькова приехал?

А н н а М а т в е е в н а *(спокойно смотрит на нее и говорит задумчиво)*. Приехал, девонька, приехал. Всем известно.

Жихарко *(раздраженно дочери)*. Какое тебе дело, Ольга, куда приехал чекист? Теперь мы к ним приедем с кронштадтскими кораблями! Покормили нас овсом да плакатами — хватит!..

Анна Матвеевна *(прерывая Жихарко)*. С вокзала сейчас говорил: в машину, говорит, и к вам. Ко мне, значит, в дом, девонька.

Ольга. В дом?

Жихарко. Уходи в типографию, Ольга. *(Курсантам.)* Вот ваши лубянщики комиссара Артема из Харькова затребовали. Не хватает комиссаров им здесь.

Магин. Ты чего Артема ругаешь, Жихарко? У него голова твердая, да и ты ему другом был.

Жихарко *(смотрит на Ольгу)*. Слышал я, он других, помоложе, в друзья себе выбрал. Ольга, тебе в типографию пора.

Ольга. Мне не стыдно, отец. Он мог кого хотел в друзья выбирать. В друзья и враги. *(Беспокойно Анне Матвеевне.)* Едет Артем Осипыч?

Анна Матвеевна. А кого ради ему не ехать?

Ольга *(подходит к Жихарко)*. Я знаю, тебе сказать трудно, а всетаки передай ему, Артему,— остановился бы он лучше в коммунистическом общежитии, в «Астории».

Жихарко. И мне, Ольга, и тебе разговаривать с ним трудно... Вижу, вижу. Я с ним по-другому заговорю. Тебе запрещают делегатов в Кронштадт посылать, а я пошлю. Поговорили большевицкие, пускай и беспартийные пушки поговорят. Тебе твоя партия, дочка, говорит...

Ольга. Какая партия?

Жихарко *(злобно)*. Артемовская партия... *(Поворачивается к дверям.)*

Ольга берет его за плечо и протягивает ему руку.

Что мне в твоей руке, если ты сердце на позор и на смех пустила! И твое сердце, дочка, и мое, старое, больное... Я не жалуюсь, а со злостью отказываюсь я от друзей, от типографии, от революции... и от тебя... и Артем твой — волк сумасшедший, хитрый, который гонит нас... *(Прерывает себя.)* Зато ты радуйся — ты с партией осталась!

Ольга. У меня нет уже партии, отец. Десять минут назад была... *(раскрывает руки)* видишь?

Жихарко. Ну-у...

Ольга. Клочки... от партийного билета. *(Кидает клочки на пол, под ноги курсантам.)* Вот что стало с моей партией. Кого хотите выбрать?

Жихарко. Лукьяна. Назло Артему пошлем его сына в Кронштадт.

Анна Матвеевна *(прислушивается)*. Лукьяна в Кронштадт? А что же мне Артем Осипыч скажет: как же ты, скажет, Анна Матвеевна, сына против отца послала, как же ты, скажет, сына хранила...

Ольга *(взволнована)*. Лукьяна?.. Слушай, отец...

Жихарко. Слушаю, дочка.

Ольга. Ты вот на ноги-то посмотри. Что на них?

Жихарко. Туфля на ноге.

Ольга. А когда я туфлю надела? Месяц назад. А до того три года сапоги. Пять фунтов весу в сапогах. По всем фронтам. Прокурили, проплевали душу. Глотка от табака пересохла, голос охрип, тоска. Я простой и верной любви хочу, отец. Понял?

Жихарко. Жалко мне тебя, Ольга. Трудно тебе.

Ольга. Верной любви, и чтоб душа отдохнула. Лукьян сейчас на Красной Горке. А Красной Горке первой прикажут по Кронштадту палить... Надоело мне воевать, не могу я больше орудийного грома выносить, тошнит меня от этого грома. Не дам я вам Лукьяна в Кронштадт. Посылайте кого хотите. Не надо мне ни Кронштадта, ни коммунистов, ни Лубянки...

Жихарко. Лукьян хоть и красный офицер, а наборщик. Район выберет, и поедет твой Лукьян в Кронштадт. Тяжело тебе, дочка? И мне не сладко.

Ольга. Устала я от крови. Велите комиссару Артему обратно ехать.

Жихарко. Мы Артема не боимся. За нашу скоропечатню весь район.

Ольга *(исступленным шепотом)*. Гоните Артема! *(Уходит)*.

Рабочий *(появляется в дверях)*. Перерыв кончился. Сейчас кандидатуру обсуждать.

Вбегает Дениска.

Дениска. А вы все звоните тут насчет Кронштадта? Я сплошь рынки обегал, гарт искал. И мастерские все обегал, теперь из старого шрифта, говорят, дробь льют. Вот туда и сплавили воры шрифт. А тут *(убегает и возвращается с тяжелым ящиком)* забежал в Полиграфотдел, выдали нам шрифту...

Жихарко. Зачем тебе, Дениска, шрифт? Шрифта и так много. Типография заморожена, нефти нету. Чего ты этим шрифтом набирать будешь? Голосуй за Лукьяна, Дениска, за брата...

Дениска. Я наберу. Издыхать буду, а наберу. Я сегодня весь день бегал и думал: жить надо удобней, чтобы помирать с удовольствием. Значит, надо работать, чтобы легкую смерть заработать. Вот и мы должны...

Жихарко. С голоду, Дениска, раньше сдохнешь, пока дождешься удобной жизни.

Дениска. Я, Жихарко, не сдохну. А подыхать буду, так из этого

шрифта сам себе ленту на венок наберу: «Дорогому и веселому Денису Артемычу Аладьину благодарные сослуживцы». *(Скрывается, а затем высовывается.)* А кто у меня гарт спер? Я найду. Тресну, а найду...

Жихарко. Блаженный какой-то. Блаженным только в Расеи и жить. *(Уходит.)*

Мясной *(кричит вдоль улицы)*. Опять ты с бочками сюда? Сворачивай! Видишь, проволоку будем натягивать.

Дениска *(возвращается)*. А ведь, действительно, нефть. Дворцы топят, а у меня машины ржавеют. Нам и бочки нефти не дают. Ну разве можно при таком социализме работать?

Возчик *(входит с кнутом в руке)*. Нам здесь верней к музею проехать. Мы каждую неделю нефть возим туда.

Мясной. Грохочете. Панику разводите бочками. Вертай! Я сегодня злой.

Возчик. У канала хотел проехать, так там иностранный корабль, а в боку у него бревно, а у бревна матрос баржу распродает и толпа покупателей. Пропусти.

Мясной *(подходит степенно к возчику)*. Ты за Питер или за Кронштадт?

Возчик. Нам только проехать.

Мясной. А ты такой кулак встречал когда?

Возчик. Такой? Будто не приходилось.

Мясной. Значит, сразу понял?

Возчик *(испуганно)*. Значит, как не понять. Митрей, вертай!

Голос второго возчика: «Ну, вижу, повернул... Но-о!..»

Мясной *(возвращаясь)*. Тише, не мешайте активу!

Медленно, оглядываясь, входит с салазкамни Осип Мироныч.

Ольга *(входит)*. Анна Матвеевна, в Кронштадт делегатом хотят избрать Лукьяна.

Анна Матвеевна. Нет моего разрешения Лукьяну ехать. И Артем Осипыч не позволит. Душу мою думаете разрушить? Я тебя, Ольга Сергеевна, понимаю.

Ольга *(смотрит в переулок)*. Вот и будете все Аладьины в сборе. Со всеми мы с вами и будем разговаривать. Дед, кажется, приехал?

Анна Матвеевна. Этого, этого с какой стороны земли принесло? Старика нам только не хватало...

Курсанты смотрят с интересом на старика.

Осип Мироныч. Меня, невестка, прямо с Туркестану. Семь лет таскался я по различным странам. Соскучился. В Саратовской

губернии был, в Павлодарском уезде у немецких колонистов свиней пас — нигде такой спокойной свиньи и такого спокойного народу не встречал больше. А тут иду: старые места, орут, палят, режут, сифилисом пахнет...

Андронов. В Тульской губернии не бывали, гражданин?

Осип Мироныч. У, курсант, синие штаны!.. Какой ты клозет-то строишь? Это что ж, кронштадтцев в такой клозет гоните али комиссаров?

Анна Матвеевна. А если приехали, Осип Мироныч, так идите в дом отдыхать. Мы Артема Осипыча ждем.

Осип Мироныч. Артюшку? Комиссара? Давно я его не ругал.

Анна Матвеевна *(смотрит в сторону Ольги)*. Тут другие найдутся красавицы, которые обругают. Идите в комнаты.

Осип Мироныч. Пойду, пойду. Все, как семь лет назад. Рази что Кронштадт тогда был не бунтующий и меня в такое дело не путали. *(Читает вывеску.)* Скоропечатня «Трех Ветров». Красиво! Что красиво, то красиво. *(Курсанту.)* Не осмелилась Советская власть такое красивое название переменить. Хозяева тут прежде писатели были, поэты, то есть. Царство им небесное.

Ольга. Живы они! *(Хочет ему сказать свое.)* Слышь... дед...

Осип Мироныч. Ишь, сволочи, уцелели! Вот живучие! Скоропечатня «Трех Ветров», а каких — неизвестно. Я десять лет у таких ветреных хозяев проработал, а не узнал. И тоже гордецы. Двигатель свой нефтяной, значит, и электричество свое. Склады бумажные свои. А денег нету.

Анна Матвеевна. Хозяева были к труду почтительные. Осипу Миронычу в честь сорокалетнего наборного дела...

Осип Мироныч *(прерывает)*. Дом разрешили в ограде построить, ей-богу, вон там. Да чтой-то не видно его. И дом! Смотреть тошно. Костер, а не дом. В пять окон, одноэтажный, деревянный. *(Насмешливо.)* Стоило сорок лет работать. Слава богу, Советская власть сожгла.

Анна Матвеевна. И никто не жег. Не позволю. Внуки твои в доме живут, и ты, дед, будешь жить. Я берегу дом.

Осип Мироныч. Отлично. Я ведь от веселья. Я веселый стал, страсть... Ну цел, и слава богу. Отдохну. Мне отдохнуть давно пора. Рыбку половлю. У меня разве жизнь? *(Курсантам.)* У меня, ребятки курсантики, жен три было, наложниц у меня восемь было, а со сколькими девками я спал — самому Ломоносову не сосчитать...

Анна Матвеевна. Нашел чем хвастаться на старости лет.

Ольга. Дед!..

Осип Мироныч. Слухаю, девонька! Ты из чьих же?

Ольга. Дед, хочешь, чтобы тебя человек утешал?

Осип Мироныч. Я сам себя утешу.

Ольга. А я себя утешить не могу. Мне надо, чтоб человек меня утешил. Мне надоело воевать.

Осип Мироныч. Это я понимаю.

Ольга. Пускай при мне Лукьян будет. Мне одной тяжело жить. Пускай сюда Артем Осипыч не приезжает. Что ему здесь? Тут грязь, бунт, волынка. Пускай Дениска с ним на Кронштадт едет, с Артемом. Оставьте мне Лукьяна...

Осип Мироныч. Запутала ты меня. Лукьян! Денис! Какой Кронштадт? И как без моего разрешения внуки могут ехать. *(Мотнув головой.)* Нет, пускай едут. Я жить хочу смирно, девонька. Мне путаться надоело. *(Стараясь забыть всколыхнувшиеся мысли, говорит намеренно беззаботно.)* Денис-то который? Так это же внук мой, Денис. Вот наросло их — и не разберешься. А чего мне Дениса на Кронштадт посылать? Пускай в Питере живет. Питер — город героицкий, в нем жить для дурака поучительно. А ты откуда, девка, взялась? Может, тоже внучка?

Ольга *(уныло)*. Я — Ольга, Жихарки-печатника дочь. Одну заставляют над всем думать, дед. Я партию...

Осип Мироныч *(прерывает ее)*. Лукьян, хахаль, что ль, твой? Нет! На мою жизнь любовных историй хватит. Не хочу! Анна Матвеевна, поди самовар готовь. Я с героицким сыном своим, Артемом, чай пить хочу...

Ольга. Чай с Артемом пить? И ты с Артемом?

Осип Мироныч. Я тебе, Анна Матвеевна, из Туркестану кишмишу привез. Урюку. И на юбку ковер. Тонкий такой, сто лет революция протянется, не износишь. Ты, девка, не куришь?

Ольга. Нет...

Осип Мироныч. Зря. Партейная?

Ольга. Вот с этого часу не партейная больше, дед.

Осип Мироныч. Твое дело, твое дело. Нонче многие в партии сомневаются. Целый Кронштадт даже. Ихнее дело. А раз ты не партейная — кури. Этим сукиным сынам, сплотаторам, девка курит — все-таки неприятность. А нам любо. *(Курсанту Андронову.)* Дай, курсант, прикурить. Уж и клозет!

Ольга *(решительно)*. Я тебе, Анна Матвеевна, скажу прямо: я должна Лукьяна сохранить при себе. Все, все говорят о Лукьяне, как о твердом человеке. Да и ты так же говоришь. Ты его уговори не ездить в Кронштадт. А я тебе, Анна Матвеевна, открою и об Артеме и об Лукьяне.

Анна Матвеевна *(недоверчиво)*. Любишь Лукьяна?

Ольга. Люблю.

Анна Матвеевна *(все-таки недоверчиво)*. Ну-у. А кричала с

радостью — Лукьяна выбрали в Кронштадт. Надо мне, выходит, понимать, что и такая есть любовь...

Ольга. А ты знаешь настоящую?

Анна Матвеевна *(спокойно)*. Знаю. Где тебе, Ольга, любить Лукьяна! Душа у тебя военная, в пушечном дыме убитая у тебя душа, Ольга Сергеевна. *(Задумчиво.)* Ездила, бродила ты по фронтам, а по ком ездила?

Ольга *(вспыхивая)*. Ты мне не веришь, Анна Матвеевна, не веришь. Так я тебе скажу слова, по ком я на фронтах страдала...

Анна Матвеевна. Какие слова ты мне скажешь?

Ольга *(отворачивается)*. Не взяла ты моих слов, Анна Матвеевна. На себя пеняй. *(Отходит от нее.)*

Осип Мироныч. Ну ты, какие строгие! Клозета мне строить не будут. Гроб вы мне строить хотите, что ли? А ты мою грудь видел? Хочешь, вот распахну, так ты от орденов ослепнешь. У меня, может, шесть их, орденов Красного Знамени и еще прочих.

Мясной. Мы и так тихие с пролетариатом, дед.

Осип Мироныч. А ты, никак, Мясной? Ой, Ванька, какой ты кобель вымахал! Кулаки-то у тебя... У нас в Туркестане жарища, брат, малярийной комар у нас... А у вас?

Лыков. У нас Кронштадт жаром жалит.

Осип Мироныч. Ты слухай, как тебе рассказывают. Приезжаю я в Туркестан...

Мясной *(кричит вдоль улицы)*. Опять ты с бочками сюда?..

Осип Мироныч. Ты меня слухай. Я хочу рассказать жизнь, а всем некогда — матюкаются да стреляются. А я сам лучше любого гренадера палить могу.

Анна Матвеевна *(роется в салазках Осипа Мироныча)*. Соли надо везти, а не урюку.

Вбегает Дениска.

Дениска. Звонил! Секретарь! Батя сейчас приедет, Артем Осипыч.

Ольга. Приедет-таки. Вот что, Денис...

Дениска. Голосовать сейчас начнут. Ольга, пойдем на ячейку. Нам надо обсудить. Лукьяна хотят послать!

Ольга. Я уже в партии не состою, Денис!

Дениска. Ты за Кронштадт?

Ольга. Я за себя.

Дениска. Ну и районччик! Ну и люди! Селезенка у меня от натуги треснет. Забастовки, митинги, армия отказывается выступать против Кронштадта, шрифт у меня уперли!..

Жихарко. Ольга, чудишь?

Ольга. Чудишь? Я больше тебя по фронтам чудила, отец. Тебе ме-

ня укорить не в чем. Я могу тебя укорить. Это вы чудите: три дня не решили — примкнуть вам к кронштадтцам или нет. Провалитесь вы все! *(Отходит от Жихарки.)*

Д е н и с к а. Да ты что, спятила?

О с и п М и р о н ы ч. Дайте отдышаться — не видите, задохлась девка.

О л ь г а. Сейчас я за Рубцовым и, мало того, за Семеном Аладьиным пойду. *(Смотрит на Дениску и просительно спрашивает.)* Может, ты велишь комиссару Артему вернуться в гостиницу? Стыдно сюда ехать ему!

Д е н и с к а. Такой разговор? Катись за Рубцовым! Стыдно! Стыдно отцу со мной жить?

О с и п М и р о н ы ч *(тщетно старается, чтобы курсанты выслушали его. Они от него отмахиваются. Говорит Мясному)*. Рыбалка в Туркестане плохая, да и кругом сплошь сражения. А раз произошел подвиг, и выдали мне тогда маузер.

Мясной отворачивается. Ольга в это время подходит и горячо говорит с отцом.

И послали меня делегатом в Москву, а оттуда в Питер.

М я с н о й. Тише.

О с и п М и р о н ы ч. Вот везде так, только начну рассказывать... *(Ольге.)* Рассчитывал я, девонька, в доблестном Петербурге смогу я все свои подвиги, военные и штатские, рассказать спокойно, отдохнуть.

О л ь г а *(отцу)*. Пошли в типографию.

Ж и х а р к о *(устало)*. Будет тебе пылать.

О л ь г а. А ты уже угас?

Ж и х а р к о. Жалко мне тебя. Ну, пойдем...

Стук машины.

Артем приехал. Поздороваюсь.

О л ь г а. Пойми ты, не надо тебе встречаться с Артемом.

Идет А р т е м А л а д ь и н.

М я с н о й *(тихо)*. Живей работай, комиссар приехал! Он сейчас поговорит! Он им покажет три дня бузить!

А р т е м *(быстро поднимается на крыльцо. Слушает шум в типографии, рассеянно поглядывая на отца)*. Гудят? Меньшевички? А, Ольга! Батя, здорово! То-то мне передавали — тебя в Петербург перебросили. Ты на каком съезде был?

О с и п М и р о н ы ч *(почтительно)*. У нас не съезд, а так — совещание. Из-за почету меня больше показывали.

А р т е м. Скромничаешь?

М я с н о й *(тоже почтительно)*. Со съезду партии, конечно.

А р т е м. Съезд партии резолюцию по кронштадтскому вопросу решил снарядами на кронштадтские форта... *(Слушает.)* Ишь, гудят! Тоже. Форты бумажные! *(Отстраняет нетерпеливо Дениску.)* И Семен, говорят, здесь.

Д е н и с к а. Еще нету, но ждут!

А н н а М а т в е е в н а. Чайку, пожалуй, Артем Осипыч!

А р т е м. А, жена! Ну что ж? Чаю хорошо. А ты все с домом возишься, Анна?

А н н а М а т в е е в н а. И вожусь. Берегу. Все в дом. *(Осипу Мироновичу)*. Ты вот продовольствия не привез.

О с и п М и р о н ы ч. Мало. Некогда.

О л ь г а. Без продовольствия тебя плохо встретят, комиссар. Мировую революцию обещаешь, а людям надобны продовольствие и тихая жизнь, Артем Осипыч.

О с и п М и р о н ы ч. Пора типографиям работать. Я вот удочки захватил, отдохнуть...

А р т е м. Кажись, придется пулеметом работать.

О с и п М и р о н ы ч *(робко)*. Рыбки в канале наловить, уху-то какую закатим!

А р т е м *(сухо)*. Ну, ну, валяй, батя! А мне, кажись, подо льдом придется ловить. И на улицах стальные ловушки — пулеметы. Булкой пахнет, дед, белой булкой. *(Вдруг со злостью.)* У меня коммуну за белую булку не выменять. Меньшевицкий у вас район. Плохо деретесь.

А н н а М а т в е е в н а. Ты, Артемушка, сколько хочешь воюй, а устанешь — и отдохнешь у меня. Соли бы вот захватил.

А р т е м. Нет в Харькове соли, баба! Воевали, мало думали о соли...

О л ь г а. А за вас тут другие думали много-много, и получился Кронштадт.

А р т е м. Ольга Сергеевна, что-то ты по-другому заговорила? *(Со злостью глядя на нее, раздельно.)* И о бабах я не думал... Некогда мне было. Да. Сейчас подхожу к нашему переулку, смотрю на свою шашку — жалованная, настоящая.

О с и п М и р о н ы ч. Очень просто. Мне вот маузер выдали, так я тебе могу рассказать о нем... *(Почтительно смолкает.)*

А р т е м. Шашка будто бы туманом покрылась, слезой. Не зря. Против близкого, видно, подниму. И подниму, не сробею. Белая булка с Кронштадта идет, белой булкой пахнет. К родной типографии подхожу, а на ней вывеска: скоропечатня «Трех Ветров». Это каких же ветров, батя? С Кронштадта — один. Родной братец Семен несет... да... Другой изнутри, от рынков... Шумят в типографии.

О л ь г а. А на сердце твое ветер не дунул?

Анна Матвеевна *(прерывает Ольгу)*. Район, улица наша собралась.

Артем *(проведя рукой по глазам)*. Туман в глазах, голова в полубреду будто. Устал досмерти. Уснуть бы. А что, если усну и увижу сон такой: идут по нашему переулку литеры. *(Курсантам.)* Литеры. Гарт. Гартом называются негодные буквы, сбитые работой. Печатать ими нельзя, не видно их очка. А есть и целые, но признанные негодными ять, фита... Идут они обратно.

Выглядывают из-за угла Тюфякин, Ададуров и Кисель. Артем их видит и указывает на них.

В скоропечатню «Трех Ветров» вот эти!.. Да, от такого сна легче не будет. А я типографию люблю. А ты, отец, любишь?

Осип Мироныч. Слова мы в мир пускаем. Точные слова. Как не любить типографии. А говоришь ты все-таки чудно.

Артем. Третий ветер — блокады. В третьем ветру блуждающие литеры идут. Хозяева бывшие, иностранные корабли и еще старые чувства: любовь, тоска...

Ольга. Четвертый — это ветер. А ты насчитал три...

Артем. Трудно мне спать, батя. *(Резко.)* Кто на собрании? Дружков я давно не видел. Соскучился. Темные у них мысли, а ребята хорошие. Юсупов тут, хороший дружок. Жихарко...

Ольга. Есть, как же. Ждет тебя, иди.

Артем. Магин есть?

Ольга. А лучше бы тебе повернуть обратно.

Артем. Как твой отец, Ольга? *(Смотрит холодно на Жихарку.)*

Ольга. Рядом стоит с тобой, поцелуйся. И могу нового тебе дружка привести — Рубцова. С ним еще поговоришь. Идем, отец.

Жихарко. Дай на него посмотреть.

Артем *(курсантам)*. Товарищи коммунисты, повторяю: против рабочих мы оружия не обнажим. Мы должны перенести любые оскорбления, насмешки...

Мясной. Известно, товарищ!

Артем. Кронштадт галантерейной торговлей заниматься не будет. Мы этой торговли не увидим. Мы под лед лучше. Под лед!

Мясной. Так точно, товарищ комиссар!

Артем *(возвышая голос)*. Пускай нас гонят кронштадтские пушки под лед, но матроса Семена Аладьина с белой булкой...

Анна Матвеевна. А как же самовар, Артем Осипыч?

Артем. Белую булку им! *(Вбегает в типографию.)*

Осип Мироныч. Великие у меня внуки и грозные у меня сыновья. Каким путем я им про свои подвиги расскажу, неизвестно. Пойдемте, бабы, чай с урюком пить... *(Уходит.)*

Ольга. Рубцов, Рубцов! Семен!.. Семен!.. *(Бежит по переулку.)*

Дениска. Ольга, куда тебя понесло? *(Смотрит ей вслед.)* Вот и

пойми, какими мозгами баба думает? Ольга! Вернись ты, помятая твоя душенька. Эх!..

Входит Лукьян.

Лукьян. Здравствуй, Денис!

Дениска. Ты, Лукьян, в Питер? Красная Горка к кронштадтцам перешла разве?

Лукьян. Нет.

Дениска. Тогда поезжай назад.

Лукьян. Не поеду назад.

Дениска. Лукьяшка, милка, поезжай назад, чтобы плохо я о тебе не думал.

Лукьян. Думай обо мне плохо.

Дениска. Батя о тебе думать будет плохо, Лукьяшка.

Лукьян. Пускай и Артем думает. Не поеду я обратно. Кронштадтцы делегатов к нам прислали. Комиссар наш делегатов выгнал. Нам приказано открыть огонь по Кронштадту. Я в Кронштадте три года учился, Дениска. У меня там все родное. Смирнов там, Гришка, и Егоров, Осипчук, все там... А дядя Семен Аладьин тоже там!..

Дениска. Крой по родным, Лукьян! Вот у меня дело страшнее: музей нефтью топят, а типография стоит. Крыша начала протекать.

Лукьян. Я типографским скажу о провокации. Я объясню, почему мы отказываемся стрелять по Кронштадту.

Дениска. Твое дело. А я, знаешь, посоветую тебе: поезжай назад. Не мути, у нас и так вода мутная.

Лукьян. Не поеду я назад!

Дениска. Куда ж ты пойдешь, Лукьян?

Лукьян. В типографию. Мы с ребятами обсудим.

Дениска. В типографии Артем!

Пауза.

Лукьян. Приехал? А где Ольга? С ним?

Пауза.

Дениска. Приехал. Иди в типографию!

Пауза.

Лукьян *(отходит от Дениски)*. Не пойду я в типографию!

Дениска. Дрейфишь? С отцом дрейфишь говорить?

Лукьян. Я в своей мечте хочу исчезнуть. Не желаю я отца слушаться. Мне его слушать тяжело.

Дениска. Завидно?

Лукьян. Не хочу я его объедки жрать: и в партии и, может быть,

в любви. Я свою жизнь для народа тоже жертвовать могу. И смелей, чем он. Мне комиссар на Красной Горке говорит: «Катай в крайнюю батарею, бей по нам, Лукьян. Мы тебе верим, у тебя отец Артем Аладьин». А он за совнаркомовские пайки, Артем. Я тебя люблю, Денис, ты другим не мешаешь. *(Спускается с крыльца.)*

Д е н и с к а. Зачем мне мешать? Всяк чудак по-своему работает.

Входит А р т е м.

А р т е м. Здравствуй, Лукьян!

Лукьян молчит.

А мне говорили, ты с Красной Горки Кронштадт обстрелял. Или сдали Красную Горку? Или к кронштадтцам перешли? Нас звать перейти явился? Иди в наборную, предлагай!

Л у к ь я н. Не пойду!

А р т е м. Иди, сынок, приглашай, я Чека вызывать не стану. Дрефишь?

Л у к ь я н. Я дрефлю? Я?..

А р т е м. Иди, если не дрефишь, иди, поговори.

Л у к ь я н. И пойду. Я твоих слов не боюсь, я сам могу слова произносить. Мне дрефить? *(Вскакивает на крыльцо.)*

А р т е м *(открывая дверь)*. Проходи, сынок.

Лукьян проскакивает.

Денис, ты обожди тут минутку. Если кронштадтские делегаты подойдут... *(Уходит.)*

Д е н и с к а. Чего, если подойдут? Вот гордость какая! Не договорил приказания. На половине я его должен понять...

Появляются Р у б ц о в, С е м е н А л а д ь и н, за ними идет К и с е л ь и еще дальше О л ь г а.

Р у б ц о в. Мое революционное прошлое, Семен, конечно, зовет меня. Казенной шаландой мне торговать трудно. Семья у меня, голодающие дети на Дальнем Востоке... Жалко мне Петербург, кроме того...

С е м е н А л а д ь и н. Врешь! И насчет семьи ты тож, Рубцов, врешь. А насчет торговли шаландой казенной... Батюшки, да мы теперь если и торгуем в России, так только казенным добром.

Р у б ц о в. Я иностранные корабли даром речи останавливаю. Я сломал корабль? Я его и починить могу. Я его остановил? Я его и пущу. Я скоропечатню остановил...

О л ь г а. Когда ты это ее остановил?

Р у б ц о в. Ну, другие за меня остановили. Я ее остановил? Я ее и продам.

Ольга. Не болтай глупости, Рубцов.

Рубцов. Есть у меня самостоятельные ребята в Петрокоммуне. Пустим мы эту скоропечатню в лом.

Ольга *(нерешительно)*. Но это же против революции преступление.

Кисель. Главное в нашей жизни суматоха и чтоб мы в суматохе... *(Показывает руками: мол, рыбку ловить.)*

Семен *(сталкивает его с дороги и выходит вперед)*. Я — революционер, свободный человек и матрос из свободного Кронштадта. Что тут за мура? Курсанты, долой комиссаров! Рабочие, долой лубянщиков из автомобилей!

Артем *(Рубцову)*. А кто ты такой, что тебе нужно?

Рубцов. Я за свободные советы. Без коммунистов. Я представитель...

Кисель выходит из-за его спины.

Кисель. Мы представители!..

Семен *(протягивает руку к дверям)*. Брат!.. Пропусти!

Артем *(вынимает револьвер)*. И ты, Кисель... представитель? Так вам выгнать меня на лед хочется, представители?!

Рубцов. Пропусти!

Артем. Обожди минуту, Рубцов.

Ольга *(указывает на револьвер Артема)*. Вот вам лубянские методы уговаривания.

Семен. Думаешь, боюсь твоей пули?

Артем. Знаю, что не боишься. Уйди, Сема! У нас типографские дела. Ступай на свой корабль.

Семен. Мой корабль здесь. Товарищи, бей беспощадно чекистов!

Артем стреляет. Семен упал, мертв.

Осип Мироныч *(растерянно, Анне Матвеевне)*. Какое происходит, Анна Матвеевна? Какое, говорю, происходит?..

Анна Матвеевна *(оторопело, испуганно)*. Не мешай Артему Осипычу... разговаривать.

Входит Лукьян.

Лукьян. Победил, Артем Осипыч, радуйся. Постановили делегата в Кронштадт не посылать.

Артем *(прячет револьвер)*. Весь район?

Лукьян. Единогласно.

Пауза. Из типографии выходят рабочие.

Артем. Правильно! Тебе, Рубцов, что здесь делать теперь? Иди!

Рубцов *(Жихарке)*. И ты, Жихарко, голосовал против меня?

Ж и х а р к о *(растерянно).* Район единогласно, а я куда против района...

Р у б ц о в. Та-ак... *(Ольге.)* Бойкий этот «железный» комиссарчик, бойкий!

А р т е м. Ну, хватит. Поговорили. Прощай, Рубцов. *(Указывая на труп Семена.)* Брата хоронить надо — и меня судить. Прощай!

Р у б ц о в. А ты стрелял бы и в меня. Ты пайком им глотку перехватил, а мне бы тоже пулей.

А р т е м. Уйди, Рубцов!

Р у б ц о в. Пулей мне заткни рот, а не чужим голодом. На голоде, сука, спекулируешь. Курсантам пайки увеличил. Типографию на слом иностранцам за хлеб да за масло продаешь. *(Рабочим.)* Товарищи, Артем типографию иностранцам отдает. Он типографию сюда приехал осматривать.

Д е н и с к а. Врешь, врешь!

Р у б ц о в. А вот завтра комиссия придет, увидишь — вру ли. А через три дня иностранцы типографию погрузят...

Д е н и с к а *(совершенно возмущенный).* Мясной, тебе ближе, вдарь!

Артем хочет остановить Мясного, но уже поздно: тот бьет Рубцова в лицо. Рубцов падает.

А р т е м. Оставь, Денис!

Д е н и с к а. Что, на самом деле убил?

М я с н о й. Не, утишил я его. Зубы вышиб.

О л ь г а *(бежит в типографию).* Товарищи, кронштадтцев бьют! Типографию продают иностранцам! Артем убил брата! Пулеметы против вас! Сюда!

Появляются взволнованные р а б о ч и е.

Р а б о ч и е. Кому типографию?
— Иностранцам!
— Нас на Кронштадт, а типографию на прокорм курсантам.

А р т е м. Товарищи, это клевета!

О л ь г а. Он говорил: бей, бей Рубцова, курсант!

А р т е м. Ольга!..

М я с н о й *(растерянно).* Я ему только зубы... Он мне, клеш этот...

Р у б ц о в. Да, я клеш, а ты, курсант, под лед идешь... Ты мне зубы... *(Еле приподнимается.)* Комиссары мне зубы. Я могу и без зубов. Я за свободные советы! Я за свободную торговлю! Я могу и без зубов говорить. *(Жихарке.)* Пайки потерять напугались. Сегодня он вас за хлеб купил, за паек, а завтра вас на Кронштадт, а типографию — иностранцам... В лом! Всех вас, чертей, в лом!.. Он брата кончил, а теперь очередь за вами, товарищи!..

Г о л о с и з т о л п ы. Долой Артема!

Второй голос. Выбирай делегатов!

Рубцов *(Жихарке)*. А ты напугался, что комиссар с твоей дочерью спать не будет? Так не беспокойся, поспит. Не побрезгует после сына, после Лукьяна.

Лукьян. Цыть, сука! Что ты говоришь? При чем Ольга?

Рубцов. При теле, а может, и при душе. Ты на отца своего цыкай, а не на меня. За меня тут... товарищи. Верно?

Голоса. Верно!..

— Верно!.. Надоели!..

Жихарко *(вскакивает)*. Товарищи, комиссар нам пайками головы заморочил. Мы пойдем на Кронштадт, а он продаст типографию. Надо послать его к черту и выбрать делегатов в Кронштадт.

Рубцов. Товарищи, Жихарко прав. Выбирайте Жихарку делегатом!.. Лукьян при отце останется...

Артем. Товарищи, вы уж вынесли решение. Я прошу слова!

Рубцов. Никакого тебе слова нет. Я сейчас председатель! Я лишаю тебя, Артем Аладьин, слова! Я за свободную торговлю! Пали в меня! *(Показывая на плечо)*. Вот здесь у меня германская пуля... *(Стучит в грудь.)* Вот здесь белогвардейская. *(Указывает на висок.)* А вот здесь твоя будет, комиссар. Пали! Черта с два ты в меня осмелишься палить!

Артем пытается говорить, но ему не дают. Рядом с Рубцовым встает на крыльцо Кисель.

Кто за посылку делегатов в Кронштадт?

Руки поднимаются.

Жихарку! Кто за Жихарку? Кто против?

Несколько человек: Анна Матвеевна, Осип Мироныч и Дениска — поднимают руки.

(Смотрит на них и хохочет.) Единогласно! Пиши мандат! Жихарко в Кронштадт от революционного Петербурга делегатом едет! Да здравствует революционный Кронштадт, долой народных комиссаров!.. За свободную торговлю! За...

Голоса. Ура-а!..

Домна-Розанда *(вбегает)*. А я с иностранцами познакомилась! Конец коммунизму!

Рубцов. Цыц, шкура!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Типография. В темноте видны закутанные в рогожи машины. Громадная люстра, свисающая с потолка, освещена тонкой восковой свечой. Свеча качается, мигает. Осип Мироныч подкидывает в печку обрезки бумаги. В глубине сцены видна широкая лестница на второй этаж, с площадками и низкими перилами, во втором этаже — общежитие рабочих, и там же расквартированы курсанты. В начале действия с улицы по этой лестнице по одиночке поднимаются курсанты с кипами белых халатов. Спускается Жихарко.

Анна Матвеевна. Можно на стол накрывать, Артем Осипыч? Печь-то мы жарко натопили.

Артем *(холодно)*. Накрывай. *(Жихарке.)* Уходишь?

Анна Матвеевна. А матрос-то, я думаю, наврал. Бьют их под Кронштадтом, он и озлился. Такие слова! Такие слова и повторить страшно.

Ольга. Тебе страшно, Анна Матвеевна, повторить, а другие повторят.

Артем *(Жихарке)*. Ты, Сергей, не обижайся. Надо убрать матроса. Наш район важный. Типография забастует, могут другие заводы примкнуть.

Жихарко *(издеваясь)*. Намекнул! Известны нам ваши намеки! На Семена тоже револьвером намекнул. Стыдно!

Артем. Где Грушников? Я его приглашал. Давно я по-настоящему, за чаем, с вами не разговаривал, а, Сергей?

Жихарко. Грушников говорит: «Я комиссарский чай пить не пойду».

Артем *(устало)*. Одному мне, выходит, пить чай?

Жихарко *(со злорадством)*. Видно, одному. Что-то ты в дружбу заиграл, комиссар.

Артем. Отпили мы чай с Грушниковым. *(Задумчиво.)* Юсупов тоже не придет?

Жихарко. И Юсупов.

Артем. И Магин?

Жихарко. И Магин.

Артем. Мало у меня друзей стало. Отпугал. И ты, Жихарко, со мной чай пить не будешь?

Жихарко. Ты слыхал, что матрос про мою дочь, про Ольгу.

Артем. Обожди, матрос и не то еще закричит. Пули мои для Кронштадта годятся, а то б разрядить.

Жихарко. Для Кронштадта только, комиссар. Ой ли?.. Коротка память.

Артем. Мало у меня друзей. Мало стало...

Жихарко. Мало, комиссар.

Входит Лукьян.

Артем. Лукьян, позови сюда Дениску.

Лукьян *(со злостью кричит)*. Зови сам! Крикни! Он и придет. Ты кричать умеешь. На пять этажей хватит глотки. Совестно мне на тебя смотреть, бешеный.

Артем. Поди приведи его сюда. *(Задумчиво.)* Мало у меня сыновей.

Пауза.

Лукьян. Мало!

Артем *(твердо и раздельно)*. Приведи Дениса, Лукьян, говорю.

Лукьян. Зачем тебе Денис?

Ольга. Не веди, Лукьян. Откажись.

Лукьян *(подходит к ней)*. Матрос правду сказал? Спала?

Ольга. С Домной-Розандой и то так не говорят. И руганью меня не удивишь. Пусти!

Лукьян *(отводит ее за руку в сторону и торопливо и смятенно говорит)*. Сейчас курсанты тюки с белыми халатами наверх принесли. Называется это маскировочная одежда. А я знаю, что ты думаешь. Ты думаешь — это саваны коммунистам. Гробов не напастись на всех, так беспартийная Расея спускает коммунистов под лед, в море.

Ольга. Ты, кажись, тоже коммунист, Лукьян?

Лукьян. Ты об Артеме думать не можешь — это я зря кричал. Ты и разговоры забыла с ним.

Ольга. Забываю.

Лукьян. Ты в Кронштадт уходишь потому, что изверилась в коммунизме, в блокаде мы жить не можем больше.

Ольга. Тяжело терпеть блокаду, ты прав.

Лукьян. Ты полагаешь, что и Рубцов — парень ничего... У них, кронштадтцев, есть вера...

Ольга. Значит, ты со мной уходишь? *(Смотрит на Лукьяна задумчиво.)* Какая в тебе твердость есть, хотела бы я знать, Лукьян?

Лукьян. Это я о тебе и твоих мыслях.

Ольга. А... Только о моих мыслях?

Артем подходит к ним и наклоняется к Лукьяну.

Артем. Холодно здесь ждать, Лукьян Артемыч.

Лукьян медленно уходит.

Чего же ты ждешь, Сергей Иваныч? Иди, а то наши пушки лед начали крошить, в полынью попадешь... Иди в Кронштадт.

Жихарко. Как же ты ответил на матросские слова, Артем Осипыч?

Артем. Промолчал.

Жихарко. И часто тебе приходится так молчать?

Артем. Редко, Сергей Иваныч.

Жихарко. Вот и еду делегатом, Артем Осипыч.

Артем. Видно, надо ехать.

Жихарко. Глядишь, на льду и встретимся, Артем Осипыч.

Артем. И встретимся.

Жихарко *(спускается по лестнице)*. Ты остаешься, Ольга?

Ольга. Я?.. Да. Я сейчас догоню тебя.

Жихарко. Тяжелый у тебя характер, Артем Осипыч. Я не думал никогда того, что сейчас надо тебе сказать...

Артем *(обрывает)*. Тяжелый, да. Говори прямо.

Жихарко. Прощай, говорю. Прощай, собака!

Артем. Прощай! В рабочих мы не стреляем.

Жихарко уходит.

Осип Мироныч *(видимо, делая отчаянные усилия понять сына, говорит медленно)*. Я с приятелями редко ругаюсь, а тут ведь... с детства, Артем Осипыч. А для тишины, я рассчитываю, надо иногда с приятелями разойтись. Тяжело их переносить. Как думаешь, а?

Артем. Тяжело, батя. Никогда не мирись, если поссорился, батя. Ты зачем, Ольга, осталась? Иди с отцом или с другим кем...

Ольга. Я полюбила Лукьяна, Артем Осипыч.

Артем. Я и то заметил: подолгу ты на него смотришь. Лукьяну любовь нужна, он слабый. Люби.

Ольга. Он не слабый. И Лукьян меня любит, а тебе в этот дом, Артем Осипыч, возвращаться зачем? Здесь разве твоя жизнь, комиссарская? У тебя сердце жестокое, звериное, ты человека раздавить можешь. Моя любовь для тебя ничего не стоила.

Артем. Теперь трудно понять.

Ольга. Лукьян у меня один остался в жизни.

Артем. Да, ты передо мной не виновата, Ольга. Люби. Не сегодня-завтра я уеду... И далеко уеду.

Ольга. Уедешь? Совсем?

Артем. На лед уеду, Ольга. У меня дорога та большая, льдом, по морю. А ты меня свернуть хочешь. В болото, что ли? Другая ты стала, Ольга, на море ты не пойдешь. Ветер там холодный, и в шелковых чулках трудно...

Ольга. И Лукьяна ты загубишь. Я его только удержать могу.

Артем. Держи крепче. *(Пауза.)* Люби и держи.

Ольга. Задуши ты меня лучше, Артем.

Артем. Не умею я женскую кровь проливать, тяжело. Да и зря не надо твою кровь проливать.

Осип Мироныч *(примирительно)*. Застынем тут. Надо в дом идти, сынок. К какому горю я мчался?..

Артем. Нет, ты ее послушай, батя. Я для нее сухой, черствый черный хлеб. Ей нежную душу надо, песни вместе петь. Рано еще вальсы петь. *(Указывает наверх.)* Халаты вон там приготовлены.

Осип Мироныч. Я уйду, Артем. Вы без меня лучше свои дела разберете.

Артем. А ты посиди, батя. Ты — отец, и ты должен видеть, как твой сын разговаривает. Вот она говорит: «Убей меня».

Ольга. И убьешь.

Артем. Сильно тебе хочется знать — убью или не убью. Небось жизнь бы заплатила за такое знанье. Люблю или не люблю? А так и не узнаешь. Уйду. Молча уйду. Не надо было тебе сюда возвращаться, Ольга. Звали тебя на Урал, взяла бы ты сапоги и ехала... Ребята там свои, крепкие, знают тебя давно...

Ольга. Из любви к тебе, коммунист, думаешь, поеду? На Урал? Устала я воевать. Кину я сейчас тебе сапоги, как кинула твои фронты.

Артем. Лукьян тебя любит? Так, как ты хочешь? Нет. Лукьян только себя любит. Он вот огорчился, когда узнал, что я с тобой жил, а сейчас небось и огорченье свое полюбил и себя, огорченного.

Ольга. Не Дениску же мне любить?

Артем. Дениску? Дениска — мой наследник.

Ольга *(настороженно)*. Наследник, Артем?

Артем. Обрадовалась! Пожалеть бы тебя надо, а не могу. Денис скоропечатню наследует, машины, то, что я сделать не успел...

Ольга. Наследует ли? Голые стены, боюсь, наследует.

Артем *(задумчиво)*. Денису надо у машины быть. Осип Мироныч машины любил, все к машинам возвращался. И я любил эти... *(Указывает рукой вокруг.)* Плоть тут наша и кровь. А Дениска их любит больше всех нас. Я-то любовь свою на боевые машины перенес, на пулеметы, на орудия. С этими машинами-то мне трудно расставаться, а бой-то последний, Ольга.

Ольга. Последний ли?

Артем. Последний для меня, Ольга. Понимаю. Далеко мне в бою том по морю уходить, Ольга. Далеко. *(Быстро встает.)* Ступай к Анне Матвеевне.

Ольга. Не пойду.

Артем. Пойдем. Анна Матвеевна одна сейчас жизнью довольна. Не будем обижать.

Ольга *(быстро, со злостью подходит к нему)*. Ну что ж, пойдем утешать Анну Матвеевну. А давно вас с Анной Матвеевной вместе в лом надо. И типографию твою в лом, не то вы печатаете, что для человечества надо. Злобу вы печатаете, а не любовь.

Артем. А тебе любви надобно?

Ольга. Надобно.

Пауза.

Артем. Поедем, Ольга, со мной в «Асторию». Спать.

Ольга *(оторопело)*. Ты это зачем... ты это зачем мне говоришь? Ты мне что такое говоришь? Лукьян, Лукьян! *(Убегает.)*

Артем. Чаю, действительно, надо выпить.

Осип Мироныч. Я людей осуждать не люблю. Но ты сильно стал плох, Артем. Я тебя сам судить хочу.

Артем. Суди. *(Уходит.)*

Входит Дениска.

Дениска *(подходит к зеленому ящику, перебирает гарт)*. Опять, должно быть, воры были. А на глаз трудно определить, уперли или нет... Не зря тут Кисель ходит, понимаю...

Осип Мироныч. Что у тебя в ящиках-то?

Дениска. Снаряды. Типографские снаряды. Литеры.

Осип Мироныч. В Туркестане и то музейную пушку вместо снарядов-то... не было у нас снарядов... литерами заряжали. Так казакам-то в рожу и палили шрифтом. А почему не было снарядов, могу рассказать.

Дениска, не слушая его, возится с ящиком.

Дениска. Вот выберут ящик, будет легкий, снимут. А там ниже, в ящике, другом-то... что лежит. *(Сдвигает ящик. Виден в другом ящике конец приводного ремня.)* Приводной! Сколько тут подошв выйдет. А я не дам... *(Переходит к машинам.)*

Осип Мироныч. Я вот огонька в печку-то железную подброшу. Бумажек. Оно не столько тепло, сколько светло. И буду я, старый, думать... дождался дед свету и тишины. Происходил Кронштадт или не происходил? Не происходил, буду думать... И за Семена судить!..

Дениска *(у машин)*. Ведь такая машина! На такой машине сколько календарей можно напечатать. А если на ней учебники пустить... По химии, скажем, запущу... я учебник. Химия есть нау-

ка, которая изучает... *(Пытается вспомнить, что изучает химия.)* Металл изучает которая, машину изучает которая...

Осип Мироныч. Ломает Ольга Артемову силу, а переломит ли? У него походка-то какая! Даже я и то едва ль совладаю с его силой. И неужели не совладеть, Осип Мироныч?

Дениска. Вот если такую машину пустить, она тебе целую свадьбу заменит. Грохоту-то сколько, песни-то! Ведь если тут приводной ремень накинуть, а тут рычаг повернуть... Или карты географические печатать! Тут тебе Америку запустить зеленой краской, а Расею — оранжевой, да в оранжевую-то малиновой двинуть, а города-то кружками черными, а от кружков-то железные дороги... В каком бы мне цвете пустить железные дороги?..

Осип Мироныч. А я молчу. Как же это? Сижу у печки. Слушаю. Я сколько могу о Туркестане сказать. Так жить не годится, Осип Мироныч. Я сам герой. Так ни за грош пропадешь. *(Сердится, подбрасывает в печку бумагу.)*

Дениска *(тоже начинает злиться)*. А они стоят, ржавчиной покрываются... Крыша протекает. Вот опять капает на эту машину. И здесь ржавчина прошла. *(Трет тряпкой.)* Загубят они машины...

Осип Мироныч. Артем брата убил!.. Друзей выгнал. Этак он и меня, в случае сопротивления, из собственного дома выгнать может. А я сорок лет работал. Работал. А где мой почет? А глаза мои много ли видят? Мало. А где почет за глаза?..

В дверях появляется Мясной.

Дениска. Вы меня лучше губите, а машины я вам губить не дам. Сдохну я у этих машин, а чтобы Рубцов...

Мясной. Вы над чем распаляетесь-то? Где тут Артем Аладьин?

Осип Мироныч. Зачем тебе Артем Осипыч? Я отец его. Я сам вполне могу говорить. Чего по ночам шляешься? В чужих помещениях?

Мясной. В чужих? Мы наверху расквартированы. Мы у вас вроде гостей. У беспартийных — коммунисты.

Осип Мироныч. Занят Артем Осипыч. Я могу за него отвечать.

Мясной. Отвечать не можешь. Я к нему с пакетом из штаба. Назначен он к нам, к тульским курсантам, вроде комиссара. Делегаты съезда партии каждую часть сопровождают...

Осип Мироныч. Когда такое назначение вышло?

Мясной. Я только по слухам. Я вроде...

Осип Мироныч. Ну, слухи могут быть разные, а в пакете и простой ордер на муку или на масло. Иди через двор, на огонек, в доме Артем Аладьин, у себя. И я скоро туда приду. Так и передай.

Мясной. Слушаюсь.

Осип Мироныч. Ну то-то...

Мясной уходит, в дверях сталкивается с Ольгой.

Во тьме ходит народ. Для человека главное — ясность иметь на душе. Хоть маленькую, а ясность.

Ольга. Артем мне говорит: «Пойдем со мной спать, Ольга». Зачем твой сын так говорит мне, Осип Мироныч?

Осип Мироныч. Артем тебе так сказать не мог. Ты для моего огорченья врешь. Ты меня обидеть хочешь. Ну! пошутила, скажи.

Ольга молчит.

(Вглядывается в нее.) Я тебя спрашиваю: пошутила? Ты, девка, со мной разговаривать не будешь? Батюшки мои, девка, вертихвостка, для меня рта открыть не может! Куда я свой кошель-то положил? Чего мне здесь ждать? Они каждый посвоему устраиваются. *(Нехотя собирает вещи.)*

На лестнице показываются Лукьян и Дениска.

Лукьян. Ты, Денис, отца не слушай. Он всю нашу жизнь погубил...

Осип Мироныч. Лукьян, уйдем из этого проклятого здания!..

Лукьян *(небрежно)*. А где Ольга?.. *(Дениске.)* Он за пайки. Он надо мной насмехается. Он и над тобой насмехается.

Дениска. Пускай! Он — отец!

Осип Мироныч. Денис, уйдем?..

Дениска отмахивается.

(Поднимает кошель и говорит громко, видимо, желая обратить внимание внуков на свое возмущение.) Нельзя мне жить в этом доме! Нет мне здесь жизни!..

Лукьян. Я иду в Кронштадт. Ольга, веди меня к Рубцову.

Дениска. Ну, иди к Рубцову!

Осип Мироныч. А дед куда идти должен? Кого я спрошу: куда должен идти дед? Кто мне ответит? О чем спорят мои внучата?.. *(Медленно открывает дверь, которая идет на улицу.)* Тьма-то какая! Только и свету, что на иностранном пароходе. Иностранец бродит, пароход свой караулит. Небось по всему Петербургу один фонарь — у парохода. Буря и тьма, господи... Где тебе тишины искать, дедка! *(Ушел.)*

Ольга. Артем... слышишь, Лукьян?

Лукьян. Да отстань ты от меня.

Ольга. Артем мне говорит...

Лукьян. Мы должны говорить Артему, а не он нам. Я скажу Артему. Я знаю, что ему сказать.

Артем (*появляясь*). А ну послушаю, что ты скажешь Артему, сынок. (*Мясному.*) Дай пакет. (*Берет у Мясного пакет.*) Лукьян, ты привел Дениса? Привел, говорю, Дениса? (*Пристально смотрит на Дениску, тот отворачивается.*)

Лукьян. Не видишь? Привел!

Артем. Привел? Хорошо. Мне необходим Денис. И не по сердечному делу, но по делу коммуны. (*Смотрит на часы.*) В девять сорок отходит поезд к Ораниенбауму, до Красной Горки. Мясной, проводи командира Аладьина Лукьяна к поезду.

Лукьян. Я не поеду! Я стрелять в своих не буду!

Артем. Денис, мне прислали бумагу. Подробное описание, в каком порядке выступают дружины рабочих на защиту Петрограда. Набери и напечатай восемь тысяч экземпляров. Завтра вечером за ними приедут. Наша типография не бастует. Мы работаем, Денис Аладьин.

Дениска. Машины замерзли. Току нет. Я сколько раз просил включить нас в сеть, в городской ток. Ничего нет. Нефти не дают. А нефтью отапливают музей, дворцы!

Артем. А, музей! Хорошо, я попрошу сегодня включить печатню в ток. Возможно, пожалуй, к обеду завтра успеешь напечатать, товарищ! (*Резко.*) Наборы должны быть готовы, машины смазаны и краска разогрета, товарищи!..

Дениска. Если и включат, все равно работать некому. Ты с друзьями поругался — с Жихаркой, с Грушниковым... Некому на работу встать. Как мне работать? Шрифт привез, а не разбирают.

Артем. Это твое дело. Завтра в обед... Нет, утром, придут за воззванием... Лукьян, ты еще здесь?

Лукьян. Я не поеду! Остаюсь!

Артем. Я сегодня ухожу на Кронштадт с тульскими курсантами, которые у вас там, наверху. Мы поведем...

Лукьян (*пораженный*). Батя... Уходишь, Артем? Ты меня опять опередить в храбрости хочешь? Ты в суд должен идти.

Артем. Вернусь если. А ты оставайся. Прощай, Ольга. Не удалось мне с тобой поспать. Обещал я тебе. Приду обратно — выспимся вдоволь.

Ольга (*возмущенно*). Артем Осипыч, когда я с тобой соглашалась спать?

Артем. А разве не соглашалась? Тогда я, выходит, ослышался. Прости, Ольга. Сильно ты любишь Лукьяна, я вижу. Ну, отдыхайте, вместе оставайтесь.

Ольга. Он врет, Лукьян. Я с ним не разговаривала... Он всегда

врет, Лукьян. Он от гордости. Он от гордости. Он все сам сделать хочет. Он видел, что я тебя люблю. Он маленькую меня готов был взять, чтобы не досталась другому, тебе.

Д е н и с к а *(смотрит на оригинал)*. Да тут не десять слов, а пять страниц. Кто мне их наберет!

Л у к ь я н. Ты меня осилить хочешь. Ты у меня, отец, девку вырвал, ты мне свои остатки подсунул, и в войне остатки.

А р т е м. Подсунул.

Л у к ь я н. Ну, я пойду, Мясной. Я тебе, Артем, покажу свою смелость.

О л ь г а. Лукьян! Ты сейчас забудь свою гордость. Ты иди со мной, Лукьян. Я тебя прошу, Лукьян. Все равно ты не осмелишься по своим стрелять, Лукьян!..

Л у к ь я н. Я в тебя теперь палить могу, отец. Не только в Кронштадт или по Красной Горке. Я в тебя...

А р т е м. Пали, если прикажут.

Л у к ь я н. Посмотрю я, кто из нас храбрее окажется!

О л ь г а. Лукьян!.. Наврал он на меня!..

А р т е м *(Лукьяну)*. Посмотри. Мясной, проводи комиссара.

Л у к ь я н вместе с М я с н ы м убегает.

(Смотрит в двери.) Оттепель. Ветер. Благодать. Иностранцы. Пароход караулят. Третий вечер фонарь качает. Ну что ж, караульте. Нева поднимается.

О л ь г а. Артем Осипыч, ты плохо сделал.

А р т е м. Ветер начинает дуть. Настоящий ветер. Лицу тепло, а в душе до смерти холодно. В ветер по льду идти трудно.

О л ь г а. Ты поступил, как подлец, Артем Осипыч.

А р т е м. Бумагу поставь, Денис, синюю. Завтра солнце выйдет весеннее. На весеннем солнце синий цвет видней всего. Расклеют тогда по заводам...

О л ь г а. Скажи своему отцу, Денис, что он подлец.

А р т е м. Прощай, Денис. Матери? Что ей сказать. Она дом сберечь хочет. Если успею вырваться для прощанья — приду. А дед-то где? Где дед?

О л ь г а. И отец твой скажет: ты подлец, Артем. Что же ты молчишь, Денис? Скажи отцу, Артему Осипычу.

А р т е м. Ну, скажи, Денис.

О л ь г а. Говори, Денис.

Денис молчит. Пауза. Артем надевает шапку. Смотрит, улыбаясь, на сына.

А р т е м. Так я велю, чтобы включили в ток, Денис.

Д е н и с к а. Вели, чтоб включили, Артем.

А р т е м. Прощай, сынок!

Д е н и с к а. Прощай, батя!

А р т е м уходит. Ольга стоит у дверей, смотрит во тьму, затем решительно уходит в другую дверь.

Кого бы позвать набирать? *(Читает оригинал.)* «Рабочие и работницы Петрограда... Международные бандиты, озлобленные подстрекатели темных масс...» Очень длинно, хоть и складно. *(Кричит против лестницы.)* Грушников, к реалу, оригинал получен!

Голос Грушникова: «Идите к черту, сволочи!»

Д е н и с к а. Магин!

Голос Магина: «Вались колбаской».

Д е н и с к а. Иди сюда. *(Оглядывается.)* Чего бы ему пообещать? Иди, Магин, я тебе паек свой отдаю и шинель черную суконную.

М а г и н *(на верху лестницы)*. А зачем мне твоя шинель?

Д е н и с к а. Тут заказ срочный... Мне почет и всем нам...

М а г и н. Скучно мне в твоей шинели ходить, Дениска. И задарма набирать не могу. Вот бы мне порыв какой-нибудь. Водки бы мне стаканчик...

Д е н и с к а. Достану, ей-богу, достану. Бери оригинал. Во-о, верстатка...

М а г и н. И чего ради я буду набирать. На чем ты печатать будешь? И кто же с восковой свечкой набирает, что я псаломщик? Псалтырь читаю?

Входит Д о м н а - Р о з а н д а.

Д о м н а - Р о з а н д а *(растрепанная, шаль волочится у нее по земле. Огромная мысль захватила ее)*. Дениска, а Дениска, настоящую жизнь нашла. Пароход с иностранцами... Я раньше в заведенье, у Марьянихи когда жила... одного из этих иностранцев встречала. Красивый он был и каждый день меня к себе требовал.

Д е н и с к а. Отойди, баба, не мешай деятельности!

Д о м н а - Р о з а н д а. И на чай каждый день по три рубля... По три рубля или по пять. Я тогда красивая была, меня весь порт любил. И встретил он меня и говорит: «Я вас люблю, Домна-Розанда, в России нет таких домов. Я вас в хорошее заведение могу доставить». Я в хорошем заведении буду жить, Осип Мироныч. Со мной каждый день бухгалтера будут лежать.

Д е н и с к а. Бабы, надоели вы нам! Магин, не смотри на нее, набирай.

Домна-Розанда. Я всех с собой заберу, кто со мной поедет. Вы, Дениска, уговорите Рубцова, чтобы он иностранцам бревно из корабля вынул. Вот они сами идут...

Входят иностранцы, Ольга, Куваев, Яблочкин.

Ольга. Вот теперь осмотрите типографию и скажите мне: годна она к работе или нет? Я пять лет здесь работала и, будучи членом партии с семнадцатого года, имею право заявить — брак... Сплошь.

Куваев. Конечно, конечно... Надо ее в лом. Конечно, надо ее в лом.

Домна-Розанда. Пускай вывозят, пускай всю Расею вывозят! Разве это страна, где добрый человек за деньги со мной лежать не может? А если он, кроме денег, ничего заработать не в состоянии, и слово «любовь» не ему говорить. Даст он мне пять рублей, я ему такие слова скажу, такие нежности...

Дениска. Как это, то есть, в лом? Домна-Розанда, прекратись!

Домна-Розанда. Не прекращусь. Я привыкла на кровати лежать. Не могу я на граните, на набережной...

Ольга *(Куваеву)*. Вы давно сюда должны были явиться и сдать типографию иностранцам. Я сообщу в Совнархоз о вашей бездеятельности.

Куваев. Дела, знаете ли.

Дениска. Ольга, ты-то тут при чем же?.. Закрутили вы мою душу, черти бумажные! Почему исправное предприятие в лом? Рубцов тут все крутит... Взятки даете?

Куваев *(Дениске)*. Извините, товарищ Аладьин, я сам, знаете, протестовал, но что поделаешь — Совет народного хозяйства постановил. И вот товарищ Яблочкин тоже протестовал.

Яблочкин. Я говорил: должны же быть соображения. Совершенно типография... непонятная... не то она то, не то...

Гетеерец. О, мы много видали типографий за границей и в России. Что же! Это плохая типография, это правильно, что мне ее отдали как лом.

Делагарди. Ее есть удобно грузить. Близко и все соединено. Мы ее быстро погрузим.

Дениска. Погрузим? И ты, Ольга, с ними грузить хочешь? А там нет ли еще кого? *(Распахивает дверь. За нею стоят Ададуров и Тюфякин.)* Пожалуйста, сюда. *(Иностранцам.)* Вы и хозяев бывших вместе погрузите. Скоропечатню «Трех Ветров» вместе с бывшими...

Яблочкин. Я голодаю, товарищ Аладьин. И мне предложили как корректору и компетентному спецу сопровождать. Я выгоды иностранцев понимаю...

Ададуров. Нам не жалко, типография отнята народом.

Тюфякин. Но нам жалко, что ее повезут. *(Указывает на иностранцев.)* Мы с них ничего, и они с нас ничего.

Ададуров. Нам бы только погреться.

Яблочкин. Иностранцы даже взятку могли дать. Продуктами, конечно. Масло или сало. Белые булки, наконец... Я же, знаете, беспомощный...

Куваев. Прошу без намеков. Чем я больше сдам лому, тем обильнее иностранцы привезут продуктов. Разрешите огласить. *(Читает.)* «По постановлению СНХ назначена комиссия по сдаче скоропечатни «Трех Ветров» в качестве железного лома...»

Гетеерец *(снисходительно повторяет)*. Лома...

Яблочкин *(грустно)*. Лома...

Куваев. Скоропечатня заморожена. Машины устарели. Собственный двигатель. *(Ададурову и Тюфякину.)* Зачем вам было нужно — собственный двигатель?

Тюфякин. Извините, но типография взята народом. Ему тоже, видимо, надобен нефтяной двигатель.

Ададуров. Действительно, Аристарх Петрович, зачем мы с вами ставили нефтяной двигатель?

Ольга. Скорей опись!

Дениска. Мне приказано напечатать... Артем мне...

Куваев. Рабочие будут переведены на другие предприятия.

Тюфякин. Нельзя ли подтопить печь? Холодно и тоскливо.

Дениска. Мне приказано... Артем приказал... В лом? Нас в лом? Выходит, я блуждающая литера? Я, по-вашему, тоже в гарт? Меня тоже в лом?

Куваев. Комиссия, познакомив иностранцев с ломом, завтра составит акт.

Ольга. Сегодня! Сейчас!

Дениска. А у меня наверху курсанты. Ты этого не понимаешь? Курсанты, меня матросы бьют! Буржуи и матросы катят!..

Куваев *(стараясь его перекричать)*. Если так, мы явимся с вооруженной силой!..

Дениска. Сюда, говорю! Да вы что, спите? *(Схватывает железный брус и, размахивая им, кричит.)* Вон отсюда! Перебью головы! Выходи сюда хоть комиссия со всей Расеи, всем головы перебью!

Комиссия в ужасе бежит. Дениска кидает им вслед брус и, усталый, садится. По лестнице спускаются рабочие Магин и Грушников. Из дверей снизу выходит Анна Матвеевна.

Анна Матвеевна. Дом пустой. Никого не докличешься. Ты чего один в типографии работаешь?..

Дениска *(рабочим)*. Набирайте, набирайте! Денатурату вам надо,

шинель черную выменяю на денатурат! Пуль вам надо *(выхватывает револьвер)*, пули вам выпущу! Описывать пришли? Артема Аладьина позорить пришли? Артем рабочих обманул, типографию за пайки отдал. Жива типография! Берите гранки, ребятки, други!..

Рабочие стоят неподвижно.

Рабочий. Работай, говоришь? А где Семен Аладьин?..

Дениска. Ма-ам!.. *(Оглядывается беспомощно и говорит с рыданиями.)* Один я работаю, мама, один, как черт... *(Плачет.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Рынок на набережной. Внизу шаланда, из нее торчат вывороченные бревна, за шаландой виден борт парохода «Дракон». Выше лестница с каменными перилами, еще выше — развалины домов. На бревнах с топором в руках, окруженный самоварами, голубыми шинелями, коврами, портьерами, восседает Рубцов. Кисель *со старинным мушкетоном в руках — подле. Толпа с лестницы пытается пробраться на шаланду.*

Старик с Буддой *(Рубцову).* А вот, гражданин, дешево продается статуя Будды. Масса золота на кантах и прочих местах.

Рубцов. Портсигара золотого нету?

Обыватель в сюртуке. Я могу вам предложить, господин Рубцов, кушетку розового дерева.

Рубцов. Чего?

Обыватель в сюртуке. Кушетку, иначе говоря, диван.

Рубцов. Я хочу портсигар.

Кисель. А зачем тебе продавать диван на дрова? Сожги, меньше хлопот.

Человек с цилиндром и вазой. Фарфор Наполеона предлагаю, редкие тарелки, огромные миски.

Женщина с веером. Веер охотника — президента Рузвельта.

Рубцов. Проходи! *(Через головы обывателей указывает пальцем в толпу.)* А у тебя что?

Старушка. Брюссельские кружева. Кружево «Дюшес». *(Потрясая охапкой кружев, с отчаянием.)* Фунт кружев за полфунта сыру.

Рубцов. Чего?

Старушка. Сыру, гражданин!

Рубцов. А какаву не хочешь, хря? Проходи! *(Киселю.)* Устал я что-то сегодня. Пойти соснуть.

Появляется Делагарди.

Делагарди *(отчаянно).* Гражданин Рубцов, вода в канале прибывает...

Голоса на рынке. Вы слышите — прибывает вода?..

— У нас уже залило подвалы!

— Говорят, наводнение...
— Вы слышите, ветер?..

Ветер доносит далекие звуки марша.

Делагарди. Гражданин Рубцов, ветер гонит воду. Из моря ветер гонит воду в каналы.

Рубцов. Ерунда! На море еще лед. *(Опять указывая пальцем через головы толпы.)* Эй, шинель голубая, иди-ка сюда! А ну, скидавай, повернись! *(К Делагарди.)* У меня ребятишки голодающие в Пензенской губернии давно голубого сукна просят. Кисель, дай ему за шинель бревен.

Кисель. Сколько прикажете?

Рубцов. А дай ему *(смотря задумчиво на шинель)*, дай ему на мою ответственность пять бревен.

Входит Гетеерец.

Гетеерец *(резко)*. Вода идет, необходимо рубить бревно, господин штурман!

Делагарди *(Рубцову)*. Рубцов, Рубцов, бревно!

Рубцов. Я занят. Зачем мне бревно рубить? Бревно вполне на месте в пароходе.

Делагарди. Мы потонем! Вы обещали рубить бревно, привести плотников чинить пароход. А вы торгуете шаландой.

Рубцов *(указывая пальцем через толпу)*. А у тебя что там за клубки? Часом, не синие нитки?

Обыватель с попугаем. Это большая редкость. Африканский попугай, называемый...

Рубцов *(отворачивается)*. Не требуется.

Гетеерец. Необходимо сегодня грузить типографию. Мы обещали комиссии. Где плотники, столяры? Вы слесаря обещали, господин штурман.

Делагарди. Вы получили от нас консервы, Рубцов!

Рубцов *(огрызается)*. Ну, получил! Что ты меня упрекаешь консервами! Что мои ребятишки в Самарской губернии консервов покушать не могут? Ты обещал полтораста банок, а дал десять. Вот и получай на десять банок работы...

Делагарди *(толпе)*. Граждане, не встанет ли кто-нибудь на помпы? Наступает вода!

Толпа шарахается.

Голоса в толпе. Наводнение, наводнение!
— Это кронштадтцы разбили пушками лед!

Старушка. Кронштадтцы наступают! На столбах расклеены афиши — коммунисты решили устроить перед бегством варфоломеевскую ночь...

С т а р и к с Б у д д о й. Гражданин Рубцов, мне необходимо продать Будду и постараться уехать до варфоломеевской ночи...

Р у б ц о в. Продашь еще, успеешь!

О б ы в а т е л ь. Они прислали «железного комиссара» с курсантами! Он разгоняет базары и готовит...

Г о л о с а. На сегодня назначена варфоломеевская ночь?

— На сегодня...

— А вокруг Петербурга выступает вода...

— Вон смотрите!..

Все смотрят за перила лестницы.

— Вон уже на проспект выступила вода.

— Это лужи!

— Нет, это наводнение!

Р у б ц о в. Ставлю, лярвы, хороший плот из вполне надежных бревен против золотого портсигара. Ну, распаковывай сундуки!

Вбегает О л ь г а.

О л ь г а. Бомбу еще не приносили?

Р у б ц о в. Послал. Попозже.

О л ь г а. Рубцов, бомба не нужна, типографию в лом сдавать не нужно. Я все сделаю сама.

Р у б ц о в. Та-ак...

О л ь г а. Я все сама в себе решила. Я всю ночь бродила по улицам и думала-думала. А на Кронштадт идут все новые части. И как только отец смог сюда пробраться из Кронштадта?

Р у б ц о в. Через мое посредство все можно.

О л ь г а. Не давай Жихарке бомбу. Я думаю сама...

Р у б ц о в. Теперь думать поздно, надо действовать. Как только последние супчики из Смольного смоются, курсантиков последних на лед выпустят, петербургские казармы опустеют — ну, тут я выкачусь. Граждане за меня, рабочие за меня, базар за меня. Жихарко за меня, а кто против меня? Памятники на проспектах против меня! Так и памятники свергну!

О л ь г а. Я все устрою сама. А типографию включают в сеть!

Р у б ц о в. Черта лысого включают! Это я включаю вас в такую сеть... Эй, у кого золотой портсигар предлагается? *(Подзывает пальцем Киселя.)* Кисель, тащи сюда бомбу. И, кроме того, подсмотри, где тут поближе гараж — в случае чего машину нам надо получше захватить.

О л ь г а *(потрясенная)*. Рубцов, но ведь ты же глупый и пустой. И ты, может быть, даже не из Кронштадта?

Р у б ц о в. Сознаюсь, Семен Аладьин был меня прогрессивней.

Г о л о с а н а р ы н к е *(услышав далекий топот)*.

— Милиция!

— Нет, это железный комиссар!
— Железный комиссар на варфоломеевскую ночь!
— Курсанты!
— Курсанты с железным комиссаром!

Слышна музыка. Толпа бежит и прячется в развалинах.

Голоса. Нет, это курсанты на лед!..
— Завернули!..

Толпа выходит из развалин.

Женщина с веером *(Рубцову)*. Не купите ли страусовый веер?
Рубцов. Разверни. Не, не годится. Мне бы портсигар... *(Ольге.)* Вот это жизнь, вот это город будет!..

Входит Осип Мироныч.

Осип Мироныч. Здравствуй, матросик!
Рубцов. Здорово, странник!
Осип Мироныч. А ведь угадал — странник, странник... Был ране при скоропечатне странник Кисель, а теперь я, Осип Аладьин...
Рубцов. Теперь Кисель пират и террор... Чего продаешь?
Ольга. Они хотят остановить типографию. А Жихарко приехал бросить бомбу в Артема! А мне не нужно заговоров, я со всем справлюсь одна, сама!
Осип Мироныч *(ошеломленно)*. Какие ты слова бормочешь? Какую типографию и какую бомбу? *(Хватается за глаза рукой.)* Вот закололо... и от слов вижу хуже. Вот и ночью — переулки высокие и темные, скоропечатни в них не найду, пути мне к ней не показывают... Ты меня к Артему доведи...
Ольга *(отталкивает старика)*. Как вы смутно меня понимаете. Сейчас отец, Жихарко, явится, а я и его... отгоню. У меня у одной хватит сил с Артемом справиться. Жихарко!.. Подожди там...
Рубцов *(хватает Ольгу)*. А ты, девка, не волынь, ты не провокаторствуй. Эти штуки Артем подделал, порядочек наводит... Так я тебя и при народе угробить не постесняюсь. Заткнись!
Осип Мироныч *(толкаясь среди бревен)*. Ольга, ты мне помоги выбраться. О ком вы там спорите?..
Женщина с веером. Вы, кажется, знакомы с Рубцовым? Помогите продать ему мой веер... Он принадлежал некогда президенту Рузвельту, знаменитому коллекционеру...
Рубцов. Кисель, подавай!

На грузовике Жихарко.

Жихарко *(с грузовика)*. Граждане, комиссары бегут! Троцкий утек, Зиновьев уже в Москве. «Астория» опустела. Пойдите

проверьте. А по шоссе шпарят комиссары на машинах в Москву. Товарищи, кто за свободные советы без коммунистов, кто за свободную торговлю?

Р у б ц о в. Эй вы!.. Смотрите на себя, как вы торгуете... Как мышей вас гоняют. Да здравствуют свободные советы!

Показывается К и с е л ь.

Г о л о с а. Действительно нас гоняют...

— Долой милицию!

— Свободную торговлю!

Р у б ц о в *(Киселю, указывая на Жихарку)*. Передай!

С т а р у ш к а. Нам белых булок, нам белых булок необходимо.

Ж и х а р к о. Товарищи, сейчас к нам примкнут заводы, районы...

Вбегает с мотоциклом Л у к ь я н.

Р у б ц о в. Давай, если приказывают.

Кисель передает сверток Жихарке.

О л ь г а *(исступленно)*. Я сама!

О с и п М и р о н ы ч. Лукьян, ты их не слушай!

О л ь г а *(Лукьяну)*. Он едет в Кронштадт? Ты убежал с Красной Горки?

Л у к ь я н. Правда, что Артем Осипыч в Харьков утек? Струсил? Все вы трусы, болтуны!..

О л ь г а *(толпе, не слушая Лукьяна, кричит исступленно)*. Я все сама сделаю! Я всю ночь думала!.. Я!..

Л у к ь я н. Ой, во! *(Осипу Миронычу.)* Дедка, а моя-то душа сильней артемовской души оказалась: у меня храбрости больше. Я стоял один, и я говорю ребятам на Красной Горке... *(Гул. Кричит.)* Ты слушай. Я им говорю...

Марш. Толпа бежит в развалины.

Г о л о с а т о л п ы. Варфоломеевская ночь!

— Начинается варфоломеевская ночь.

— Комиссар!

— Идет железный комиссар с курсантами!

— Господа, господа, а как же мой Будда?

Марш усиливается. Топот конницы. Свист. За перилами лестницы видны пики курсантов. Рынок смолкает, музыка тоже, и наверху лестницы показывается А р т е м и за ним н е с к о л ь к о к у р с а н т о в в белых халатах. Внизу, на шаланде, Ольга, Лукьян, Жихарко, Рубцов и Осип Мироныч.

Жихарко. Получай, комиссар! *(Бросает сверток.)*

Толпа шарахается. Пауза. Артем подходит к свертку.

Лукьян *(к Жихарке, оборачиваясь, хватается за револьвер, растерянно)* Артем, батя, как же с ним?

Артем. Не трогай его, Лукьян. Он в себя эту бомбу бросил... *(Курсантам.)* Коммунисты, курсанты, смирно! Несмотря ни на какие оскорбления, оружия не обнажать... *(Спускаясь по лестнице, к Жихарке, который пытается скрыться за бревна.)* А ты, Жихарко, не прячься, я тебя не арестую и стрелять в тебя не буду. На льду ты хотел со мной встретиться?

Жихарко. И встретился бы. Ставь к стенке, пора!

Артем. А ну, ступай! Ты же рабочий.

Пауза.

Жихарко *(стоит неподвижно)*. Я? Я рабочий.

Артем *(с тихой злостью)*. А ну, иди с моих глаз, поди вон с тряпьем! *(Указывает на развалины.)* В развалины прячься, раз уж начал сам разваливаться. Иди. Лукьян, прикажи ему, чтоб он ушел!

Рубцов прячется.

Ольга *(кидается)*. Артем!

Лукьян *(Ольге)*. Подожди. Я скажу. Я скажу то, что еще и тебе не успел сказать, Ольга! *(Жихарке.)* А ты вались...

Жихарко уходит.

Ольга *(с возмущением, Лукьяну)*. Ты моему отцу так... смеешь говорить?..

Артем. Хотел было я рынок обойти, а подумал: почему бы перед льдом торгашей не пугнуть... Мотоцикл, сынок, продаешь? А ты, Ольга, кем торговала, не Лукьяном ли?

Лукьян. Ты на лед, батя?

Артем. На лед, сынок, на лед мы идем, за Кронштадт умирать. Должны же те, там-то, за льдом, в Кронштадте, понять, ради чего мы идем на льды... и помираем. Должны ведь, сынок, а?

Лукьян. Я тебе свое слово скажу и распоряжение передам.

Артем. Обожди, успеешь. Ответственных привезли с десятого съезда партии из Москвы. Штатских много, поскребыши: слабенькие, в очечках. Поручили штатским вести курсантов. А с фортов-то матросы.

Слышен гул выстрелов.

Слышь, это кронштадтцы по ответственным, в лед, а на льду полыньи от снарядов... Лед-то небось рыхлый, весенний, голу-

бой! Как ахнут снарядом-то, так искры-то голубые в небо! А ответственные искр тех уже не видят, они, в очечках, так и катятся в полынью, да и под лед... да и конец! Захар Захарыч, приятель мой из Харькова, любитель до пива, простой человек, во снах никогда не видал на форты солдат вести, крепости по льду брать, а повел. И берет! И вот нету вестей от Захар Захарыча. Подо льдом, наверное... *(Пауза. Смотрит на Лукьяна.)* А ты, Лукьян, опять Красную Горку предал? Убежал?

Лукьян. Я не убежал.

Артем *(задумчиво)*. Да... Значит, о другом Лукьяне Аладьине рассказывали мне, что будто он своих обстрелял, и тогда лишь коммунистические артиллеристы по Кронштадту огонь открыли.

Лукьян. Это я обстрелял Красную Горку.

Ольга. И ты после этого собираешься бежать в Кронштадт, Лукьян?

Лукьян *(не оборачиваясь к Ольге, а вытянувшись перед отцом, говорит)*. Это я обстрелял своих братьев! И я, Ольга, не давал тебе согласия идти в Кронштадт. Я приехал с Красной Горки, потому что назначение получил на Тульские курсы к Артему...

Ольга. Значит, не из-за моих слов приехал, Лукьян?

Артем. И я такой приказ получил, Лукьян. *(Пауза.)* Ты, Ольга, хорошая, но Лукьяна тебе лучше не держать, вредна ты ему. Слабая ты, устала.

Ольга *(идет к Артему)*. Я его любила... и ты, Артем...

Лукьян. Не хочу я объедков чужой любви!

Ольга. Объедки? Моя любовь — объедки? *(Осипу Миронычу.)* Я ради него типографию остановила! Шрифты рассыпала. Я жизнь свою рассыпала, как шрифт. И душа у меня как сбитый литер, слепой шрифт... В прорубь головой, что ли?..

Осип Мироныч держит ее за руки.

Осип Мироныч *(Артему)*. Вот ведь прыгнуть может и помереть. Как вы человека слушаете? Разве так надо человека и его страдания слушать?.. Господи!..

Артем. А ты решайся, Ольга. Стреляй в меня, что ли, о чем тут долго мучиться? *(Пинает сверток.)* Отец твой бросил в меня жестянку, а в жестянке, наверное, консервы вместо пироксилина. Прощай, отец!

Осип Мироныч *(растерянно)*. Ты это куда ж? Ты это с Лукьяном-то куда ж?

Артем. Помирать, отец. Прости, если обижал чем.

Осип Мироныч. Ты такие разговоры брось. Ты передо мной будь в страхе. *(Поняв все, растерянно улыбается.)* Остаться бы мне в печатне, не уходить. Уговорил бы я вас. Зачем тебе в ряды становиться, Артем? Мне жить сколько осталось. А не

могу я тебя судить. Прав ты, Артем. *(Курсантам.)* Солдатики, ребятки, курсанты, по льду он вас поведет. А если Дениска все увидит, так ведь он убежит с вами. Али ты и Дениску угнал с собой на лед? *(Падает перед курсантами на колени.)*

Артем. Встань с колен, дед!

Голоса из развалин:

— Перед сыном?

— Плачет?

— Сын хочет арестовать!

— Не понимаете — началось!

Гул выстрела. Толпа прячется.

Осип Мироныч. Не поднимайте меня за руки, курсантики. Глаза у меня старые, слепые, вижу я плохо, а вот мимо сапог ваших поползу. Врал я вам всем про свое веселье. Тоска меня замучила в Туркестане. И начал я копить. И накопил я веселья и поехал. Войны вокруг поездов, смерти, тиф, а я еду веселый, с шутками, с Туркестану урюк везу.

Курсанты стоят неподвижно.

А что я встретил?..

Артем. Революцию, отец.

Павлюк *(со слезами)*. Сам я деревенский... и тоже...

Андронов. Не можем мы против пролетариата...

Артем. Смирно! Не хнычь, тульский боец!

Осип Мироныч. Много ли мне утешения надо на земле! Неделю какую-нибудь утешения перед смертью. Курсантики!..

Артем. Смирно, не шевелись, тульский! Лукьян, в строй! Отец, не обижайся. Терпи! Я сына веду в бой. А нужно — я и Денисом пожертвую.

Осип Мироныч. Черная у тебя душа, сынок, и чугунный у тебя ум. А Дениса не смей, не смей, говорю!

Артем. Денис будет ждать до старости, сто лет может ждать. Когда комиссар, вроде меня, пройдет по Европе и по Азии. Мне тесно в России, дед, и, кажись, не хватает у меня сердца ждать! Горит у меня сердце по боям, горит... Я свое сердце к кронштадтским льдам несу охлаждать. Дениса вам оставлю. Вот шашку я бы хотел вам оставить. *(Гладит шашку.)* А шашку жалко оставить. Курсанты, налево кругом!..

Ольга *(вскакивает и бежит к Артему)*. Артем, стой!

Артем. Надумала?

Ольга. Нет, ты слушай! Жихарко в тебя бросил бомбу, а в меня ты. Я тебя любила, Артем, и никого так любить не буду, а душу твою я сама выдумала, а теперь смотрю — твоя-то душа лучше

моей, выдуманной, твоя настоящая. Много горя ты мне сделал — да и я тебе, кажется, еще больше. Так вот я тебе сейчас говорю: просто и в последний раз — не сердись на меня и простись со мной без зла. *(Протягивает ему руку.)* Прощай и прости и вели мне ждать тебя. Я забыла, что идет революция.

Артем. Прощай, Ольга. Спасибо за покой. *(Целует ее в лоб. Она стоит радостная и сияющая.)* Прощай, отец.

Ольга *(протягивает руку Лукьяну)*. И ты не сердись, Лукьян, прощай.

Лукьян *(со злобой)*. Прощай. *(Поворачивается, не подав ей руки.)*

Она не замечает этого. Падает снег. Артем удаляется, она машет ему рукой и медленно идет за уходящими курсантами в метель. Горнист. Марш. Топот замирает вдали.

Осип Мироныч *(садится совершенно усталый на бревно и тупо смотрит на землю)*. Старость-то у меня какая темная, сырая.

Рубцов *(вылезая, Киселю)*. Вот как учись говорить. А ты мне бомбу принес какую?

Кисель *(недоумевающе)*. Какую бомбу? Масло тебе сливочное принес, согласно заказу.

Рубцов. Я тебе бомбу велел принести. Революционер я или нет?

Кисель. Бомб я продажных не встречал.

Рубцов. Трепло! Конспиративный язык не понимаешь. Собирай имущество, ликвидируй шаланду, девка на нас в Чека с доносом побежала. Провокаторов вокруг меня насадили, а я все равно прорвусь! Теперь, Кисель, спасай свою шкуру живей, веди дело до конца!

Кисель. Мое дело маленькое.

Рубцов. Остатки курсантов увели. Мой Петербург! Артем на льды пошел. Идем в первую голову скоропечатню ликвидировать, артемовское гнездо!

Кисель *(послушно)*. Ликвидировать так ликвидировать. Начали шаландой, а кончим, должно быть, Исаакиевским собором.

Уходят.

Старик с Буддой *(выкатывая Будду на тележке)*. Варфоломеевская ночь, граждане, начинается, видимо, не с этого рынка. Пользуйтесь случаем, купите дешево бронзовую статую Будды.

Толпа опять начинает наполнять набережную.

Старушка *(Осипу Миронычу)*. Почему они вас не арестовали?

Гул канонады.

Голоса. Наступают...

— Опять выступила вода...

— Ветер усиливается...

Осип Мироныч (*обращаясь к окружающим*). Граждане! (*Оглядывается.*) Граждане, проводите меня в скоропечатню. (*Пытается подняться с бревна.*) Городок-то наш на Амур-Дарье реке...

Обыватель. Хлеба, вы говорите, больше всего в Туркестане?

Голоса. А сколько туда ехать?

— А не поможет ли он с пропуском?

Осип Мироныч. Река извилиста. Каждый день русло меняет. И вот окружили наш город бандиты, басмачи, по-тамошнему...

Женщина. Купите у меня наволочки — мне надо хлеба.

Осип Мироныч. Заведующий типографией мне говорит...

Голоса. А если они пошли в окружение рынку?

— А если они ловят нас?

— Кто нас ловит?

— Железный комиссар.

Толпа мечется.

Осип Мироныч. Я могу все рассказать, проводите меня только. Не толкайте меня, мне трудно говорить. Разборщиком я служил.

Голоса. Этого старика оставили здесь, чтобы он нас задержал...

— Я же говорил, что будет варфоломеевская ночь...

— А если потихонечку, через развалины домой?

Осип Мироныч. А оказалось, что разборщик я никакой: путал я шрифт, и за меня из жалости исполняли работу другие. Вооружения в городе нету. Казаки сомнительны. А сверху на помощь к нам идет пароход с вооружением, на ночь пароход останавливается — река коварная. И вот в ту ночь остановилась река, изменила русло, и остался пароход на песке, и угнали утром весь город канал рыть к пароходу, остался в типографии накладчик Мишка да я, слепенький, старенький.

Голоса. Дурак!

— Стукните его в шею.

— Черт слепой!

Осип Мироныч. Кто врет? Осип Аладьин врет? Я тебе покажу — врет. (*Развязывает мешок.*) Я могу врать. (*Выхватывает револьвер из кошеля.*)

Толпа бежит.

(*Хватает старика с Буддой за шиворот и, уставив ему револьвер в лицо, говорит.*) Слушайте, сволочи, если я начал рассказывать. Наборщиков угнали, работать в типографии некому, и

дали мне оригинал, а у меня глаза слабые, я ничего не вижу, держу бумагу ту в руках, а сам ничего не вижу. Темная у меня перед глазами бумага. А заведующий, сам больной, из другой комнаты кричит: «Набирай, старик! Погибнут ребята, если не напечатать воззвания к населению города на помощь». Захолодело мое сердце, и открыл я глаза, и увидел я первое слово. И взял я букву Т, за нею О, а за нею В и стал по всей кассе *(потрясает револьвером)*, и набрал я слова, которые нужны, и завязал я их веревкой... Слышите? И в машину спустил, и тогда закрылись мои глаза и стала опять в глазах тьма, сукины вы дети! Веди меня в типографию, веди, а то убью!

Гетеерец *(пробегает)*. Вода! Тонем!

Делагарди. Спасите! Вода! Механик, гудок! Сирену! О, нет механика. Господин Рубцов, помогите нам! Господин Рубцов!

Гетеерец. Он в типографии.

За ним с парохода бежит несколько матросов.

Голоса. Они несут белые булки!

— Пойдемте за белыми булками!

— Да нет же, тонут... наводнение!

— Наводнение!

Толпа немеет, затем смятенно бежит вслед за иностранцами. Осип Мироныч и старик с Буддой. Рогожи с Будды спадают.

Осип Мироныч. Слушай, я говорю.

Старик с Буддой. Да, я вас слушаю, но наводнение...

Осип Мироныч. Напечатали воззвание. Казаки перешли на нашу сторону. Канал провели, и вот вывели меня встречать пароход, который шел по каналу и провез оружие. Ведут меня под руки...

Старик с Буддой *(совершенно отупел)*. Не купите ли вы у меня статую Будды? Видите, бегут... и мне...

Осип Мироныч. Народ побежал к типографии. А в типографии бомба. Как же я так... устал... Дениса последнего... Не отдам я Дениса! Как же я так мог забыть?.. Веди меня к Аладьиным.

Старик с Буддой. Совершенная правда!

Осип Мироныч. Ну, веди.

Старик с Буддой боязливо отстает и прячется за дом. Осип Мироныч идет, размахивая револьвером. Вдали слышен гул бегущей толпы. Голоса.

Я за Дениса всех перебью!

Выходит из развалин Жихарко.

Ж и х а р к о. Пойдем, старик, мне тоже там надо быть. У меня тоже темнота в глазах была. *(Уводит Осипа Мироныча.)*

С т а р и к с Б у д д о й *(опять выходит и, маленький, тесно прижавшись к статуе Будды, огромной, саженной, освободившейся от рогожи, блещущей золотом, начинает монотонно-сумасшедше бормотать)*. А вот дешево продается статуя Будды. Масса золота на кантах и других местах, не купите ли, граждане... Дешево продается...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ночь в типографии. Темно. В огромных окнах отсветы фонарей порта. Слышен гул канонады. Подле окон на чемоданах сидят иностранцы с потонувшего корабля «Дракон». Подле них унылый Р у б ц о в. *Несколько курсантов сходят с лестницы. Рабочие, несущие плахи, встречаются с ними в дверях.* М а г и н, Г р у ш н и к о в *и* О л ь г а *возятся подле наборной доски.* Д е н и с к а *стоит у машины неподалеку от Рубцова.* Ж и х а р к о *с винтовкой у машины.*

Г е т е е р е ц *(Рубцову, указывая на рабочих, несущих доски)*. Это из-за вас, Рубцов, несут с моего корабля доски. Кроме того, придет Кисель, которому я должен платить за комиссию по случаю продажи мне на слом скоропечатни. Куда мне грузить теперь скоропечатню?

Д е л а г а р д и. Ваша страна — тяжелая страна есть. Я устал по ней ездить. Я хочу в Швецию, домой.

Г е т е е р е ц. Потопили мой пароход. Моим пароходом топят печку, и никто не согревается. Мне тоже надо домой, а на чем я поплыву. *(Смотрит в окна.)* Сюда идут кронштадтцы...

Р у б ц о в *(уныло, мало веря в то, что говорит)*. Дайте мне мое слово сказать рабочим района. Я теперь революционер. У меня имущество потонуло на шаланде. Я теперь свободный! Я дождусь только Киселя... Теперь-то он мне принесет...

О л ь г а. Перестань трепаться, Рубцов. Вот Артем приедет, прощенья вымолишь перед революцией!

Р у б ц о в. Это я прощенья? Нет, ты мне позвони в комендатуру, пусть мне пропуск по городу выдадут. Чего мне у вас здесь караулить. Мне смотреть, как Дениска набирает. Да как вы ему помогаете. *(Насмешливо.)* На-аборщики!.. Артему поверили, набрали. Печатать будете. А свет где? А машины как пойдут? Вручную будете крутить машины?

О л ь г а. Будем!

Д е н и с к а *(со злостью)*. Сиди смирно, Рубцов, пока я тебя патрулям не сдал! *(Смотрит на часы.)* Через пять минут ток дадут. Через пять минут в сеть пустят. *(Ольге.)* Ты позвони, поторопи их.

Ольга подходит к телефону.

Дениска. А ты, Рубцов, посиди, полюбуйся.

Рубцов. Мне на дураков любоваться надоело.

Ольга. Замолчи, Рубцов!

Рубцов. Ой, какая твердая! Ой, какая крепкая! Ты отцу своему прикажи еще расстрелять меня... Вижу, боец винтовку держит. Тьфу!.. Вот сейчас базар вкатит, вот сейчас беспартийная Расея припрет!.. *(Кричит в окно.)* Кисель! Кисель! Тащи сюда!..

Тишина.

Жихарко. Набирать мешаешь.

Рубцов. Ну пристрели меня, если мешаю.

Ольга *(в телефон)*. Группа А... Двадцать четыре — восемьдесят шесть. Алло, алло!..

Рубцов. Ори, ори! И с электрической станции комиссары удрали. Отвечают тебе? Ори еще сильней! Свету захотелось, Артема встречать при свете. Кронштадтцы вам свету дадут!

Дениска *(выхватывает револьвер)*. Цыц-ц!..

Рубцов. В порту-то и то фонари гаснут. В порту станция и то останавливается. Наводнение идет, комиссары в Балтийском заливе, как при выходе из Египта... *(Вскакивает.)*

Дениска кидается на него с револьвером.

Дениска. Отпусти руки!

Рубцов отпускает руки.

Заключили раму?

Магин. Заключили.

Дениска. Спускай набор в машину.

Магин. Да что его спускать... свету...

Дениска *(бежит по лестнице)*. Я говорю, будет свет.

Рубцов. Рассвет будет, а не свет.

Дениска *(кричит на лестницу)*. Жихарко, иди сюда!

Жихарко *(подходит к машине)*. Я спущу набор. *(Спускает набор в машину.)* Ну!.. *(Насмешливо.)* Давай ток. Ольга накладывать станет!

Дениска *(подбегает к телефону)*. Ток будет сейчас. Алло! Группа А... Двадцать четыре — восемьдесят шесть. Алло! *(Растерянно оглядывается.)* Ишь, телефон испортился, не отвечает. Ток сейчас будет.

Входит Анна Матвеевна.

Анна Матвеевна. От Артема Осипыча вестей нету?

Дениска. Сейчас, мам, будут вести. Ты мне доску от сеней отломи.

Анна Матвеевна. Не буду я дом ломать, не позволю.

Д е н и с к а. Мам, мне одну доску. Мне две доски. Я печку разожгу и краску разогрею, печатать. Сейчас нас в сеть включат. Монтер уже там сидит. *(Указывает вниз на подвал.)* Все готово.

А н н а М а т в е е в н а. Ломай лестницу. *(Указывает вверх.)*

Д е н и с к а. Я за лестницу отвечаю, мам!.. Артем Осипыч велел.

А н н а М а т в е е в н а. Врешь, поди?

Д е н и с к а. Ей-богу. Когда пошел, так и сказал: в случае чего, ломайте, мол, сени и топите печку.

А н н а М а т в е е в н а. Ну, разве только по приказанию Артема Осипыча. *(Уходит и возвращается. В дверях.)* Идите кто со мной. Отломим плаху. Плахи-то, верно, плохие, гнилые, давно бы их сжечь.

Р у б ц о в. Светает. Ночь короткая! *(Смотрит в окна.)* Скоро революционному гражданину и на народ можно будет показаться. А вот и Кисель народ ведет. Ну, веселей хохотать будет.

Входит К и с е л ь и идет к Рубцову.

Ж и х а р к о. Дай обыщу! *(Обыскивает.)* Можешь говорить.

К и с е л ь. Все соображено. Через патрули я прямо как лиса проходил. Сейчас сюда комиссия явится с вооруженной силой, и передадут типографию. *(Иностранцам.)* С вас получить.

Г е т е е р е ц. За что вы можете с меня получить?

Д е л а г а р д и. Я хочу в Швецию.

Входит О с и п М и р о н ы ч.

О с и п М и р о н ы ч. Все грохочут пушки, все грохочут... *(Анне Матвеевне.)* Дай дрова помогу в печь класть. Я люблю, чтобы было тепло. Я вот ходил-ходил по улицам, Анна Матвеевна, и понял: смирился. Что мне дадут, тем я и буду счастлив. Мне бы хоть часок у печки посидеть...

А н н а М а т в е е в н а. Меня смиреньем не удивишь. Я, может быть, тысячу лет могу быть смирной.

Р у б ц о в *(злобно, Киселю)*. Где снаряд?

Кисель отмахивается.

К и с е л ь. Заплутался Питер-то в тумане. В странствия пошел городишко-то. Иностранцы, исполняйте ваши обещания, гони монету! А то пустим вас в туман... а тут все-таки к лому будете прикреплены и проживете...

Г е т е е р е ц. У нас нет денег.

Д е л а г а р д и. Как хорошо жить на родине!

Д о м н а - Р о з а н д а. Кого грабите? *(Рубцову.)* Меня грабите. Мне обещано уехать. На булыжник меня положите опять. Мне в приличные заведения пора...

Р у б ц о в. Нравится мне так. Сижу я, молчу, и все по моему пред-

сказанию исполняется. Город сбесился, комиссары бегут, льды расступаются. Кисель, иди сюда!

Кисель его не слушает.

Д е н и с к а *(в телефон)*. Начальника... начальника... комиссара станции. Мне обещано...

Д о м н а - Р о з а н д а *(исступленно кричит, наступая на Рубцова)*. Пароход утопили! Шаланду утопили! Доски на дрова пошли, а мне в тех досках за границу надо ехать. Что же от моей жизни осталось... *(Идет к дверям.)* Опять мне по булыжникам...

Р у б ц о в *(Домне-Розанде вслед)*. Иди, иди, встречай матросов, они по питерским шлюхам соскучились...

О с и п М и р о н ы ч. Никакой жалости к человеческому разуму нету.

Д е н и с к а. Нету к разуму жалости. И к скоропечатне жалости нету. *(Стучит по телефону кулаком.)* Почему станция мне не отвечает?

Р у б ц о в. Я за станцию отвечаю: в лом. Иностранцы у лома сядут, корабля другого ждать. Увезут тебя, литерная душа, увезут. Кисель!..

Кисель бродит среди машин.

Д е н и с к а *(растерянно)*. Ольга, может, и на самом деле в лом сдадут. Фу-у, как скучно становится! Дед, ты же сорок лет здесь проработал, чего же молчишь?..

О с и п М и р о н ы ч. Смирился я, как гроб, смирился, Дениска.

Д е н и с к а. И Артем молчит...

О л ь г а. Подождем Артема, Дениска...

Р у б ц о в. Смирись, как твой дед смирился. Замолкни. Здесь моя власть. Печатай, что я тебе диктовать буду!..

Д е н и с к а *(схватив револьвер)*. Меня в лом сдавать? Меня? Да где же у вас настоящие души-то? Как мне на вас смотреть?

На улице автомобильный гудок, крик. Распахивается дверь, и вбегает Л у к ь я н с окровавленной повязкой на голове и с саблей Артема в руках.

Л у к ь я н. Э, и теперь скажете, что я убежал! Вся наша рота аа-ах! *(показывает руками взрыв)* — и под лед. Мясного сюда! Мясной!

На верху лестницы показывается М я с н о й.

Мясной, по приказанию...

М я с н о й. Артема Осипыча...

Л у к ь я н. Прекратить панику, не прерывать командера. Я теперь над вами командер. Смирно-о!!.. *(Потрясает приказом.)* Вот приказ. Меня на место Артема!

А н н а М а т в е е в н а. Артем Осипыч-то где, Лукьян?

Л у к ь я н. Меня на место Артема. Я приказываю. Собрать всех, весь резерв! На вокзал, сейчас же на грузовики!

М я с н о й. Так точно! Слушаюсь! *(Уходит.)*

Во время всей последующей сцены по лестницы спускаются и медленно уходят в двери к у р с а н т ы.

Л у к ь я н. Всех выгоняй! Рабочие дружины выгоняй! Воззвания, Дениска... порядок выхода рабочих отрядов... Где? Напечатаны?

А н н а М а т в е е в н а *(испуганно повысив голос)*. Ты что ж это, Артемовым голосом заговорил, Лукьян? Где Артем-то... Осипыч?

О с и п М и р о н ы ч. С Артемом-то как... внучек... когда он придет?

Л у к ь я н *(кидает на пол саблю)*. Во-от... саблю выкинул!

Молчание.

О л ь г а *(в ужасе)*. Где Артем?..

Л у к ь я н *(только теперь поняв ужас происшедшего, опускается на табурет и растерянно вспоминает)*. Идет он по льду и все время на меня оглядывается... *(Ревниво вскрикивает.)* Думал, наверное, отстаю! А у меня сапоги скользят. А у него сапоги подкованные были...

А н н а М а т в е е в н а *(схватывает за грудь Лукьяна и в лицо ему кричит)*. Как «были»... Артем-то... Осипыч...

Л у к ь я н *(не слушая)*. Снаряды — в лед... В лед... Полыньи... А в полынье обозы, пушки, люди... А от берега еще идут, обходят полыньи... А снаряды с Кронштадта... Артем идет, оглядывается. А потом как *(показывает руками взрыв)*, как уу-у-х-хнет! И Артем-то...

А н н а М а т в е е в н а. Под лед!

Л у к ь я н. Под лед, мам, под лед. Всплыл. Руки-то по льдине скользят. Поднял он руки, а в руках шашка. Так он мне, без слов, к ногам... шашку выбросил.

О л ь г а *(прислоняется к машине)*. Умер Артем, отец! Никаких слов мне от него не услышать и мыслей его никогда не узнать. Так и ушел по льдам, отец... *(Плачет.)*

Ж и х а р к о. Верный был народу человек... Так и ушел...

О с и п М и р о н ы ч. Умер Артем Осипыч. *(Подходит к Лукьяну, поднимает шашку и смотрит на нее.)* Строгий был человек Артем, и ласковый был сын. Настоящей смертью помер. Денис, иди сюда ко мне, Дениска.

Дениска подходит к нему.

Я вот думал, нельзя тебя пускать, Дениска, на лед. А выходит... Достань мне, Денис, из кошеля маузер. *(Лукьяну — твердым и помолодевшим голосом.)* Объяви тульским... Осип Мироныч Аладьин и внук его Дениска на лед пошли...

Лукьян *(вытянувшись)*. Слушаюсь, дед.

Пауза.

Осип Мироныч. Давай халаты и шинели. Прощайся с матерью, Денис. *(Анне Матвеевне.)* Прощай, невестка, так и не отдохнул у тебя...

Голос возчика за сценой: «Могу я в темноте на проволоку напороться или не могу? Что ты мне пистолет под нос тычешь?» Входят возчик *с бичом и* курсант.

Возчик *(возмущенно)*. У меня пропуск есть. Я спешно послан.

Второй возчик *(входит)*. Мы спешно везем...

Возчик. Нефти не хватило, замерзает музей, а там царское имущество с Петра Великого хранится. А тут проволоку колючую по переулку затянули.

Курсант. Я тебе кричал: вертай.

Возчик. А если спал. Ночью вам вози нефть да еще не спи. Загубили вы моих лошадей.

Курсант. Пускай командир разбирается...

Анна Матвеевна. Кому ж берегла свой дом, Осип Мироныч? Куда ты уводишь Дениску-то? Пустой мой дом.

Осип Мироныч. Пустому-то ему и быть, видно, невестка.

Анна Матвеевна. Мимо пустых окон мне ходить, Осип Мироныч. Артем Осипыч вчера в сенях шел. Темно было. Споткнулся он и говорит: ступеньки убрать надо, неравно голову сломишь. Печь, говорит, в кухне дымит, замазать бы. Вот и ступеньки я убрала и печь замазала, а для кого? Денис, отступаюсь я, не надо мне дому!..

Дениска. Как же тебе не надо дому, мам?..

Анна Матвеевна. Ты ведь на лед идешь... Так ты не из своего дому идешь и не в свой дом вернешься.

Лукьян. Мам, мы вернемся, и тогда...

Анна Матвеевна. Не надобен вам мой дом, не в него вы вернетесь. Одному Артему Осипычу верила. А он тело свое подо льдом скрыл. Мертвый даже не захотел лежать в своем доме. Вам ли, детки, вернуться в дом. Другие у вас будут дома. Другая любовь. Не надо мне дому, Денис. Бери его... Пусти его по ветру. Пусти куда хочешь... пока не запалила его. Не в доме моя правда была, ошиблась я.

Дениска. Зачем пускать по ветру... Мы можем... *(Вдруг вскрики-*

вает.) Мы можем замечательные мысли придумывать. *(К возчику.)* Сколько у вас бочек нефти?

Возчик. Бочек будет шесть.

Второй возчик. Не шесть, а семь. Седьмая еще с медной втулкой.

Дениска *(тащит возчиков к окну)*. Вон дом... мой дом... Материн дом... видишь... Аладьиных дом, видишь?

Возчик. Вижу.

Второй возчик. Дом с палисадником. Аккуратный дом, одобряю.

Дениска. Так вот... мысль... Ты мою мысль пойми. Вот ты кати сюда бочки и кати отсюда дом. По бревну кати мой дом. Ломай его... Бери мой дом!..

Возчик. Выгода мне какая?

Второй возчик. Выгода есть... Стекла продадим... Нашу дворницкую нефтью не топят, печи не для нефти, теперь дровами будут топить...

Возчик. Стыдно — везли нефть, а привезли бревна.

Второй возчик. Есть когда при такой бомбардировке разбирать, кабы согреться. Опять же хватили пулеметом в нефть, в бочку, она и потекла. Нефть не бревно, от пули течет. Ясно...

Возчик. Ясно-то ясно. *(Решив.)* Разрешите, граждане, как будущим хозяевам, для началу, для бодрости в окно... *(Показывает рукой.)* Спокойнее, знаешь.

Дениска подает кирпич. Возчик бросает. Слышен звук разбитого стекла. Второй возчик тоже кидает кирпич. Рабочие испуганно выскакивают на лестницу. Голоса: «Кто там стекла бьет? Дом ломают... Ну... Вот дров-то...»

Все теперь в порядке. Можно нефть катить.

Дениска. Кати нефть. *(Рабочим.)* Товарищи, помогите. Монтера разбудите.

Голоса: «Идет монтер».
Показывается монтер.

Монтер. Что, включили?

Дениска. Собственная сеть. Сами включились. Поди, Смирнов, посмотри там за снаряжением. Нефть получена!

Монтер. Мне по нефти трудно. Я по электричеству.

Дениска. Я сам могу помочь. Я всю душу эту типографскую понимаю. Ты только так, чтоб машины... знаешь... настоящего хозяина... мастера почувствовали... Ты только мимо них пройдись. А они там завоют, поймут. Они настоящего мастера понимают. У них ко мне уважения мало...

Монтер. Ну, я посмотрю.

Через сцену в подвал катят бочки с нефтью. Монтер спускается в подвал. Дениска заглядывает туда же.

Осип Мироныч *(прислушиваясь к треску разрушаемого дома и крикам возчиков и рабочих на дворе)*. Был дом — и нету дома. Работал сорок лет — и нету сорока лет. Было у меня два сына, один даже в Индию собирался...

Дениска *(кричит в подвал)*. Ты смелей ходи, смелей! Они многое понимают. Ишь, заблестели! Они у нас должны работать. Будет — постояли! *(Вскакивает, Жихарке.)* Тебе сердиться на что? Артем помер. Он, если тебя и обижал...

Жихарко *(подходит к машине)*. Выстукать набор, что ли?

Дениска. Выстукай.

Жихарко выстукивает.

Лукьян *(подходит к Ольге)*. Я в себе, Ольга, много теперь силы чувствую. Я могу все забыть, помириться. Я и отцу все простил, обреченный был человек... *(Протягивает Ольге руку.)* Давай пять.

Ольга. Я с тобой не ссорилась, Лукьян.

Лукьян. Я отвернулся от тебя. А ты же его, Артема, забудешь. Гордость у меня большая, а все же...

Ольга *(подает ему руку)*. Я руку тебе, Лукьян, подаю, чтобы проститься. Пустая у меня рука. Хуже твоей. Не быть им вместе, этим рукам, Лукьян. Артем моей душой владел и — телом. Вот полчаса назад сидела я смирная, как Анна Матвеевна, и думала: буду Артема ждать. Долгие годы ждать. Дом, быть может, построить и ждать. Поймет он мою любовь. А теперь ждать, оказывается... *(Машет сокрушенно рукой.)* Надо опять сапоги найти... *(Идет по лестнице.)*

Лукьян *(разозленно ей вслед)*. Ну и не надо, ну и valись ты!

Ольга. Пора тебе на лед, Лукьян. Жарко тебе здесь, спокойствие нужно.

Лукьян. Я иду. Денис, ты готов? Дед...

Дениска. Да, я давно. Только пять минут, только пять минут обожди.

Голос монтера снизу: «Слушай».

Ну слушаю, слушаю.

Рабочие к тому времени набиваются в типографию. Они напряженно смотрят в подвал.

Голоса рабочих. Ну, слушаем!..

— Ну?..
— Да нет ничего!..

Дениска *(в подвал)*. Не слышно, не слышно, говорю...

Голоса рабочих. Тукнуло!

Дениска. Где тукнуло?

Стук мотора.

Это автомобиль!

Голоса рабочих. Да не автомобиль, это нашего двигателя голос.
— Тукнуло!..
— Где?..
— А, вот!..

Дениска. Пошел!

Голос. Врешь!..

Слышно, как сначала тихо, а затем все громче и громче начинает стучать двигатель.

Дениска. Дров в печь, чтобы, кроме того, теплей!

Медленно, сначала оранжево, а затем сильнее — белым — разгораются огоньки люстры. Пока горит только одна лампочка, крошечная, тусклая.

Голоса *(восторженно, тихо)*. Ла-ампочка!..
— Где лампочка?..
— И верно, лампочка загорелась...

Монтер из подвала: «Пускать вовсю?»

Дениска. Пускай! Ты выгляни оттуда. Выгляни. Смотри — с люстры вода каплет, оттаивает. Ребята, люстра течет! Братеньки, люстра умывается! Ой, крой на мою голову, сыпь в печку дрова! *(Восторженно мечется по типографии.)*

Заспанная женщина в шали и пальто показывается на верху лестницы. Она изумленно кричит: «Да ведь в коридоре свет!» Но женщину никто не слушает. По лестнице в типографию спускаются рабочие, сонные, полуодетые. Из подвала грязный, выпачканный и пыльный показывается монтер. Его встречают радостным воем. Дениска кидается к нему на шею. Монтер смущенно улыбается. Люстра сияет ослепительно. Монтер возвращается в подвал. Свет на мгновенье пробегает по зрительному залу зигзагообразной молнией. Мгновенная пауза. Люди в типографии стоят неподвижно. Они благодарны свету и теплу. Они чувствуют, что необходимо как-то отблагодарить машины. И вот Дениска махнул рукой, и сразу со всех машин летят прочь рогожи.

Сияющая сталь зовет к работе. Жихарко поднимается на ступеньку печатной машины. Набор вставлен.

Жихарко. Сейчас краску накатаю. Валики замерзли, не пойдет!

Дениска. Пойдет. Все оттаяло. А то печатай замерзлыми валиками! Включай!

Жихарко. Я включу. За поломку ты отвечаешь.

Дениска. Отвечаю.

Ольга с сапогами в руках и с котомкой спускается вниз по лестнице. Она смотрит с грустью, как отец ее возится подле машины. Жихарко и Дениска увидали ее.

Жихарко. Ольга, положи суму. Становись к машине, накладывай.

Ольга. Не накладывать мне больше на эти машины, отец. Поверни ты маховое, тебе легче. А я ухожу, прощайте...

Дениска. И зря, совершенно зря. Тут ведь сейчас перед большой ответственностью... И куда тебе идти...

Жихарко. Какую тебе, перед кем вину искупать?

Ольга. Поеду на Урал... в Сибирь... Русь велика. *(Идет к выходу.)*

Лукьян срывается с места, бежит к Денису.

Лукьян. Ты меня под суд подводишь, под трусость. Пошли.

Дениска. Пять минут... пять минут. Сейчас лист в машину вложат. Жихарко, вкладывай! А ну, крути колесо, крути!.. Пошла!.. Ейбогу, пошла!..

Жихарко. И впрямь пошла, курва!..

Голоса. Идет!..
— Двинулась!..

Маховое колесо, поворачиваемое несколькими руками, медленно трогается. Дениска остается один подле колеса, он свистит, подпрыгивает, руками показывает, как крутится колесо. Колесо крутится все сильней и сильней в совершенной тишине. Дениска достает из-под ящиков с гартом приводной ремень и, торжественно показывая его рабочим, кричит.

Дениска. Вот что под гартом лежало. Вот что ты, Кисель, не мог упереть. А что ты там гарт пер — сколько угодно, у нас гарту много — пятьсот пудов. *(Накладывает ремень. Берет табуретку.)*

Жихарко хочет ему помочь.

Я сам, не мешай! Я этот ремень больше своей души берег. *(Рубцову.)* Черта вы, а не мой ремень на подошвы изрезали.

Ну, говори теперь, Рубцов. Теперь я тебе слово предоставлю, блуждающая литера!..

Р у б ц о в. Я могу сказать! Я сказать не боюсь. Мне еще последнее слово Кронштадт предоставит. А сейчас... *(Смущенно оглядывается, указывая на Дениску и окружающих.)* Тут враги... *(На иностранцев.)* Тут дураки... Кому мне говорить. Я уйду. Давай мне бомбу, Кисель! Я, может быть, под себя бомбу брошу...

К и с е л ь *(срывая с себя форменку и кидая ее на пол)*. Нет, ты сиди. Людей мог смущать, на преступленья мог их вести, так уж сиди, казнись. А я давно хотел от тебя отказаться... я странник... мое дело тихое...

Хохот. Кисель видит входящую комиссию ВСНХ и смущенно уходит в угол. Рубцов стоит неподвижно.

Д е н и с к а. Пришли. Вот вам и лом, любуйтесь и плачьте, сукины дети.

Куваев хочет что-то сказать, но Осип Мироныч решительно отталкивает его.

О с и п М и р о н ы ч. Правильно поступил. Все правильно и по нашим мечтам. А теперь двинули, Дениска.

Д е н и с к а. Теперь двинулись. *(Восторженно оглядывается.)* Свету-то, свету!.. *(Становится рядом с Осипом Миронычем, но ему не стоится. Он смотрит на люстру.)* Свету-то и тепла-то, батюшки! Весь подрайон на свет бежит. Дверь распахните! Кто там за дверью тепла ждет?

Один из рабочих распахивает дверь — там, скорчившись, стоят А д а д у р о в и Т ю ф я к и н.

Тепла вам хотелось, грейтесь на своем добре. *(Жихарке.)* Шпарь быстрей, это нам заместо маршу! Счастливо...

Анна Матвеевна кидается Дениске на шею. Машина начинает печатать. Голоса провожающих. Машут руками и шапками. В типографии все теплей и теплей. Все раздеваются. Угол, где стоят иностранцы с чемоданами и куда пробрались Ададуров и Тюфякин, уходит в темноту, его закрывают тени перебрасываемых к машине стоп бумаги, тела рабочих, рогожи, откинутые туда... Дениска и Осип Мироныч идут к дверям. Двери широко распахнуты. Вдалеке слышен марш курсантов.

Г о л о с а. Тульские...
— Ихняя песня...

Марш громче и ближе. В дверях вырастает М я с н о й, оборванный, растрепанный, но радостный, за ним к у р с а н т.

М я с н о й. Тише! Тише-е... Граждане... Расейские!.. Кронштадт...

Д е н и с к а *(зажимает рот Мясному)*. Машина, Жихарко, стой! Расключите раму и вставьте туда...

Ж и х а р к о. Куда? В какие строки?

Д е н и с к а. Куда попало. Самым крупным шрифтом. Батя, Артем Осипыч!.. Пал Кронштадт! Революция победила!..

З а н а в е с

ПОЛЕ И ДОРОГА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Игнатий Денисович Даудов.
Его «нареченные родственники»:
Христина Ивановна Банникова — «жена».
Прасковья Посоха — «дочь».
Данил Галамея — «сын».
Иона Пешехонец — «дядюшка».
Тимоша Хвуст — «племянник».
Никифор Яковлевич Мигула — начальник цеха блюминга.
Варвара Матвеевна — его жена, женорг мартеновского цеха.
Лазарь Дементьевич Лаптев — ее двоюродный брат.
Тоня Хорошавка.
Фомушка Строгин.
Первый прокатчик.
Второй прокатчик.
Третий прокатчик.
Первый мартеновщик.
Второй мартеновщик.
Третий мартеновщик.
Первый землекоп.
Второй землекоп.
Третий землекоп.
Косматый певец.
Пианистка.
Рыжий.
Гармонист.
Рабочие.
Мартеновщики с плакатом.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Квартира Даудова. Грязные окна с кривыми подоконниками. Узкая дверь в чулан, такая же дверь в сени. Еще одно отверстие, завешенное дрянным половиком; ход в соседние комнаты. Щелистый некрашеный пол покрыт сором, окурками, обрывками газет. Стол на трех ножках, подпертый березовым поленом. Железная койка без одеяла, три табурета. Сырость, затхлость. Изумляет на стенах изобилие плакатов, очень ярких, пестрых, — о строительстве, о туризме, о гражданской войне. Трое грязных, оборванных и нечесаных людей беседуют в этой комнате: Христина Ивановна, *штопающая чулок,* Иона Пешехонец, *одутловатый, с рыжей дынеобразной головой, и* Тимоша Хвуст, *жующий краюху, круто посыпая ее солью.*

Христина *(мечтательно)*. А по вечерам я шью. Модистка, Ионушка, при любом режиме на свою жизнь заработает.

Пешехонец. Иглой, да не той.

Хвуст *(жуя)*. А днем?

Христина. Днем же я служащая. У нас в столовой чисто, опрятно. От посетителей цены узнаешь на продукты.

Пешехонец *(осторожно)*. А зачем это вдруг, названная наша мамаша, понадобились вам цены?

Христина *(также осторожно)*. А кто знает — вздумалось за маслом или за сыром, или, например, украинцы сало любят. Скажем, есть два выходных дня подряд...

Хвуст. Сало я люблю.

Пешехонец *(хихикая)*. Понимаю! И тебя, мамаша, понимаю, и Даудова понимаю, и всех понимаю. *(Вскакивает и, приплясывая, несется по комнате.)* Гусей будем разводить.

Христина *(удивленно)*. Гусей?

Пешехонец. Самая безобидная и выгодная птица. С одного приплода в лето двенадцать штук, не считая прежней пары. Глядишь, через три года шестьсот гусей. Ты им, Христина Ивановна, из столовой припасы тащи, я их буду пасти, а Хвуст...

Хвуст. А я их жрать буду! *(Дико хохочет.)*

Пешехонец. Меня птица любит. Я, по правде сказать, иноком когда то существовал.

Христина *(встревоженно)*. Да что ты, что ты! Я совсем не про то, Ионушка.

Хвуст *(обрадованно)*. Игумена, говорят, вот жрали!

Пешехонец *(чрезвычайно возбужденный)*. Во когда понятно! Собирает нас Даудов и объявляет родственниками. А все дело в гусях. Гуси! Я человек свободный, инвалид, больной. Нет на меня подозрений. И, кроме того, всем известно, я люблю природу. Я из-за природы уходил в святители. *(Исступленно топает ногами.)* Гуси летят!!!

Хвуст *(потягиваясь на койке)*. Щей бы. И ложку бы такую, не влезающую в рот.

Христина *(строго)*. Перестань, Иона. Я помечтала, а ты всерьез. *(Еще строже.)* А ты чего завалился, Тимошка, кровать расшатал до собачьего визга. Это чья кровать? На ней Даудов отдыхает. Даудов премирован! Его заводоуправление и весь рабочий класс уважает. Даудов объездил всю страну, плавал с прочими ударниками за границей, а теперь в этой кровати на пенсии лежит.

Пешехонец *(визжит)*. Встать! Тимошка, немедля прибери трудящуюся кровать!

Хвуст. Прибрать надо такое, которое ценное, скажем, творог со сметаной, квас, репу, даже пареную. *(Зевает.)* Собрал нас, черт белесый, читает лекции, нет чтобы кормить покрепче.

Христина *(возмущенно)*. Про названного дядю? Тимошка, смотри!

Хвуст. А сдохни хоть сегодня этот дядя.

Пешехонец *(поет, прищелкивая пальцами)*.

Помирал наш Игнат,
Помирал многократ,
Многократ помирал
И других убеждал.

Галамея *(выходит из сеней. Круглый, с животиком, пискляв, лыс, хотя и весьма молод годами. Говорит он обиженно)*. Зачем меня остановили в поле?

Пешехонец. Тебя? Ты сам, брат, любого прохожего остановишь.

Галамея. Даудов остановил и говорит: «Я по глазам вижу, не понял ты, какая навстречу нам жизнь идет. Заворачивай для усвоения в мою халупу, будешь названным сыном». Завернул я...

Пешехонец. А тут перед ним я.

Галамея. Мне буйной художественной жизни нужно, а не лекций.

Пешехонец. Меня тоже когда-то за буйство в дальний монастырь ссылали.

Хвуст *(зевая)*. Ветчины бы поджаренной, десяток яичек, да эдак садануть раза по три в день.

Пешехонец. Галамея, дам в морду!

Галамея. Кому?

Пешехонец. Даудову, названному твоему родителю.

Галамея. Я бить могу за искусство, а не за душевное надругательство. *(Садится у стола.)* Мне бы кисти да краски.

Пешехонец. Да уменье.

Галамея. Я бы изобразил, скажем, пруд. Мальчонка рядом, косоротый, поймал впервые карася. Штанишки сваливаются, тело просвечивается, ноги в цыпках. Солнце я изображаю на карасе, солнце я изображаю на воде и на ладони мокрой руки. С карасиного хвоста я пускаю голубую слизь. Как я понимаю природу! А кому оно нужно?

Хвуст *(вскакивая)*. Стол загнать. Купить карасей, зажарить.

Христина. Я не позволю тебе, Хвуст, проедать имущество. *(Уводя вошедшую Посоху, жалобно к ней.)* Ошалелые они сегодня какие-то.

Посоха *(высокая, сутулая, плоская, квадратное тупое лицо с толстыми губами)*. Гони двадцать пять цалковых, мамаша.

Христина *(оторопело)*. Какая я тебе мамаша? Волчица тебе мамаша, а не я. *(Указывает ей на ноги.)* А чулки зачем ты мои обула?

Посоха *(грубо)*. Захотела и обула.

Христина. Я тебе в прошлом месяце три рубля дала, где они? *(Оглядывая ее.)* Господи, да на ней и кофта моя!

Посоха *(выставляя ногу)*. И ботинки твои.

Христина. Граждане, будьте свидетелями, я до профсоюза дойду, я теперь служащая.

Посоха *(громко, тяжело ступая, склоняется к лицу Христины)*. А если в зубы?..

Христина испуганно, со злостью сморкается, всхлипывая.

Три рубля хочешь? А жалованье кто сегодня получил? Я?

Христина. Копейки не дам из своего жалованья.

Посоха *(стаскивает Хвуста за руку с койки)*. Иди, иди, собирай.

Пешехонец *(осторожно)*. Очень будет обидно нашему папаше узнать, что его родственники ходят собирать милостыньку.

Посоха. Иди, тебе говорят.

Хвуст *(послушно натягивает лохмотья)*. Но, но, чего же драться. *(Уходит.)*

Посоха *(подбоченясь, останавливается перед Галамеей)*. А ты куда?

Галамея. Я просто несчастный художник.

Посоха. Вот и рисуй меня.

Галамея *(робко)*. Ты некрасивая.

Посоха. Кулаки есть, какую еще красоту!

Галамея *(отходит к окну)*. Скажем, мне ночная река больше нравится, синяя, пустая, и кувшинки под луной распускаются.

Христина *(всхлипывая)*. Какие же в феврале кувшинки.

Посоха *(сгоняет Христину с табуретки, садится сама)*. Мне надо двадцать пять рублей.

Пешехонец. Приезжал в наш монастырь исправник, вроде тебя, Посоха, такой же грубый и требовательный. Однако я его кротостью и глазами победил. У меня тогда глаза были ласковые, молодые. Купчихи из-за глаз дары дарили.

Посоха срывает с него шарф.

Посоха, не дури, такому шарфу цены нет.

Посоха *(кладет шарф под себя)*. Продам! *(Кричит.)* Мне надо двадцать пять рублей!

Христина *(тихо)*. А сейчас-то как раз нету нам расчета ругаться.

Посоха *(так же тихо)*. А в чем же расчет?

Христина. Домишко этот скоро сломают. Если мы одни останемся, а не вокруг Игнатия Денисовича, то нас в бараки перекинут или совсем долой. А при Игнатии Денисовиче, будучи его семьей, нам самую лучшую из квартир выдадут, с газовой кухней, и с ванной, и с коридором.

Пешехонец. Напился у тебя гость, ты его в коридор выбрасываешь. *(Натягивает бумажный колпак на голову и, приплясывая, бежит к двери. В дверях — Даудов.)* Отец, благодетель, снег дует, а здесь ты всегда первая птичка, всегда весна, разлив чувств. Игнат Денисыч пришел, плачьте радостно, дети, бейте меня по мордам. *(Перекувыркивается перед Даудовым.)*

Даудов *(в стоптанных ботинках, коротких брючках, пиджак из «чертовой кожи» с отвислыми полами, на затылке самодельная шапка. У него счастливое круглое лицо с большим носом и крошечным ртом. В руках у него кошелка)*. И правильно, для разумно рассуждающего человека жизнь всегда весна, и мысли его — первые ласточки. Так-то, Ионушка.

Посоха *(передразнивая)*. Ах, весна, ах, ласточки!!

Пешехонец *(приплясывая, бежит за Даудовым)*. Благодетель, какие слова! Благодарю тебя, создатель, что довелось мне Игнатия Денисыча в моей жизни встретить. Существуй бы бог, я б на тебя, Игнатий Денисыч, при жизни твоей составил акафист. *(Падает на колени.)* Вот я пред тобой на коленях.

Даудов. Ну, ну, не очень-то ты... А Хвуст где? От обеда у меня картошка осталась, рыбы я ему тоже принес.

Посоха. Давай я сожру.

Даудов. Не обедала разве, Праскевьюшка?

Посоха. Из грубости сожру. *(Достает из кошелки пищу и жадно ее ест.)* А денег мне припер?

Д а у д о в. Восемь рублей.

П о с о х а *(вырывает деньги).* Мало.

Д а у д о в. Действительно, получил я двадцать семь, не успел оглянуться, пришлось в долг раздать. *(Достает из кошелки ремень.)* Это вам, Христина, подарок, на работе подпоясываться.

Христина молча берет пояс.

Тебе ж книжку *(протягивает книгу Пешехонцу),* рассказываются похождения Уленшпигеля, он вроде разбойник, но вполне достойный человек, примерно как ты, Иона.

П е ш е х о н е ц *(ложится на койку).* Черта ли мне в книжке, я книг тысячу прочел.

Д а у д о в *(ему хочется утешить Иону, он подходит к койке).* О чем же ты предполагаешь, Иона?

П е ш е х о н е ц. Я...

Д а у д о в. Да, ты.

П е ш е х о н е ц *(думает).* Я? Балалайку мне надо.

Посоха хохочет.

Дерево, что смешного нашла? При императорском дворе оркестр балалаечников состоял.

Д а у д о в. Посоха не над этим хохочет.

П о с о х а. Нет, над этим. Зачем тебе балалайка, если у тебя язык есть?

Д а у д о в. А где Галамея? Я ему кисть принес и две краски — черную и желтую. Пусть пока на двух попрактикуется.

Х р и с т и н а. Он и в одной-то разобраться не может. *(Осторожно.)* А дом-то, халупу-то нашу, Игнатий Денисыч, разбирать хотят. Приехал, говорят, новый начальник блюминга Мигула, и настоял весь переулок долой.

Д а у д о в. Давно пора раскатать нашу халупу.

Х р и с т и н а. Вам-то что, Игнатий Денисович, вы пролетарий выдающийся, вам комнату с окном во всю стену выдадут, а нас опять — в поле.

Д а у д о в. Если я собрал вас сюда и здесь вы осмыслили жизнь, то вы и пойдете со мной во все новое и светлое. Какие вы были три месяца назад и какие сейчас? Каждый вокруг дела хлопочет. Христина Ивановна уже на службе. *(Достает из кошелки кисть и размахивает ею.)* Скажем, Галамея, он облако увидит и такое о нем расскажет, на всю жизнь запомнишь. Он еще нам ударников рисовать будет. Нежный он человек.

П о с о х а *(ухмыляясь).* Это что ж, папаша, лекцию ты опять нам начинаешь?

Д а у д о в. Лекции кончились. Считаю, экзамен вы прошли и можно вас допустить.

Пешехонец. Благотворитель, лапку! *(Скачет перед столом.)* Ну нет, не достоин я твою лапу целовать, ножку твоего стола целую. *(Целует ножку стола и, приплясывая, убегает.)*

Даудов. Приятный парень, а шутит всегда чудно.

Посоха. Эх, кабы мне двадцать пять рублей.

Христина. Как вы признали нас уравненными, позвольте мне, Игнатий Денисыч, высказаться.

Даудов. Я и раньше заботился, чтобы вы побольше высказывались.

Христина *(осторожно)*. Вот получили вы, Игнатий Денисович, пенсию, а вас тут же и обобрали. Будь бы вы осмотрительный, так эту пенсию надо б в оборот.

Даудов. У вас хорошая душа, Христина Ивановна, но в силу вашей сдержанности выражаетесь вы несколько смутно.

Посоха *(вспыхнув, кричит)*. Уходи, Христина, уходи сейчас же! Ты мои мысли выкрала. Подсматриваешь?

Христина. Мысли что, а вот когда ботинки воруют...

Посоха *(яростно)*. Изувечу!

Христина уходит.

Даудов. Ты напрасно ее обижаешь, Посоха.

Посоха *(садится против и глядит в глаза)*. Мне надо двадцать пять.

Даудов *(торопливо роется в карманах, достает какую-то мелочь, считает)*. Здесь семьдесят пять копеек — это, кажись, и все.

Посоха выхватывает деньги.

Я тебе непременно, Праскевьюшка, завтра достану.

Посоха. Скажем, к знакомым ты придешь. Носят ведь они калоши?

Даудов *(недоуменно)*. Носят.

Посоха. Ты мне, папаша, достань пять пар. Кто на тебя подумает? Я их продам.

Даудов. Шутить ты не умеешь, Праскевья. *(Подает ей книжку.)* Вот узнай про Уленшпигеля.

Посоха. Плевала я на твоего Шпигеля, папаша.

Даудов *(смеется)*. А чего тебе так срочно надобны деньги?

Посоха. Я куплю серебряный портсигар.

Даудов. Зачем тебе серебряный портсигар, Прасковья?

Посоха. Я буду кататься на паре вороных, папаша. Люблю я, когда конь скачет и запах от него такой вострый. Потом я вырву у кучера вожжи, дам по уху, кучер с облучка, кони понесут... Эх, пыль, грохот, я оборачиваюсь к тебе и говорю: «Не беспокойтесь, милый мой».

Даудов *(чрезвычайно смущенный)*. Ну какой же я милый!

Посоха. Тут я достану серебряный портсигар и выну папироску,

На портсигаре я имею золотой вензель «ПП» — Прасковья Посоха. Черт с ним, с именем «Прасковья». Да, бывшая ночная, а теперь купчиха, а Игнатка Даудов мой муж.

Д а у д о в. Кто знает, Прасковья, возможно, мне и следовало бы быть вашим мужем, вы редкий, искренний человек, но вы будете обижаться, ревновать.

П о с о х а *(смеясь)*. Ревновать тебя?

Д а у д о в. Ну, я буду ревновать. Вот и получится неудобная жизнь. А кони... Я тоже люблю коней, особенно если они статуи. Стоит этакий медный человек и медного зверя за узду держит. А вообще-то, Праскевьюшка, я сталевар и о конях никогда не мечтал.

За окном слышен женский пронзительный крик.

(Подскакивает к окну, распахивает его, в комнату врывается столб снега. Достает из кармана свисток, свистит. Крик прекращается.) Я всегда со свистком хожу, Прасковья, это на хулиганов действует. *(Закрывает окно.)*

П о с о х а *(со злостью)*. А помнишь, я тебя, папаша, по рылу била?

Д а у д о в. Когда я вас всех в один день из одного поля привел и сразу же превратил вас в свою семью?

П о с о х а. Я бы и сейчас тебя избила, да боюсь — сдохнешь. И не переехать нам тогда на новую квартиру! *(Ушла.)*

Д а у д о в *(перелистывая книгу)*. Ох ты, горяча ж. Конь, а не девка!

В сенях шум.

(Берет кисть, краски, раскладывает это по столу.) Галамея, ты?

Л а п т е в, с ним рядом Х о р о ш а в к а. Лаптев весь пепельно-серый, беспокойный, короткий: и руки, и голос, и крайне нелепая парусиновая одежда. Левая рука оголена до плеча — в крови. Хорошавка чернява, в ней много цыганского: смуглость, острые глаза, цветистый длинный платок на голове, ситцевая пестрая юбка цыганского покроя.

Л а п т е в. Дядя, нет ли у тебя тряпки? *(Хорошавке, тревожно.)* А если нож ржавый?

Х о р о ш а в к а *(виновато и в то же время заносчиво Даудову)*. Двери у тебя открыты, хозяин, мы и вошли.

Д а у д о в. Кого мне бояться?

Л а п т е в *(показывая Даудову руку)*. Не сдохну я, отец?

Д а у д о в *(кричит в соседнюю комнату)*. Родные, полотенчико бы! *(Тишина. Он убегает.)*

Л а п т е в *(тихо)*. Тонька, а если это все здесь для ловли блох?

Х о р о ш а в к а. Нет, нет, ты посмотри только на него, он блажной.

Д а у д о в *(возвращается, перевязывает руку Лаптеву)*. Бандисты напали?

Л а п т е в. Завод, строительство, а возле него бандисты. Милиционеры свистят, а сами не показываются. Безобразие!

Д а у д о в. Милиционеры у нас действительно скромные.

Л а п т е в. Или это исключительно для Лаптева? Вернись, Лаптев!

Д а у д о в. Надо и тебе, должно быть, Лаптев, слушать меня.

Л а п т е в *(Даудову)*. Я очень счастлив и без твоих лекций. И не потому, что я уцелел и прогнал... трех бандистов, я счастлив даже до неистовства из-за другого. *(Дрожит и трет руки.)* Холодно!

Даудов накидывает ему на плечи свой пиджак.

Очень трогательно. Небось и ночевать предложишь?

Д а у д о в. У меня многие знакомые ночуют.

Х о р о ш а в к а. Нет, он утихнет, и мы уйдем.

Л а п т е в. Как я бандиста саданул по виску, ты, Тонька, видела?

Д а у д о в. Я слышал, вроде там женщина кричала.

Х о р о ш а в к а. Я никогда не кричу.

Л а п т е в. Это бандист с испугу закричал по-бабьему. Трое их орало. Смешно! У них ножи, а у меня палка. Забор кирпичный, канава! Один валится в канаву, другой, третий. Ага, вам старого фронтовика резать, я вам покажу! *(Ложится на койку.)*

Х о р о ш а в к а. Не трепись, Лазарь.

Л а п т е в. Ругай, ругай, я раненый, я больной, вот часа через два антонов огонь у меня начнется и ты выбросишь меня в канаву, туда, к трем. Что ж, перед смертью сознаюсь: слабый я, ничтожный. Учился, инженером хотел быть, профессором. Собирался книжки писать, а вот теперь бродяга. Подруга — воровка. Бродяга ослабел, она ему каблуком в харю — и сама прочь.

Х о р о ш а в к а. Он правду говорит насчет воровки.

Д а у д о в. Пустяки это!

Х о р о ш а в к а. Правда, можно у вас ночевать?

Д а у д о в *(берет книгу)*. Вы вот почитайте перед сном Уленшпигеля. Нет ничего бодрее этой книги. И Лаптев успокоится.

Х о р о ш а в к а *(кладет книгу на стол обратно)*. Пускай он беспокоится.

Д а у д о в *(подходит к двери чуланчика)*. Здесь Галамея живет, Галамея перейдет ко мне, а вы туда валяйте.

Л а п т е в. Есть удивительные женщины. Она взглянет на вас, и вы сразу оцепенели. Тогда желаешь иметь наружные раны, чтобы забыть твои внутренние страдания. А если женщина не взглянет больше, ты срываешь с себя повязки и готов истечь кровью. *(Вскакивает с койки.)* Я не про тебя говорю, Тонька.

Х о р о ш а в к а. Я плохо разглядела... о ком ты говоришь.

Входят Х р и с т и н а и П о с о х а.

П о с о х а. Вона, еще кого-то приперло.

Д а у д о в. Посоха, они останутся здесь.

П о с о х а. Шальной ты у нас, папаша. *(Срывает с плеч Лаптева пиджак. Даудову.)* Пиджак не надо, что ли?

Х р и с т и н а. Пополам, Прасковьюшка, как случился уговор.

П о с о х а. Пополам, да не все. *(Уходит, тряся пиджак. Христина за ней.)*

Д а у д о в *(смущенно, Хорошавке)*. Вы лишнего не подумайте... Они приятные люди.

Л а п т е в. Красивая жена у Мигулы?

Д а у д о в. Говорят, ничего, ловкая.

Л а п т е в. А хочешь, я ее сюда приведу?

Х о р о ш а в к а. Будет тебе болтать.

Л а п т е в. А если я приворотный взгляд имею?

Х о р о ш а в к а. Замолкни, ботало. Кого ты из себя корчишь сегодня? *(Вталкивает Лаптева в чуланчик.)*

Даудов поправляет матрас, берет метлу.

(Стоит в дверях.) Вы в бога веруете, что ли?

Д а у д о в. А вы?

Х о р о ш а в к а. Нет.

Д а у д о в. А я всегда — нет. Просто поездил по стране: Москва, Свердловск, Новосибирск, Днепрогэс. Выстроили мы новые города. За границу катался: и там нас уважают. Все отлично. Ушел я от металла в отдых и подумал: а ведь бродят в диком поле дикие люди, к ним никто подхода не имеет. *(Подает ей книгу.)* Почитайте для себя.

Х о р о ш а в к а. Чего мне книги? Ди-и-икие... *(Уходит.)*

М и г у л а *(входит. У него покатая широкая голова, коротко остриженная, толстые веснушчатые руки, полушубок)*. Паршивенькая каютка у вас, Даудов.

Д а у д о в. Из милиции, что ли?

М и г у л а *(берет из рук его метлу)*. В кооперативе покупали?

Д а у д о в *(недоумевая)*. В кооперативе.

М и г у л а. Паршивые метлы заготовляют, такой метлой по головам их.

Д а у д о в *(опираясь на метлу, задумчиво)*. Ездил я за границу. Кризис смотрел. Подумалось мне: а у вас кризис, а у нас человек с широкой душой способен один множество несчастных урегулировать. Умей только он рассказать...

М и г у л а. Вот и вышел ты на дорогу.

Д а у д о в. Вот и вышел я. Была у меня семья раньше, вся она училась, вся разъехалась, старуха померла — жена моя; с народом я обращаться умею...

М и г у л а. Вот и вышел ты в поле на дорогу.

Даудов. Вот и вышел я в поле на дорогу. Собрал разных, привел, считаю, что вполне могут они теперь работать.

Мигула. Я тебе верю, Даудов.

Даудов. Тебя как зовут-то?

Мигула. Мигула.

Даудов. В блюминге?

Мигула. Начальник цеха.

Даудов. В блюминг их, конечно, пустить рано, хотя происхождение у них не буржуазное, а мещанское. Можно двинуть их, скажем, в столовую, одна уж и пристроилась — Христина Ивановна такая, я ее женой зову. Как тебя, товарищ Мигула, по имени-отчеству?

Мигула. Никифор Яковлевич.

Даудов. Глаза мне твои не нравятся, Никифор Яковлевич, лицо молодое, а глаза седые. Ну зачем тебе через головы мастеров или бригадиров действовать? Зачем тебе ко мне приходить?

Мигула. Поскольку ты закончил с новой семьей, поскольку до зарезу нужны люди, а ты был и сталеваром и прокатчиком, почему бы тебе не вернуться в цех?

Даудов. Эту семью устрою, другую начну. В цехе молодежи стоять, да и глаза у меня устали от металла.

Мигула. Сад мы решили разбить возле блюминга. Предлагаем тебе десятником по садоводству, Даудов.

Даудов. Ну какой я десятник, какой я управитель, Никифор Яковлевич? Да и какой сад в феврале?

Мигула. Сад мы позже, к весне. Тут возле цеха канаву надо делать для газовых труб. Работа серьезная, землекопы расхлябались.

Даудов. Отказываюсь. Вообще, Никифор Яковлевич, на страну надо посмотреть свежими глазами. Очень сильная страна, и награжденных людей, вроде меня, надо оставить, как они есть, на отдыхе.

Мигула. Ну что ж, присылай своих семейных. *(Идет, останавливается.)* А может, в столовую пойдешь?

Даудов. И в столовую не пойду. Да неужели же так не хватает людей?

Мигула. Не так чтоб уж до зарезу, но кое-где не хватает. Счастливо оставаться, Игнатий Денисович.

Даудов. Счастливо оставаться, Никифор Яковлевич.

Из каморки показывается Хорошавка.

Слышали, десятником меня хотят?

Хорошавка. А почему нельзя? Не на пенсии же сидеть. *(Отдает книгу.)* Это сказка... и вдобавок длинная. Мне надо... науку мне надо!

Д а у д о в. Самая главная наука... как вас зовут, девушка?

Х о р о ш а в к а. Тоня.

Д а у д о в. Самая главная наука — смелость, Тоня. А насчет столовой нашим будет любопытно. Христина Ивановна, Иона, Галамея! *(Уходит.)*

Л а п т е в *(входит)*. Потрясающий разговор. Я едва на ногах стою, Тонька, от восторга.

Х о р о ш а в к а. Чего тут потрясающего? Самая обыкновенная забота о своем цехе.

Л а п т е в. Но я же к Мигуле шел, страшился, а он же тупица, сухарь. Получается так, что пятьсот Мигулов я заткну за пояс.

Х о р о ш а в к а. Врешь ты все, Лазарь. И бандитов никаких не было, и канава пустая. Сам себя уколол.

Л а п т е в. Да ты с кем говоришь? Не навлекай на себя гнев мой, Тонька!

Входит С т р о г и н, и с ним т р о е р а б о ч и х.

С т р о г и н. Товарища Даудова нам.

Л а п т е в *(исступленно)*. Я Даудов!

Х о р о ш а в к а. Не плещись, зануда! *(Берет его за плечи и вталкивает в каморку. Строгину.)* Сейчас Даудов выйдет. *(Уходит.)*

С т р о г и н. Могучая цыганка, для меня такой жены не требуется. Для меня, возможно, и никакой жены не требуется.

Входит Д а у д о в.

Нависнем мы на тебя, Игнатий Денисович.

Д а у д о в. Нависай, Фомушка. Или горе?

П е р в ы й з е м л е к о п. С одной стороны, и горе, с другой — прямая выгода.

В т о р о й з е м л е к о п *(запальчиво)*. Кабы не начальник, так я бы на себя взял руководство.

Т р е т и й з е м л е к о п *(нравоучительно)*. Начальник знает, куда посылает. Вам, говорит, товарищ бригадир Строгин, репутации желаем, чтобы ваши уцелели.

С т р о г и н *(растерянно)*. Этому репутации, а этот полагает сам всеми управлять, а я попросту мучаюсь.

Д а у д о в. Давайте обдумаем.

С т р о г и н. Обдумать-то, надо полагать, начальник обдумал, а выйдет ли? Ой, не выйдет, по-моему.

П е р в ы й з е м л е к о п. Поручили бы мне...

Строгин смотрит на него сердито. Первый смолкает, не закончив фразы.

С т р о г и н. Тебе? Ты только и думаешь о себе, а у нас в тебя веры нету, Николка.

Даудов. Кто и что обдумал?

Строгин. Да новый начальник.

Первый землекоп. Мигула то есть.

Даудов. Как же он обдумал?

Строгин. Вежливо сказать — подарил он нас тебе, Игнатий Денисович.

Даудов. Как так подарил?

Строгин. Или, вежливо сказать, приклеил. Ты суди сам: трое их у меня, детей-то: четыре годка, шесть годков, восемь годков,— и все девки, а у этого *(указывает на первого)* двое...

Первый землекоп. Я-то прокормлю...

Строгин. Голубя ты неспособен прокормить, Николка. Ну, и выгнали нас. Всю бригаду — шестнадцать, значит, землекопских ртов. Ну, бригада выбирает меня представителем. Два дня ходим, никак Мигулу на разговор поймать не способны. Я и сомневаюсь: не возьмет он нас обратно. «Рвачи, говорит, и лодыри. Заклепано!» Оно верно, сознаю, попались, фальшивые кубометры вписывали и лопаты пропили.

Даудов. Я, если сказать коротко, я — семьянин.

Строгин. Точно, семьянин. Вот поймали мы Мигулу, а он говорит: «Идите вы, птахи, к семьянину Даудову. Я вас дарю ему, если, говорит, возьмется с вами работать, и в недельный срок закончите...»

Первый землекоп. Поручили бы мне...

Строгин поднимает кулак, и первый землекоп смолкает.

Даудов. Так чего же вы от меня хотите?

Строгин *(развязывает узелок)*. Вот здесь и фартук, который для десятника. А мы со своей стороны, Игнатий Денисович, поддержим.

Даудов. Я отказался навсегда.

Строгин. Я тоже в свои силенки не верил, Игнатий Денисович, мне тоже тяжело. Но ведь если шестнадцать парней с такими лапами... Ребята, вы покажите лапы-то! Предполагается еще десятков пять выгнать. У них тоже лапы-ы! Если хочешь, я лапы измерить могу. Мы этих парней подберем...

Даудов. Здесь ошибка.

Строгин. Откуда ошибка? Вот здесь, у дверей, мы его встретили, а он нам: «Идите, Даудов вас ждет».

Первый землекоп. На меня так пронзительно посмотрел, не мне ль поручить... А сказал — Даудов. Обидно даже.

Даудов *(взволнованно ходит по комнате)*. Нет, отказываюсь, категорически отказываюсь.

Строгин. Если магарыч тебе, так мы за магарычом не задержимся.

Д а у д о в *(берет фартук, рассматривает)*. Чудно. Ну куда я в канаву полезу? Всю я жизнь возле расплавленного металла стоял, а тут в крота превращают. Я лучше, Фомушка, пойду к Мигуле и похлопочу за вас.

С т р о г и н. Без пользы хлопотать.

П е р в ы й з е м л е к о п. Он так и высказал — «пускай десятником приходит».

С т р о г и н. Кагору там, колбасы на прикуску мы представим.

Д а у д о в. Я и на свои могу выпить. *(Развертывает фартук.)* Попробовать разве? Нет, не буду, Фомушка. Совсем отказываюсь. *(Вспыхнув.)* Если вы не способны работать — вон таких! *(Кричит.)* Уходите!

Землекопы пятятся к дверям.

Пошли вон, дьяволы!

Л а п т е в *(высовывает встревоженно голову)*. Извините, если в чем я...

Д а у д о в *(подходит к землекопам)*. Подарю? Да что ему, крепостное право наступило? Даритель появился! И нашел кого дарить, главное!

Строгин раскрывает дверь.

Эй, стой! А впрочем, идите. Вы разжалобить меня хотели! Семейство, дескать, дети. У меня тоже семейство, тоже дети, меня на жалобу не подкупишь. Выматывайтесь! Выматывайтесь! Стой, приказываю! Какой я десятник, если вы меня не слушаетесь? И какой ты, Строгин, бригадир, почему они у тебя мечутся, как телята на водопое? Инструмент у вас, скажем, в каком положении? *(Строгин возвращается было к нему, но Даудов бежит в угол и оттуда швыряет в Строгина фартук.)* Получи, не согласен я, не согласен! Идите к чертям кротячим!

З е м л е к о п ы уходят.

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ранняя весна. Терраса того же дома. Утро. В доме возня, шум. С хохотом на террасу выходят Пешехонец *и* Лаптев; Даудов *в фартуке, измазанный, с тетрадкой в руке возвращается с работы. Он устал, идет медленно, зевает. Входит на террасу, снимает фартук, рассматривает его.*

Даудов. И выходной превратился в проходной.

Пешехонец. Беспрерывно, значит, работаете?

Даудов. Устал. Как-никак, пятьдесят с лишком лет. Имею я право отдохнуть? Строгину я помог, он одобрительную грамоту получил, бригада на шесть ден раньше срока закончила работы.

Пешехонец. Осмелюсь доложить, не понимаю я смысла вашей усталости.

Даудов *(кладет фартук на скамейку)*. Возвращаю им ихний фартук. Окончательно. Весна. Желаю отдыхать. Брюхо на солнце греть.

Лаптев *(осторожно)*. И в поле?

Даудов. Погулять и в поле приятно.

Лаптев *(так же осторожно)*. И на дорогу?

Даудов. Это ты насчет чего?

Лаптев. Семья ваша более или менее устроена. Остаточки не сегодня-завтра тоже пристроятся.

Даудов. Это ты мне семью новую предлагаешь собирать?

Лаптев. А отчего бы нет? Если сердце вместительное.

Даудов. Вместительное... Насчет вместительности стоит подумать. *(Уходит.)*

Пешехонец. Осмелюсь также доложить, не понимаю ваши великие мысли, Лаптев.

Лаптев. Жил-был, скажем, журавль. Были у журавля дети, выросли, улетели. Заскучал журавль. Пошел журавль по камышам и болотам собирать чужих детей. Видит, возле кочки неизвестное дите лежит, желтенькое такое, красивое. Конечно, с журавлиной точки зрения, ноги у этого журавленка были несколько коротки, но морда вострая. «Что ж,— думает журавль,— ноги, они ничего, если на них ходить научиться, вырастут они». Притащил он этого птенчика к себе в гнездо, начал его лягушками

и прочими рыбами питать. Растет птенчик, а ноги не прибавляются. Журавль, он был великодушный, он ждет. Птенчику однажды чрезвычайно жрать захотелось. Лягушонки ему, конечно, надоели. Думал он, думал, а может быть, даже и совсем не думал, а просто взял, перегрыз папаше горло и скушал папашины самые мягкие места. «Спасибо, говорит, за воспитание», распустил хвост, хвост пушистый, желтый, и ушел в камыши.

Пешехонец *(смеясь)*. Сказочка знакомая — про лису.

Лаптев. И лиса ребенком бывает, даже несчастным.

Пешехонец. Вот что, Лаптев, ты меня в бандитские дела твои не путай. Вертись ты, как хочешь, самостоятельно около блюминга, а лучше — и не лезь ты, Лаптев. Замечу также, что я благодарность понимаю: я журавлю доложить могу.

Лаптев. Ты же насчет места заботишься, Иона?

Пешехонец. Забочусь, естественно.

Лаптев. А на съедобных местах монастырских людей Советская власть не любит. Жрут, говорит, много.

Пешехонец. Данная сказка непонятна.

Лаптев. Лежит за заводом широкое поле, тоже темное. Вышел за завод человек и ушел в поле. Камыши вокруг озер, тучи, весна. Построили, скажем, блюминг, а в блюминге сначала себя надо прокатать, а потом уже остальные болванки. Вот так же скот в колхозах падает почем зря, отравляет его, говорят, кто-то. Словом, стук — и в поле. Вот и вся присказка.

Пешехонец *(испуганно)*. Перестань, уйду совсем из этого дома.

Лаптев. Насчет жратвы в столовках туго...

Входят Хвуст и Галамея.

Хвуст. Туго. Пропадать, значит, нам, что ли?

Лаптев. Зачем же? Сего числа, такого-то марта, назначили меня, Лаптева, заведующим столовой при цехе блюминга.

Пешехонец. Ой господи!

Галамея *(тыча вперед руками)*. Способны ли вы чувствовать природу? Способны? Опишите мне весну.

Хвуст. За полкила творогу опишу.

Лаптев *(зевая)*. Клопов у нас в доме великое множество.

Пешехонец. А я их зубами, зубами.

Галамея *(горько)*. Смеетесь, а разве над такой глупостью люди, чувствующие красоту, смеялись бы?

Пешехонец *(показывая на Лаптева)*. Как вы полагаете, братья, спасают его мысли человечество или не спасают?

Лаптев. Я человек маленький, где мне до спасения человечества!

Пешехонец *(хохочет)*. Ага, ну то-то! Струсил, Лаптев, струсил. Болтун.

Хвуст *(вдохновенно)*. Угощаю кашей.

Пешехонец. Это он перед тобой, Лаптев, прыгает. Пойдем, пока не поздно.

Все уходят.

Быстро и решительно входит Варвара, *она слегка бледная от подъема на откос, где стоит халупа, от внутреннего волнения, с которым она стремилась к этому дому. Она высокая, стройная, белокурая, в темно-голубом платье, одета почти полетнему, в руках ее голубой берет. За ней, тяжело ступая, идет* Мигула. *Он останавливается, глубоко дыша и держа руку на сердце. На нем каштановая блуза, брюки, истрепанная кожаная куртка.*

Мигула. Да иди же ты тише, сорока. И чего тебя задами потащило? Дай отдышаться. Вот они на обрыве-то сорок пять годков и сказываются. *(Осматривает дом.)* Здесь, кажись, Даудов живет?

Варвара. Даудов? Кто это такой?

Мигула. Да я тебе о нем рассказывал. «Семьянин».

Варвара. А... У кого Лаптев остановился?

Мигула *(присаживается на скамейку, вытирает платком лицо)*. Верно, Лаптев. Этого Лаптева, кстати сказать, мы в столовку определили.

Варвара. В какую столовку?

Мигула. В нашу столовку. А ты имеешь что-нибудь против?

Варвара *(слегка смущенно)*. Я? Нет. Я его мельком видела. Нельзя сказать, чтобы он мне понравился. Впрочем, какой же я провидец?

Мигула. Похоже, способный парень.

Варвара. Ты часто переоцениваешь людей, Никифор.

Мигула. Исключительно в продовольственной части. Ибо ни лешего я не понимаю в продовольственной части.

Варвара. Ты и меня переоцениваешь, Никифор. И в том, что ты сейчас согласился со мной, тоже переоценка. Мне просто хочется сорвать на ком-нибудь свою злобу.

Мигула. Злобы я в тебе не замечал.

Варвара. Училась и не доучилась, за работу бралась — срывается. Просто страшно сказать, но вот сейчас в мартеновском цехе женорг я — и ничего не выходит.

Мигула. Да, цех-то ваш болванки нам дает до чрезвычайности плохие. Двадцать процентов браку. И если ты в каком-нибудь проценте виновата...

Варвара. Наверно, виновата, хотя женщины у нас в цехе все на черной работе.

Мигула. Если говорить о твоей личности, Варвара... *(Мнется.)* Ну, я пойду.

Варвара. Подожди. Я нарочно окольный путь выбрала, чтобы поговорить, хотя мне и к детям нужно спешить.

Мигула. Попозже разве нам поговорить? Мне надо в цех.

Варвара. Опять ты ускользаешь. Сейчас ты прочтешь из Гомера, как бы желая подчеркнуть, что в прошлом люди имели время любить, а сейчас они должны работать — для других, для других. Прочтешь, возьмешь меня за подбородок, поцелуешь и уйдешь.

Мигула *(несколько робко)*. Видишь ли, в ссылке я написал исследование о Гомере... *(Всматривается туда, где должен быть завод.)* Газ дали! Смотри, в цехе огонь.

Варвара. Ты ходишь после работы из угла в угол, ходишь, куришь, думаешь. Я с детьми лежу в соседней комнате и делаю вид, что сплю.

Мигула. Я полагал, что у тебя сон крепкий.

Варвара. Перегородки в доме новые, дощатые, еще не побелены и не покрашены, все слышно. Ходишь и куришь — тук-тук-тук, сапоги без каблуков, но слышно — тук-тук-тук... Диаграммы, доклады, резолюции, тебе тяжело, ты постоянно ищешь свежих людей, всегда, когда бы к тебе ни пришли, ты не спишь, ты присматриваешься. Ошибаешься ты редко...

Мигула. Но ошибаюсь? А сейчас в ком я ошибаюсь?

Варвара. Боюсь, во мне.

Мигула. Ну, это ты зря. Это ты волнуешься из-за бракованных болванок. А мы вас заставим давать болванки без трещин. Мы им в башке лучше трещин наделаем, этим мартеновщикам. Или вот тоже газ — два дня не давали газа, а коксовый завод идет на газе. Это, видите ли, им удобней. Мы их тоже зажмем. *(Всматривается.)* Ну, честное же слово, огонь. *(Отбивает пальцем о палец такт.)*

...А другой разбежался и, прянув высоко,
Мяч на лету, до земли не коснувшись ногами.
Легким бросаньем мяча в высоту отличась пред народом,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать, и затопали юноши в меру ногами,
Стоя кругом (топнув ногой),— и от топота ног их вся площадь гремела.

(Берет ее за подбородок рукой, целует, уходит.)

Даудов *(выходит на террасу)*. Никак, товарищ Мигула?

Варвара *(глядя на Даудова)*. «...И от топота ног их вся площадь гремела...» *(Медленно уходит.)*

Даудов. Ишь ты, какая серьезная!

Входит Хорошавка, держа руки за спиной.

Х о р о ш а в к а. Чет или нечет?

Д а у д о в. В мартеновский, сказывают, Тоня, определилась?

Х о р о ш а в к а. Чет или нечет?

Д а у д о в. Чет.

Хорошавка протягивает ему пиджак.

Чей это?

Х о р о ш а в к а. А это вам. Его Посоха торговке вмылила, торговка его на рынок, а я у торговки незаметно. Человеку ума, даже почти научному человеку, Игнатий Денисович, совестно без пиджака ходить.

Д а у д о в. Науки... Наука хорошая штука, а под старость нужна не наука, а умелое обращение, чтобы в поле уметь человека настоящего остановить.

Х о р о ш а в к а. Нет, и наука важна. Вы всмотритесь — люди какие приходят из науки, дома какие, в домах какие новые книги и машины какие ловкие. Да что, слепая была раньше, что ли? Баба я глупая была, Игнатий Денисович?

Д а у д о в. А воровать не надо, Тоня.

Х о р о ш а в к а. Так ведь это же ваше, Игнатий Денисович.

Д а у д о в. Тем более. Да и пиджаков я не обожаю. Не вдохновенный наряд.

Х о р о ш а в к а. Я ради науки, Игнатий Денисович, последний раз. Кто я? Глупая баба. Я по техминимуму третьей только иду. *(Всхлипывая, уходит.)*

Д а у д о в. Зря я насчет воровства, грубо получилось.

Входит Л а п т е в.

Ты меня, Лазарь Дементьевич, извини за вмешательство, Тоня к теплу пробивается, а у меня с ней разговор не выходит настоящий, так ты бы на нее воздействовал.

Л а п т е в. А ну ее!.. Во мне, как мошки, жужжат удивительные чувства. Я столовую так переоборудую, что у меня из семи блюд ужин будут получать. Для рабочего человека пища самое важное. Голодную армию можно палкой разогнать.

Д а у д о в. Да, народ у нас политехнический, за плохую пищу — сразу по мордам.

Входит задумчивая П о с о х а.

Чего ты такая хмурая, Праскевья?

П о с о х а. А я соображаю.

Д а у д о в. Соображать тоже надо с нежностью, а то ты преимущественно через посредство полена соображаешь.

П о с о х а. Да ты кто мне указывать? Отец ты? Хочу соображать и соображаю. Пиджак-то на тебе откуда?

Д а у д о в *(теребя пиджак)*. А прах его знает откуда.

П о с о х а снимает с него пиджак и, размахивая им, уходит в дом.

Л а п т е в *(ходит по террасе, очень возбужденный)*. Люблю я работать, Даудов.

Входит В а р в а р а.

А! Здравствуйте, Варвара Матвеевна!

В а р в а р а *(тяжело останавливается у входа)*. Вот ты какой, Даудов.

Д а у д о в. Я такой, Варвара Матвеевна. Такой, можно сказать, определенный. И вы определенная, Варвара Матвеевна. И детишек ваших я видал тут на улице, бегут, а впереди их зеленое колесо катится, веселые детки, курносые. Детей я люблю преимущественно курносых, потому дети падают часто, и, если он курносый, меньше снаряд у него кровоносный бьется.

Л а п т е в. Скрываю я, что родом с Ижевского завода!

В а р в а р а. А разве надо скрывать?

Л а п т е в. Лето в Ижевске свежее, земли черные, птица над лесами летает, девки по улице шеренгой идут под гармошку, людей распирает от замыслов. Существовал один зайцелов. Велик ли промысел? А он изобрел автоматическую лестницу для пожарных. А другой, ночной сторож, по фамилии Свечкин,— четырнадцать усовершенствований по радио.

Д а у д о в. Изобретательный народ.

В а р в а р а. Муху не они изобрели? Жужжит много, самоубийственное животное.

Л а п т е в. Извините, Варвара Матвеевна, но вы, сколько помнится, тоже ижевская?

В а р в а р а. Как же! Я, между прочим, видела — меньшевики собирали там когда-то ижевскую дивизию. Она очень усердно сражалась за Колчака. А ваша как фамилия, гражданин?

Л а п т е в. Варвара Матвеевна, вам ли не знать мою фамилию?

В а р в а р а. Я вернулась для того, чтобы сказать вам, Лаптев, что я отлично помню вашу фамилию, что вы негодяй. *(Пауза.)* И вы, Даудов, тоже негодяй. И вам обоим придется покинуть наш завод. Наш завод! Прошу вас подумать об этом... *(Ушла.)*

Л а п т е в *(ослабев, садится на стул)*. Встретились — двоюродные дети. Она таки зарежет меня, Игнатий Денисович.

Д а у д о в. Чудно! Допустим, у вас какая-то своя уездная ссора, а я-то ей чем мешаю? На нашем заводе тридцать пять тысяч рабочих, тридцать пять лет я на нем работал и ни разу никто

меня негодяем не называл. Даже из-за баб, в молодости, конечно. Обидно! Я с ней разговаривать буду. Я с ней на большом цеховом собрании разговаривать буду. Во мне все наружу!

Л а п т е в. Нахальство, нахальство, больше ничего! Платить злом за добро мне, который наполнен такими полезными выдумками для социализма! Может быть, благодаря мне и муж ее уцелел. *(Плюет вслед Варваре.)* Вот как я на тебя!

Д а у д о в. А еще женорг, еще заботится о будущем женщин! *(Ушел домой.)*

Л а п т е в. Ничтожный я, неустойчивый... Другой на моем месте разве бы так говорил?

Входят спорящие Х о р о ш а в к а и П о с о х а.

(Опять вспыхивает.) Она меня запугать хочет, она меня остановить. Нет, в своих изобретениях для социализма я неостановим. Она еще на четвереньках поползет за мной!

Х о р о ш а в к а. Я? Прикасаться к тебе противно, Лазарь. Ты для меня был как пруд — вода ясная, солнце отражается, ветер колышет, а вдруг спустили воду, и одна тина. Ухожу я от тебя, Лазарь.

Л а п т е в. С Посохой?

Х о р о ш а в к а. Нет, в цех. Подвернулась мне, Лазарь, удача. Увидела настоящую науку, неистребимую, узнаю теперь такое, что со всеми наукой делиться буду.

Л а п т е в. Несчастный я, одинокий. И Тонька туда же, плюет на меня! А ты, ты, Посоха, в каком ко мне отношении?

П о с о х а. Дай десять рублей, скажу.

Л а п т е в. Обе вы пустые и ничтожные, как выпитые бутылки.

Посоха размахивая пиджаком, идет от террасы.

Х о р о ш а в к а. Прасковья, верни пиджак!

П о с о х а. Ой ты, какая страшная! Пиджак ей верни!

Х о р о ш а в к а. Верни пиджак!

П о с о х а. Я за этот пиджак чересседельник для своих коней куплю.

Х о р о ш а в к а *(в крайнем возбуждении)*. Верни!

П о с о х а. А по хряпалу не хочешь? Подойди ко мне, подойди!

Хорошавка медленно идет к Посохе.

Л а п т е в. Так, так, лупи ее! Да по глазам, по глазам, по цыганским буркалам. *(Опять опускается на скамейку, хватается за голову.)* Боже мой, до чего я опустился! Стравливаю женщин, забываю о долге!

Х о р о ш а в к а *(отступает)*. Извини меня, Посоха, какая я ученица, какая уж мне наука, какой мне цех, если я с кулаками! Побеждать я обязана умом.

П о с о х а. Эк вас ломает, дураков! *(Ушла.)*

Л а п т е в *(так же отчаянно)*. Мне противно к себе притронуться!

Х о р о ш а в к а. Мне противно смотреть на тебя, Лазарь.

Л а п т е в *(вскакивает)*. Тебе противно? А кто ты? Сморчок ты! Я подобрал тебя на дороге. Я отказываюсь от тебя. Я первый от тебя отказался. Я человек с большими знаниями, замыслами, изобретениями, я окончил четырехклассное училище, я был на всех войнах моего возраста и уцелел. Я подобрал тебя на дороге, а теперь!.. *(Плюет и уходит.)*

Х о р о ш а в к а. Плевать и верблюд умеет.

Входит С т р о г и н.

С т р о г и н. Миленушка, девушка, цыганочка, позови мне Даудова.

Х о р о ш а в к а идет в дом.

Скажи, дело государственной ценности!

Быстро входит Д а у д о в.

Д а у д о в. Фомушка, настроил я вас, действуйте. Не вернусь я к вам.

С т р о г и н. Кажись, запиваю я, Игнатий Денисович. *(Показывает в кармане бутылку.)* Теперь хожу мимо магазина и все не решаюсь закуску приобрести. Если куплю закуску, так зальюсь, и неизвестно, где будет мое пробуждение.

Д а у д о в. Фомушка, ведь ты ударную грамоту получил.

С т р о г и н. В переднем углу прибито, Игнатий Денисович. А придется снять.

Д а у д о в. Меня обидишь.

С т р о г и н. И рад бы не обижать, а тут какой изворот. Николка звонит везде о нашей победе, призывают меня в цех на крупное собрание и говорят: «Так и так, Строгин, выявил ты производственно-общественные рекомендации, надо теперь продовольствие организовать». Я же робкий, опять и лестно, я и согласись. А какое от меня продовольствие?

Д а у д о в. По правде сказать, продовольствия от тебя мало, Фомушка.

С т р о г и н. Вот и запью. Диплом сорву. Детей и бабу изобью и родственников всех изобью.

Д а у д о в. В партию вступай. Идеалы разделяешь, они поддержат.

С т р о г и н. Идеалы не одеялы, здесь наука нужна и оборотливость. Сырой я для партии.

Д а у д о в. И от меня продовольствия не много, Фомушка.

С т р о г и н. Откуда тебе известно мое приглашение?

Д а у д о в. Велика ль догадка?

С т р о г и н. А я сорвусь, Игнатий Денисович.

Д а у д о в. Откажись.

С т р о г и н. Я и то им говорю — робок, мол, а они: «Многие были когда-то тоже робкие».

Д а у д о в. Это правильно. Я себе, Фомушка, решил другую семью набирать. Я сегодня в поле выхожу.

С т р о г и н. А завод тебе не семья? Это какую ж ты особую семью хочешь? На это я даже могу огорчиться. Я человек еще не просветленный, но смелости твоей не понимаю.

Д а у д о в. Отказываюсь, Фомушка.

Входит Х р и с т и н а со свертками и мисками.

С т р о г и н. Завидую вам, Христина Ивановна. Работаете вы аккуратно, задумчиво, а тут сбрякнешь — и погиб Фомушка. *(Ушел.)*

Х р и с т и н а *(в новом платье, важная, напудренная)*. Нашел кому завидовать. Меня осторожность-то и сгубит. Другие на моем месте не так бы ссужались. А вы, говорят, отдыхать пришли, Игнатий Денисович?

Д а у д о в. Пришел, Христина Ивановна.

Х р и с т и н а. В земле это мужику не надоедает только копаться. Настоящий человек должен происходить от людского пропитания. А?..

Д а у д о в. Я внимательно слушаю вас, Христина Ивановна.

Х р и с т и н а. Еще бы не внимательно! Раз вы работу сами бросили, значит, вы в себе поворот какой-то нашли другой. Мне тоже пора поворот делать.

Д а у д о в. Куда же вы намерены сворачивать, Христина Ивановна?

Х р и с т и н а. Примерно, беру продовольствие в столовой, ну, там кой-кому и заплатишь, а кому просто слово ласковое, они меня и пропускают с моими мисками, а к концу службы беру свои мисочки, иду себе домой потихонечку. Обедают там тысячи голов, народ все темный, к пище относится иронически, если занять у них, скажем, десяток порций да перепродать на сторону, так ведь эти тысячи не похудеют.

Д а у д о в. Ясно.

Х р и с т и н а. Скопила я немного. Человек я добрый, обходительный, добрые чувства вы во мне подняли, Игнатий Денисович, я и с Посохой примирилась, три рубля ей простила. У меня теперь ко всем доверие. Вот вы вернулись, у меня и к вам доверие.

Д а у д о в. Спасибо, Христина Ивановна.

Х р и с т и н а. Теперь у нас все налажено, людишек мы с Посохой подобрали, имеется и капитал оборотный, мы вам даем с оборота пять процентов на ваши добрые дела.

Д а у д о в. Деньгами или...

Х р и с т и н а. По вашему выбору — хотите монетой, хотите продовольствием. Продовольствие самое выгодное предприятие, и

всегда можно в случае чего сказать — запасы, мол, на лето аль там на зиму.

Даудов. Пять процентов?

Христина. Ну, мало, ну, сознаю! Десять мы вам даем.

Даудов. Десять? И за десять процентов что я обязан делать?

Христина. А ничего. За доброту мы вам даем и знаем, что вы его на добро израсходуете. Не собирайте вы, Игнатий Денисович, другой семьи, работайте вы с нами. Верьте вы нашим перспективам.

Даудов. Золотые слова, золотые.

Христина. С вами всегда приятно разговаривать, Игнатий Денисович. А теперь, когда вы отвернулись от этого завода, совсем душа тает. Заметьте, что я одна не отговаривала от фартука и от Фомушки, я знала, вы их раскусите. Мужичье, одним словом.

Даудов. И раскусил.

Христина. И вернулся.

Даудов. И вернулся.

Христина *(подбирая миски)*. Вот оно, продовольствие-то.

Даудов *(приоткрывая миски)*. Ого, мясо, сало, крупа. А это? Масло, Христина Ивановна? И вы верите — взятое не отразится на рабочей пище?

Христина. Поймите, их же там тысячи около блюминга.

Даудов. Да, но сейчас продовольственное затруднение. И в районе, говорят, как-то уж очень странно падает скот.

Христина. Я не настаиваю, Игнатий Денисович. Я вам разрешаю обдумать, я убеждена, что со мной надо согласиться. А не согласитесь, я, конечно, отменю свое течение. Вы хоть и названный, но все же супруг. *(Величественно уходит.)*

Хорошавка *(с узелком. По двору, к террасе идет Галамея)*. Прощайте, Игнатий Денисович.

Даудов. Уезжаете, Тоня?

Хорошавка. Ухожу. Мне надо учиться, Игнатий Денисович, а отсюда до цеха далеко ходить.

Даудов. С какой поры стало «далеко» ходить?

Хорошавка. Я вас уважаю, Игнатий Денисович, вы к людям хорошо относитесь, только не чересчур ли много у вас хорошего?

Галамея. А я не верю в людей.

Даудов. А где же вы будете жить?

Хорошавка. В бараках.

Даудов. Завидую я вашей молодости. *(Ушел.)*

Хорошавка *(растерянно)*. Обидела я его чем, что ли? Как-то он сразу ушел. Будто даже обрадовался, что я ухожу.

Галамея. Отец! Разве такие отцы бывают? Разве они так сыновей направляют?

Хорошавка. Неправда, Галамея, он к тебе относится лучше любого отца. А тебе надо работать. Ты вот мне уже штук тридцать придуманных картин рассказал, а я не видела, чтобы ты их делал.

Галамея. Работать? А если я не умею кисти держать? Я учеником был у маляров, украл деньги, сбежал. Вот теперь Христина предлагает устроить меня в столовую, в лакеи, в холуи.

Хорошавка. А по вечерам будем учиться. Не точно мы жили, Галамея, я при нэпе ходила в бархатном платье и вот такие. *(Показывает серьги в ушах.)*

Галамея *(горько смеясь)*. Мне — лакеем, художнику!

Хорошавка. А Лаптев пропил мои серьги. А теперь мне хочется, чтобы все на заводе в бархатных платьях.

Галамея. А я?

Хорошавка. И ты. Художники носят бархатные куртки.

Галамея. Ты меня не любишь, Тоня?

Хорошавка. Ты должен учиться.

Галамея. В первый раз говорю тебе — поцелуй меня!

Хорошавка. Зачем мне тебя целовать? *(Ушла.)*

Галамея *(ей вслед)*. Не верю я людям!

На террасу входит Даудов. Идет за Хорошавкой вслед.

Куда, папашечка? За Хорошавочкой?

Даудов *(сухо)*. К Строгину. И остальным скажи *(указывая на дом)*, что вернусь не скоро. Заседать буду беспрерывно, пора продовольствие наладить.

Галамея. А-а!

Даудов. Ты не думай, что я отсюда навсегда.

Галамея. Я только о себе. До остальных мне дела нет.

Даудов. Рисуй, Галамея, рисуй весну, видишь — она идет. Рисуй ее, окаянную, если к человеку приступиться смелости нет.

Галамея. Я природный лакей, папашечка. Слушаю вот ваши лекции и соглашаюсь, а это хамство. Художник должен быть свободен.

Даудов. Почитал бы ты книжки, что ли.

Галамея. Книги! Уткнулись вы в значки и думаете — вот, мол, задарма можно мудрость получить, а там преимущественно ложь, глупость, слова длинные.

Даудов. Что это тебя так завернуло, Галамея? И цвет лица у тебя — как на подошве, исхлопотать надо тебе путевочку в санаторию, что ли. *(Ушел.)*

Галамея *(вслед ему)*. Не верю я ни людям, ни медикаментам.

Лаптев *(входит с тарелкой)*. Радужная женщина Христина Ивановна. *(Ест.)* Она исцелила, знаешь, меня, Галамея. Я сразу

отвердел, она признала постижимость моих планов. Хочешь, Галамея, узнать мои планы?

Г а л а м е я. Или нарисуем так: ветхий-ветхий забор, поле, а возле забора идет старик; старик идет без палки, хотя и ветх тоже. У старика цвет лица цвета забора. Обоих их качает ветер. Чудовищного веса ветер! Руки у старика в шершавых седых волосиках, ветер топорщит эти волосики, а навстречу старику идет по тропинке ворона, гладкая, сытая ворона, какие бывают осенью.

Л а п т е в. Это что же, картина?

Г а л а м е я. Картина.

Л а п т е в. Глупая картина. Желаешь, Галамея, знать мои планы?

Г а л а м е я. Зачем?

Л а п т е в. Потому что я тебе доверяю.

Г а л а м е я. Противны мне люди. *(Ушел.)*

Л а п т е в. Идиот какой-то! *(Ест.)*

У калитки останавливается В а р в а р а.

Ага!

В а р в а р а. Ага? Какое здесь «ага»? Я просто шла мимо.

Л а п т е в. А я знал, что ты вернешься, я все время стоял на террасе.

В а р в а р а. Ждал меня?

Л а п т е в. У тебя, Варвара, недостигаемое самообладание, и ты не побежишь от разговора.

В а р в а р а. О чем мне с тобой разговаривать?

Л а п т е в. Есть о чем, хотя я страшно волнуюсь, во мне немочь какая-то. А кроме того, я выгнал Хорошавку. Ради тебя, Варвара.

В а р в а р а. Вот как!

Л а п т е в. Да, да, ради тебя. Я шел к тебе много лет, десять лет, я размышлял, колебался, я раздражался на тебя, но пришел вовремя. И сразу же передо мной раздвинулись двери в другой мир. Ты встала на пороге, в громе и огне, в отгрузке металла, вся такая стройная, первостатейная баба. Я полюбил тебя.

В а р в а р а. Вот как!

Л а п т е в. Я беспартийный и партийным никогда не буду, потому что признаю религию, но это мое личное дело, а для социализма я работаю честно. Я христианин. Варвара, я верю в рай и ад. За эту любовь меня будут мучить в аду, потому что я тебе двоюродный брат и любовь моя страшный грех. Но придет время, и сам господь бог преклонится перед моей любовью и простит меня. Помнишь, ты ударила меня ножом?.. Почему ты ходишь с ножом?

В а р в а р а. Теперь я хожу с револьвером.

Л а п т е в. Ты ждала нашей встречи, ты предчувствовала ее, ты мой первоцвет. Ударом ножа ты навсегда подчинила меня себе.

В а р в а р а. Ударь бы наотмашь, я б навсегда прекратила твою пошлость.

Л а п т е в. Я теперь отломок от тебя. Я постоянно думаю о тебе. Я не завидую Мигуле только потому, что он великолепный строитель социализма, иначе бы я разрушил его.

В а р в а р а. Ты пьян, Лазарь.

Л а п т е в. Нет. Хочешь, я на тебя дыхну?

В а р в а р а. Способен ты говорить правду?

Л а п т е в. Я и говорю правду.

В а р в а р а. Не про любовь — она мне не нужна, другую правду.

Л а п т е в. Я скажу все, что ты желаешь!

В а р в а р а. Зачем ты сюда приехал? Кто тебя сюда послал? Откуда ты явился?

Л а п т е в. Я приехал, чтобы видеть тебя, я тебя полюбил давно, еще в детстве.

В а р в а р а. Говори спокойней и не ври. Если бы ты приехал с открытым сердцем, почему же сразу не пришел ко мне? Почему ночью поймал меня возле канавы с криками, воплями?..

Л а п т е в. Бродяга, рваный, обросший, вшивый,— и к жене начальника? Я человек с достоинством. Ночью случайно я встретил тебя, забыл об узлах, о Хорошавке. Она, между прочим, и по сие время убеждена, что на меня напали бандиты. Правда, смешно?

Варвара молчит.

Я кричу тебе — «здравствуй, Варвара!», а ты меня — ножом.

В а р в а р а. Я приняла тебя за бандита.

Л а п т е в. Вот ты и лжешь, Варвара! Попросту ты боишься, что я скажу в ячейке о твоем прошлом.

В а р в а р а. Мое прошлое? Чем плохо мое прошлое?

Л а п т е в. У тебя есть козырный поступок. Его нельзя забыть, это библейский поступок, весь беспартийный мир удивится, когда ты его откроешь, а партийный, наоборот, содрогнется.

В а р в а р а *(с неумелой беспечностью)*. О чем это ты? Ах, это ты вспомнил то, что я тебе рассказывала? Но мало ли какие глупости болтаешь в восемнадцать лет!

Л а п т е в. А дети?

В а р в а р а. Ну, что дети? Очень хорошие дети, чрезвычайно похожие на своего отца, на Мигулу, курносые.

Л а п т е в. Я помню, ты проходила по дощатым ижевским тротуарам. На тебе короткая юбка колоколом, серые гетры, оренбургский платок. Ты была дочь рабочего и стеснялась надеть шляпу, да и теперь ты носишь мужские шляпы. В тебе были крупные прак-

тические способности, а ты вдруг и соверши глубоко идеальный подвиг. И вдобавок контрреволюционный.

Варвара. Ну, какие ты глупости все болтаешь, Лазарь!

Лаптев. А я фотографию привез, и, помимо всего прочего, у меня остались письмишечки, которые мне передал Кузнецов. Письмишечки эти лежат у верного человечка. Детки подросли, и если фотографии сверить...

Варвара. Даудову письма передал?

Лаптев. Разевай рот пошире,— так вот я и сознался!

Варвара. Ты, наверное, был в белой армии. В ижевской дивизии. Ты, наверное, офицер. Почему тебя не расстреляли? Ты великий подлец, Лазарь!

Лаптев. Мои документы в полном порядке. Я никогда не был в армии. Я ненавижу войну. Для меня самое главное — любовь. Я тяжело бреду от одной любви к другой, как бредет человек по болоту в жаркий душный день. Под перекрестной любовью я прохожу свою жизнь. И все это для того, чтобы прибыть сюда для вечной любви, Варвара.

Варвара. Если ты уж так любишь меня, то я тебя очень попрошу...

Лаптев. Я исполню все, что ты хочешь!

Варвара. Уезжай!

Лаптев. У меня не найдется для этого сил.

Варвара. Чего же ты хочешь от меня, Лазарь?

Лаптев. Не знаю. Прекрати мои страдания!

Варвара. Как я прекращу твои страдания, когда ты лжешь мне каждой фразой. Кто тебя сюда прислал?

Лаптев. Я пришел сам. Мне скучно. Я хожу с предприятия на предприятие, мне любопытно смотреть на людей, у меня скопилось много наблюдений,— кто знает, когда-нибудь я напишу роман или воспоминания.

Варвара. Где ты работал последний раз?

Лаптев. Не помню. Не то в Туркестане, не то в Перми. Я все забыл, когда увидел тебя.

Варвара. Ты желаешь, чтобы я созналась перед Мигулой? *(Быстро.)* Один ты этого желаешь, или желают все твои друзья?

Лаптев *(так же быстро)*. У меня нет друзей!

Варвара. Десять лет спустя... Немножко поздновато для признания, как будто я дожидалась давности. Но Мигула — мощный, здоровый...

Лаптев. Это Мигула-то здоровый?

Варвара. Никто на строительстве не знает о его болезни. Нет, Лазарь, ты слишком глуп и напыщен для того, чтобы придумывать такие ловкие ходы. Ты — не один, Лазарь!

Лаптев. Я один. Я стою один на этой террасе и на весь мир кричу: иди ко мне, Варвара!

В а р в а р а. Кричи, авось охрипнешь. *(Ушла.)*

Обнявшись, на террасу выходят П е ш е х о н е ц и Х в у с т.

П е ш е х о н е ц *(прищелкивая пальцами, поет).*

Жили-были мужики,
Росли в лесу рыжики,
Приехали комиссары,
Растворяй-ка, брат, амбары,
Так как вы есть мужики,
Значит, наши рыжики.

Здорово я составил, Лаптев?

Х в у с т *(берет с лаптевской тарелки пищу и ест).* Плохо соленое.

Л а п т е в. Что?

Х в у с т. Плохо соленое, говорю.

Л а п т е в. Я ее люблю, Хвуст, люблю. Она надвинулась на меня, как буря.

Х в у с т. Кто копченую колбасу не любит!

П е ш е х о н е ц *(приплясывая перед Лаптевым).*

Говорят им мужики,
Какие ж мы рыжики,
Мы не рыжие, а серы,
Мы эсдеки да эсеры.

З а н а в е с

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Столовая цеха блюминга. Подковой вдоль стен — столы, покрытые белыми скатертями; на полу в громадных кадках искусственные пальмы; по углам и на столах — цветы. За столом, подперев рукой головы, сидят рабочие; они смотрят на высокого косматого человека, стоящего возле пианино. Между столами ходит Х р и с т и н а. Г а л а м е я *прибивает плакат: «Ударник, ударяй, да не только ложкой!» В большом окне, через которое из кухни подают блюда, в белом колпаке и фартуке* П е ш е х о н е ц. *Повесив плакат, Галамея отходит и в кулак смотрит на свою работу.* П и а н и с т к а, *в бархатной шапочке, играет.*

К о с м а т ы й п е в е ц *(поет.)*

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я,
Глубокая во мне дымилась рана,
По капле кровь сочилася моя.

П е р в ы й п р о к а т ч и к. Чересчур пронзительно берешь, ниже брать надо!

В т о р о й п р о к а т ч и к. Уж если брать, так брать повыше. У нас слободские всегда в песне повыше берут.

На них шикают.

Т р е т и й п р о к а т ч и к. Пускай он свою линию продолжает.

П е р в ы й п р о к а т ч и к. Какая ж тут линия, когда надо ниже брать.

Х в у с т *(выходит на середину, лениво и презрительно)*. Второе подавать, что ли?

П е р в ы й п р о к а т ч и к. Обожди!

Т р е т и й п р о к а т ч и к. Раз он начал петь, пусть допоет!

Х в у с т. Непонятные вы какие-то. Ну, дерет глотку и дерет. Диво бы деньги у него уперли!

К о с м а т ы й п е в е ц *(нетерпеливо)*. Разрешите трель пустить. Сейчас ловкая трель будет.

В с е. Пускай, пускай!

П е р в ы й п р о к а т ч и к. Вот он, общественник. Другие провоют в бумажку — и драла, а этот всегда с объяснениями.

Второй прокатчик. Потому повыше стремится взять.

Шум, горячий разговор. Даудов *за руку втаскивает* Рыжего.

Рыжий. Ну, чего ты, чего ты меня тащишь? Что ты, на улице не можешь поговорить? Шуму немного, блюминг стоит опять.

Даудов. Я так полагаю, что на тебя ударный воздух подействует. *(Обращаясь ко всем.)* Я его умолял, я его на коленях почти умолял: «Опомнись ты, Иван Григорьевич!»

Рыжий. При чем тут «опомнись», при чем тут «колени», при чем тут ударный воздух? Объективные причины, брат! А самое главное — никакого материала нет. Шестнадцать сутунков мне нужно.

Даудов. А вот при том ударный воздух, что они тебе объяснят. Объясните ему, ребята,— иначе сдохнет.

Первый прокатчик. Кто сдохнет? Говори ты ниже, Даудов!

Мигула *(входит, Даудову)*. Любопытно, любопытно вы с ним разговариваете.

Даудов. Второй день умоляю.

Мигула. Очень любопытно.

Услышав голос Мигулы, рабочие покидают места и идут к нему.

Первый прокатчик. Никифор Яковлевич, это же низкое дело — блюминг опять остановился!

Второй прокатчик. Мартеновщики говорят — газу у них, видишь, нету.

Первый прокатчик. А мы вам заявляем, что не будем катать такие болванки, которые нам эти самые мартеновщики подсовывают. В ней же, окаянной, трещина — кулак влезет.

Мигула. Отказаться, вообще легко, отказался себе — и ходи гордый. Надо изворотливей быть!

Второй прокатчик. Изворачивались, изворачивались, да вон тысячу штук бракованных болванок из цеха выкинули.

Первый прокатчик. Специалисты, мартеновщики, гнать их таких с завода.

Шум.

Даудов. Вот тоже нам свиней привели, сорок штук для цеха. Три недели я мучился, этих свиней вез, весь цех беспокоился. Привожу, а этот вот *(указывает на Рыжего)* глазами моргает. Ты у меня моргай, сколько тебе угодно, но ведь помещения-то для свиней нету. Они же у меня на площадь прямо выгружены. Население ходит мимо и камнями их бьет. И вообще они сдохнуть могут.

Мигула. Очень свободно сдохнут.

Даудов. Как же мне с ними поступить? Я его прошу, прошу.

Мигула. Видно, не униженно просишь!

Рыжий. Ни одного сутульчика, ни одной плахи, ни одного гвоздочка.

Первый прокатчик. Да черт с ними, со свиньями! Нас болванка интересует.

Косматый певец *(уныло)*. Разрешите пустить трель?

Первый прокатчик. Не до трели. Мы делегацию за делегацией, они хоть бы носом повели.

Мигула. Еще делегацию послать!

Первый прокатчик. Все лучшие ударники голос потеряли, с ними разговаривая, я предчувствую, что опустим мы головы и разойдемся домой от блюминга.

Мигула. Взялись мы за работу крепко, теперь нам не разойтись.

Лаптев. Где им разойтись, Никифор Яковлевич! Они вот первое блюдо три часа едят. Им очень обидно: блюминг, гордость страны, и вдруг — простой. Ихнее общее мнение, что «чем так катать, то лучше совсем не катать». И ведь если, по-человечески рассуждая...

Мигула. Нечего на человечество трусость свою сваливать! *(Ушел.)*

Лаптев. Крупный производственник, а все-таки вроде как растерялся. И действительно, не вижу подходу к мартеновскому цеху. А ведь у Мигулы собственная жена работает в мартене. Лучшая информация, можно сказать. Да-с, жена женой, а неумение неумением.

Первый прокатчик. Гордая машина, она неумения не переносит.

Второй прокатчик. Жена, что ли?

Первый прокатчик. Да нет, блюминг.

Даудов *(Рыжему)*. Иван Григорьевич, чего ж ты обедать уселся? Да ты понимаешь, свиньи-то на площади стоят! Это ж демонстрация!

Рыжий. Ничего, не замерзнут! Весна. И свиньи весну любят.

Даудов. Ну что мне с ним делать? Смотрите все!

Лаптев. А вы как будто, Игнатий Денисович, свиней усыновили. Пусть он вам бумажку даст: исчерпывающие, мол, причины, пустить свиней некуда.

Даудов *(показывает бумажку)*. Да вот она, бумажка.

Лаптев. Страдали вы о человеке, а тут вдруг о свинье. Очень даже унизительно.

Косматый певец. Разрешите?..

Все усаживаются.

Первый прокатчик. Начинай сначала. Но только ниже бери!

Косматый певец. Да, сначала, пожалуй, начну. Я понимаю воздействие искусства. Несмотря на все волнения, я чувствую вдохновение. *(Пианистке.)* Прошу!

Пианистка начинает играть, но за сценой слышны крики, пение, гармошка.

Второй прокатчик *(выглядывая в окно)*. Эка, мартеновщики идут!

Все. Ого, явились!

Первый прокатчик. Воздействовала?

Второй прокатчик. Закрой двери, не пускай их, специалистов, не допустим их в нашу столовую.

Распахивается дверь, вкатывается толпа мартеновщиков. Три гармониста; за ними несколько человек тащат громадную серую черепаху из фанеры. Задние ряды поют, передние молча и сурово разворачивают громадный зеленый плакат, по которому белым написано: «Позор склочникам из блюминга, а не нам». Прокатчики хохочут.

Первый прокатчик. Ниже берите! Очень визгу много.

Второй прокатчик. Черепаха-то посмотрела на таких работничков и со стыда сдохла, ишь, головку-то свернула, бедненькая.

Третий прокатчик. Мы еще над вашим цехом улитку прибьем, величиной с вагон.

Хохот.

Первый мартеновщик. Шестнадцать лет я на производстве, ото всего шестнадцатилетнего стажа говорю вам — брешете!

Первый прокатчик. Ой, Мартынов, возьми пониже!

Первый мартеновщик. Не беру я пониже!

Остальные мартеновщики. Не берем!

Первый мартеновщик. По моим расчетам все дело, ребята, из-за газу. У вас же тоже из-за газу остановки бывают. Если ты, к примеру, будешь в своем доме топить печку и сжигать в ней по полену в час,— что ж, ты ее натопишь? Процесс происходит в стали, вот болванка и портится.

Второй прокатчик. А чего же вы на газовщиков не напираете?

Второй мартеновщик. Напирали, не доходит.

Первый прокатчик. Ну, так вот, мы вам заявляем, что черепаху от вас обратно не берем!

Шум, крики среди мартеновщиков. Из толпы выскакивает коротконогий мартеновщик в длинном полушубке, чрезвычайно возбужденный.

Коротконогий *(схватив ствол пальмы)*. Ах, вы не возьмете черепаху?

Мартеновщики приближаются к нему.

Первый прокатчик. Ой, напугал! Ой, за оглоблю схватился!

Хохот среди прокатчиков.

Повара, сюды!

Пешехонец *(из окна)*. Повара здесь!

Первый прокатчик. Приготовь кипятку!

Первый мартеновщик. Кипятком ты меня пугать? Мы, брат, к металлу привыкли, мы, может быть, так закалены, что в кипятке купаться способны! Мы от своих слов не отступимся!

Мартеновщики. Не отступимся!

Первый прокатчик. Разрешите вас спросить: будете ли вы сваливать свои черепашьи темпы под объективные причины?

Первый мартеновщик. Если ты так понимаешь объективные причины, то будем!

Первый прокатчик. Ага, будете!

Первый прокатчик внезапно вскакивает, схватывает горшок с цветами. Остальные прокатчики тоже схватывают горшки. Мартеновщики шарахаются было, но тут гармонист начинает играть, и они стоят твердой, неколебимой стеной.

Косматый певец *(неожиданным дискантом)*. Граждане, успокойтесь! Убийство, граждане!

Третий прокатчик *(сажает Косматого на табуретку возле стола и накрывает скатертью)*. Без музыки не пой!

Первый прокатчик *(остальным)*. А ну, покажем им, как мы отстаиваем Советскую власть и ее промфинплан! *(Высоко поднимает горшок, нацеливаясь в гармониста.)*

Второй прокатчик *(тоже нацеливаясь)*. Уходите!

Первый мартеновщик *(гордо)*. Не уходили мы из-под махновских пуль, не уйдем из-под ваших горшков!

Первый прокатчик *(горько)*. Что он говорит! Что он говорит, товарищи! Шестнадцать лет стажу в твоей голове, а мозгов все еще нет.

Хорошавка *(выскакивает из толпы. Гармонист играет, она поет)*.

Загнул Вася в бок папаху,
Ждет, что подмигну ему.
Мы не примем черепаху,
Не уступим блюмингу.

Первый прокатчик. Вон из столовой!

Мартеновщики *(поют)*.

Д' мы не примем черепаху,
Д' не уступим блюмингу!

Прокатчики. Вон!

Гармонист бросает гармонь.

Гармонист. Да что вы на нас орете? Вы на баб орите своих!

Женщина из прокатчиков. Это ты на своих баб орешь, а наша баба за оранье в морду бьет!

Гармонист. Да что вы на нас горшками целитесь? *(Поворачивается к окну и выхватывает из рук Пешехонца миску.)*

Хвуст. Ребята, второе утащили, котлеты рубленые!

Пешехонец. Бей их на мою голову!

Первый прокатчик *(ставит горшок и перепрыгивает через стол. Останавливается против первого мартеновщика и начинает засучивать рукава)*. А, так вы?

Первый мартеновщик. А ну, вдарь!

Первый прокатчик. И вдарю, и так вдарю, что ты отсюда прямо к своей печке улетишь.

Первый мартеновщик *(засучивая рукава)*. А ну, попробуй!

Первый прокатчик. Я говорю, возьмешь черепаху и уйдешь!

Первый мартеновщик. Сам ты съешь свою черепаху!

Второй мартеновщик *(засучивая рукава)*. Ой, прокатчики, разнесем мы вашу столовку!

Грохот. Оранжевое пламя проносится вдоль окна, которое обращено к цеху. Опять грохот, опять проносится пламя. Прокатчики кидаются к окну.

Первый прокатчик. Кто велел катать?

Второй прокатчик. Это, наверное... *(Указывая на мартеновщиков.)* Это они, наверное! Сами пустили!

Третий прокатчик. Непременно это они!

Первый мартеновщик. Все ты можешь на нас брехать, но чтобы мы чужой цех пускали — этого не бывало и не будет!

Первый прокатчик. Не смей катать!

Третий мартеновщик. Да ты кто такой?

Первый прокатчик. Я старший вальцовщик. Я перед государством за ценность проката отвечаю!

Лаптев. Эх, сдают прокатчики, сдают!

Третий прокатчик. Нет, мы не сдадим! *(Опять хватается за горшок.)* Мы их заставим черепаху в зубах унести!

Лаптев *(Даудову)*. Ну, успокойте вы их, Игнатий Денисович!

Д а у д о в. Как бы мне это свиней своих ввинтить в эти события? *(Рыжему.)* А ты все жрешь, тебе хоть бы что!

П е р в ы й п р о к а т ч и к. Прекратите катать!

П е р в ы й м а р т е н о в щ и к. Если уж на то пошло, не прекратим катать!

Входит М и г у л а.

М и г у л а. Это я велел катать. Вполне понятно ваше волнение, товарищи. Надо сказать, я волновался не меньше вас. И у меня кулаки чесались. Две ночи заседали мы и в цехах, и у директора, и у главного инженера. Почти установлено, что главный брак от изложниц. Ну, и газ тоже подкачивал. И волнение наше мешало. Сейчас мы сняли двух инженеров в мартеновском цехе, заменили изложницы, коксовикам категорически приказали перейти на твердое топливо, а не тратить на себя газ. Самое главное — установить причину! Вот прошло три болванки, и если пройдет их пять, то, значит, все более или менее в порядке.

В т о р о й м а р т е н о в щ и к. Так их уже шесть прошло.

М и г у л а. Значит, простой окончился. Можно, товарищи, готовиться к принятию смены.

Х в у с т. Второе подавать, значит?

П е р в ы й м а р т е н о в щ и к *(укоризненно к прокатчикам)*. Вот и получилось — черепаха зря.

М и г у л а. Тогда не зря, а сейчас, пожалуй, можно ее снять.

П е р в ы й п р о к а т ч и к. Низко берете. Рано снимать. Повыше ее поднять надо.

Г а л а м е я. Я черепаху делал. Пускай-ка повисит.

В т о р о й п р о к а т ч и к. Дите правильно говорит.

М и г у л а. Оставим-ка черепаху пока в столовой. Она работает с перерывами три часа первое едят, а миска со вторым, извольте видеть, на полу стоит. И свиньи почему-то на центральной площади поселились. Центральная площадь у нас, товарищи, мощеная, свиней мы булыжниками кормим.

Хохот. М и г у л а уходит.

П е р в ы й м а р т е н о в щ и к. Разворачивай!

Мартеновщики разворачивают плакат: «Мартеновщики обязуются перевыполнить план, болванка будет подана в полной исправности. Блюминг, не подкачай!»

Ну, не гудите, парни! *(Пожимает руку прокатчикам.)* Очень мы нервные, притом работа у металла горячая, да и делегации ваши нам надоели.

Хохот. Гармошка играет. М а р т е н о в щ и к и, смешавшись с п р о к а т ч и к а м и, уходят.

Хвуст *(держа миску в руках).* А второе?

Рыжий. Давай сюда второе!

Даудов. То есть, как так, Иван Григорьевич?

Рыжий. А так, давай сюда, съем лишнюю порцию.

Даудов. А свиньи?

Рыжий. Пускай вначале человек покушает. *(Кладет в свою тарелку три котлеты.)*

Даудов. Три котлеты!

Рыжий. Я и шесть могу съесть.

Даудов. Я тебе такое дам, свинья! *(Схватывает Рыжего за ворот и тащит его по полу.)*

Рыжий. Постой! Да ты по членовредительству на суде ответишь!

Даудов. Суд у нас тоже советский, он тебе такое пропишет! *(Накрывает его черепахой и упирается в черепаху коленом.)*

Рыжий *(из-под черепахи, испуганно).* Игнатий Денисович, да что это с тобой? Пусти!

Даудов. Думай! Не выпущу, пока не придумаешь.

Рыжий. Ну как же в таком положении думать?

Даудов. Задохнись, но придумай! Чтоб у меня к завтраму сарай для свиней был!

Рыжий. Вертится. Уже вертится, но не может оно в таком положении до конца довертеться!

Даудов. Пускай доверчивается.

Пауза. Рыжий тяжело пыхтит.

Рыжий. Если, допустим, картофельное помещение взять...

Даудов. А картофель куда? Нет, ты чего-нибудь такое другое придумай.

Рыжий. Да ты не дави так! У меня ж печень больная.

Даудов. А ты подумай.

Косматый певец. Разрешите уйти. Ведь здесь же человек погибнет. Вы обратите внимание на его лицо — разве может появиться вдохновение при таком почти синем лице?

Пешехонец. А ты лучше пой!

Косматый певец *(пианистке).* Прошу! *(Поет.)*

И снился мне сияющий огнями
Роскошный пир в далекой стороне;
Средь юных дев, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.
Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает кем была погружена.

Занавес

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Чердак. Пыль, паутина. П е ш е х о н е ц *развешивает на веревке белье. Он приоделся, подчистился и очень гордится собой. Подле разбитого слухового окна — две бочки, прикрытые досками и соломой,— это постель Даудова. Возле бочек к дымоходу хлебными мякишами прикреплены плакаты. Лестница вниз. Снизу несется брань, чад. Железная крыша накалена. Яркое солнце. На дворе кто-то поет невероятно тонким фальцетом: «Под вечер осенью ненастной».* Х в у с т *и* Г а л а м е я *уныло играют в карты.*

П е ш е х о н е ц. Любуйся мной, Галамея!

Г а л а м е я. Я выше этого!

П е ш е х о н е ц. А когда-то со мной губернатор за ручку здоровался.

Г а л а м е я. Никто с тобой не здоровкался. Ты с ним, например, Хвуст, здоровался?

Х в у с т. Он не съедобный. *(Подходит к окну.)* Эка, гусь забрел чей-то! Чей бы это мог гусь быть?

Г а л а м е я. Или: осень, дождик, дубы роняют листья, тучи низкие, а сбоку, в тучах, просвет узкий-узкий! А вглядишься — и там ничего; глупый, чепуховый просвет!

Х в у с т. По небу — непременно утки. Нравится мне утка; глупая птица, а вкусная.

На лестнице показывается В а р в а р а.

П е ш е х о н е ц *(несется к ней вскачь).* Хозяюшка, лебедь, всем-то вы интересуетесь, всюду суете опрятный носик. Стульчик? А стульчика-то и нету! Желаете, согнусь, на меня усядетесь? Я тоже беспомощный, вроде стула.

Г а л а м е я. Закройся, лакей! *(Варваре.)* Я его ненавижу!

В а р в а р а *(ей неприятно, но она пересиливает себя).* Почему же вы его ненавидите?

Г а л а м е я. Я всех ненавижу!

В а р в а р а. Всех ненавидеть — это болезнь.

Г а л а м е я *(хохочущему Пешехонцу).* Замолчи! Здесь художник страдает.

П е ш е х о н е ц. Художник от слова «худо».

Галамея. Как ты глуп, как ты глуп! Эдак же всем говорят. И Ньютону так говорили.

Пешехонец (*приседая перед Варварой*). А Лаптев-то здесь уж не живет.

Варвара (*вздрогнув*). Разве? Почему? (*Оправившись.*) Да он мне и не нужен.

Пешехонец. Загордел. Красивый стал. За сорок семь рублей синюю пару завел и при ней розовую рубаху. Словом, активист.

Варвара. Кому это любопытно?

Пешехонец. Быть ему инженером! (*Бьет себя деревянной ложкой по лбу. Показывает осколки.*) Трах — и нету.

Галамея. Не смешно.

Хвуст. Зачем мою ложку сломал, чучело?

Варвара (*достает папиросы*). Курите?

Все берут папиросы.

Пешехонец. Позвольте... пять?

Варвара отдает ему всю пачку. Пешехонец прижимает пачку к сердцу, затем целует ее звучно и протяжно.

Галамея. Тоже не смешно.

Пешехонец. Я, видите ли, Варвара Матвеевна, специалист по разгону и уничтожению монастырей...

Галамея. Мне грустно и отвратительно на тебя смотреть!

Пешехонец. Как всем настоящим художникам, повеситься бы тебе, Галамея! (*Увидев встревоженную Христину.*) Христина Ивановна, мыслительница, показать вам, почему зайцы радуются?

Христина. И чего вам, дорогая Варвара Матвеевна, к обормотам этим на чердак снисходить?

Варвара. Мне нужно Даудова.

Христина. Ой, замучил он нас своими размышлениями. Опять от службы отказался, опять хочет в поле уйти, семью собирать. Ну, где же он семью соберет лучше этой?

Варвара отходит от нее к Галамее.

(*Подманивает пальцем Пешехонца.*) Ионушка!

Пешехонец. Не нравится заяц? А козу показать? Бэ-э...

Христина (*тихо*). Уследили меня, кажись, Ионушка.

Пешехонец (*струсив*). Нет, не дано вам шутить, Христина Ивановна.

Христина. Не удержалась, хватила я полтора пуда масла.

Пешехонец. А я-то ничего не брал!

Христина. И про тебя, боюсь, известно, Ионушка.

Варвара (*Галамее, обиженно отвернувшемуся*). Возьмите эти книги, по ним Тоня учится.

Галамея. Брешут все книги.

Хвуст. Поварские книги не брешут.

Галамея *(озлобленно, Варваре).* Организуйте прочих, а мой организм немой.

Пешехонец *(Христине, тихо).* Ну, пойдем каяться!

Христина. Покаяться всегда успеем. Сейчас главное, чтобы Игнатий Денисович нашу семью не распускал.

Пешехонец. Благодетельница, в ноги сорок раз поклонюсь, ну к чему мне тюрьма? И я зачем ей нужен? У них там тихо, спокойно.

Входит Хорошавка с узлом.

Галамея. Это еще откуда?

Хорошавка. Пешехонец, музыку!

Пешехонец гудит, сложив руки рупором.

Пой!

Пешехонец. На месте сочинить?

Хорошавка. Сейчас же!

Пешехонец *(поет приплясывая).*

Учили нас, учили,
Учили беспрерывно,
Ученье в нас не вбили...

(Скороговоркой.) Так как мы люди абсолютно свободные...

Хорошавка *(выхватывает из узла книжки и кидает их на пол).* Вот тебе и наука, вот тебе и знание!

Варвара. Я рада, что встретилась с вами здесь, Тоня.

Хорошавка *(рвет книжки).* Вот тебе система жизни!

Варвара. Неужели же, Тоня, вы из-за ссоры со мной ушли? *(Тихо, Хорошавке.)* Я неспособная, Тоня. Какой я женорг? Последнее время я думаю, что весь мой труд никогда ничего не дает. Всегда ссора, всегда скандал из-за пустяка, вот хотя бы случай с вами... Подумайте — мел! *(Ко всем громко.)* На вечерних курсах пропал мел.

Хвуст *(дремля).* Я в детстве мел кушал. *(Засыпает.)*

Хорошавка. Зачем мне мел? Я не брала его. Я ничего теперь не беру! А инженер меня сегодня упрекает: «Почему у вас к женоргу снисходительности нет?» А я ему тряпкой по роже. Ну и вот... *(Толкает узел ногой.)* Общественное порицание. Куда мне идти? *(Опускается на узел.)*

Варвара. Как это все нехорошо, как плоско! И если бы вы знали, Тоня!.. Да нет, вам-то будет непонятно. *(Ходит, сжимая руки.)*

Хорошавка. Ученье, оно мне так замечательно заполняло голову.

Весело и тепло. Я думала — вот другим скоро буду рассказывать, что я знаю. Другим будет легче и теплее.

Христина. А еще теплей, когда воров разных уберут от приличного люда навсегда. *(Величественно спускается по лестнице.)*

Галамея и Пешехонец уходят за ней.

Хорошавка. Теперь каждый день они будут твердить мне одно и то же.

Варвара *(резко оборачиваясь)*. А не из-за Лаптева ли вы вернулись?

Хорошавка. Я люблю науку.

Варвара. Вы его любите, Тоня.

Хорошавка. Вы постоянно наводите разговор на Лаптева. Иногда мне казалось — вы ревнуете да так подстраиваете, чтобы меня выгнали.

Варвара *(поспешно)*. Ага, и часто вы так думаете, Тоня?

Хорошавка *(смущенно)*. Нет, зачем же часто!

Варвара *(быстро)*. Вы мне противны! Вы мало способны, у вас цыганское глупое лицо и тупые глаза! И вы туда же, в науку! Да, я люблю Лаптева!

Хорошавка. Бросьте вы болтать!

Варвара. Я его люблю. А теперь скажите мне о нем всю правду, если у вас хватит искренности. Я стерплю ради него.

Хорошавка. Вы так... знаете науку... у вас двое детей?

Варвара. Далась вам эта наука!

Хорошавка. И вы пойдете к нему?

Варвара. Пойду.

Хорошавка. Это невозможно!

Варвара. Почему невозможно?

Пауза.

Хорошавка. Он какой-то опрокинутый... кривляка, выдумщик. Придумает какую-нибудь чепуху и носится с ней.

Варвара. Вы напрасно так сдержанно говорите. Я сшила новое платье, я красивая, умная. Вам никогда не вернуться к нему, Тоня!

Хорошавка. Мне бы сердиться *(всхлипывает)*, а мне вас жалко, Варвара Матвеевна. Такая дальновидная женщина, и вдруг — Лаптев! Он же не верит, что земля круглая.

Варвара. А если она и на самом деле не круглая?

Хорошавка. Вот вы и отказались от науки. Да ведь вы же сами рассказывали нам, что если пароход идет в эту сторону *(показывает рукой)* и плывет долго, долго, то он придет сюда же *(показывает)*, но с другой стороны.

В а р в а р а. Нет, не круглая.
Х о р о ш а в к а. Какая же она?
В а р в а р а. Такая, какой захочет ее Лаптев!
Х о р о ш а в к а. Позорно для вас так думать, Варвара Матвеевна!
В а р в а р а. Когда вы будете постарше, вы поймете, что более позорно уходить от любви. Рассказывайте мне о нем все, все! Вы страдаете, и я страдаю. Но попытаемся говорить спокойно: я желаю с ним вместе трудиться, а вы уважаете труд.
Х о р о ш а в к а. Он не умеет трудиться.
В а р в а р а. У него много друзей? Кто они?
Х о р о ш а в к а. Он подобрал меня... Во время нэпа я служила продавщицей в кафе. У меня было бархатное платье и вот такие серьги в ушах. Он их пропил. Меня уволили. Я не пошла на бульвар, нет! Я воровала. Я не у бедных воровала, я воровала батистовое или шелковое белье; потом у меня было кротовое манто, оно было широкое-широкое, под него я прятала белье. Меньше обращают внимания, когда вы хорошо одеты. Но меня все-таки поймали, избили, затем я попала в больницу,— он был там служителем.
В а р в а р а. Это все интересно, но только это о вас. А мне нужно о нем. Почему он попал к нам на строительство?
Х о р о ш а в к а *(задумавшись)*. Почему?
В а р в а р а. Нельзя вам его любить!

Пауза.

Поймите, вы должны мне сказать, должны!
Х о р о ш а в к а. Что вы кричите на меня? Ничего я вам не скажу! Да ничего я и не знаю.

Варвара ходит по комнате.

Шли бы вы к Лаптеву, если решили.

Входит Л а п т е в, приодетый и важный.

Л а п т е в *(Хорошавке)*. Вернулась, гагара, где ночевала?
Х о р о ш а в к а. Вернулась, да не к той кочке. *(Варваре.)* Вот как я ему отвечаю!
Л а п т е в. А ты мне и не нужна. *(Указывает на окно.)* Лошадь видишь? За моим багажом. Я бы смог донести его сам, но мой вид не позволяет мне унижаться. Я командир: «сюда — муку, сюда — мясо, сюда — крупы». Чем хочу, тем и кормлю. *(Варваре.)* Здравствуйте, товарищ женорг.
В а р в а р а. Здравствуйте, питатель.
Л а п т е в. А что ж: питаю, питаю. Чертовские планы в голове!
Х о р о ш а в к а. Чужие у тебя планы. *(Варваре.)* Вот я как с ним!

(Идет, оборачиваясь к Варваре.) А все-таки земля круглая. *(Ушла.)*

Варвара идет было за ней, останавливается, Лаптев насторожился.

Лаптев. А вдруг, Варвара Матвеевна, вы пришли открыться передо мной?

Варвара. Я пришла к Даудову. Удивительное омерзение охватывает меня, Лаптев, когда я вас вижу! Вы лохань какая-то, а не человек!

Лаптев *(спотыкаясь, смущенный, пятится по лестнице)*. Извините, извините. Зачем же обдавать? Для партийного человека такие выражения просто даже неприличны. *(Кланяется вниз.)* Мое почтение, Никифор Яковлевич! Что? Отлично живу! Вот в новую комнату переезжаю. *(Ушел.)*

Входят Мигула и Даудов.

Мигула *(продолжая разговор)*. Злорадствуют? Для рабочих ждем спецодежду, а оказывается, полученные ботинки продают в кооперативе по высшим ценам. Это уж не злорадство, это, брат, орудование!

Даудов. Ты мне, Никифор Яковлевич, говори прямо. Уговаривать ты меня пришел?

Мигула. Я за женой пришел. Чего мне тебя уговаривать? У тебя голова крупнее моей. Если ты думаешь организовать новую семью, то, конечно, это полезно. И для тебя и для строительства.

Даудов. А что у тебя щека дергается?

Мигула. Папироску сосать привыкла!

Варвара. Встретили вы Лаптева?

Мигула. Да.

Варвара. Я им очень довольна; он мне нравится; он в новом костюме такой весь ловкий! А ты, ты не ревнуешь, Никифор?

Мигула. Я? Нет. *(Даудову.)* Что же касается поля, так ведь в поле разные люди бродят. Кулак бродит.

Даудов. Что же ты думаешь, кулака мне не разглядеть?

Мигула. А я не о тебе совсем, я о строительстве. Кулак у нас на строительстве — непременно ударник. Возьмем, например, Лаптева.

Варвара. Э, да ты ревнуешь?

Мигула. Я хотел сказать, что Лаптев, например, очень много кулаков на строительстве помог разглядеть, и все они оказались ударниками.

Даудов. Они, мои семейные-то, конечно, с прорывами, но в общем вполне исцеленные.

Мигула *(хмуро)*. Угу!

Варвара. А я способна влюбиться, Никифор?

Мигула. Ты? Нет!

Варвара. Экая самоуверенность!

Мигула. Я тут ни при чем. В области... как его... сердечной у тебя редкое самообладание. Если ты выбрала кого, так не уйдешь.

Варвара. Ой, разочаруешься!

Мигула *(ухмыляясь)*. Умру!

Варвара. И зачем ты обо мне думаешь хорошо?

Мигула. И зачем мне о тебе думать плохо? *(Смотрит в окно.)* Вона, дождик пошел обкладной. Дождливейшая весна, а тут вместо полутора тысяч сапог прислали двести. Ну какое дело человеку высокого полета, герою, единоличному творцу новых людей, какое, говорю, ему дело, этому новому, необыкновенному семьянину, какое дело до кальсон, до непромокашек, до калош?

Даудов. Не нравится мне система твоего разговора. Жестока.

Мигула. Верно! Не без жестокости. А что, если нам двинуть на сапожное и на квартирное дело Лаптева? Он как будто дельный, Игнатий Денисович?

Даудов. Вроде как бы и дельный.

Мигула. Ручаешься за него?

Варвара. Но все-таки его следует проверить.

Мигула. Но ты только что хвалила его, Варвара!

Варвара. Я чисто по-женски.

Мигула. А откуда в тебе эта математика — женски, мужски, детски, старчески?

Варвара *(вспыхнув)*. Поймешь ли ты меня наконец по-настоящему?

Мигула. А разве я не понимал?

Варвара. Ты тупой и бессмысленный! Ты вот кто! *(Стучит кулаком по бревну.)* Научный интерес в тебе только для того, чтобы науку приладить к производству. Ты — улица, ты — человек улицы, человек толпы! Вся подвижность, вся деятельность в тебе, чтобы каждый, который почувствует в себе нечто отдельное, втолкнулся в толпу! Ни на одно мгновение ты не в состоянии подумать об отдельном человеке, страдающем, запутавшемся часто человеке.

Мигула. О человеке, который в одиночку по полю идет?

Даудов. Вот, вот, который по полю!

Варвара. А уже сказать о том, чтобы ты пожертвовал хоть ничтожным интересом улицы ради одного страдающего...

Мигула. Ты или балуешься, Варвара, или, боюсь сказать, притворяешься.

Варвара *(принужденно смеясь)*. Чего ради мне притворяться?

Мигула. А кроме того, ты преувеличиваешь. Я, знаешь, даже влюбиться могу. В этакую великосветскую даму, и строительство бросить, и уйти куда-нибудь в единоличники, и все такое, что полагается в романах. *(Даудову.)* Вот только как же насчет сапог? Да нет, и про сапоги забуду. Пускай их двести пар — на полторы тысячи!

Даудов. Щеку-то бы хоть пальцем поддерживал!

Варвара. Я хочу, чтобы ты жил для меня, чтобы зарабатывал больше денег. Инженеры получают по тысяче в месяц, а ты, знающий больше любого из них, носишь галстук дрянной, в дырах. *(Срывает с него галстук и бросает.)* Я хочу хорошо есть, не перешивать по двадцати раз платье, ходить всегда в новых туфлях. Разве это туфли? Лучше босиком! *(Сбрасывает туфли и кидает их в окно.)*

Мигула. Весна дождливая, еще простудишься.

Варвара. Я хочу кататься на автомобиле. Ты ни разу не прокатил детей — только до службы. А я хочу далеко, в степь, в Донецкую степь, в поле.

Мигула. Бензину мало. Вот побольше получим, прокачу.

Варвара. В квартире нет даже обеденного стола, едим на письменном. Начальник цеха блюминга!

Мигула.

...И построю вам домы вблизи моего,
И как братья будете жить вы со мною и с сыном моим Телемаком.

(Берет ее за подбородок, целует.)

Варвара *(хватает его за руку и отталкивает).* Мне противно смотреть на тебя, Одиссей! *(Уходит.)*

Мигула. У них в мартеновском опять болванки с трещинами начали появляться, я их пришпандорю!

Даудов. Нежным ты способен быть?

Мигула. После двенадцати лет совместной жизни нежность мало убедительна. Кроме того, приступи к ней с нежностью, она обидится. Гордости в этой бабе хватит на три дюжины людей.

Даудов. А ты попробовал бы.

Мигула. Попробую. *(Осматривается.)* Ну и живешь же ты! Бросил бы ты свое юродство, Игнат! Ну что это такое? Залез на чердак, уступил чужим людям квартиру.

Даудов. Я доволен. На чердаке одиночества больше. Одиночество способствует широким мыслям.

Мигула. Клопам оно способствует. *(Ушел.)*

Даудов *(укладывается на постель).* Отдохну, и в поле!

Пешехонец, в тулупе наизнанку, на четвереньках, ползет по лестнице. За ним, дожевывая пищу, Хвуст.

Пешехонец. У-у... Медведь идет, у-у...

Даудов *(хохочет)*. А ведь похож, действительно похож! Здравствуй, Мишка! Как живешь, Мишка?

Пешехонец *(пискливо)*. Треугольно живем, дяденька.

Даудов. Как же так треугольно?

Пешехонец. Поступили на службу и втиснули нас в треугольник.

Даудов хохочет. Входит Посоха.

Посоха. Содрать с этого медведя три шкуры!

Пешехонец. И сдерет, Игнатий Денисович, сдерет,— вся надежда на тебя, Игнатий Денисович. Хвуст, кланяйся!

Хвуст кланяется.

Загубит она нас. Серебряный портсигар приобрела. Посоха, покажи!

Посоха показывает портсигар.

Теперь мечтает насчет шубы с лисьим воротником.

Посоха. Хуже я других?

Пешехонец. Самая хитрая из хитрых! Мы служим, а она нас сплотирует.

Посоха. Надо уметь рассчитывать. *(Грозит кулаком вниз.)* Брысь, я тебе припомню эти три рубля! *(Хватает доску.)* Христина, говорят тебе, скройся! *(Даудову.)* Названный мой папаша, плюнь ты на них, женись ты на мне, от тебя детки еще такие получатся, лихо-дорого смотреть! Будем мы с тобой ездить на вороных, и лисы не только по вороту, но и на подкладке!

Пешехонец. Слышите? Хвуст, кланяйся!

Хвуст *(кланяясь)*. Ей-богу, Игнатий Денисович, ветчины я купил сто грамм, так и те отняла.

Пешехонец. Христина Ивановна ей поверь, передай ей все дела, а она их захватила в свои руки. Знакомства захватила, ездит взад-вперед по железной дороге.

Даудов. Зачем же она по железной дороге ездит?

Пешехонец *(хихикая)*. Не для катáнья же! Смотри, Игнатий Денисович, разжирела-то как! И теперь, связав дела, решила она нас убрать, нашла свидетелей и обвиняет нас. Выговорить даже невозможно, в чем обвиняет!

Даудов. В чем же она нас обвиняет?

Пешехонец. В кражах!

Христина *(снизу)*. Мы хоть и названные, но родственники.

Пешехонец. Хоть и названные, но родственники.

Посоха *(взмахивая доской)*. Закройся, Христина!

Даудов. Ведь я же вам все лекции прочел, ведь я же вам подробно разъяснил, что старому человеку абсолютно невозможно существовать в новом мире. Ну, давайте разберемся.

Пешехонец. Говори, Хвуст.

Хвуст *(подумав)*. Игнатий Денисович... я блинов хочу.

Пешехонец *(пускается в пляс)*.

Эй, пляши,
Эй, греши,
Не тужи.
И гроши
Потуши!

Даудов. Продолжай ты, Иона!

Пешехонец. Запутался, Игнатий Денисович. Отстрани Посоху, разреши Христине вкатиться!

Даудов. Посоха, брось доску!

Посоха бросает.

Христина *(на лестнице, торопливо)*. Авторитет у вас крупный, Игнатий Денисович. Не ходите вы в поле, перейдите вы в кооперацию. На первом месте оказались вы в цеху по продовольствию. А кто на первом месте оказывается, того на самое первущее тычут. Займите вы пост, рекомендуемый вам! Повесят ваш портрет в правлении. Хочем мы вашим портретом любоваться!

Пешехонец. Ведь раньше только генералов да святых вывешивали в присутственных местах.

Хвуст *(с напряжением)*. Вот...

Все на него смотрят.

Вот и все!

Даудов *(смеясь)*. И все?

Христина. Все, Игнатий Денисович.

Даудов *(тащит Христину за руку к остальным)*. Встаньте все рядком. Правильно! А теперь поцелуйтесь покрепче!

Все целуются.

Друг другу руки пожмите. Еще раз поцелуйтесь. Дайте, я вам руки пожму. *(Жмет им руки.)* И поцелую. *(Целует.)*

Христина. Согласился! Пляши, Иона!

Иона, насвистывая, пляшет. Все в такт хлопают в ладоши.

Пешехонец.

Эй, пляши,
Не греши,
Не тужи!

(Скороговоркой.) Так как человек, помимо всего прочего, обладает смелостью...

Д а у д о в. Прекрасные вы люди, сообразительные, мгновенно гниль из себя выдавили. А то в кооперацию. Что мне делать в кооперации? Там работа грубая.

Посоха хохочет.

Чего ты, Прасковья?

П о с о х а *(смеясь)*. Да он... Он не пойдет!

Д а у д о в. Не пойду!

П о с о х а. И так и этак гулять мне в лисьей шубе!

Д а у д о в. Забудьте вы препирательства, вытекающие из вашего прошлого! А тебе, Посоха, пора насчет шубы выкинуть. Глупо даже и думать об лисьих шубах. Поцелуй ты их всех отдельно.

П о с о х а. Хватит, нацеловались!

Д а у д о в *(строго)*. Посоха Прасковья, целуй!

Посоха стоит неподвижно.

Целуй, говорю!

П о с о х а. Не хочу!

Х р и с т и н а. Игнатий Денисович, да вы нас никак не поняли. Позвольте, я вам перескажу!

Входит В а р в а р а.

Д а у д о в. Мое слово твердое.

Х р и с т и н а хочет говорить, но, увидав Варвару, стремительно уносится по лестнице. Х в у с т, П е ш е х о н е ц — за ней.

П о с о х а. Так, говоришь, поцеловать?

Д а у д о в. Непременно!

П о с о х а. А ты на вороных поедешь?

Д а у д о в. Поеду, поеду, иди поцелуй, пожалуйста!

П о с о х а уходит.

В а р в а р а *(останавливаясь против Даудова)*. Даудов, новую семью собираете?

Д а у д о в. Да, пора, Варвара Матвеевна.

В а р в а р а. Примите меня.

Д а у д о в *(смеясь)*. Можно. А я было хотел Хорошавку женоргом сделать в моей семье.

В а р в а р а. Я говорю совсем-совсем серьезно, Даудов. Отец мой умер давно. Он был охотником; то есть он был рабочим в Ижевске, но любил охоту. Поехал на охоту, простудился, умер. А мне тогда — восемнадцать лет.

Д а у д о в. Я как-то вас не понимаю, Варвара Матвеевна.

Варвара. Я была ужасно глупая в мои восемнадцать лет. Спустя три месяца после смерти отца я вышла замуж за Мигулу. Я и не знала, кого я люблю: Мигулу ли, Кузнецова ли.

Даудов. Кузнецова? Какого Кузнецова? Может быть, Лаптева?

Варвара. Да нет же! Кузнецова. Был такой левый эсер у нас. Видите ли: и Мигула был герой, и Кузнецов был герой. А потом Мигула победил Кузнецова. А мне жалко обижать Кузнецова. Я писала ему, что ужасно люблю тебя, Кузнецов, и ребенок во мне не от Мигулы, а от тебя. Но и этого мне показалось мало. Я написала, что рождением этого ребенка я мщу Мигуле за смерть моего отца, которого, писала я, Мигула расстрелял. Мигула, видите ли, был тогда председателем особого отдела, а мой отец был левый эсер.

Даудов. Я против смертной казни, Варвара Матвеевна.

Варвара. Мне казалось унизительным, что мой отец умер от простуды.

Даудов. И не такое еще делает любовь.

Варвара. Просто глупость! Восемнадцать лет, поймите!

Даудов. Чепуха!

Варвара. Конечно, чепуха. Я не помню, сама ли я придумала, читала ли о такой мести в какой книге. Я писала этому Кузнецову: «Хочу, чтобы Мигула мучился всю жизнь». Мигула — человек одной любви. Вам понятно это выражение?

Даудов. Зачем вы это рассказываете?

Варвара. «Вырастет здоровый, крепкий ребенок,— так я писала Кузнецову,— он любит того ребенка, сильно любит». Затем я говорю: «Ребенок не от тебя, Мигула!»

Даудов. Вы плохо поступили, Варвара Матвеевна.

Варвара. И еще писала: «Мигула работает чудовищно, он переутомится, и придет такой момент переутомления, когда мой рассказ вернее револьверной пули убьет его. Помни фамилии тех, которых ты расстреливаешь, Мигула!» *(Озлобленно.)* Да вы слушайте, черт вас подери, здесь нет ничего смешного!

Даудов. Я и не смеюсь.

Варвара. Вот мне и двадцать два, вот и двадцать пять лет, я многое видела. Давно уже я смотрела на Мигулу по-иному. Я отлично работала. *(С усилием.)* Я забывала мои глупости.

Даудов. Правильно.

Варвара. И вдруг я встречаю Лаптева! Мои письма встали передо мною во весь рост. Какая-то пружина лопнула во мне. Уронит кто-нибудь спичку на пол, и во мне вдруг вспыхивает такая злоба, такая ярость! Я очень люблю теперь Мигулу. Я ради него сделаю все!

Даудов. Это вы правильно, что рассказали. Теперь полегчает.

Варвара. Что я, исповедоваться к вам пришла? Легче! Еще ска-

жите — я вам прощаю! Нужна мне ваша дурацкая отзывчивость, как гусю пропеллер!

Даудов. Я не ронял спички.

Варвара. Вы голову обронили. Понимаете ли вы или нет, что я вам пришла сказать? От меня требуют окончания того «библейского» подвига, о котором я писала в письмах. От меня требуют, чтобы именно сейчас я рассказала о первом своем ребенке Мигуле.

Даудов. Парень и без того замотанный, а вы ему — такое!

Варвара. Нельзя сейчас говорить? Или вообще нельзя говорить?

Даудов. Вообще не стоит говорить. Мало ли что может ребенок восемнадцати лет наболтать! Кто же с вас, Варвара Матвеевна, требует этого подвига? Ведь это, извините, государственное преступление!

Варвара. Требует тот, который передал вам на хранение мои письма. И если вы приняли меня в новую вашу семью, то потрудитесь передать мне эти письма!

Даудов. У меня нет никаких писем, Варвара Матвеевна. Ну кто мне поверит письма? У меня и память слабая, куда мне их прятать?

Варвара. Ну, может быть, вы знаете, у кого они находятся?

Даудов. И не слышал. Человек вы партийный и знаете, куда в таких случаях обращаться. Я так понимаю, вы вроде разыгрываете меня, вроде смеетесь.

Варвара. Струсил? Ручками захлопал! Ох, любовь к людям с поля! А я вот самый несчастный человек со всех полей, и вы ему лжете в глаза!

Даудов отворачивается.

(Рассматривает на дымоходе кирпич.) Повернитесь вы, подлец, скорей, я вас могла бы ударить, убить! *(Идет вниз по лестнице.)* Никогда не поворачивайтесь к людям спиной, Даудов! У вас лживая спина, она выдает вас. *(Ушла.)*

Даудов *(оторопело мечется по чердаку)*. Все вроде как бы всерьез и все вроде как бы чепуха. И почему ей ко мне приходить? Варвара Матвеевна, обождите-ка! *(Кидается на лестницу и пятится; навстречу ему поднимается Строгин с шашечной доской.)* Ты чего, Фомушка?

Строгин. Очень ты, Денисыч, в шашки здоров.

Даудов. Шашки, шашки, а выходит, что жизнь-то, кроме шашек, мало чему научила.

Строгин. Расставлять, что ли? *(Вынимает из кармана шашки.)*

Даудов. Расставляй.

Строгин *(расставляя шашки)*. А я, брат, сегодня опять вокруг закуски ходил. Вызывают меня на собрание, говорят: «Шпарь на

сапоги и квартиры!», а где мне эти сапоги поставить, если я с продовольствием кое-как справился.

Даудов *(сердито)*. Если-если! Везде у тебя всяческие «если в кресле» выскакивают.

Строгин. А как же им не выскочить? Говорят мне на собрании: «Ты, Строгин, тихо думаешь, но очень оборотисто».

Даудов. Просто я с позором тебя слушаю, Фома! *(Кричит.)* Почему ты обо мне молчал там? Почему ты позволяешь мне влазить в какой-то клоповник? Я требую, чтобы меня включили в кооперацию! Сапоги, квартиры? Будут вам сапоги и квартиры! Я премирован многочисленно, я за границу ездил! Что я, инвалид?

Строгин *(смущенно)*. Да ты же сам, Игнатий Денисович.

Даудов. А если я поломаться хотел? А вы нет чтобы воздействовать, вы уж и рады затереть человека? Я буду жаловаться! Я до ЦК дойду!

Строгин роняет шашки.

Подбери!

Строгин наклоняется.

Да не поворачивайся ко мне спиной, черт тебя возьми!

Занавес

СЦЕНА ПЯТАЯ

Комната первой сцены. Комната оклеена новыми обоями: на подоконниках цветы, голубые занавески; печь побелена, потолок тоже. От двери к двери протянут половик. Койка покрыта одеялом, и перед койкой на полу — украинский ковер. Стол покрыт синей бумагой, и даже чернильница вымыта. Стол окрашен. Радио. Дверь в соседнюю комнату полуоткрыта; слышно, как там устанавливают стол, раскладывают посуду. П о с о х а *спорит с портнихой. «Нет, в рукаве жмет! — Да нет же, не жмет, мадам! — Ну как не жмет! Я тебе говорю, жмет!»* Х о р о ш а в к а *пишет. Через комнату тащит топчан в каморку из сеней* Д а у д о в. *Он все в том же платье. Хорошавка в черной юбке и гимнастерке.*

Р а д и о *(диктует).* «...С которыми вы имели дело. Пишете?»

Х о р о ш а в к а *(пишет).* ...С которыми вы имели дело. Не отставай, Игнатий Денисович!

Д а у д о в *(вытирая лоб).* Уж больно оно сегодня торопливое какое-то!

Р а д и о. «Написали? Повтори! ...То есть настоящим, прошедшим и будущим временами изъявительного наклонения, изъявительного наклонения. Первое спряжение: глаголы, оканчивающиеся на «е». Настоящее время: я говорю, ты говоришь».

Х о р о ш а в к а. Же парль, тю парль... Дальше?

Р а д и о. «На этом сегодня мы и заканчиваем наш урок».

Д а у д о в *(выключает радио).* Экая в тебе, Тоня, притяженность к наукам! *(Прислушивается к шуму в соседней комнате.)* Мне на заседание, а здесь — вечеринка. Ну, пускай люди порадуются!

Х о р о ш а в к а. Кабы последний раз, то пусть бы.

Д а у д о в. Замечаю, Тоня, как ты секретарем сделалась, так и ударилась в гордость.

Х о р о ш а в к а. Всех, кто не желает примкнуть к науке, я бы потопила.

Д а у д о в. Одни идут быстро, другие медленно...

Х о р о ш а в к а. А третьи совсем не хотят идти.

Д а у д о в. Последнее время начинаю думать, что и такие имеются. Но ведь вот ты, прямо можно сказать, на глазах распускаешься. *(Смущенно умолкает.)*

Хорошавка. Игнатий Денисович, а вы верно чувствуете, что во мне науки прибавилось?

Даудов. Описать мне тебя сейчас трудно. Беспокойства у меня много, Тоня! Вокруг что-то неладное, шум нехороший, людишки какие-то шмыгают кандального вида. *(Направляется к соседней комнате.)* Я с ними, Тоня, еще разик объяснюсь.

Хорошавка. Бросьте вы, Игнатий Денисович! Но вы не подумайте, я не о себе забочусь,— возможно, у вас найдутся для них объемные слова, каких ни у кого не нашлось.

Распахивается дверь, виден стол с бутылками, с закусками. На пороге, в лисьей шубе, стоит Посоха, за ней — Христина, Пешехонец, Хвуст. Все они в новых платьях, подстриженные, вымытые. А Христина завитая, с беленьким платочком в руке.

Посоха *(гордо и резко указывая на остальных)*. Вот, смотрите! Старался ты, Игнатий Денисович, и ничего у тебя не вышло. Я их счастливыми сделала. Я, Праскевея Посоха. Человек должен быть холодным, весь расчет внутри себя вести! А остальные — ему подчиняться! Вот какой мой закон, Игнат!

Пешехонец. Пользительная для земноводных и для червей, Игнатий Денисович.

Христина *(ласково)*. Ужли с того поцелуя начались среди нас любовь и мир? Ужли такая любовь и мир...

Пешехонец *(хохочет и притопывает)*. Самим страшно!

Посоха важно идет на середину комнаты.

Посоха. Шуба есть, будут и вороные, Игнатий Денисович!

Христина. И без всяких волнений, тихонько, благополучненько. И у вас отличный пост, Игнатий Денисович. Кооперация — она центр всей жизни, можно сказать. Разрешите, Игнатий Денисович, ото всех наших сердец пригласить вас на именины... Много лет не имели возможности.

Пешехонец *(бежит к столу, схватывает поднос, ставит рюмку с вином и несет поднос на голове)*. Откушайте, благодетель! Остатки плесните в рожу. Ради вас все снесу. Хвуст, кланяйся!

Хвуст *(кланяясь)*. Одного портвейну — восемьдесят бутылок!

Пешехонец. Да в ноги, дурак!

Хвуст падает в ноги.

Видали? Хвуст, и тот насытился! Хвуст, ты сыт?

Хвуст. Сыт. Мне бы поспать теперь недельки две подряд.

Посоха. Молчи! *(Поворачиваясь перед Даудовым.)* Вы шубу-то осмотрите. Плохая, Игнаша?

Х р и с т и н а. Это не из гордости, Игнатий Денисович, а выпили мы слегка. Опять же гостей ждем. Лаптев со своим секретарем Галамеей пожалуют. И мы не шумим, мы осторожненько. Вот вы все собирались перевезти нас на новую квартиру с собой вместе, ну а где вам добиться новой квартиры? А нам зачем вас беспокоить тоже, если рассуждать по правде. Мы сами на ноги поднялись. Мы сами теперь в тот корпус, где Лаптев живет, переезжаем.

П е ш е х о н е ц *(приплясывая).*

Переезжаем, уезжаем
И барахлишко забираем,
Нас ждет счастье,
Ждет нас воля,
Великолепная ждет доля.

Д а у д о в *(берет рюмку, отхлебывает).* Я рад за вас.

Х р и с т и н а. И вас просим, Тоня, погостить.

Хорошавка молчит.

П о с о х а. Ты не молчи, Тонька, не возносись. Не иметь тебе Игната!

П е ш е х о н е ц. У Игната другая хата! Посоха, хочешь я вороного коня изображу? *(Подпрыгивая и склонив голову, бежит по комнате.)*

П о с о х а. Не такого огня будет мой вороной!

Хвуст присаживается на койку.

Х в у с т. Поросенка не нашли, но ветчина есть.

Х р и с т и н а. А вы посмотрите, Игнатий Денисович, скатерть-то какая — шесть с половиной метров. А посуда, а миски, блюда, все зеленого фаянса, и все это к нам тихонько, осторожненько приплыло и остановилось.

Д а у д о в. И вам не кажется, что вы запутались?

Х р и с т и н а. Нет, не кажется.

Д а у д о в. Тогда вы объясните, как же вы поняли меня, мои лекции?

Х р и с т и н а. Надо помогать друг другу. *(Трогая Посоху за шубу.)* Мы и помогаем.

Д а у д о в. Произошло громадное недоразумение, Христина Ивановна. Ну разве я о скатерти говорил, разве я о шубе? Мне страшно смотреть на эту скатерть. И я не знаю, откуда, на какие средства она могла у вас появиться. Ведь на жалованье ее не купить! Ведь я о чем говорил? Ведь я вот говорил вам — плывем мы по Средиземному морю и видим, встает из голубого моря этакий замечательный город. И над ним — гора; из горы, как из печки, дым валит, и кругом красиво все, а подплываем

к городу, выходим на берег, входим, скажем, в переулочек,— и такое несчастье, и гора упирается в нас!

Пока он говорит, Христина, Посоха, Пешехонец и Хвуст уходят и плотно закрывают за собою дверь.

Ушли? Тоня, а вы молчите.

Хорошавка. Я неразговорчивая.

Даудов. Ты упрекаешь, но ведь я же к ним действительно, как к родным, относился. *(Бьет себя в грудь.)* У меня и тут еще остатки сохранились.

Хорошавка. Любопытно, во сколько тысяч рублей обошлись эти остатки нашему строительству?

Даудов. Ну уж и тысяч! Все-таки в них еще есть сознание. К примеру, Посоха... Нет, ничего в ней не имеется, кроме грубости и требовательности.

Хорошавка. Она откровеннее прочих, это тоже качество!

Даудов *(вертя огорченно тетрадку)*. На чем мы остановились? Да, прошедшее, неокончательное... Я говорю... ты говоришь.

Хорошавка. Же парль, тю парль... а дальше? *(Берет его за руку.)* А дальше что ты говорил себе про меня?

Даудов *(чрезвычайно смущенный)*. Я говорил, что все это еще не значит, Тоня, будто мне суждено на вас жениться. Возможно, и другой женится, но вы удивительно толковая женщина. Я вам давно собирался это сказать, но это могло помешать учению. *(Путаясь.)* То есть не помешать учению, но если вы имеете против меня, то учиться неудобно.

Молчание.

Хорошавка. Встретила я сейчас Варвару Матвеевну — похудела, глаза ввалились, расслабленная какая-то вся. Я ей говорю: «Я перед вами сильно виновата», а она — «Да, да», а по всему видно, не слышит меня. Так и ушла.

Даудов. Наука жизни имеет различные обороты. *(Указывает на соседнюю дверь.)* Вот и эти переезжают к Лаптеву, затучнели.

Хорошавка. Как?

Даудов. Затучнели, мол, отъелись. Предполагаю, между ними и Лаптевым — взаимная тучность.

Хорошавка. Я правлению об этом докладывала.

Даудов. А правление думало: нет ли тут взаимных счетов.

Хорошавка. Правление-то что? А вот прокурорский надзор как об этом думает?

Даудов. Сказать по секрету, недели три назад отправил материалы. Сложное происходит. Лаптева обидишь, а Лаптев другого человека, на мой счет, может обидеть, а этому другому человеку цена в тысячу раз больше, чем Лаптеву. А этот другой че-

ловек обидит третьего человека, которому цена в миллион раз больше, чем Лаптеву, который весь блюминг повернул на безостановочный путь.

Хорошавка. Вы о Мигуле?

Даудов. Не столько о Мигуле, сколько о зле.

Хорошавка *(указывая на соседнюю дверь)*. А разве это не зло? То, что они обкрадывают тысячи людей,— не зло? Пропадает мануфактура, лес, кожа, железо — они все воруют, они, я уверена, они! И душу вашу, Игнатий Денисович, украли они! Я бы их всех перестреляла!

Даудов. Ну, уж и перестреляла! *(Идет в чулан.)*

Хорошавка было за ним, но отчаянно поворачивается, взмахивает книгами и бежит в сени. Ее встречает смех Лаптева. Входят Галамея и Лаптев. Лаптев — в сером костюме, солидный, самодовольный. Галамея — в синей бархатной блузе с белым бантом. Лаптев несет граммофон. Галамея — пластинки.

Лаптев *(оборачиваясь к сеням)*. Научная девуленька, до свиданья! *(Хохочет.)* Сиганула, как черт от креста. Секретарь, раскупоривай пластинки! Чрезвычайно крупный восторг я в себе ощущаю, секретарь! *(Ставит граммофон на стол. Тихо спрашивает Галамею.)* Пакет передал?

Галамея. Передал.

Лаптев. Не доверяю я тебе. Небось рыло твое разглядели?

Галамея. Где разглядеть? Няне сунул молчком. К тому же сумерки.

Лаптев. Плевать, если разглядели! Я ничего не боюсь. Я вчера, брат, получил справку. Оказывается, я еще при царизме рабочим был. Мы в партию входим, Галамея. Десять рациональнейших предложений в один месяц получила от нас столовая! Такими людьми не бросаются! Я роскошно себя чувствую, секретарь. Даже до неистовства роскошно. *(Крутит ручку граммофона.)* Ага, вы не желаете завершить подвиг, Варвара Матвеевна, так мы вас заставим его завершить! Иголки при тебе?

Галамея *(передает иголки)*. Или такое изобразить: граммофон играет пластинку из былого, сидит молодой человек у окна и плачет. Солнце закатывается, и луч пробивается в форточку.

Лаптев. Глупо! Пускай!

Галамея пускает граммофон. В соседней комнате радостные возгласы; входит Варвара.

Стой!

Галамея останавливает граммофон.

Отнеси к ним!

Галамея *(с граммофоном у двери)*. Или мост через реку; на первом плане — кооператив. У кооператива стоит женщина красивая, смотрит в даль. Ветер треплет ее волосы, руки ее полны ромашек.

Лаптев. Не рассуждай, секретарь!

Галамея. И все-таки я презираю людей! *(Уходит.)*

Лаптев *(встревоженно)*. Пришли-с?

Варвара. Пришла.

Лаптев. Совсем пришли-с?

Варвара. Совсем.

Лаптев. Значит, подвиг завершен!

Варвара. Значит, так.

Лаптев. Завершили, когда он получил доказательства или раньше?

Варвара *(испуганно)*. А разве письма передали?

Лаптев *(тоже испугавшись)*. Передали. Но ты расскажи, расскажи обо всем подробно.

Варвара. Что же тут рассказывать?

Лаптев *(тихо)*. Даже страшно! *(Взволнованно ходит по комнате.)* Знаешь, это совсем страшно. Садись сюда, Варвара.

Варвара садится на койку.

И ты навсегда пришла ко мне? Отлично! Я купил новый диван. Отлично, хотя и страшно. Ты меня поддержишь. И Посоха меня поддержит. Вы меня все должны поддержать.

Варвара. В чем же мы тебя должны поддержать?

Лаптев *(совсем тихо)*. Чтобы никаких подвигов! Один завершен — и хватит. Я устал, Варвара. Мне требуется отдых. Понимаешь, отдых! Некоторые исполняют громадные замыслы. Например, пройдут по стройкам, и всюду за ними остаются пожары, взрывы, наводнения, такое сплошь стихийное и пугающее.

Варвара *(также тихо)*. А разве не они тебя послали?

Лаптев. Нет. Этот подвиг я сам придумал. Но я ничтожный, я не могу совершить много подвигов. Есть же люди, которые способны завершить только один подвиг. Я думаю, лучше мне уехать отсюда.

Варвара. Уехать? Одному?

Лаптев. Или с тобой.

Варвара. И мы все время будем вспоминать этот наш подвиг, единственный подвиг, придуманный одним человеком? Даже не верится, чтобы один человек мог так хитро придумать! Сегодня Мигула узнал, что в ячейку при блюминге влезло несколько петлюровских бандитов. Они там кое-что придумали уже, коечто совершили уже. И вдруг сегодня же Мигула получает отвратительные письма его любимой жены.

Лаптев *(совсем испуганно)*. Никто не знал о моем подвиге. И это,

пожалуй, плохо! Если бы я имел возможность советоваться, меня бы, пожалуй, отговорили. Представь, вдруг Мигула не умрет, да я убежден, что он не умрет. Вдруг он узнает, что послал ему письма? И сообщит обо мне в ГПУ.

Варвара. Что же он может сообщить? Обыкновенные любовные письма. Подозрительно только соседство с петлюровцами.

Лаптев. Ты так думаешь? Но для него-то ведь это катастрофа!

Варвара. А кому какое дело до любовной катастрофы Мигулы? Наш подвиг тем и замечателен, что никому до него нет дела. Это очень тонко придумано!

Лаптев. Ты успокоила меня. А ты не пыталась просить у него прощения?

Варвара. Нет, не пыталась. Зачем?

Лаптев. Все-таки, чтобы он не подумал такого... про меня. Вот ты говоришь про каких-то петлюровских бандитов. У меня без бандитов много затруднений. Конечно, я верю Посохе, но все-таки... У меня крупные затруднения.

Варвара *(устало)*. Следовательно, ты был один. *(Смотрит на него пристально.)* Ну конечно, кому ты такой нужен?

Лаптев. Если вдуматься, так в этом одиночестве как раз и заключается мое несчастье. Всплыла вдруг такая масса затруднений. И еще твои дети, ну куда они мне? Я терпеть не могу детей, хоть я и христианин.

Варвара *(встает)*. Прощай, Лазарь!

Лаптев. Как — прощай?

Варвара. А так, прощай! Навсегда.

Лаптев *(стараясь скрыть радость)*. То есть... Значит, ты уходишь от меня? Забавно. Не успела прийти и уже уходишь.

Варвара. Получается так.

Лаптев. Если вдуматься, то это даже хорошо. Я тебя люблю, но ты потребуешь от меня новых подвигов. Ты неспособна жить без подвигов. А я несчастный, мои поступки, если я их сам придумываю, ничего никому не приносят, и мне в том числе!

Варвара. Какой стыд!

Лаптев. Почему стыд? Лучше сразу сказать все о самом себе, чтобы ты не думала обо мне лишнего.

Варвара. Стыд в том, что я переоценила тебя, Лазарь! Прошлое встало передо мной, как высокая-высокая стена! Не перепрыгнуть.

Лаптев. Не понимаю, ты меня любишь или как по-другому?

Варвара. Неужели ты думал, что я в самом деле влюбилась в тебя? Ты дрянный, мерзкий, потный, и я в тебя влюбилась?

Лаптев. Примитивная психология.

Варвара. Какой глубокий стыд! Тебе, именно тебе удалось поставить передо мною прошлое.

Л а п т е в. Возможно, я заслуживаю оскорблений, но не таких. Прощай! *(Идет, но сразу возвращается.)* Я попрошу тебя не говорить Мигуле, что именно я отправил письма и фотографии. Я раскаиваюсь в этом. Я честный человек, и мне жаль, что я причинил огорчение отличному работнику на нашем обоюдном фронте. *(Раскрывает дверь.)*

Граммофон рычит. Лаптева встречают радостные приветствия. Дверь закрывается. Он ушел.

В а р в а р а. Такой стыд, такое посмешище!

Входит Д а у д о в.

(Принужденно улыбаясь.) А у вас стало мило, Даудов. Цветы, граммофон. Выпивают даже.

Д а у д о в. Пусть их выпивают! Выходил я из этого дома, выходил и приходил. А сейчас выйду и не приду. И в поле мне не выходить, Варвара Матвеевна.

В а р в а р а. Совсем?

Д а у д о в. И чего это я о себе, Варвара Матвеевна! Да вы ведь серая вся и дрожите.

В а р в а р а. Дождь. Я шла мимо; зашла погреться. Впрочем, я не то говорю. Да вы и сами понимаете.

Д а у д о в. Понимаю. Письма-то лежат у Лаптева?

В а р в а р а. Теперь они уже у Мигулы. Мне будет трудно войти в дом, но я пойду.

Д а у д о в. Уж если так случилось, то надо! Мне разве с вами пойти?

В а р в а р а. Нет, уж я одна, Игнатий Денисович. Признаться, я думала, что вы с Лаптевым. *(Напряженно смеется.)* А теперь я отношусь к этому юмористически.

Д а у д о в. Как вы относитесь?

В а р в а р а. Юмористически. Со смехом.

Д а у д о в *(тоже напряженно смеясь)*. Но уж если вы юмористически, то мне и подавно.

В а р в а р а. Будь Мигула другой, как все, с ревностью, с мужской чепухой в голове, ему бы и легче сознаться, а то это панегирик какой-то, а не человек. Монумент! Бронза! Где к нему подступиться с нашими обычными чувствами, с нашими крошечными ошибками! Трепещешь.

Д а у д о в. Именно бронза. Ой, как я вас понимаю, Варвара Матвеевна!

В а р в а р а. Ну вот я и обогрелась. Теперь пойду домой.

Д а у д о в. А не пойти ли мне с вами?

В а р в а р а. Зачем? *(Подумав.)* Странно, но за всю свою жизнь я не смогла довести до конца ни одного дела.

Даудов. Теперь вам будет полегче.

Варвара. И я так думаю.

Входит Хорошавка

Тоня, милая Тоня, простите меня за все мои дерзости, за всю мою наглость. Очень вас прошу, Тоня, простите!

Хорошавка. А я сюда вернулась, чтобы перед вами проститься.

Обе смеются, жмут друг другу руки и целуются.

Варвара. Из-за мела поссорились.

Хорошавка. Теперь мы с вами ни из-за чего и ни из-за кого не поссоримся.

Варвара. Значит, вы меня простили? Тоня, из вас выйдет отличный лектор!

Хорошавка. Не проводить ли вас, Варвара Матвеевна! Грязища, темень! Против нашего дома семь подвод с кирпичами в грязи увязли, полдня уже вырваться не могут.

Даудов. Непременно проводить!

Варвара. Не нужно, не нужно! *(Осматривается.)* А у вас стало здесь очень весело. *(Смеясь, уходит.)*

Хорошавка задумчиво смотрит ей вслед.

Даудов. Надо бы прокуратуру поторопить. Тут дела-то разворачиваются пошире простых краж.

Хорошавка. А на что я вам намекала?

Даудов. Плохо намекала. Намеки твои были больше юмористические.

Хорошавка. Это вы о ком, Игнатий Денисович?

Даудов. О ком? О себе!

Хорошавка *(беспокойно)*. Нет, все-таки я пойду за Варварой Матвеевной. Очень она какая-то искалеченная.

Даудов. Я знаю людей, или ты их знаешь? Раз я ее отпустил, следовательно, безопасно.

Хорошавка. Конечно, вы спокойнее меня.

Входят Мигула и Строгин с шашечной доской.

Даудов. Никифор, а Варвара Матвеевна только что вышла.

Мигула. Как же это я с ней разошелся? Догнать?

Даудов. А чего? Она, глядишь, сама вернется. Мы все сообща посидим, потолкуем. Нам сейчас сообща-то выгоднее потолковать.

Строгин. В шашки резанемся?

Даудов. Можно и в шашки.

Мигула *(заглядывая в полуоткрытую дверь)*. Ого, да у вас сегодня пир, Игнатий Денисович!

Д а у д о в. Пир, да не тот клир. Закрой-ка, Тоня, двери на ключ. Там у них есть другой выход.

Хорошавка запирает дверь.

С т р о г и н *(трясет в руках две шашки. Даудов берет одну)*. Тебе ходить, Денисович!

Д а у д о в *(останавливается возле стола)*. Ты хочешь сыграть, Никифор?

М и г у л а. Пожалуй, сыграю. *(Садится.)*

Строгин с Хорошавкой отходят к окну.

Ну-с, мы двинем так.

Д а у д о в. А мы отсюда.

Играют.

С т р о г и н *(у окна)*. Хлопот, Тоня, ой сколько хлопот! Как бы мне опять не запить.

Х о р о ш а в к а. Учиться надо, учиться побольше, чтоб в голове гул от ученья стоял.

С т р о г и н. Ученье мне дается туго. Годы ли, семья ли...

Х о р о ш а в к а. Что семья!

С т р о г и н. Может, замуж выходишь?

Х о р о ш а в к а. Может, и выйду.

С т р о г и н. Семья ли, характер ли, не знаю, на кого и пенять. Да и жуликов трудно ловить. Он, жулик, который в нашей кооперативной области действует, такой стал первоцветной хитрости...

Х о р о ш а в к а *(радостно смеется)*. Первоцветной. Мне очень хорошо, Фомушка.

М и г у л а *(двигая шашкой)*. Лаптев-то, оказывается, родственник Варваре.

Д а у д о в *(робко)*. Скажи пожалуйста!

М и г у л а. Двоюродный брат. Я так понимаю, она скрывала, чтоб не подумали: вот, мол, оказывает воздействие на его продвижение.

Д а у д о в *(еще более робко)*. Скажи пожалуйста!

М и г у л а. Юность у ней тяжелая, плохая.

Д а у д о в. Твой ход!

М и г у л а *(двигая шашки)*. Неудачная юность. Из-за этого неправильное понятие о людях, обо мне, в частности. В окаменелость в некотором роде превратила, от уважения, конечно. А я такой же, как все, телесный.

Д а у д о в. Как все?

М и г у л а. Как все. Ну, там чуть сдержанней. Ну, какое же, черт возьми, я будущее выкую, если себя в руках не смогу держать? А она решила — окаменелость.

Д а у д о в. Бронза?

Мигула. И оттого преувеличенные страдания. Страдания, брат, как пар — нагнетай в себя, нагнетай, и если выходу не дать, как котел лопнет.

Даудов. Скажи пожалуйста!

Мигула. Присылают мне сегодня документы, относящиеся к ее юности. Некий Кузнецов. Этот некий Кузнецов посылал мне их уже десять лет назад. Мне бы их уничтожить, письма-то, а я свеликодушничал, тоже довольно глупый жест, взял да обратно послал. Вот, мол, не боюсь тебя и презираю.

Даудов. Глупо.

Мигула. Почему же глупо?

Даудов. А потому, что об этом надо было Варваре сказать. Ты, брат Никифор, сам в бронзового играешь...

Мигула. Так ведь я их, получив сегодня, в печку бросил.

Даудов. Давно пора. Десять лет она страдала.

Мигула. Я этого паршивца Кузнецова понимал, и сейчас я его понимаю.

Даудов. Кузнецов-то, брат Никифор, давно помер.

Мигула. Помер?

Даудов. За Кузнецова говорят другие, живые мертвецы.

Мигула. Так это не личное дело?

Даудов. Кабы личное дело, я бы за него и взялся.

Мигула *(вспыхнув)*. Так вот что, Денисыч, ты эту свою «личную» отодвинь. Я тебе раньше не говорил, а сейчас скажу — этак ты, милый, к баптистам попадешь. Я тебе прямо скажу: кулацкая это выдумка — насчет семейства.

Даудов. Ты чего на меня орешь? Ты на себя ори! Тоня!

Строгин. Ушла она.

Даудов. Куда ушла?

Строгин. За Варварой Матвеевной ушла.

Даудов. Чужие люди лучше тебя твою жену понимают.

Мигула. Иное и десять лет понимаешь, что можно в десять минут.

Даудов. Фомушка, беги и ты за ней. У меня сердце квелое, да и грязища. *(Рассердившись.)* А, черт! Сапоги вот Хвусту отдал, дураку отдал, прохвосту! Это ты, Мигула, верно,— быть бы мне в баптистах!

Мигула идет было.

Обожди. Пусть ее сюда приведут! Мы встанем перед Лаптевым — и сразу все ясно. Да и друг перед другом постоим. Чего там в сенях? *(Прислушивается.)*

В соседней комнате — визг, крик.

Никифор, пистолет при тебе?

М и г у л а *(шарит)*. При мне, а что?

Д а у д о в. Да пойми ты, что у ней тоже револьвер есть.

Открывается дверь, высовывается голова Х р и с т и н ы.

Х р и с т и н а. Игнатий Денисович, Игнатий Денисович, за что арестовывают, Игнатий Денисович? Ведь это же Посоха виновата!

П о с о х а *(из-за плеча кричит)*. Лаптев нас науськивал!

Д а у д о в *(поднимая указательный палец)*. Скройся ты, шкура! Я — за смертную казнь! *(Захлопывает дверь и резко поворачивает ключ.)*

М и г у л а. Подрались?

Д а у д о в. Нет, просто выемка спекулянтов. *(Подходит к столу.)* Чей ход?

В соседней комнате — возня, стук падающей посуды, звон стекла, крик на улице. Строгин распахивает окно, всматривается.

С т р о г и н. Лаптев убежал.

Д а у д о в. Убежал? *(Отталкивает Строгина и выпрыгивает в окно.)*

С т р о г и н. Насчет револьвера — это он лишнее. Она коммунистка.

М и г у л а *(пошел было к дверям)*. А коммунистка ли она? *(Возвращается.)* Садись, Строгин!

Строгин садится к столу.

С т р о г и н. Давно их пора замести, просто целая шайка: в столовой, в кооперативе, в лесном складе. Обожди, мой ход!

М и г у л а. Твой.

Играют.

С т р о г и н. Я прямо с ними замучился, Никифор Яковлевич.

М и г у л а. А ты поменьше о своих слабостях думай, мучиться меньше будешь.

Выстрел. Строгин встает.

С т р о г и н. Я пойду.

М и г у л а. Поменьше о своих слабостях и поменьше суеты. Все, милый, организовано — поймают. Кто ходит? Твои черные.

Выстрел.

Ишь, расстрелялись. Окно бы закрыть.

Строгин закрывает окно.

Сколько времени-то?

С т р о г и н. Одиннадцатый в начале.

М и г у л а. А мне вставать в четыре... Болванки наладили, газ наладили, теперь рабочей силы не хватает. Приходится ночную

учить. А в девять заседание, а в двенадцать конференция. Э, да у тебя дамка?

Строгин. Бывает.

Входит Даудов, запыхавшийся, испуганный, утирает пот со лба. Тяжело останавливается у стола и растерянно смотрит на шашки.

Мигула. Тебе бегать вредно, Игнат. Ишь как трепещешь.

Даудов *(опираясь руками на стол).* Я за войну!

Мигула. Вообще войну?

Даудов. За классовую войну!

Мигула. Строгин плохо тебя заменял. Садись, Игнат!

Даудов садится к шашкам. Строгин отходит к окну.

Так, так, двигай ее, отличный ход! Кто стрелял? *(Двигает шашки.)*

Даудов. Я стрелял. Я в Лаптева.

Мигула. Так, так. Вечно ты лезешь не в свое дело. Милиционеров у нас мало, что ли? Ну какой ты стрелок? На руки свои посмотри!

Даутов. Дрожат. Это с непривычки. Оттого я прострелил ему ногу.

Мигула. Так, так. Ходи!

Играют.

Даудов. Это, конечно, второй был выстрел; первый-то сделала в себя Варвара Матвеевна. Опоздала Тоня. Я и схватил револьвер... возле валяется. А Лаптев бежит влево.

Мигула берет шашку, вертит ее в руке. Молчание.

Мигула. Умерла?

Даудов. Ну, понимаешь, кровь идет... Больно, конечно. Я ей успел про тебя-то сказать. Насчет печки. Она, понимаешь, плачет, а сама такая радостная, особая такая. Очень она хорошая, Никифор!

Мигула. Умирает? Да ты не ври, Игнат!

Даудов. «Вот, говорит, и этого дела до конца не довела». Ребро она прострелила. Я послал Тоню за доктором. Ты бы к ней шел, Никифор!

Мигула *(передает шашку Строгину).* Играй! *(Останавливается возле Даудова, кладет ему руку на плечо.)* Напрасно бросил я, Денисович, в печку письма. В течение десяти лет надо бы понять, что не из ревности я их хранил. Жена? Она, бесспорно, жена, но и в другом смысле должно мое существовать рассуждение...

Д а у д о в *(встает)*. А насчет меня?

М и г у л а. Тебя?

Д а у д о в. Меня надо так перепахать, чтобы во мне ни одного кусочка дикого поля не оказалось. Мало того, я предлагаю арестовать меня. Куда уж мне жениться!

М и г у л а. Женись! Ты уже перепахан. Отличнейший ты мужик, Игнат. *(Уходит.)*

Д а у д о в. Думал я, есть у меня свое собственное поле, которое только я могу обработать, а все прочие дела за меня другие могут выполнить, а едва не вывело меня это поле, милый мой, в какие-нибудь злодеи.

С т р о г и н. Всякое случается. Надо бы мне домой, обдумать, Денисыч.

Д а у д о в. Ходи!

С т р о г и н *(двигая шашку)*. Умерла она, Денисыч?

Д а у д о в. Говорят тебе, ребро прострелила... Ну, похворает там узаконенное время. *(Осматривается.)* И до чего мне противно пребывать здесь, Фомушка!

С т р о г и н. Я ж тебе давно предлагаю, пойдем ко мне!

Д а у д о в. Предлагаю, предлагаю! Надо крепче предлагать! Надо предлагать категорически! Надо, чтобы человек понимал свою ответственность перед строительством, перед рабочим классом, а ты предлагаешь — как будто в шашки играешь. *(Двигает шашку.)* А вот мы и в дамки!

С т р о г и н. У нас дом новый, светлый, ребята у меня веселые, баба хоть с руганью, а тоже ничего, веселая. Рыбу удить вместе будем. Ребятам зимой закатим снежную гору метров в тридцать! Надо, Игнат, поменьше о своих слабостях и поменьше суеты. *(Смотрит на доску.)* Э, да вы — в дамки? А мы дамку-то вашу, извините, фук!

З а н а в е с

ДВЕНАДЦАТЬ МОЛОДЦЕВ ИЗ ТАБАКЕРКИ

Пьеса в четырех действиях,
восьми картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павел Первый — император всероссийский и гроссмейстер державного ордена св. Иоанна Иерусалимского.

Леонтий Леонтьевич Беннигсен — генерал-лейтенант.

Платон Александрович Зубов — светлейший князь, генерал-от-инфантерии, шеф первого кадетского корпуса.

Фока Егорович Залувецкий — хорунжий лейб-казачьего полка.

Сергей Никифорович Марин — поэт, поручик Преображенского полка.

Василий Петрович Орлов — атаман войска Донского.

Марфа Никифоровна — его жена.

Таисья Никитишна Демидова — дочь заводчика уральского Демидова, вдова генерала Лаврова.

Ольга Александровна Жеребцова — сестра князя Зубова.

Князь Яшвиль — начальник конногвардейской артиллерии.

Генерал Талызин — командир Преображенского полка.

Нарышкин — обер-гофмаршал.

Аргамаков — флигель-адъютант Павла Первого.

Рыцари Большого креста ордена св. Иоанна Иерусалимского:

Великий рыцарь Пфордский.

Граф Кобенпль — чрезвычайный германский посол при русском дворе.

Барон Штединг — шведский посол.

Барон Блюм — посол Дании.

Герцог де Серра Каприола — посол короля Неаполитанского.

Сэр Видворт — английский посол.

Граф Карамон — посол «Короля эмигрантов» Людовика XVIII.

Полковник Дюрок — адъютант первого консула французской республики генерала Бонапарта.

Никита Ефимкин — поп, а позже истопник в Зимнем и в замке св. Михаила.

Рыцари, придворные, гвардейские офицеры и солдаты, донские казаки и казаки лейб-полка, купцы, монахи и дворовые.

1801 год в Санкт-Петербурге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Церковь «во имя пресвятые богородицы» в Александро-Невской лавре. Монахи готовятся встречать царя. Перед иконостасом, возле пустой ниши для иконы, тихо разговаривают хорунжий Залувецкий и Марин в подряснике. За окнами шум.

Залувецкий *(выглядывая)*. Нет, не царь. Казаки мои ругаются с гвардейцами. *(Продолжая разговор.)* Видал я, как она въезжала в Питер. Верхом. У, скачет! А конь? Чтобы укротить такого, какую надо кровь иметь и мясо...

Марин. Да, Залувецкий, удаль в поэзии прекрасна, а в людях и совсем. Смотрите, Беннигсен, никак?

Вдоль стены осторожно идут Беннигсен и Жеребцова. За ними слуга несет небольшой чемодан.

Залувецкий. Возвращен вчерась из ссылки. А с ним Жеребцова, сестрица Зубовых...

Марин. Сия прелестная любовница английского посла давно увековечена моим стихом. *(Кланяясь.)* Сударыня!

Жеребцова *(вздрогнув)*. Ах, сударь!..

Беннигсен *(сухо)*. Подпоручик Марин?

Марин *(насмешливо кланяясь)*. А ныне корректор при лаврской типографии, ваше превосходительство. *(Жеребцовой.)* Какой же похвалы, Ольга Александровна, ваши щеки достойны...

Беннигсен *(указывая на чемодан)*. Подпоручик, спрячь-ка чемодан. Неси в мою карету, карета у ворот, в воротах царь. А здесь вина французские.

Марин. Вина? Ссылали меня за дерзкие стихи *(подхватывает чемодан)*, теперь сошлют за пьянство. *(Хочет заглянуть в чемодан.)*

Жеребцова. Присовокупите еще любезность, сударь, не раскрывайте чемодана... Государь идет...

Марин. Одну бутылочку, сударыня. Всю ночь составлял акафист новому святому. *(Указывает на нишу.)* Залувецкий, смотри-ка! *(Бросает чемодан и устремляется к вошедшей Демидовой.)* Сударыня! Таисья Никитишна. Ваш конь прекрасней моего Пегаса.

Демидова *(глядя на чемодан)*. Генерал просил, никак, вас спрятать сей чемодан?

Марин. Прикажете, сударыня?

Демидова. Где ж прятать в церкви. Моя карета ближе...

Беннигсен. Невозможно!

Демидова *(насмешливо)*. А? Невозможно? *(Марину.)* Сколько долгов, ради которых вы, сударь, спрятались в монастырь?

Марин. Много.

Демидова. Тысяча рублей?

Марин. Больше.

Демидова. Пять тысяч?

Марин. Больше.

Демидова. Десять?

Марин. Один ваш поцелуй, сударыня, мои долги покроет.

Жеребцова. Как — поцелуй? А царь войдет?

Демидова *(целуя Марина)*. Царь не любит долгов, а это наличные. *(Указывая на чемодан.)* А ну-ка, спрячь.

Марин. Извольте, сударыня. *(Бросает чемодан в нишу для иконы и закидывает его стружками.)*

Демидова *(подавая табакерку)*. Не побрезгуй, на память, сударь. В Екатеринбурге моими мастерами сооружена, а изумруды тоже из нашей копи.

Марин *(целуя ей руку)*. Здесь в табакерке будет лежать мое сердце, сударыня, пока вы не пожелаете положить его ближе к себе...

Демидова. Верю — сердце поэта крупней, чем сей сосуд тщеславный. *(К Беннигсену, тихо.)* Аль вновь хотите в ссылку, генерал?

Беннигсен *(обиженно)*. Сударыня!

Демидова. Ну то-то, сударь. *(Марину.)* После обхода царского отнесешь сей чемодан с вином... губернатору... *(Беннигсену, с усмешкой.)* Палену, никак?

Беннигсен. Дивлюсь прозорливости вашей, сударыня.

Демидова. При наших капиталах трудно быть не прозорливым, Леонтий Леонтьич. Недаром же трепещет посланник Видворт.

Беннигсен. Где даром трепетать!

Демидова. И Англия трепещет недаром, зря выдумку мальтийскую царя. Эх, Мальта, Мальта, сей ключ портовый и к туркам и к Африке...

Беннигсен. И к Индии, сударыня, и к Индии. *(Целуя руку.)* Ах, ручку умную и хитрую-прехитрую мне чем благодарить...

Жеребцова. Царь идет.

Павел Первый *(за дверьми)*. Сюда, сюда.

Входит Павел Первый. *За ним* монахи *несут икону, изображающую мальтийского рыцаря.*
Хор монахинь поет «Коль славен».

Павел Первый *(таща за шиворот попа Никиту Ефремкина).* Позор лавре вашей, святые отцы. А через сие и позор России. *(Указывая на пьяного попа.)* Что мы видим и как сие понять можно?

Никита *(заплетающимся языком).* А как не понять-то, батюшка? Орешь-то ты ведь покрепче нашего костромского архиерея.

Павел. Пьян?

Никита. И пьян, точно. Зело пьян...

Павел *(Нарышкину).* Господин обер-гофмаршал, пишите: «Праздное духовенство обратить на военную службу, где потребить их по примеру древних левитов, которые на защиту отечества вооружались...»

Нарышкин *(пишет).* Вооружались...

Павел *(к придворным, тяжело дыша и опираясь на трость).* Всю Россию вооружаем по примеру древних левитов. Сего ради ввели мы во главе империи монашеский и рыцарский орден святого Иоанна Иерусалимского *(указывая на икону мальтийского рыцаря.)* Сии рыцари да искоренят блуд, пьянство и... *(оглядывается)* санкюлотов, кои стремятся уничтожить христианство и аристократию! Чего ради да возжем костры превыше инквизиции и времена да введем превыше времен Игнатия Лайолы. Горе вам, сословия российские, коли не вострепещете перед богом и мной. *(Никите.)* Имя. Какой епархии? Ну!

Никита. Грешный попишко Никита Ефимкин.

Павел. До богословия и философии ходил?

Никита. Грешен, ваше величество. Ходил только к мощам Феодосия, игумена печерского...

Павел. Како вера нам символически зрительно представляется?

Никита. Вера? *(Подумав.)* Вера, говоришь? Всяко.

Павел. А для тебя?

Никита. У каждого своя и вера и мера, батюшка. Оный верит в штоф, оный в два...

Павел *(придворным).* Вот, подобно сему, и все иные сословия невежественны. *(Монахам.)* Вера представляется в образе жены, у которой в знак таинства веры на голове обретаем покрывало. В одной руке она держит крест, в другой библию...

Никита. Чего ж ей иное-то держать? *(Протирая глаза.)* Генералов-то сколько. Допился... *(Павлу.)* У нас вон в Костроме протопоп Герасим держал все возле себя настойку, рябинову... ну и горячку получил. А настойка прямо — адское пламя. Вкусил он того пламени, прибежал в архиерейску конюшню и зубами за хвост — хвать!..

Павел. Кем рукоположен, поп?

Никита. Отец-то мой кучером у архиерея служил, ну и... *(тихо)* девок что ли привозил... а только костромской велел дать ему

приход. Отец-то мой возьми от радости и умри накануне рукоположенья. А я у архиерея истопник. Архиерей справедливый, тепло любит, велел мне передать наследство, рукоположить меня...

Павел *(Нарышкину)*. Костромского архиерея послать к остякам евангелье проповедовать. *(Никите, указывая на печь.)* Истопник? А здесь како топлено?

Никита *(нюхает печь. Деловито)*. Топлено вчера, осиной... Правду сказать, березовые-то мы вместе с истопниками здешними пропили...

Павел *(заинтересовавшись)*. Все ли печи топлены?

Никита. По течению воздуха определяю: вон та и та... Печка мне люба, я и в столицу-то приехал на печи полюбоваться... А в приходе у меня не церковь, а прямо — баня.

Павел *(нравоучительно окружающим)*. В льдистых странах, кои светило мира с сожалением озаряет своими плодотворными лучами, печь суть лучшее, что нас приближает к солнцу... *(строго)* кроме молитвы. *(Нарышкину, указывая на Никиту.)* Направить его истопником в Зимний. *(Окружающим.)* Из сего поступка надо вам думать, что люди занимаются не тем, чем следовало б...

Марин. Так точно, ваше величество!

Павел. Кто там?

Марин. По представлению шефа, ваше величество, исключенный из гвардии и бывший в ссылке за нерадение к должности, за шутки, за разные сатирические сочинения и ныне раскаявшийся, подпоручик Сергей Марин.

Павел. Помню. После битвы при Нови на гатчинском плац-параде изволили отлично шагать правым флангом. *(Командует.)* На караул!

Марин выхватывает трость у близстоящего офицера.

Делать в три темпа. Направо, кругом! Налево, во фрунт! *(Любуясь Мариным.)* Так, так... А как нести исправно эспантон с поля? А как прегордо опереться на эспантон? *(Нарышкину.)* Изрядно шагает, а?

Нарышкин. Отменный офицер, ваше величество!

Павел. Рясу долой!

Марин разрывает подрясник сверху донизу, скидывает его и остается в нижнем белье. Придворные и монахи стоят с неподвижными лицами, смеется только Демидова.

(Остро взглядывает на нее.) Полковому командиру объявляю выговор, что не ходатайствовал за офицера, знающего службу. Паки принимаем вас, Марин, определя в Преображенский полк поручиком. Вперед!

Марин (марширует вон, отсчитывая вслух шаг). Раз, два! Раз, два!..

Павел (любуясь). Выдать на обмундирование триста рублев! (Придворным.) Кто смеялся?

Демидова (улыбаясь и приседая). Я, ваше величество.

Павел. Чему?

Демидова. Вспомнила покойного мужа, ваше величество. Даже и в полотно одетые поручик и генерал имеют разницу.

Павел. Это вы, сударыня, нонче осадили коня перед моей каретой?

Демидова (улыбаясь). Я, ваше величество.

Павел. В амазонке, с лицом непочтительным и веселым и перед самой обедней, верхом скачете?

Демидова. Веселилась русским коням, ваше величество, которых не испугал даже грозный лик императора. Веселилась также из любви к вам...

Павел. Любить меня повелел вам бог и отечество... тут веселиться чему? Страшиться здесь надо!

Демидова. Иная любовь...

Павел. Иная? (Осматривает ее.) Я — монах, сударыня, великий магистр монашеского ордена, а вы — во храме. Волею отца подданных наших повелеваю вам в месячный срок отыскать себе мужа. (Монаху.) А ну-ка, примерь икону.

Монах ставит икону в нишу.

(Отходит, смотрит.) Плохо! Смирен де ла Валетт. Суровости мало. Переписать! Изобразить грозным. *(Уходит, сердито пыхтя.)*

Придворные испуганно спешат за ним. Монахи гасят свечи. Возле ниши остались Демидова и поп Никита.

Никита (недоуменно). Зимний... Это как же такое?

Демидова (ласково). Это царский дворец, дедушка.

Никита. Дворец? Растопки-то сколь же надобно!

Демидова. Да, не скоро растопишь эти хладные сердца, дедушка! Но и растопка всякая бывает... и весьма забавная. *(Смеется.)* Дед, а дед! *(Указывая на нишу, шепчет ему что-то на ухо.)*

Никита вытаскивает чемодан.

Никита (заглядывая в чемодан). Бумага? Эта?..

Демидова. Бумага иноземная, горит лучше бересты. Тащи, дед, тащи скорей!

Никита (щупая бумагу). У меня тут сума есть, с бутылочкой... так

я перекладу туда... *(Вытаскивает суму и перекладывает в нее связки газет.)*

Демидова *(смеется)*. Тащи, дед, тащи!

Никита уходит.

Унес? Ну, рты раскроют. *(Идет навстречу Беннигсену и берет его под руку.)* Что же царя не сопровождаете, Леонтий Леонтьич? Устали?

Беннигсен *(осторожно)*. Сударыня...

Демидова. Сударь!

Беннигсен. Гвардия устала.

Демидова. Так скоро, сударь? А вы?

Беннигсен. Мне пятьдесят пять лет, сударыня

Демидова. И вы уж думаете о памятнике?

Беннигсен. Да. Но не на кладбище, а на площади, где-нибудь неподалеку от Зимнего.

Демидова. Ага!

Беннигсен. Сударыня! Сия страна суть страна зим. Страна такого хлада, которым на весь мир дышать должна, чтоб люди лишнего не думали и не говорили...

Демидова. Вам должно быть канцлером тогда при Павле.

Беннигсен. В десять лет я был уже пажом при Елизавете, в четырнадцать — гвардейским прапорщиком...

Демидова *(улыбаясь)*. В пятьдесят пять — возвращенным из ссылки генералом...

Беннигсен. Кем был в юности Бирон? Берейтором. А граф Разумовский? Пастухом... Кутайсов? Граф в андреевской ленте, доходы полмиллиона... в юности гонял стада...

Демидова. ...в степях Бендерских. А ныне — в залах петербургских!

Беннигсен. Кто провозгласил Екатерину Первую императрицей? Кто арестовал регентшу Анну Леопольдовну? Кто возвел на престол царевну Елизавету? Кто сверг Петра Третьего? *(Тихо.)* Полк гренадер, погреб с водкой и мешок с золотом.

Демидова. Ага! А сколько ж требуется денежных мешков?

Беннигсен. Четыреста...

Демидова. Четыреста тысяч рублев за императорский российский престол? За тридцать пять миллионов рабов? Не дешево ли, Беннигсен?

Беннигсен. Дешево, если рабы не превратятся в санкюлотов. Хлад российский должен быть веселым, женским, а не монашески сварливым, как холод Павла.

Демидова. Ага! Женским... бабьим, значит? Значит, царицу нужно гвардии?

Беннигсен. Царицу. *(Подает ей листок бумаги.)*

Демидова *(читает про себя)*. «Беннигсен, князь Платон Зубов, войска Донского атаман Орлов-Денисов...» Что это, сударь? Список обедающих?

Беннигсен. Да, за столом российской славы, сударыня. Не обижайтесь, что я первый в списке. Какой я молодец! Я некрасив, я сух, я угловат... и голос мерзкий. Я в списке, чтоб немедля достигнуть славы, чтоб стать генералиссимусом, светлейшим князем. И разве недостоин? Я все предвижу, все сделаю...

Демидова. Царь своенравен. Вот взял попа... в истопники...

Беннигсен. Так поп его угаром удушит.

Демидова *(оглядывая Беннигсена)*. Экий злобный! *(Задумчиво.)* А взяли бы, Леонтий Леонтьич, немку в царицы, они послушней...

Беннигсен. Нам нужно русскую: красивую, веселую и молодую. И чтоб хозяйство знала — минералы, горы, степи, коней, меха, любила б деньги, славу...

Демидова. У, как много. Такая баба, Леонтий Леонтьич, допреж чем царство покупать, должна подумать да подумать.

Беннигсен подает ей руку. Они идут.

Какая нонче зима-то веселая, Леонтий Леонтьич, метельная!

Беннигсен. Веселая, сударыня, веселая. Вот только солдаты ворчат: метели плохо переносить в прусских мундирах...

Демидова. Хлад! Ветер все дует с севера...

Беннигсен. Все с севера, сударыня, все с севера...

Уходят.

Марин *(вбегает. Он уже в преображенском мундире. За ним гвардеец)*. Сюда, сюда!.. *(Бежит к нише, указывает на чемодан.)* Доставить чемодан сей, но весьма притайно в дом генерала Беннигсена. Скорей!

Гвардеец вытаскивает пустой чемодан.

(Изумлен.) Уже пустой?

Гвардеец. Пустой, ваше благородье.

Марин *(обшаривает нишу)*. Как же так? Тяжел был и заперт крепко. Как же так?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Площадь перед Зимним дворцом. Шеренга гвардейцев сдерживает народ. За шеренгой костер, возле которого беседуют офицеры. Среди них поручик Марин. Вдалеке видно крыльцо Зимнего, возле которого бесконечная шеренга гвардейцев смы-

кается. К крыльцу медленно подъезжают высокие крытые извозки — зимние кареты, из которых выскакивают мальтийские рыцари в длинных черных плащах с громадными белыми крестами.

Марин *(идет от костра)*. Преображенцы, пропустить донцов.

Шеренга гвардейцев расступается. Казаки входят внутрь шеренги. Марин возвращается к костру. Казаки встревоженно беседуют. Народ и гвардейцы прислушиваются.

Молодой казак *(тихо, осторожно)*. А коли заместо Дону царь скажет: поворачивай, казак, опять на француза.

Казак постарше. Не-е... царь мир будет давать. Да и какая война, кони отощали, заместо копыт мясо. И казак отощал, озлобился. Да и весна...

Оборванец *(выглядывая из толпы)*. А не все равно казенну-то кашу тебе что весной, что зимой жрать?

Толпа хохочет.

Молодой казак *(обиженно)*. Наша каша казачья, завоеванная, не гвардейская...

Пожилой гвардеец. Гвардейская? А что нам куклами-то, стало быть, легко стоять — на морозе, да под ветром, да под палками?

Второй гвардеец *(передразнивая казака)*. Они только и умеют: Дон, Дон, Дон — на поповский голос. Раскольники.

С сумой за плечами появляется поп Никита.

Молодой гвардеец. Во-о, на казачий голос вышел и поповский волос!

Никита *(пьяно)*. У меня не смейся... Я теперь, брат, царский истопник Никита... Видал? *(Протягивает гвардейцу бумагу.)*

Гвардеец *(передавая бумагу Марину)*. Да ты, никак, дед, пьян?

Никита. А как же? Меня пьяным и наняли. Приди трезвый, царь обидится.

Марин *(рассматривая бумагу)*. В мешке у него что-о?

Никита. В суме-то? Растопка, милай. Оттого, что люблю я огонь. Великая у него в Руси сила... Еще в детстве потревожился, когда видал, как сгорело в одночасье шестнадцать деревень да десять церквов. Развязать мешок-то, барин?

Марин. Не надобно. *(Тоскливо, второму офицеру.)* Кажется, мне пора, сударь, смениться?

Второй офицер *(спокойно)*. Через полчаса, сударь.

Марин *(вглядываясь)*. Никак, Демидовой карета? Мне, сударь, весьма необходимо видеть Демидову.

Второй офицер *(холодно)*. Через полчаса, сударь мой.

Гвардеец *(возвращая бумагу Никите)*. Проходи. Стой! Ты куда к лыцарскому входу? Иди в лакейский.

Никита уходит.

(Молодому казаку, наставительно.) Дон, Дон. Вам в степях-то легко жить, а вот нам, мужикам-то... покорчевал бы ты пни, да попахал бы... да хуже сохи, погнулся бы перед барином, вот бы и узнал, какие они наши расейски леса...

Молодой казак. Леса тяжелы? А ты понимаешь, какая она степь-то? *(Показывает руками.)* Вот она какая горькая...

Гвардеец *(обиженно)*. Горькая? А ты вот пощупай у меня, хоть через мундир, от лесных батогов-то следы. Четырнадцать лет я на службе, а все не зажили...

Второй гвардеец. Офицеры прибавили, вот и не зажили. Нет, в деревне хорошо-о! Ты, казак, про Плескова слышал?

Молодой казак. Каково такова Плескова?

Второй гвардеец. Песельника Плескова нашего Преображенского полку.

Третий гвардеец *(из шеренги, тихо, не поворачивая головы)*. А чего с Васькой Плесковым-то опять?

Второй гвардеец. По деревне мучается... Горло у него золотое, хоть и больной. Старается горлом-то, поет перед барами. Пел, пел, хотел десять рублей напеть...

Молодой казак. Напел?

Гвардеец. Напел. Послал в деревню, коровенку купили да телушку, да сарай справили. У отца-то семья-то сам-двенадцать. А сарай-то и сгори, а телушка-то с коровенкой-то и подохни. Беда! А он опять зачал петь, упорный...

Третий гвардеец *(из шеренги, не поворачивая головы, вытянувшись по ранжиру)*. Ребята спрашивают: чего там с Плесковым-то?

Второй гвардеец. Ветер подул худой: сараишко сгорел, коровенка-то подохла...

Третий гвардеец *(все так же, четвертому)*. Сдохла коровенка у Плесковых...

Четвертый *(вытянувшись, пятому, не поворачивая головы)*. Сдохла коровенка. Теперь, надо полагать, убежит из полка-то, а?..

Пятый *(все так же, шестому)*. Сдохла коровенка-то... убежит...

Шестой *(седьмому)*. Сдохла вместе с телком, и сараишка сгорел...

Седьмой *(восьмому)*. Убежит Плесков...

Весть идет по шеренге.

Оборванец *(высовываясь из толпы)*. Леса? Степи? *(Казакам.)* А мы вот Михайловский замок строим. Пятнадцать тышь нас,

мужиков-то... Болото да холод, мрем по сотне в день. А ты мне — степи! Как там, казак, в чужих землях-то? Сказывают, во Франсии, что ли, Пугачев тоже ходил. Докуда он дошел-то?

Молодой казак. Аж до самой столицы Парижа дошел.

Оборванец. Дошел-таки? И бар резал? Много?..

Марин *(от костра)*. Тише, простолюдины. Преображенцы, пропустите купцов питерских.

Делегация купцов с хлебом-солью чинно проходит за шеренгу и останавливается возле казаков.

Оборванец *(тихо)*. И кареты ломали?

Молодой казак. Кареты что, дворцы ломали...

Оборванец *(указывая на подъезжающую к крыльцу карету)*. А вон она кака! И такую ломали? Чья это?.. Может, поломать придется...

Гвардеец. Князя Зубова, кажись...

Молодой казак. Это который с царицей спал?

Оборванец. Он, он! От него и помре. Старость. Не тот хомут обут.

Гвардеец. Кому како счастье? У нас дьячок есть в деревне, он к этому делу дюже здоров, а от мужиков только одни побои...

Оборванец. А ты б ему сказал, чтоб он в Питер ехал.

Хохот.

Купец *(оборванцу)*. Постой, постой, ты тут чего мелешь, мужик?

Оборванец. Мужики, да не твоей муки.

Купец. А ты кто такой?

Оборванец. Я-то...

Купец. Да, ты-то?

Оборванец. А я, купец, с Волги.

Купец. Разбойник, что ли?

Оборванец. А ты, купец, на Волгу приди, белой ручкой махни, там у обрыва будет тебе с меня пожива.

Купец. Разбойник и есть.

Второй купец. Держи!

Оборванец. Дяржи яво, завозжи брявно, а брявно-то попало в половодье, вот како у него отродье. Ух ты. *(Скрывается в толпе.)*

Купец. Вот и выпустили, черти!

Молодой казак. Волжанина поймать трудно...

Второй оборванец *(высовываясь из толпы)*. Волжан-то Пугач да Разин учили, где тебе, купцу, догнать: брюхо пышно, рот как дышло...

Купец. А ты еще кто?

Второй оборванец. Я-то?
Купец. Ты-то?
Второй оборванец. Я тоже с Волги!

Хохот. Оборванец скрылся.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Крыльцо Зимнего дворца.
Шеренга гвардейцев смыкается. Мимо гвардейцев во дворец непрерывным потоком стремятся мальтийские рыцари. На ступеньках дворца стоит в собольей шубке Демидова.
Возле нее почтительный Беннигсен.

Беннигсен. Так как же, сударыня?
Демидова. А вот сейчас посмотрю на лик Платона Зубова. Его лицо — всей гвардии лицо.

Приближается карета Зубова. Князь Платон Зубов выходит важно, медленно, но, увидав Демидову, поспешно бежит к ней.

Гвардейцы *(тихо, не поворачивая головы, вытянувшись, передают по шеренге)*. Пала и коровенка... и телушка... Добежит ли до степей-то Плесков, ноги-то слабы, догоняют его...
— По всей губернии, сказывают, скот-то попадал?
— По всей. Лето дождливо, косить некому, мужиков на войну много ушло, сгноили сено-то...
— По грошу, что ли, собрать бы с полка Плескову-то?
— Они тебе, офицеры-то, соберут. Они нонче таки злы, что злей и не бывало...

Разговор затихает.

Зубов *(Демидовой)*. Зрел много табакерок, сударыня, но пред такой — слезами залился...
Демидова. Так угодила?
Зубов. Сударыня, и как благодарить, не знаю...
Демидова *(кивая ему головой)*. Еще поблагодарите.

Зубов отходит.

(Беннигсену.) И вы успеете поблагодарить, Леонтий Леонтьич. Вам тоже нонче послана...
Беннигсен *(низко кланяясь и целуя руку)*. Мне... Безмерно счастливый я...
Демидова. А также послано два бочонка золотых... *(смеясь)* ...груздей. Превкусные! Питайтесь, сударь!
Беннигсен. Так, стало быть, сударыня, вы согласились.

Демидова *(сухо)*. Стало быть, Беннигсен, я покупаю империю российскую. Отныне я вам не сударыня, а государыня. Извольте собирать полки. *(Машет рукой.)* Залувецкий, подь сюда.

Подбегает Залувецкий.

Любовь ваша, Фока Егорыч, приводит меня в восхищенье чрезмерное...

Залувецкий. Мы нежности сердечные сопровождаем нашей головой.

Демидова. Чьей головой?

Залувецкий. Моей. Да и те чубы, которые имеют лейб-казаки, склонятся...

Демидова. Вы кратки и щедры. Благодарю вас, сударь. *(Подаст ему табакерку.)* Остальное доскажет Беннигсен.

Залувецкий. Я буду слушать всей душой, Таисья Никитишна.

Беннигсен *(встревоженно и в то же время заискивающе)*. Сударыня, осмелюсь доложить, что нам надо существовать весьма преосторожно...

Марин *(вбегает, размахивая бумагой)*. Получил от шефа Преображенского полка патент. Мне! На невесту!

Беннигсен. Эка, куда его несет.

Марин. А также доложено его величеству, что женитьба моя произойдет, хоть в офицерском чине, но в ангельском почти по кротости венце: понеже приданое я жертвую больнице ордена святого Иоанна Иерусалимского. *(Кладет патент к ногам Демидовой.)* Берите иль топчите!

Беннигсен. А где мой чемодан?

Демидова *(небрежно указывая на дворец)*. Чемодан ваш здесь.

Беннигсен *(испуганно)*. У царя?

Демидова. В трактире «Лебедь» половой сказал моему дворовому, что некий юноша, откушавши ушицы, понес сей чемодан, часок тому назад, в Зимний...

Беннигсен. Перехватить! *(Марину.)* Беги немедля во дворец. Поэт, лицо незначительное, всюду проникает для чтения хвалебной оды...

Марин *(ошеломленно)*. Мне — во дворец? Мне — оды петь?

Демидова *(Беннигсену, насмешливо)*. Кому-то надо существовать весьма преосторожно? Ах, Беннигсен, сколь вы горячи! *(Залувецкому.)* Скажи, Фока Егорыч, пожалуйста, Нырышкину, что я прошу поручика Марина впустить. Да, кстати *(подает табакерку)*, передай Нарышкину.

Залувецкий. Скажу, сударыня. *(Уходит.)*

Марин *(смущенно осматривая себя)*. Но я в караульной форме, сударыня.

Демидова *(Беннигсену)*. А на парадну форму выдай ему, Леон-

тий Леонтьич, тысячу рублей. Не обижайтесь, Марин, это деньги казенны, не купечески.

Офицер *(из сеней)*. Поручик Марин!

Марин. Здеся!

Офицер. По приказу обер-гофмаршала, пожалуйте.

Марин. Бегу. *(Скрывается во дворце.)*

Демидова *(указывая на патент)*. Вот вам и любовь, вот вам и невеста. Забыл, узря дворец. *(Подошедшему Залувецкому.)* Подбери на память, Фока Егорыч. Пойду я. Пора полюбоваться, зачем царь созвал столь внезапно рыцарей, посланников, а пуще любопытно — казаков и купечество. *(Уходит во дворец.)*

Беннигсен *(задумчиво)*. А баба-то, кажись, сильна. Не чересчур ли?

Залувецкий *(любуясь на табакерку)*. Пленительная в ней, сударь, сила.

Беннигсен *(берет из его рук табакерку, рассматривает ее и еще более задумчиво)*. То-то, что пленительная. А всякий плен, сударь, суть битва проигранная.

Залувецкий. Мне этот плен дороже выигранной битвы...

Беннигсен. Плохие, значит, битвы вы выигрывали, сударь...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Парадный зал в Зимнем дворце. Никита в длинной, не по нем, ливрее, пьяный, вваливается в боковую дверь. Он еле волочит за собой суму и деревянную лестницу.

Никита *(пренебрежительно щупая печь)*. Тоже натопили, работнички! Семнадцать печей осмотрел, а из них тепленьких елееле пять. *(Поднимает голову кверху.)* И вьюшку небось забыли закрыть. *(Приставляет лестницу и лезет.)*

Звуки литавр и труб. Появляется процессия рыцарей. Гроссмейстер император Павел в красном орденском одеянии, большом супервесте, на груди его серебряный крест. Услышав музыку, Никита ошеломленно падает вместе с лестницей.

Павел *(задерживаясь возле Никиты, улыбаясь)*. Старик, что есть любовь?

Никита *(с полу)*. Огонь, батюшка, да и огонь-то исправный!

Павел *(окружающим, наставительно)*. Любовь к богу — суть огонь нескончаемый.

Никита поднялся.

(Щелкает его в лоб.) Отличный истопник! И мудрый шут! И препорцией владеет... печной! *(Нарышкину.)* Выдать ему империал! Также отправиться ему немедля в Михайловский замок, дабы устроить там прнличное отопление. *(Усаживается на трон.)*

Никита скрывается.

Церемониймейстер *(провозглашает)*. Провинции ордена святого Иоанна Иерусалимского, собравшиеся со всех стран земли, стоят перед престолом, ваше величество.

Павел *(Видворту)*. А где же Мальта?

Видворт *(оторопело)*. Мальта...

Павел *(стукнув кулаком по трону)*. Да, сударь, Мальта! Остров на Средиземном море, резиденция нашего ордена... Вы, посол английской провинции нашего ордена, вы также и английский посол... Почему англичане Мальту не возвращают нам?

Видворт *(смущенно)*. Ваше величество..

П а в е л. Пусть говорит неаполитанец!

Ц е р е м о н и й м е й с т е р *(провозглашает)*. Будет речь вести державного ордена святого Иоанна Иерусалимского рыцарь большого креста герцог де Серра Каприола, полномочный посол короля неаполитанского.

Г е р ц о г К а п р и о л а. Король просил нас сообщить об уважении...

П а в е л *(перебивает)*. Английское правительство предложило управлять Мальтой под именем протектора? Ну!..

Г е р ц о г К а п р и о л а. Такое предположение... существует, ваше величество.

П а в е л *(со злостью указывая на герцога Каприолу)*. Почему они предложили ему, а не мне? Почему, судари, неаполитанский король — протектор? Потому, что неаполитанский король ничего, кроме рваных штанов, не имеет...

Герцог Каприола возмущенно поднимает вверх руки.

Молчите, сударь! У меня в оренбургских степях сотни таких королей, именуемых ханами, а я даже их имен не знаю. *(Размахивая нагрудным крестом.)* Мы заставим, судари мои, европейские дворы с уважением относиться вот к этому кресту... *(Видворту.)* Чего боится Англия?

В и д в о р т. Англия ничего не боится, ваше величество! Состояние Европы благодаря победам генерала Бонапартия весьма смутное, ваше величество, и смуту эту триста английских кораблей, которые задержаны по вашему приказу в русских гаванях, не разгонят. *(Кланяется.)*

П а в е л *(сердито пыхтит)*. Так-то рассуждает мальтийский рыцарь Видворт. *(Кричит.)* Добро!

Испуганная тишина.

Кто там шелестит бумагой?

Рыцари расступаются. М а р и н *стоит, прижавшись к печке, в руках у него деньги.*

М а р и н. Поручик Марин, ваше величество...

П а в е л. А... Это о твоей женитьбе докладывал шеф преображенцев? А род твой, кажись, древний, Марин?

М а р и н. Так древен, ваше величество, что опасаюсь, как бы не развалился от древности, ибо итальянец, артист Марини, сопровождавший на Русь знаменитого Фиоравенти...

П а в е л *(тыча пальцем в Марина, рыцарям)*. Сей поручик мыслит более рыцарски, нежели многие английские рыцари, которые род ведут от крестоносцев. *(Марину.)* Читай стихи о Мальте, Марин!

М а р и н. О стихах не было приказу, ваше величество.

Павел *(смеясь)*. Похвально! *(Видворту.)* В российской армии триста с лишком тысяч солдат. Доселе они воевали супротив Бонапартия, спасая англичан... горе будет островитянам, ежели триста тысяч глоток переменят песни... *(Нарышкину.)* Как служит Марин?

Беннигсен *(из толпы придворных)*. Превеликий служака, ваше величество.

Павел *(сухо)*. А ты откуда знаешь?

Беннигсен. Командир преображенцев генерал Талызин мой друг, ваше величество.

Павел *(еще более сухо)*. Благоволите, господин генерал, после сегодняшней нашей беседы пойти в дворцовую церковь и, дабы в дальнейшем знать дисциплину, прочтите полтораста раз «Отче наш» и положите тысячу поклонов перед образом апостола Павла. *(Марину.)* Иди ближе, поручик. *(Берет шпагу с ножнами у Нарышкина и передает ее Марину.)* Прими шпагу сию. Блистанием своим она воспламенена верою. Острым концом своим отточена надеждою. Эфесом своим держится любовью. Да употребишь ее в защищание веры... *(Тихо.)* Вынь шпагу, болван, и обопри о мое плечо. Держись крепко перед иноземцами. *(Обнажает шпагу и ударяет Марина троекратно по плечу.)* Во имя бога, девы Марии, господина Иоанна Крестителя, покровителя нашего, делаю тебя рыцарем. *(Дает Марину легкую пощечину.)* Пробудись и не просыпай дел Христовых...

Нарышкин подносит Марину черную епанчу с белым осьмиугольным крестом. Марин целует крест, склоняется. Унтер-гофмаршал накидывает на него епанчу, и в это время из рукава его мундира вываливаются на пол деньги.

Какие деньги в рукаве?

Марин. Деньги?.. *(Быстро.)* Приданое, ваше величество, как указано в патенте... в больницу ордена святого...

Павел *(смеясь)*. Деньги возьми себе... *(Указывая на Марина, окружающим.)* Сего поручика мы возвели в сан рыцарства не ради баловства, а чтобы возможно более умножить состав нашего ордена благородством умственным, именуемым талантом, имеющим злость к революции и санкюлотам! *(Марину.)* Иди!

Марин уходит.

(Смотрит на Видворта.) Может, английское правительство, поразмыслив над сим примером, надумало немедля отдать Мальту?

Видворт. Государь! Позорно, если я по-иному истолкую веления короля Георга, особу которого представляю при дворе вашего величества...

П а в е л *(насмешливо, рыцарям)*. Так как же, рыцари? Выходит, Мальты нам не иметь? И флоту нашему в порту мальтийском не стоять? И в Африку нам не плыть, чтоб проповедовать там христианство? И Иерусалим нам не завоевать? Ой, горе-то какое!.. Напасть-то какая великая! Сколь прехитро обманули нас англичане! *(Притворно всхлипывает и закрывает глаза руками.)* Воевали-воевали супротив французов, а те теперь нам где простят сию войну! И короля зря эмигрантского держали в Митаве, деньги эмигрантам давали... *(Нарышкину.)* Александр Львович! Ты, никак, сказывал, что там посланец чей-то приехал. Еще какое-нибудь горе англичане подстроили? Как быть-то? Ну, уж зови его, зови...

Нарышкин делает знак.

Ш т а л м е й с т е р. Полковник Дюрок, адъютант первого консула французской республики господина Бонапартия!

П а в е л *(с удовольствием наблюдая смятение рыцарей)*. Так, так, так!.. А ну, пусть войдет полковник Дюрок!

Входит полковник Д ю р о к. *За ним* п о р у ч и к *несет на длинной подушке старинный меч.*

Д ю р о к. Господин первый консул прислал со мной привет великому императору российскому!

П а в е л. Передайте и наш привет, господин полковник, господину первому консулу.

Д ю р о к. Господин первый консул велел мне передать в возможно лестных выражениях, которые мне трудно выбрать, но которые вам, наверное, известны, ваше величество...

П а в е л *(улыбаясь, смотрит на Видворта)*. Еще бы, господин полковник!

Д ю р о к. Видите ли, ваше величество, я приготовил речь, где эти лестные выражения написаны весьма тщательно... *(Шарит тщетно в карманах.)* Я могу передать вам эту речь, ваше величество, но вряд ли вы ее будете читать, хотя там изложены весьма отличным слогом могущество и величие русского императора... но мы с генералом рассуждали так...

П а в е л. С каким это генералом?

Д ю р о к *(улыбаясь)*. О, наверное, о нем слышали. С генералом Бонапартом, ваше величество. Мы рассуждали так, что сперва надо прийти к соглашению, а любезности придут и позже.

П а в е л *(кивая на Видворта)*. Имели мы много любезностей со стороны Англии, не показываю склонности к таковым же со стороны Франции, полковник.

Д ю р о к. То же самое говорит и мой генерал. Рыцари, латы, щиты, любезности и прочая старина суть старина, а ружье есть ружье,

а наполеоновская тактика есть тактика. Вот почему, ваше величество, я буду говорить ясно и коротко. *(Торжественно.)* Господин первый консул в доказательство тех лестных выражений *(нашел бумажку и размахивает ею),* которые мы приводим здесь, велел без выкупа отпустить семнадцать тысяч пленных русских казаков...

Павел *(сухо).* Так, так...

Дюрок. Господин генерал не хочет, чтобы столь храбрые солдаты, как русские, из-за трусости и предательства англичан остались без отечества...

Павел *(одобрительно).* Добро, добро! *(Нарышкину.)* Вернуть пленных французов! Тоже без выкупа и со знаменами.

Дюрок. Добро, добро! *(Достает трубку и, продолжая говорить, набивает ее табаком).* Он умеет говорить этот наш генерал Бонапарт не только пушками. Казаков он повелел одеть в новые мундиры и под командою русских офицеров... и тоже со знаменами, ваше величество... *(Выбивает огонь и закуривает.)* Я их обогнал, ваше величество, возле Митавы.

Павел. Сей счастливый французский полководец достоин всяческого уважения, господин полковник.

Дюрок. Я тоже так думаю, ваше величество. Кроме того, он дарит вашему величеству меч, который когда-то... *(заглядывает в бумажку и раздельно читает)* папой... Львом Десятым... подарен гроссмейстеру... мальтийского ордена... Лисли Адаму... *(Прячет бумажку в карман, схватывает меч и протягивает его Павлу.)* Вот он!

Павел *(смеясь).* А разве вас не просвещали, что меч сей необходимо поднести на коленях?

Дюрок *(всплеснув руками).* Забыл! Трое суток учил эту окаянную церемонию и — забыл! *(Падает на колени.)* Извините, ваше величество!

В зале смех.

Павел *(взяв меч, строго осматривает зал).* Сей смех для некоторых будет предсмертным!

Тишина.

Господин полковник Дюрок! Ваш краткий и нехитрый рассказ достоин одобрения более, нежели часовые речи... *(указывает на Видворта)* опытных дипломатов. *(Делает знак церемониймейстеру.)*

Церемониймейстер. Будет речь держать святого ордена...

Павел *(кричит).* Короче! Граф Карамон!

Граф Карамон *(подбегая к трону).* Государь! Король Франции, Людовик, мой король, изволил...

П а в е л *(отталкивая ногой Карамона).* Графу Карамону, эмигранту, присланному в чине посла в Петербург неким Людовиком Осьмнадцатым, быть выслану... Людовику же передать, что император Павел советует ему немедленно покинуть нашу Митаву. Всем герцогам, и графам, и кардиналам, а также лейбгвардии короля — убираться прочь! Отпуск средств на содержание сих пакостных сплетников — прекратить! *(Садится и, тяжело пыхтя, смотрит насмешливо на Видворта.)* Ну, каково?

Д ю р о к *(хлопая рукой по лбу).* Опять забыл! Еще есть порученье, ваше величество...

П а в е л. Ах, еще?

Д ю р о к. Привык, ваше величество, передавать военные приказания, а они коротки, не в пример этим,— пали, вперед или в обход.

П а в е л *(смеясь).* В обход, всегда в обход, полковник!

Д ю р о к. Господин первый консул велел передать, что меч этот служит ключом к тому, что... *(смотрит в бумажку)* что... опять, кажется, спутал... Короче говоря, он возвращает этому вашему ордену остров Мальту, для захвата которого направлены наши войска. *(Заглядывает в бумажку.)* Теперь все, ваше величество.

П а в е л *(очень довольный, Нарышкину).* Господину первому консулу послать орден Андрея Первозванного, равно как и орденское одеяние... и знак большого креста ордена святого Иоанна Иерусалимского. *(Заносчиво, рыцарям.)* А что думают о поступке нашем рыцари?

Р ы ц а р ь П ф о р д с к и й *(кланяясь).* Рыцарь Пфордский думает, что господин первый консул вправе получить сию награду, ваше величество.

Ц е р е м о н и й м е й с т е р. Будет речь держать рыцарь и чрезвычайный германский посол граф Кобенпль.

Г р а ф К о б е н п л ь. Господин первый консул сей великий полководец...

П а в е л *(нетерпеливо).* Прекрасно, граф Кобенпль, сказали... Дальше!

Ц е р е м о н и й м е й с т е р. Будет речь держать приорства шведского, а также и посланник барон Штединг.

Б а р о н Ш т е д и н г *(заикаясь).* Ва-а... ва... ваше... му-у... вели-и... вели-и... и...

П а в е л *(рассматривая меч).* Прекрасный меч! *(Поднимает.)* И не тяжел.

Б а р о н Ш т е д и н г. Ве-е... вели-и-ии...

П а в е л. Великолепно, барон! Я согласен с вами. *(Видворту.)* Английскому послу, мы полагаем, будет веселее уехать с Людовиком, а?

В и д в о р т *(кланяясь)* Государь, если я неучтивостью своей...

Павел. Прощайте, сэр! Я долго обращал к вам зажмуренные глаза.

Видворт уходит в сопровождении английских рыцарей.

(Указывая вслед Видворту.) И при сем том он еще довольно хладнокровен! Сей бесчестный дурак не знает, что мы изгоним англичан из Индии, как изгнали его из сего зала. *(Дюроку.)* Предорогой друг!..

Дюрок. Господин первый консул согласен с вами, ваше величество, что англичанам слишком далеко ездить в Индию. Нам ближе: русским и французам.

Павел. Так, так. Предорогой друг! Суворов хотя давно лежит в гробу, но русские войска не утеряли привычки есть пищу с чужих полей.

Дюрок *(улыбаясь)*. И французы привыкают к этой привычке, ваше величество. *(Торжественно.)* Вот почему господин первый консул думает, что генерал Массена, победитель при Цюрихе, способен, взяв тридцать тысяч французов из рейнской армии, спуститься с ними по Дунаю, переплыть Черное и Азовское море...

Павел *(хлопая в ладоши)*. Дайте нам карту!

Сверху, между двух колонн, падает и разворачивается колоссальная карта Индии и сопредельных с нею стран.

(Подбегает к карте, но достает мечом лишь до Астрахани: карта повешена чересчур высоко. Горячась.) А лестницу? Забыли? Под суд шталмейстера! Гвардия, рыцари, казаки — пирамиду мне!

Гвардейцы и рыцари, карабкаясь друг на друга, строят «пирамиду».

(Лезет по их спинам наверх. Держась рукой за колонну, чертит мечом по карте.) Мы атакуем англичан там, где они меньше всего ожидают... откуда они получают деньги для войны с нами... *(Чертит.)* Французы идут сюда... *(Чертит.)* Мои войска — здесь. *(Чертит.)* А вот где мы соединяемся! *(Указывает.)* Не так ли думает генерал Бонапартий?

Дюрок. Вы угадали его план, ваше величество.

Павел *(очень довольный)*. Англичане мне туманили голову. Мы научим их уважать мальтийский крест! *(Спрыгивает.)*

Офицеры и рыцари выстраиваются.

(Ходит перед их строем, заложив руки за спину.) Однако напрасно мы будем думать, что Англия, сия проворная умница, хозяйствует в Индии без ропота индусов...

Дюрок. И здесь, ваше величество, угадали мысли генерала Бона-

парта. Еще во времена Конвента независимые индусские князья имели в своих армиях французских инструкторов... и поныне... в армии султанов индусы носят на чалмах знак... *(извиняюще)* фригийский колпак... Индусы выставят нам сто тысяч войска...

Павел. Англичан же в Индии всего сорок тысяч, вместе с женами... Атаман Орлов!

Атаман Орлов *(выходит вперед)*. Здесь, ваше величество... *(указывает на казаков)* вместе с казаками, лучшими рубаками...

Павел. Помни, атаман, что англичанин Кляйв с горстью войск завоевал всю Бенгалию! *(Садится на трон и некоторое время молча рассматривает меч.)* Атаман!

Атаман Орлов. Здеся, с казаками, ваше величество.

Павел. Отныне, атаманушка, Индия должна будет повелевать одна твоим сердцем. Казаки!

Казаки бегут и падают на колени возле трона.

Кони-то небось застоялись, ребятушки?

Старый казак. Много земель прошли, батюшка-царь, пусть бы отдохнут!

Молодой казак. О Доне ржут, батюшка!

Павел *(поднимая меч)*. И Нил еще увидят ваши кони, ребятушки! Отныне, казаки, все богатства Индии назначены нам в награду. *(Орлову.)* Наказному атаману направить на Индию сорок полков казаков.

Атаман Орлов. Ура! *(Делает знак казакам.)*

Казаки. Ура-а!!

Рыцари и придворные. Ура-а-а!!!

Павел *(машет рукой)*. «Ура» кричите, когда до Индии доберетесь. *(Подходит к купцам и трогает хлеб-соль.)* А это зачем, длиннобородые? Что, хвастаться сюда я вас позвал хлебом? Ну?

Купец *(низко кланяясь)*. Батюшка, ваше величество, не осуди!

Павел. Вы говорите, како воевать будете с англичанами?

Демидова *(подходит)*. Им, ваше величество, трудно воевать. По случаю амбаго, наложенного на английские корабли, и закрытия английских контор, претерпев убытки и ослабев душой...

Павел. Объявляю российскому купечеству свое неблаговоление. *(Придворным.)* В собственном нашем государстве позволили завладеть коренной нашей торговлей и привели себя к положению простых приказчиков? Стыдно! *(Демидовой.)* И ты душой ослабела?

Демидова. Да никогда, ваше величество. Бонапартий сбирает суда в Булони, должно, хочет высадку десанта произвести в Англии. А в портах наших триста кораблей задержано... шкипера-то английские поиздержались, а у них — пенька, да деготь, да лес заготовлен к отправке,— я и купила.

Павел (*смеясь*). Во Францию пошлешь?

Демидова. Попробуем, ваше величество. Авось дойдут.

Павел (*купцам*). Учитесь у этой дамы. Торговля есть корень, откуда обилие и богатство произрастают. (*Щелкает ее в лоб.*) Платон Зубов просил ему передать рудоплавные казенные заводы. (*Нарышкину.*) В оной просьбе отказать... Те заводы отдай Демидовой. Им прадед наш... (*крестится*) великий Петр благоволил... (*Идет. Останавливается внезапно и поворачивается к купцам.*) С французами торгуйте, с французами, да похитрее!..

Купец. Уж поторгуем, батюшка, как приказываешь.

Павел. Поторгуем? (*Демидовой.*) А железо будешь поставлять французам?

Демидова. Отправлено уже, ваше величество, обозами, пока есть снег, шесть тысяч пудов листового...

Павел (*смеясь, щелкает ее по лбу*). Ну бойка! (*Нарышкину.*) Дай ей орден... (*оглядывает Демидову*) который покрасивее. Истинная любовь к отечеству должна быть поощряема.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Парадная золоченая лестница в Зимнем дворце. Черные рыцари стремительно бегут по ней вниз. Навстречу рыцарям поднимается Аргамаков. Внизу, возле колонны, стоит Марин.

Аргамаков (*пробегающему рыцарю*). Что, сударь, во дворце?

Рыцарь отталкивает его.

(*Ко второму.*) Сударь, что с царем?

Рыцарь минует его.

Сударь мой, любопытствую весьма... (*Ему удалось остановить барона Штединга.*)

Барон Штединг (*вырываясь*). Лю... лю...

Марин (*снизу, передразнивая*). Люди? Да, люди, барон, разные.

Барон Штединг (*пытаясь объяснить Аргамакову*). Лю... лю...

Марин. Любезные? Да, но тоже не все.

Барон Штединг. Люб... люб...

Марин. Любопытные? Да, некоторые. Например, я.

Барон Штединг (*со злостью, скороговоркой*). Любезный, погибла аристократия, коль так быстро меняется политика в государствах! (*Плюнул и ушел.*)

Аргамаков. А что же изменилось?

Марин (*небрежно*). Э, то воевали вместе с Англией, то будем вое-

вать супротив Англии! Но я-то счастлив? Счастлив. Вот и хорошо!

Аргамаков *(задумчиво)*. С Англией? А я мундир сшил было совсем как у английских кавалергардов. Примерок-то шестнадцать было. Вот беда! Теперь небось французские фасоны пойдут. *(Медленно, огорченный, поднимается по лестнице.)*

Навстречу ему Демидова и Беннигсен.

(Кланяется им почтительно.) Мундиры новые — вот беда! *(Проходит.)*

Демидова. И этот тоже с нами?

Беннигсен. Тоже.

Демидова *(так же, как сказал Аргамаков)*. Вот беда! *(Беннигсену.)* Поумнее выбрать не могли?

Беннигсен. Чего тут выбирать. Выбирать надо в другом... *(Многозначительно вздыхает.)*. Вот где надо выбирать.

Демидова *(остановившись)*. Ого?

Беннигсен *(тоже остановившись)*. Ого-с, сударыня.

Демидова. Так, стало быть, совсем устали, сударь?

Беннигсен. Пред битвой жажду отдохнуть.

Демидова *(насмешливо)*. Мой бедненький Беннигсен!

Беннигсен. Возле вас. Прильнувши к сердцу. Вздыхать, смотреть на звезды в небе...

Демидова *(улыбаясь)*. На небе? Стыдитесь, Беннигсен. Я обещаю вам три дюжины на грудь.

Беннигсен *(обиженно)*. Я продал вам царство, сударыня, а вы мне отплатить хотите золотой звездой. *(Сухо.)* Пора, сударыня, спросить голосом для мужчины более приличным: изволите ль ко мне пожаловать?

Демидова *(тоже сухо)*. А почему?

Беннигсен *(так же)*. А потому, что опасаюсь: допреж свершения задуманного вы переставите фамилии в списке фаворитов. Вот вы с Орловым, атаманом, толковали, вот Марин тут трепещется *(указывает вниз)* и ждет...

Демидова. Этак-то вы, Леонтий Леонтьич, выражаете свою любовь?

Беннигсен. Солдат, сударыня.

Демидова. Когда ж велит солдат прийти?

Беннигсен. Завтра в пять.

Демидова. А в четыре?

Беннигсен. В четыре лучше.

Демидова. А в три?

Беннигсен. В три? Прекрасно!

Демидова *(приседая)*. Так буду в семь. *(Разводит руками.)* Что сделаешь — Россия куплена вместе с солдатами.

Беннигсен. А солдаты эти воевать умеют.

Демидова. Дай им боже. Мне слава русских тоже дорога. Прощайте, генерал. *(Спускается.)*

Беннигсен остается наверху.

Беннигсен *(вслед)*. Прибежишь и в три!

Демидова *(спускаясь)*. Младенца укрощают пряником, а женщину любовью. Солдатский ум.

Марин *(выступая из-за колонны)*. Ну как не удивляться царскому уму: нацелит в Индию, а влепит в Чухлому.

Демидова. Плясать умеете?

Марин. Только не на виселице.

Демидова. Скачите-ка, голубчик Марин, к донцам. Скажите Орлову, атаману, что передумала Демидова, что, мол, приедет завтра в семь. Пускай готовит пир.

Марин. А что ж, попляшем и попоем. Моя ж любовь, сударыня...

Демидова. Любовь поберегите, Марин. Она для песен пригодится. А про меня попомните, что если б я могла легко любить, то так легко б не целовалась. *(Строго.)* Казакам говорите невзначай, что чаем новую царицу.

Марин *(ошеломленно)*. Царицу? Откуда?

Демидова. А из табакерки. *(Ушла.)*

Марин *(бормочет изумленный)*. То тюк, то табакерка, то этот плащ. Да, счастье-то, оказывается, не столь простая истина. *(Аргамакову, который бежит вниз по лестнице.)* Аргамаков, пойдем-ка выпьем. Фортуны колесо моей весьма покрылось грязью и вязнет колесница. Надо отмыть.

Аргамаков. Голубчик, не могу. К портному надо, пока не успели другие заказчики прийти. *(На ухо.)* Фасоны мундиров все новые.

Марин. Фасоны вспрыснем.

Аргамаков. Да не могу. *(Тихо, на ухо.)* Губернатор Пален велел скакать мне к атаману — чтоб завтра сборищ казачьих не было... весьма секретно...

Марин. А мне мой губернатор велел, чтоб было сборище. Пойдем-ка выпьем. Мой губернатор и хитрее и богаче. Дюжину портных тебе пригонит!

Аргамаков. Вот разве рюмочку!

Марин. Да, и небольшую. Чем рюмка меньше, тем она прекрасней. Чем женщина умней, то тем она ужасней.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Стан донских казаков возле Санкт-Петербурга. Под образами, за «офицерским столом», сидят Орлов, Демидова, Залувецкий, Марин, Аргамаков. *На полу, покрытом кошмами, донские* казаки.

Марин *(совершенно пьяному Аргамакову)*. Милый, еще наперсточек.

Аргамаков. Но не могу... мне ведь еще надо скакать к Орлову, к атаману...

Марин. А мы вместе поскачем. Ну, посошок!

Аргамаков. Вот разве посошок. *(Пьет.)* Ну что же, поехали. *(Засыпает.)*

Марин. Поехали. Не так страшны предатели, как страшны трусы. Готов. *(Демидовой.)* Пора беседовать открыто.

Атаман Орлов *(поспешно, плачущим голосом.)* Какую стойку делала!

Демидова. И все-таки помре?

Орлов. Какую поноску подавала! Ангелу так не подать.

Залувецкий. Не будем, атаман, собачьим воскресеньем заниматься. Вот гвардии пусть будет собачья смерть, и тоже без воскресенья!

Молчание. Орлов потупился, Демидова задумалась, Марин насвистывает. Аргамаков спит, казаки тихо шепчутся.

Демидова *(осторожно)*. А денег-то я мало вложила в гвардию? Бочонки...

Залувецкий. Им воровать не привыкать.

Демидова. Два брата в гвардии мои... Их тоже схоронить?

Залувецкий молчит.

Орлов. Обождать надо Беннигсена. В Париже я не был и все же верю людям, бывавшим там, что Михайлов замок похож на Бастилию... Бастилию-то взять трудно и опасно.

Залувецкий. Тюремщиками быть куда там безопасней. *(Молчание. Стучит кулаком по столу.)* Казакам волю! Помучались от гвардии, хватит! Кто — гвардия раздвинула нам Русь? Казаки! Кто?..

Демидова *(кладет ему на плечо руку)*. Голубчик, закричишь, когда полки пойдут.

Орлов. Полки готовы.

Демидова. Вот видишь. А по дворцу гуляет некий таинственный тючок. Велю распаковать — и генерала Палена, Беннигсена и Зубовых и прочих — через полчаса не будет. Царь срежет вершины гвардии, а ствол-то мы получили. После французской Бастилии башки тюремщиков на пики подняли... а наш народ тюремщиками-то все дворянство видит. Нам надо и народ не разгневить, и барина нам — не обидеть, и чтоб купцу не страшно торговать, и чтоб казаку было весело гонять табун в степи...

Марин. Говорит умно...

Орлов. Умным-умно, по-русски баба думает. Нам выговор французский не нужен. *(Наливает вино.)* Пью разум женский, Таисья Никитишна! *(Пьет.)*

Залувецкий. Моя любовь такая: я верю. *(Пьет.)*

Демидова. Вот славно! *(Наливает вино.)*

Орлов *(казакам)*. Чего, ребята, чубы в водку опустили. Закидывай назад.

Демидова. Шуми, ребятушки. *(Хлопает в ладоши.)* Водки, мяса им!

Орлов. Открывай столы.

Демидова. Эй, повара, с чего тут водка дно нам показала!

Повара вносят длинные деревянные блюда с бараниной.

(Подходит к казакам. Весело.) Замерзли, ребятушки?

Казаки. Да призастыли, сударыня.

— Погреться не мешает!

Демидова. Грейтесь, скоро быть вам на Дону.

Молодой казак. Сначала бы дело подлинное видеть, матушка, а там и Дон и прочие реки русски разглядим... *(Тихо, Демидовой.)* Видывали их много, сказывают, казаченьки при Пугачеве-батюшке.

Орлов *(прислушиваясь)*. Чего он там бормочет? Пой плясовую, Никульчан!

Демидова *(режет барана)*. Ешь, ребята! Пей! Еще две бочки! А тем, что снаружи, выкатить пятнадцать!

Казаки кричат.

Согревайте руки, ребята! Холодными руками огонь не заберешь.

Орлов. Пой плясовую, Никульчан!

Молодой казак *(вскакивает)*. Плясовую? Можно! *(Поет.)*

Вот я колышек тешу,
Огород горожу.
Я капусту сажу,

Сажу беленькую,
Развеселенькую.
Ты родись, родись, моя капуста,
И бела, и...

(Прерывает песню и пляску. Пьет и кричит казакам.) Ребятушки, казаченьки, бары-то, смотрите, какие хорошие: про казачью волю думают! Солдаты-то гвардейские тоже вместе с нами воли хочут! Солдаты гвардейские тоже устали. Чего там плясовую! Пой, ребятушки, нашу заветную, запрятанную! *(Запевает. Казаки подхватывают.)*

Казаки *(поют)*.

И подходит тут дытынушка, лохматый человек,
Не знай казанской, не знай астраханской, не знай донской.
Алый бархатной кафтан на могучих на плечах,
Позументовый платочек за конец его тащил,
Он столпам офицерушкам челом не бьет,
Губернатору под суд нейдет...

Орлов *(возмущенно)*. Стой! Чего орете? Плясовую приказываю играть!

Молодой казак. Валяй, валяй, ребята! Атаман у нас пугливый, да мы его уговорим.

Казаки *(громко поют, размахивая саблями)*.

А поутру, завтра, мой братичек придет...
Ты умей его встречать, умей чествовать.
...Тожна тут белы ручки атамановы спустилися,
Тожна резвы ножки подломилися,
Дика глупа голова с плеч покатилася,
Тожна тут офицерикам смерть солучилася!

Орлов *(Демидовой, испуганно)*. Да ведь песня-то, матушка, разбойничья, пугачевская.

Демидова. Меня песнями не испугаешь. Я своей песней любую песню заглушу.

Орлов *(хватаясь за голову)*. Проглядел, загубили меня Пугачевым.

В сенях шум.

Ну вот — плаху мне уже несут. Не послушался жены, послушаюсь теперь вот топора!

На пороге окровавленный Платон Зубов. За ним плачущая Жеребцова. Зубова ведут под руки Нарышкин, Яшвиль, генерал Талызин. Позади еще несколько офицеров. Вперед выскакивает Марфа Никифоровна Орлова.

Марфа Никифоровна. Ну, муженек, полюбуйся. *(Указывает на Зубова.)* Песенки слушаешь? А казачки твои что выделывают?

Орлов *(ошеломленно).* Казаки? Какие?

Марфа Никифоровна. Донские, муженек, донские!

Зубов *(хныкая).* От злобы и мести, сударь, в глазах тьма.

Жеребцова *(перебивает его).* Распахивают дверцу, кричат: «А, Зубов, опять морозить нас приехал...» Тут оборванец какой-то подскочил...

Зубов. И мне, светлейшему князю римской империи...

Демидова *(Залувецкому).* Дайте водки Зубову!

Зубов *(отталкивая Залувецкого).* Плюют в лицо! *(С воплем.)* Матушка, царица Екатерина, зришь сии надруганья? *(Пьет водку, наливает еще и кричит еще громче.)* Матушка...

Орлов *(смущенно).* Это не донцы... *(Указывая на Залувецкого.)* Это его... лейб-казаки...

Залувецкий. Мои кабы плюнули, так плюнули насмерть, Василий Петрович.

Жеребцова. Ой, то было весьма престрашно...

Демидова *(Залувецкому).* Угости ее.

Жеребцова *(пьет).* Ах, какой огонь приятный!

Демидова. Еще!

Жеребцова *(еще пьет. Демидовой).* А платье-то новое ваше все тот же французик шил, Таисья Никитишна?

Зубов *(ожесточенно, Жеребцовой).* Да помолчи ты, дура! *(Рыдая.)* Хватай его, кричат, тащи... и вытащили из кареты!

Залувецкий *(улыбаясь ехидно).* Стащили эполеты?

Зубов *(все так же).* И били по зубам!

Залувецкий *(убежденно).* Донцы! Они еще трепещут Зубовых.

Молодой казак *(пьяный, с чаркой).* Кто трепещет Зубовых? Донцы? Когда это они вострепетали, ваше благородье?

Тишина. Офицеры испуганно смотрят на казаков, которые приближаются к ним.

Донцы боятся? Откуда видно-то? Не надо нам Зубовых, злодеи они!..

Появляется Беннигсен.

Демидова. Арестовали Павла?

Беннигсен *(тихо).* Арестовали.

Демидова. Давайте манифест.

Беннигсен. Сейчас.

Демидова. Манифест!

Беннигсен. Манифест за вас написан. Только подписать. Сейчас столы здесь уберем, присягнут офицеры, а там начнут полки...

(Орлову.) Весьма уместно и справедливо, что песельников ты пригласил, Василий Петрович. Однако песельников поить надо умеючи, а то они теряют голос. *(Казакам.)* Смирно-о! Назад! Иначе пушками. Ну!

Казаки пятятся.

Садись!

Казаки сели.

Орлов. Пой плясовую, тогда помилую. Индийскую, вчерась которую учили.

Залувецкий *(Демидовой)*. Вести их надо, а не петь. Пойдем, Таисья Никитишна, к полкам.

Демидова. Куда идти? Само пришло. *(Мечтательно.)* Да, хорошо быть русскою царицей, Залувецкий.

Залувецкий. А мне рабом твоим быть тоже хорошо.

Беннигсен. И песня — тоже верно. *(Казакам.)* Индийскую! Гвардейцы *(указывает на дверь)* будут подпевать.

Молодой казак. Попели, хватит.

Беннигсен *(поднимает пистолет)*. Ну!

Демидова. Индийскую, ребята.

Молодой казак. Ишь, барыня-то тоже развеселилась. *(Протягивая руки.)* Вяжи веревкой, обманом раз связала.

Беннигсен. Гвардейцы!

В дверях показываются с ружьями несколько гвардейцев.

Ну как, поете?

Молодой казак. Голос слабый, не угожу.

Беннигсен *(другому казаку)*. А ты?

Другой казак. Без запевалы трудно, ваше благородие.

Беннигсен *(третьему)*. А ты?

Третий казак *(с испугом)*. Какой я певчий, ваше благородие.

Беннигсен. Этого оставить. *(Гвардейцам.)* Этих... *(Смотрит в лица казаков.)* Вот этого... и этого... которые рты закрыли... увести и пороть перед полком, пока не запоют.

Несколько казаков уводят.

Индийскую.

Казаки *(нехотя, заглушенно поют)*.

...Не тужи, казак, не думай
Удалая голова.
Вали кашу в блюдо грудой,
Остальное трын-трава.

Инде-ты, инде-я,
Инде милая моя.
Индия, Индия,
Богатая Индия.

Беннигсен. Громче!
Казаки *(поют громче)*.

Шашки, кони, пистолеты,
Крупы тверды будто тын.
Кое-как донцы одеты,
На дорогу есть алтын.
Инде-ты, инде-я,
Инде милая моя.
Индия, Индия,
Ждет нас ноне Индия!

Орлов *(воодушевляясь)*. Плясунов!
Беннигсен *(сухо)*. Пошли вон.

Казаки уходят.

(Подбегает к Демидовой, жмет и целует ее руки.) Ну, слава богу, спас. Еще бы час, и вы бы ускакали.

Демидова. Поране даже.

Беннигсен. Ай-яй-яй, как легко погибнуть, имея сердце доверчивое и прямое. *(Указывая на Орлова.)* Обещал полки?

Демидова. Еще какие.

Беннигсен. Как можно верить казакам, сударыня. Ведь это трусы из трусейших. Вот, слышали, Пугачевым вам грозили. А я приехал с сотнею гвардейцев, сказал, что два полка: и где же казаки? *(Смеется.)* Давно уж с испуга... Прости, Таисья Никитишна, соврал. *(Тихо.)* Павел еще владычествует замком.

Демидова. Соврал?

Беннигсен. Вас только храня. Вы гвардии нужны. Она вас любит. И подводы с горностаями для вашей мантии уж приближаются к Санкт-Петербургу. Талызин, подтверди.

Талызин. Все готово.

Демидова. Соврал? *(Отходит и садится на лавку.)* Залувецкий, он соврал, Фока Егорыч.

Залувецкий подбегает к ней.

Вели седлать коня...

Залувецкий. Заседлан, матушка.

Демидова. Ах, бабий ум, короткий ум! Перехитрить Демидову...

Беннигсен *(Зубову)*. Платон, скорей пусти побольше чувства, пока казаки бегут к полкам сказать, что обманула их Демидова.

Зубов. Да я и так истерзан, сударь, где тут любовь.

Беннигсен. А петля слаше?

Зубов встает.

Зубов *(мелко крестясь и бормоча)*. Эх, матушка Екатерина, выручай. *(Падает грузно на колени перед Демидовой.)* О, глас любви так сильно во внутренности слышен, что повергает к ногам с раскаянием — как мог я долго заблуждаться и про любовь свою молчать.

Демидова *(легонько дотрагиваясь до головы Зубова)*. А били бедненького... казаки обижали, а он все помнит про любовь. Как хорошо быть русскою царицей.

Марин. Ну, женщина жалеть начала, значит, не мне держать корону над этой головой.

Залувецкий. Мы побеждаем твердостью и верой.

Зубов *(все так же)*. Но ты имеешь сердце снисходительное и нежное... ты сердцем этим составишь блаженство нашей жизни, что зря течет и всуе дремлет, подобно речке подо льдом...

Демидова *(встала)*. Спасибо, князюшко, передохнула.

Беннигсен *(с другой стороны)*. Пален и Нарышкин...

Нарышкин. Точно, точно...

Беннигсен *(тихо)*. Пален и Нарышкин уговорили императора послать на Индию гвардейские полки. Указ последует четырнадцатого марта. *(Еще тише.)* Пятнадцатого — сего марта войдете в Михайловский, как входите в свою контору.

Демидова. Да уж пойду, не сомневайтесь, сударь. *(Кланяется всем.)* Прощенья просим. *(Уходит, сопровождаемая Залувецким и Мариным.)*

Беннигсен *(Зубову)*. Проводи.

Зубов колеблется.

Возьми моих гвардейцев.

Зубов *(налил стакан водки)*. С тоски пьется. *(Пожевал груздь.)* И грузди называются. Гнилушки, а не грузди. *(Выплюнул.)* А ну-ка огурчика, пожалуй, ничего. Да нет, горьковаты. *(Пьет.)*

Жеребцова. То жизнь горька.

Зубов. Да, верно. Вот ноет все: и здесь и там. *(Пьет.)* И в животе урчит, и газы мучают...

Жеребцова. Как можно — дамс!

Зубов. Э, дама! А ну, налей себе ж. *(Наливает, чокается с Жеребцовой. Пьет.)*

Беннигсен *(сухо)*. Ольга Александровна, подь сюда. А ты иди, Платон.

Зубов. Ушел, ушел. *(Уходит.)*

Беннигсен *(тихо, Жеребцовой, которая испуганно, на цыпочках, все еще держа бокал в руке, подошла к нему)*. Нашла?

Жеребцова *(достает из корсажа, из рукавов свертки с монетами и подает Беннигсену)*. Как желали, сударь, обменяла на дублоны, гинеи у английских, задержанных тех капитанов... и каждого спрашивала: каков собой тот англичанин, что заговор ведет.

Беннигсен *(ухмыляясь)*. Так и спрашивала?

Жеребцова. По вашему хотенью.

Беннигсен *(твердо)*. А вам, сударыня, со мной уж лучше не хитрить. Кого вместо себя оставил Видворт?

Жеребцова *(тихо)*. Видворт?

Беннигсен *(тихо ей на ухо)*. Да, Видворт, английский посланник.

Жеребцова *(возмущенно)*. Как смеет он мне кого-то оставлять?

Беннигсен *(тихо, но твердо)*. Ну, полно!

Жеребцова. Да нету никого!

Беннигсен. Не место смеяться, сударыня. Кто?

Жеребцова *(поднимая кверху глаза)*. Ну, раз вы так хотите... было после его... пять... Аргамаков да князь Иван Петрович... А вы Видворту не передадите?

Беннигсен. Тьфу! Вы женщина, вы дама, но в России вы баба, и, как таковую, вас следует пороть.

Жеребцова *(в ужасе)*. Пороть? Меня?

Беннигсен *(сухо)*. Да, порем баб исправно. На каторгу ссылаем с рваными ноздрями и клейменым лбом. А лоб у вас прекрасный, достойный многих поцелуев.

Жеребцова. Не правда ли? Все хвалят мой лоб. А разве щеки плохи?

Беннигсен. Заклеймим и щеки. *(Подумав.)* Завтра чтоб был тот англичанин при мне. Скажите, что великий князь... Александр... согласен с Англией и мир... и все такое... Мальту...

Жеребцова *(опять испугавшись)*. Уверяю вас...

Беннигсен. Прощайте, сударыня.

Жеребцова поспешно ушла. Беннигсен сел. Остальные почтительно смотрят на него. Он взглянул на Марфу Никифоровну. Она поспешно выходит.

(Говорит сухо и раздельно.) Великий князь принял меня. Был преласков.

Аргамаков *(проснувшись)*. Вы о чем?

Беннигсен. О том, что вы дурак, Аргамаков. Понятно?

Аргамаков *(трет голову)*. Нет.

Беннигсен. И что лучше нам иметь своего дурака, родного... чем привозного...

Аргамаков *(все так же)*. Откуда привозного?

Беннигсен. Ну, скажем, примером, с Урала.

Аргамаков *(все так же)*. Так, так...

Беннигсен. Что так?

Аргамаков *(глубокомысленно)*. Так, так...

Беннигсен. Ну то-то. *(Решительно.)* И от англичан... *(Звенит деньгами.)* Вот, даже денег дали... купить хотят... Нам англичан тех только что послала Жеребцова... От англичан, у коих издавна такие дураки ведутся, согласье получили, что свой, родной дурак, вернее. Понятно?

Аргамаков *(хлопая бессмысленно глазами и крутя головой)*. Отчасти.

Беннигсен. А тебе, Нарышкин?

Нарышкин. Как не понять.

Беннигсен. А тебе, индийский атаман?

Орлов *(испуганно и подобострастно)*. От вашей головы, Леонтий Леонтьич, все освоишь и поймешь. *(Выхватывает табакерку и топчет ее ногами.)* Во как, во как!

Нарышкин *(бросая свою табакерку)*. Бросаю тоже.

Аргамаков *(доставая табакерку и рассматривая)*. Работа-то какая.

Беннигсен. Бонапарта работа.

Аргамаков кидает табакерку.

Вот так-то спокойнее. *(Достает трубку.)* Приличнее солдату курить табак английский. *(Закурил.)* Именье Шереметевых позавчера мужики... растревожили. Алсуфьевым сожгли стога, спалили рощу, приказчика убили...

Орлов. Плохо.

Беннигсен. Ты помолчи. С тобой особо побеседуем. Приказчики и мастеровые в Гостином дворе болтают резво. Того и гляди, возле Невы и срубят гильотину...

Нарышкин *(крестясь)*. Спаси нас, господи, и помилуй.

Беннигсен. Уж как-нибудь спасем. Из Франции к Питеру, верстах, кажись, в двухстах уж близки пленные казаки. О санкюлотах тоже знают много... А Павел посылает им навстречу попов... с мальтийскими крестами: благословлять в поход на Индию.

Нарышкин. Сожгут.

Яшвиль. И ограбят.

Аргамаков. Кого?

Беннигсен. Уж не тебя. Тебе живот разрежут, ишь сукно-то какое красивое. А без живота субъект суть не ограблен, а оборван. *(Ко всем.)* Восчувствовали? Вот и хорошо. Царем поставим Александра. Отец или сын — одна романовская палка; купеческий демидовский же посох не время пробовать. *(Подумав.)* Демидову ж я уберу. А жалко бабу. Какая красивая, ве-

селая, наездница какая... лихая бы была царица. Меня растрогала. Я возмечтал о поцелуе. Но не судил господь быть ей царицей. А бог — он видит далеко. *(Крестится.)*

Остальные тоже крестятся.

(Подходит к Орлову.) Ты с нею как?

Орлов. С кем?

Беннигсен. Ой, атаман, смотри.

Орлов *(крестится)*. Родным Доном, и матерью, детьми...

Беннигсен. Не верю.

Орлов. Прикажи, и вот тебе мой бог...

Беннигсен. Сегодня ж поведешь казаков... на Индию. В рескрипте сказано: расспрашивай народы, Василий Петрович, и шагай вперед. Народ не карта, да и карта часто врет. Поход таким устрой, чтоб сплошным увечьем был. Пойдешь по зимнему, санями, хотя известно, что будет ранняя весна... растает, а телегто нету...

Орлов. Так-то оно так, Леонтий Леонтьич, а только...

Беннигсен. А как иначе?

Орлов молчит.

Хуже будет, если встретятся донцы с плененными казаками...

Орлов. Чего хужей.

Беннигсен. Изволь трубить. Казны да славы! *(Целует его.)*

Все уходят. Орлов остался один.

Орлов *(изнеможенно садясь на лавку)*. Замучили, истолокли...

Марфа Никифоровна *(вбегает)*. Велишь трубить?

Орлов. Опять подслушивала? Чего трубить? Завтра поутру пойду.

Марфа Никифоровна *(строго)*. Василий!

Орлов *(тоже строго)*. Марфа, битой быть!

Марфа Никифоровна *(в бешенстве)*. Ах ты фаворит, ах ты Зубов, Потемкин! Рубаху меняет раз в полгода, а туда же, в принцы лезет. *(Твердо.)* Немедленно коней, а то такое будет. Егорка! Эсаул!

Орлов. Да как же это так... *(растерянно)* сразу... и не опохмелясь.

Марфа Никифоровна. А в Тайной канцелярии не хочешь опохмелиться, корыто!

Орлов *(смущенно)*. Да ярости на Индию нету никакой!

Марфа Никифоровна. Вытрубим!

Вбегает есаул.

Зови поход!

Орлов *(слабым голосом)*. Труби поход, Егорша!

Есаул выходит.

(Бегает по казарме, размахивая руками и всячески стараясь вызвать в себе ярость похода. Труба трубит.) В поход! В поход. Баба, вели-ка собак созвать, как зайцев погоню индусов и англичан! Сюда собак! Пуршома! Хахая! Кармю! Лахтанку! *(Кричит.)* Лбищем их, песики, лбищем, чтобы зайцу не помкнуться промеж конских ног. Ну, ставьте зверя! *(Охотничьим криком побуждает собак гнаться за зверем.)* Пускай, собаченьки, порскай, не выдавай...

Марфа Никифоровна *(утирая слезы)*. Так их, так, зверюк немаканных! Любо!

Орлов *(кипятясь)*. Писая! Белого! Ей, Егорша, борзых всех сюда, коней, арапников. Пояростней, пояростней, ребята.

За дверью слышен собачий лай.

(Щупает лоб.) Ну, кажется, налился. *(На ходу целует жену.)* Эй, в Индию, по коням!

Есаул *(в дверях, оборачиваясь)*. Казаки-и! По-о ко-ня-ям!

Казаки *(вдали передавая друг другу)*. По-о... ко-о-оня-ям!

Орлов. Песельники, вперед! На Индию, ребята. Царь-батюшка зовет! *(Уходит.)*

Казаки *(отъезжая, со свистом и гиканьем поют)*.

Мы ружьем владеть умеем.
На конях крепко сидим,
Дальше уж не разумеем
И незнанья не таим.
Инде-ты, инде-я,
Инде милая моя.
Индия, Индия,
Будет нашей Индия!
Так на кой же черт учиться,
Ум не надобен в войне,
Храбро только б нам сразиться,
Вкус узнать бы лишь в вине.
Инде-ты, инде-я,
Инде милая моя.
Индия, Индия,
Вот она, Индия.

Песня замирает. Марфа Никифоровна стоит, подперев щеку рукой. Слезы текут у нее из глаз.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Парадные апартаменты в замке святого Михаила. Играет музыка. Толпятся маски: нимфы, сатиры, амуры с колчанами. Сатиры размахивают тирсами, нимфы отбиваются от них лилиями и визжат. Возле двух крайних колонн останавливаются парочки.

Калаись и Зевс *(оба в позолоченной на спине чешуе и с длинными лавровыми волосами).*

— Я люблю тебя, Зевс.

— Столь сразу, Калаись? *(С силой хватая ее за плечо.)*

— Сразу-то слаще, Зевс.

Убегают со смехом, так как подскакивает другая парочка. Хромой Плутос и Минерва, в плаще и шлеме, украшенном перьями.

— Не дамся, сударь, что-то вы все горячи сегодня...

— Догоню, сударыня, тяжелее покажутся поцелуи-то.

— Плутос, вы пьяны нонче...

— А пьяному-то легче целоваться, Минерва.

За ними Луцина с факелом в руке и венке из травы донника и Слон.

— Что вы есть, сударь Слон?

— Я есмь вечность, сударыня Луцина, понеже вечно с вами буду возлежать.

— Ой, не наскучает ли, сударь Слон?

— А мы начнем и сразу испытаем.

Он ее обнимает, она вырывается и бежит.

Жеребцова *(подводит за руку Беннигсена).* Сюда, сюда, к сей колонне...

Беннигсен. Сударыня, мне б не с масками шутить.

Жеребцова *(приподнимая маску).* И не со мной?

Беннигсен. А-а... Нашла англичанина?

Жеребцова *(тяжко вздыхая).* Ой, сударь, нет.

Беннигсен *(вдруг ласково)*. Учитесь видеть. Я есть тот англичанин. А братец-то ваш, Платон Александрович, плохо видит Демидову. Поприглядите-ка за ней, сударыня.

Жеребцова *(обиженно)*. Сударь, сэр Видворт женится на леди Арабелле. Я Видворта любила. А теперь хочу тоже войти в замужество. А женихов всех молодых, Аргамакова, Яшвиля и прочих... Демидова и оплела... *(Горячо.)* И развратила.

Беннигсен. Числом тех офицеров сколько? Вот узнать бы.

Жеребцова. Мне шаг ее противен, не то что разговор.

Беннигсен. В политике, сударыня, противна только смерть, да и то своя. *(Целуя руку.)* Ищите счастья, сударыня. Оно близко. *(Отходит.)*

Маска *(подскакивает к Жеребцовой)*. Что изображает ваша скорбь? Ох, чую, потонет в ней душа моя.

Жеребцова *(оживившись)*. Дайте разглядеть, какова она и стоит ли тонуть.

Маска. Идемте, покажу. *(Подхватывает Жеребцову под руку, и они исчезают.)*

Залувецкий в простом римском одеянии, по подолу которого слова «живот или смерть», с пальмовой ветвью в руке, Демидова в старинном русском одеянии, в кокошнике и перстнях.

Демидова. У, жарко. *(Указывая на свой костюм.)* Не это одеянье жарит боярское, а веселой жизни сложность.

Залувецкий. Сложнее не найдешь.

Плутос *(подбегает, приподнимает маску — под ней купеческая борода)*. Таисья Никитишна, прибегал Прошка, говорит, что в порту уж третий склад наш загорелся.

Демидова *(спокойно)*. С мехами?

Плутос. С кожей.

Демидова. Лихо нас Беннигсен жгет. И тушить опять некому?

Плутос. Ни будошников, ни пожарных. Послал приказчиков.

Калаись *(подбегая)*. И меховой зажгли, Таисья Никитишна. А рядом с пенькой занялся.

Демидова. Меха мне жалко. Но наживем. Купцы-то как, перепугались?

Калаись. Дрожат немножко.

Плутос *(тихо)*. Оружья бы достать приказчикам.

Демидова. Успеем. Народ что дети, оружье выдай, так разыграются, что взрослым и ступить в игру неловко будет. *(Залувецкому.)* Возьми-ка у истопника газетку ту, аглийскую, что из тючка. Да брось, где царь пойдет. Испытать пока сей тайный тюк. Сатирик некий в Лондоне их выпустил. Там сказано, что англичане убьют царя, ежели к весне он не опомнится. Газет-

ку-то, Фока Егорыч, не всю бросай, а так... кусочек. *(К Плутосу.)* А ты, Иван Петрович, возьми приказчиков да поезжай к плененным казакам. Понятно зачем?

Плутос. Уж разберемся, Таисья Никитишна.

Залувецкий. Донцов-то помни.

Демидова. Попомню. Разбавим казачками мы гвардию, а разбавленное вино-то легче пить.

За Аргамаковым, размахивая пистолетами, со смехом бегут Марин, Яшвиль, Зубов. Все они наряжены обезьянами.

Зубов, Марин, Яшвиль. Стой! Куда! Гони его в Зимний сад!

Демидова. Чего они?

Залувецкий. Игрушечная дуэль. Бегут стрелять моченым горохом.

Демидова. Забавно. Иду смотреть.

Залувецкий *(схватив ее за руку)*. На обезьяньей сей дуэли будет царь. *(Показывает пистолет из рукава.)* Вот здесь гороху мало...

Демидова *(рассматривая пистолет)*. Как странно, сударь, замок, маски, пистолеты, заговор. Вот только смешон горох моченый, но и его вы заменили пулей.

Залувецкий *(мрачно)*. Берегитесь, как бы сей горох моченый назавтра не превратился для вас в горох свинцовый.

Демидова. И превратится, коли слушать вашу торопливость, Фока Егорыч. *(Трогает его ласково за плечо.)* Время есть. Пусть царь прочтет те ведомости аглийские. А там, глядишь, и по всему дворцу разбросим. Вот будет потешно, как завертятся Беннигсен и Пален. *(Указывая на Никиту, который, волоча суму, идет поблизости.)* Тоже символика. В России самый счастливый — шут, пьяница, расстрига.

Никита *(рассматривая маски)*. Чертей-то сколько. И печку не дадут разжечь. *(Грозит пальцем и пьяно икает.)* А вот возьму вас и перекрещу.

Демидова. Уж если тюк так ходит беззаботно при этом дураке, то время есть покрепче нам схватить Россию. *(Залувецкому.)* А все-таки вели ему поосторожней...

Залувецкий отходит к Никите. Калаись и Плутос идут за ним. Демидова осталась одна.

Калаись *(подбегая к Никите)*. Дед, спишь?

Никита. Брысь, ведьма.

Залувецкий. А если в хоровод его?

Плутос и Калаись. В хоровод! В хоровод! *(Выхватывают суму и бегут.)*

Никита. Куда тащете казенну растопку? Я вас! *(Убегает за масками.)*

Беннигсен *(подходит к Демидовой)*. Пятнадцатого, сударыня.

Демидова. Страшусь чего-то, сударь. Чернь жжет купеческие склады. Даже и мои сожгли, а мало ль я ей раздарила денег. Ой, надо отложить, а то и совсем бросить.

Беннигсен. Пятнадцатого — иды марта. Дни, в кои был повергнут Цезарь. Ныне Европа любит римску аллегорию. И дни сии, уничтожающие тирана, будут ей понятны.

Демидова. Покорна вашей прозорливости я, сударь. Надоели мне эти пустые молодцы, которые дальше сапог своих не видят.

Беннигсен. Приказ о гвардии, в поход индийский, нонче будет подписан.

Выстрел. Демидова притворно вздрагивает.

Ну вот и пугаться! Это горохом забавляются.

Демидова *(притворно)*. Мне с каждым часом все страшней. Донцов я столь так напугалась. *(Берет его под руку.)* Надежда вся на вашу храбрость, на мудрость.

Беннигсен. Прекрасна старческая мудрость!

Демидова *(кокетливо)*. А любовь?

Беннигсен. Сударыня, опять пылаю.

Вбегают «обезьяны». Впереди Зубов с бокалом в руке.

Зубов *(Аргамакову)*. Признайся, взаправду ты думал, что пуля.

Аргамаков. Костюм не так уж дорог, чтоб пули мне бояться.

Марин. А корчился.

Аргамаков. Корчился, чтоб царя развеселить.

Зубов. А царь на что обиделся? *(Оглядывая Демидову.)* Таисья Никитишна. Но нем... *(Поднимает бокал.)* Ибо, опаленный огнем ваших очей, лежу сраженный.

Демидова. Так они горят?

Зубов. Преужасно.

Демидова. Огонь сей надо потушить.

Зубов протягивает ей бокал.

Ах, сударь, я привыкла пить из бочки. *(Смеется.)* Не въехать ли на бочке. Стадом обезьян. С шумом, с песнями. Вот и развеселим царя.

Зубов. И вы воссядете на бочку, подобная богине плодородья.

Демидова *(приседает)*. Как вы острите славно, ваше благородие. Ну что ж, воссяду. Но только уговор, Платон Александ-

рович. Пусть гремят тимпаны, но вы нещадно пойте о наших, о сладостных обманах.

З у б о в. Да уж не остановлюсь, сударыня.

Уходят. Остаются Беннигсен и Залувецкий.

Б е н н и г с е н. Чем мрачен ты, хорунжий?

З а л у в е ц к и й. А вы чем мрачны, генерал?

Б е н н и г с е н *(указывая)*. Император меня же не жалует.

З а л у в е ц к и й. И я вас тоже. *(Ушел.)*

Б е н н и г с е н *(вслед)*. Хитрите, молодцы. *(Ловит маску — это генерал Талызин.)* Кто склады жгет?

Т а л ы з и н. Пален говорит, по вашему совету.

Б е н н и г с е н. Я велел лишь сжечь у Демидовой. А они и Ольхину и Рутному зажгли. Плененные казаки как?

Т а л ы з и н. Но кто же указ подпишет? Кто?

Б е н н и г с е н. Лучше пустить их к домам.

Т а л ы з и н. Да, надо-то надо... а вот...

Б е н н и г с е н. Одиннадцатого.

Т а л ы з и н *(испуганно)*. Одиннадцатого?

Б е н н и г с е н. Одиннадцатого. *(Твердо.)* Казаков немедля распустить.

Т а л ы з и н уходит. Б е н н и г с е н видит приближающегося П а в л а и скрывается.

П а в е л *(окруженный придворными. В руке у него обрывок газеты. Нарышкину)*. А также вам выражаю свое неблаговоление, что маски непотребно оголены... как будто маскарад сей устраивает Потемкин, а не рыцарство мальтийское. Маске должно б смеяться над англичанами, над тем, как они перепугались нашего индийского похода. Вот это кто? *(Указывает на маску, которая робко пробирается за колонной.)*

Н а р ы ш к и н. Это Портуми, морской бог, которому посвящены гавани у древних...

П а в е л. А чин какой?

Н а р ы ш к и н. Капитан Семеновского лейб-гвардии полка Иван Севергин.

П а в е л *(устало)*. В рядовые. Отправить в... Пензу. *(Наставительно.)* Надо представить пороки агличан: зависть, клевету, сварливость... равно как Индию, что в диадеме...

Н а р ы ш к и н *(подхватывая)*. В диадеме, сказывают, ваше величество, Демидова здесь ходит.

П а в е л. Оголена?

Н а р ы ш к и н. Гораздо дальше приказа вашего величества.

П а в е л. Небось Диану изображает.

Сия Диана нам
Не по лесам.
Зане мы льды и дикий ветр имеем
И оными без мифологии владеем.

Нарышкин. А составил стишки эти поручик Марин, чей предерзкой язык...

Павел *(вспыхнув)*. Не облегчайте мой труд в сыскании суждений, сударь. Чем Марин дерзок? Тем, что молод. Чем дерзка Демидова? *(Оглядывая придворных.)* У вас, у стариков, дерзости, верно, нет, да и ума тоже мало. *(Показывая листок газеты.)* Откуда сей листок? Кто подбросил аглийский сей навет? *(Читает по газете.)* «Павел, проснись...»

Нарышкин. Ваше величество, из библии сие. Апостол Павел.

Павел. Не ври. *(Придворному.)* Проверить в библии, и если нету такого изреченья, Нарышкина в поход индийский. Он мне все говорит: гвардейские полки надо отправить, ну вот, пусть проведает дорогу. *(Подумав.)* Огныне юношество будем славить. Отец российским юношам — я, император!

Придворные *(кланяясь)*. Отец, отец, ваше величество, и так отец.

Павел. Сколько лет капитану Ивану Севергину?

Нарышкин. Никак, под сорок, ваше величество.

Павел. Врешь. Вернуть Севергина. *(Придворным, наставительно.)* У царства, у древности учитесь. Как замок возвышался на скале, так сюзерен отцом стоял над коленопреклоненным войском.

Подходит капитан Севергин.

Сколько лет?

Капитан Севергин. Двадцать пять, ваше величество.

Павел. Молодец! Вернуться в полк. Дать триста душ.

Севергин падает на колени.

Пятьсот! Не благодари! Семьсот! И шпагу с камнями. *(Нарышкину.)* Что, ты уж, вижу, молодеешь? А Марина сего причислить к юношам, которые... *(грозит пальцем Нарышкину)* смотрите, старики, за Аракчеевым могу послать. *(Прислушиваясь к шуму.)* А это что еще за орос?

«Обезьяны» катят низенькую тележку, на которой стоит бочка, на ней стоит Демидова с громадным ковшом в руке.

Демидова *(издали)*. Ура Петру и Павлу.

Павел. Кому кричит «ура»?

Нарышкин. Петру и Павлу, ваше величество.

Павел. А почему сие?

Тележка останавливается неподалеку от Павла.

(Сердито пыхтит.) А почему сей непотребный крик на маскараде, сударыня?

Демидова *(смеясь)*. А крик, ваше величество, о том, что прадед в делах сравнялся с правнуком. Зане Великий Петр, задумавши поход на Индию, не преуспел сего, а внук преуспевает. *(Показывает ковш.)* Ковш полон? Полон. Я пью его за Павла и Петра, двоих великих.

Павел *(улыбаясь)*. Эх, молодость. Чуть было не забыл, что молодость если и дорог не знает, то все равно учует правильну дорогу. *(Указывая на ковш.)* Неужто выпьешь? Да шутишь.

Демидова. Таким ковшом не шутят, да еще с царем.

Павел *(заглядывая в ковш)*. А верно, полон!

Демидова. Здоровья ради вашего величества могу и пять опустошить.

Павел. Пей.

Демидова пьет и опрокидывает ковш.

Выпила ведь. Ай да русские. По праву носишь, сударыня, костюм сей и диадему. А теперь выпей за союзника нашего Бонапартия. Хотя он медлит походом и хитрит. Пускай хитрит. Один я Англию рассыплю.

Демидова. Налей-ка, Фока Егорыч. *(Поднимает ковш.)* Пусть Индия и Мальта будут наши, да Африка еще в придачу. *(Пьет.)*

Павел *(весело)*. Аминь. *(Нарышкину.)* Красивая?

Нарышкин. Красоты всемогущей, ваше величество.

Павел *(вспыхнув)*. А где, я спрашиваю вас, Александр Львович, музыка?

Нарышкин *(смущенно)*. Ваше величество соблазн узря на маскараде... так я...

Павел *(стучит тростью)*. Какой соблазн? Соблазн для стариков, а молодость не ведает соблазнов. Чего ты бредишь, леший лысый. Вина. *(Берет ковш.)* Таисья Никитишна, почти нас, попляши.

Демидова. Ах, голова кружится, ваше величество.

Павел. Почти!

Демидова *(оглядываясь)*. Да с кем плясать-то?

Выступает Зубов.

Павел. Что, Зубов? Будет, отплясал свое. Ты — стар, тебе на костыли пора. *(Залувецкому.)* Пляши, казак.

Демидова *(подходит к Залувецкому, кланяется, приглашая его танцевать)*. Удружи, Фока Егорыч. *(Тихо.)* Газетки, кажется, пора разбрасывать.

Залувецкий *(приготовляясь к пляске. Тихо)*. Все готово.

Демидова. К плененным казакам сама поеду. *(Громко.)* Готов?
Залувецкий. Готов, сударыня.
Демидова *(Павлу)*. Не осудите, государь, давно не плясывала.
Павел. Вспомнишь. Музыка, русскую!

Музыка играет. Залувецкий и Демидова пляшут.

(Машет рукой в такт.) Быстрей, быстрей, музыка. *(Музыкантам.)* Что, старик, и тебя все к менуэтам приучали? Быстрей! Иди, иди, Демидова. Ах, хорошо!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Офицерская караульная комната в замке святого Михаила. Аргамаков сидит на скамейке возле камина, который разжигает Никита. Вдоль стен расставлены портреты де ла Валетта в такой последовательности, что крайний портрет у дверей императорского кабинета совсем похож на Павла. На столе большой пакет.

Аргамаков *(напевает)*. «...И к дождичку и к снегу мы привыкли, умеем по степи маршировать...» Растопки прибавь, дед, дрова-то, никак, сырые. *(Напевает.)*

Уж тучечки повисли над Валдаем,
Уж пушечки начали токовать,
Мы в Индию шагаем и шагаем,
Солдатушкам пора маршировать.

Павел *(входит. Лицо у него беспокойное, мундир расстегнут)*. Ну и ветер. Как будто в декабре. А на дворе март, одиннадцатое...
Аргамаков *(вскакивает, рапортует)*. В карауле Преображенский полк, ваше величество. Начальник внутреннего караула, поручик Марин, рыцарь, согласно приказу вашего величества, ускакал в секретну экспедицию за генералом Аракчеевым.
Павел *(устало)*. А, ускакал? *(Трет грудь.)* Бессонница...
Аргамаков *(продолжает)*. Караул принят мной!
Павел. Ладно, помолчи. *(Видит пакет.)* А это откуда?
Аргамаков. Полчаса назад брат Демидовой, поручик Анатолий...
Павел *(берет пакет)*. Сказано, помолчи. *(Рассматривает пакет.)* Тяжелый. Молодость уж если пишет, пишет много. *(Трет грудь.)* И жжет под ложечкой... Вот Аракчеев и лекарства, может, привезет. И для меня... и для России. *(Бросил пакет обратно на стол. Вздыхая, подходит к окну.)* Экий март-то пушистый. А пишут, атаман Орлов прошел еще пятьсот верст и

близки уже верховья реки Иргиза, как-то его бухарцы встретят? *(Смотрят на портреты де ла Валетта.)* А это кто?

Аргамаков. Для икон — преподобный де ла Валетт, Великий и святой командор ордена...

Павел. Знаю, что не вы, сударь. Я спрашиваю, кто их распорядился здесь поставить?

Аргамаков. Граф Пален, не желая беспокоить ваше величество и завтра намереваясь перенесть в зало...

Павел. Завтра, завтра... А сегодня весьма странны обо мне заботы. Сыновья столь тщательно справлялись о моем здоровье, что я повелел привесть их к присяге. Сыновья мои суть старики, сударь. Присягая, и глазом не моргнули. Тьфу! *(Щупает печь.)* Вот натопили... дышать нечем. *(Никите.)* А ты все пьян?

Никита. Прибавляю, батюшка, огня-то прибавляю...

Павел *(рассматривая суму, которая лежит возле камина)*. А здесь бутылки?

Никита. Растопка, батюшка, щепки.

Павел *(присаживаясь на суму и грея руки)*. Щепе подобны мы, судари мои. Несет нас ветер, ручей, река... дондеже не отяжелеем иль некий истопник не схватит и не бросит в свою суму. *(Пыхтит, щупает суму.)* А щепки-то уж больно ровно сложены, не колются. *(Всовывает руку в мешок и отдергивает.)* Холодные!

Никита. Из сеней только что вынес... весь дворец холодный. Тоже выстроил.

Павел *(подозрительно)*. И ты недоволен, старче. Все старцы недовольны. Ужо вас Аракчеев рассудит. *(Встает. Подходит и осматривает крайний у кабинета портрет.)* А вот этот на меня похож.

Никита. Портрет-то только веселее, батюшка. Вот глотнул бы ты наливочки, глядишь, и заснешь, а то шляешься зря...

Павел *(пристально на него смотрит)*. Чего заснул? Зачем? Не буду сегодня спать. Дождусь Аракчеева. *(Щупает печь, Аргамакову.)* Распорядитесь, чтобы трубы остались открытыми. *(Никите.)* А ты сейчас же ступай в Зимний... Сейчас же из замка вон.

Никита. А чего кричишь-то, и уйду.

Павел. Вон, шут!

Никита *(рассердившись)*. Сам шут! С шутом-то и говорил-то по-шутовски. Хотел тебя спасти, смехом да выдумкой растопить, а теперь *(подхватывает суму и хлопает по ней рукой)*, а теперя унесу растопку. Мерзни, пока до смерти не замерзнешь.

Павел. Вон, в Сибирь!

Никита. Эка, запугал. В Сибири тоже печи есть.

Павел. Да он спился совсем.

Никита. До совсема рюмки не хватает. Не ты подашь. Ушел, ушел. *(Уходит, волоча суму.)*

Павел *(пыхтя, садится возле стола и опять берет пакет)*. Поменьше кабы пить, совсем бы шут-то был забавный. *(Аргамакову.)* Утром вернешь его и дашь золотой. *(Вертит пакет в руках, зевает.)* Возле Иргиза атаман. А в Англии налоги повысили и хлеб стал дороже. Хорошо. По весне мы им покажем, как русских обманывать. *(Аргамакову.)* По Демидовой скучаешь?

Аргамаков. Весьма хладно взираю на эту даму, ваше величество.

Павел. Ой, врешь, все пылаете. Даже про меня говорят, что я восстрадал. *(Вздыхает, щупает грудь.)* Печет. *(Кладет пакет.)* Завтра прочитаю. *(Пыхтя подходит к Аргамакову.)* Пален сегодня признался, что для познавания умыслов он вписан в заговор супротив меня. А как гвардейска молодежь?

Аргамаков *(испуганно)*. Мы, ваше величество, мы...

Павел. Ну, с тобой не поговоришь.

Слышен вороний грай.

(Подходит к окну.) Вороны, никак? Кто мог их всполошить?

Аргамаков. Караул обходит Летний сад.

Павел. Ходили бы потише. Гренадерам, что в карауле, скажи, чтоб не чихали... а то так чихнут, что кажется — потолок падает. Дай им по чарке водки, что ли. Пойду, быть может, и засну... *(Уходит.)*

Аргамаков *(крестится и вздыхает)*. Кажися, пронесло. *(Осматривает свой мундир, охорашивается.)* Нет, новый фасон куда красивее. *(Садится к камину и тихо напевает.)*

...Уж Индия сияет за песками,
Уж Англия готовит огневой припас.
Солдатушки, не будем дураками,
Росеюшка и Франция за нас.

За дверью шаги и звон оружия. Аргамаков на цыпочках бежит к дверям. Входит Беннигсен, крепко держа за руку Марина. Позади, с обнаженными шпагами, заговорщики: генерал Талызин, Нарышкин, Вяземский, Князь Яшвиль и князь Зубов и еще несколько офицеров. Дальнейший разговор ведется шепотом.

Аргамаков. Тише, тише, царь грозен.

Зубов *(нервно зевая)*. И не спит?

Аргамаков. Ждет Аракчеева.

Марин *(с удивлением рассматривая Беннигсена, который удовлетворенно развалился на скамейке)*. Отдыхаете, ваше превосходительство?

Б е н н и г с е н. Да, сударь, отдыхаю. Всех вас собрать и привести было таки трудненько. Теперь, уж если пожелаете *(указывает на дверь, через которую они вошли)* через эту дверь вернуться, так сразу угодите в петлю, которую для вас приготовил Павел. Он предаст, минуты не подумав.

М а р и н. А не быть ли вам в петле первейшим, сударь?

Б е н н и г с е н. Сначала царь повесит молодых предателей. Ему теперь любезна молодость. Поверит разве он, что Марина перехватили на заставе? И разве не поверит он, что Марину велела Демидова разбросать по замку газетки из сумы? Жаль, ваш истопник в трактире засиделся, а Марина за Аракчеевым царь отправил, и вот сума и не опустела. Жаль красавицу. *(Насмешливо.)* Красавица. Вот полночь бьет. Плащом мальтийским прикрывшись, скачет по дороге Марин. А ровно в час во дворец к царю за поцелуями идет Демидова. Сия красавица в одиннадцать часов, не утомясь от екатерининского фаворита и не переодевшись...

М а р и н. Неправда.

Б е н н и г с е н. Неправда? А в дом, перед тем как поскакать за Аракчеевым, к ней не заезжал разве Марин?

М а р и н. Заезжал.

Б е н н и г с е н. И не застал. Ну то-то... *(Глядя на Зубова.)* Неправда! Посмотри на его щеки: как раз размер ее улыбки.

З у б о в. Прильнула как дитя. И перепил ее и переговорил!

Б е н н и г с е н. Его риторика. С вином да с зубовской славой Сафо и то бы победила. *(Строго.)* Очнитесь, Марин. Перед вами тень Брута. Встаньте рядом с ним?

М а р и н. Брута?

Б е н н и г с е н. Брута. И тысячи поэтов воспоют тебя. Не веришь в их талант, сам воспоешь себя. Две двери: за одной — петля, бесславие, бабий смех, а за второй — поверженный тиран, столп освободителю отечества и слезы подлой бабы, не понявшей величие поэта.

М а р и н *(оглядываясь)*. Так это — иды!

Б е н н и г с е н. Снимайте, Марин, караул. Верните ему шпагу, Яшвиль.

Марин берет шпагу.

Молодец, вперед! *(Вскакивает.)* Смерть тирану!

М а р и н *(распахивает дверь кабинета)*. Слушать начальника караула! Рунд кругом, екатерининские гвардейцы. На лестницу, вниз! *(Убегает.)*

Б е н н и г с е н. Вперед, екатерининские гвардейцы! Екатерина спасла Россию от санкюлотов, от пугачевцев, так тень ее, что ж, не

покроет Брута тень? *(Зубову, который все более и более нервно зевает, садится на скамью.)* Ты чего, Платон?

З у б о в. Мне холодно...

Б е н н и г с е н. Не буду хвастать, что я горю огнем. *(Указывая на входную дверь.)* Тебе особо должен быть сей выход противен. Гвардейский солдатский марш к дворцу непрерывно стремится. Солдат опасно, иначе как на караул, впускать во дворец. Как бы солдат сам не вздумал попробовать на троне посидеть...

З у б о в *(встал)*. Да я уже пригрелся.

М а р и н *(издали)*. Сюда, екатерининские офицеры!

Б е н н и г с е н. Вперед, екатерининские офицеры!

З а г о в о р щ и к и скрываются в императорском кабинете. Остались только Аргамаков и Нарышкин, прикрывшие себя половинками дверей. Нарышкин вздыхает.

А р г а м а к о в *(выглядывая из-под половинки дверей)*. А-э... это вы, Александр Львович?

Н а р ы ш к и н. Какой же я вояка!

Голос Павла из кабинета: «Аракчеева-а сюда! Ара-акче-ева-а...»

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Подъемный мост у замка святого Михаила. В окнах замка мелькают беспокойные огни. Крутит столбами сивая метель. Гвардейцы-преображенцы с примкнутыми штыками, злые, замерзшие стоят перед мостом. На мосту Б е н н и г с е н, Н а р ы ш к и н, А р г а м а к о в.

Н а р ы ш к и н *(офицерам и солдатам)*. Покойный государь *(крестится)* на сердце был слаб. Апоплексическим ударом его не стало...

Б е н н и г с е н *(прерывает)*. И царь младый наш Александр подписывает сейчас манифест *(офицерам)*, что дворянству отныне жить вольно, вновь по уставу великой Екатерины... что английских матросов и суда освободить. Мальтийский орден возвратить Европе, мир с Англией. Ура!

Солдаты стоят молча.

М о л о д о й г в а р д е е ц *(издали)*. А мужикам?

Б е н н и г с е н. Ты кто такой?

М о л о д о й г в а р д е е ц. Песельник Преображенского полка, Плесков Василий.

Б е н н и г с е н. И мужиков царь не обидит. Солдатам же заместо низких воротников носить высокие. Заместо кос привязных бу-

дешь в своем волосе ходить. Заместо чарки водки — три в день. Чего тебе еще? Красивый, волосатый, пьяный, пой, песельник.

Молодой гвардеец *(злобно)*. Оно, конечно, чего еще солдату пожелать.

Беннигсен *(раздельно)*. А то пораньше вас семеновцы как запоют, да так...

Нарышкин. Ура императору Александру!

Солдаты молчат.

Беннигсен. Ну разве так приказывают, Александр Львович. *(Кричит, глядя на преображенцев.)* Семеновцы, ура-а!

Издали слышно «ура».

(Наклоняется с моста к преображенцам.) Преображенцы, ну! Ура-а!

Гвардейцы нестройно кричат «ура».
Входят Демидова и Залувецкий.

(Демидовой.) Приятно, а? Ура! Императору Александру, преображенцы!

Солдаты кричат «ура».

Выдать им еще по чарке водки. *(Демидовой.)* Понятно, сударыня?

Демидова *(приседая)*. Солдат российских слава, как и ране, мне прелюбезна, сударь.

Беннигсен. То-то. Примите мой совет, сударыня, от сердца. Молчание — вот счастье человека.

Демидова. Рабов, изволите сказать?

Беннигсен *(поднимая глаза вверх)*. Мы все рабы перед богом и царем. Болтали о вас разное, сударыня. Казаков нонче ночью вы каких-то пленных разыскивали будто, а казаки уж вчерася ушли к домам. Какими-то газетками смущали да письмами покойного царя. Бог вас простит.

Демидова. Вот вас простит ли, сомневаюсь.

Залувецкий отходит от нее.

Куда ты, Залувецкий? Ура кричать?

Залувецкий. Купечество казачеству сродни...

Демидова. Но нет купеческой царицы.

Залувецкий. Казачьей нет любви. *(Ушел.)*

Демидова *(Беннигсену)*. А Питер-то взгудел и зашипел и накалился. Сумеешь охладить, Леонтий Леонтьич?

Беннигсен. Воды в каналах много.

Демидова. Ну, царедворец старый во дворце обманет молодого, а вот обманешь ли народ?

Беннигсен. Уж если гвардию купили на демидовские деньги, то на казну российскую штыков побольше купим. Да и из Англии им близко плыть. А штык английский, не в пример французскому, опрятней.

Где-то вдалеке выстрел. Шум. Вбегает Марин со шпагой в руке.

Марин. Кто смеет стрелять?

Голос *(издали)*. Хорунжий Залувецкий пристрелился.

Беннигсен. И вовремя, собака.

Демидова. Хороший был казак. Жаль саблю.

Беннигсен *(Марину)*. Ты имя Брута стерегешь, поручик.

Марин *(гордо)*. Имя Брута при мне, подобно этой шпаге, сударь.

Беннигсен. Так проводи даму к ее карете.

Марин. Я?

Демидова. В стихах он — Брут, а в прозе — полицейский. Да не грустите, Марин, бедненький. Меняются дворцы, цари, царицы, генералы, но подлецы всегда получат счастья табакерку. И обо мне грустить не надо. Не удалась покупка. *(Оглядывая Беннигсена.)* Товар гнилой, ну что ж, поищем где-нибудь в стране другой.

Марин *(сердито)*. Извольте следовать за мной.

Уходят.

Беннигсен *(вслед)*. Какая баба! Чуть было не вышибла мне из-под памятника пьедестал. *(Берет под руку Нарышкина.)* Скрыл я от царя Александра, кто убил Павла. А теперь пора сказать. Иначе на всех нас будет думать царь. А он родителя любил.

Нарышкин. Еще бы не любить. Такой отец, такой преласковый отец.

Беннигсен. Вот мы и скажем... сейчас же... там к императору стихи пришел читать Державин, о радостях грядущего царенья. Жалко поручика, а что поделаешь: приревновал покойного к Демидовой... *(Вздохнув.)* Какая редкостная баба. Да, труден ты, генералиссимуса путь. *(Нарышкину.)* Ворвался... мимо нас... мы было арестовать царя, чтоб тот нам отречение подписал... а тут поручик... сбоку... И тоже Брут нашелся, его... *(делает жест)* и проколол. Затем душить... подробности там медики напишут... нам страшно, очевидцам, вспоминать.

Нарышкин. Страшнее нет... не приведи господь. Ведь я же за руку его тянул. Поручика-то... *(Смотрит вопросительно.)*

Беннигсен *(подсказывая)*. Марина, Сергея.

Н а р ы ш к и н *(радостно)*. Сергея Марина из Преображенского полка.

А р г а м а к о в *(подхватывая)*. А я... я за другую руку, а он меня как в грудь ударит!

Б е н н и г с е н. Все молодость, все страсти... французов начитались.

Н а р ы ш к и н. Собрал бы я этих французов, да всех в прорубь.

Б е н н и г с е н. И соберем еще. А хорошо бы, Львович, после стихов нам баньку растопить, попариться, да за блинки. Промерз я нонче, знобит что-то...

Н а р ы ш к и н. Чего ж не затопить. Затопим. А перед полочком по рюмочке *(показывает)* такой, перцовки. Али рябиновой?

Б е н н и г с е н. Рябинова помягче. *(Подумав.)* А бабе этой пора бы на Урал.

Н а р ы ш к и н. Вернется. Кони наши.

Б е н н и г с е н. Так что ж, пойдем послушаем Державина?

Н а р ы ш к и н. Как не пойти. Пиит великий.

Ушли.

Г в а р д е й ц ы. У, холодно.

— Пируют бари!

— Не нам же пировать.

— С дровами али с сеном барским в поле-то еще холоднее, Петька.

— Вот и говорю, хоть спой, Плесков, тоска загрызла.

М о л о д о й г в а р д е е ц. Запел бы я, да так запел, чтоб офицерские башки как снег летели. И запою я, подожди, Егорша! Я запою!

В т о р о й г в а р д е е ц *(отчаянно)*. Да пой, говорят тебе! *(Бьет ружьем о землю.)*

М о л о д о й г в а р д е е ц. Уста замерзли. Метель, прислушайся-ка, то же самое поет...

В т о р о й г в а р д е е ц. Приехал нонче деверь из деревни. Не токмо хлеба до урожая, коры, грит, не хватает. А у меня их пятеро, ребятушек-то! Куда мне мою тоску-то девать. *(Бьет по штыку кулаком.)* На штык его, что ли, вонзить, сердце-то мое?..

Т р е т и й г в а р д е е ц. Уважь его, Плесков!

Г о л о с. Уважь, всем тоскливо, Вася.

Молодой гвардеец запевает. Солдаты подхватывают. Сильнее и сильнее крутит метель, засыпая мокрым и тяжелым снегом гвардейцев, штыки, мост, берег, огни Михайловского замка, заглушая песню, хотя и не уничтожая ее горькой и дикой протяжности.

М о л о д о й г в а р д е е ц.

Ты зима ль моя, зимушка холодная,
Ты зима ль моя, зимушка хорошая!..

Гвардейцы.

Да боюся я, зима, что ознобишь ты меня,
Что ознобишь, заметешь, на кладбище уведешь!..

Молодой гвардеец.

Ты ружьишко мое, ружье хорошее,
Ты ружье мое, ружье славное да исправное!..

Гвардейцы.

Да боюся я ружья, что погубит оно меня,
Что погубит, охладит да могилой наградит!..

Молодой гвардеец.

Ты зима ль моя, зимушка голодная,
Ты ружьишко мое, ружье холодное!..
Ты беда ль моя, бедушка народная!!..

Занавес

ВДОХНОВЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дмитрий — император Руси, он же и Самозванец.

Марина — его жена.

Отец Гаспар Савицкий — богослов-иезуит, духовник Дмитрия.

Пан Стадницкий — гофмейстер двора царицы Марины и секретарь Дмитрия.

Петр Федорович Басманов — боярин, главный советник, сенатор.

Фома Иванович Конев — артист Академического театра. Он же голова (полковник) стрелецкого полка, расквартированного под Москвой.

Максим Егорыч Филатьев — артист киностудии на выходных ролях. Он же думный дьяк, один из помощников великого секретаря сената и боярина Б. Сапунова.

Анна Михайловна Чуркина — актриса с периферии, только что приехавшая для испытания в роли жены дьяка Филатьева в фильме «Дмитрий Самозванец».

Павлова — актриса. Она же Наташа, племянница князя Масальского.

Режиссер фильма.

Автор сценария.

Князь Василий Масальский — великий дворецкий.

Пан Гонсевский — камергер и посол Сигизмунда Третьего, короля Польши.

Мержерет — француз, капитан первой роты дворцовой гвардии Дмитрия.

Вандеман — шотландец, капитан второй роты дворцовой гвардии.

Коровница.

Московские бояре, сенаторы «его императорской милости сената духовных и светских персон»:

Нагие, Шуйские, Голицыны, Мстиславские.

Народ московский, стрельцы, гвардейцы.

Итак, начинается. Представьте — жаркая ночь средины мая 1939 года под Москвой, в киногородке. Идет репетиция фильма о Смутном времени. Целый день работа не спорилась: один из кадров не получался. Уже в павильон, изображающий богатую боярскую горницу, привезли а в т о р а *сценария, тощего человека в сером костюме, с язвительным и в то же время недоумевающим лицом; уже приезжал встревоженный задержкой* з а в е д у ю щ и й с ц е н а р н ы м о т д е л о м, *которому из-за неполадок в картине никак не удается уехать в отпуск; уже* у ч е н ы е к о н с у л ь т а н т ы *прочли две лекции о Смутном времени; уже* п о м р е ж *приволок груду оружия из Исторического музея и свалил ее на стол, что стоит посреди горницы; уже* р е ж и с с е р, *грудастый и губастый мужчина, ходит так взволнованно, что каждый шаг его, как удар по барабану; уж* о п е р а т о р *уверен, что ему сегодня будет сниться барометр, указывающий на дождь... И вот режиссер, автор и три актера —* К о н е в *(молодой стрелецкий голова),* Ф и л а т ь е в *(дьяк) и* Ч у р к и н а *(жена дьяка) — почти растерянно смотрят на листки сценария, что разбросаны по столу... Жарко! Спать бы... Все пятеро поднимают головы, зевают. Режиссер смотрит на часы.*

Р е ж и с с е р. Ого! Четвертый час! Сейчас будет светать, а где же, товарищи, наш кадр? Где он? Подавайте нам его!

А в т о р. Может быть, на сегодня достаточно?

Р е ж и с с е р. Я буду голодать здесь! Я съем этот шлем! *(Срывает с головы тропический шлем свой.)* Я из портсигара буду варить суп, но не сдамся! *(Смотрит на Филатьева.)* Попробуем так: вы, Филатьев, входите в горницу князя Масальского. Вы уже знаете о заговоре Шуйского против Самозванца...

А в т о р. Да не может он знать!

Р е ж и с с е р *(хлопает в ладоши)*. Начали!

Немая сцена. Через сени в дверь гордо входит Ф и л а т ь е в. Ж е н а *его идет за ним. Филатьев важно плывет на середину горницы, где его встречает* К о н е в.

Ф и л а т ь е в. А, Конев, здорово!

Автор. Я не могу дать ему таких слов.

Филатьев. Мне не нужны ваши слова, а мне нужен гусь. Я привык играть с предметами.

Автор. Поиграйте со своей головой!

Режиссер хлопает в ладоши. Все расходятся в стороны. Прожектора тухнут. Оператор закладывает пальцы в жилетные карманы и, нервно кривя лицо, смотрит в небо. «По барометру должно быть солнце, и вообще, черт его знает, что происходит»,— думает он. Режиссера раздражает нервный оператор. Он говорит сдержанно ему и осветителям.

Режиссер. Отдохните пока... там... минутку. Мы здесь одни подумаем.

Оператор, осветители и аппараты их скрылись.

(Размышляет вслух.) Конев не может миновать двора Самозванца! Следовательно... Предположим, дело происходит так. Конев, обыкновенный стрелецкий полковник...

Конев. Не забудьте с мечтаниями о правде!

Автор. Гора мечтаний! Го-ры!..

Режиссер. Предположим... Но как мне его представить двору? Как сделать, чтобы он увидел всю эту мерзость? Чем, как связать? Э, прах вас дери, да тащите же сюда, товарищи, этот кадр! Давайте! Где он? Ну, ну!! Ну, хоть пустячок какой-нибудь, зацепочку какую-нибудь... Вот мне, например, храп все время слышится, кто-то спит там... Отсюда, может быть, исходит?

Автор. Храп? Это вы о себе мечтаете.

Режиссер *(обидевшись)*. А? О себе? Я хочу зевать? А если я о зрителе, если он зевнет? Вам известно, товарищ автор, что зритель, зевая, вместе с воздухом глотает и вас, и меня, и их, актеров!..

Автор *(размышляя вслух)*. Если так? Самозванец, по летописям, был чернокнижник...

Режиссер. Астролог?

Автор. Ну да. В Кракове, где, по-моему, он учился... в краковском университете преподавали астрологию... а он где-то там толкался, возле...

Режиссер. Астрология — это у него мнимое знание будущего? *(Коневу.)* А у вас мечта о справедливом будущем! А? Каково? Что вы на это скажете? Додумайте-ка! А? *(Раздает всем блокноты.)* Пишите свои мысли, предположения... Мы не будем ни есть, ни пить. Да, не пить! Мы будем дожидаться дождя, чтобы напиться! Мало того! Весеннего разлива! Но мы добьемся этого кадра.

Пятеро расходятся по углам. Они грызут карандаши, преодолевают усталость, дремоту, поглядывая друг на друга, что-то торопливо записывают в блокноты.

За сценой напряженные голоса; какой-то мягкий гул, как будто огромная фабрика вся насторожилась и прислушивается к тому, что эти пятеро думают. Их замысла ждут, чтобы опять загремела, застрекотала, заворочалась фабрика и двинулась опять вперед, как человек после большого и сильного вдоха горного воздуха. Вот, например, прошла буфетчица с подносом. На подносе бутылки нарзана, стаканы. Автор остановил ее мановением руки. Она подает ему стакан с водой, и, смотрите, какое у нее ждущее лицо. Она вот-вот готова спросить: «Ну, что же так вы долго? Ведь фабрика стоит! Мы ждем».

Филатьев *(тихо, Коневу)*. А все-таки автор прохвост. Что это он мне предлагает?

Конев *(так же тихо)*. Побыть немножко в авторах.

Филатьев. Это я-то автор?

Конев. Время такое удачное, что все мы немножко авторы. Вам лень сознаться, Филатьев, но вы уже стали автором.

Филатьев. Ну, голубчик, для Вильяма Шекспира я слишком толст, а для Алексея Толстого слишком худ.

Конев *(вдруг вскакивая и тряся блокнотом.)* Ну вот! Появилось-таки!

Автор. И я нашел!

Конев бежит к столу, бросает на него блокнот, отодвигает в сторону оружие и, выходя из пределов блокнота, водит руками по столу, как будто по карте.

Конев. Что, я думаю, надо делать? Читайте!

Все читают про себя.

Автор *(читая)*. Конечно же, конечно! Я уже вижу. В саду сухая трава. Стряпуха вынесла вчерашнюю золу, бросила ее. А в золе остались угли...

Конев. Теперь, значит, дальше! Три человека стоят в горнице. Вдруг — топот, крики: «Ход-и!» Я выглядываю в окно...

Автор *(восторженно)*. Удивительно! Но я давно предчувствовал, что вы загоритесь вместе со мной...

Режиссер. А жалко, Павловой нету. Где Павлова?

Голос *(издали)*. Переодевается Павлова.

Филатьев. Не знаю, нужна ли Павлова.

Режиссер. Нужна!

Филатьев *(тревожно нюхая воздух)*. Дымом пахнет!

Чуркина. Точно, дымом.

Режиссер. Как дымом? *(Нюхает.)* Действительно! *(Кричит в рупор.)* Помреж Никитин, откуда у вас, прах вас дери, дым?

Голос: «Возле соломы для крыш... шоферы покурили...»
На сцену выкатывается густой, желтовато-белый клуб дыма. Слышно шипение пожарного насоса, встревоженные голоса, шум пожарного автомобиля.
Голос: «Очистите павильон. Пожарники едут! Туши-и!..»

Режиссер. Что за вздор, никогда пожаров не бывало!
Филатьев. Жара!

Пятеро протирают глаза.

Режиссер *(собирая блокноты)*. Идемте в мою комнату. Там доработаем.

Режиссер схватил автора за руку, мотнул головой в сторону актеров, мол, не отставайте,— и прыгнул через рампу. Автор за ним.

Филатьев. Все-таки автор у нас хороший человек. *(Коневу.)* А вы чего еще размышляете? Пошли.
Конев. А как же оружие?
Филатьев. Какое оружие?
Конев. Вот это. Взятое в Историческом музее.
Филатьев *(снимает с пояса старинную чернильницу)*. А я еще сюда и чернилку свою положу. Помреж доставал, он и убирай.
Конев. А если сгорит?
Филатьев. Ха-а! Пятнадцать лет снимаюсь, и за все время сгорел только елизаветинский парик, ангорская кошка да бутылка ликера.
Конев. Валяйте. Проводите Анну Михайловну. А я в два приема его унесу. *(Собирает оружие.)*
Филатьев. Да? Вы, видите ли, отвечаете за народное имущество, а я — нет? *(Собирает оружие. Чуркиной.)* Надеюсь, вы и одна... Анна Михайловна, не заблудитесь в дыму.
Чуркина. Ну, как-никак, я спортсменка, а вам небось под шестьдесят. *(Собирает оружие.)*
Филатьев. Пожалуйста, без митингов насчет грядущей смены. Я и пожрать могу! И переварить кое-кого и кое-что могу! Да и пережить тоже не дурак.
Чуркина. Знаете что? Зачем нам идти через дым, когда мы через эти двери пройдем прямо в Оружейную палату Самозванца.

Трое идут к дверям в глубь сцены. Подошли.

(Пытается открыть дверь.) Товарищи, дверь заперта! Пойдемте через рампу.

Конев. А пожарники нас струей встретят. Слышите!

Слышно шипение водяной струи.

(Берет скамью за край.) Ну, как это говорится в фехтовании,— «есть укол»!

Трое раскачивают скамью.

Ну, раз! Ну, раз!

Филатьев. Ну, два!

Чуркина. Ну, три! Постойте, с той стороны в дверь тоже бьют.

Актеры прислушиваются. Глухие было удары в дверь растут, наполняя сердце какой-то странной тревогой. Да и действительно странно: зачем ломать дверь, если у пожарников всегда имеются запасные ключи? Дверь трещит, гнется. Конев — в красном кафтане стрелецкого головы, который чрезвычайно идет к его рослой фигуре, длинному горбатому носу и тщательно, без старозаветного кокетства, отпущенной бородке,— отходит от двери, оттесняя и товарищей своих. Чуркина — высокая и красивая, в длинном костюме боярыни, прямом и широком,— послушно идет за ним, видно, она вполне доверяет его ловкости и сметливости. Филатьев ворчит. Он рванулся, понес оружие, но быстро устал. Это очень пожилой, толстый и страдающий одышкой актер. Снимается он много лет, во многих выходных ролях, и почти уже не верит в удачу. И, однако, надежда служит ему исправно: сейчас бы в буфет, выпить холодного пива да домой, на диванчик, дочитывать воспоминания Гольдони, и, преодолевая жару и жажду, он верит, что именно сегодня услышит он сигнал режиссера и знакомый треск съемочного аппарата, что всегда вгоняет его в дрожь воодушевления. Филатьев расстегивает кафтан дьяка, засаленный, выпачканный чернилами...

Филатьев. Ну, кажись, качается! Я с гражданской войны мебель не ломал, когда топили мы, помнится...

Чуркина *(Коневу)*. Фома Иваныч, отойдите! Падает!

Филатьев. Здорово долбят пожарники!

Дверь, некоторое время медленно качавшаяся на петлях, падает.

В горницу вбегает с деревянными ведрами толпа мужиков. Вся обстановка горницы князя Масальского приобретает крайне обыденный и обжитый вид, невероятный даже и для кино. Горница наполняется запахами. И вообще все происходящее делается таким реальным, как тогда, когда близорукий надевает потерянные было очки. Залив огонь, мужики с ведрами отходят к дверям и ставят ведра возле ног, обутых в новые лапти, празд-

ничные. Мужики эти только что привезли в Москву к боярину припасы. В Москве они бывают редко, а в горницу к боярину попали впервые в жизни. Поставив ведра, они восхищенно оглядываются. В особенности их поражает громадная икона в переднем углу с ее раззолоченной ризой.

Первый мужик. Славе те, господи, потушили! А то б боярин-то шкур по шесть содрал бы.

Второй мужик. Запылало дивно. Всей улицей гореть бы.

Третий. И откуда ему взяться?

Первый. Стряпуха уголья выбросила в сад. Там листва сухмень-сухменем да хворост... Мотри-ка, Миколка, оклады на иконах-то золотые.

Второй. А сабля-то какая, а?

Конев *(подходит к мужикам и протягивает руку)*. Спасибо, товарищи.

Первый *(не беря руки, удивленно)*. Да чаво тут. Наше дело холопье, батюшка боярин.

Конев. Вы какой кадр репетируете?

Первый *(второму)*. Чавой-то стрелец спрашиват?

Второй. Насчет кадушек, што ли.

Входит мужик побогаче. Он строго осматривает мужиков, и те боязливо пятятся к порогу.

Мужик побогаче. Ну, чего пятки в землю врастили, глаза пучите? Залили, и ладно. Кони-то небось не напоены!

Первый. И напоены и накормлены, Матвей Иваныч.

Второй *(заискивающе)*. Вот, нешто, овсеца подбросить.

Мужик побогаче. Как же, овсеца! Тебе боярского овсеца, вижу, не жалко.

Второй. Так ведь и конь-то боярский.

Мужик побогаче. Пойдем обозом обратно, тогда и подбросим овсеца. Овсеца! Пошли вон.

Мужики уходят.

Филатьев. Сделано с экспрессией. Вы что, товарищ, из финала, что ли? Грим будто незнакомый.

Мужик побогаче *(смотрит на свои ноги)*. Пим? Чего же мне пим зимой надевать? Мы откуда? А мы из рязанского поместья.

Филатьев. Кто у вас режиссер?

Мужик побогаче. Да кто и реже сел, а кто и почаще. Земель у нас много.

Филатьев *(остальным)*. Чего это он дурака валяет? Откуда он такой.

Чуркина. Разве из «Поднятой целины»? Ой! *(С испуга она садит-*

ся на скамью и закрывает лицо руками.) От сердцебиения, что ли, такое? Фома Иваныч! Мне показалось, что рампы нету.

Филатьев. Куда же рампе деваться, голубушка, Анна Михайловна?

Филатьев утешает Чуркину, но на самом деле и он растерян. Он тоже не видит рампы. Впервые в его жизни четвертая, воображаемая стена театра исчезла. Перед ними такие же бревна, как и на остальных трех стенах, и кое-где, как бы подсмеиваясь над их зрением, лениво ползают, по этой четвертой, только что возникшей стене, длинные черные тараканы. Пазы проконопачены прекрасной серебристой куделью.

Филатьев, а затем и Чуркина подходят к стене и щупают бревна и эту удивительную, не нарисованную, не декорационную кудель.

Филатьев. У-а-э... у-а, нету рампы!

Чуркина *(щупая)*. И кудель!

Мужик побогаче *(наблюдая за ними)*. Наши ребята конопатили, они любят с игрой конопатить, вроде бахромы получается.

Филатьев *(поворачиваясь на отчаянный крик за окном)*. Кто там кричит?

Мужик побогаче. Егорку порют. В сметану пальцем влез. Сластена! Вот боярыня и велела полтора десятка всыпать.

Филатьев. Какая боярыня?

Мужик побогаче. Да наша, Аграфена Никитишна.

Конев *(от окна, в которое он смотрел высунувшись)*. А князь Масальской-то где?

Мужик побогаче. Шел сюда, да ишь, позвали его: гости-де скачут, боярин Петр Федорович, что ли.

Филатьев. Кто-о?

Мужик побогаче. А сам главный при царе, Басманов. Пойти встретить. *(Ушел.)*

Конев *(указывая на окно)*. И улица соответствующая, и Кремль, и стрельцы в красных кафтанах коней на водопой ведут. И пушки не длиннее булки. Да и воняет, как может только вонять семнадцатый век.

Чуркина. Как? Семнадцатый? Я? В семнадцатом?

Конев. Видно, и вы тоже.

Филатьев. То есть почему? Кем это санкционировано? Мне через пять дней ставить «Горе от ума». Я четырнадцать лет мечтал Фамусова играть!

Чуркина. Ну, кроме всего прочего, что же мой муж скажет? Признаюсь, он страшно ревнивый.

Конев. Тогда жаль. По всей видимости, вы действительно теперь жена дьяка Филатьева.

Ч у р к и н а. Жена? Вот этого блина? Я, теннисист, наездница-спортсменка,— и я в терем?

Ф и л а т ь е в *(важно)*. Зачем в терем? Мы люди советские, будем держаться, как у нас уже поется.

К о н е в *(ухмыляясь)*. Ну, держись, Максим Егорыч.

Ф и л а т ь е в *(Гордо)*. Я-то?

Слышен топот копыт по грубой деревянной мостовой. «Ходи-и»,— кричат передовые на народ. Возле окон топот вдруг обрывается, должно быть, всадники лихо, на полном скаку, осадили коней. В дверь видно, как через сени пробегает сначала какая-то б о я р ы ш н я с серебряным жбаном в руке, закрываясь платком, затем бежит м у ж и к п о б о г а ч е.

М у ж и к п о б о г а ч е. Батюшка государь Дмитрий Иванович пожаловал!

М у ж и к скрылся. Суматоха продолжается. По всему видно, что гость явился сколь неожиданный, столь и почетный.

Ф и л а т ь е в *(приосанившись, одергивает платье)*. Ну, раз уж попали, надо ориентироваться. *(Оглядывает Чуркину.)* Э-э, нехорошо. Тебе, Анна Михайловна, лучше уйти.

Ч у р к и н а. Еще куда? В десятый век, быть может?

Ф и л а т ь е в. Полагаю, в бабью половину?

К о н е в *(улыбаясь)*. Почему же это ей в бабью половину?

Ф и л а т ь е в. Царь приехал. А она растрепана, с распущенными волосами. У нас, древних русских, Фома Иваныч, обычай, что жена прикрытой должна ходить, как монашка.

К о н е в. Не всякий обычай закон.

Ф и л а т ь е в. Я в чужом доме. Скажут: какую жену привел? Ну, поди хоть причешись да подожди, смотри в окошечко, пока мы тут толкуем.

Ч у р к и н а. Разве что причесаться? *(Филатьеву.)* Но вы, Максим Егорыч, много о себе не подумайте. *(Уходит.)*

Ф и л а т ь е в. Как же?

К о н е в *(посмеиваясь)*. Чего как же?

Ф и л а т ь е в *(беспокойно)*. Как же теперь быть-то, говорю?

К о н е в. А все так же, как и раньше.

Ф и л а т ь е в. Да ведь царь-то, кажись, уже по двору идет? *(Высунувшись в окно.)* Князь Масальский государю челом бьет, на коленях. А? Забавно? *(Смотрит смущенно и вопросительно на Конева.)* Смешно? На коленях!

К о н е в. Ну и пусть его на коленях.

Ф и л а т ь е в. Да и вся улица на коленях. Непонятно мне это подо-

бострастие. Хотя, с другой стороны,— обычай. Обычай — не случай, не отмахнешься онучей. А?

Конев молчит.

Ты как колена-то собираешься преклонить, Фома Иваныч?

Конев. Я на коленях разве под автомобиль лазил.

Филатьев. Значит, как сразу в семнадцатый век попал, так и клади немедленно голову на плаху? Обидно даже для будущих-то времен.

Конев. Лучше уж на плаху.

Филатьев. Конечно, конечно. Но ведь все стоят на коленях.

Конев. Я живу по Дарвину: раз уж человек встал с четверенек, так иди.

Филатьев. Кто спорит — Дарвин гениальный физик. А как же мне-то быть?

По сеням двигается, приближаясь к порогу горницы, задом здоровенная туша князя Масальского. Затылок его от напряжения и лести так пылает, что его нетрудно сравнить с горящей головней. У самого порога горницы поклоны князя делаются все быстрее и быстрее, словно он думает, что в полутьме сеней царь их не увидит.

Филатьев, тревожно переминаясь с ноги на ногу, смотрит на Конева, который стоит, небрежно прислонясь к изразцовой печи, как раз напротив порога.

Филатьев *(решительно)*. Ты, Фома Иваныч, можешь даже обжаловать...

Конев. Колена подсекаются?

Филатьев. То-то, что подсекаются. *(Бухает на колени.)* Ух, легче. Стань, ну их к дьяволу, Фома Иваныч!

Конев. Мозоли боюсь нажить.

Филатьев. Стань! Меня ведь тоже загубишь. Скажут: он тебе друг.

Конев. Мне так виднее.

В конце сеней показывается царь Дмитрий. Псари ведут за ним борзых и догов. Дмитрий в синем охотничьем кафтане, на ногах его красные сапоги византийского базилевса, расписные, на высоких каблуках. Он идет вразвалку, помахивая плетью и слегка приподняв одно плечо. Увидав Конева, Дмитрий, постукивая о порог горницы каблуком, спрашивает слегка простуженным голосом.

Дмитрий. Кто это тут стоит прямо? Что это за пес уставился на меня?

Сквозь распахнутые ворота видны золоченые стойла, наполненные свежей, только скошенной травой. Запах ее преодолевает исконный и едкий запах конюшни. На деревянных крюках вдоль стен вывешены проветриваться седла, украшенные серебром и цветным сукном, чепраки и ковровые переметные сумы. Тишина. Высоко посреди совсем бледно-голубого неба стоит пухлое облачко с зубчатыми краями, значит, и там, наверху, тоже жарко и тоже нет ветра.

Возле полузасохшей черемухи капитан В а н д е м а н, *начальник второй роты лейб-гвардии, попадает рапирой в костяное кольцо, подвешенное к суку. Рядом, на толстых бревнах, валяется его новый кафтан фиолетового цвета, обшитый красными бархатными шнурками,— это форма второй роты. Вандеман — лысый, длинный и белесый человек с вялыми, казалось бы, движениями, однако сила и точность его движений поразительны. Поодаль беседует с капитаном* М е р ж е р е т о м *гофмейстер царицы пан* С т а д н и ц к и й. *Гофмейстер — коротконогий, загорелый, в коричневом кафтане, подпоясанном широким кашемировым кушаком, за которым, как газыри, торчат несколько пистолетов. Мержерет, капитан первой роты лейб-гвардии, мощный, усатый мужчина в оранжевом плаще. Усы его закручены невероятно, нос вздернут настолько, насколько может быть вздернут нос, Калло писал бы с него портрет непременно, да и походка у капитана такая, как будто он хочет захватить побольше земли. Словом, это тот самый удалой и хвастливый вояка, которых мы и поныне встречаем в романах французских авторов.*

С т а д н и ц к и й. Тьфу! От злости у меня в горле как бы веревка.

М е р ж е р е т. Пустяки, пан гофмейстер, лишь бы не на горле.

С т а д н и ц к и й. Император вообще недоволен и раздражен.

М е р ж е р е т. Да, но не мной же?

С т а д н и ц к и й (*стремительным шепотом*). Ох! У царицы Марины все еще нет наследника! Царица ревнует императора к боярам! Король Сигизмунд ревнует их обоих к шляхте! Ох, пан Мержерет, очень трудно фехтовать в политике.

М е р ж е р е т. В политике лучше всех фехтует тот, кому по сану не подобает фехтовать. Например, святейший престол и папа.

С т а д н и ц к и й. Вот потому-то и не нужно пускать сюда отца Гаспара. Ох! Король Сигизмунд и через него и через посла Гонсевского настаивает на укреплении в Московии святого подвига католицизма!

М е р ж е р е т. Почему же он тогда присылает нам такие плохие вина?

С т а д н и ц к и й. И в то же время Сигизмунд отказывает нам в ти-

туле императора. В титуле, дарованном нам самим папой! Сигизмунд осмеливается величать нас только великим князем!!!

М е р ж е р е т. Можете величать меня подлецом, пан Стадницкий, но дайте мне всю эту большую страну. Король Сигизмунд — умный человек. Он видит, что южные его шляхтичи от гордости сошли с ума и подняли бунт, этот называемый вами «рокош». Не машите руками, пан Стадницкий. Ваш брат Станислав — предводитель этого рокоша. И многие придворные царицы — друзья рокошан, а сама царица Марина... *(Опомнившись, вдруг срывает шляпу.)* Салют царице Марине, прекраснейшей из цариц!

С т а д н и ц к и й. И сенатору Басманову тоже неприятно будет видеть отца Гаспара.

М е р ж е р е т *(протягивает руку)*. В политике, пан гофмейстер, фехтуют золотом. Я хотел бы проверить, тяжела ли ваша шпага. *(Оборачивается к Вандеману, пока Стадницкий кладет ему монету в руку.)* Тридцать раз уже попали, пан Вандеман?

В а н д е м а н. Тридцать один! *(Делает выпад.)* Тридцать два!..

Входит отец Г а с п а р С а в и ц к и й. *Он бережно несет ларчик с письмом к императору от Аквавивы, генерала ордена иезуитов, и с индульгенциями, посланными святейшим престолом. Стадницкий, увидав его, низко кланяясь, спешит к нему.*

С т а д н и ц к и й. Как я давно не видал вас, отец Гаспар!

М е р ж е р е т *(перегораживая дорогу гофмейстеру)*. Мой высокий друг, славный король Франции, высокочтимый Генрих Четвертый *(приподнимает шляпу)*, всегда говорил мне...

С а в и ц к и й. Вы хотите получить от меня индульгенцию, капитан Мержерет?

М е р ж е р е т *(не смущаясь)*. «Капитан Мержерет! Вы доказали мне свою верность, как прекрасный фехтовальщик под знаменами де Вогренана. Докажите же ее теперь, как прекрасный рассказчик». Вы, вижу, отец Гаспар, вы желаете знать, как я оправдал мнение короля Генриха?

Мержерет берет отца Гаспара под руку, чтобы увести, но тот увертывается и спешит навстречу к вошедшему боярину Б а с м а н о в у.

Петр Федорович Басманов еще недавно, видимо, был сильный, свежий и красивый человек. Но боевые тревоги, переход из лагеря Годунова в лагерь Самозванца, семейные неурядицы, зависть и интриги бояр сильно состарили его. Под глазами у него мешки, вся фигура отяжелела, движения хотя и медленны, но не плавны, а какие-то рваные, беспокойные. Увидав иезуита, Басманов хмурится и сердито говорит гофмейстеру.

Басманов. Велено ж было, пан гофмейстер, без ведома сената не принимать посланцев Сигизмунда, а тем паче от папы.

Стадницкий. Отец Гаспар, господин сенатор, был духовником императора...

Басманов. Не знаю. Нонче духовник у императора православный. Эй, Вандеман, приведи тех колдунов.

Вандеман уходит.

Савицкий. Господин сенатор!..

Басманов. Тише, государь!

Глубина темной конюшни пронизывается голубым, мерцающим светом; кто-то там, по ту сторону, распахнул вторые ворота. Слышен топот, игривый и стремительный. Конюх, в длинной розовой рубахе и коротких портках, босой, вводит серого, в мелких яблоках, арабского коня. Конюх подводит коня к стойлу и, отойдя, любуется.

За конем быстро идет Дмитрий. Он слегка навеселе, только что искупался и чувствует себя бодро, хотя вчера после охоты было выпито очень много. Великий дворецкий князь Масальский несет за ним его любимый польский гусарский мундир, а бояре — один ковер, другой саблю.

Одновременно с противоположной стороны Вандеман вводит Конева и Филатьева. Оба они приглядываются к окружающему с чрезвычайным любопытством — им так и хочется ощупать все руками. Впрочем, Филатьев более спокоен. Под мышкой у него пирог, завернутый в цветную тряпку, и баклажка с вином, и он даже находит возможность время от времени откусить от пирога и приложиться к баклажке.

Увидев отца Гаспара, Дмитрий вспоминает иезуитов, Краков, Самбор, свои клятвенные обещания святейшему престолу, а вместе с тем вспоминает короля Сигизмунда, значит, и «рокошан»... Многое вспоминает он! Впрочем, воспоминания раздражают его столько же, сколько челка, падающая на лоб,— мотнул головой и пошел дальше. Так и тут,— сделав руками веселый жест, не то как бы обнимая отца Гаспара, не то потягиваясь, Дмитрий вразвалку подходит к бревнам, на которые боярин уже бросил ковер.

Дмитрий. Как вам понравился климат моей страны, отец Гаспар?

Савицкий. Климат прекрасный, как сон дитяти, ваше величество.

Дмитрий. Он будет еще прекраснее, как сон влюбленных,— когда протянется до Константинополя. Да! Мы идем на турок. Вы видели мое войско?

Стадницкий. Отец Гаспар, ваше величество, очень интересуется кавалерией.

Дмитрий *(удивленно)*. Да? С каких пор? Вы раньше интересовались астрологией. *(Указывая на Конева и Филатьева.)* Вот два астролога. Этот, молодой, очень силен. Я взял его на охоту. И он отрубил медведю голову, а? Жарко! Полотенце! *(Трет полотенцем шею.)* Кавалерией? Я тоже люблю гусар. Вы видали моего коня? Он из Арабии. Его зовут Марс. Да! И сейчас, прохвост, он чуть было не лягнул меня, но увидал, негодяй, мое оружие. Да, Басманов, покажи-ка отцу Гаспару мою саблю! Если вы, отец Гаспар, желаете приучить коня к оружию, вы должны дать ему оглядеть и обнюхать его. *(Вандеману.)* Кто же из вас выиграл спор? *(И, не дожидаясь ответа, он опять обращается к Гаспару.)* Но если вы интересуетесь кавалерией...

Савицкий. Ваше величество, я кавалерией...

Дмитрий. Если вы интересуетесь кавалерией, то вы непременно должны интересоваться и собаками. У меня же четыреста борзых, отец Гаспар. Одних палевых сто десять... Сто десять, Масальский?

Масальский. Сто тринадцать, государь.

Дмитрий. Да, сегодня ведь та сука, Челмошка, ощенилась. Жаль, троих только! Отец Гаспар! Одна собака у меня — Раль, потомок собаки, полученной Карлом Великим с Крайнего Востока от тогдашнего калифа Арун Альрашида. А для того чтоб приучить собаку, отец Гаспар, надо подержать под мышкой кусок хлеба. И, пропитав тот хлеб вашим потом, кормить собак натощак.

Басманов. Позволь, государь, показать Раля?

Дмитрий. Покажи.

Савицкий. Ваше величество, разрешите мне...

Дмитрий. Коня увидеть? А, покажи, Басманов, и коня.

Басманов уводит неохотно шагающего за ним отца Гаспара.

Три святые вещи существуют на земле: конь, собака и астрология, или знание будущего. Конь несет всадника к будущему! Всадник верит коню, будущему и себе. А собака и верит им и любит их всех, да? Но почему же отец Гаспар отказывался от астрологии? *(Филатьеву.)* Ну как, сладки пироги у меня, астролог?

Филатьев. Вообще, я должен сознаться, ваше величество, что раньше я думал о семнадцатом веке гораздо хуже.

Дмитрий. Да? А ведь небось у вас, в двадцатом веке, там, уже очень хорошо толкуют сны? Вчера я видел во сне чернотелых людей на жидкой земле, сочившейся голубым. Что это значит?

Филатьев. К пьянству.

Конев *(укоризненно)*. Максим Егорыч!

Филатьев. А я что же, я расшифрую. Голубое и черное — красивое сочетание. Жидкая земля и крепкий человек, ясно, что спьяна все чудно́е кажется, и к тому же красиво.

Дмитрий. А в каком году двадцатого века вы существовали?

Филатьев. Весной тысяча девятьсот тридцать девятого года, в киногородке под Москвой. На этом и оборвалось!

Вернулся Басманов,— должно быть, патер Савицкий не так уж долго любовался конем и собаками. Посмеиваясь, Басманов слушает забавный разговор заморского чернокнижника Дмитрия с наивными русскими колдунами.

Дмитрий *(считая)*. Да, да. Нонче — тысяча шестьсот шестой. Триста тридцать три года. Число вещее!

Стадницкий. Что знают варвары, ваше величество, о вечности?

Дмитрий. Знания потому и знания, что их легко проверить. В книге «Эфемериды» лучшие астрологи мира описывают перемены небесных светил, а значит, и перемены среди людей. Я высчитал по ней имена моих наследников за пятьсот лет вперед. *(Быстро, как загадку, Коневу.)* Как зовут моего наследника, царствующего в вашем веке? А?

Конев. У нас властвуют отнюдь не ваши потомки.

Дмитрий. Что ж, моя царица бездетна? *(Сердито.)* Опять это! *(Спокойнее.)* Или я бесплоден? Но вы, наверное, слышали, что я обрюхатил тридцать монахинь из Вознесенского монастыря! *(Смеется.)* Цифра эта преувеличена, но все же некий грех на душу взят. А, Басманов? Взят ведь? Следовательно, я не бесплоден? Значит, вы предрешаете, что будут бесплодны мои дети? Сын? Или внук? Почему? Почему они бесплодны? От вина?

Басманов. Вино способствует чадорождению, государь. Вспомните Ноя.

Дмитрий *(боярину)*. Дай-ка. *(Пьет из жбана.)* Так чей же сидит потомок? Не короля ли Сигизмунда? Или Генрих Четвертый завоевал Московию? *(Смеется.)* Ты слышал мою шутку, Мержерет?

Конев. Ихних потомков тоже нету.

Дмитрий. Кто же сидит на престоле?

Филатьев. Даже птичка, и та не сидит, ваше величество.

Дмитрий. Кто же правит Русью? Патриарх? Или святейший папа?

Филатьев. Ни панов, ни попов, ни папов, ваше величество.

Дмитрий. Кто же управляет землей?

Конев. Так уж получилось, что землей, водой и вообще всеми силами управляет народ.

Дмитрий. Быдло? Холопы? Ха! Ха!

Дмитрий и свита хохочут.

А где же бояре? Басманов, похоже, что у тебя там с боярами хлопот не было б? Ну!

Ф и л а т ь е в. Кафтаны да портки от них пустые висят в музеишках.

Д м и т р и й. А храмы? Монастыри? Религия?

Ф и л а т ь е в. Была река, стала ручейком, а там и до болота недалеко.

Б а с м а н о в. Дозволь, государь, потискать их на дыбе: откуда эти еретические речи.

Д м и т р и й. Басманов, весьма опасно прерывать прорицания, хотя бы и ложные. Ну, дальше.

К о н е в. Что ж дальше? Земли, воды, поместья взяли. Попов и бояр перебили.

Д м и т р и й. Перебили. А склеил кто?

К о н е в. Сами и склеили. Не говоря уже о социальных соединениях, добились и высокой техники. Машины у нас отличные.

Д м и т р и й *(оживленно)*. А ты видел мою машину? На площади? Я ее назвал «ад». Я ее поведу на турок! Какие же у вас, например, машины?

К о н е в. Возьмем мою юность. Был я шофером. Ну, вроде кучера, по-вашему. Водил экипаж, машину. И водил ту машину со скоростью до ста верст в час.

Д м и т р и й *(хохочет)*. Сто верст в час? Да в этой машине любой арабский скакун сдохнет.

К о н е в. Скакунов в машине нету.

Д м и т р и й. Без коня? Парус?

К о н е в. И без паруса.

Ф и л а т ь е в. Газ такой, бензин. Ну, и при нем машина. *(Коневу.)* Как там дальше-то?

К о н е в. Дальше что ж: передаточные колесья там, шины, руль, спидометр, радиатор...

Д м и т р и й. Руль? Значит, это корабль? *(Коневу)*. Продолжай.

К о н е в. Есть радио. Аппарат такой, передает по воздуху, невидимо, речи. Предположим, говорят и поют в Кремле, а слышно в Америке.

Д м и т р и й. Ты плохо знаешь науку. Америка безлюдна.

К о н е в. При вас она безлюдна, при нас многолюдна. Еще свет пускаем по проволоке, летаем по воздуху на машинах, плаваем под водой...

Д м и т р и й. Стой! Басманов, дай ему лучших оружейников. Пусть он сделает мне... что же сделать? Машину, которая летает? Или ту, что поет на расстоянии? Нет! Он сделает мне машину, которая обгонит моего Марса. Тогда я ему подарю моего коня, денег, рабов!.. Ну?

К о н е в. Стоит тут, на площади, телега, щитами обитая. На катках... и в ней сидят мушкетеры. Называете вы ее «ад».

Дмитрий. Да!

Конев. Можно покатить этот «ад» без людей и коней. Паром!

Дмитрий *(удивленно)*. О-о-о... Басманов, я дарю ему два куска парчи и шубу.

Басманов. До подарка они все лакомы, да не лакомы тут же на месте свои слова оправдывать.

Стадницкий. Вы правы, господин сенатор!

Конев *(Стадницкому)*. Ишь ты, тоже обкатать хочет меня, валек! Доказать тебе мои слова? Докажу!

Дмитрий. Но помни, что среди нас есть тоже люди, знакомые с волшебством.

Конев. Зачем волшебство? Просто я покажу, что мы стали сильней и ловчей. *(Показывая на шпагу.)* Вот возьмем фехтование. Был я при нашей студии фейхтмейстером. Изучал отчасти и историю боецкого искусства. *(Мержерету и Вандеману.)* Насколько помню, вы в семнадцатом веке проводили традиции галантности в рапирном деле? Мы их опрокинули. Намек на это был дан еще в 1816 году, когда фейхтмейстер Ляфошер победил упрощенными приемами графа Бонди, самого знаменитого фехтовальщика Франции.

Мержерет. Таковым во Франции являюсь я, а не граф Бонди!

Вандеман. А я в Шотландии!

Конев. Вот и вы будете побеждены.

Дмитрий. Начинайте турнир. Сначала пусть бьется с Мержеретом.

Бойцы снимают кафтаны и становятся в позицию. Басманов делает знак Стадницкому, и они оба загораживают собой Дмитрия.

Конев *(пробуя шпагу)*. Мы проводим полный отказ от рубящих ударов шпагою, обращая внимание на отвод оружия противника и захват его рукой.

Мержерет. Холопские принципы!

Конев. С противником энергичным, вроде Мержерета, надо быть бдительным, держать его на дальнем расстоянии, разведать, сделать выводы, а затем уже действовать.

Дмитрий. Пора!

Конев и Мержерет бьются.

Конев. Разведали? Узнали? Действуйте!

Бьются.

Тесните! Вот так! Преследуете! Вот так! Не даете сосредоточиться!

Бьются.

Д м и т р и й. Ого, Мержерет уже обороняется! Стрелец превосходно направляет рапиру.

К о н е в. Сейчас произойдет отбив рукой. Раз.

М е р ж е р е т *(запыхавшись)*. Не может быть никакого отбива рукой, мужик!

К о н е в. Раз, два. И — укол!

Мержерет падает.

Д м и т р и й. Мержерет умер?

К о н е в. Нет, немножко ранен.

Д м и т р и й. Добей!

К о н е в *(наставительно)*. В борьбе самое важное узнать, что предпочитает противник: атаку или оборону. Оборона вызывает неизбежное поражение, так как допускает атаку со всех сторон.

Д м и т р и й. Добей! Он трус и лжец!

М е р ж е р е т. Ваше величество, помилуйте!

К о н е в. Он не трус, хотя и приврать любит. Он просто случайно попал на мгновение в двадцатый век и пусть хвалит своего бога, что дешево отделался. Попади он под автомобиль, я бы ему не ногу разрезал, а, по меньшей степени, живот. *(Вандеману.)* Ну как, Шотландия, готова?

Д м и т р и й. Да, да! Пусть бьется Шотландия!

С т а д н и ц к и й. И я!

К о н е в. А, Польша, в европейские союзники лезешь? Ну, иди к своему будущему, иди!

Д м и т р и й. А затем со мной!

К о н е в. Боюсь, с вами совсем не выйдет, ваше величество. *(Филатьеву.)* Подай-ка жбанчик, Максим Егорыч. *(Пьет.)* Про них нету мемуаров, и будущий мой автор... А у нас при всяком, даже не выдающемся, событии есть выдающийся автор. Так вот, этот будущий автор может написать про них, что ему хочется. А про вас ведь нельзя? Про вас-то небось мемуаров библиотеку напишут! А подерись я с вами? Что же это такое, скажут, никакого реализма, искажение действительности? *(Указывая на Вандемана.)* С противником вялым надо с самого начала действовать энергично. *(Указывая на Стадницкого.)* А с противником впечатлительным надо увеличивать его нервность непрерывными схватками.

С т а д н и ц к и й *(ожесточенно подняв шпагу)*. В позицию! Ради богоматери земли польской.

В а н д е м а н. Пора!

Бьются. Конев теснит Вандемана и одновременно отбивается от Стадницкого.

Д м и т р и й. Честное слово господу богу, но стрелец превосходно бьется!

К о н е в *(наступая на Вандемана)*. Есть укол?

В а н д е м а н. Нет укола!

Слышно посвистывание флейты и женский смех. Вбегает ш у т Марины.

Входит М а р и н а М н и ш е к. Она в светлом испанском платье, с веером. На цепочке она ведет рыженькую левретку в попонке с государственным гербом и в ошейнике, украшенном драгоценными камнями. С в и т а сопровождает ее. Выражение тревоги и даже некоторой неуверенности портит ее красивое лицо. Ей неприятно, что пришла к конюшням, так как ей известны разговоры при дворе, что Дмитрий заметно изменился к ней, хотя, как и прежде, торопит с коронованием. Увидав сражающихся, она легонько хлопает в ладоши, не столь радуясь турниру, сколь желая обратить на себя внимание, потому что за шумом стычки приход ее не замечен.

М а р и н а. Турнир? Как в Кракове и Самборе! Ну что же, есть укол?

К о н е в *(отбиваясь)*. У них будет непременно!

Дмитрий оборачивается к Марине. Оживление и азарт мгновенно покидают его лицо. Нехотя он берет гусарский свой мундир, натягивает его и кланяется тем изысканным поклоном, каким кланяются и испанцы и подражающие им шляхтичи. Сбоку к Коневу крадется Вандеман. Он готов было проткнуть Конева, так что Марина в восторге подняла было руки, чтобы аплодировать, но тут Конев внезапно поворачивается к Вандеману.

Захват оружия рукой. Раз. Два! Есть укол?

В а н д е м а н *(падая)*. Несомненно.

С т а д н и ц к и й *(испуганно пятится)*. Есть укол! Я говорю, пане, у меня есть укол.

К о н е в. Нет, пан, у тебя еще нет укола. Но смотрите. Обман удара. Перевод действия. Раз! Есть укол.

Стадницкий падает.

Д м и т р и й. Добей Стадницкого! Он подлец.

М а р и н а. Нельзя убивать моего гофмейстера!

Д м и т р и й. Добей!

К о н е в. Раньше всего скажите, ваше величество, что вы теперь думаете о двадцатом веке?

М а р и н а. И что вы думаете об этикете? Вы византийский базилевс!

Д м и т р и й *(свирепо)*. Да? Византийские базилевсы были тоже раз-

ные. А также их подарки! Басманов! Дарю царице тот золотой корабль в шестьсот тысяч флоринов! И ту гиацинтовую чашку! И те удивительные часы, что трубят каждый час! Все! До свидания, ваше величество.

Марина *(сердясь, но сдерживая себя)*. А что трубят часы, ваше величество?

Дмитрий. Да? Как все подданные вашего величества, они трубят то, что вы им прикажете.

Шут *(пытаясь рассеять назревающую ссору)*. А мне какой подарок, кесарь?

Дмитрий. А тебе за что, дурак?

Шут. За то, что дед мой был поляк.

Дмитрий *(хватает шута за шиворот и бросает к ногам Басманова)*. Ты любишь убивать, Басманов. Повесить!

Марина. Этого нельзя делать, ваше величество.

Дмитрий. Дарю вам, ваше величество, его последнюю остроту.

Смятение. Басманов и Масальский утаскивают шута. Марина испуганно прислоняется к стене конюшни. Цепочка падает из ее рук, и левретка убегает.

(Приблизив лицо к ее лицу, шипит.) Может быть, мне нельзя иметь и сына? Где мой наследник? Почему бесплодно ваше лоно, ваше величество? Где всходы? Разве мало было дождей — золотых, рубиновых, жемчужных? Разве плохо светит солнце моего государства? Да, да, да!..

Марина. Я?.. Я... Я молюсь о вашей душе, ваше величество! Вы необычайно... да, действительно необычайно переменились! Позвольте мне покинуть прогулку.

Дмитрий *(насмешливо)*. Остаюсь раб вашего величества.

Марина, сопровождаемая потрясенной и безмолвной свитой, уходит. Слуги унесли раненых капитанов. Дмитрий взволнованно ходит вдоль бревен.

Дмитрий. Да, да! Любопытно, что скажет будущая история о царице Марине. А, стрелец? Впрочем, Марина гораздо лучше, чем кажется с первого взгляда. Ее делают деспотичной ее друзья, эти рокошане. Прохвосты! Да и король Сигизмунд тоже прохвост! Он прислал продать мне драгоценности принцессы Анны. И просит за них двести тысяч флоринов! Да? Двести! А они не стоят и десяти. *(Остановившись.)* А что обо мне говорит будущая история?

Конев. История и о вас тоже имеет мнение.

Дмитрий *(самодовольно)*. Еще бы! Во-первых, она, как базар, любит давать прозвища. Моего отца она уже назвала Грозным. А меня?

Конев. Самозванцем.

Дмитрий. Э, старые басни Бориса Годунова! Это вздор, скажите вашим историкам. Историки! Ха! Я читал и Плутарха, и Тита Ливия, и Квинта Курция. Если б Александр Македонский прочел, что о нем сочинили историки, он хохотал бы громче меня! *(Хохочет.)*

Конев. Историю не отменишь смехом, ваше величество. И мы, хоть и недавно в семнадцатом веке, все же, как очевидцы, должны признать, что в общем историки наши были правы.

Дмитрий. Ты хочешь сказать, что у меня не было ни родственников, ни друзей? *(Вошедшим Басманову и Масальскому.)* Ну?

Басманов *(очень довольный)*. Болтается. *(Показывает двумя пальцами, как болтает шут ногами на виселице.)* Вот бы туда, рядом с шутом, еще бы да рокошан, да сигизмундовцев, да еще Шуйских и Мстиславских в придачу...

Дмитрий *(пронзительно взглянув на него)*. Ой, брось, Басманов! И ты не Годунов, и я тебе не царь Федор.

Короткое молчание.

Как себя чувствует царица Марина?

Басманов. Царице Марине Юрьевне дурно. Боюсь, что ей приснится сегодня покойный свекор Иван Васильевич.

Дмитрий. Да? Да, да. Жаль. *(Опять делает несколько быстрых шагов вдоль стены и останавливается.)* А ведь, пожалуй, пора обедать. Что у нас сегодня на первое, Масальский? Щи есть?

Масальский. Щи есть в каждом обеде, государь.

Дмитрий. Хочу щей! *(Уходит, сопровождаемый Басмановым и Масальским.)*

Филатьев. Пора бы и нам покушать. Только как все это понять, Фома Иваныч?

Конев. А так, что если Дмитрий на первое захотел русские щи, то надо опасаться, что шляхта на второе захочет скушать и самого Дмитрия.

Погреб в доме дьяка Филатьева. Обширное деревянное помещение, устланное сеном, сразу указывает, где любит жарким летом отдыхать хозяин. Вдоль стен стоят сундуки, высокие, широкие, в них спасают от моли громадные шубы хозяина и хозяйки. Сам Филатьев в длинной рубахе возлежит на коврах. Перед ним низенький столик, жбан с брагой, миска с солеными огурцами. Дверь открыта, и мимо нее слуги с преувеличенной резвостью бегают по жаре и солнцу. Вот, гремя подойником, прошла коровница. Двое внесли в погреб ковер. Трое слуг, пыхтя, вытаскивают из внутренности погреба, через люк, большой ларь. Чуркина наблюдает за их

действиями. Лицо у нее раздраженное, задумчивое и вместе с тем какое-то ищущее, к тому же она, видимо, плохо выспалась. Филатьев же, наоборот, превосходно выспался, и для счастья ему не хватает только полного убеждения, что он в семнадцатом веке. Так, увидав коровницу, он оборачивается и пристально смотрит на ее голые икры шириною с борозды, проводимые плугом. «Трудно не поверить в реальность существующего»,— думает он и, крякнув, пьет из жбана.

Филатьев. Малаш, а Малаш!

Коровница останавливается.

Молочко-то парное?

Коровница. Парное, батюшка.

Филатьев. А куда же несешь прочь? Ты на погреб внеси. Разливай, голубушка, по крыночкам, не стесняйся. Али свечи нету? Разожги лучину, да и в погреб.

Коровница. Да вот процежу, батюшка, тогда и буду разливать.

Филатьев. Нешто выпить парного-то?

Коровница. А ты выпей.

Коровница, поддерживая рукой полный подойник, подходит к столику и льет в ковш молоко, Филатьев жалит ее за икру, она сыро дрыгает ногой, и на лице ее не изображается особенного неудовольствия, надо полагать, она привыкла или вообще ее плотные мускулы очень удалены от раздражения.

Филатьев *(Чуркиной)*. Ты, Анна Михайловна, не косись.

Чуркина. Хоть всех обнимай.

Филатьев. Знаю вас, знаю баб. Скажет — обнимай, а сама попу нажалобится.

Чуркина. Не видала я попов? На их самих надо жалобиться.

Филатьев. Ну, ну! Ты о попах сомнительные речи брось. Твое дело какое? Терем. Грамоте ты неученая, разумом простовата, собой стыдлива. *(Подает слуге ключ.)* Раскроешь ларь, потрясешь шубы, покажешь их мне, да тогда и закроешь. В моем присутствии. Иди!

Слуги выносят сундук. Уходит и коровница. Чуркина тоже хочет уйти.

Обожди, Анна Михайловна.

Чуркина. Да, опять за свое.

Филатьев. Свое и есть свое. Оно жжет. Мужская крепость-то скребет меня. Все внутри переливается. Голоса! В лице изменение красок!

Чуркина смеется.

Что смеешься? Брось. На Фомку Конева косишься? А Фомка твой карьерист. Конечно, хорошо, что мы с ним в XX веке встретились.

Ч у р к и н а. Для вас-то лично что хорошего?

Ф и л а т ь е в. Знакомство хорошее, вот что. Теперь он Мержерета подрезал, Вандеману в брюхо пырнул, да если еще Басманова столкнет, вот и пролез в начальники дворцовой гвардии. При нем отличнейше жить можно!

Ч у р к и н а. Вы и так хорошо живете.

Ф и л а т ь е в. Бесспорно, питаемся, Анна Михайловна. Мне что-то студню захотелось. Вели принести.

Чуркина молчит.

Чего насупилась-то? *(Вздыхая, достает чертеж и смотрит на него задумчиво.)* Вот, велел он мне восстановить в памяти чертеж паровой машины. А прах ее знает, куда что! Да, оно, знаешь, гуманитарное воспитание, вещь, оказывается, странная.

Ч у р к и н а. Это у вас-то гуманитарное воспитание?

Ф и л а т ь е в. А как же? Я речи Цицерона учил? Учил. Достоевского наизусть знаю? Знаю. Шекспира долбил? Долбил. А вот почему из крана вода идет или как устроить электрическую лампочку — не знаю. Как же насчет студня? Да брось ты, Анна Михайловна. Все равно Фомка в Наташку Масальскую влюблен.

Ч у р к и н а. И прекрасно.

Ф и л а т ь е в. Нет, ты-то думаешь наоборот: не прекрасно!

Ч у р к и н а. Ну прямо обезумел, избаловался! Тьфу! И нашли кого в семнадцатый век послать.

Ф и л а т ь е в. Аннушка! *(Хочет к ней подойти с лаской).*

Ч у р к и н а. Изобью! *(Уходит.)*

Ф и л а т ь е в. Однако! Избаловался? Не знаю, кто из нас избаловался. *(Ходит по погребу.)* Просто даже удивительно, как скажет: избаловался. *(Хватает ковш.)* Фу-ты гадость, кто это мне парного молока налил. Степка!

Вбегает с л у г а, держа в руке шубу и веник.

Налей-ка кваску, да похолодней. *(Смотрит на шубу.)* Э-э, голубчик, да, никак, шубу-то моль тронула?

С л у г а. Иде она тронула?

Ф и л а т ь е в. Иде, иде. *(Трясет шубу.)* А это? Как ты допустил? Чучело! Смотри, воротника совсем нету. Как я теперь в сенат пойду без воротника? Тебе известно, что твой хозяин первейшее лицо в сенате?

С л у г а. Как не знать, батюшка боярин.

Ф и л а т ь е в *(смягчась).* Ну, положим, какой я боярин.

С л у г а. Да быть боярином, батюшка.

Филатьев. Думаешь, быть?

Слуга. А чего не быть? С таким умом...

Филатьев. Одного ума, братец, мало. Сенат требует интриги. А в интригах я слаб. *(Вошедшему слуге.)* Чего ты?

Слуга. Фома Иваныч во двор въехали.

Филатьев. Зови! *(Второму.)* А ты на стол накрой! Да Анне Михайловне скажи, что, мол, гость студень любит.

Входит Конев, как-то хмуро возбужденный. Филатьев подходит к нему с чертежами.

Вот, Фома Иваныч, насколько вспомнил. Коробочный золотник в коробке «Ц». Да ты что такой расстроенный? Дома, что ли, неладно?

Конев. Да и дома.

Филатьев. Чего?

Конев. Поговорили мы там, в полку, между стрельцами... а кто-то и побеги к Басманову. Нас, четырех, полковник, и убрали. Ну, отец да и мать убиваются. В деревне нашей восемь дворов, да и те весной наполовину выгорели... жили жалованьем! И не жалованье мне жалко, а полк!

Филатьев. Вот тебе и на! А я-то на тебя рассчитывал.

Конев *(стукнув кулаком)*. В самое нужное время убрал, собака! Вот мы вчера с тобой не могли вспомнить, когда там, по нашему сну, выходила смерть Самозванца. То ли в шестьсот шестом, то ли в шестьсот десятом...

Филатьев. Во сне плывешь, а наяву — тонешь. Допустим даже, Фома Иваныч, что это была мечта. Так какая же я оправа для мечты?

Конев. Хорошо, что хоть я ружейников да пушкарей приготовил.

Филатьев. К чему?

Конев. А к набату.

Филатьев. А не хватит ли для моей жизни этих самых восстаний? Нет, ты постой! Восстание? *(С усилием вспоминая.)* Ты мне скажи: является ли незыблемым понятием исторической науки, как его, того, понятие, что правящее меньшинство семнадцатого века всегда сохраняло свое положение?

Конев молчит.

А? Значит, это меньшинство исторически необходимо?

Конев. Необходимо.

Филатьев. Значит, и я исторически необходим?

Конев. А скажи, Максим Егорыч, не ты ли продал семью Сеньки Беспалова?

Филатьев *(смущенно)*. Подумаешь, какая-то залежавшаяся старушонка.

Конев. Ого! Так ты, помимо рабовладельчества, еще и работорговец. Чего же вы смущаетесь? Ведь вы исторически необходимы!

Филатьев. Из-за старушонки-то смущаться!

Чуркина *(входит)*. А кто Арину-портомойку замуж насильно хотел выдать? А где Григорий-хомутник? Ишь ты, тоже, Фому Иваныча хочет, как горох, облущить да выбросить.

Филатьев. При такой помощнице черта выбросишь! Ей бы чин монашеский блюсти, а она — песни петь, с гирями играть, а то еще с Наташкой Масальской за арбалет возьмутся. Наташка, упаси бог, озорница!

Конев. Ничего. С озорства и Москву построили.

Филатьев *(яростно)*. Хватит, поозоровали. Где студень, баба-а!!

Слуга *(вбегает)*. Боярин князь Масальский!

Филатьев. Ну вот, накликали!

Конев. А еще неизвестно, зачем он приехал.

Филатьев ушел.

Мужик он, Максим Егорыч, в общем честный, но душой слаб.

Чуркина. Это он-то слаб душой? *(И вдруг она начинает всхлипывать.)*

Конев. Что вы, Анна Михайловна, что?

Чуркина. Да мне Сенечку моего жалко, Фома Иваныч, там, в Москве! Господи, как хорошо там! И неужели же это сон был, Фома Иваныч?

Конев молчит.

Как же дальше-то быть?

Конев. И дальше все так же.

Чуркина. И Максим Егорыч так же при мне?

Конев. Жизнь, Анна Михайловна, не календарь, где суточное и годовое движение планет точно предсказано.

Чуркина. Фома Иваныч, голубчик, увозите Наташу, женитесь! Хоть вы один будете счастливы. Она хорошая, смелая, крепкая...

Конев. Да я ее и люблю крепко.

Филатьев *(у дверей)*. Пожалуйте, князюшко, пожалуйте...

Конев *(с досадой)*. Ишь ты!..

Чуркина. Я вернусь еще... *(Ушла.)*

Масальский *(входит)*. А у тебя тут, дьяк, прохладно и обширно. Здравствуйте, Фома Иваныч. *(Посмеиваясь.)* Как твоя машина?

Конев. Достраиваем, боярин. А как твой живот? Не легче?

Масальский. По утрам все колет. Я уж и пиявки ставил, и царицына лекаря звал — не помогает. В вечеру будто отойдет, а к утру ка-ак схватит! Патриарх обещал молитву сотворить да

святым елеем смазать, авось поможет. Только патриарх у нас того, не святой. Ась?

Конев. Патриарх пьяница и ёрник.

Масальский *(кивая головой на Конева)*. А? Молодежь-то у нас какая острая, а? А ты чего у нас не показываешься, Фома Иваныч?

Конев. Да все у машины.

Масальский. И в полку?

Конев. Из полку меня убрали.

Масальский. Вон оно куда? Мушкеты-то новые успели получить?

Конев. Шляхта не хотела выдавать, да, спасибо, князь Шуйский помог.

Масальский. А? Князь Шуйский о русской державе заботится.

Филатьев *(стараясь отвести опасный разговор)*. Яблочка моченого не хочешь ли, боярин?

Масальский. Чего ты ко мне пристал с яблочками? Яблочко от яблоньки-то... знаешь поговорку. Вот и быть мне, стало, яблоней, а вам яблочками. Понял?

Филатьев. Да невдомек, боярин.

Масальский. А ты домекай, ученай ведь. *(Коневу.)* А стрельцы не поговаривают, с чего это, мол, шляхта нам мушкеты не выдает?

Конев. Поговаривали...

Масальский *(живо)*. А как поговаривали?

Конев. Да так, мол, что стрельцов от Москвы отводят, вроде как бы на турку, а без мушкетов. А в Москву ведут тех полоненных полячишек, которые от похода Батория еще в нашей стране сидят. Дескать, на черта нам такой турка сдался.

Масальский *(смеясь)*. Так и выкладывают?

Конев. Так и выкладывают.

Масальский *(притворно строго)*. А-я-яй. «На черта нам такой турка сдался». Да как они смеют, стрельцы-то! *(Потягивается.)* А я к тебе по дороге из сената. Так ты, стало быть, зайдешь ко мне, Фома Иваныч. Да и ты заходи, Максим Егорыч. Когда зайдете-то?

Конев. Вот машину доделаю и зайду.

Масальский. А может, и раньше? Царь коронацией занят, ему не до машины. *(Смеясь, Филатьеву.)* «На черта нам такой турка сдался». Ну и стрельцы! Ну и озорники! Хорошие ребята, зря их обижают. Но озорники! Прощай, Максим Егорыч. Насчет яблочков-то смекнул, а? *(Тычет ему в бок и уходит.)*

Филатьев хмуро идет за ним.

Входит поспешно Чуркина. Она дотрагивается до рукава Конева, который стоит задумавшись.

Чуркина. Фома Иваныч, нонче, как соловьи запоют...

Конев *(вздрогнув)*. Где? Какие?

Чуркина. Как в саду у Масальских запоют, так ты к терему... важные слова тебе скажут...

Конев. Кто, кто?

Слышны шаги, покрякиванья Филатьева. Чуркина, махнув рукой, скрывается. Возвращается Филатьев. Он мрачно опускается на ковер и исподлобья наблюдает за Коневым, который ходит из угла в угол.

Умный человек князь Масальский. Все в шутку, все вроде бакалеи, а смотришь: заместо орехов да варенья — порох и пули.

Филатьев *(уклончиво)*. Нельзя сказать, чтоб в сенате служить было легко. Приезжать велят пораньше, а уезжать попозже. Вот и торчишь целый день. Наказывают тут же, перед приказами. Вчерась Ивановская площадь вся криками поросла, как травой. Секли смутьянов. Нет, страшусь я пыток, Фома Иваныч.

Конев. А жить тебе под шляхетским кнутом не пытка?

Филатьев. Так-то оно так, да ведь и на том свете утятиной не кормят.

Конев пошел.

Ты куда?

Конев. А я на Красную площадь пошляться, посмотреть. В народе, что в туче — при грозе все наружу выйдет. *(Ушел.)*

Филатьев *(ошеломленно хватаясь за голову)*. Околдовал, даром что такой умный дьяк перед ним! Сверху донизу я околдован! Сбежать бы, да куда сбежишь? Приятное, как бы свадебное колдовство! И, с другой стороны, если я проявлю мудрость и пойду за ним, так ведь и Анна Михайловна может меня за витязя принять. Нет, прямо волшебство! Все помню, хоть будто и весь в семнадцатом веке и только волосики, как у утопленника, торчат в двадцатом, а вот какое у нее тело, хоть убей, не могу вспомнить. Удивительно, непостижимо, крайне странно! Фролка!

Голос слуги: «Слухаю, батюшка барин».

Вина! И груздочков. Не выпивши нельзя понять смысла всего этого варварского своеволия, этого, как бы сказать, золотого волшебства. *(Подняв вверх глаза.)* А какие, воображаю, у нее плечи! Ведь глаза-то, как лиры, кипят, звенят, поют. Химически и эстетически определяя: огонь, цыганка, разобьет мою жизнь, как стекло. Ну, и прах его дери с сенатом и прочим. Пусть!..

Красная площадь.
Скоро стемнеет. Уже пыль розова, уже слышны скрипы уходящих телег, и кое-где торговцы начинают складывать свои товары в короба.

Лари с мочалой, лыком, веревками, хомутами, вожжами — всей бедной веревочной сбруей, созданной непрерывными голодом и войнами. Среди покупателей н е с к о л ь к о м у ж и к о в, *из тех, что мы видели в доме боярина Масальского.*

Т о р г о в е ц *(показывая мужикам хомут).* Это не хомуток, а чисто девичий ноготок. Сплошь в серебре. А коли спросишь, иде *(смеясь),* она, милай, внутре!

П е р в ы й м у ж и к. Хомут хитрой, новогородской. *(Потише.)* Новогородской двор начнет, что ли, сказывают? Да и то им ближе к ляхам-то.

Т о р г о в е ц. Тиха-а! Не разбей корабля ране бури: никак, поляки идут. *(Веселым голоском.)* Такой хомут надеть: ни разбойникам, ни колдунам не одолеть. Он и святым словом заговорен и святой водой освящен.

В т о р о й м у ж и к *(нетерпеливо).* Видать, и тебя по дороге освятили. Ишь, язык-то болтается, как колокольчик на дуге.

Т р е т и й м у ж и к. Только язык и остался. Да возьми, скажем, хомут. Ране, до ляхов, хомуты были кожей обиты, вожжи опять тоже ременные были...

Входит К о н е в. *Он идет медленно, осматриваясь и прислушиваясь. Подходит к ларю, берет хомут, осматривает.*

К о н е в. Не богато живете.

Т о р г о в е ц. Был бы ко́нь, а хомут, как семя: сам нальется после цвета.

К о н е в. Да и коней, я вижу, у вас мало осталось.

Т р е т и й м у ж и к *(хмуро).* Кому как не боярам наших коней знать.

Т о р г о в е ц. Э, тиха-а! Стрелец-то наш.

П е р в ы й м у ж и к. И точно. Кажись, мы его, мужики, у Масальского видали. Хороший парень! *(Быстро, Коневу.)* Ты, стрелец, уходи. Паны нонче по базару целый день рыщут...

В т о р о й м у ж и к. Да не ласковы таки!

К о н е в *(ухмыляясь).* Тоже, вышли паны на площадь с перепелиной сетью. Куда им?

П е р в ы й м у ж и к. А все-таки лучше уйти. Вдруг да кафтанишком и наколешься на какое острие. Вон, вон, опять идут, в медных набрюшниках-то. Важны-и.

В т о р о й м у ж и к. Оне при царе гвардия.

Сначала проходит с колотушкой к а р а у л ь н ы й. *Это пьяный мужичонка в длинном рваном зипуне и разбитых лаптях. Он идет, напевая под нос и стукая колотушкой.*

Караульный. Время, православные, время. Пробило било. Запирай лари, к вечерне пошли звонари. Очищай площадь, православные. *(Ушел.)*

Входят гвардейцы.

Первый гвардеец. Люблю я, пане, шум базара.

Второй гвардеец. Шум — да. Но вонь?

Третий гвардеец. Шум — да. Шум отрубленной головы, а? *(Хохочет.)*

Первый гвардеец. Шум, говорю я, это значит — звон. *(Подходит к торговцу и смотрит на него.)* Зачем бояться, любезный? Много торгуешь?

Торговец. Много ли, батюшка, тут наторгуешь? Лыко да мочало...

Первый гвардеец. Русские торгуют лыком да мочалом, иноземцы — мехами? Так?

Торговец. Да ведь и мы мехом поторговать можем, дай время...

Первый гвардеец. Так мы не даем время, так?

Торговец. Как не даете, батюшка?

Первый гвардеец. А раз мы даем время, так вы нам должны дать деньги. *(Гвардейцам.)* Вот о каком звоне я говорил. *(Торговцу.)* Если у тебя нет денег, стань на колени.

Торговец падает на колени. Гвардеец внезапно наклоняется к нему и умелым движением засовывает руку за пазуху. Торговец извивается, но рука гвардейца упряма и ловка.

(Вытаскивая кошель и звеня монетой.) Слышите веселый звон базара?

Торговец. Голубчик, батюшка, отдай...

Первый гвардеец. Если я тебя попрошу, отдай мне голову, ты ж не отдашь?

Коиев. Отдай кошель, змий...

Первый гвардеец. Как молвил, пан голова?

Конев. На колени станешь, да еще мордой дорогу подметешь, вот как молвил.

Первый гвардеец *(кладет руку на саблю)*. Прошу пана голову повторить это сызнова.

Конев *(вырывая кошель и бросив его в лицо торговцу)*. А вот и повторил.

Первый гвардеец. Оскорблять гвардию императора!

Второй гвардеец. Панове, слышите. *(Хватается за оружие.)*

Первый мужик *(беря связку лыка)*. Ой, что-то я, братцы, продрог. Не согреться ли?

Второй мужик. Православные, пожар. У ляха штаны горят.

Первый мужик. Туши. *(Бьет ближайшего гвардейца по голове.)*

Третий мужик. Православные, помогите жернов двинуть.

Шум, грохот, ларь падает. Крики и колотушка караульных, затем грохот барабана. Свалка прекратилась. Гвардейцы убежали, один остался на земле.

Конев. Эх, ребята, поленом-то зря. Поленом надо бить, когда остальные стрельцы подойдут.

Первый мужик. А я по легкости, вишь, полено-то за метлу принял. *(Утирая пот.)* Сейчас стражи явятся, небось целый полк. Ты, стрелец, уходи пока.

Конев. Что же я вас брошу?

Первый мужик. Нас не бросишь, пока мы тебя не бросили. Мы незаметные. Мы для гвардии все на одно лицо. Мы сейчас под телегу, да возле телеги, да в канаву, глядишь — нас и нету. А у тебя кафтан красный, как костер.

Второй мужик. Бяги.

Третий мужик. Давай я тебя уведу.

Конев *(взволнованно)*. Братцы, завтра ночью стрельцы в Москву войдут, так кафтан мой припомните...

Первый мужик. Приметим, приметим, стрелец. Иди.

Третий мужик уводит Конева.

У этого коготь не забирный, не казенный, это выровненный человек. *(Мужикам.)* Забрезжило? Ну, и хорошо. Только стрелец верно говорит, не надо бестолково драться. Стало быть, потому, расходись. Под заборы, в канавы, в бурьян, чтоб не видать и не слыхать до времени. Ну? Эх, хороша сабля на гвардейце, придется взять.

Свист, шум, топот. Мужики разбегаются. Когда на площадь выходит полурота гвардейцев, площадь уже давно опустела, только связки лаптей да лыка лежат, покрытые пылью, на дороге.

Высокий, из бревен, забор сада. Забор покрыт мхом, зарос крапивой и даже мелким кустарником. Ни калитки, ни щели. Вечер. Темно. Поет соловей.
Входит, запыхавшись, Конев.

Конев. Ну и забор. Прямо саркофаг. *(Осматривает.)* Где тебе найти щель? Нет, не люблю я дерева. Гниль в нем какая-то. То ли дело металл: и блестит и никаких насекомых в нем не заведется. Конечно, у подлеца и в железной кровати могут клопы быть... *(Прислушивается к соловьиному пению.)* Хорошо. Хорошо поют. И молит, и хвалится, и как-то ежит тебя, и какую-то далекую весть подает. Так из тебя все отруби и сыплются. И не

веришь в чернокнижья, в сны, в предсказания, а послушаешь соловья и поверишь, что был ты в двадцатом веке и что счастье близко. Так сказать, пороги перевалил, и пошла глубокая, рыбная, спокойная да веселая вода.

Над забором показывается голова Н а т а ш и М а с а л ь с к о й, а затем Ч у р к и н о й.

Наташа — восемнадцатилетняя девица, через край наполненная здоровьем и уверенностью в себе. Наши предки думали о ней, что она красавица, да и нам, современникам вот этой сказки, трудно не согласиться с ними.

Наташа так твердо убеждена, что если глянет, так вы и немедленно влюбились, что вы постыдитесь и сказать, что это не так. Наташа, смеясь, любуется походкой Конева и его чуть слышными ей словами.

Ч у р к и н а. Вы что так быстро дышите, водоплаватель?

К о н е в. Течение стремительное, Анна Михайловна. *(Подходит к забору.)* К вам прыгнуть? Или вы ко мне?

Н а т а ш а. Ишь вы какой повадный. Все по гостям привык ходить.

К о н е в. Таких гостей впервые встречаю.

Н а т а ш а. Плохи, значит?

К о н е в. Так плохи, что вот только проведал, можно и причащаться.

Н а т а ш а. Без исповеди?

К о н е в. Исповедь сказана.

Н а т а ш а. Кому это?

К о н е в. А вам.

Н а т а ш а. А мы и не слышали, Анна Михайловна?

Ч у р к и н а *(смеясь)*. К сонному попу на исповедь не ходят.

К о н е в. Не верю, что сонны. *(Кладет руку на сердце.)* Здесь такая исповедь, что на устах она покажется и неискренней и неполной.

Ч у р к и н а. Простудил, стало быть, уста-то?

К о н е в. Страшусь, что онемеют от волнения, Анна Михайловна.

Н а т а ш а. А сам все говорит да говорит, как вода приступает в розлив; боюсь, что с ног собьет да и унесет в сине океан-море. А там простор да свобода, да ветер такой-ой. Ты, стрелец, океан-море видал?

К о н е в. Видал.

Н а т а ш а. Широкое?

К о н е в. Как любовь.

Н а т а ш а. Длинное?

К о н е в. Как любовь.

Н а т а ш а. Веселое?

К о н е в. Любовь веселей.

Н а т а ш а. Да, стрелец, тебе в пристяжке бежать не годится, тебе в

корню надо идти. А правда ли, Фома Иваныч, будто вы медведю голову саблей отрубили?

Конев. Лешему труднее отрубить.

Наташа. И лешего встречали?

Конев *(смеясь)*. Всяко случалось.

Наташа. А какой он?

Конев *(показывает)*. А вот какой.

Наташа. Такой маленький! *(Смеется.)* И говорит слова небось?

Конев. Говорит. Пане, па-не... *(Подходит к забору.)* Скучно у вас в тереме, Наташа?

Наташа. Скажи я скучно, он скажет: пойдем со мной. Нет. У нас не скучно. Мы песни поем про океан-море и про богатырей. Мы нитку гоним, длинную, как ветер, а вышивка — чуть ли тоже не океан-море. Няньки приходят, сказки рассказывают. Нет, мне в тереме нравится. А, правда, Фома Иваныч, говорят, вы порченый?

Конев. Чего?

Наташа. Ну, конечно, он порченый. Он даже и слова не знает такова. Сказывают, что Фома Иваныч будущим бредит. Дескать, гость я из будущего. Ай, нехорошо. Надо настоящим бредить. Вот я, например, увидала из терема в окошечко Стадницкого.

Конев. Кого?

Наташа. А поляк такой при царе Дмитрии ездит. С усами вот такими хра-а-брыми *(показывает)* — и в латах...

Конев. Гофмейстер? Да он — пузан. Да он — пьяница. Да он — трус.

Наташа. Я была маленькая...

Конев. Конечно, раз маленькая. Давно это случилось?

Наташа. А полгода, стрелец, полгода.

Конев. Сколько же вам сейчас, если вы полгода назад были маленькая.

Наташа. Через шесть месяцев восемнадцать.

Конев. Да, сейчас вы взрослая. Но и ребенка было позволительно спросить: чего ради влюбился ты в этого пана?

Наташа. А меня лишь бы увели.

Конев. Стало быть, терем-то не в меру хорош?

Наташа. Теперь хорош.

Конев. Почему?

Наташа. Дядя обещал другого суженого.

Конев. Негодяй ваш дядя. Сначала он показывает вас пану, а затем пытается продать какому-то второму подлецу.

Наташа. А может быть, второй-то и не подлец?

Конев. Безусловно подлец.

Наташа. Разве уж все подлецы, которые из будущего-то, порченые-то?

Конев. Наташа! Не верю.
Наташа. Чему?
Конев. Не верю, чтобы ваш дядя таким пристойным человеком был.
Наташа. А ему то впору, что к славе идет. *(Наклонившись с забора и простирая вперед руку.)* Ты, стрелец, слушай. Ты смелый, сильный, крепкий. Тебе за меня свататься не надо. Я грубая, несообразная... *(Чуркиной.)* Ты меня, Анна Михайловна, не тормоши. Я ему все скажу. Я тоже порченая, при мне тоже говорить надо громче...
Конев. Вот мы друг друга и расслышим, Наташа!
Наташа *(смеясь)*. Будем друг другу кричать!
Конев. Да! Наташа!
Наташа *(тоже кричит)*. Фомушка-а...

Голос в саду: «Наташа! Где ты-ы?»

Вот и докричались. А я ведь только начала про себя рассказывать. А то люди такое наврут про меня, стрелец, тебе и смотреть на меня будет противно.
Конев. Никогда не будет противно смотреть.
Наташа *(вздохнув)*. Никогда?
Конев *(вздохнув)*. Никогда!
Наташа. Побожись!
Конев. Ей-богу!
Наташа. Да ты, слышала, и в бога не веришь?
Конев. Не верю!
Наташа. Ну вот видишь, какой ты. Ну да уж все равно. *(Наклоняется к нему, обнимает его и целует.)*

Голос: «Наташа-а, где ты-ы?»

Здесь. *(Целует Конева.)* Ух, теперь не страшно! А я ведь думала, что ты и на самом деле порченый. *(Целует.)* Нет, не порченый. *(Тихо.)* Уста у тебя, Фомушка, как гром! Во мне такой гул, как это!.. *(Целует.)* В море хорошо?
Конев. Хорошо.
Наташа. Просторно.
Конев. Просторно.
Наташа. С тобой и хорошо и просторно, и такая я большая, как море, и маленькая, как мышь. Так бы рук не размыкала. Видишь, какая я несообразная.

Голос (приблизившись): «Наташа-а!»

Ну чего ты, нянька, мычишь над ухом. Видишь — соловья слушаю. Прощай, сокол, прощай, морюшко мое, океан, прощай! *(Целует.)* Время накоплю, встретимся! *(Спрыгивает.)*

Чуркина. Прощай, Фома Иваныч, не укоряй, что потревожила тебя от государственных дел. *(Скрывается.)*

Конев. Фу, какой тугой день! И солнечный какой. И силосный. Ветры дуют, а присадки-то все-таки не хиреют, а укореняются. Вот и сейчас. *(Трогает рукой забор.)* Прислонился я к Наташе, а она, пожалуй, неподатлива и крепка будет, как этот забор. Ну что же, будем, видно, жить упруго.

Входит поспешно Филатьев.

А ты откуда, Максим Егорыч? Как сюда?

Филатьев. Тебя ищу, Фома Иваныч. Что же это такое? Сходил я на базар. Лично, лично выбрал.

Конев. Кого выбрал?

Филатьев. Поросенка. Розовенький такой, как яблочко. Поджарил я его, голубчика, корку соорудил, трескучую, будто ледок молодой. Охладил. И так легонько за ножку взял — и ко рту. Ко рту. Понимаешь ты мое чувство?

Конев. Крайне отдаленно.

Филатьев. Держу во рту, а жевать еще жалко. Думаю, пускай помучается, сатана-а!.. Вдруг, на тебе, подьячий Перепелкин, знаешь, рябой такой, входит и говорит мне: «Что это ты, Максим Егорыч, на Красной площади балуешься?» «Как так?» — спрашиваю.— «Да так, говорит, поступило донесение, что ты вместе с Коневым гвардейцев побил». «Каких таких гвардейцев? — говорю.— Чего мне их бить?»

Конев. Нет, и тебе, Максим Егорыч, бить их надо.

Филатьев. Да я-то их не бил?

Конев. Точно, не бил. Это я их с мужиками бил.

Филатьев. Да ведь за мной стража государева гонится! Я к тебе за спасеньем прибежал.

Конев. А-ах, досада. Не вовремя. Ты на конях?

Филатьев. Пеший, пеший, Фома Иваныч. Как в подштанниках прохлаждался, так и побежал. Сердце полощет, страсть. Я присяду, я не могу больше... *(Садится.)* Ты уж, бог с тобой, беги! Я уж как-нибудь сам за себя отвечу, Фома Иваныч.

Конев. Ну, у нас так не водится — приятеля бросать, да еще такого толстого. *(Смеется.)* Отлогостей в тебе много, Максим Егорыч.

Филатьев. Еще смеется.

Конев. А я и дальше буду смеяться. Во мне счастье такое накопилось, Максим Егорыч, что теперь, считаю, хватит все кровли покрыть, на весь город.

Голоса: «Здесь он! Сюда он, толстый боров, побежал! Вон, эва, такой выпуклой».

«Эй, сиди, дьяк, смирно, а то зарежу, толстобрюхай».

Ф и л а т ь е в *(кричит)*. А ты не ори! Брюхо-то, оно тоже работает!

К о н е в. Одобряю, Максим Егорыч.

Ф и л а т ь е в *(засучивая рукава)*. Да что они, на самом деле... *(Опять садится.)* Нет, запыхался...

С т р а ж а *(вбегает)*. Здеся. Оба.

— Обоих вязать.

— Боярин Басманов велел обоих вязать.

Стража бросается на Филатьева и Конева.

Оружейная палата царя Дмитрия в его новом дворце на берегу Москвы-реки. Большая комната, стены которой завешаны блеклыми персидскими коврами. Высокое окно пропускает свет сумерек, и кажется, что голубые ковры только тень реки, которую видно в окно. Оружие развешано по стенам, лежит на лавках, в углу. Вдоль стен стоят сундуки, обитые толстыми полосами железа, отчасти похожие на несгораемые шкафы. Стол, покрытый зеленой парчой, чернильница, украшенная орлом, и такие же золотые орлы на креслах и на каминной решетке. Трубы. Появляются расстроенные ряды коронационного шествия. Впереди П е т р Б а с м а н о в бережно несет на золотом блюде царскую корону. Князь В а с и л и й Ш у й с к и й и князь М с т и с л а в с к и й, оба в белых кафтанах из серебряной парчи, ведут под руки царя Д м и т р и я. Рослый В а с и л и й Г о л и ц ы н, в темной, каштанового цвета одежде из бархата, подбитого соболями, несет позади царя обнаженный меч с рукояткой в виде золотого креста. Дмитрий бледен, взволнован и полощется внутри своей ризы, парчовой и розовой, как птица в дождливом рассвете. Он то и дело поправляет на шее большое алмазное и рубиновое ожерелье и смарагдовый крест.

М а р и н у, так же как и Дмитрия, знатные ведут под руки. Марина умело преодолевает неповоротливость византийского платья, и даже сапоги с высокими каблуками хороши на ее ноге.

Дмитрий подбегает к креслу и бросается в него.

Д м и т р и й. Непозволительно! Непозволительно глупо! Спорить с императором в день его коронования! Шуйский — корону! Мстиславский — скипетр! Я буду говорить. Пан Гонсевский, я буду горячо говорить с вами.

Г о н с е в с к и й. Всепросветлейший государь Сигизмунд Третий, божьей милостью король польский, литовский, прусский, наследный король шведский...

Д м и т р и й. Ране, чем возговорить о таком титуле, победите шведского короля Карла Девятого.

Гонсевский. Шведский круль — самозванец.

Дмитрий. Самозванец? *(Хохочет.)* Годунов обо мне то же самое кричал. Смотрите, как бы Карл Девятый не угнал вашего Сигизмунда так же далеко, как я Годунова.

Гонсевский. Оскорбления ваши, господин великий князь, указывают только, что московские бояре чрезмерно возгордили вас.

Дмитрий. Император, а не великий князь!!

Марина. Император, возгремевший на престоле с благословения бога и папы!..

Шуйский. И патриарха, ваше величество.

Мстиславский. И бояр московских, государыня.

Марина *(поднявшись в креслах)*. Гони посла, Дмитрий, гони!!

Дмитрий *(размахивая короной)*. Отойдите, я не псарь. Чего вы лезете ко мне, псы? А вы, господин посол, вытрите вашу шею и лицо. От вас воняет потом усердия.

Придворные отхлынули к дверям. Дмитрий, играя короной, сидит глубоко в кресле. Возле орла, над Дмитрием, возвышается грузная фигура Басманова. Дмитрий снизу вверх смотрит на него.

Этот посол похож на дурную примету. Ну?

Басманов *(тихо)*. Боярам польстили, надо и Сигизмунду польстить, государь.

Дмитрий. Вот ты и польсти! Я охрип. *(Толпе.)* С послом будет говорить сенатор наш Басманов.

Басманов *(сдержанно)*. Господин польский посол и камергер!

Дмитрий *(вскочив)*. Чьим голосом ты заговорил, Басманов?

Марина. Да, ваше величество! Сейчас Гонсевский опять назовет вас великим князем. Гоните его прочь!

Дмитрий. Византийские одежды крайне к лицу вам, ваше величество. Но они очень тяжелы. Я разрешаю вам переодеться в более приятное для вас испано-польское платье.

Марина уходит сердитая, бледная.

Сейчас же приготовить музыку. Мы начинаем бал. Довольно пререканий, Басманов. Вы присутствуете на балу как частное лицо, господин посол.

Гонсевский и его свита уходят.
Дмитрий махнул рукой — бояре покидают зал. Остались Дмитрий, Басманов за его креслом и два капитана, Вандеман и Мержерет, у дверей.

Дмитрий. Басманов! Достанешь хламиду, свечи, треножник и черную книгу.

Басманов. Нонче, государь?

Дмитрий *(сердито)*. А тебе хочется, чтобы я поменьше знал о будущем? Да, да. Да. Куда ты девал тех трех астрологов? Почему ты их бросил в яму? Вижу, тебе хочется-таки пощупать, какие перекладины на моих виселицах, Басманов?

Басманов. Был донос на Конева и Филатьева, государь.

Дмитрий. Пытал?

Басманов. Так, побаловались. Да я их опять к машине пустил, чего государя не позабавить? А вот как после маскарада пустят они машину, я их обмокну в смолу, да и зажгу. Вот и осветят будущее-то... *(Хохочет.)*

Дмитрий. О чем был донос?

Басманов. Да будто Масальский, да еще Шуйский сидят над черной книгой и учат тех колдунов, троих-то, Конева там...

Дмитрий *(хохочет)*. Масальский? Этот, что медом-то вскормлен? Шуйской Васька? Этот, что всегда у других на закорках сидит? Волшебник. Ха-ха-ха... *(Махая руками и смеясь, убегает.)*

Басманов уходит за ним. Некоторое время Вандеман и Мержерет стоят неподвижно, вытянувшись.

Мержерет. Однако у пана посла Гонсевского громкий и внушительный голос...

Вандеман. Дуракам это свойственно.

Мержерет. Гонсевский не дурак, а лишь эстамп дурака. О-о!

Дверь приоткрывается, и показывается взволнованная голова патера Савицкого. По-прежнему он с ларчиком. Мержерет перегораживает ему дорогу.

Савицкий. Господин капитан, пустите меня к императору.

Мержерет. Вернемся к нашему разговору, отец Гаспар. Знатные россиянки находятся под запретом. Русские считают, что неволя создает страсть и трепет. Да. Но со страстью неволя создает и предрассудки. Например, все знатные россиянки считают, что мы, иностранцы, с хвостами.

Савицкий. Только святейший престол знает, как примирить всех здесь враждующих. Пустите меня!

Мержерет. И мне приходилось, правда несколько торопливо, закупоривать эту бочку недоверия. Назавтра, опомнившись, они были очень довольны. Однако воспитанные в темноте и злобе, эти дамы крайне драчливы и ревнивы. Одна из них чуть было не откусила мне ухо. Вот это.

Вандеман. Прошлый раз, капитан, вы утверждали, что потеряли половину уха, спасая жизнь королю Генриху?

Мержерет. И не отказываюсь. Но вы, по-видимому, пан Ванде-

ман, забыли, что господин бог, из уважения к прославленному королю *(приподнимает шляпу),* сотворил чудо. Мое ухо выросло через четыре месяца и даже несколько в большем размере, чем левое. Надо полагать, что ангел, осуществлявший чудо, плохо знал геометрию.

Тем временем капитаны подвели отца Гаспара к двери. Мержерет ударом ноги распахивает ее — и они скрылись. Быстро входит Марина, все в том же византийском платье. Она останавливается у камина и прислушивается к шагам. Это возвращаются Дмитрий и Басманов. Дмитрий уже переоделся в обычный свой гусарский мундир. Басманов несет за ним меч с рукояткой в виде золотого креста и связку ключей.

Дмитрий. Как? Вы уже переоделись, ваше величество?

Марина. Почему вы не прогнали посла Гонсевского, ваше величество?

Дмитрий. Разве я уж такой дурак?

Марина. Мне доподлинно известно, что Сигизмунд приказал послу потребовать от вас не только обещанные Смоленск и Сиверск, но и Новгород, Псков, Луки, Торопец...

Дмитрий *(посмеиваясь).* Не так много. Похоже, что ваши рокошане потребуют от меня и Москву.

Марина. Ваше величество, это неправда.

Дмитрий. И вдобавок еще и мою голову. Да, да. Да! Кому своими мечами выбивают рокошане из рук Сигизмунда корону Ягеллов? Кому? Янышу Радзивиллу? Или пану Зебржидовскому? Или Станиславу Стадницкому? Или вы бережете ее для себя, Марина.

Марина. Себе я берегу только вас.

Дмитрий. Да?

Марина. Ваше величество!

Дмитрий с подозрением вслушивается в ее умоляющий тон.

Уничтожьте ее!

Дмитрий. Кого?

Марина. Ксению Годунову!

Дмитрий *(изумленно).* Вы мне никогда не говорили о Ксении Годуновой.

Марина. Мне стало известно...

Дмитрий *(улыбаясь).* Что вам стало известно?

Марина. Мне известно, что она беременна от вас, ваше величество.

Дмитрий. Желаю вам от души того же, Марина!

Марина. Уничтожьте ее, ваше величество!

Дмитрий. Это Басманов, не умея зачаровать дух, любит убивать тело врага. Басманов, тащи сюда черную книгу.

Марина встает.

Разве вы боитесь, Марина?

Марина. Такие стремительные тучи на небе, ваше величество. Месяц перелистывает их, как страницы волшебной книги. Скажите, ваше величество, Юлий Цезарь тоже был волшебником?

Дмитрий. Да. А еще недавно... Кортес умер только шестьдесят девять лет назад... волшебник Кортес, имея едва ли четыреста солдат и тринадцать пушкарей, завоевал обширную державу ацтеков. А солдат Пизарро, разрушивший царство инков и женившийся на дочери короля инков? Да, да. Да. Все они читали и «Шестикрыл», и «Аристотелевы врата», и особенно — «Эфемериды».

Басманов кладет перед ним на стол большую черную книгу с золотыми застежками.

Передавая мне эту книгу, премудрый астролог Самуил Миносский предрек: «Дмитрий, если тебе предстанут дурные перемены, ты вдруг захочешь передать эту книгу другу... или родственнику». Да, да. Да. И вы напрасно пришли сюда, ваше величество. Вы не получите этой книги.

Марина. Вам ее хочется передать так же охотно, как и престол.

Что-то странное слышит Дмитрий в голосе Марины. Он подходит к ней и смотрит ей в лицо.

Дмитрий. Да?

Марина. Только решимость и смелость находят и пишут новые волшебные книги, ваше величество.

Дмитрий. Да? У вас сегодня сторожкий язык, ваше величество.

Марина. Я рада. Может быть, пора открыть бал, ваше величество?

Дмитрий. Назвав волшебные книги, я тем самым уже вызвал грозу. Слышите, приближается северный дух Тарзис.

Марина. Но вы вызвали грозу и в моем сердце, ваше величество. Я чувствую, что могу искричаться без вас, как ребенок без матери. Разрешите мне надеть то голубое, подаренное вами платье. И все ваши драгоценности.

Дмитрий. Да, да. Драгоценности принцессы Анны. Вот гнусавая ведьма. Тьфу.

Марина. Мне хотелось бы идти сегодня с вами в первой паре, ваше величество.

Дмитрий молчит. Марина уходит. Басманов подает Дмитрию длинную, украшенную таинственными знаками мантию мага и затем достает большое огниво и выбивает искру.

Басманов. Сколько светильников зажечь, государь?

Дмитрий. Поменьше, Петр Федорович. Гарь от них такая, что нос будто мхом зарастает. Эти колдунишки хвастались, что за триста тридцать три года вперед видят. Так вот, мы все их три тройки сложим вместе и зажгем. Девять свечей. *(Накидывает мантию.)* Слова будешь повторять за мной.

Басманов. Страшно, государь. Слова такие, что язык дыры не находит.

Дмитрий. А бояр прельстить нашел дыру, Петр Федорович? Скажи, с чего это даже Васька Шуйской стал с тобой ласков, а?

Басманов. Боярам пообещал, что торговать им в одних правах с иноземцами.

Дмитрий. И с чертом и с ангелом чокаешься одной чарой? А зачем не ведешь в Москву тех пленных поляков, что от похода Батория уцелели?

Басманов. Воевода князь Хованской пишет, что де собрал их три тысячи и добришко ихнее на телеги уже сложил.

Дмитрий. Поторопи. *(Положив руку на черную книгу.)* Голубое платье. Я сам выбирал эту парчу у аглицких купцов. Красива-а. Голубое поле ее искружили золотые нити...

Басманов *(у свечей)*. А правда ли, государь, что если свиное сердце положить в суконный платок и прижать тот платок бабе к боку, она во сне выскажет все, что ране происходит без мужа?

Дмитрий. Правда. Но зачем тебе бабье сердце знать, Петр Федорович? Узнаешь — только лишние муки.

Басманов. Сказывают, когда Кортес тот завоевывал Мексику, так ему помогала знатная индиянка по имени Марина?

Дмитрий. Правда.

Басманов. Сказывают наши старики, которые в Гишпании бывали, что Кортес-то другую любил?

Дмитрий. Кого?

Басманов *(осторожно)*. А будто бы дочь короля Монтецупки. И будто Марина-то, та, вдруг и потребуй от него голову той королевской дочери. А Кортес-то и откажи. Марина-то, вишь, была бесплодна...

Дмитрий *(смеясь)*. Да, завоевывать империи, имея под боком глупую бабу, наверно, трудно. Постой. Ты что хотел сказать, Басманов?

Басманов. Да я так болтаю, кесарь, холопишко, твой раб...

Дмитрий. Мало девять свечей, собака. Зажигай восемнадцать. Я чувствую, что северный дух Тарзис шелестит надо мной своими крыльями, кривыми, как северное дерево. Да! Кто там это брешет, что у меня нет родных и друзей? Колдунишки эти? Трое? Повесь их, Басманов, ребром за крюк. Да еще кошек

голодных на них спустить десятка полтора, пускай поцарапают. Вот небось скажут тогда, кто их учил тому. Чего ты там возишься, Басманов, зажег?

Басманов. С испугу двадцать зажглось, государь.

Дмитрий. Пускай. Найти там в книге, предрецания сивиллы Эрифреи. Она такая голубая, с белым лицом. Да скорее, что ли, ты, корчага!

Басманов *(перелистывая книгу)*. Ищу, государь, ищу.

Дмитрий *(берет меч с золотой рукояткой и идет к Басманову)*. Постой! Чего ты там кричал мне на ухо о Кортесе. Кортес любил свою Марину, Басманов! Он любил ее?

Басманов. Да я уж говорил, государь.

Дмитрий. Что ты говорил?

Басманов. Не любил.

Дмитрий *(остановившись)*. Басманов! А Годунов любил царя Федора?

Басманов *(после паузы)*. Не любил!

Дмитрий *(положив руку на книгу и другой подняв меч, громко читает)*.

Горе тебе, Гог! Горе тебе, Магог!
И тебе, Марсон и Алтон! Жребий бо вам:
Многие зла темным уготовляются.
Северный бо орел,— рыж и смел,— зело благоверен.
Оружьем креста, царства и сердца ваши воздолеет.
Сердца! Слышишь, Басманов?

Дверь полуоткрывается. Показывается Марина в голубом парчовом платье. Она протягивает руки к Дмитрию.

Марина. Ваше величество!

Дмитрий, откинувшись назад, все еще вскинув меч, смотрит на нее. Хламида сползает и падает к ногам. Меч падает и, звеня, катится под стол.
Двери распахиваются. У половинок дверей, подбоченясь, в парадной одежде гвардии, стоят Мержерет и Вандеман. От них, в две шеренги, выстроились шляхтичи и бояре. Низко над ними люстры, в виде распростертых химер, заливают их желтым и мерцающим светом. Музыканты, сопровождавшие Марину от самого Самбора, играют любимую ее песню: «Навеки в счастье и несчастье».

Ночь с 16 на 17 мая (ст. ст.) 1606 года. Деревянный дворец царя Дмитрия на берегу Москвы-реки. Рядом Ивановская площадь. Видны соборы. Они освещены. Идет богослужение — полуночная. Возле крыльца с широкими и уходящими высоко вверх ступенями стоят два громадных медных цербера, похо-

жие и на догов и на львов. Головы церберов устроены так, что они могут лязгать зубами и время от времени пускать дым из пасти. Эти лязг, дым и пламя пугают даже знакомых с тайной устройства церберов, а проходящий мимо н а р о д *вообще старается миновать их. Ближе возвышается «ад». Это большая телега на катках, обитая щитами, которые, кроме того, еще и скреплены цепью. «Ад» — улучшенная походная крепость, или, по-иному, «гуляй-поле», с которой еще Иван Грозный ходил под Казань. Сейчас из-за щитов видна высокая и толстая труба, из которой по временам вылетает дым.*

Неподалеку от «ада» вырыта в земле ямка и горит небольшой костерик, над которым висит котелок. Чумазый м а л ь ч о н к а *помешивает в котелке большой деревянной ложкой. У костра сидят в кружках* о р у ж е й н и к и. *На земле лежат куски железа, какие-то чурки, топоры, щиты, снятые с «ада», мушкеты, а поверх всего этого брошена дерюга и на ней* — Ф и л а т ь е в. *Оружейники слушают его рассказ.*

Изредка из внутренностей «ада» слышны постукивания молоточком, должно быть, что-то доделывают.

Ф и л а т ь е в. И-их, братцы мои-и. И снилось мне ишшо-о... Фролка, там в баклажке брага осталась?

М а л ь ч о н к а. Нету, дяденька.

Ф и л а т ь е в. Переверни.

Мальчонка переворачивает баклажку.

Не каплет. Ну, давай еще гуся.

П е р в ы й о р у ж е й н и к. Неужто, Максим Егорыч, того гуся-то съел?

Ф и л а т ь е в. Кабы да тебя на дыбу, да поджечь тебе пятки, да порвать немножко железными щипцами бока, да потом выпустить, ты бы и барана съел. (*Берет гуся, отламывает ножку и, глотая, вздыхает.*) И, братцы-и. И снилось мне ишшо, что, живя в такой справедливой стране, мне вдруг стало сумнительно и *даже скушно. Потому что сам я люблю грех, а как быть, если* согрешу?

В т о р о й о р у ж е й н и к. А ты держись.

Т р е т и й о р у ж е й н и к. Максим Егорыч, еще о справедливости повтори.

Ф и л а т ь е в. Справедливость там сплошь, как трава весной. Ни тебе помещика, ни тебе хозяина, ни тебе раба. А обидел кто тебя, сейчас на него управа найдется.

Т р е т и й о р у ж е й н и к. Сякут?

Ф и л а т ь е в. И не секут.

Третий оружейник. Это зря. Подлеца всегда сечь надо.

Филатьев. А не секут. Может, с этого я и заскучал. Едят там обширно. Баба там ласковая. Одеяла пуховые. Каждый спит на кровати, а не на полу. Избы, например, у мужиков не курные, а с трубами, с часами, с теплом.

Третий оружейник *(азартно и восторженно)*. Ну, не верю, не верю — и кончено.

Первый оружейник. А ты про себя не верь. Мы верим.

Третий оружейник. Да и я верю, а только не верится, пойми.

Филатьев. Все справедливо. Водка там у нас острая. Только рыбы мало, но если уж попадет, да еще — селедка, тогда ну-у. Дай-ка, Фролка, соли, во рту пересохло. *(Солит ножку и ест.)* Да. А возроптал я со страху, что согрешу, что ли? И появился тогда такой гневный ангел — Автор называемый! Дал он мне под зад коленком. «А,— говорит,— тебе еще мямлить? Вот посмотри-ка, поучись, как люди жили». И полетел я, братцы-и, вниз. И попал прямо сюда. А тут мне пятки раскаленным железом прижгли, и понял я.

Первый оружейник. Плохо людишки живут. Боярин мучит, пан мучит, всякая собака кусает.

Третий оружейник. Сон у него, ребята, у Максима Егорыча, полезный. А только, чтоб не сякли,— не верю. Везде и всегда подлеца сечь будут.

Конев *(выходит из машины)*. Кафтан порвал. Да и руку, кажись, оцарапал. А ну, Фролка, засыпь золой. *(Осматривает рукав кафтана.)* Жалко, последний кафтан.

Филатьев. А тот, красный, парадный?

Конев. Пришлось продать. А машина-то получилась ладная, Максим Егорыч?

Филатьев. Машинка-то ладная, да награда за нее все какая-то болезненная.

Конев. Награду, авось, сами себе добудем.

Филатьев. Выходит, что иначе нельзя.

Конев *(посмеиваясь)*. Филатьев, а ведь ты жадный.

Филатьев. Только налью чарочку, холодненькую. Пахнет она полынкой, медом, черемухой, али еще чем. Только поднесу ее ко рту. А тут, на тебе, бах тебя по морде. Будешь жадный.

Конев. И скупенек? И плотоядный?

Филатьев. Так ведь это же, Фома Иваныч, мое тело, а не мой дух плотояден. Ты на губы мои посмотри. Я их такими выстругал, что ли? Фомка, там, кажись, еще карась был, достань-ка.

Конев. И все-таки ты у меня герой. В колокола не отзванивали?

Филатьев. Наташу ждешь?

Конев. А вдруг вырвется?

Филатьев. Не отзванивали. Нонче служба долгая.

Конев. Будем давать пар, Максим Егорыч. Зажигай, ребята, фонари.

Первый оружейник. Оба?

Конев. Оба, Петрович. Видней. И тоже площадь называется. Грязь. Выбоины, канавы. *(Влезает в машину.)* Как у вас?

Первый оружейник. Зажег.

Слышен колокольный звон. Люди идут из церкви.

Конев. Даю пар.

Слышно шипение пара. Проходящие шарахаются.

Старушка. О господи, черти заговорили!

Старичок. Ишь, ляхи надумали. И церковного звона не боятся.

Девушка. Мотри-ка, мамонька, огонь. Ой!

Скрываются.

Конев *(высовывая голову)*. Пошла?

Филатьев. Не вижу.

Конев. Да, пошла.

Первый оружейник. Пошла, пошла, Фома Иваныч!

Второй оружейник. Как есть, идет.

Третий оружейник. А ловко вы, батюшка, Фома Иваныч, колеса-то выковали.

Видно, что «ад» действительно несколько сдвинулся. Мы уже можем разглядеть его бока, на которых со всей охотой и насмешкой, обычной для русского древнего иконописца, нарисованы группы чертей, какие-то драконы и прочая мразь. В щели между щитами видны дула мушкетов. «Ад» трещит, скрипит, подпрыгивает, гудит, и даже церберы от удивления забыли звякать челюстями. Конев выходит из машины.

Конев *(очень довольный)*. Ну как, Максим Егорыч, двинули-таки?

Филатьев. Выпить бы на радостях.

Конев. И выпьем. *(Оружейникам.)* Идите-ка, ребята, поближе. Сейчас пойдете спать. Но спите в полсна.

Первый оружейник. Мы, Фома Иваныч, холопы, рабы, а ты боярин.

Конев. Нечего сдобить жизнь, она и так сладка.

Второй оружейник. И не гоже нам, холопишкам, тебя благодарить. А только скажем слабым нашим словешком, что понадобится жизнь наша — бери.

Третий оружейник. Нанизать нашу жизнь на любу кайму можешь!

Конев. Жизнь, похоже, даже и этой ночью понадобится. Видите:

мушкеты, железо, ломы, а в машине — порох да пули лежат. У Ильи-пророка на Новгородском дворе звон знаете?

Первый оружейник. Маливались и там. Знаем.

Конев. Так вот, как ударит набат, вы сюда! Только не трусить. Впереди *(указывает на Филатьева)* вот он пойдет. Он трусам сразу голову рубит.

Первый оружейник. Бивались и мы! Худо будет ляху!

Ушли.

Филатьев. Опасаюсь, бояре-то вот, похожи на жеребцов: на все царство ржут, а кладь мерины везут.

Конев. Когда беда, так и жеребец у косяка ходит, сторожит.

Вверху на крыльце показывается Басманов. Он вглядывается в темноту и свистит. Издалека доносится ответный свист.

Басманов. Эй, стража! Мержерет!

Конев. Дождичек стал накрапывать, боярин, стража под навес ушла.

Басманов. Это ты, Фомка? *(Спускается.)*

Конев. Фома Конев, боярин.

Басманов. Что слышно в народе?

Конев. Да мы все с машиной возились, боярин. Ничего не слышал.

Басманов. Готова машина?

Конев. Готова.

Басманов. Завтра царь маскарад устраивает, придет с гостями смотреть. Позабавишь. Понял?

Конев. Да ты всегда понятно говоришь, боярин.

Басманов. А потом и я с тобой позабавлюсь.

Подходит Мержерет.

Где ваши гвардейцы, капитан?

Мержерет. Они ведут обход дворца, боярин.

Басманов. В кости небось забавляются?

Мержерет. При мне да в кости? *(Меняя разговор.)* Как себя чувствует его величество?

Басманов. Хорошо. Весь вечер сидел с паном Немоевским. Рассматривал драгоценности принцессы Анны.

Мержерет. Его величество большой знаток драгоценностей.

Басманов. Прощай, капитан.

Мержерет. Мое глубокое почтение, боярин и господин сенатор. *(Приподнимает шляпу.)* Только что получил я привет от моего друга, короля Генриха Четвертого. Я рад соединить вместе эти два высоких привета.

Басманов *(вошедшему Стадницкому)*. А, пан Стадницкий?

Стадницкий. Мне необходимо видеть императора!

Басманов. Государь спит.

Стадницкий. Господин сенатор, Москва бурлит! Бояре собирают по своим дворам народ.

Басманов. Все бояре, которые могут собрать народ, два часа назад были у меня в гостях. Их развезли мертвецки пьяными. Какой народ могут они собрать?

Стадницкий. Шуйский...

Басманов. Шуйский спьяна облевал все крыльцо моего дома, да и ворота. *(Ухмылясь пренебрежительно.)* Небось еще Мстиславского назовешь, пан гофмейстер?

Стадницкий. Пять тысяч поляков расселены в разных концах города, пан сенатор! Их нужно перевести в Кремль, занять караульные ворота...

Басманов *(холодно)*. Я доложу завтра государю. *(Ушел.)*

Мержерет. Завтра, по случаю маскарада, пан гофмейстер, я слышал, будет турнир?

Стадницкий *(сердито)*. Да турнир, черт вас побери! Если я уцелею, я вызываю весь мир на турнир. Где царица?

Мержерет. Мне кажется, она проследовала к императору. *(Тихо, на ухо Стадницкому.)* Не хотите ли романеи, пан гофмейстер? Мне Шуйский сегодня подарил целый бочонок.

Стадницкий. А хороша?

Мержерет. Для юга — терпка, для севера — крепка.

Ушли.
Конев и Филатьев вышли из-за машины.

Филатьев. Так-с! Завтра — маскарад. Постой, но ведь еду сегодня запасли? Значит, сегодня мы ее и попробуем.

Конев *(хохочет)*. Да, работы будет много, проголодаешься.

Входят Наташа *и* Анна Михайловна.

Наташа. Фома Иваныч!

Конев. Наташенька? Удалось вырваться-то?

Наташа. А мы буто в переулках заблудились. Фома Иваныч, Фомушка, надо бежать!

Конев. Куда?

Наташа. К казакам, в Запорожье. *(Берет его за рукав и оттаскивает в сторону.)* Бежать, Фома Иваныч. Я таких коней нашла, что во всей Руси нету. Колп в Запорожье не попадем, в Китай али Гишпанию проскачем. Китайцы, сказывают, народ ученый, умных людей любят.. *(Прижимаясь к его руке.)* Поцелуй! Они? Они не видят. *(Целует его.)* Бежать! Сейчас же!

Конев. Да куда так спешить-то, Наташа?

Наташа *(тихо).* Дай ухо. *(На ухо.)* Я тебя сначала в ухо поцелую. У, какое теплое. У меня щенок есть, Мардай. У него такие же уши. *(Смеется.)* Слушай: нонче, наутро, ударит набат, и Шуйский с народом на Кремль пойдет.

Конев. Шуйский? *(Притворно.)* Ах он мошенник.

Наташа. И только не выйдет у них ничего. Надо бежать.

Конев. А если выйдет?

Наташа. И все равно тебя ко мне не пустят, на людях тебе не быть, раз ты чернокнижником при царе Дмитрии состоял и «ад» ему делал. Бежать.

Филатьев. Бежать? Как же я? Я на седле-то и держаться не умею!

Наташа. А тебя хозяйка-то твоя, Анна Михайловна, за пазуху положит.

Чуркина. Подожди, насмешница, загонит тебя твой Фома Иванович в терем, так и ты угомонишься и телом обрастешь, как мохом.

Наташа. И пускай! Я при нем уймусь, притихну, пришпиленная буду ходить, укороченная. Так ведь, Фомушка? Я при тебе буду кроткая, послушная, тихая, а если и закричу, так спросонья. Идем, Фомушка!

Конев. Наташа! Глаголу такого нет, чтобы сказать, как я тебя люблю. Ты по моему сердцу главным хребтом проходишь, и вершин тому хребту много, и на каждой вершине ты стоишь, Наташа! Откуда ветер ни подует, все паруса к тебе ведут. Разгоранье ты мое неусыпное! И не сердись на меня, Наташенька, а уйти отсюда я не могу!

Наташа. Зачем тогда болтать? *(Сердито.)* Ты готова, Анна Михайловна?

Чуркина *(смущенно).* Да готова-то, готова. Наташенька, а ведь если они не уйдут...

Наташа. Я одна уеду... Я к казакам уеду! Я брошу Москву. Мне жить нельзя! *(Указывая на Конева.)* Он сейчас к Басмановым побежит, слово и дело скажет, в бояре пойдет. Как же, царя спас! А Басманов ему скажет: «Тебе чего, Фомка, в награду, раб?» А Фомка скажет: «Дайте мне Наташку Масальскую!» Только ты такой Наташки не получишь, холоп польский!

Конев. Не быть мне ничьим холопом, Наташа. И в бояре, доносом ли, чем ли другим, не выходить. Скрежещет у меня внутри, Наташа, но отойти от дела своего не могу.

Наташа. Прощай! *(Идет.)* Прощай, Фомушка!

Конев. Прощай, Наташенька! Увидимся еще?

Наташа. Увидимся ли, Фомушка? *(Возвращается и берет его за руку.)* Прощай, Фомушка! Господи! Говорила я, Шуйский — дурак. Да куда ему против моего дурака, Фомушка? Дай уж

я тебя поцелую. Осталась бы я при вас, да только вам оттого хуже будет. Девка! Эй, с фонарем! Марфушка!

Голос. Я здеся, боярышня!

Наташа. Веди, девка. *(Целует еще раз.)* А уши-то какие, уши, ласковые, господи! *(Ушла.)*

Филатьев. Шла бы ты домой, Анна Михайловна.

Чуркина. Авось я здесь пригожусь. Тоже и мы кое-чему обучены. Вон тут мушкетов-то сколько.

Конев. Тсс! Церберы проснулись, должно быть, боярин Басманов сверху идет.

И точно, церберы начинают звякать челюстями и выпускать пламя. Уже совсем темно. На верхних чуть заметных ступенях показывается темная фигура в широком халате.

Басманов *(церберам)*. Цыц! Ступай спать!

Церберы смолкают.

Конев!

Конев. Здесь, боярин!

Басманов. Не спишь?

Конев. Да возле машины.

Басманов садится на ступеньку и некоторое время молчит.

Басманов. И я не спал. У тебя снадобья от головной боли нету ли?

Конев. Нету, боярин! Я не лекарь.

Басманов. Ты колдун, Конев. А коли колдун да не лекарь, кто он? Фу, жарко!

Конев. Да, ночь тепла, боярин.

Филатьев. И гарью пахнет.

Басманов. И ты здесь, скоморох? Вот ты не колдун, нет. Таких, как ты, везде много, вроде подорожника. Квасу нет ли?

Филатьев. Весь выпили, боярин. Покричать?

Басманов. Э, не надо. Сколько у Спасской башни стрельцов, Конев?

Конев. Да до темницы знал я, боярин, стояло там триста, а теперь не знаю.

Басманов. Из темницы я тебя выпустил, значит, будешь служить.

Конев. Смотря кому служить.

Басманов. Государю, болван. *(Вздыхает.)* Ух, и жара. Что там в солнце-то клин, что ли, вбили, такое оно стало плотное, жжет. Бывалые люди сказывают, что за Холмогорами летом солнце два месяца не отрываясь от земли светит. Как это?

Конев. Объяснение легкое, боярин.

Басманов. Тебе всему объяснение легкое. А вот у меня с жары под ложечкой жжет, и виски будто разгибает кто.

Конев молчит.

Пойдешь к Спасской башне, приведешь ко мне голову и сотни полторы стрельцов. Не верю я этой гвардии. *(Встает.)* Иди! *(Филатьеву.)* А ты, скоморох, отправляй-ка домой, пока я тебя не выпорол.

Конев. Разреши, боярин, побыть ему возле меня. Он сказочник хороший.

Басманов. А, сказочник? Добро! Коли не засну, я тебя, скоморох, крикну. Только сказки я люблю про баб чтобы... *(Ушел.)*

Конев *(хмуро, про себя)*. Привести стрельцов, боярин? Я бы к тебе и без приказанья привел. Пошли к стрельцам?

Филатьев. А как же, Фома Иваныч, супруга-то моя?

Конев. И супругу возьмем. Толпа будет тесная, протолкнемся.

Ушли. Некоторое время тишина. К одному из церберов из тьмы выходит баба с лукошком. Она ставит лукошко на землю и стучит легонько кулаком в голову цербера. Слышен металлический гул. Немного погодя открывается люк на боку цербера. Видны мехи, тлеющие угли на железной плите и зубы цербера. Освещенный слабым светом углей, из люка высовывается потный и тяжело дышащий мужик.

Мужик. Аграфенушка, ты? Ой, я и перепугался. Боярин-то велел нам уйти, а мы с устатку-то и засни. Водички нету?

Баба. Принесла, Михаил Матвеевич. Умаялся, сердешный?

Мужик. А еще бы! Звери мы медные, и есть мы звери. Да и о зверях, которых в садки садят, больше думают. Митрофан, а Митрофан!

Открывается люк второго цербера, и показывается заспанная голова мужика помоложе.

Второй мужик. А чаво, Михаил Матвеевич?

Первый мужик. Заснул?

Второй мужик. Прокалила, окаянная, так и сон-то будто кирпич жгет.

Баба. Попей, сердешный, водицы.

Второй мужик. Можна. И не так тяжело, милая, огонь пущать, как позор горек. Меня же чертом все считают! К попу ведь исповедаться пойду? Пойду. Спросит: а чертом был во сне? Куда тебе, батюшка, скажу я, во сне? И наяву был. Прямо сердце изболелось!

Баба. Мужики, а мужики? Сказывают, народ сбирается. Как, гово-

рят, ударит набат у Ильи-пророка на Новгородском дворе, так всем бить ляха надо.

Второй мужик. Ну вот, как я пойду на святое дело против ляха, когда я черт?

Баба. А я крещенской водицы принесла, спрыснешься.

Второй мужик. Как же я буду опрыскиваться, когда я в черте сижу?

Баба. А душа-то у тебя христианская? Вон Иона тоже в чреве китовом сидел, да небось молился даже.

Второй мужик. Иона, он пророк, а я холоп-холопом, Михаил Матвеевич, у тебя угольков занять нельзя? Мои кончились.

Первый мужик. Будя! Не могу я больше в черте сидеть! Пойдем к народу!

Вдали ударил колокол. Звук набата подхватил другой, третий.

Баба. Мужики, в набат ударили! У Ильи!

Второй мужик. Не, то у Покрова!

Баба. Господи, полыхает где-то!

Первый мужик. Москва! А это кто еще?

Входит со слугами, несущими фонари, отец Гаспар Савицкий.

Савицкий. Что это? Что это? Почему набат?

Первый мужик. Пожар.

Савицкий. Где бьют? Почему бьет колокол?

Первый мужик. Да сказываю тебе, пан, пожар! Сретенка, что ли, горит.

Второй мужик. А може, Покровка.

Савицкий. Нет, здесь не пожар. *(Направляется в сторону.)* Пан Стадницкий, пан Стадницкий! Мне нужно к императору.

Первый мужик. Где пан, а где и пропал! Дам-ка я этому ляху по шее! *(Убегает вслед за патером.)*

Слышен крик, отчаянный и визгливый, отца Гаспара. Второй мужик и баба хохочут.

Второй мужик. Пойдем и мы, Аграфенушка, за вилами. *(Рассердившись.)* Я те покажу садить меня в медного черта!

Баба *(все свирепейше)*. Мы покажем, как нас в чертей садить!

Уходят.

Набат сильный. В небе растет зарево. Несколько стрельцов, окружив Конева, взбегают на лестницу. За ними поспешают Филатьев и Чуркина.

Филатьев. Не торопись, Фома Иваныч, задыхаюсь.

Чуркина. Потерпи, Максим Егорыч, потерпи!..

К о н е в. Скорей! Быть великому побоищу, если не поймаем царя, пока он один. *(Оглядываясь.)* А кто же мою машину охраняет?

Ф и л а т ь е в. Охраняй не охраняй, но поскольку она явилась раньше времени, не переиначить ей военного дела. Сгорит.

Ушли.

Откуда-то доносится еле слышный крик поляков: «К бою, панове, к бою!» Распахивается окно, и показывается недовольный, с багровым лицом, Б а с м а н о в. Должно быть, он только что погрузился в жидкий сон, а этот внезапный набат встал над ним горланящей стаей воронов. Почесываясь и зевая, он смотрит в небо.

Б а с м а н о в. Никак, светает? Ишь, утки летят с реки. А пылает-то, должно, в Замоскворечье. Что-то больно часто город стал гореть. *(Потягиваясь и крестясь.)* Старики сказывают, к урожаю. *(Кричит, вытянув голову.)* Эй, там, на стене, стража! Чего это бьют сполох? Где это горит?

Голос первого оружейника: «У Макара рязанского горит, боярин. Спи спокойно, блюдем ночь. А пожар холопишки потушат».

Б а с м а н о в скрылся.

Оружейная палата. Ночь. Стол, скамья и кресла завалены всяческими костюмами, приготовленными для маскарада. Отдельно, на небольшом столе, лежат маски и музыкальные инструменты. Д м и т р и й роется в костюмах, примеряет их, надевает маски. Костюмы ему не нравятся. Он нетерпеливо посматривает на п о р т н ы х, которые шьют новый костюм.

На полу при свете толстых, уже давно горящих свечей над костюмами работают трое портняжек, низеньких, горбатеньких. Проворно бегают их пальцы.

Так как окна обращены во внутренний двор, начавшийся набат доносится сюда пока глухо.

Д м и т р и й *(подбегает к портняжке)*. Вот сюда пустишь позумент побойчей.

П о р т н я ж к а *(пискливо)*. Я тут золотой позумент пущаю, государь.

Д м и т р и й. Да, да. Да! Позумент идет от плеча, пересекает грудь *(берет и рассматривает костюм)* и затем скрывается возле живота. *(Бросает костюм.)* Нет, в этом костюме в хлеву копаться, а не гулять по маскараду. Дай другой!

Входит М а р и н а и останавливается у дверей.

(Берет куски парчи.) Эту парчу ткали в Кордове?

П о р т н я ж к а. Парча гишпанская, государь.

Дмитрий. Только в Кордове могут сделать так, что коричневый тон бесстрашно переходит в багровый. Великие мастера, великие ткачи! А вот этот бархат могут выткать только венецианцы. Зеленое в нем похоже на речной брод. Прекрасно. *(Увидав Марину.)* А-а? И вы не спите? Вас беспокоит набат? Пожары в Москве часты. Я направил Басманова узнать...

Марина. Нет, меня не беспокоит набат, ваше величество.

Дмитрий *(показывает ей куски парчи)*. Красивы, да? Когда-то я сочинял религиозные гимны. И преподобные отцы, слушавшие их, всегда удивлялись моему уменью одевать святых в необычайные и высокие одежды. *(Указывая на разбросанные костюмы.)* А вот из этих одежд ни одна мне не нравится.

Марина. Наденьте одежды индийского царя, ваше величество.

Дмитрий. Все они беднее меня.

Марина. Тогда накройтесь бедностью. Будьте капуцином.

Дмитрий. Превосходная мысль. *(Выхватывает из-под портного мешок, на котором он сидит, вытряхивает скарб и быстро ножницами вырезает в мешке отверстия для головы и рук. Портным.)* Вот! Сделайте мне нечто в этом роде. И капюшон. А какую же маску? *(Портным.)* Уходите!

Портняжки скрываются.

Решено, я буду капуцином. Я буду мрачно *(показывает)*, вот так ходить по маскараду и всех исповедовать. Э, я знаю много грешков. И за всеми! *(Марине.)* Но у вас сегодня какие-то очень усталые и беспокойные глаза, ваше величество.

Марина. Я пришла просить прощенья у вас, Дмитрий.

Дмитрий *(удивленно)*. У меня?

Марина. Последние дни я крайне, крайне дурно вела себя.

Дмитрий *(еще более удивленно)*. Вы?

Марина. Сегодня я целый день любовалась вами. Я увидала, что вы живете истинно по-богатырски. Увлеченно. Смело. И мне стало легко. Раньше я высматривала дорогу, а теперь я беспечна, Дмитрий.

Дмитрий *(придя в себя)*. Да? Но почему же вы так бледны, если вам стало легко?

Марина. Лекари нашли мой недуг естественным.

Дмитрий. Что это за такой естественный недуг?

Марина. Я покорена отныне вашим талантом, государь, вашей силой. Я верю вам, ах, как верю! *(Проходит через зало и садится устало в кресло. Положив руки на стол, она смотрит в окно.)*

Дмитрий *(всматриваясь в ее лицо)*. Вы очень бледны, ваше величество.

Марина. Сегодня я узнала, что у меня будет ребенок.

Дмитрий. Что? Как? У меня будет наследник? Как? Да, да. Да! Конечно! У меня будет сын! *(Бежит по залу, размахивая куском парчи.)* Ого-го! У меня будет сын! Здравствуй, здравствуй, Иван Дмитриевич! Здравствуй, мой сын.

Входит Мержерет, пьяный, с мечом в руке.

Мержерет! Вы смеете пьяный и с обнаженным мечом входить ко мне? Негодяй! Впрочем, я прощаю вас, Мержерет. У меня будет сын! Дарю вам двести рабов и двести десятин земли. Мало? Тысячу, пьяница!

Мержерет. Поздравляю вас и государство московское с наследником, император.

Дмитрий. Да, да. Да! *(Подбегает к Марине, падает на колени и целует ее руки.)* Почтительно целую ваши руки, милая, перво-званная моя жена! О, какой подарила радостью! Разве я вас раньше любил, Марина? Это был желудь, из которого теперь вырос вдруг дуб. Да, да. Да! Как я вас теперь люблю! Я просто барахтаюсь в любви, как в водовороте!

Марина. Я счастлива видеть вас таким, мой славный, златоискрый август.

Дмитрий. У меня будет сын! Я дарю вам, Марина... Басманов! Мержерет, позовите Басманова!

Мержерет. Я сам его ищу, ваше величество. Вы слышите набат? Это встала Москва. Куда мне вести гвардейцев?

Дмитрий. Э, вздор. Бояре перепились у Басманова, чернь перепилась у бояр. *(Подбегает к окну, открывает его и кричит.)* Басманов! Что там такое? Иди сюда. С кем ты говоришь? Какие с тобой бояре? *(Прислушивается, отходит от окна, захлопнув его.)* Так оно и есть. Чернь перепилась и жгет кабаки. Стрельцы сейчас усмирят ее. Мержерет! Вы проводите царицу в ее покой и тотчас же с гвардейцами вернетесь сюда.

Вбегает Вандеман.

А, Вандеман. *(Целуя руку Марины.)* Идите, идите спокойно, ваше величество. Мы убережем моего сына.

Марина и Мержерет уходят.

Вандеман?

Вандеман. Я жду распоряжений, ваше величество.

Дмитрий. Знаете, что крикнул мне сейчас со двора Басманов? Бояре желают обмакнуть вареник в сметану.

Вандеман. Простите, ваше величество, я не понимаю.

Дмитрий. Сметана — это смерть. Вареник — моя голова. Бояре требуют мою голову, а? Побаловался с собакой, а она уже хватает тебя за нос? Вандеман! Выдайте оружие всем слугам и

поставьте их в проходах и ведите сюда гвардейцев. *(Пишет.)* Это — Стадницкому. Разбудить его! Скажите, что император сзывает всех поляков в Кремль. А москалей, кто щеголяет по площади и орет, бить и вешать! *(Дает ему записку.)* Вандеман, вы знаете, у меня будет сын?

Вандеман. Мне можно покинуть вас, ваше величество?

Дмитрий. Да!

Вандеман уходит.

У меня будет сын! И я, доселе обезводневший, с сердцем, горящим, как в засуху,— теперь весь в цвету! Я ее люблю! Я подарю ей сегодня Рязань! И Ярославль! И еще что? И жизнь Ксении Годуновой! Ого! У меня будет сын!!..

Через зало пробегают слуги и поляки:

— К оружию!

— К оружию, панове, к оружию!

Да здесь же оружие, дураки. Стой!

Слуги убегают.

(Берет щит и меч и направляется к выходу.) Что с ними такое?

Навстречу ему, опираясь на меч, идет тяжело раненый Басманов. Он прислоняется к стене и, тяжело дыша, закрывает глаза.

Басманов, Петр Федорович. Друже! Ты слышал: у меня будет сын!

Басманов. Обманули... Васька... Шуйский... перевертыш... Васька схитрил...

Дмитрий. Шуйский?

Басманов. Он! Беги, государь, ищут. Я их... тоже обманул. Я сказал, что ты с гвардейцами... в каменной казарме... пируешь... Они туда и побежали. *(Опускается на скамью.)* Васька Шуйский меня обманул. Меня? Ему к лицу больше веник, а он с крестом и мечом через Спасские ворота въехал.

Дмитрий. А стрельцы?

Басманов. Все с Васькой, лохмотье, обноски трупехлые. Ой, худо мне, государь... мельчит в глазах, Татиев, червь, ударил меня длинным ножом... Обманули, Годуновым я оказался! *(Падает и умирает.)*

Дмитрий. Басманов! Басманов! Э, нашел время умереть, чурбан. *(Заглядывает в сени.)* Слуги разбежались. Странно — ни в одном гороскопе не предсказано бунта на май месяц. И как случилось, что император остался один? Я начинаю гневаться. «Иди же бо аще будет труп, тамо соберутся орли». Да, и это

ты, Шуйский, будешь лежать под моими крыльями мертвечиной! *(Выглядывает в окно.)* Но гвардейцы все еще стоят у казарм? Где Мержерет? Если пробежать по мосткам к гвардейцам?.. *(Хватает маскарадный костюм.)* Темно, хламида,— даже если и увидят стрельцы, так скажут: «Э, да это дворцовый скоморох, пусть его бежит!» Но высоко! А надо! Спасти Марину, сына, себя! Пожалуй, никогда я не любил и не радовался жизни, как сейчас. Значит — спасусь. У, Шуйский! Висеть тебе дохлятиной на крюке. *(Выпрыгивает в окно, держа в руке маску и флейту.)*

Слышен скрип досок, шаги его удаляются. Вбегают Конев, Филатьев, у которого под мышкой гусь, Чуркина. Свечи, подле которых сидели портняжки, уже потухли, и рассвет, тусклый, немой, слабо наполняет зало.

Филатьев *(наткнувшись на труп Басманова)*. О! Басманов! Мертвый!

Конев. Значит, и Дмитрий близко. Напрасно стрельцы не послушались меня и побежали к дворцовым казармам.

Чуркина *(у дверей, через которые ушла Марина)*. Здесь заперто, Фома Иваныч. Не сюда ли убежал? *(Прислушивается.)* Слышь, шаги бряцают.

Конев. Латники к нему на выручку идут. Нет, он не там, а здесь где-то. Становитесь к дверям, придвигайте стол, все, что там есть. Не пускайте латников. Филатьев, брось гуся, бери меч!

Филатьев. Фома Иваныч, мне с таким пузом неудобно как-то входить в героику.

Чуркина *(хватает бердыш)*. Бери, Максим Егорыч, бери меч! Ты хороший, смелый.

Филатьев *(откладывает гуся и берет меч)*. Мне многие дамы так говорили, а как до дела, всегда почему-то считают мысли свои преждевременными. *(Прислушивается.)* Идут! Фома Иваныч, ты чего-то в окно уставился?

Конев *(отскакивает от окна, берет арбалет, кладет стрелу и — Филатьеву)*. Держись хоть две минуты. По мосткам Дмитрий бежит. За столбик завернул. Перерядился? Да я походочку-то твою узнал. *(Целясь из окна.)* Сейчас, выйдет.

Филатьев. Идут, идут!

Слышны шаги, звон оружия, голоса. Затем раздается удар в дверь.

Бьют, Фома Иваныч. Бьют!

Конев. А ты бей их по головам.

Филатьев. Бревном бьют. Саблями лязгают, Фома Иваныч. Ну,

да все едино! *(Поднимает меч.)* Отойди-ка, Анна Михайловна, дай размахнуться!

Конев *(целясь)*. Ага, показался! Целюсь, целюсь, спускаю курок, товарищи...

Дверь качается, трещит, падает.

Опять Оружейное зало наполняется легким оранжевым туманом. Как только свалилась на пол дверь, тотчас же падают и трое наших друзей: Конев с арбалетом, Филатьев с мечом, Чуркина с бердышом.

Опять очертания сцены принимают тот несколько оцепенелый и условный вид, театральность которого так люба нам.

По разбитой двери на сцену выскакивают режиссер, автор и врач.

Режиссер, как всегда, с экземпляром сценария и рупором. Автор со связкой книг и с бутылкой нарзана. Врач в халате и с чемоданчиком. Врач наклоняется над упавшими актерами.

Режиссер. Ожоги?

Врач. Нет. Наглотались дыму. Легкий обморок.

Автор. А где же Павлова? Чего она отстала?

Режиссер *(в рупор)*. Павлову сюда!

Голос. Павлова переодевается, сейчас придет.

Чуркина и Филатьев очнулись, привстали. Филатьев ищет вокруг рукой своего гуся. Чуркина щупает платье. Конев еще в обмороке. Врач приподнимает его. Автор наливает воды в стакан, но вместо того, чтобы подать воду, смотрит в блокнот. Затем он бросает связку книг у лица Конева, садится на нее и, размахивая стаканом и заглядывая в блокнот, кричит.

Автор. Конев! Это вы ворвались в Оружейную палату Самозванца! Хоть вы и не верили обещаниям Шуйского народу, но и не протестовали, понимая, что Шуйский помогает свергать панов и Самозванца!..

Конев *(очнувшись, приподнимается)*. Подстрелил я его?

Автор. Ну да! Вы подстрелили его вот из этого окна, и он грохнулся ко всем чертям собачьим с мостков! Именно этот текст я и хотел предложить.

Чуркина. А где Наташа?

Автор. Наташа прекрасная девушка, но она не очень-то понимала Конева и не очень-то верила в победу народа.

Чуркина. Нет, понимала и верила, но — терем... как ей действовать?

Автор. Именно это-то я и хотел предложить!

Филатьев. А мой гусь?

А в т о р. И гусь, и брага, и поросенок, и ваша любовь — именно этот текст я и хотел!..

Ч у р к и н а *(перебивая автора)*. Кроме того, Наташа...

А в т о р. Откуда вы знаете про Наташу? Ее роль придумана мной вот в эти три минуты, пока мы бежали с режиссером вокруг павильона в Оружейную палату!

Ч у р к и н а. А я знаю откуда. Наташа просто существует — и только.

К о н е в. Несомненно существует!

Р е ж и с с е р. Должна существовать.

Ф и л а т ь е в. Она!

Актриса П а в л о в а, все в том же костюме боярышни, с тем же задорным и в то же время задумчивым взглядом, с которым она шла от полуночницы к «аду», быстро и вдохновенно выбегает на сцену. Она видит Конева, останавливается. Конев отталкивает врача, вскакивает, и они играют отрывок из сцены «Возле сада Масальских».

К о н е в. Наташа!

Н а т а ш а. Мой Фомушка!

Голос издалека: «Ай, Наташа, где ты?»

Вот и докричалась. А я ведь только что о себе хотела рассказать, стрелец. А то люди такое наврут, тебе и смотреть на меня будет противно.

К о н е в. Никогда не будет противно смотреть!

Н а т а ш а *(вздохнув)*. Никогда?

К о н е в. Никогда!

Н а т а ш а. Побожись.

К о н е в. Ей-богу!

Н а т а ш а. Да ты, говорят, и в бога не веришь?

К о н е в. Не верю.

Н а т а ш а. Ну, вот видишь, какой ты. Ну да уж все равно! *(Наклоняется и обнимает его.)*

Р е ж и с с е р *(взволнованно автору)*. Прекрасный жест. Зритель давно тоскует по этому жесту.

А в т о р *(протирая очки, растроганно)*. И слова прекрасны. *(Показывая блокнот.)* Вот здесь они! *(К актерам, показывая на книги.)* Вам еще необходимо для выработки лаконизма прочесть вот эту литературу, но в общем мы все так же плодотворно рассекли время, как весна рассекает зерно и выпускает листья. Мы уж видим дальнейшее! Убежден, что после смерти Самозванца Конев и его честные простые друзья пошли в ряды Болотникова. И не их ли дети были в полках Степана Разина? И не их ли внуки и правнуки лили пушки для Пугачева? И не их ли пра-

правнуки стояли на баррикадах Октября? И не их ли потомки *(указывает на зрительный зал)* здесь, с нами.

Филатьев. Говоря проще, когда у вас в руке гусь, и вы его начали есть, а этот гусь внезапно исчезает, и вам тем не менее его не жалко, и вы даже сыты,— такое удивительное чувство разве не вдохновение? А дым от родимой соломы разве не был тем волшебным дымком, о котором вы всегда мечтаете, товарищ автор? Ну что же, хлопните в ладоши, товарищ режиссер! И вы *(публике)*, кому не скучно, потому что мы начинаем съемку фильма. Заверяю вас, он будет готов в срок.

ЛОМОНО́СОВ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ломоносов Михайло Васильевич.
Елизавета Андреевна, его жена.
Разумовский, президент Академии наук и гетман Украины.
Нарышкина, фрейлина императорского двора, жена Разумовского.
Шумахер, правитель канцелярии Академии наук.
Доротея, дочь его и жена адъюнкта Тауберта.
Теплов, бывший воспитатель Разумовского, советник канцелярии Академии наук.
Иконников, генерал-кригс-комиссар.

Ученики Ломоносова:
Николай Поповский.
Петер Алексеев.
Никифор Пиленко.
Калина Судьин.
Ермола Шелех.
Анкудин Баташ.
Никита Укладник.
Гриша Уктусский.
Конон Ракитин.

Академики, профессора и адъюнкты Академии наук:
Нартов.
Рихман.
Тредьяковский.
Крашенинников.
Миллер.
Уитворт.
Фон Винцгейм.
Де Рюшампи.
Тауберт

Отец Микулай, священник домовой церкви Ив. Шувалова.
Штурман Подволошнов.
Захар, мастер при лаборатории Ломоносова.
Стефангаген — архивариус.
Стряпуха Мавра при лаборатории Ломоносова.
Ловчий, дворецкий, дворовые в имении Шувалова, солдаты Измайловского полка, адъютанты генерала Иконникова, жители Петербурга, поморы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Поляна в лесу возле охотничьего домика.
Рога. Топот.

Ловчий. Государыня со свитой!

Озорной мужик. Впереди, в белой шубе-то, с лентой, царица?

Ловчий. Нет, генерал-егермейстер. Всей царской охотой командует.

Тощий мужик. Охотой — генерал командует? Чудеса!

Отец Микулай. А оттого генерал, что лось — зверь великой. И дары за него будут великие — кому именье, а кому головы лишенье.

Мужики *(смотрят в поле)*. Эвон, эвон, царица!
— Котора, котора, братцы?
— Эвон, с белой лошади слезла, с Нарышкиной здоровается...
— Э, широка у нас, мужики, царица!
— Буде, Семен, озоровать!

Звучный голос *(с поля)*. Ловчий! Чей тут номер?

Ловчий. Нумер дежурной фрейлины Катерины Ивановны Нарышкиной, ваше превосходительство!

Голос. Государынин нумер рядом?

Ловчий. Рядом, ваше превосходительство, подале, у ручья.

Мужики. Гляко-сь, гляко-сь, мужики!
— Царица-то распорядительная: сама на нумер встала, сама ружье взяла!
— И ружье у нее царское — с пушку!

Ловчий. Мужики, побаивайся. Теплов идет.

Мужики. Теплов?! Батюшки мои!.. Ложись...

Входит Теплов, воспитатель и учитель графа Кирилла Разумовского. Доносится заунывная крестьянская песня.

Теплов. Кто там еще завыл, дворецкой?

Дворецкий. К милости государыни — ходоки от калужских крестьян, Григорий Николаевич.

Теплов. Гнать! Приказано всему лесу замереть — и замри. *(Мужикам.)* А вы кто такие?

Ловчий. Загонщики они.

Теплов. В кусты! Вы что, не пытаные, не мученые, на дыбу не поднятые, обожрались и вылезли? Обожрались?

Мужики. Обожрались, батюшка... обожрались...

Теплов. Слушайте, дьяволы. Буде государыня лося ранит и оный лось, в ослеплении, на нумер их императорского величества устремится и не дай бог может государыню испугать — вам всем взять того лося грудью. Понятно? Делай!

Мужики скрываются.

(Микулаю.) Дыхните на меня, святой отец! Глубже, от всех грехов. *(Нюхает.)* С самого раннего утра?

Отец Микулай. А позже-то вроде и обидно будет, сударь? Вроде и день зря пропал.

Теплов. А если после охоты государыня к аналою подойдет, а тут водкой от иерея?..

Отец Микулай. Грешен, пью, но и в самом низком напитии молюсь непрестанно. Вот икона, свечи... Государыня лося застрель — я сейчас молебствие...

Теплов. Поп! И все! Коли увидите их императорское величество после удачного поля — ложиться харей и брюхом вниз, голову не подымать и тем паче милостей не просить! И без того добра много дадено. *(Дворецкому.)* В кадушке квас? Отведаю. Государыня любит, чтоб самого густого вишневого цвету.

Дворецкий наливает стакан.

(Пробует.) Не сладковат ли? Налей-ка еще! Да нет, не сладковат. Ну, делай!

Все, кроме ловчего и Теплова, уходят. Входит Нарышкина.

Красавица! Катерина Ивановна... Никак государыня хмуры?

Нарышкина. Еще бы! Солнце к закату, а загонщики лосей из лесу выгнать не могут.

Теплов. Глупый зверь-с. Своего счастья не понимает. *(Идет вслед за Нарышкиной, которая становится у своего ружья и осматривает его.)* Да что лось! Человек зачастую своего счастья не понимает. Катерина Ивановна! Катерина Ивановна! Осмелюсь ли предложить... Вы — внучатая сестра императрицы, вы — Нарышкина!

Нарышкина *(ухмыляясь)*. Да, и ваша родня немала, господин Теплов. Вы — воспитатель и ментор графа Кирилла Разумовского. Смелей!

Теплов. Катерина Ивановна! В прошлую охоту государыня промахнулись. А вы — меткий стрелок — изволили двух лосей застрелить...

Нарышкина. А нынче, быть может, и трех убью.

Теплов. Государыня еще с той охоты хмуры. А нынче застрелите — совсем будет гнев. Ну, чего вам лоси, Катерина Ивановна? Сегодня убили, завтра забыли. То ли дело государыня! Они год будут удаче радоваться и вас милостями осыплют...

Нарышкина. Какими? Что, крепостных подарит? А у меня и так в приданое сорок тысяч душ отложено. Души есть, а жениха вот нету.

Теплов. Будет и жених...

Нарышкина. Кто сей долгожданный принц?

Теплов *(тихо)*. Граф Кирилл...

Нарышкина. Каждая невеста спит плохо, а заснет, так видит жениха. Красивого, умного, могучего, знаменитого... Я никогда не видела во сне графа Кирилла!

Теплов. Брата фельдмаршала, брата мужа императрицы? Нет, вы плохо разглядываете свои сны, Катерина Ивановна! А власть-то, власть!.. Ах, велика прелесть власти, Катерина Ивановна... право, промахнитесь!

Нарышкина. Ну вот, испортил мне всю охоту! Мне теперь и к ружью не встать. Свежо. Пойду в домик погреюсь... *(Идет вниз по лестнице.)*

Теплов. Катерина Ивановна! Молю, промахнитесь.

Нарышкина. Да ведь и лосей не видно! *(Ушла.)*

Теплов. Ин промахнешься! *(Уходит.)*

Первый мужик-охотник *(выходит, тихо)*. Ловчий, ушел Теплов-то?

Ловчий *(сверху)*. Ушел, проклятой.

Второй мужик. И верно, что проклятой! «Обожрались»!

Третий мужик. Обожрались мужики лебеды да сушеной коры, пухнут...

Первый мужик. «Обожрались»! Со всей, почесть, Расеи таких, как мы, тысячи нагнали: «Двигай лосей к шуваловскому имению, православные! Шуми в лесах!» А чего там православным жрать, того не спросят.

Второй. «Обожрались»? Так бы тебе в аду, господин Теплов, обожраться!

Входит отец Микулай. Мужики умолкают.

Отец Микулай. А он все ходит, отчаянная душа, все ходит!..

Мужики. Кто ходит, батюшка?

— Иде?..

Отец Микулай. А вон Ломоносов среди калужских мужиков ходит. «Будет, говорит, у государыни удачная охота — я вас к царскому ковру. Бейте челом!»

Ловчий. А бить им, калуцким ходокам, в тот ковер сильно надо.

Худой мужик. Чего так?

Озорной мужик. Аль не слышал? У, была у них битва! Приписали ихнюю Ромодановскую волость к Демидовским заводам...

Худой мужик. Этот Демидов — аспид и злодей, и жизнь на тех заводах горчей горького! Знаю.

Озорной мужик. Вот, вот! Мужики ромодановские и говорят: «Не пойдем под Демидова!» И что ты скажешь? Не пошли. На них — войска! А они целые полки побили. Ха-ха! Офицеров — полковника Олица и подполковника фон Рена — тоже в могилу, ха-ха!..

Третий мужик. Тише ты, Семен!..

Ловчий. Да, все царские войска, выходит, не перебьешь.

Озорной мужик. Вот теперь и клеймят ромодановских сотнями... Они и прислали ходоков за милостью, иначе им — каторга!

Худой мужик. Та-ак... Выходит, этот самый Ломоносов и оберегат тех мужиков?.. А одежа-то ведь на нем не мужицкая?..

Озорной мужик. Батюшка, в народе сказывают: есть-де в Питере великого ума человек по прозвищу Ломоносов? И собой будто он из крестьян? Не он ли?

Отец Микулай. Он! Собой он — морской крестьянин. С Белого моря! Да ведь крестьянин крестьянину тоже рознь. Я вот тоже из государственных крестьян и тоже к наукам чувствовал тяготение. Попал в монастырь. А научился там одной водке. И так ту науку превзошел, что меня даже из монастыря выгнали. Спасибо, Шувалов, покровитель наук и владелец сих угодий, увидал во мне огнь науки, еле тлеющий... Я — слаб, я — камень, превращенный злыми ветрами в песок. Ломоносов — суть гора, коей он и пребудет вечно. Подумайте, не токмо все науки русские или иноземные изучил, сам начал новые науки выдумывать!

Худой мужик. Человек не может науки выдумывать. Все науки от бога.

Отец Микулай. Которые попроще — от бога, а которые поавантажнее — от людей. И людские науки есть зело ядовиты! и путь к ним тернист. Но приходит, скажем, Ломоносов, примерно, в любой европейский город: в Рим или в Берлин. «Дай, думает, свои науки проверю». Идет к самому ученому из ученых, по-ихнему, профехсор, и говорит: «Не хочешь ли, господин профехсор, с моими науками ознакомиться?» Тот видит — перед ним мужмя-мужик. Ну, ему смешно! Он и отвечает: «Запрежде чем мне с твоими науками ознакомиться, отвечай мне на один простой вопрос. Ответишь — буду знакомиться, не ответишь — иди прочь!»

Второй мужик. Испытывает?

Отец Микулай. Испытывает! И он Ломоносова испытывает та-

ким вопросом, что на него и триста самых ученых-переученых не ответят.

Третий мужик. Сволочь!

Отец Микулай. Кто?

Озорной мужик. Иноземный...

Первый мужик. Обожди, обожди... Ну, ну, отец Микулай. А дале, как Ломоносов ответил?

Отец Микулай. А надо сказать, мужики, в науке главное — латынь. Кто латынь не изучил, тот вроде нем. И начинает ему Ломоносов по-латынски...

Первый мужик. Сечет?!

Отец Микулай. По всему телу! Он его и так сечет, профехсорато, и этак! Тот посерел, обомлел, глаза навыкат...

Первый мужик. Славно!

Второй мужик. Помор. Они храбрые, морем ученые.

Отец Микулай. На бурю опираются.

Мужики, очень довольные, смеются. Входит Нарышкина. Мужики умолкают. Дворецкий и слуги вносят бутылки.

Господи, что он делает, на царского дворецкого с кулаками!

Первый мужик. Ай да Ломоносов! Здорово смазал, у поморов кулаки хороши...

Второй мужик. Гляко-сь, он мужика отнял.

Отец Микулай. Сударыня фрейлина, горло у меня сухим-сухо, как соломенное, в коли да удачное поле, вдруг да молебен служить? Чем?

Нарышкина. Угости его, дворецкий.

Отец Микулай. Слыхал?

Дворецкий *(наливая чарку)*. Расстричь бы тебя, поп Микулай, а ты еще православной вере наставляешь!

Отец Микулай. Ничего! Русь пьяных любит. *(Выпил.)* Ух, жгеть! Превосходит любу жидкость, коя в сем роде сотворена.

Входит Ломоносов.

Ломоносов. Мужики, там в овраге за елками отобранных мною пять ходоков проведите к этому дереву, поближе к царскому ковру! Сюда! Идите, идите сюда!

Нарышкина *(строго)*. Сударь! Кто вам дал право здесь командовать? Кто вы такой?

Ломоносов. Профессор химии в Санкт-Петербургской Академии наук академик Ломоносов.

Дворецкий. Он, он! Здоровенный! Он меня за шиворот взял и в снег швырнул.

Нарышкина *(в изумлении)*. Вы — Ломоносов? Простите, но я вас,

Михайло Васильич, за доезжачего приняла! *(Дворецкому.)* Почему мне не доложили, что господин Ломоносов здесь?

Вдали ведут зверя. Выстрел в поле. Тишина.

Ломоносов. Эх, до тоски надобно, чтоб государыня нынче лося убила! Государыня, сказывают, после хорошего поля милостива?

Нарышкина. Весьма.

Ломоносов. Весьма нужна милость!

Нарышкина. Кому?

Ломоносов. Калужским ходокам.

Нарышкина. Родные у вас в Калужской провинции? Друзья?

Ломоносов. Сердце.

Нарышкина. Но ведь они разбойники, бунтовщики!

Ломоносов. Несчастные. Пригласил меня нынче Иван Иванович Шувалов показать выплавленный мною «золотой рубин». Еду. Гляжу — в канаве, в снегу, лежат они... ждут царского поезда, плачут, молят всех, кто мимо скачет... Горе горькое!..

Нарышкина. Дворецкий!

Вбегает Дворецкий.

Скажи Теплову, что дежурная фрейлина Нарышкина — буде удачное поле у царицы — позволила калужским ходокам встать возле императорского ковра с челобитной.

Шум.

Ломоносов. Спасибо, Катерина Ивановна!

Нарышкина. Не меня благодарите. Лосей. Гонят? *(Слушает.)*

Ломоносов. Ведут, но где-то далеко.

Смена караула.

Нарышкина. Вам по сердцу, Михайло Васильич, охота на лосей?

Ломоносов. Недосужно мне заниматься охотою.

Нарышкина. Все науки, опыты... Стихи?

Ломоносов. Да, стихотворство — моя утеха. Физика, химия — мои упражнения.

Нарышкина *(остановилась против купидона)*. Что сей купидон в сих снегах означает?

Ломоносов. Нерадение слуг, забывших его на зиму в сарай убрать.

Нарышкина. Поэт?!.. Неужели только нерадение слуг? Но ведь Купидон — бог любви. Неужели один только бог может ответить, что такое истинная любовь?

Ломоносов. Истинная любовь к женщине, к поэзии, к науке, к отечеству должна быть великой!

Нарышкина. И середины нет?
Ломоносов. Средины в любви нет.
Нарышкина. А он хитер, этот божок любви, держит перст у рта, намекая, что в любви должно быть скромну и молчаливу.

«...Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятный перервался
В начале самом сон...».

Ломоносов. А дальше читайте грозней, понеже сочинитель оному купидону поддаваться не желает:

«Кто там стучится смело? —
Со гневом я вскричал...»

Нарышкина. Ну вот, а дальше-то и забыл, господин сочинитель.
Ломоносов. Давно написано.
Нарышкина. А я помню. Я вчера еще читала их государыне:

«Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медливши нимало,
К себе его пустил.
Увидел, что крылами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастьи,
Огонь я разложил,
И при таком ненастьи
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
Досуха выжимал,
Он чуть лишь ободрился
— «Какой-то, молвил, лук?
В дожде, чать, повредился?»
И тотчас стрелил вдруг!
Так грудь мою пронзила
Преострая стрела...».

Вдруг прерывает чтение, точно ее вдруг пронзило стрелой, смотрит в поле.

Лоси?.. Почудилось...

Ломоносов. И мне почудилось!

Нарышкина. Покажите мне ваш «золотой рубин», который вы к Шувалову привезли. *(Сравнивает со своей цепью.)* Ваш — бледнее.

Ломоносов. Мой «золотой рубин», Катерина Ивановна, секрет коего я нашел,— это сплав минерального пурпура, стекла и немного золота...

Нарышкина. Он бледнее потому, что в нем мало золота? *(Кладет цепь в платок, завертывает.)* Возьмите цепь. Теперь вам хватит золота на опыты.

Ломоносов. Спасибо, Катерина Ивановна, мои рубины хоть и стеклянные, но я делаю их сам. А ваши рубины, да и золото, добывают вот под такие же вопли...

Шум, крики мужиков.

Голоса. Батюшки, да не бейте же, родимые...
— Батюшки, родимые, милостивцы...
— Ой, родные мои!

Ломоносов. Видите, что делают? Мужик-солдат мужика-крестьянина по голове прикладом бьет! Деревни жгут, людей клеймят, на каторгу гонят, убивают... А России люди нужны...

Нарышкина. Ах, боже мой! *(Оборачивается на шаги дворецкого.)* Дворецкий, что там такое?

Дворецкий. Калужских ходоков, сударыня-госпожа, измайловцы, солдаты, повели.

Нарышкина. Повели? Чьим приказом?

Дворецкий. Тут всем господин Теплов распоряжается.

Нарышкина. Обещала я вам, Михайло Васильевич, но — видите!.. Где Теплов?

Дворецкий. Господин Теплов идут сюда вместе с академиками.

Нарышкина. С академиками? Михайло Васильевич, академики сюда зачем?

Ломоносов. Не знаю зачем, знаю лишь одно, что «академики» сии, прослышав, что быть войне между Англией и Францией из-за колоний в Ост-Индии и Канаде, ну товары закупать: кожу, лес, железо, зерно, за границу везут... Кафтаны академиков, а лапы торгашей! Простите, Катерина Ивановна, я калужских догоню. Нельзя ли им чем-нибудь помочь! *(Уходит.)*

Теплов. Пожалуйте, господа академики!

За Тепловым идут академики и адъюнкты, в парадных кафтанах, при шпагах. Позади академиков — генерал Иконников и при нем два офицера и два штатских.

Нарышкина *(Теплову, гневно)*. Чьим приказом пропущены сюда академики?

Теплов. Приказом графа Кирилла Разумовского, чей полк несет караул на императорской охоте.

Нарышкина. Почему арестовали калужских мужиков?

Теплов. Да вы извольте спросить графа Кирилла. Вот он.

Нарышкина *(вошедшему Разумовскому)*. Граф Кирилл! На императорскую охоту приглашены лишь Шуваловы, Разумовские и канцлер Бестужев...

Разумовский. А брат мой, фельдмаршал и обер-егермейстер граф Алексей, пустил академиков, а Иван Иванович Шувалов — генерала Иконникова с его адъютантами.

Шумахер. Позвольте вручить вам петицию академиков, Катерина Ивановна.

Нарышкина *(сухо)*. Что просят академики, господин Шумахер?

Шумахер. Президента.

Нарышкина. Уж не Ломоносова ли прочите?

Шумахер. Избави бог! Меня пригласил в Россию Петр Великий, сей неустрашимый усмиритель смут. Как же я буду просить в президенты Ломоносова, когда он и есть главный рассадник смут?

Нарышкина. О чем просит генерал Иконников? Вы откуда?

Иконников. Имею честь управлять Уральскими казенными военными заводами. Испытывая нужду в людях, знающих геологию и металлургию, прошу направить на Урал профессора Ломоносова...

Нарышкина. Зачем?

Иконников. Для обучения уральских людей.

Нарышкина. Ломоносов нужен в Петербурге.

Иконников. Мы слышали, что Ломоносов добивается открытия химической лаборатории при Академии.

Шумахер. Зачем нужна Ломоносову химическая лаборатория, когда и химия в России не нужна?

Нарышкина. А, вы уже знаете о сем мысли России, господин Шумахер? Продолжайте, генерал.

Иконников. Ежели нельзя на Урал самого Ломоносова, то пусть бы при той химической лаборатории обучить уральских инженеров.

Нарышкина. Изрядно.

Рог.

Следите за охотой, господа. Удача императрицы на охоте несет счастье вашим замыслам.

Разумовский подходит к Нарышкиной.

Разумовский. А скоро уже и сумерки.

Нарышкина. Да. А за сумерками ночь. А за ночью утро.

Разумовский. А за утром день...

Нарышкина. А за днем опять сумерки. Вы наблюдательны, граф.

Разумовский. Фу-у... *(Теплову, который разговаривает с академиками.)* Григорий Николаевич, обещал красивое зрелище, где ж оно?

Теплов. Разве Академия наук, выстроившаяся подобно солдатам у императорского ковра и падающая на колени с петицией, не зело красивое зрелище?

Разумовский. Ну, не видал я академиков, что ли? Я сам у великого Эйлера бывал. Кстати, господин Шумахер, каково здоровье Эйлера?

Шумахер. Великий и прославленный Эйлер, ваше сиятельство, здоров, живет сейчас в Берлине и весьма одобряет нашего кандидата в президенты Академии наук.

Разумовский. А кого же вы все-таки прочите в президенты?

Шумахер. Высокородного графа Кирилла Разумовского!

Разумовский. Меня? Ну тогда, возможно, я увижу зело красивое зрелище! Где, однако же, эти счастливые лоси? Пообещать бы загонщикам по пятьдесят плетей, они б сразу выгнали.

Теплов. Обещано, ваше сиятельство.

Разумовский. Я не всех вот знаю академиков. *(Тыча пальцем в Тауберта.)* Это кто?

Теплов. Зять господина Шумахера, адъюнкт Тауберт, просвещеннейший ботаник и, между прочим, ваше сиятельство, превосходный фехтовальщик.

Разумовский. Ну? А этот огромный?

Теплов. Академик Уитворт, географ, судовладелец, из англичан.

Шумахер. Но, как и мы все, всей душой — русский!

Разумовский. Англичане неплохо дерутся на шпагах. Я уважаю Англию, сэр.

Уитворт. Ее все уважают, ваше сиятельство. А тех, кто ее не уважает, мы заставляем уважать.

Разумовский. Хорошо сказано. *(Тычет на де Рюшампи.)* Этот?

Теплов. Академик де Рюшампи... философ.

Шумахер. Француз...

Разумовский. Француз? Собственно, французы и выдумали драки на шпагах, да? Прекрасное занятие!

Теплов. Академик фон Винцгейм — астроном, из Пруссии...

Разумовский *(оглядывая фон Винцгейма)*. Длинен. Впрочем, я уважаю Пруссию, хотя и говорят, что ваш король Фредерик собирается на нас войной.

Фон Винцгейм. Не король Фредерик — Англия толкает Пруссию на войну с Россией.

Уитворт. Англия? Толкает Пруссию? Х-ха!

Фон Винцгейм. А кто — пруссаки или англичане скупают в запас ныне кожи и железо в России? Кто?

Разумовский. Быть войне, не быть — на то воля государыни.

Шумахер. Поистине, ваше сиятельство.

Рог.

Разумовский. Катерина Ивановна, неужели я буду президентом?

Нарышкина. Да, коли государыня лося убьет.

Разумовский *(живо)*. А не дай бог промахнется? Нет, я к императрице не пойду!

Нарышкина. Государыня вас любит.

Разумовский. Да, и любя — бьет! Она по щекам любит бить. А промахнется в лося... она ведь с ружьем... чего доброго в меня выстрелит!

Нарышкина. Ну, а если не она, а я застрелю лося? Государыня рассердится, сюда пожалует и...

Разумовский *(вскочил)*. Упаси бог! И эта мука называется охотой?! Теплов, что лица у академиков вытянулись?

Теплов. Прикажите, ваше сиятельство, научный спор вести!

Разумовский. Вот, вот! Когда я был за границей и посетил великого Эйлера, я сам вел научные споры... Лоси? Нет, это охотники перебегают. Все темней и темней. А лосей нет... Да что вы зачахли там, что ли? Начинайте научный спор, диспут!

Тауберт. Именно зачахли, ваше сиятельство! Зачахли от мучений, претерпеваемых через академика Ломоносова.

Разумовский. Не может быть!

Фон Винцгейм. Ломоносов перессорил нас не токмо между собой, но и со всеми академиями Европы.

Тауберт. Называя нас неучами и лжецами!

Фон Винцгейм. Грабителями!

Уитворт. Бездельниками! Мы — бездельники?!

Возвращается Ломоносов.

Ломоносов. Для себя, сэр Уитворт, вы делаете большие дела.

Уитворт. А для науки?

Ломоносов. И для науки коммерции — тоже.

Иконников. Здравствуйте, Михайло Васильевич!

Ломоносов. Федор Иванович!

Шумахер. Михайло Васильевич, а мы-то тебя в Петербурге ищем, чтоб вместе сюда ехать.

Разумовский. Катерина Ивановна, научный спор разгорается! Итак, Ломоносов называет вас неучами и лжецами? Неужели всю Академию? Ай-яй-яй!

Фон Винцгейм. Всю. Ломоносов про господина Шумахера ска-

зал, что тот, управляя Академией девятнадцать лет, не создал ни одного русского ученого.

Унтворт. Шумахер-де истратил русских денег полмиллиона, а фунт мяса на базаре стоит копейку... Сколько же сожрал зря мяса Шумахер, высчитайте?

Ломоносов. Ваше сиятельство, те слова сказаны давно, и за те слова сидел я восемь месяцев под арестом.

Разумовский *(шлепая губами и глядя на небо)*. Сколько... Шумахер сожрал мяса? В пуду сорок фунтов... на рубль — два с половиной пуда... и если пятьсот тысяч рублей помножить... будет... будет...

Иконников. Миллион двести пятьдесят тысяч пудов.

Разумовский. Господин Шумахер сожрал миллион двести пятьдесят тысяч пудов мяса? Он?!

Хохот.

Нарышкина *(не оборачиваясь)*. Тише! Лосей отпугнете!

Гон собак.

Тауберт. Ломоносов действительно сидел за эти слова под арестом, ваше сиятельство, но он не раскаялся, он и сейчас смеется над нами. Смотрите!

Академики *(тыча пальцами с террасы вниз на Ломоносова)*. Смеется! Хохочет!.. Все зубы оскалил!..

Лицо Ломоносова, однако, неподвижно.

Разумовский *(вглядываясь)*. Да смеется ли он?

Фон Винцгейм. Задыхается от смеха, ваше сиятельство!

Разумовский. Я верю науке. Он смеется. А почему...

Тауберт. А почему, ваше сиятельство, весь дрожа от негодования, я прошу разрешить мне обнажить шпагу! За честь тестя моего — правителя канцелярии Академии наук Шумахера!..

Нарышкина *(оборачиваясь)*. Дуэли в России недозволены.

Разумовский. Недозволены. Но экзерциции, сиречь упражнения на шпагах, поощряются.

Нарышкина. Граф Кирилл! Властью, данной мне государыней, дуэли не быть!

Разумовский. Ваша власть, Катерина Ивановна, на этой императорской охотничьей террасе. Моя — где стоит мой Измайловский полк. Противники, желающие экзерциции исполнять, пойдут в расположение моего полка. Что?

Унтворт. Если господину академику Ломоносову неугодна шпага адъюнкта Тауберта, я предлагаю экзерциции со мной.

Де Рюшампи. Или со мной.

Р а з у м о в с к и й *(Нарышкиной).* Этот диспут недурен. Они — настоящие академики!

К нему подходит И к о н н и к о в.

Генерал?..

И к о н н и к о в *(тихо).* Вашему сиятельству известно, что такое политика?

Р а з у м о в с к и й. И, однако, объясните, генерал, хотя имейте в виду, что я спешу смотреть экзерциции.

И к о н н и к о в. Политика есть направление государственных сил в заранее определенное и желаемое течение. Англия, к примеру, всегда направляет Россию к степени беспомощного азиатского государства.

Р а з у м о в с к и й. И далее, генерал?

И к о н н и к о в. России вследствие угрозы внезапного нападения необходимо вооружаться. Ломоносов помогает и поможет нам вооружиться. И не кажется ли вам странным, ваше сиятельство, что сии иноземцы чересчур настойчивы в стремлении к дуэли?

Р а з у м о в с к и й. А я чересчур настойчив, уговаривая их драться? Вам что, угодно обнажить шпагу со мной, генерал?

И к о н н и к о в. Но вы все-таки подумайте над тем, что я вам сказал, а драться мне некогда, ваше сиятельство. *(Отходит, про себя.)* Обалдуй!

Р а з у м о в с к и й *(помолчав).* Ну, господа, пошумели, и хватит. Экзерциции отменяю.

Ш у м а х е р. Мудро, мудро, ваше сиятельство.

Т а у б е р т. Ломоносов извиняется за свой неуместный смех?

Л о м о н о с о в. Я не смеялся.

Р а з у м о в с к и й. Голубчик, академики видели, как ты смеялся! Ты-то самого себя не можешь видеть? Извинись.

Л о м о н о с о в. Мне не в чем извиняться.

Т а у б е р т. Тогда идем на поляну. Вызываю! Биться!

И к о н н и к о в. Эту сталь моей шпаги плавил я на наших уральских заводах. Это — русская сталь. Рецепт русского, российского металлурга Ломоносова. Тверда, хорошо полируется — и не раз полировалась о тела врагов. Позвольте поднять ее за вас, Михайло Васильевич?

Л о м о н о с о в. Что вы, что вы, генерал! Спасибо!

Т а у б е р т. Не токмо за себя трусит, но и за других.

В с е а к а д е м и к и. Трус!

Л о м о н о с о в. Трушу? *(Выхватывает у Иконникова шпагу, сует ее под мышку и, показывая кукиш вызвавшим его академикам, кричит.)* Бивался я когда-то в Пруссии, авось уроков не забыл! *(Иконникову.)* Генерал, будьте секундантом. Трушу? Накося, выкуси. Идем!..

Отец Микулай. Ой, господи! Пламя, а не человек!

Нарышкина. Граф Кирилл! Биться чуть ли не в присутствии государыни?!

Разумовский *(подходя к ней, тихо и в восторге)*. А где ж им биться, как не в присутствии государыни? Государыня промахнулась по лосям... взбегает сюда в гневе...— а я, зная, что они забавы ставят превыше всего, кричу: «Ваше императорское величество! Что лоси?! Тут смешней, старики-то наши, академики-то, на шпагах бьются! Смеху-то...». Государыня взглянет — и в хохот! И — милости!

Теплов. Непременно в хохот и — милости...

Разумовский. А императорский хохот — единственное наше спасение! Что скажете?

Нарышкина. Скажу — Теплов посоветовал.

Тауберт *(обнажая шпагу)*. Драться... Биться...

Нарышкина. Именем государыни, прекратите дуэль!

Рог. Гон.

Ловчий *(хрипло)*. Лоси!.. Стадо!

За холмом вдруг исступленные крики охотников, лай собак, трещотки.

Нарышкина *(у ружья)*. Стреляю! Стреляю!

Выстрел. Ловчий поспешно заряжает ружье.

Теплов. Катерина Ивановна! Молю, промахнитесь.

Нарышкина. Ни за что. *(Выстрел.)* Из-за дыма не вижу. Упал лось?

Ловчий. Шатается... рухнул... Свалился, Катерина Ивановна!

Нарышкина. На государыню повернули лоси.

Ловчий. На государыню пошли! Царица стреляет! Второй раз царица стреляет! Не пронеси, матерь пресвятая, царскую пулю мимо!

Два выстрела в поле.

Нарышкина. У царицы промах. *(Стреляет.)* Все! Я с четырех выстрелов трех лосей убила.

Разумовский. А государыня?

Нарышкина. Государыня промахнулась. Беда вам, граф Кирилл, ха-ха!..

Разумовский. Да как же это вы, Катерина Ивановна, осмелились?

Шумахер. Коли Катерина Ивановна попала, нам петицию подавать, господа академики, неслед.

Разумовский. Биться! Уитворт, доставайте шпагу! Де Рюшампи!.. Ломоносов!.. Умоляю биться! Развеселим государыню.
Теплов. Дай сюда петицию! *(Берет у Шумахера бумагу и уходит.)*
Разумовский. Прикажите им биться, Шумахер!..
Шумахер. Где развеселить государыню, ваше сиятельство? Гнев императрицы страшен, а сердца академиков слабы. Мы уходим.
Нарышкина. Осторожней, ноги сломаете! Ха-ха!.. Бретеры, дуэлянты?!.. Граф Кирилл, кто же теперь за вас петицию подаст? Ха-ха!

Рог. Музыка. Голос: «Диане российской слава! Государыня трех лосей убила! Нарышкиной нумер промах!» Голоса. «Виват! Диане российской виват!» Музыка. Рог.

Нарышкина *(ошеломлена)*. Нумер Нарышкиной промах? *(Ловчему.)* Но все же видели, что я попала? Я убила! Я убила!.. Какой промах?

Рог. Музыка. Крики «виват!» Возвращается Теплов.

Теплов. Поздравляю, господа! Их императорское величество изволили трех лосей уложить. Вам не повезло, Катерина Ивановна,— промах. Я уже поздравил их императорское величество с удачным полем! И от вас государыня ждут поздравления.
Разумовский. Государыня — трех лосей! Не верю, ей-богу, не верю такому счастию!
Теплов *(тихо)*. Пока я жив, учись, как надо стрелять.
Разумовский. Виват!

За сценой: «Виват!»

Победа! Виктория! В пушки бы палить! Во все колокола петербургские! Фейерверков сюда! Все вина и закуски в поле! Все — императрицу поздравлять! Виват! Бегу и я! *(Уходит.)*
Нарышкина *(помолчав, Иконникову)*. Угодно вам, господин генерал, поздравить государыню и петицию свою вручить?
Иконников. Буду счастлив.
Нарышкина. Поелику вы, генерал, будете докладывать государыне о геологии и металлургии, прошу и господина Ломоносова. Следуйте за мной, господа. *(Уходит с Иконниковым.)*
Теплов. Тебе туда, Михайло Васильевич, лучше не ходить! Государыня уже узнали о твоем шумстве подле своей охоты и брови изволили нахмурить. Говорил я тебе, Михайло Васильевич, не надо биться. У них ведь, иноземцев, свои обычаи, у нас свои. Прямо жалко смотреть, как ты себя губишь! *(Уходит.)*

За сценой: «Виват!»

О т е ц М и к у л а й. Ну жизнь, ну дела! Все ринулись за счастьем, только мы с тобой остались. И нужны мы с тобой, на этой царской террасе, как пятое колесо в телеге. Слава богу, что за хлопоты о тех калуцких мужиках голову нам не оторвали.

Входит Д в о р е ц к и й. Затем — Т е п л о в.

Т е п л о в. Карету государыне! Отбывают. Их императорское величество сюда не пожалуют, устали. А радостей-то сколько сотворено. Како возблагодарю тя, господи!

О т е ц М и к у л а й. Какие радости и кому, Григорий Николаевич?

Т е п л о в. Многие... Сначала императрица изволили возложить на графа Кирилла знаки ордена Белого Орла, затем пожаловали города Батурин, Ямполь, Почеп с уездами, селами и всем населением!.. После того дали ему звание гетмана Украины.

О т е ц М и к у л а й. Гетман Украины? Неплохо... Царем вроде стал? Ишь, ты...

Т е п л о в. А наукам-то российским какое счастье!

О т е ц М и к у л а й. Наукам?

Т е п л о в. Поздравь себя, Ломоносов, и осени себя крестным знамением. Граф Кирилл Григорьевич — президент Академии наук! Я вручил петицию академиков государыне.

Л о м о н о с о в *(горько)*. Вот и дождалась Академия наук президента.

Т е п л о в. Воистину дождалась счастья! И сие солнце ума будет светить на Академию с двух сторон.

О т е ц М и к у л а й. Солнце — светит с двух сторон? Впервые о таком чуде слышу.

Т е п л о в. А как же! Супруга-то президента тоже ведь будет освещать науки наши.

О т е ц М и к у л а й. Какая супруга президента?

Т е п л о в. Под конец их императорское величество высказали еще большую дивность: «Коли ты, Кирилле, президент и гетман, холостым тебе негоже. Вот тебе невеста — внучатая сестра моя, Катенька Нарышкина. Будьте счастливы!»

О т е ц М и к у л а й. Катерине Ивановне приказано — за Разумовского?

Т е п л о в. Приказано?.. Любит! Рада!

Крики за сценой. «Виват!.. Ура-а!..» Могучий хохот.

Т е п л о в. Что лоси-то сотворили!

Л о м о н о с о в. Зачем лосей обижать, не лоси, люди. Прощай, Григорий Нпколаевич. *(Уходит.)*

Д в о р е ц к и й. Государыня отбывают!

Входит Н а р ы ш к и н а, затем — Р а з у м о в с к и й.

Теплов. Дворецкий, кнутами мужиков с дороги! Царский поезд двинулся!.. Честь имею с помолвкой, Катерина Ивановна! Власти-то, богатства-то...

Топот. Кони остановились.

Разумовский. Повелением императрицы, Катерина Ивановна,— руку! Нам должно показаться вместе.

Пьяные голоса. Всеславной охотнице...

— Диане российской виват!

Нарышкина *(со слезами)*. Диане российской... виват!

Разумовский, Теплов и другие. Виват!

— Виктория!

Все кланяются. Нарышкина приседает. Топот удаляется. По ухабам скачет карета.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кабинет Шумахера в его квартире при Академии наук.

Шумахер *(потирая ноги)*. А-а-а... ноги ноют...

Доротея. Непогода, батюшка. Климат в Петербурге сыр, а здание Академии наук того сырее.

Шумахер. Страдаю не столь от сырости, сколь от профессоров, сверх своей должности характер имеющих. Призвал к себе я ныне экономку Ломоносова...

Доротея. Госпожу Цильх?

Шумахер. Ее. Думаю, припугну. «Мне, говорю, сударыня, стало известно, что вы не экономка Ломоносова, а его жена. И обвенчаны вы с ним тайно, по лютеранскому обычаю, когда он был еще студентом в Марбурге. А за это, знаете, сударыня, какой суровый суд?»

Доротея. Бедные!

Шумахер. Не бедные, а сверх своей должности характер! Она вильнула юбкой и отвечает: «Суд так суд. Нам хоть дыба!» И ушла!

Входит с бумагами архивариус Стефангаген *и начинает доклад на немецком языке.*

Доротея. Господин архивариус, Иоганн Данилыч любит, чтоб в нашем доме говорили по-русски.

Шумахер. И короче, архивариус, короче.

Стефангаген. Их сиятельство, высокородная графиня Катерина Ивановна Разумовская, поручением их императорского величества посланы в Академию наук сделанный в подарок их императорскому величеству предивный андроид принять. И поелику вам, господин советник, сегодня недужится, позволю себе думать, что графиня Катерина Ивановна сюда, на квартиру вашу, прибудут.

Доротея. Батюшка! Сама Катерина Ивановна едут! Иду скорей квартиру прибрать.

Шумахер. Сиди. Письмо великому Эйлеру приготовили?

Стефангаген. Изволите прежде — о студентах, кои просятся к Ломоносову, равно как и о строении так именуемой «ломоносовской химической лаборатории». Мнение ваше, господин со-

ветник, о сем предмете известно. Я уже составил решение канцелярии Академии наук. Прошу подписать. *(Подает перо.)*

Шумахер. А какое мое мнение?

Тауберт. Студентов гнать, лабораторию не строить.

Стефангаген. Так и написано тут.

Шумахер. В огонь! Разрешение на постройку химической лаборатории будет подписано.

Тауберт. Кем?

Шумахер. Мной.

Тауберт. А президент?

Шумахер. Президента я уговорю.

Тауберт. Что, сенат настаивает на сей постройке? Императрица?

Шумахер. Нет, я.

Доротея встает и целует отца. Он гладит ее по голове.

Тауберт. Доротея, садись. *(Разводит руками.)* Ну, Иоганн Данилыч, удивил! Теперь вам остается только позволить всем желающим студентам учиться у Ломоносова.

Шумахер. Я так и сделаю. *(Берет бумаги у Стефангагена.)*

Тауберт *(кладет руку на бумаги)*. Нет! *(Стучит кулаком по бумагам.)* Да, вы читали жизнеописания сих студентов? Петер Алексеев — из мужиков Калужской провинции, кои бунт поднимали. Никифор Пиленко, запорожец, ездил туда то ж, едва ли не оружие бунтовщикам ковать. Анкудин Баташ — татарин, и в церковь не ходит. Его любимец Николай Поповский — ритор и поэт, перевел стихами «Опыт о человеке», где проповедует богомерзкое учение Коперника и осмеивает догматы православной церкви!

Шумахер. И, однако, канцелярия Академии наук разрешает Ломоносову принять сих учеников к себе и учить!

Тауберт. Вы так приказываете?

Шумахер. Я.

Тауберт. И зачем тогда вы велели мне выписывать извлечения из латинских трактатов Ломоносова по физике и химии? Зачем?

Шумахер. Чтоб послать великому Эйлеру с письмом о Ломоносове.

Доротея. Иоганн!

Тауберт. Что — Иоганн? Ты изучала физику и химию, и тебе известны, может быть, свойства флогистона?

Доротея. Разумеется.

Тауберт. Читай трактат Ломоносова: «Нулус флогистоном нон эстс»,— флогистона нет. Ученые Европы доказали, что флогистон, или по-русски «теплотвор», сия божественная, непостижимая сила управляет тяжестью, светом, воздухом, металлами, всем! Всей вселенной! Ломоносов пишет — нет флогистона, а есть

различные, разнообразные атомы, из коих составляются молекулы, или «корпускулы», а из сих бездушных молекул — все тела, весь мир! Я, ты, твой отец, вот это кресло, дрова, огонь — все лишь действие разнообразных атомов. А бог? Где, я спрашиваю, бог и его флогистон?.. Об этом ни слова! Ломоносов богохульствует, утверждая — нет флогистона!

Доротея. Богохульствует?! Не вернее ли сказать, что это гипотеза, как многие другие?

Тауберт. А подтверди опытами в своей лаборатории Ломоносов эту атомную гипотезу, что тогда?

Доротея. Тогда она не будет гипотезой, а будет научным фактом.

Тауберт. Доротея, ты — дура! Если атом будет фактом, значит, человек узнает всю сущность материи. Всю! А узнав всю сущность материи, человек сможет управлять ею. Всей материей! Он станет равен богу. Понимаешь, кому уподобляет себя Ломоносов? Страшно сказать — богу! Шарлатан! Иоганн Данилыч, вы создатель глубочайшего сочинения «О боге, мире и душе», за которое вами получена ученая степень, вы подпишите ему разрешение на постройку лаборатории?

Шумахер. Подпишу. *(Похлопывает по щеке Тауберта.)* Тауберт, ученик Шумахера, скоро ты меня поймешь. *(Часы бьют один раз. Стефангагену.)* Почему мастеровые медлят с андроидом?

Стефангаген *(медля уходом.)* Господин советник! Я тоже вложил все свои капиталы в товары для вывоза и в императорской награде за андроид я хотел бы иметь свою скромную долю...

Шумахер. О! И вас охватила сия горячка? Что же вы скупили? Кожи? Железо? Лес? Пеньку? А вдруг англичане и пруссаки побоятся воевать с Россией? Вы тогда разоритесь, Стефангаген?

Стефангаген. Война состоится, господин советник. Наш прусский король Фредерик с помощью Англии не замедлит укоротить Россию...

Шумахер. Стефангаген, об этом вам нужно поменьше думать, а того меньше говорить. Идите. Я о вас не забуду.

Стефангаген уходит.

Доротея, душенька, иди к себе.

Доротея уходит.

Тауберт. Иоганн Данилович, как вы могли подписать разрешение на лабораторию и на студентов? Разве нам десять Ломоносовых надобно? Нам и один в тягость.

Шумахер. Я свои планы, Иоганн, обдумываю сам. Поди, поторопи академиков.

Тауберт. Мастеровые с андроидом.

Несколько мастеровых вносят большой ящик.

Шумахер. На стол!

Мастеровые ставят ящик на стол и уходят. Входит Стефангаген.

Стефангаген. Григорий Николаевич!

Входит Теплов, здоровается.

Теплов. Письмо Эйлеру готово?
Стефангаген *(докладывает)*. Господа академики!

Входят академики.

Теплов *(читая письмо Эйлеру, приветствует их.)* Здравствуйте, академик Рихман.
Уитворт. Oh, Schuhmacher, please, ask to bring us some grogue, we are dying of cold.

Вносят грог.

Фон Винцгейм. Здравствуйте, господин Теплов, здравствуйте, господин Шумахер! Господин Теплов, сэр Уитворт опять скупил запасы кожи и железа, которые я хотел купить!
Уитворт. Когда вы наконец отстанете от меня с вашими разговорами?

Шум.

Теплов. Довольно о торговле!
Фон Винцгейм. Но все-таки вы скупили все кожи.
Уитворт. Да, я скупил в Санкт-Петербурге все кожи, кроме вашей, но за нее я не дал бы и пенса.

Смех. Шум.

Теплов. Довольно о купле и продаже, будем говорить о Ломоносове!

Входит Миллер.

Здравствуйте, академик Миллер.
Миллер. Здравствуйте, господа!
Шумахер *(звонит)*. Собрание российских академиков открываю, прошу занять места!
Уитворт. Подождите, любезный друг Шумахер. Из трехсот кораблей, побывавших за этот год в Санкт-Петербургском порту, моих пятьдесят семь. Мои корабли нуждаются в грузе, а я в деньгах. Получу я сегодня от вас деньги?
Шумахер. Собрание российских академиков открыто.

Уитворт. Деньги за андроид!

Теплов. Прошу помолчать, сэр Уитворт!

Уитворт. Деньги за андроид, который мы делали на собственные средства!

Теплов. Вы не умеете вести себя с тактом!

Уитворт. Меня учат такту! А вот в извещении сказано, что господин академик Ломоносов в шесть часов начнет свои извинения, которых мы ждем от него много месяцев. В шесть! Сорок пять минут седьмого! Что это — такт? Может быть, мне из чувства такта принести вам мои извинения? Ха-ха-ха!

Шумахер. Сорок семь минут седьмого? Однако наш друг бесцеремонен! А я сегодня же должен послать наше письмо великому Эйлеру.

Теплов *(возвращая Шумахеру письмо)*. Прекрасно написано! Поставьте ваши подписи, господа академики!

Академики подписывают.

Рихман *(читая письмо)*. «Великий и мудрый Эйлер! Ты узришь из приложенного, как богохульствует Ломоносов, утверждая — нет флогистона! Мы просим вас, высокочтимый Эйлер, подтвердить всю богопротивность атомной теории Ломоносова, всю ее гнусность и безбожность, всю преступность его материалистической философии». Даже преступность?

Теплов. Да!

Рихман. И такое письмо приказывается нам подписать, не выслушав Ломоносова?

Шумахер. Что делать, академик Рихман! Ломоносов не пришел.

Входит Ломоносов.

Ломоносов. Ан и пришел, хоть и написано в извещении — «быть к семи».

Шумахер. К шести, а не к семи.

Ломоносов *(подает извещение)*. Читайте.

Шумахер. Писаря перепутали. Мы их накажем. Люди, кресло Ломоносову!

Кресло Ломоносову, однако, так и не подают. Академики, развалившись, покуривают трубки и разговаривают.

(Ломоносову.) Впрочем, сесть вам, голубчик, придется попозже. Вы долго увертывались от извинений, а потому церемония вашей мольбы должна происходить на ногах.

Ломоносов *(хмуро)*. Но почему мне одному велено быть в парадном костюме? Где президент? Почему нет русских академиков — Нартова, Петрова, Крашенинникова? Где Виноградов, Тредьяковский?

Шумахер. Президент приказал вам покаяться перед теми особами, коих вы прямо оскорбили.

Ломоносов. Ни прямо, ни обиняком я, например, не оскорблял академика Рихмана.

Шумахер. Подчиняйтесь приказу президента. Подчиняетесь приказу?

Ломоносов. Подчиняюсь. Господа академики! Канцелярия Академии наук выхлопотала у сената приказ — просить мне у вас прощения. Она доказала, что в имении Шувалова, при императорской охоте, я устроил шумство и натравил некоторых из вас на себя, тем вызвав обнажение шпаг. Канцелярия доказала, что вы были агнцами, а я волком, что в персонах ваших я оскорбил всю Академию и даже хотел уничтожить, о господи, знатнейших людей российской науки. Вот что доказала канцелярия Академии наук, а она всесильна!.. По приказу сему я прошу у вас прощения, господа академики. *(Шумахеру.)* Они молчат? Плохо стали понимать по-русски? На каких иностранных языках повторить мою просьбу? На латинском, немецком, греческом или английском, к коему, кажется, вы ныне весьма склонны?

Шумахер *(вздохнув)*. Молчат по другой причине. Скажу с глубоким прискорбием, дорогой Михайло Васильич,— церемония мольбы вашей начата вами неправильно. Щадя ваше чрезмерное самомнение, я не сделал церемонии широко публичной. Хотелось, как говорят по-русски, келейно, даже в отсутствие президента, тихо. Но все-таки церемония есть церемония. Начну с того, Михайло Васильевич, что вами сказан не тот текст. Говорить надо приблизительно так, как говорили вы перед академиками лет десять тому назад, а именно двадцать седьмого генваря тысяча семьсот тридцать четвертого года. Позвольте напомнить? *(Читает.)* «Униженно прошу и заклинаю благосклонно — простить меня, сознающего чудовищные размеры своего непростительного проступка». Смирение, христианские слова!

Тауберт. И притом сказанные с тюремными цепями на руках.

Ломоносов. А сейчас хорошо бы еще и колодку на шею?

Тауберт. Того лучше — петлю!

Шумахер. Иоганн!

Шумахер машет на Тауберта, тот садится. Стефангаген шепчет на ухо Теплову, тот кивком отпускает его.

Стефангаген. Президент жалует в Академию. *(Уходит.)*

Шумахер. Президент?!

Теплов. Сначала покончим с покаянием Ломоносова. Видно, господа, без осудительного слова не обойтись. Так принято во всех

академиях Европы, кои построены так же, как и наша Санкт-Петербургская,— им велено защищать веру в бога и в крепость царствующего дома. Продолжайте.

Шумахер. Кто скажет осудительное слово?

Рихман. Я.

Оживление.

Ломоносов *(стоя, опустив голову, поднимает ее с удивлением.)* Егор Вильгельмыч, друг, ты?

Рихман *(спокойно)*. Я осуждаю.

Тауберт *(с наслаждением, ко всем)*. Рихман — осуждает! Лучшие друзья от него отказываются.

Шумахер. Осуждайте, академик Рихман, громче осуждайте!..

Рихман. Да, я осуждаю Ломоносова!

Одобрительные аплодисменты.

Но, прежде всего, что есть Ломоносов? Философ, естествоиспытатель, поэт. Философ — он по-новому объясняет нам мир. Естествоиспытатель — он по-новому доказывает опытами и наблюдениями свое философское объяснение мира. Поэт — он воспевает красоту и совершенство, природу, храбрость и величие русского человека.

Уитворт. Пока я не слышу осуждения.

Де Рюшампи. Слушайте дальше. Он осудит Ломоносова как физик.

Рихман. Я — физик. Подобно другим физикам Европы я верил, что при накаливании металл увеличивается в весе, потому что туда-де входит флогистон. Ломоносов провел неопровержимые опыты, доказывающие, что увеличение веса металлов при нагревании есть результат соединения металла с воздухом. Тогда я вместе с ним сказал — никакого божественного флогистона не было и нет!

Уитворт. Есть флогистон!

Шумахер. Академик Рихман, я лишаю вас слова!

Рихман. Господин Теплов, разрешите мне окончить речь!

Теплов. Да, да!

Уитворт. Атеист!

Теплов. Тише! Говорите, говорите...

Рихман. Тысячелетие над нами грохочут громы и сверкают молнии. Откуда они? Откуда сие?

Теплов. От бога, академик Рихман.

Рихман. Многие ученые-физики исповедуют эту догму. Мы же с Ломоносовым опытами хотим доказать, что причина грома и молнии есть...

Теплов. Академик Рихман! *(Стучит по столу.)*

Ломоносов. Ну, чего кричать? Рихман говорит правду. Сила электрического огня в молнии столько веков не была еще испытана!.. Природа не все свои священнодействия сразу открывает,— говорит Сенека. Многое, будущим векам, когда даже память о нас исчезнет, оставлено, многое после нас грядущим поколениям ученых откроется. Мы хотим рассеять мрак, покрывающий доселе эту тайну небесного круга.

Шумахер. Замолчи, Ломоносов!

Тауберт *(вскакивая)*. Довольно, черт побери!

Фон Винцгейм. Рихман, это — нечестно! Вы обещали обвинительное слово.

Рихман. Я его и говорю. Вы не послушали меня, господа академики, слушайте меня.

Теплов. Стефангаген, пишите. Продолжайте!

Рихман. Я осуждаю Ломоносова! Я осуждаю Ломоносова за то, что он, первейший русский ученый, обнажив шпагу, не проколол всех своих противников! И я жалею, что меня не было с ним рядом!

Голоса: «Довольно! Прекратите!»

Вот о чем нужно писать Эйлеру! Пишите, что, осудив Ломоносова за слабое шумство, кланяюсь ему низко, по-русски, в пояс. Кланяюсь за могучую любовь, коей он любит свой народ, русскую науку и Россию! *(Кланяется.)*

Шумахер звонит.

Уитворт.
Фон Винцгейм.
Де Рюшампи. } Скотина! Подлец, он нас предал! Пусть скажет Тауберт! Тауберта! Гоните вон Ломоносова!..

Теплов. Пусть скажет академик Миллер!

Шумахер. Слово академику Миллеру.

Миллер *(с необычайным достоинством)*. Я — историк, а спор идет о физике. Поэтому пусть лучше скажет осудительное слово адъюнкт Тауберт.

Де Рюшампи. Он — ботаник!

Миллер *(с тем же непоколебимым достоинством)*. Перед историей все науки одинаковы! Я скажу! Я каждый день и час говорю ему осудительные слова! Можно сказать без преувеличения, что я довольно известный историк России. И в моих работах по русской истории никто так мне не мешал, как Ломоносов. Теперь я приведу факты...

Тауберт. Академики! Ломоносов — Стенька Разин науки!

Миллер. Позвольте, он же перехватил мою мысль!

Входит Стефангаген.

Стефангаген. Господин президент, высокородный граф и гетман

Украины просит явиться немедля к нему Теплова, Шумахера, Уитворта, Тауберта, фон Винцгейма, Миллера, де Рюшампи, Рихмана.

Рихман. Я не слышал имени академика Ломоносова!

Стефангаген. Перечислены все приглашенные президентом!

Академики поспешно уходят.

Шумахер. Что это значит?

Теплов. Идем и узнаем. *(Ушел.)*

Шумахер. Скороходы, гайдуки, фонари, вся дворня выбежала, а кто приехал — не могу разглядеть, окно запотело.

Входит Доротея.

Доротея. Графиня Разумовская, батюшка.

Шумахер. Встречай, встречай! Зажечь все люстры! Ах ты, боже мой!

Зажигают люстры.

Ломоносов. Прощай, Иоганн Данилыч!

Шумахер. Прощай, прощай, Михайло Васильевич.

Входит Нарышкина.

Нарышкина. Здравствуйте, советник. Ломоносов, останьтесь. Ваша дочь, советник? Мила!

Шумахер. Ах, ваше сиятельство, как я рад! Благородная, могучая госпожа, супруга президента, у меня!

Нарышкина. Где же долгожданный андроид?

Шумахер. Необыкновенный андроид, ваше сиятельство! Извольте подойти поближе!

Он сдергивает чехол. Нажимает кнопку. Футляр раскидывается, образуя пьедестал. Нарышкина, всплеснув руками, восхищенно смотрит на андроид — человекоподобный автомат, которыми так усиленно увлекались в XVIII столетии. Андроид — серебряный купидон, очень похожий на того мраморного, которого мы видели в парке Шувалова.

Нарышкина. Дивный андроид!..

Шумахер. Да, сочетание несравненной красоты снаружи с искуснейшим механизмом внутри.

Нарышкина. Он ходит? Говорит? Читает те стихи о купидоне?..

«Приятный прервался
в начале самом сон...».

Шумахер. К великому горю, ваше сиятельство, стихи, вами присланные, оказались слишком длинными. Он может лишь гово-

рить фразы: «Рад цветущему виду их императорского величества!» или «Ура, их императорскому величеству!». Сто сорок два движения, ваше сиятельство, не считая того, что андроид свищет соловьем, кукует, рычит львом...

Ломоносов. Не хватает лишь академического ослиного рёва.

Шумахер *(глядя на андроид)*. Оболочка — девяносто процентов чистого серебра, ваше сиятельство, а волосы, лук и стрелы из червонного золота.

Нарышкина. Вам андроид не нравится, Ломоносов? А вам, фрау?

Доротея. Мастерские, где делали этот андроид, рядом. Батюшка посылал меня туда часто с разными поручениями. Я видела, как там ковали это железное сердце для увеселения железных сердец.

Нарышкина. Ого! Ваша дочь, советник, никак поклонница поэзии?

Доротея. Да, но музыку я люблю еще больше поэзии.

Нарышкина *(Доротее)*. Вы мне, голубушка, не нужны. Занимайтесь музыкой.

Доротея ушла.

Терпеть не могу ученых немок. Господин Ломоносов! Государыня, выслушав представления Шувалова о ваших новых ученых трудах, повелели сенату помочь вам. Посему президент и приехал в Академию. Церемония вашего покаяния отменяется.

Шумахер. А я и не дал состояться той церемонии, ваше сиятельство.

Нарышкина. Кроме того, сенат разрешил вам построить химическую лабораторию и учеников в нее набрать, сколь вам нужно.

Ломоносов. Благодарю вас. Я счастлив.

Шумахер. Приказ о том мною подписан.

Нарышкина. Когда?

Шумахер. Да час назад, ваше сиятельство!

Нарышкина. Час назад? Лишь десять минут назад сенат поставил печать на свое постановление!

Шумахер. Иные люди, из ревности к науке российской, ставят свою печать раньше сенатской, ваше сиятельство. Сей феномен называется — провиденьем.

Нарышкина. Президент любит провидцев. Он ожидает вас в своем кабинете, советник.

Шумахер *(испуганно)*. Ваше сиятельство, прикажете завести андроид?

Нарышкина. Андроид, если понадобится, мне заведет господин Ломоносов.

Шумахер. Врачи запретили мне выходить, ваше сиятельство. Я нездоров...

Нарышкина *(важно и с силой)*. Всякий выздоравливает, коли его требует президент Академии наук и гетман Украины.

Шумахер. Выздоровел, выздоровел, бегу, ваше сиятельство!

Нарышкина. Господин советник, а ключ от андроида?

Шумахер *(бросая ключ на стол)*. Андроид очень, очень хорош! *(Ушел.)*

Ломоносов. Химическая лаборатория! Благодарю вас, Екатерина Ивановна, за несказанно радостную весть для начала наук российских.

Нарышкина. Но, оказывается, Шумахер больше хлопотал. Заведите андроид, послушаем, как он кукует. Вам нравится?

Ломоносов *(пренебрежительно махнув рукой)*. Э-э!.. Катерина Ивановна! Я не сомневаюсь, что андроид сей великолепнее андроидов Альберта Великого, Себастиана Парижского и прославленного механика Вокансона. *(Размахивая большим ключом от андроида.)* И, однако, сей ключ — не ключ науки, а только ключ от куклы! Академии же Санкт-Петербургской надлежит простираться в более полезных и славных нашему отечеству упражнениях. Иноземные мракотворцы, кои господствуют ныне в Академии, гасят, а не разжигают огнь российских наук. Пора новую — российскую — Академию создавать. А куклы пусть создают куклы.

Нарышкина. Господин Ломоносов! *(Строго.)* Перед вами не только жена президента, но и особа родственная царствующему дому.

Ломоносов. Простите, ваше сиятельство, нижайшего и покорнейшего слугу, но — куклы. Разве вы не встречали кукол-вельмож, одетых в шелка, в бархат, повторяющих чужие мысли на чужом — французском — языке и презирающих свой, родной, русский язык? Русский язык! Еще Карл Пятый, император римский, говаривал, что испанским — с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелем, итальянским — с женским полом говорить пристойно. Но если б император римский в русском языке был искусен, то нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, краткость греческого и латинского!..

Нарышкина идет.

Уходите, ваше сиятельство?

Нарышкина. Ухожу.

Ломоносов. Советую вам, ваше сиятельство, побольше ходить.

Нарышкина. Почему?

Ломоносов. У вас царственная походка!

Нарышкина *(остановившись, задумчиво)*. Куклы? *(Оживляясь.)* Куклы? Пора бы вам увидеть у этой куклы человеческие глаза

и пора бы дотронуться с благодарностью до ее руки. Что, горячая? Я — горда. Это все знают. Но когда истинный человек гордится своими чувствами, он не должен бояться их высказать!.. Ах, жизнь человеческая! И не сказано ль в вашей пьесе, Ломоносов, «Тамира и Селим»:

«Какая польза в том, что, рок свой проклиная,
Не браком буду брак, а пленом называть?
И, на оковы столь несносные взирая,
За мужем следовать, а о тебе вздыхать?..»

Переехали мы в новый, гетманский дворец на Украину. Зала огромные, белые, радоваться бы. Но мне они напомнили лишь царскую охоту в имении Шувалова, снег на голове купидона и... ваш белый парик. А обратили ли вы внимание, что сего андроида приказала я сделать похожим на того купидона, возле коего вы свои высокие чувства высказывали. И не тогда ли вы сказали: любовь к женщине, к науке, к поэзии, к отечеству должна быть великой. И средины в любви нет?

Ломоносов. Средины нет. Таков истинный человек, гордящийся своими чувствами.

Тяжело дыша вбегает Шумахер.

Шумахер. А как андроид? Полгода трудились, ваше сиятельство! И как еще трудились! Сто мастеровых, все почти академические мастерские. Андроид понравился? Еще бы! Чудо мы создали, бог мне защита!

Нарышкина. Поелику вы, господин советник, столь набожны, что бог вам во всем защита, след ли было вам делать это языческое чучело из железа, серебра и золота? Ваш «прекрасный андроид» — глупая и ненужная кукла.

Шумахер *(потрясенный)*. Кукла? Работала сотня мастеровых... полгода... все мастерские Академии наук... и кукла!

Нарышкина. Но разве подобает Российской Академии наук заниматься такими делами? Ну, вот что. Жалея вас, я покупаю серебряную оболочку сего купидона, а начинку можете оставить себе.

Шумахер. Начинку? Искуснейший механизм... чудо науки, ваше сиятельство! Ломоносов подтверждает великую ценность андроида. Да?! Нет! Ага!..

Нарышкина. Сударь! Я приезжала по поручению государыни принимать андроид. Я его не принимаю. Карету!

Нарышкина быстро уходит. Шумахер садится к камину. Ломоносов берет плащ, направляется к дверям. Стук отъезжающей кареты.

Л о м о н о с о в. Знобит?
Ш у м а х е р *(оборачиваясь)*. Знобит! *(Сдерживая себя.)* Сырость.
Л о м о н о с о в. Прощай, Иоганн Данилович! *(Уходит.)*
Ш у м а х е р. Гасите люстры! Уберите андроид.

Входит С т е ф а н г а г е н.

С т е ф а н г а г е н. Господин советник, понравился супруге президента андроид?

Входит Т а у б е р т.

Т а у б е р т. Карета ее помчалась с великой силой в императорский дворец, об андроиде говорить.
С т е ф а н г а г е н. Что решила высокородная графиня?
Ш у м а х е р. Графиня не приняла андроид. Теперь один бог нам защита. *(Помолчав.)* Химия, оптика, металлургия, поэзия... Ломоносов во всех науках и во многих языках почитает себя совершенным. Полигностер! Нет, я докажу обратное!
Т а у б е р т *(ухмыляясь)*. Разрешив этому азиату Ломоносову строить химическую лабораторию и набирать учеников?
Ш у м а х е р. Да! И дам ему сотни учеников! Ломоносов-то ведь, знаю, одной химии их учить не будет. А когда подойдет срок, туда приедет президент Разумовский... Немного надо разума, чтобы понять — профессор, желающий учить всем наукам, ни одной не научит. И тогда — за сие ученое шарлатанство — сенат отнимет у Ломоносова и лабораторию и учеников.
С т е ф а н г а г е н. Глубокий замысел, господин советник.
Т а у б е р т. Гениально! Неимоверно раздутому ломоносовскому самомнению такой удар убийственнее яда.
Ш у м а х е р. Все русские ученые подчинены мне. Письма иноземных ученых идут через меня. Ломоносов полагает создать русскую науку и русских ученых. Мы же, иностранные ученые, докажем всем, что никогда русской науки не было, нет и не будет!.. Я великую прошибку сделал в своей политике, что допустил Ломоносова в профессора. Пора эту прошибку исправить! Молитесь о божьей помощи, друзья. Преступники сами не торопятся на виселицу. Их ведут силой и с молитвой. Что это?

Слышны музыка и пение.

Т а у б е р т. Это поет Доротея.

Ш у м а х е р оглядывается и видит бюст Петра Великого. Что-то кажется ему странным в этом бледном лице. Он берет свечу, подходит ближе — и освещает лицо Петра, на котором круглые, выпученные глаза отсвечивают красноватым пламенем.

Шумахер. Последнее время Ломоносов часто говорит, что Петр Великий смотрит на нас без расположения. Неправда! Ко мне взор его всегда был благосклонен... *(Вглядываясь, пятится.)* Настаиваю, он и сейчас благосклонен... и гнев его только чудится!

Тауберт и Стефангаген при звуках его дрожащего и испуганного голоса смолкают.

(Почти кричит.) Чего испугались? Молитесь! *(И под чтение молитвы и пение Доротеи, поднеся свечу к самому лицу Петра Великого, с напряжением глядит в страшные и гневные глаза его.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Химическая лаборатория Ломоносова. Исследовательское отделение.

Иконников *(диктуя адъютанту)*. «...и тем ломоносовским студентам трудиться на тех уральских заводах и весь Урал изучать...»

Крашенинников. Стало быть, на Ягошихинские казенные заводы поедут учить плавить металл новым способом Ермола Шелех и Никита Укладник?

Иконников. Так, господин академик Крашенинников.

Ломоносов *(помощнику)*. Захар, железо пробной плавки под нумером 642! *(Иконникову.)* Федор Иваныч!

Иконников *(чертя на карте)*. Ась, батюшка?

Ломоносов *(взяв от Захара образец)*. Железо из руды, что найдена близ уральского местечка Златоустов. Руда богатая. Много ее?

Иконников. Хватит надолго. *(Показывая руду.)* Каковы златоустовские руды, господин академик Нартов?

Нартов. Руда отменная.

Крашенинников. И железо отменной чистоты.

Иконников. Доложу Берг-коллегии: откроем еще в Златоустове завод! Но коли новый завод, так и плавить надо по новому вашему методу? Кого ж послать, Михайло Васильевич? Все уже расписаны.

Ломоносов. Ермолу Шелеха и Никиту Укладника.

Иконников. Да мы их посылаем на Ягошихинские!

Ломоносов. Управятся.

Иконников. Столь вы на них уповаете?

Ломоносов. А вот я покажу, сколь уповаю! Шелех! Укладник! Подайте-ка генералу ваши манускрипты и чертежи.

Шелех. Черновики они, Михайло Васильевич!

Ломоносов *(строго и ласково)*. И ты, Петер Алексеев, показывай! Что же, Шелех?

Иконников *(читая)*. «Пушечно-артиллерийское дело» — Петер Алексеев. Господину академику Нартову, знатоку пушечно-артиллерийского дела, думаю, будет приятно ознакомиться с этим манускриптом?

Нартов. Дай его сюда, сударь мой!

Ломоносов. Ты, Андрей Константинович, написал дивную книгу о Петре Великом. И, чаю, будь Петр жив, он хорошо бы отозвался о сих молодых людях. А, каково, Андрей Константинович?

Нартов *(впившись в манускрипт)*. Ах, обожди, сударь мой!

Ломоносов. Задело! Ермола, передай манускрипты Степану Петровичу.

Крашенинников *(читает)*. «Металлургия» — Ермола Шелех.

Ломоносов. Крашенинников разберется! Мы с ним вместе учились в Заиконоспасской славяно-греко-латинской академии. А потом я поехал доучиваться в Германию, а Крашенинников — на Камчатку. И еще неведомо, кто из нас большему научился.

Крашенинников. Что ты, Михайло Васильич!

Ломоносов. Право, так. Труд твой — «Описание земли «Камчатки» — будет славен вечно. Я рад, что в лаборатории моей вижу великого путешественника и натуралиста.

Крашенников *(читает)*. «Горно-рудное дело» — Никита Укладник.

Укладник. Да. Мой манускрипт.

Ломоносов *(Иконникову)*. Ну что, Федор Иванович?

Иконников. Удивительно! «Литье металла для пушек»?

Пиленко. Пиленко, мой манускрипт.

Иконников. Великолепно!

Нартов *(читая манускрипт)*. Еще бы не великолепно! Петер Алексеев, инженер-литейщик, пушкарь-умелец, ты меня знаешь?

Ломоносов *(тихо)*. Петер, громче! Андрей Константинович глуховат!

Алексеев *(громко)*. Кто не знает знаменитого пушкаря-литейщика, сподвижника Петра Великого?

Нартов. Что ж ты кричишь-то на меня? Цыган! Задача твоя небывалая, дай я тебя расцелую! *(Целует.)* Молодец.

Крашенинников. Михайло Васильевич! Шелех говорит, что каждый отъезжающий на Урал подал тебе свой манускрипт.

Ломоносов. Каждый. Они желают доказать, что практика не помешает развитию их теорий и что новые свои теоретические задачи они закончат решением на Урале. Недоедая, без одежды и обуви, преследуемые недоброхотами, столь великих успехов наук в короткий срок достигли...

Иконников. Хвалю, хвалю! Я — начальник казенных военных заводов. И все же упреждаю, на уральских заводах тяжко. Сна и хлеба мало, люди округ темные, книг нет. Сочинение Михайла Васильевича «Металлургия» до сей поры в ручных списках. А вы вот новые научные задачи беретесь там решить?

Ученики *(вместе)*. Так точно, ваше превосходительство! Решим!

Иконников. Сыны отечества, Михайло Васильич, верные сыны отечества! И воспитаны они вами, Михайло Васильич.

Нартов. Вот мы, Михайло Васильич, говорили о Петре Великом... Да простит меня покойный император, а кое в чем, пожалуй, ты будешь воином не менее его.

Иконников *(размахивая манускриптом)*. Утеха была б для многих, кабы ученые задачи сих студентов задать российским и иностранным академикам.

Крашенинников. А что ж? У вас, Федор Иваныч, много близких людей в сенате! Покажите эти дивные задачи. Пусть сенат велит Академии пустить их на решение под тайными литерами?

Нартов. Ну что вы, Степан Петрович! Да разве нынче мыслимо такое? Вот если бы жив был Петр!

Иконников. А чем же немыслимо? Михайло Васильич? А ученикам твоим куда как было б лестно узнать, что задачи их пущены — к решению академиками. Сердца-то бы у них как разгорелись: «Ах, скажут, задуманные задачи академики хотят решить. Нет, я сам скорее и лучше их решу!» Так, что ли? Прощайте, Михайло Васильич. Желаю вам удачи в вашем сегодняшнем опыте! Прощайте, Андрей Константинович!

Нартов. Утомился я, поеду к себе, отдохну.

Иконников. Позвольте, я довезу вас, Андрей Константинович.

Нартов. У тебя кони горячие, молодые, тебе ехать далеко, а мне, государь мой, близко. Я на своих. Прощай, государь мой, Михайло Васильевич. *(Уходит.)*

Иконников. Михайло Васильевич... *(Обнимает.)* Степан Петрович, прощайте. А с задачами так и сделаем, господин академик. Сейчас и твоим инженерам — геологам и металлургам — лошадей подадут.

Ломоносов. Ваше превосходительство! Да там жена, обед...

Иконников. Ни, ни! Еще в сенат хочу успеть перед отъездом. Ну, кто со мной на Урал, собирайтесь!

Все ушли. За окнами голоса: «Спасибо, Михайло Васильевич!»— «Вам спасибо».— «Не забыли карты географические?» — «Все взяли?» — «Прощайте, генерал!»
Ученики возвращаются.

Алексеев. Ну, ребята, пора и нам собираться! А друзья-то какие у Михайла Васильевича? Андрей Константинович! Семен Петрович!

Шелех. Иконников тоже не из последних.

Укладник. Ермолушка, ты орден Андрея Первозванного у него разглядел?

Шелех. Взгляд-то повострее ордена будет.

Алексеев. Взгляд такой, что поставить с ним рядом некого! Азов брал!..

Ракитин *(степенно)*. До Азова он, семнадцати лет отроду, гренадером в Полтавском сражении бился: шведского генерала Шлиппенбаха собственноручно в плен взял. В нашей картине «Полтавская баталия» третий гренадер справа от Петра — Иконников!

Алексеев. Ну, братцы, раз такой герой нас везет, надо ехать хоть через край света!

Входит Поповский с книгами под мышкой.

Поповский, смотри, Иконников!

Поповский. Некогда.

Ракитин *(вздыхая)*. Эх, завидую я, ребятки, кто на Урал едет! Академик Крашенинников рассказывал — красиво там. Реки огромны, люди того огромней. Пишите письма мне, Петер, пиши!

Алексеев. Я, вот, невесте своей собирался писать. А невесту мою барин себе на забаву потребовал. Она и повесилась. Ножом бы я этому барину письмо отписал! По горлу!..

Поповский *(раскрыв книгу, читает вслух по-латыни)*.

Arma virumque cano, Troiae qui primus ab orbis
Italiam, fato profugus, Lavinaque venit
Litora multum ille et terris iactatus et alto
Vi superûm, saeve memorem Iunonis ob iram:
Multa quoque et bello passus, dum conderet urbem,
Inferretque deos Latio: genus unde Latinum,
Albanique patres atque altae moenia Romae.
Musa, mihi causas memora, quo numine laeso
Quidve dolens regina deum tot volvere casus
Insignem pictate virum, tot adisc labores,
Impulerit.

(Берет другую книгу, читает.)

«Предпочтительно видеть сделанное нами в области поэзии образцом нашего мужества, чем образцом, коим могут наслаждаться праздные сластолюбцы».

Алексеев. Ну, опять он со своей латынью! До Вергилия ли, Цицерона нам сейчас?

Поповский. Ан всегда и до Вергилия и Цицерона.

Алексеев. Вергилий жил в Италии, там тепло, а у нас мороз! Ты бы подметки себе подкинул, Цицерон.

Поповский. Куда вы направляетесь? В дальние странствия? Так вот, размышляя над речью Цицерона «В защиту поэта Архия», Михайло Васильевич, быть может, думал и о вас, когда писал свои стихи?

«Науки юношей питают,
Отраду старцам подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха,
И в дальних странствах не помеха,
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском саду и наедине,
В покои сладки и в труде!»

А в вашем труде — особливо!

Ученики аплодируют. Поповский раскланивается. Входят Ломоносов и Елизавета Андреевна.

Ломоносов. Жена, а где отец Микулай?
Елизавета Андреевна. Нужен он тебе?
Ломоносов. Не нужен, а без него скушно! Гриша Уктусский!
Уктусский *(сверху)*. Тучи еще не видно, Михайло Васильич!
Ломоносов. О туче покричи, когда она встанет над адмиралтейством, а сейчас кинь-ка мне с чердака шубу, хватит, проветрилась.
Уктусский *(сверху)*. Берегись!

Из люка на пол падает лисья шуба. Ломоносов берет ее и подает Поповскому.

Ломоносов. Поповский, заложи. И — еды с базара. Само собой и питья.
Поповский *(подхватывая шубу)*. Водки два штофа?
Ломоносов. Четыре!
Елизавета Андреевна. Спиваться, что ли?
Ломоносов. Поморов, земляков, жду. И академика Рихмана.

Поповский и Елизавета Андреевна уходят.

(Ученикам.) Все задачи свои составили?
Голоса. Все!
— Все составили!
— Все написали!
Алексеев. Один только Анкудин Баташ еще в своем подполе пишет.
Ломоносов. Дети мои! Отроки мои, воспитанники! Поезжайте и трудитесь усердно. Глаз, рук, трудов для сыскания металлов требует Россия! Перелистывая ваши задачи, думаю: а верно, не пустить ли мне их в свет, как посоветовал академик Крашенинников, под тайными литерами? Не указывая, кто их приду-

мал? Никита Укладник и Ермола Шелех! Ваши задачи из первейших. Под какими литерами желаете их пустить? Ермола!

Вперед выступают Ермола Шелех и друг его Никита Укладник. Это — крестьяне — худощавые, стриженные в скобку, один белокурый, другой темноволосый. Оба с фанатически сверкающими глазами.

Шелех. Веруем! Мы, Михайло Васильич, оба северяне, двинские. Наши отцы старой веры держались.

Укладник. И жгли себя и муки за веру несли твердо.

Шелех. Мы пришли теперь к новой вере, ломоносовской. В человека веруем. И коли надо, все, что отечеству потребно, сделаем. Задачи наши — о металле. Металлу нальем во множестве.

Укладник. А потому задачу, Михайло Васильич, помести под тайной литерой — «веди», веруем-де! — и добьемся!

Ломоносов. «В». *(Пишет.)* А под какой буквой писать твою задачу, Петер Алексеев?

Пиленко *(выходит)*. Петеру Алексееву лучше бы поменьше говорить, Михайло Васильич. Мысли у него дерзкие, и держать он их в себе не любит. Я — украинец, Михайло Васильич, наш народ не трус, да еще вдобавок, я и у запорожцев побывал. Но и меня иногда от его слов мороз по коже дерет!

Ломоносов. Не от трусости сей морозец, а от справедливого негодования. Признаться, и меня сей морозец частенько прохватывает.

Пиленко. Да и наши-то близкие, Михайло Васильевич, все произволом покалечены. Отца Ермолы Шелеха барские конюха кнутами заполосовали до смерти. У Никиты брат на галерах зачах. Конон Ракитин из монастырских крестьян, так его семейные шестой год в монастырской тюрьме гниют. У Петера Алексеева невеста... Я украинец. Лет пять назад пошел я с запорожцами против турок, вернулся, а дом мой разграбили не хуже турка. Только и радости у нас — отечество, наука и вы, Михайло Васильевич. *(Хочет поцеловать руку Ломоносова).*

Ломоносов встает, обнимает Пиленко. Все бросаются к Ломоносову, повисают на нем.

Ломоносов *(растроганный)*. Буде, буде... Какую ж литеру ты, Петер, своей задаче дашь?

Алексеев. Литера «т»: начальная буква слова «тысяча». *(С силой, весь дрожа.)* Тысячу бы мне пушек налить, да из них всех врагов России да и вельмож перебить!

Пиленко. А-а-а, любо!

Хохот.

Ломоносов *(после паузы)*. Ух, Петер, ух!..

Алексеев. Михайло Васильевич, да вы ж о заветном спрашивали?

Входит Поповский.

Поповский. Готово, Михайло Васильич, и заложил и купил!

Ломоносов. Поповский, в случае академического конкурса ты под своими пиитическими переводами какую б тайную литеру начертал?

Поповский *(быстро)*. Литеру «К»!

Ломоносов. А что она означает?

Поповский *(потупясь)*. Ее зовут Ксения.

Хохот. Входит Отец Микулай, за ним Елизавета Андреевна.

Отец Микулай. Не опоздал к проводам?

Елизавета Андреевна. Михайло! К тебе земляки — поморы! Пожалуйте!

Ломоносов. Здравствуйте, земляки!

Входят поморы. Они вносят гостинцы, среди которых клык мамонта и большая бутыль с водой. Крестятся, кланяются Ломоносову, его жене и ученикам. Среди них Калинушка Судьин, востроглазый, белобрысый паренек.

Седой помор. Здравствуй, Михайло Васильич! Здоровья тебе от четырех ветров!

Ломоносов. Евграф Иванович! Рыбой, морем от вас так и несет. Ох, хорошо!

Подволошнов. Кланяемся тебе, Михайло Васильич, просфорой от соловецких угодников. А еще кланяемся водой в склянице. Воду эту, как ты желал, зачерпнули мы в самом Ледовитом океане и привезли тебе.

Ломоносов. Клементьев, возьми! Вода сия ценна весьма для опытов наших, химических. Спасибо, шкипер Подволошнов.

Горбоносый помор. А это ребятишкам забава, клык звериной под названием «мамонт».

Отец Микулай. Неужто в море такие звери водятся!

Горбоносый помор. На суше, батюшка, на суше. Только в наших краях таких теперь живыми не встречаем. На Грумант-острове, то-бишь по-нонешнему на Шпицбергене нашем, сказывают, мамонт еще ходит...

Юный помор. И там перемерли.

Дед на него шикает.

Ломоносов (*Поповскому, указывая на клык*). В кунсткамеру! (*Обнимая, ведет седого помора к креслу.*)

Седой помор. Твою любимую моченую морошку и сельдей мы на погребицу отправили.

Ломоносов. Садись, садись, Евграф Иваныч. В Белое море вместе когда-то ходили, учил ты меня, помнишь, мореходному делу?

Седой помор. Учил, учил! А теперь внука к тебе в ученье привез. Кланяюсь тебе внуком, Михайло Васильич, прими в науку и обучи!

Ломоносов. У меня ученье не легкое, Евграф Иваныч.

Седой помор. Знаю, знаю!

Ломоносов (*глядя на юного помора*). Подойди, садись. Чей? По наружности вроде Парфенов?

Седой помор. Угадал, Парфенов сынок, Михайло Васильич, Парфенов.

Ломоносов. А сам Парфен, небось, все с Аммосом Корниловым на Грумант-остров ходит? (*Напевая.*) «Грумант-остров от страшен, от страшен...».

Седой помор. Помнишь наши песни, Михайло Васильич?

Ломоносов. Когда тревожусь, помогает.

Юный помор. Батя велел вам кланяться, Михайло Васильич. «Я и сам бы приехал, говорит, хлопотать, да карапь покинуть не на кого». Прими, Михайло Васильич!

Седой помор (*гладя юношу по голове*). Обуянный наукой парень-то. Хочу, кричит, учиться. Ломоносовым хочу быть! Ломоносовым... легко выговорить.

Ломоносов. Истинные науки, отрок, зело прекрасны. Не отвести глаз! Да, в наши времена не каждому дано их выдержать.

Юный помор (*тоненьким, но настойчивым голоском*). Выдержу.

Ломоносов. Голодать, холодать, в лохмотьях ходить.

Юный помор. Выдержу.

Ломоносов. И злым преследованиям подвергаться.

Юный помор. И подвергнусь. Выдержу.

Ломоносов. И долго, упорно многое неустанно изучать. Химию, физику, геологию, оптику, поэзию, минералогию... все! И никаким трудом не гнушаться.

Юный помор. Чего гнушаться! Все, что надо,— пройду.

Ломоносов. Флогистон будешь отвергать. Корпускулярную философию возвышать.

Юный помор. Каркус... Чего не знаю, того не знаю: ни флогистона, ни карту...

Ломоносов (*улыбаясь*). Я знаю. И ты узнаешь. Имя?

Юный помор. Калина, Парфенов сын, Судьин.

Ломоносов. Сколько лет?

Калина. Осьмнадцатый.

Седой помор. У нас, Михайло Васильич, ноне урожаи плохи, парни-то слабо растут.

Калина. А я сам собой сильный!

Ломоносов *(преподавательским тоном)*. Отвечай, что есть истинная добродетель?

Калина *(тоном ученика, поспешно)*. Истинная добродетель — есть в пользу отечества и ближнему своему служить без корысти и лицемерия.

Ломоносов. А что есть приятный союз?

Калина. Нет крепче такого союза, который был бы приятнее соединения слов честных с честным делом.

Ломоносов. А что есть физика?

Калина. Физика есть рассуждение о вещах, их качестве, их переменах и действиях. Физика делится на...

Ломоносов *(прерывая)*. Постой, почему руки в краске?

Калина. К изучению кож стремление имею. Химией на них воздействовал...

Горбоносый помор *(ухмыляясь)*. Отцовские сапоги прожег и руки свои.

Подволошнов *(пренебрежительно)*. Не моряк! Кожи! Кожи — грязное дело.

Ломоносов. Для ученого грязного дела нет. Есть у меня знатный химик Анкудин Баташ. Кликните Баташа! Все время с кожами возится. Да, други мои! Что может быть более полезно и приятно для потомства, чем провести в числе важных для нашего времени дел также и химико-физические опыты, из которых установленным в науке путем раскрываются различные удивительные явления? А химик не может достичь совершенства, если не будет связан с математикой и физикой! Химик должен выспрашивать у осторожной и догадливой геометрии, советоваться с замысловатой механикой, выведывать через проницательную оптику,— словом, опираться на всю совокупность физико-математических наук!.. Где ж ты, Баташ?

Из люка показывается Баташ — широколицый, смеющийся, с голой красной грудью, с синими до локтей руками. Поморы отшатнулись.

Баташ. А я здесь!

Ломоносов *(Калине)*. Испугался? На черта похож?

Баташ *(подавая Ломоносову манускрипт)*. Русский язык хорошо понимаю. Пишу не очень разборчиво. Мой задач, Михаил Васильич, чтоб кожа такая, какой аллах подметки не имеет.

Ломоносов *(берет Калину за подбородок)*. Анкудин, вот тебе помощник. Покажи свои чаны. А глаза-то?! Глаза поморские — днем звезды видят! Лиза, жена, когда же обед?

Елизавета Андреевна. Готов, готов.

Ломоносов. Пойдемте пока в плавильную. Я вам покажу громовую машину. *(Уходит с поморами).*

Елизавета Андреевна вносит большую миску со щами. Стряпуха — блюдо с хлебом. Поповский — штофы и чарки. Ученики помогают им.

Ломоносов *(за сценой).* Электрическая сила молнии столько веков не была раскрыта...

Ломоносов и поморы возвращаются.

Седой помор. Вижу, Михайло Васильич, работы у тебя хоть отбавляй.

Ломоносов. «Кровью да потом — иначе не работаем». Прошу за стол. *(Кричит в дверь плавильной.)* Захар, оставь дежурного у плавильных печей, иди обедать!

Захар *(высовывая голову).* Некогда мне. Прошлый раз я из-за лекции по астрономии чуть руду не пожег, а теперь из-за обеда? *(Скрылся.)*

Отец Микулай. Во имя отца и сына и святого духа да будет благословенна и пища и жизнь наша.

Все *(крестясь).* Аминь.

Садятся. Едят молча, не спеша, из одной миски,— держа ложки над кусками хлеба. Из плавильного отделения доносится шум мехов и дыхание пламени. Поповский наполняет чарки.

Ломоносов *(Поповскому).* Николай Никитич, а ты что ж, не присядешь?

Поповский. Кто водку разливает да подает, тому на Руси садиться некогда. *(Меняет штофы.)*

Седой помор. Михайло Васильич, пить много грех, а совсем не пить тоже бога гневить.

Отец Микулай. Истина!

Ломоносов. Выпил бы, да не идет, Евграф Иваныч. Первая забота, что ученики уезжают на уральские казенные заводы железо плавить, Россию обворужать...

Подволошнов. Война, что ли?

Ломоносов. Война не война, да и до войны недалеко. Ты по себе, шкипер, знаешь, что искусный мореплаватель не токмо в бурю, но и в тишину бодрствует, укрепляет орудия, готовит паруса, мерит глубину моря и от потаенных водою камней блюдется. Вторая забота — молонью с неба жду.

Поморы удивленно переглядываются.

И для приема той молнии построил я вон ту громовую машину.

Подволошнов. Задача диковинная! И неужели молонью поймает?

Ломоносов. В той комнате будет сверкать.

Алексеев (*вскочил, страстно*). Будет! Жалко, что мы ее не увидим. А хорошо бы такую машину, чтобы все молоньи на свете переловить и зло преокаянное на земле выжечь!

Выпили.

Седой помор. То-то в порту баяли, что монахи из Богоявленского монастыря на тебя косятся... что ты их сжечь собираешься. Кликни поморских матросов, человек до трехсот наберется, а против наших трех сотен три тысячи монахов надо ставить, не меньше.

Калина. Наши, поморские, драться больно любят.

Выпили.

Укладник. Прошлой ночью монахи-богоявленцы, пятеро, что ли, в сад залезли, в лабораторию с деревьев глядели... мы им бока, признаться, намяли. Ну, боков еще жирных много осталось... вот, жалко уезжать!

Поповский его одергивает.

Пиленко. Михайло Васильич! Учили вы нас ранее прочего идти не за своим счастьем, а за счастьем отечества. А коли, говорили вы, подвернется по дороге и немножко твоего счастья, слава богу! Прошу, Михайло Васильич, выпить за путь-дорогу нашу, кою свершаем мы по слову вашему.

Алексеев. Михайло Васильич, всю жизнь ради России отдадим!

Ломоносов. За Россию! (*Берет чарку и держит ее обеими руками.*) Россия? Видится мне, братья, Россия. Да не теперешняя, несчастная, горькая, с народом темным и нищим, хоть и гордым. Видится мне Русь лет за полтораста — двести. Вижу и отчизну нашу могущественнейшей, счастливейшей — и грознейшей для врагов ее! Вижу я Россию, по всей земле правду простирающей.

«Российска тишина пределы превосходит
И льет избыток свой в окрестные страны.
Воюет воинство твое против войны,
Оружие твое Европе мир приводит!»

За Россию, русские!

Все встают.

Баташ. Мой — татарин. А через Ломоносова мой — русский. Пью.

Все едят.

Подволошнов. Михайло Васильич!

Ломоносов. Что, Подволошнов, что, шкипер мой милый?

Подволошнов *(на учеников)*. Ученые задачи ихние, крупные, кто спорит. А может, и моя задача будет не мельче? Примешь?

Ломоносов. Говори, шкипер.

Подволошнов *(подходит к глобусу и показывает путь)*. Десять рейсов совершил я из Архангельска в Санкт-Петербург.

Калина. За одну навигацию умудрялся ходить в Питер и обратно в Колу!

Все. Знаем сей подвиг, знаем!..

Подволошнов *(на учеников)*. Ну, выплавят они много железа, повезут его с Урала дорогами или реками. Долго и дорого. А что, ежели морем?

Ломоносов. Подожди, подожди... Ну да! От сибирской реки Оби, мимо Ямала, Новой Земли, Архангельска — прямо в Санкт-Петербург. А возможно, как думаешь?

Подволошнов. А коли малость призадержимся, так мы и зимой проплывем, особливо мимо Норвегии! Прошлый год десятого ноября пониже Лефотенских островов... здесь *(показывает на глобусе)* видели мы последний раз в том году солнце...

Ломоносов. Зима и полярная ночь? Как то было, Подволошнов?

Подволошнов. Солнечный полукруг всего лишь на шесть минут из-за горизонта показался и скрылся. И дале плыли мы в полутьме, при лютом морозе...

Ломоносов *(всем)*. Слышите? Что доказали сии дивные русские люди?.. Они доказали, что Северное море и зимою для плаванья не опасно. Это — раз. А второе — теми плаваньями они предсказывают, что пройдут корабли наши Ледовитым океаном — в Тихий! Пиши свою задачу, Подволошнов.

Подволошнов. Тяжел я на грамоту, Михайло Васильевич!

Ломоносов. Я запишу!

Входит стряпуха.

Стряпуха. Михайло Васильич! Ямщики — за ребятами.

Ломоносов. Присядем.

Садятся на секунду, молчат, встают.

Будем прощаться. Отроки, от трудов ваших ожидаю городов украшения, войскам умножения, а огромным морям нашим — покрыться многочисленным и страшным неприятелю флотом в силу и славу Российской державы, простертой за великую пучину в неведомые народы!

Уктусский *(высовывая голову в люк потолка)*. Туча с норда над Адмиралтейством низкая, черная! *(Скрылся.)*

Ломоносов. Гроза! Пора к громовой машине!

Седой помор. Пора и нам на корабли, Михайло Васильич.

Ломоносов *(Подволошнову)*. Мы с тобой еще будем толковать, шкипер. Я к тебе на корабль приду. Большая тебя ждет задача, Подволошнов.

Седой помор. Прощай, внучек, Михайлу Васильича слушайся, не балуй, богу молись почаще.

Калина. Прощай, дедушка. Голубей-то моих не забывайте кормить!

Ломоносов. Счастливой работы, отроки!

Ученики *(наперебой благодарят Елизавету Андреевну)*. Спасибо за ласку, Елизавета Андреевна!.. Не только людям — лесам и горам уральским расскажем, какая вы добрая!.. Вечно будем помнить доброту вашу!..

Ломоносов, жена его, поморы и ученики уходят. Калина, глазея на чудеса лаборатории, замешкался было...

Баташ *(Калине)*. Учиться хотел? Пойдем.

Ушли. Входит стряпуха, убирает со стола.

Отец Микулай *(придвигая к себе штоф)*. Затопотали, копыта, поехали! Ты куда его? Пророк Елисей приказал штофы убирать только пустыми. *(Наливает, пьет.)* Пакость!

Стряпуха. Академик к нам идет, строгий такой...

Отец Микулай. Рихман? А чего со стола убираешь, раз гость?

Стряпуха. Чем кормить-то? Все съели. Кофею дам — они все равно не заметят, им бы о своей громовой машине толковать. Надумали тоже, прости господи, молонью ловить!

Отец Микулай. Наука, Марфа, наука.

Входит Ломоносов.

Ломоносов. Оставшихся учеников отпусти, Поповский, пусть погуляют.

Поповский. Уже отпустил.

Ломоносов. А сам во время опыта будь при громовой машине.

Поповский. Михайло Васильич, все желаем присутствовать при опыте!..

Входит Захар.

Захар. С пробой на колыванские серебряные руды не опоздать бы, Михайло Васильич.

Молчание.

Уехали?

Ломоносов. Далеко...

Захар. Да, чать, вернутся?!

Ломоносов молчит.

Там, у громовой машины, академик тебя ждет, Михайло Васильич.

Ломоносов. Какой академик?

Захар. К которому ты завсегда парадный кафтан да парик надеваешь, Рихман!

Ломоносов. Рихман? Господи, голова моя дурацкая! Позвал обедать, а обед съели! Лиза, жена! Кафтан! Захар, зови! *(Поспешно хватает кафтан и парик.)*

Входит Рихман.

Поповский. Здравствуйте, Егор Вильгельмович!

Ломоносов. Простите, Егор Вильгельмович, я в рабочем платье.

Рихман *(вставая на цыпочки и целуя Ломоносова в плечо)*. Пусть сей поцелуй, мой друг, доказывает вам, что ваше рабочее платье дороже мне всех ваших придворных кафтанов и камзолов. Дивную громовую машину ваши ученики сделали, Михайло Васильич!

Ломоносов. Рад слышать. Шумахер на нее денег не отпустил и даже запретил делать.

Рихман. Да, да! А Шумахер на вас новую ученую клевету Эйлеру написал. На прошлое письмо ответа не было; думаю, и на это не будет. Великий Эйлер вас, Михайло Васильевич, весьма чтит!

Ломоносов. Машину-то подробно ли осмотрели?

Рихман. Осмотрел, но с отменным удовольствием, Михайло Васильич, осмотрел бы еще раз.

Елизавета Андреевна *(расставляя тарелки)*. Все же сказать бы Михайло Васильевичу о монахах.

Отец Микулай *(наливая чарку)*. Надо. А боюсь. Сердит он нонче. У него в простое время кулак-то пуд весит, а в гневе небось пудов пять. *(Пьет.)* А, главное, водки не приемлет. Водка, она ведь усмиряет душу. Вот я... ух, сердит я на монахов! А выпью — и вроде посмирней. Их, монахов, Елизавета Андреевна, не иначе как Теплов с Разумовским смущают. Каждый день надумали в монастырь ездить. «Ах, ушицы монастырской покушать! Ах, с иеромонахом о Писании побеседовать!» От той ушицы да от тех беседований монахи-то и надумали нонче вкруг монастыря крестный ход; от молоньи спасаются, которую-де Ломоносов с неба будет тащить.

Елизавета Андреевна. Если вокруг своего монастыря, пусть идут.

Отец Микулай. Пусть! А у них, думаю, такой помысел, что, идучи, вбок шарахнуться и, шарахнувшись,— ломоносовскую лабораторию сжечь.

Елизавета Андреевна. Бог с вами, отец Микулай!

Отец Микулай. Со мной-то бог, а вот с монахами канцелярия

Академии наук, президент, Теплов, Шумахер, Тауберт, да все черти!..

Елизавета Андреевна. Что же это такое? Какие-то средние века!

Отец Микулай. Средние? У нас, попов, завсегда средние века, а у монахов в особенности. Посередине-то жить всегда теплей. *(Пьет.)* А он еще, Михайло Васильич, гимн этот о них составил

«Козлята малые родятся с бородами,
Как много почтены они перед попами!»

У них бородищи-то холеные, в трех мылах мытые, шелковыми полотенцами тертые. Пьяницы проклятые! *(Пьет.)* Нет, они непременно вас спалят.

Входят Рихман и Ломоносов.

Ломоносов. Я много провел опытов с электричеством, Егор Вильгельмович. И одно вам могу посоветовать: стойте во время грозы в отдалении от соединительных прутов футов на десять. На десять, никак не менее!

Рихман. Но тогда трудно наблюдать силу электрических искр! Впрочем, постараюсь. Ваша машина больше моей несравненно!

Отец Микулай. Велика гора, а малая книжка куда ее видней да умней!

Ломоносов. Вы знакомы с моим атомом?

Отец Микулай. Да какой я атом, Михайло Васильевич?

Ломоносов. Ты редкостный атом, отец Микулай, к подлым поповским молекулам не присоединенный, а потому присоединяющийся лишь к молекуле водки.

Отец Микулай. Раз отговариваешь, я отойду!

Елизавета Андреевна подает кофе.

Рихман. Благодарю.

Гром.

Туча приближается. Мы, Елизавета Андреевна, сегодня с Михайлой Васильевичем громовые братья: вместе одну и ту же молнию будем ловить. А у меня из головы не выходит ваше рассуждение о нечувствительных частицах, сиречь об атомах. Вы правы, говоря, что каждая из сих ничтожных частиц — целая планета с необычайными превращениями, с доступным науке движением сил. И вы, Михайло Васильич, раскроете нам это великое движение мировых сил?

Ломоносов. До тайны атома еще далеко, Егор Вильгельмович. Врагов у науки много, мешают...

Рожок.

Поповский *(раскрывая окно).* Президент! Разумовский!

Елизавета Андреевна. Карета Разумовских! Парадный кафтан, Михаил, парадный...

Рихман. Президент и гетман? Не буду вам мешать, Михайло Васильич... Как только закончу громовые опыты, немедленно пришлю вам свои записи!

Ломоносов. Буду ждать.

Рихман *(в дверях).* Монахи! Ко мне приходил пастор и отговаривал: «Грешно, говорит, откажитесь делать опыты!» Я ответил:— «Мы будем делать опыт!»

Ломоносов. Успеха желаю, Егор Вильгельмыч!

Рихман. Успех будет у обоих. Мы — громовые братья. *(Ушел.)*

Отец Микулай. Они из-за своей науки и нас и себя рады погубить.

Ломоносов. А зачем мне тебя губить, отец Микулай?

Отец Микулай. Да, погубишь! Смотри, до какого ты ужаса дожил!! Сожгут тебя, как еретика!

Ломоносов. Кто меня сожжет, не Разумовский же?

Отец Микулай. Хоть бы он! Он один, граф Кирилл-то, как махнет своим расшитым рукавом, так какому-нибудь атому, вроде меня, не уцелеть. А как они оба, братцы Разумовские, фельдмаршал да этот, президент, махнут? Пожалуй, и такому крупному скопищу атомов, вроде тебя, конец!

Ломоносов. Уходи, отец Николай. Ты пьян...

Отец Микулай. Тверезв, тверезв! Ломай ты, ломай эту проклятущую громовую машину, а коли не ты сам, другие ее поломают и вместе с тобой сожгут!

Ломоносов *(вспылив).* Вон!

Отец Микулай убежал.
Входит Теплов.

Теплов. Господи, спаси, благослови и милосердствуй дому сему! Здравствуй, Коперник, богу соперник! *(В сторо́ну крыльца.)* Пожалуйте, ваше сиятельство.

Входят Разумовские.

Нарышкина. Здравствуйте, Михайло Васильевич! Какую тесную лабораторию вам выстроили.

Разумовский *(повелительно).* Катя, не мешай! Ломоносов! О каких это твоих новых научных задачах говорил сейчас генерал Иконников в сенате?

Ломоносов. Смею думать, ваше сиятельство, что все мои научные задачи — новы.

Разумовский. Где твои студенты? В Академию их не пускает, сам один...

Теплов. ...по всем предметам наук лекции им читает!

Разумовский. А в лабораторию к нему придешь — студентов его нету!

Теплов. Слыхал я, он их куда-то на Урал отправляет?

Разумовский. И не заикайся! Академия не позволит.

Ломоносов. Сенат, ваше сиятельство, похоже, думает по-другому.

Разумовский. Так и есть! Он еще сенат в мои дела втолкнул!

Теплов. Беглых мужиков, Михайло Васильич, сенат прикрывать не будет. А за тобой числится беглый Петрашка Алексеев, по прозванию Петер...

Ломоносов *(кланяясь Разумовскому)*. Вашему сиятельству благоугодно взглянуть на мои труды? Понимаю, что ваше сиятельство прежде всего пожелает ознакомиться с подробным проектом моим о создании университета...

Разумовский. Опять?

Ломоносов. В древней столице нашей...

Разумовский. В Киеве?

Ломоносов. Сначала в Москве, ваше сиятельство. Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках.

Разумовский. Сотни лет жила Москва без университета и еще сотни проживет. Да и не в чин тебе, братец, этим делом заниматься: есть люди познатней. Твое дело — оды писать к иллюминациям — вот польза для отечества. Чем пышнее иллюминации, тем, значит, радостней империя.

Теплов. Дикари в радости и те, голубчик, костры жгут.

Нарышкина. И жарят на них друг друга.

Разумовский. Катя, не дразни меня! Я и без того зол.

Теплов, всюду шаря, отвернул кран какого-то сосуда. Оттуда послышалось шипение, и пошел какой-то газ. Теплов глотнул, зачихал, закашлял.

Да что это за отрава?

Ломоносов. Вредный газ.

Теплов. Предупреждать надо.

Ломоносов. Здесь, ваше сиятельство, владения химии. Здесь исследуем свойства растворов. Перед нами открываются чудесные и удивительнейшие законы кристаллизации.

Разумовский. Законы чего? *(Проходит мимо, не взглянув на то, что хотел продемонстрировать ему увлеченный Ломоносов).*

Нарышкина. Гетман уважает только те законы, которые он сам подписывает.

Разумовский. Катя! *(Ломоносову.)* А это что?

Ломоносов. Эскиз мозаичного монумента Петру Великому: «Полтавская баталия».

Нарышкина. Вы — могучий художник, Михайло Васильевич!

Ломоносов. Мною, ваше сиятельство, сделано две с половиной тысячи опытов изготовления цветных стекол для усовершенствования мозаичного искусства, но все же до могучего расцвета его, кажется, далеко еще.

Теплов. И, однако же, за монумент Петру Великому запросил сто сорок восемь тысяч рублей? Разорение государства!

Нарышкина. Михайло Васильевич! Я приехала, чтоб заказать свой мозаичный портрет. В каком наряде пожелали бы вы изобразить меня?

Разумовский. Ах, подожди, Катя! Никто доныне мозаичных монументов не делал, стало быть, они и не нужны.

Ломоносов. Угодно вашему сиятельству ознакомиться с моими работами в области физики?

Разумовский *(шагая по комнате)*. Я не люблю физику!

Ломоносов. В области оптики?

Разумовский. И оптику нет!

Ломоносов. Астрономии? *(Отрицательный жест Разумовского.)* Металлургии? Кристаллографии? Геологии?

Разумовский. Нет. Нет. Нет.

Теплов, по-прежнему роясь, наткнулся на манускрипты учеников.

Теплов. Нашел, ваше сиятельство!

Разумовский. Что?

Теплов. Слушайте. «Как плавить русское железо, чтоб случилось его весьма много и чтоб было оно превыше аглицкого и шведского»!.. Слушайте еще. «Как орудия лить в большем, против прежнего, количестве»...

Разумовский *(выхватывает манускрипт)*. «Как дубить кожи в пять и больше раз быстрее...». «Как делать...». Экий почерк неразборчивый! *(Перебирает быстро манускрипты.)* Ломоносов! Это новые научные задачи?

Ломоносов. Да.

Разумовский. Иконников говорил, что академики всей Европы не смогут решить их?

Ломоносов. Не смогут.

Разумовский. И много у тебя подобных, неразрешимых задач?

Ломоносов. Около двадцати.

Теплов. Ваше сиятельство...

Разумовский. Подожди, подожди, Григорий Николаевич! Ломоносов! А наши академики могут их решить?

Ломоносов. В ближайшее время...

Разумовский. Прекрасно! От имени Академии наук я эти задачи вам задаю. Ха-ха! Решите-ка. Решите — за каждую задачу сто червонцев, а не решите — молчать, поджать хвосты, не пикнуть, неучи!

Нарышкина. Граф Кирилл!

Разумовский. Что молчишь, Ломоносов?

Ломоносов. Ошеломлен стремительностью вашего мышления, ваше сиятельство.

Разумовский. Завтра же перебели и пришли мне эти задачи. Химическая лаборатория, Катя,— и ни слова о химии!

Ломоносов. Вы не изволили меня слушать, ваше сиятельство.

Разумовский. Я?! Я только и делал, что слушал тебя. Задачи?! Ха-ха!..

Ломоносов. Григорий Николаевич, вы спросили у меня позволения рыться в моих трудах?

Теплов. Я имею полное право распоряжаться имуществом Академии наук.

Разумовский *(засиял)*. Что это? А! Глиняные свистульки?

Ломоносов. Вздор. Студенты нажгли для забавы окрестным ребятишкам.

Разумовский. Катя! Недалеко от Лемешей, нашего хутора на Украине, бывали ярмарки. Мамо часто возили меня на них. Бывало, прошу: «Мамо, купите свистульку». Они же, считая это пустяком, покупают пряник. *(Пробует свистульку.)* Великолепный звук! И сколько их! И какие разнообразные!.. Разрешите мне взять одну, господин Ломоносов? Нет, две?

Ломоносов. Да сколько хотите, ваше сиятельство.

Разумовский. Пять! *(Свистит.)* Почти октава. Божественно!

Теплов *(показывая модель)*. Ваше сиятельство. Кощунство! Летательная машина!

Разумовский. Как — летательная машина? Ломоносов!

Ломоносов. Чаю, вначале сии машины будут поднимать вверх на воздух разные приборы, дабы узнавать течение ветров, температуру воздуха и влажность его. Дальше машины сии и человека носить будут.

Теплов. Летают только ангелы, Михайло Васильич. И нигде в Священном писании не сказано, что человек может летать и его можно уподоблять птице, тем паче ангелу. Человек есть червь.

Разумовский. Аз есмь червь.

Ломоносов. Если вам так нравится, ваше сиятельство...

Нарышкина смеется. Разумовский обижен.

Теплов. Ваше сиятельство! *(У дверй плавильного отделения.)* Громовая машина!

Разумовский. Где?

Т е п л о в. Вот, в плавильной.
Р а з у м о в с к и й. Сделал-таки? Сделал-таки?
Л о м о н о с о в. Сделал.
Р а з у м о в с к и й. Хорош!
Т е п л о в *(горячо, Ломоносову)*. Ну зачем ты ее сделал?
Р а з у м о в с к и й. Тебе Шумахером было запрещено ее делать.
Т е п л о в. В тебя Святейший синод пальцами тычет, на тебя духовенство донесения длиной с версту пишет. Вот Богоявленский монастырь, рядом с тобой, жалуется, что ты его спалить хочешь!
Л о м о н о с о в *(спокойно)*. Невеждам попам физику толковать не вижу нужды.
Р а з у м о в с к и й. Ломоносов, ты невыносим! Я уезжаю на Украину и за твои безбожные сумасбродства перед сенатом и синодом отвечать не хочу. Сейчас же уничтожь громовую машину и прекрати все свои писания об атоме. Атом?! Что, по-твоему, человек из частиц составлен?
Т е п л о в. Человек создан по божьему подобию.
Р а з у м о в с к и й. Слышишь? Ломоносов?
Л о м о н о с о в. Слышу.

Раскат грома.

Гроза, ваше сиятельство.
Р а з у м о в с к и й *(Теплову)*. Едем. Катя, гром!
Н а р ы ш к и н а. До свиданья, Михайло Васильевич!
Р а з у м о в с к и й. Прошу в карету.

Р а з у м о в с к и й, не попрощавшись, уходит. Остальные — за ним. Ломоносов по их уходе падает на стол и яростно бьет по нему кулаком.

Л о м о н о с о в. Высокомерные невежды! Палачи науки! Ненавижу!

Вбегает Н а р ы ш к и н а.

Н а р ы ш к и н а. Веер забыла! Подарок государыни.

Ломоносов поднялся со стола и делает вид, что ничего не произошло.

(Пристально смотрит на него.) Всегда завидую смелости.
Л о м о н о с о в. Для своего сана вы достаточно смелы, Катерина Ивановна.
Н а р ы ш к и н а. Кабы... *(Уходит. В дверях она сталкивается с Е л и з а в е т о й А н д р е е в н о й, которая приседает перед ней.)*
Л о м о н о с о в *(жене)*. Что с тобой, Лиза?
Е л и з а в е т а А н д р е е в н а. Испугалась...
Л о м о н о с о в. Чего?

Елизавета Андреевна. Вдруг Ломоносов от своей громовой машины отступит? Нет! Пусть отнимут лабораторию, учеников, Академии лишат, в ссылку отправят, но ты, Михаил...

Ломоносов *(восхищенно)*. Какая ты, Лизанька, славная!

Елизавета Андреевна *(бросаясь к нему)*. Ты меня еще любишь?

Ломоносов. Люблю. Когда я тебя впервые в Марбурге увидел... светлая... чистая... Люблю, Лиза! *(Берет ее за подбородок.)* Эка, напущено слез-то сколько! *(Поддразнивая.)* А ведь баба-то хороша, Нарышкина-то?

Елизавета Андреевна. Михаил, стыдись!

Ломоносов. А теперь давай петь.

Елизавета Андреевна. Петь?

Ломоносов. Нашу, северную! *(Поет.)*

«Грумант-остров от страшен. Ух, страшен! Ух, страшен!
Кругом льдами обвышен. Обвышен!»

Ломоносов, схватив свистульку, притопывает, свистит и поет. Елизавета Андреевна, по мере того как Ломоносов поет и свистит громче, все веселеет и веселеет.

Елизавета Андреевна *(подхватывая песню, притопывает)*. «Обвышен! Обвышен!..».

Оба. «И горами обнесен. Обнесен! Обнесен!
И зверями украшен. Украшен! Украшен!
А мы к Груманту плывем. Мы гребем. Ух, гребем!
Мы, ребятушки, плывем. Мы плывем. Мы плывем!..».

Они идут, танцуя и напевая, вокруг стола. Почти совсем темно. Сильный удар грома. По лестнице, из люка, сверху, скатывается перепуганный Гриша Уктусский.

Уктусский. Михайло Васильевич! Туча вплотную... низко... Петропавловской иглы не видно! Темно, будто ночь... страшно... Не надо ходить к громовой машине, Михайло Васильич, учитель, не надо!

Ломоносов. Гриша, стыдно. Какой же ты изыскатель электричества, коли тучи трепещешь?
Удар грома.
Прости, Лизанька. Что, громовой брат, зовешь меня? Иду!

Поворот театрального круга.

Плавильное отделение химической лаборатории. Горят печи. Громовая машина на авансцене в полумраке; от нее протянуты толстые железные провода в окна и в сад.
К громовой машине осторожно крадется отец Микулай.

О т е ц М и к у л а й. О господи! Загубит нас сие научное любопытство! Господи, пусть прежде на мне пробует свою силу громовая машина. Царю господи! Люблю я Михайла Васильевича, и лучше возьми ты, господи, мою грешную, ничтожную душу.

Удар грома. Из громовой машины сыплются легкие искры и слышен треск.

(То шагнув вперед, то пятясь.) Свят, свят, господь Саваоф и вся преисподняя земля!..

Треск сильнее.

Святые угодники, как страшно трещит-то!

Треск еще сильнее.

(Не дойдя до громовой машины, упал ниц лицом.) Матерь-троеручица, спаси и помилуй!

Совсем померкло. Мгновение зловещей тишины. Молния, сильнейший удар грома — в комнате посветлело. В дверях, ведущих в малую комнату, отчетливо вырисовывается фигура Л о м о н о с о в а с клочком бумаги и пером в руке. За ним виднеются ж е н а и Г р и ш а У к т у с с к и й. Ломоносов руками удерживает их, а сам, жадно вытянувшись вперед, напряженно наблюдает.

Л о м о н о с о в. Ложись! Хорошо! Молния-то какова?.. Отец Микулай, ты здесь? Жив?

О т е ц М и к у л а й. Жив.

Л о м о н о с о в. Ну, тебе повезло, отец Микулай!

О т е ц М и к у л а й *(стуча зубами)*. И верно, повезло... повезло на тот свет, да сбросило. *(Ползет к Ломоносову).*

Гром.

Уходи, Михайло Васильич, а то опять грохнет!

Л о м о н о с о в. Дай бог. Для того мы и тут. А ты белый весь, тебя не ранило ли?

О т е ц М и к у л а й. Не-ет, меня не... ранило...

Гром.

...хоть и метил он в самое мое сердце! *(Воодушевляясь.)* Сам Илья-пророк в меня целил, да не попал! *(С еще большей силой.)* Ну, какой ты Илья-пророк, коли в меня, самый малый атом, попасть не можешь?

Сильный удар грома.

Ой-ой!

Л о м о н о с о в. Захар, отведи отца Микулая в сад, запри его в сарай.

О т е ц М и к у л а й. Как — запри? Я же... Да я всегда за науку, за тебя молюсь! Я тебя спасаю, черт... Ты слышал, как я сейчас с самим пророком Ильей разговаривал?

З а х а р *(берет отца Микулая под руку)*. Будет, отец Микулай, пророков-то хулить, пойдем. Выпей водицы.

Ушли.

Л о м о н о с о в. Ай да гроза! И ни капли дождя!

У к т у с с к и й. И темно, как ночью.

Л о м о н о с о в. Поповский, актус сей грозе будем составлять. Пиши. *(Подает свою запись и перо.)*

П о п о в с к и й. Пишу!

Л о м о н о с о в. А ты, Гриша, иди к окну, наблюдай за грозовыми облаками. Пиши: «Электрический свет троякого рода мне известен. Первый — в искре с треском, часто с излучиною, разного цвета, особливо когда громовая машина своим металлическим прутом берет электрический свет из облака...» Э, слабо электричество идет! Вспышек нет! Григорий, дай-ка клещи.

Е л и з а в е т а А н д р е е в н а. Прибавить металлических прутов хочешь?

Л о м о н о с о в. Прибавлю.

Стук в дверь.

Открой, жена.

Елизавета Андреевна открывает дверь. Входит З а х а р, *ведя под руку слугу Рихмана.*

З а х а р *(тихо, Елизавете Андреевне)*. Рихмана зашибло до смерти молоньей.

Е л и з а в е т а А н д р е е в н а. Ой! Захар, не говори пока Михаилу Васильевичу.

З а х а р *(тихо)*. Я скажу. Так ведь и Михаила Васильевича может убить. Отойти ему надо.

Л о м о н о с о в *(возясь у машины)*. Пиши: «Второй род электрического света — это щипящий и холодный пламень, который ныне, во время превеликого грома и молнии, видел я в своей горнице шириною в один фут, длиною в три фута...» Ага! Наладил. Теперь вспышки почаще будут. *(Смотрит на слугу, который сидит, закрыв лицо, в кресле.)* Это ты, Себастьян! Что у Рихмана?

С л у г а. Господин академик Ломоносов! Отойдите! Стоял мой барин от указателя электрического в отдалении не более фута...

Ломоносов. Почему стоял близко? На десять фут стоять должно, на десять, ты ему скажи.

Елизавета Андреевна. Михайло! Боже мой! Ты стоишь еще ближе. В Рихмана ударила молния и убила наповал!

Ломоносов. Наповал?.. Рихман убит. Бедный громовый брат мой! Погиб со славой, узнавая тайну молний, Рихман. Не устрашился погибнуть... и нам приказал страху не иметь громовый брат мой Рихман. Гриша, что в небе?

Уктусский. Гроза не утихла. Она поднимается. Слышите, грохочет, идет сюда, прямо к нашим стрелам на крыше. Сходятся, Михайло Васильич!

Легкий треск. Разрыв грома. Хор.

Ломоносов. Пиши, Поповский: «Доказано нами, что подобным образом и прочие облака, сообщая одно другому свою силу, столь долго между собой блещут и гремят, сколь долго электрическая сила в них действует». Записал?

Захар. Елизавета Андреевна, монахи вокруг монастыря пошли.

Елизавета Андреевна. Не надо, не надо, не говорите Михайле Васильевичу об этом!

Захар *(тихо)*. Николай Никитич!

Поповский. Что, Захар?

Захар. Монахи с иконами крестный ход начали...

Поповский. Михайле Васильевичу не сказывайте. Пусть он закончит свой опыт.

Елизавета Андреевна *(в отчаянии)*. Боже мой, монахи повернули, бегут к нашему забору, они с кольями, с топорами!

Пение.

Ломоносов. Кто там поет?

Елизавета Андреевна *(спокойно)*. Монахи у монастыря.

Ломоносов. Нашли время.

Разбили окно.

Что это разбилось?

Уктусский. Ничего, Михайло Васильевич, склянница малая разбилась!

Ломоносов. Поосторожнее в темноте, Поповский. Да у тебя на щеке кровь!

Поповский. Пустяки, Михайло Васильевич,— порезался.

Уктусский. Михайло Васильевич, тучи опять сходятся... сошлись...

Гром. Молния. Сильнейший удар.

Ломоносов. Пиши, Поповский: «Молнии и атмосферное электричество происходят от движения волн воздуха,— и никакого флогистона!» Доказано!.. Доказано, брат мой Рихман! Что там?

Треск забора.

Елизавета Андреевна. Монахи забор сломали, бегут к окнам!

Уктусский. Михайло Васильевич, спрячьтесь! Монахи с кольями, с камнями! Прячьтесь, швыряют камни в окна!..

Звон стекол, разбиваемых камнями.

Елизавета Андреевна. Боже, за что терпим!

Ломоносов. За то терпим, Лиза, что стараемся защитить труд Петра Великого! За то терпим, чтоб научились наукам россияне! Слава науке русской!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Берег Невы возле Академии наук, еще без гранитной набережной.

Жители столицы. Барок-то, плотов!

— День и ночь идут. Боятся, что Нева станет. Сотни барж для Англии, Норвегии, Пруссии. Да на каких плотах поют-то?

— А вон на тех с железом, господин...

— Красиво поют.

— Под красивую песню так и увезут за границу всю нашу Россию.

— Сколько плотов с хлебом-то прошло.

— А кожи-то, пеньки да смолы!

— Эвон лес, бревна, доски!

— Э-эх, тоска, разорение!

Продавец градоровальных портретов. Господа, господа, жители столицы! Продаем небылицы, знаменитые градоровальные лица! Три алтына! Президент Академии гетман Разумовский! Великий ученый Эйлер! Всем известный профессор и поэт Михайло Ломоносов, лекцию коего будете слушать сегодня. Три алтына! Покупайте, любезные жители столицы!

Первый тесарь камней. А ну, ты, с картинками, подь сюды!

Продавец. Вот Ломоносов, ты о нем слышал?

Первый тесарь. Слышал. Сколько?

Продавец. Три алтына.

Второй тесарь. Спятил! За три алтына нам камни неделю надо тесать! Грош!

Продавец. Грош за Ломоносова? Бери, бери, складывайся, а бери, пока не расхватали другие.

Тесари разглядывают портреты.

Господа жители столицы, портрет безвременно сраженного молнией академика Рихмана, три алтына.

Отец Микулай входит, в отрепанном платье, с котомкой.

Отец Микулай *(гвардейцам)*. Ломоносов, сказывают, здесь пройдет? Пропусти к боковому входу Академии!

Гвардейцы. Что с главного входа, что с бокового, пускать не велено! Осади-и!

Отец Микулай. Люди добрые, не слыхали ли вы, Ломоносов в Академии наук нынче лекцию читает?

Жители. Будет здесь, будет, батюшка...

Отец Микулай. Не пришел еще?

Жители. Все его здесь ждем. Желаем приветствовать. Болен, говорят.

Отец Микулай. Слышал. Слышал, болен. Какого богатыря замучили! Илью Муромца и Добрыню Никитича вместе. *(Слушая песню.)* Примечательно поют! Вот этого, тенора-то, я бы прямо к себе в хор взял. А и хора нету... Да и от меня, почесть, пятая доля осталась.

Продавец. Ломоносов изучает в своей лаборатории шаровую молнию, три алтына.

Отец Микулай. Вот портрет шаровой молнии продают, а скажи я, что я был при той шаровой молнии,— никто не поверит.

Первый кадет. Неужели были, батюшка?

Отец Микулай. Лицом к лицу.

Житель-горожанин. Говорят, богоявленские монахи-то тогда лабораторию хотели сжечь.

Второй кадет. А правда, что Ломоносов на улицу расплавленный металл вылил и тем их остановил?

Третий кадет. Нет, он огненной речью своей остановил!

Житель-горожанин. Не речью — стихами!

Отец Микулай. Правда. А остановились монахи из-за меня! Лежу я в канаве. Отбросило меня в нее молоньей. Ну, лежу. Монахи идут с иконами. С анафемой. С пением. Гроза. Рассвирепел я, вскочил и закричал тем монахам...

Кадет. Что же вы им закричали, батюшка?

Отец Микулай *(всхлипывая)*. Ничего... Вот как повредило меня той молоньей, так ослабел, что и врать не могу... Это было тому назад лет... Да и жизнь загоняла!.. Хорошо поют. *(Вслушивается.)* Давно я в Питере не был. Да это и никак другие поют? Никак с той богатой ладьи? Гребцы поют. Чья ладья-то?

Жители. Графини Разумовской.

— Да она на Украине.

— Не-э, недавно приехала.

Гвардейцы. Проходи, люди! Проходи!

Жители. На лекцию Ломоносова пришли.

Сержант. Никого не велено пускать! Расходись! Измайловцы! Цепью оттеснить! А к парадному хлынут — и от парадного оттеснять. Осади! Осади!

Измайловцы вместе с сержантом оттесняют народ и уходят. Остались лишь тесари да отец Микулай. С реки опять слышна песня, которая приближается.

Отец Микулай *(вздыхая)*. Ни лекции, ни Ломоносова. Одна только песня и уцелела.

Первый тесарь. Иван, надо струмент сменить.

Второй тесарь. Пойдем, сменим.

Первый кадет *(вылезая из-под мостков)*. Батюшка!

Отец Микулай. А, вы здесь!

Первый кадет. Мы тут спрятались.

Подходят к углу академического здания и заглядывают.

Батюшка, по набережной никак сюды Михайло Васильич идут.

Медленно входит, тяжело ступая, Ломоносов, в плаще, опираясь на толстую резную палку. Он с трудом передвигает забинтованные под чулками ноги. Кадеты выстраиваются перед ним во фронт.

Отец Микулай. Изменился-то как! Страсть!

Кадеты. Здравствуйте, Михайло Васильич!

Ломоносов *(кадетам)*. Здравствуйте.

Первый кадет *(отдавая честь)*. Сухопутного шляхетского кадетского корпуса Иван Гаврилов.

Второй кадет. Морского кадетского корпуса кадет Петр Павский.

Третий кадет. И того ж морского кадет Николай Свистунов.

Ломоносов. И что же, господа кадеты?

Первый кадет. В Академии сегодня объявлена ваша лекция по физике.

Второй кадет. Прежде ведь здесь читали лишь по-латыни.

Третий кадет. А теперь на русском языке. Да еще сам Ломоносов!

Ломоносов *(ласково)*. Нонешняя лекция моя отменена, господа кадеты, извините.

Кадеты *(понурив головы)*. Отменена? Какая жалость!

Ломоносов *(жмет им руки)*. До свидания, будущая Россия, до свидания.

Тесари возвращаются и начинают стучать по камням.

(Подходит и останавливается возле них.) Гранитную набережную строите? Дело. Пора быть Питеру каменну, широку, красиву. Набережная Российской Академии наук. Крепка ли будет? Бури выдержит ли? Я говорю, здесь ведь Академия наук. Российские науки — их беречь надо.

Второй тесарь. Знаем... камень ставим крепкий. Никакая буря не сдвигнет.

Молодой тесарь. Будь спокоен, почтенный человек.

Второй тесарь. Мы с виду мужики, а обо всем догадываемся. Мы знаем, что тут в Академии Ломоносов, к примеру, трудится, тоже мужицкого нрава, понимающего. *(Показывает портрет Ломоносова.)* Вот он, смотри, глаза-то у него какие. Он достигнет. Ты как думаешь, почтенный?

Ломоносов. Не знаю.

Второй тесарь. Темнеет. Кончай, Ваня, пошабашили, пойдем. *(Уходит.)*

Ломоносов, тяжело дыша, садится на скамью пристани. Отец Микулай возле. Они взглянули друг на друга вздохнули.

Отец Микулай. Чем болен-то, Михайло Васильич?

Ломоносов. А? Отец Микулай, это ты, здравствуй! Вот и опять встретились.

Отец Микулай. Изменился ты, страсть! Чем болен?

Ломоносов *(показывая на ноги)*. Ножной болезнью. Видишь, забинтованные. На стеклянном заводе у себя, что ли, простудился... Чем ты страдаешь?

Отец Микулай. Изгнаниями! И с Урала меня изгнали. «Пьешь,— сказал мне архиерей,— и гимны Ломоносова непотребные во хмелю поешь. И не даром тебя из Питера выгнали. На Соловки бы тебя, поп, отправить».

Ломоносов. Ну, а ты?

Отец Микулай. Я молчу. Попадья, детки... В семинарию пора бы пристраивать... А они, почесть, неграмотные... Какая от меня наука?.. Мука!

Ломоносов. И попадью привез?

Отец Микулай. А куда поп без попадьи и деток?

Ломоносов. Где остановился?

Отец Микулай. Да на постоялом, Михайло Васильич.

Ломоносов. Ко мне перебирайся. Много сделать не могу...

Отец Микулай *(грустно)*. Вижу. Все видят.

Ломоносов. А накормить — накормлю. Ну, иди. *(Помолчав.)*

Отец Микулай. А только я не для того пришел: я хотел на лекции побывать.

Ломоносов. Заместо лекции назначили внезапно конференцию академиков. Президент с Украины вернулся. Слышал? Порадовать его хотят.

Отец Микулай. Как же?

Ломоносов. Решили преторжественно изгнать из Академии моих учеников, что на Урале трудятся. Судить их.

Отец Микулай. Судить? Господи! Да ведь я на Урале видел, какие они дела делают, которые раньше несбыточными счита-

лись. Петер Алексеев... А Никифор Пиленко!.. Он пять заводов перестроил. А Ермола Шелех!..

По набережной идут слегка подвыпившие академики Уитворт, Де Рюшампи, Миллер.

Уитворт. You see, our mortal enemy is here.

Де Рюшампи. Js he croaking or has croaked already?

Отец Микулай. О чем это они?

Ломоносов. Меня хоронят.

Миллер. Er ist nicht tod, aber heute sterben wird. Wir werden ihn aufschlagen.

Уитворт *(приподнимает шляпу)*. Любуетесь кораблем, сэр?

Ломоносов. Нет, Невой.

Уитворт. О, парусистый корабль! Ха-ха! Мой корабль. Я продал этот корабль Разумовским, а они украсили его серебряным купидоном. Видите, над кронбалкой? *(Академикам.)* Что он, плачет?

Миллер. Еще бы! Ломоносовскую гордость, первую русскую химическую лабораторию, у него отняли и передали все-таки немцу, Христиану фон Сальхов. И поделом! Каждый ученый должен брать груз по силе. Нельзя, будучи химиком, писать русскую историю, как нельзя писать русскую историю, считая себя физиком. Нельзя браться одному за все науки.

Ломоносов. Да, вы, академик Миллер, взялись за одну науку — русскую историю — и так налгали на русских, что вас бы поганой метлой стоило выгнать из России. Вспомните диссертацию вашу — «О начале российского народа»! Начало! «Начался русский народ в рабстве, живет в рабстве — и так жить ему вечно»? На каждой странице вашей диссертации русских бьют, побеждают... Так откуда же вам верить в российские науки, когда вы и в Россию-то не верите? Ан есть российские науки и будут! И ничем они не отличаются от иноземных наук, а если и отличаются и будут отличаться, то только своим превосходством!

Уитворт *(академикам)*. Русская наука? Ха-ха-ха!.. Сколько мы вчера погрузили кожи, де Рюшампи?

Де Рюшампи. Двенадцать судов, сэр.

Уитворт. Он боится примет, ха-ха! Тринадцать, сэр, тринадцать! А сколько мы позавчера погрузили руды, господин де Рюшампи?

Де Рюшампи. Двадцать пять, сэр.

Уитворт. Ха-ха! Нет, две чертовы дюжины, сэр! Двадцать шесть кораблей! Что я увожу?.. Невыделанные кожи, руду, лес, лен. А почему? Потому что в России не умеют выделывать ии кожи, ни парусного полотна. Русская наука! Где она?..

Л о м о н о с о в. Что есть Древний Рим? Что есть нонешняя Англия... Господин Миллер! Советую вам вместо истории России писать историю Англии. То-то, чую, будет языцем радость!

М и л л е р. Нет, господа, на Ломоносова даже моей природной кротости не хватает!

У и т в о р т. Черт знает, что он говорит! *(Приподнимая шляпу).* Преклоняюсь пред вашей «ученостью» и «русской наукой», сэр!

Л о м о н о с о в. Скоро увидимся и закончим нашу беседу на заседании Академии.

Д е Р ю ш а м п и. О, не пугайте нас, сэр! Господин президент да и советник Шумахер умеют соблюдать благоприличие в Российской Академии наук, сэр.

У и т в о р т. Пойдемте, господа. *(Академикам.)* Советник Шумахер хоть бьет издалека, но попадает метко.

М и л л е р. И не только попадает, но и добивает! Русская наука? Ха-ха!

А к а д е м и к и уходят.

О т е ц М и к у л а й. Михайло Васильич, допусти меня с собой в Академию. Разнесу!

Ломоносов смеется и отрицательно качает головой.

Чтоб им струпьями покрыться, трижды трою проклятым. Чтоб им сна — улыбки не было! Чтоб им лихоманки нутро выворотили. Грабители!

Л о м о н о с о в. Буде вопить-то. Иди ко мне домой, отдохни. А обо мне не горюй. Пожил, претерпел, но знаю, что сыны отечества меня пожалеют. Спокойно смотрю я на близкую смерть свою. Жалею только о том, что не мог я совершить всего того, что предпринял я для пользы отечества... извне я — почти развалина, а внутри... Всех дел — великий упадок в любимой мной Российской Академии наук.

О т е ц М и к у л а й. Михайло Васильич, родной...

О т е ц М и к у л а й уходит. Входит со стороны набережной главного входа Т е п л о в.

Т е п л о в. Михайло Васильич, бледный и глаза совсем больные. На заседание зря пришел, зря. Студентов твоих тебе не отстоять. Совсем плох. Да что с тобой?

Л о м о н о с о в. Что? Вороны в глаза впиваются, живому глаза клюют.

Т е п л о в. Неужто ты так о Шумахере?

Л о м о н о с о в. Раздробил бы я ему голову всенародно...

Т е п л о в. А я слышал — Ломоносов совсем ручной стал.

Л о м о н о с о в. И сенат тоже... хорош! Когда нужно заводы нала-

дить: «Отпусти на Урал учеников, Ломоносов». А наладили... Сенаторам со всесильным гетманом где ссориться? Они и запели вместе с Шумахером: «Выгнать ломоносовских студентов из Академии. Они на зов президента не являются. Беглые они». Ха-ха! Беглые! Я написал о том генералу Иконникову на Урал.

Теплов. Тоже зря. Иконников в Петербурге.

Ломоносов. В Петербурге?

Теплов. Вызван высочайшим повелением. Не заступится Иконников за твоих студентов, Михайло Васильич. Где ему? Идти против фельдмаршала, мужа императрицы, или против гетмана и президента, любимца двора? Смирись!

Ломоносов. Не смирюсь.

Теплов. Ежели ты, Михайло Васильич, столь сильно за студентов своих страдаешь, я попытаюсь пособить, но уговор... Видишь, корабль на Неве, с серебряным купидоном над кронбалкой?

Ломоносов. Вижу. Уитворт сказал, что он продал его Разумовским.

Теплов. Верно. *(Достает из портфеля бумагу.)* Вот тебе отпускное свидетельство.

Ломоносов. Мне? Отпускное? Куда?

Теплов. На поездку в Англию. Отдохнешь, посмотришь чужие края. А серебряного купидона узнал? Наш академический андроид поведет за собой сей кораблик. Ах, сколько мне из-за этой бумаги хлопотать пришлось! А хлопотал, клянусь тебе, тебя жалеючи. Ибо сказано: «Иже бо в печали кто мужа призрит, то аки водою студеною напоит тя в день зноя».

Барабан. Через сцену к главному входу пробегают офицеры, солдаты. Слышно, как подъехала карета. Голос Разумовского: «Здорово, измайловцы!» Сотни голосов неразборчиво, но громко орут: «А-а-а-а я-я ва-ва-во-во!» Ломоносов не двигается.

Прости, Михайло Васильич, спешу президента встречать. Люблю я тебя, человечище. *(Уходит.)*

Голоса и шум у главного входа стихают. Сумерки сгущаются. В окнах Академии зажглись люстры. Пауза. За сценой с веселой песней к пристани подплывает ладья Разумовских. Слышен всплеск весел. По пристани идет Нарышкина.

Нарышкина. Михайло Васильич? Рада вас видеть. А вы почему здесь, не у главного входа? Я с Невы видела, как туда подъезжал граф.

Ломоносов молчит.

Нарышкина. Похудел. Бледен, печален. Да и я не весела? *(Улыбаясь.)* Но надеюсь, не подурнела?

Ломоносов. Куда подурнеть? Еще лучше стали.

Нарышкина. Это от накидки. Накидка из Парижа, бриллианты — из Амстердама. Хороша? Ха-ха... Проклятое бабье кокетство! Не осуждайте меня.

Ломоносов. Что так пристально смотрите, Катерина Ивановна? Вам горько меня видеть таким?

Нарышкина. Конечно, горько, Михайло Васильич. Мы друзья?

Ломоносов. Как вам будет угодно.

Нарышкина *(присаживаясь на скамью)*. Да присядьте ж рядом.

Ломоносов садится.

Вы верите мне?

Ломоносов. В чем, Катерина Ивановна?

Нарышкина. Я люблю вашу поэзию, глубоко уважаю вашу науку. Узнав, что ваших студентов собираются изгнать из Академии, я подумала: «Ему нужно немедленно уехать отсюда. В Англию, во Францию...» Куда хотите!

Ломоносов. Теплов мне говорил.

Нарышкина. А он вам сказал, что вы можете взять с собой жену и ребенка? Берите. Я помогу вам во всем! И здесь и там. Мне тоже разрешено плыть за границу. Граф Кирилл в немилости двора. *(Смеясь.)* Он боится, что если я останусь в милости, то постараюсь увеличить немилость к нему.

Ломоносов. Давно граф Кирилл впал в немилость?

Нарышкина. Нынче началась царская лосиная охота.

Ломоносов. Слышал. *(Ухмыльнувшись.)* Великое событие.

Нарышкина. Мы спешили на нее с Украины, но приглашенья не последовало...

Ломоносов *(опять ухмыльнувшись)*. Тревожный признак.

Нарышкина. Еще бы! А вместо охоты графа Кирилла пригласили в военную коллегию, где присутствовала и государыня.

Ломоносов. Не видел ли там граф Кирилл генерала Иконникова?

Нарышкина. Граф Кирилл видел только обвинение канцлера Бестужева.

Ломоносов. В чем же канцлер обвинял гетмана?

Нарышкина. Гетман-де самовольно казаков налогами истерзал, землю у них поотнимал. Украину разорил так, что казаки во множестве перебегают в Польшу.

Ломоносов. Обвинение тяжкое.

Нарышкина. Государыня вознегодовала. «Такие беззакония накануне войны с Пруссией», сказали они и изволили влепить графу Кириллу всемилостивейшую оплеуху. Графу Кириллу

приставили наблюдателя из генералитета. Сиречь лишили его правления Украиной!

Ломоносов. Ну, у него осталась еще Академия наук.

Нарышкина. А если и здесь найдут беззакония?

Ломоносов. Тогда ему влепят вторую всемилостивейшую оплеуху.

Нарышкина, Смеетесь?! Вы ничего не понимаете! Шумахер, Теплов, Тауберт — вас же, вас тогда уличат в беззаконии.

Ломоносов. Какие же я совершал беззакония?

Нарышкина. Все, какие свершали они. *(Пауза.)* Мне тяжело. Я одинока. Чем больше я рожаю графу Кириллу детей, чем снисходительней к его изменам, тем сильнее презирает он меня. Да и я его. *(Пауза.)* Позвольте мне свершить доброе дело, доброе дело для России — и тогда я не буду чувствовать себя такой одинокой и никому ненужной куклой.

Ломоносов. Что же я должен вам позволить?

Нарышкина. Позвольте мне увезти вас, ради сохранения вашей жизни, жизни столпа русской поэзии и науки. Иначе вы погибнете. *(Вдруг склоняется к поле его кафтана. Ломоносов отстраняется.)* Нет, нет, я сняла сухие листья, приставшие к поле кафтана. Осенние листья. Я тоже сухой лист, несомый холодным осенним ветром.

Пауза.

Ломоносов. Вы предлагаете мне бежать из России? Накануне войны с Пруссией?

Нарышкина. Да! Какое несчастье для России! Фредерик II — великий полководец.

Ломоносов. Карл XII тоже считался великим полководцем.

Нарышкина. Но Петр Великий умер.

Ломоносов. Петр Великий умер, но осталась великая Россия, а она бессмертна и непобедима. Вы меня почитаете истинным сыном России?

Нарышкина. Превыше всех сынов ее!

Ломоносов. И вы мне предлагаете бежать ради сохранения моей жизни?

Нарышкина. Да.

Ломоносов. Нет. Я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет, стоял за них смолоду — на старости не покину. Моя жизнь в учениках моих.

Нарышкина. Ваши ученики, Михайло Васильевич, сегодня будут брошены в тюрьму.

Ломоносов. Тогда и мне... лучше сидеть с ними в тюрьме, а не в Англии. Мы накануне войны с Пруссией, а значит, и с Англи-

ей, поелику они союзники... Так что же вы мне предлагаете, Катерина Ивановна?

Нарышкина *(помолчав)*. Простите. Да... Я заблудилась... Нева, огни в Академии и на Неве... и ни одного огонька в душе! Какая пустая, жалкая жизнь... Надо идти на конференцию... Михайло Васильевич, любезный друг, заклинаю вас, не ходите туда. Скажитесь больным.

Входят Теплов, офицер и академический лакей.

Теплов. Графиня Катерина Ивановна, прошу вас... Его сиятельство президент вас ждут, не начинают заседание.

Нарышкина. Прощайте, Михайло Васильевич. Эй, люди! Палашка!

Со стороны пристани появляются лакеи и горничная Нарышкиной, подбирают ее шлейф, и все, кроме Ломоносова, уходят к главному входу Академии.

Стефангаген *(распахивая окно, сердито)*. Ломоносов! Все собрались, президент, его супруга, все академики за столом.

Ломоносов *(продолжая сидеть)*. Иду! Ох, трудно даже встать, в голове шум, а ноги будто каменные. *(Встал, еле передвигая ноги, идет в Академию. Тяжело дыша, остановился передохнуть.)*

Вновь распахивается окно.

Стефангаген. Ломоносов! Вас что, двадцать раз приглашать?

Ломоносов. Спешу! *(Преодолевая болезненную слабость, поднимается на ступеньки черного хода Академии.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Белый круглый зал кунсткамеры. Опираясь обеими руками на стол, держит речь перед академической конференцией бледный, утомленный Ломоносов.

Ломоносов. Ваше сиятельство! Сенат приказал чинить суд студентам по всем параграфам неотменно и подробно. Пункт шестнадцатый спрашивает: «Что сии студенты знают?»

Шумахер. Ничего они не знают.

Крашенинников. Ломоносов знает, что они знают.

Тредьяковский. Не мешайте говорить Ломоносову!

Разумовский. Академик Тредьяковский! Ломоносов битых два часа воевал против диссертации академика Миллера об истории русского народа, рассказывал нам здесь об Урале и Тихом океане, о золоте и полярных сияниях, о трении паров в воздухе и электрической силе, о Цицероне и скандинавах, об эфире и Василии Великом... сколько часов ты будешь еще говорить?

Ломоносов. Ваше сиятельство! Я лишь начал говорить.

Миллер. Господин президент!

Разумовский. Что, господин академик Миллер?

Тредьяковский. Господин президент!

Разумовский. Что, господин академик Тредьяковский?

Миллер. От имени академиков прошу вас лишить Ломоносова слова.

Тредьяковский. От имени русских академиков и русских адъюнктов — на немцев нам начхать!.. прошу вас продолжить слово Ломоносову.

Шумахер. Академик Ломоносов длиннотой своей речи внимание наше утомляет и своего дождаться хочет.

Ломоносов. Я жду лишь истины!

Разумовский. Довольно! Мне давно пора ехать к государыне и конформировать сей акт Академии, признающий преступления учеников Ломоносова. Теплов! Читай акт. Подписывайте.

Ломоносов. Сей акт несправедлив, ваше сиятельство.

Разумовский. Я — президент и гетман и больше твоего знаю о справедливости.

Ломоносов. Знаете и, однако, не в состояни отличить справедливость от беззакония.

Р а з у м о в с к и й *(ошеломленный)*. Что-о?!

Л о м о н о с о в. Беззаконие ссылать студентов на галеры, во флот, лишь за то, что они, якобы званые на экзамены, сюда не явились. Клевета!

Т е п л о в
М и л л е р
Д е Р ю ш а м п и — Невозможно! Довольно! Прочь его!

К р а ш е н и н н и к о в. Клевета! Студенты Ломоносова явились бы сюда по первому зову Академии!

Л о м о н о с о в. Но их не позвала Академия, а они трудятся на Урале ради славы Академии! И вы сим прекрасным юношам грозите галерами и каторгой. Вас самих пора на каторгу!

У и т в о р т. Господин президент! Он кричит на нас, что мы клеветники, а сам что говорит?

Р а з у м о в с к и й. Ломоносов, остановись! *(Нарышкиной.)* Я измучен. Что мне с ними делать?

Н а р ы ш к и н а. Но, граф Кирилл, вы же так любите научные споры.

Л о м о н о с о в. Меня вы можете остановить. Но сможете ли вы остановить гнев России?

Н а р ы ш к и н а. Михайло Васильич, говорят, спокойствие лучшее одеяние мудреца.

Л о м о н о с о в. Да, когда он — статуя!.. Но можно ли пребывать статуей, когда уничтожение молодой русской науки совершается? Ломоносову дают сии бумаги — чтобы он уехал за границу! Хотят отставить его от Академии? Но Ломоносова нельзя отставить от Академии, как Российскую Академию нельзя отставить от Ломоносова. *(Рвет бумаги.)* Оглянитесь! Гигант великий, Петр, поднялся из гроба и в негодовании вперил в вас очи свои: «Потомки, сыны Отечества! Что вы делаете?!»

Р а з у м о в с к и й. Эй, измайловцы! *(Вошедшим трем гвардейцам-измайловцам.)* Встать против Ломоносова! Сейчас Теплов прочтет акт, ты его подпишешь, а потом тебя уведут на гауптвахту.

Н а р ы ш к и н а. Больного, граф Кирилл?

Р а з у м о в с к и й *(кричит)*. Хоть мертвого! *(Теплову.)* А ты чего молчишь? Хапуга!.. Нахватал миллионы на Украине...

Т е п л о в *(тихо)*. Зачем орать, ваше сиятельство? Орать надо, когда сам тонешь, а других надо топить тихо.

Р а з у м о в с к и й. Оглашай акт!

Т е п л о в *(вынимает бумагу из бисерного портфеля)*. «Во исполнение его императорского величества указов и по определению правительствующего сената за нумером 1989, признали мы за благо в сей акт записать и нашими руками скрепить преступ-

ление академических студентов, кои, с Урала на экзамены званые, нагло в Санкт-Петербург не возвращаются...».

Ломоносов. Студенты не званы!

Шумахер. Врешь, званы!

Тауберт. Ломоносова самого надо на галеры!

Шумахер. Да, клеймо на лбу его бы весьма украсило.

Тредьяковский. Господа академикп! Вы обезумели!

Миллер. За издевательство — на галеры!

Уитворт. Впишите в акт: Ломоносова на галеры!

Тредьяковский. Замолчи, Уитворт, торгаш бесчестный!

Уитворт. А ты, Тредьяковский, не поэт, а скотина!

Тредьяковский бросает в Уитворта рукописью. Листы ее разлетаются по воздуху. Уитворт хватает со стола чернильницу, песочницу, бумагу и все это швыряет в Тредьяковского.

Нарышкина *(встает)*. Граф Кирилл. Мне пора сказать...

Разумовский. Катерина Ивановна! Женщина великолепна, когда она образована, но она отвратительна, когда она воображает себя ученой!

Нарышкина. И, однако, граф Кирилл, я хочу сказать...

Разумовский. В этом зале вы не скажете больше ни слова!

Входит Стефангаген.

Стефангаген. Ваше высокографское сиятельство!

Разумовский. Ну, что еще там?

Стефангаген. К вашей ясновельможности!

Входит адъютант Иконникова.

Адъютант Иконникова. Член Военной коллегии государства Российского, кавалер ордена Андрея Первозванного и других российских орденов кавалер, сего числа их императорским величеством жалованный золотой шпагой и табакеркой и назначенный инспектором российской армии в ранге министра, генерал-кригс-комиссар Иконников просит принять его.

Молчание.

Разумовский *(упавшим голосом)*. Проси.

Стефангаген и адъютант уходят, молчание. В тишине отчетливо слышны резкие шаги адъютанта и мягкая поступь Иконникова. Они входят, любезно раскланиваясь, Иконников подходит к Нарышкиной, целует у нее руку.

Иконников. Академия расцветет дивно, коль сады ее столь великолепные нимфы посещают, Катерина Ивановна. *(Не без небрежности, Разумовскому.)* Здравствуйте, господин презус!

Разумовский. Здравствуйте, господин министр! Что слышно с императорской охоты?

Иконников. Результаты ее еще неизвестны. Простите, ваше сиятельство, что я беспокою высокую конференцию, но мне безотлагательно понадобилось вручить почтеннейшей конференции важнейшие бумаги относительно уральских учеников Ломоносова.

Ломоносов. Уж и приговор вынесен, Федор Иванович.

Теплов. По определению сената за нумером 1989.

Иконников. Вот оно что! Тогда, быть может, мне остаться, ваше сиятельство? Мне довелось быть свидетелем определения сената за нумером 2016.

Теплов. Простите, господин министр, за нумером 1989.

Иконников. Нет, именно за нумером 2016. В отмену определения за нумером 1989.

Шумахер *(хрипло)*. В отмену?

Иконников *(любезно)*. Один господь бог не отменяет своих решений, а в сенате сидят люди.

Разумовский *(встает)*. Господа академики! Конференцию дальше поведет господин Теплов.

Иконников. Вы покидаете нас, господни презус?

Разумовский. Да.

Иконников. Сенат рекомендует вам не покидать конференции, господин презус.

Разумовский. Благодарю сенат. *(Садится.)*

Иконников. Прикажете мне остаться, ваше сиятельство?

Разумовский *(сквозь зубы)*. Как вам будет благоугодно.

Иконников. Тогда я все-таки останусь. Любопытно взглянуть на людей! Ведь сюда, на конференцию, прибыли те, кто проходил курс наук у Ломоносова и был вдохновляем его гением, благодаря которому большие научные задачи оказались решенными.

Шумахер. Вы изволите говорить, господин министр, о петербургских учениках Ломоносова?

Иконников. Да, и о тех, которые на Урале, тоже.

Шумахер. А разве они здесь?

Иконников. На лестнице.

Ломоносов. Приехали? О-о-ох... Господи! Радость какая!

Шумахер. Ваше высокопревосходительство! Говоря о научных задачах, вы имели в виду задачи, принятые господином президентом от господина Ломоносова несколько лет назад в памятный день смерти академика Рихмана?

Иконников. Да.

Шумахер. Академик Люкке! Мы предлагали вам решить задачу под литерою «В»?

Люкке. «Как плавить русское железо, чтоб случилось его мно-

го и чтоб оно давало сталь превыше других сталей Европы?» Сия задача невыполнима. Работники в России плохи. Оборудование, машины, шахты, инструменты того хуже. Я отказался.

Шумахер. Академик Люкке — лучший в мире знаток металлов, долго работавший и в Англии и в Швеции. Он отказался.

Иконников. И, тем не менее, задача эта решена.

Шумахер. Кем?

Иконников. Студентами Ломоносова — Ермолой Шелехом и Никитой Укладником.

Шумахер. Горько это говорить, ваше высокопревосходительство — но вас втянули в преступление перед богом и престолом.

Иконников. Избави господи!

Шумахер. Научные задачи были посланы нами академикам российским и европейским. А что такое академики? Ученые, которые блюдут вершины наук во имя бога и престола. Ломоносов! Задачу под литерой «В» решили академики?

Ломоносов. Нет.

Шумахер. Профессора?

Ломоносов. Нет.

Шумахер. И того менее адъюнкты?

Ломоносов. Того менее.

Шумахер. Тогда решение сей научной задачи — насмешка над императорской Академией наук, где, дескать, такие олухи и дураки сидят, что ничего решить не могут. Насмешка и преступление!

Теплов. Преступление!

Ломоносов. Но тогда преступление и то, что Петр Великий взялся перестраивать Россию, не будучи ни академиком, ни профессором, ни даже адъюнктом.

Шумахер *(писарям)*. Запишите. Хула на покойного императора.

Иконников. Удивительно! Все это мне раньше и в голову не приходило. А к тому же эти ученики Ломоносова имели еще наглость привезти с собой образцы выполненных ими научных задач! *(Разумовскому.)* Как быть? С одной стороны, академики считают, что научные задачи не могут быть решены, с другой — сенат в определении за нумером 2016 приказывает протокол о решении тех задач составить?

Разумовский. Право, не знаю.

Иконников. А не пригласить ли сюда пришедших людей?

Разумовский *(Стефангагену)*. Пригласи.

Стефангаген *(в дверях)*. Господин президент и гетман! Господин министр! Господа академики! Вами вызванные люди идут!

Сквозь арки видно длинное шествие. Начавшись в одном конце коридора, огибающего зал, оно постепенно наполняет весь ко-

ридор, замыкаясь в другом конце его. Последователи Ломоносова, академические студенты и ученики, сопровождаемые мастеровыми и солдатами, несут чертежи и модели заводов, машины, слитки металлов, связки кож, научные приборы.

Крашенинников. Новая российская Академия идет. Тредьяковский, смотрите! Образцы металлов, приборы, модели новых заводов, корабли, пушки...

Тредьяковский. И книги новые! Чаю, и поэты новые есть!

К Ломоносову подбегают его ученики. Он их обнимает, цвлует, гладит по головам. Иконников утирает слезы.

Ломоносов. Возмужали... выросли... Красавцы... умницы...

Шумахер *(бесстрастно)*. Кто же, однако, будет вести экзамены?

Тауберт. Допрос? Я буду вести допрос!

Иконников *(в гневе)*. Допрос?! Я служу военным потребам России тридцать лет. А именно — в восемнадцати военных кампаниях, при генеральных баталиях, двенадцати акциях и шести осадах, где немало ран принял. Студенты сии разверзли недра российской земли, добыли для отечества медь, железо, золото, строили заводы, лили пушки, создавали новые машины, оснащали корабли, снабжали оружием армию русскую... для чего? Для победы над Фредериком Прусским, которого натравливают на нас англичане!.. Службу сих студентов почитаю равной своей. Что же, вы и меня будете допрашивать, Тауберт?

Молчание.

Крашенинников. Федор Иванович! Академики из чужестранцев не склонны расспрашивать сих изобретателей. Позвольте мне, русскому, спросить?

Иконников. Дельно, академик Крашенинников. Пусть же поведают — как добывали новое железо и сталь. Шелех! Укладник! Ждем.

Ермола Шелех. О том, как мы свою задачу выполняли...

Никита Укладник. ...под литерою «В», что значит — верую?..

Ермола Шелех *(отважась и бойко)*. Господа академики! Мы стремились дать единую систему металлургических дел, которую строили на особенностях каждой руды. Мы тщательно изучали, как протекает металлургический процесс. Более подробно технику новой плавки мы в чертежах покажем. Угодно почтеннейшей конференции задать мне вопросы о сем?

Молчание.

Иконников. Труд был не легкий. Вопросов можно задать не ма-

ло. Молчат? Что ж, тогда их расшевелит моряк. Шкипер Подволошнов, покажись!

Подволошнов. Да что ж на меня смотреть-то? Я как все. Простите за беспокойство, господа ученые. *(Кланяется.)* Я прошел, господа академики, в одну навигацию от устьев Оби до Санкт-Петербурга, везя груз нового уральского железа. Я плыл, чая, что Академия еще более трудную — ломоносовскую — задачу русским мореходам поставила: как пройти через Ледовитый океан в Тихий? Потому, думаем, что многим островам и землям Тихого океана не миновать российского владения.

Тредьяковский
Крашенинников } Слава!
Нартов

Ломоносов. Но академики из иноземцев безмолвны!

Иконников *(в изумлении оглядывая академиков)*. Да-а, эта академическая крепость потверже Азова будет.

Разумовский. На них, господин министр, армии двигай, они и тогда внимания не обратят. Горды! А от меня требуют, чтоб я их один усмирил?..

Иконников. Есть здесь один огненный человек, Петер Алексеев!

Быстро выходит Петер Алексеев. За ним идет встревоженный Никифор Пиленко.

Иконников *(к Пиленко)*. Запорожец, тебя спросим после. Я хочу, чтоб Петер Алексеев рассказал о своей особо трудной задаче под литерою «Т». Твердо. Исполнению той задачи сердце каждого русского должно порадоваться.

Пиленко. Федор Иванович! Петер говорит горячо, торопится. Позвольте мне за него объяснить.

Алексеев. Зачем тебе? Я — выполнил, я и объясню.

Пиленко *(Алексееву, тихо)*. Погубишь себя, Петер, если здесь бар начнешь ругать.

Алексеев *(так же тихо)*. Уж удержусь. *(Выходит.)* Господа академики! Задача мне была такая: «Отлить орудие, чтоб, где одна лошадь пройдет, там и оно могло быть провезено».

Иконников. Сиречь легкую, подвижную артиллерию, коей ни в одной стране досель не бывало! Продолжай!

Алексеев. Артиллериии сей нужна была такая хорошая бронза, коей тоже доселе в России не было. Пиленко, друг, ты выплавил ее?

Пиленко. Постарался.

Алексеев. Нужно было железо и сталь такой крепости, коей в России доселе не было! Шелех, Укладник, вы дали сей металл?

Укладник. Ты его получил!

А л е к с е е в. Потребовались ученые пушкари-умельцы, их обучили и прислали. Хлопотали вы о пушкарях тех, Андрей Константинович, Михайло Васильевич?

Н а р т о в. Еще бы.

Л о м о н о с о в. Пришлось.

А л е к с е е в. Словом, орудия отлиты. Вес того орудия...

Иконников незаметно грозит ему пальцем.

...вес того орудия известен. Дал я ему разборный лафет, разрывной снаряд, и бьет оно...

Жест Иконникова, опять поперхнулся.

...и как оно бить будет, это будет тоже известно.

Голоса из коридора: «Хвала пушкарям Ломоносова».

(Ломоносову.) Михайло Васильевич! Да разве пруссакам или англичанам такие орудия сделать?

Н а р т о в. Никогда. Отлиты пушки, которые дают силу огня аж на пять верст. Впервые в истории войн,— не дай бог войны... впервые в истории войн российская пехота пойдет в бой под навесом артиллерийского огня... Вам это понятно, государи мои?

К р а ш е н и н н и к о в, Т р е д ь я к о в с к и й. Слава артиллерии русской!

Ш у м а х е р. Под огнем артиллерии мы смолкаем. Ежели сенат признает научные сии задачи решенными, мне остается собрать мнение академиков под протоколом?

И к о н н и к о в. Должно быть, так.

Ш у м а х е р. Господа академики! Кто подпишет протокол, что научные задачи под литерами решены и что награду решившим стоит выдать?

Т р е д ь я к о в с к и й. Я подпишу!

К р а ш е н и н н и к о в. И я!

Н а р т о в. Дайте и мне перо, подпишу!

Г о л о с а. Сподвижнику Петра хвала! Хвала академику Нартову!

Ш у м а х е р. Академик Люкке?

Л ю к к е. Не подпишу.

Ш у м а х е р. Академик Миллер?

М и л л е р. Отказываюсь.

Ш у м а х е р. Академик де Рюшампи?

Д е Р ю ш а м п и. Нет.

Ш у м а х е р. Академик Уитворт?

У и т в о р т. Не только знания учеников, но и знания самого их учителя Ломоносова под сомнением. Мы, например, не раз спрашивали мнение великого Эйлера о трудах его.

Ш у м а х е р. Великий Эйлер даже не ответил нам.

Иконников. Не ответил?.. Ну, а вот мы послали ученым людям Европы решение научных задач, образцы металлов и изделий, и нам ответили. Адъютант! *(Велит раздать бумаги из портфеля.)*

Адъютант разносит бумаги академикам. Они читают, оживленно обсуждая.

Люкке. Фермей из Берлина! Кандамин из Лотарингии!

Де Рюшампи. Пабло Фризи из Милана? Я знаю его! Хвалит!

Миллер. Баттиста Виллагауэр? Считает превосходным?

Уитворт. Сам Барбет де Марки признает? Удивительно!..

Шумахер. Однако великий Эйлер не ответил нам!

Иконников. Ни на одно ваше письмо? *(Показывая письмо.)* А это? *(Молчание.)* Вы получали, сударь, ответы Эйлера, но прятали их. Читайте же вот этот последний ответ вслух!

Шумахер *(читает)*. «Все труды господина Ломоносова в области физики и химии не только хороши, но и превосходны. Ломоносов обладет счастливым гением для редких открытий в области физики, химии, электричества...».

Иконников. Плохо слышно. Громче!

Шумахер. Тут по-латыни, а я плохо разбираюсь...

Иконников. Скажите, латынь забыл!.. Но вы забыли и про радость, с коей следует читать вам, советнику российской Академии наук, об успехах русской науки.

Шумахер *(громко)*. «Желательно, чтоб все Академии Европы были в состоянии производить великие открытия, которые совершил Ломоносов. Открытия его делают честь не только российской Академии наук, но и всей русской нации».

Аплодисменты.

Иконников. Ну, что ж вы теперь скажете, господа?

Тауберт. Да! Открытия Ломоносова! Мы согласны их обсуждать! Но перед нами «открытия» каких-то мальчишек! Может быть, они выплавили вместо одного пуда железа — полтора, а мы, академики, им рукоплещи?

Ломоносов. «Вместо одного пуда полтора? Академия не завод!» — молвил Тауберт. Прекрасно! Значит, вы забыли, что кое-кто из вас торгует? Вот, например, господин Уитворт приготовил к вывозу корабли с пенькой, лесом, зерном, железом...

Уитворт. Я скупаю преимущественно кожи! Миллионы кож, ха!

Ломоносов. Да, много вложено денег. Стало быть, вам интересно знать, сколько же благодаря трудам сих ученых юношей русские заготовили новых товаров? Вдруг много? Вдруг да старые товары упадут в цене? И тогда выйдет, что вы их напрасно заготовляли, а?

Тревожное молчание.

Де Рюшампи (*изменившимся голосом*). Вряд ли русские могут заготовить товаров столько, чтоб это отразилось на ценах мирового рынка?

Ломоносов. Спросите у сих юношей, они ответят вам.

Де Рюшампи (*после молчания*). Я, пожалуй, спрошу. У меня, видите ли, приготовлено несколько кораблей с железом, господин министр, интерес естественный.

Иконников. Еще бы! Но не я изобретатель, Шелех может ответить вам! Но как ему отвечать о том, во что вы не верите?

Де Рюшампи. А во что я не верю?

Иконников. В открытия, которые сделал тот же Ермола Шелех.

Де Рюшампи. Мне отрицать открытия, когда они отражаются на ценах мирового рынка?

Люкке. И, кроме того, видные ученые Европы подтверждают!

Иконников. А! И вы, академик Люкке, закупали железо?

Люкке (*вздохнув*). Всеобщее увлечение! Архивариус! Перо! Протокол! Я подписываю. (*Пишет.*)

Иконников. И вы, фон Винцгейм, хотите подписать?

Фон Винцгейм. Что поделаешь? Русское железо пользуется в Европе большим спросом. Перо, я подписываю!

Тауберт (*свирепо, к Люкке*). Глупцы! Предатели!

Люкке. А вы, Тауберт, контрабандист! Вы через Кенигсберг запрещенные к вывозу товары вывозили!

Ломоносов (*писарям*). Вот сие записать.

Тауберт. Я тебе покажу «записать»!

Тауберт бросается на Ломоносова, хватает его за горло. Нарышкина вскрикнула. Разумовский закрыл лицо руками. Ломоносов без труда оттягивает руку Тауберта, сжимает ее и бросает его на пол.

Ломоносов. Буде баловаться-то, болван.

Иконников. Адъютант! Помогите Тауберту покинуть конференцию!

Тауберт. Как, мне, зятю Шумахера?

Иконников. Да, представьте, вам.

Тауберта уводят.

Уитворт (*взволнованно, Иконникову*). Господин министр! Покажите мне ученого, необыкновенно быстро решившего важнейшую задачу: «улучшить качество кож в пять и более раз».

Иконников. А вы разве, сэр Уитворт, подписали протокол?

Уитворт. О, это пустяки! (*Подписывает.*)

Иконников. Калина Судьин!

Калина Судьин (*звонко*). Здесь мы!

Из-под арки выходят Калина Судьин и Анкудин Баташ, одетые по-городскому и не без щегольства. Они несут куски кож.

Ломоносов. Подойди поближе, Калинушка.

Калина. Михайло Васильич! Я свой авантаж знаю. Им оттуда на меня импрессия лучше. *(Кланяясь Уитворту.)* Сэр!

Уитворт *(кланяясь, с недоумением)*. Сэр!

Калина. Сэр, эти кожи выделаны по моему способу. Юфть начал было со мной изучать Анкудин Баташ, но отошел.

Баташ. Я по узорной коже двинулся.

Уитворт *(тыча пальцем то в Калину, то в кожи)*. Этот? Эти? Такие кожи — этот... мальчишка?

Калина. Химия, сэр. Химия суть подражательница естества, и она столь же пространна, как сама природа. Химия разрушает или растворяет — и паки оживляет и превращает в новое творенье природы!..

Уитворт. Ах, сэр! Я объелся теорией. Скажите лучше скорее, сколько времени вы дубили этот сорт юфти?

Калина. Этот сорт юфти, сэр, прежде старики дубили от осьмнадцати месяцев до двух лет, сэр. А теперь, сэр, самое большое дубим мы ее, с помощью химии, в срок от пятнадцати дней до двух месяцев.

Уитворт. В двадцать раз сократили срок дубления? Боже!.. И сколько же вы таких кож заготовили, сэр?

Калина вопросительно смотрит на Иконникова. Тот кивнул.

Калина. К концу нонешнего года, сэр, заготовили более мильона штук.

Уитворт. Более миллиона штук юфти? А цена им, цена, сэр?

Калина. Да как обещали, раз в пять дешевле прежних.

Уитворт. Мои скупленные кожи в пять раз дешевле?!

Люкке. Умоляю, сколько выплавлено железа?

Иконников. Шелех! Сколько вы там выплавили железа?

Шелех *(посмотрев в бумаги)*. Три миллиона пудов.

Люкке
Уитворт
Де Рюшампи } По цене?

Шелех. По цене втрое дешевле прежней.

Люкке. Я разорен!

Уитворт. Господа, мы все разорены... *(Калине.)* Поддержите меня, сэр...

Студенты отводят его к креслу, и он повисает на нем. Академики, толкая друг друга, бросаются подписывать протокол.

Тредьяковский *(блаженно сложив руки)*. Какая благодать, когда человек занимается лишь поэзией, ничем не торгует и стихов его никто не покупает!

Люкке *(академикам)*. Боже мой, как вы медленно подписываете!

Миллер. Когда сопротивление бесполезно, то глупость *(указывая на Люкке)* волнуется; бессилие *(на де Рюшампи)* жалуется; низость *(на Шумахера)* изворачивается и лишь одна мудрость *(на себя)* — покоряется. Я подписываю! *(Подписывает.)*

Дю Рюшампи. Руки дрожат! Пропадаю!..

Теплов. При гениальности Ломоносова мы теперь не пропадем.

Нартов. Граф Кирилл Григорьич, дай старику сказать. Я поближе выйду... тихой голос стал, не слышно...

Советник Нартов, в старомодном темном кафтане, в бархатных сапогах, опираясь на палку, медленно идет к Ломоносову.

Разумовский *(Иконникову)*. Советник Нартов, изобретатель, писатель. Учил Петра токарному искусству...

Иконников. Знаю Андрея Константиновича, знаю.

Нартов. Учил Петра Великого? Кого учить! Он сам учил всех, и здорово учил. *(Указывая на академиков.)* Вот этих бы он поучил — дубиной. Зазнались, заелись... Ай-яй-яй... *(Студентам.)* Стоял я не раз с Петром и у токарного станка. Рука у него горячая, возьмет когда да поведет не так... а я его поправлю. Потом свои-то руки уберешь, и будто железо раскаленное держал. Вот это — рука! У Ломоносова такая. И дай бог вам такие руки! Прими поклон, Россия молодая.

Голоса. Слава Нартову.
— Слава Ломоносову!

Шумахер *(подавая протокол Разумовскому)*. Великий восторг всех обуял, и на вашем лице, ваше сиятельство, зрю то же самое. Извольте подписать. Награды и звания изобретателям я тоже обозначил. Металлурга Петера Алексеева я думал бы в профессоры; троих — Шелеха, Пиленко, Укладника — в адъюнкты, остальных же...

Крашенинников. Ваше сиятельство! Я много путешествовал, и часто в путешествиях, когда я думал о дорогих сердцу местах, виделась мне Москва, и виделось мне открытое, благодаря неустанным хлопотам Михаила Васильевича, здание Московского университета!

Голоса. Создателю Московского университета слава!

Крашенинников. И виделось оно мне в веках лучшим и прекрасным зданием мира! Посему, ваше сиятельство, мы ходатайствовали, чтоб первый и любимый ученик Ломоносова, поэт и

философ Николай Поповский, был назначен профессором Московского университета.

Разумовский. Что, русские мы или не русские? *(Пишет.)* Всех в профессоры!

Академики. Виват сенату! Виват Разумовскому! Виват Академии!

Входит Стефангаген.

Стефангаген. Ваше высокографское сиятельство!

Разумовский. Еще что там?

Стефангаген. Ваше сиятельство *(кланяясь Нарышкиной)*, обращаюсь к их высокографскому сиятельству. Прибыл Нарцысушко, любимый арапчонок государыни!

Из коридора, подскакивая и размахивая письмом, бежит арапчонок, разодетый в шелка, ленты и кружева. Он подбегает к Нарышкиной и подает ей письмо. Она разрывает, читает, гладя арапчонка по голове, затем целует письмо. Все заулыбались. Взоры всех академиков сосредоточились на Нарышкиной.

Миллер. Какой торжественный день!

Люкке. Какое удивительное заседание Академии наук!

Нарышкина. Спасибо, Нарцысушко! Скажи: кланяется земно, благодарит государыню и будет непременно и тотчас.

Арапчонок убегает.

Разумовский *(слабым голосом)*. Нас пригласили на послеохотничий ужин?

Нарышкина. Нас? Меня. *(Встает.)* Господа! Государыня с трех выстрелов убила трех лосей.

Крики: «Виват! Виктория!»

(Ломоносову, окруженному учениками.) Михаил Васильевич, я счастлива. Я видела истинную любовь к отечеству. Я вижу истинную любовь к истинному человеку и сынов отечества. Я счастлива. Я остаюсь в России, за границу не поплыву.

Иконников. За границу никто не поплывет, Катерина Ивановна. *(Академикам.)* И корабли ваши, господа академики, тоже не уплывут за границу. Порты приказано закрыть.

Разумовский. А что случилось?

Иконников. Король Фредерик Прусский напал на Россию. Уже дана инструкция: нонче, в пять утра русским войскам двинуться к границам Пруссии. Война!

Разумовский. Война! *(Молча глядит на Иконникова, словно ожидая от него приказаний.)*

Иконников. Спокойствие, господа. Спокойствие. Угодно вам, господин презус, огласить сей указ сената? *(Передает бумагу Разумовскому.)*

Разумовский *(Теплову)*. Читай.

Теплов. «Сенат, рассмотрев отзывы многих художников о мозаических трудах господина Ломоносова и его учеников, с удивлением должен признать, что Российскую империю поздравить можно с тем, что у нас сие высокое художество столь далеко произошло, как в самом Риме, едва ли в несколько сот лет произойти могло. А посему...».

Иконников. Угодно, господин презус, огласить и второй указ сената? *(Передает Разумовскому бумагу.)*

Разумовский *(Теплову)*. Читай.

Теплов. «Сенат приказывает немедля издать собрание разных сочинений в прозе и стихах господина Ломоносова...». Поздравляю, Михайло Васильевич! *(Бросается целовать Ломоносова, тот его отстраняет.)*

Иконников. Угодно вам, господин презус, огласить третий указ сената?

Разумовский. Читай.

Теплов. «Сенат предписывает: ввиду дряхлости и старости господина советника Шумахера все дела Академии с сего числа подписывать графу Разумовскому купно с советником и профессором Ломоносовым. Сенат уповает, что он, истинный сын отечества, оный департамент в цветущее состояние приведет».

Академики аплодируют. Разумовский тоже.

Поповский.

«Российский здесь Парнас приветствует витию,
Кто мудростью наук и муз обогатил Россию.
Прославлен Рим Вергилием и Цицероном был,
Обоих он в себе, бессмертный, воплотил,
Открыв природы храм для всех пытливых россов,
Пример их гения в науках — Ломоносов!»

Все аплодируют.

Нарышкина. Прекрасные стихи, профессор! Граф Кирилл! Вы идете меня провожать?..

Разумовский. Иду, иду, Катерина Ивановна, сейчас! *(Поспешно, испуганно убежал за ней, забыв и попрощаться.)*

Ломоносов. Господа академики и новые молодые профессоры!

Конференцию продолжаем, садитесь! Господа, садитесь, господа! Садитесь, садитесь!..

Все садятся.

Вы почему не садитесь, академик Миллер?

Миллер *(ласково)*. Мой друг, российский Ньютон!

Ломоносов. Называйте меня просто Ломоносовым.

Миллер. Ломоносов! Я увидел сегодня, как вы были правы. И я увидел сегодня, как я был не прав. Простите меня. Я не хотел оскорбить Россию.

Ломоносов. Россию не оскорбишь диссертацией, даже самой плохой. Вы оскорбили только себя и свое дарование. Забудем это.

Жмут друг другу руки.

А вы почему не садитесь, господин советник Шумахер?

Шумахер. Михайло Васильич! Не сердись на меня, пожалей старика.

Ломоносов. Все мы, академики, старики. Но все мы и дети перед историей России.

Откуда-то издалека слышны приглушенные звуки барабана, постепенно разрастающиеся. К ним присоединяется музыка военного марша, солдатская песня... В окнах растут отблески солнца с реки.

Иконников. Утро. Выступила армия.

Ученики прилипли к окнам. Академики разговаривают у арки.

Шелех. Гренадеры идут, преображенцы, пушки...

Пиленко. Петер, гляди, твои пушки везут! Ура-а!

Солнце поднялось. В окне горит игла Адмиралтейства. Все ближе барабаны, музыка и песни. Слышно огромное, раскатистое «ура»!

Иконников. Мне пора. Позволь обниму и поздравлю тебя от имени солдат и генералов. Оставайся, создавай новую русскую Академию, коей ты всегда был и будешь главой. Выступила Россия, тобой вооруженная, Михайло Васильич! Они идут на Берлин!

Ломоносов. Они возьмут его! Я всегда верил в победы российских войск. И когда был дитятей, когда видел, как шли войска

Петра Великого на шведов... и когда мне будет пятьсот лет... Я и тогда не усомнюсь в грудящих победах россиян... И я хотя маленький солдат отечества, но всем сердцем чую высоту будущей русской истории и сердцем жажду жить в России во все веки!..

Взор Ломоносова, пытливый, полный надежды, устремлен в будущее. Солнце яркими утренними лучами освещает его из окна, за которым очень издалека слышен барабанный бой уходящей российской армии.

Конец

ПРИЛОЖЕНИЕ
И
КОММЕНТАРИЙ

КЛЮЧ ОТ ГАРАЖА

Время действия — начало 1942 г.
Место — Ташкент и окрестности.

Котенок играл клубком — и семь мудрецов
не могли распутать его.
Так неужели ты осмелишься упрекнуть жизнь
за ее сложность?

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Щелкан Яков Титыч, кассир Тульского консервного треста.

Ада Львовна, его жена.

Лена, их дочь, секретарь председателя треста.

Обертынский Захар Ильич, заведующий столовой для лиц интеллектуального труда.

Дежин Иван Кузьмич, начальник снабжения консервного завода.

Заид Иргашев, молодой ученый из Физического института.

Норберг Оскар Петрович, профессор физики, учитель Иргашева.

Умар Алиев, заведующий транспортным парком при консервном заводе.

Дюкруасси, фокусник из цирка.

Мясоедов, укротитель тигров и председатель месткома цирка.

Офицеры: польский и сербский.

Девушка, инженер на консервном заводе.

Три пионера.

Ассистенты профессора Норберга.

Старец узбек, председатель колхоза.

Летчик.

Кассир Тульского консервного треста Яков Никитич Щелкан и его семья ныне живут в Старом Городе.

Лицо, создававшее комнату, где они живут, несомненно было уверено, что, как гроза передает силы природы в звуках и красках, так и строитель комнаты способен передать в расположении отдельных частей ее идею спутанности, сутолоки всех уличек, тупичков и закоулков Старого Города.

Вглядитесь. Печка здесь величиной со шкатулку, причем возле плитки, в кирпичах вы разглядите какие-то завихрения вроде того, как будто оседал тут, замирая, крошечный смерч. Порог двери расположен выше, чем подоконник, а сама дверь не хочет входить туда,— приглашая к этому как бы и посетителей,— куда ей бы следовало все-таки входить довольно плотно. Одно окно распространилось в ширину, другое больше в длину, будто они яростно поссорились да так и застыли в гневе. С потолка, выпученного и словно бы беременного, свисает на шнуре, засиженном мухами, электрическая лампочка, причем у лампочки такой вид, словно ей велено осветить луну. На полу в модном для данного города беспорядке валяется имущество кассира: несколько фанерных чемоданов, тюфяки, одеяла. Треногий стол у окна качается, как бы сожалея, что не рассыпался при последнем землетрясении. Перед столом, точно солдат перед генералом, вытянулся высокий стул, такой высокий, что даже самый высокий человек не может дотянуться с него до стола. Придется сознаться, что строитель комнаты обладал талантом. Даже беглый взгляд на нее создает полное настроение, необходимое для того, чтобы понять старый азиатский город, да и к тому же комната расположена во дворе домика, который стоит на одном из недостроенных проспектов, упирающихся в Старый Город, и, таким образом, комната, являясь комнатой, в то же время как бы осуществляет собой увертюру к Старому Городу. Но так как наше время не аплодирует унылым увертюрам, то для надежды на появление в увертюре иных нот вы найдете во дворе домика легонький гаражишко, некую тень культуры, где недавно еще стояла машина главного инженера, строившего одну из громадин на проспекте Навои. Если б вы ударили поленом или табуретом в темное пятно, зияющее в

углу комнаты,— кирпичи бы вывалились и перед вами мелькнул бы гаражик. Не делайте глупостей: на дворе сырой февраль 1942 года.

День.

В комнате Обертынский *и* Умар Алиев. *Чтобы компенсировать некоторую хаотичность в построении действия, я предложу вашему вниманию в абсолютно точных классических формах внешнее и внутреннее описание многих людей — и начну с двух негодяев.*

Обертынский — щеголь. У него аппетит к одежде, но нет дарования ее носить, так что и пиджак и брюки его висят на нем, словно они из резины; хорошо сшитые ботинки обличают не вкус их обладателя, а то, что продававший их сильно нуждался. В руке он держит поношенные лайковые перчатки, которыми он время от времени касается белокурых своих усиков. Он — нахал. У него нередкое качество, нравящееся многим: он способен создать вокруг своего имени и своих поступков такой грохот, будто он ведет артиллерию на параде. Но стоит его слегка встряхнуть и, даже не проходя по нему гусиным шагом, как по учебному плацу,— Обертынский, вместо грохота артиллерии, внезапно станет издавать тихое звякание больничных склянок, и это вовсе не оттого, что ему больно, а оттого, что он трус.

Умар Алиев, мало походит на своего патрона. Бывают экстракты из сочинений,— так и Умар Алиев представляет из себя выдержку из всех подлецов и проходимцев; удивляешься только, почему он так экстерриториален, разве потому, что для него еще не изготовлено достаточное количество взрывчатого вещества, ибо собой он громаден, жилист и кажется, что суставы у него из железа. Да и голос у него соответственный: когда он говорит, голос у него вздрагивает из уважения к самому себе. Но когда он слушает других, у него привычка, свойственная многим: лицо делается таким, словно бы он пьет уксус. Сказав фразу, он судорожно сжимает челюсти, и людям чудится, что он словно бы прячет нож в рот. На нем темный, как теперь носят, халат; из-под халата видна широкая волосатая грудь; на ногах валенки, обитые рыжей резиной, отчего кажется, что снизу он уже превращается в медный памятник; чалма из обрывка купальной простыни. Трусом его никто не назовет.

Умар Алиев. Замыслы твои, Захар, правильные. Но исполнение из-за отсутствия знания местных условий...

Обертынский. Украл удачно, вот тебе и все условия.

Умар Алиев. Тоже правильно. Но доставлять краденое в надлежащее место надо всегда согласно местным условиям.

Обертынский. В чем же я их не уловил. Плохо придумано, когда наше краденое тетушка Щелкан спрячет в вещи сотрудников треста и увезет в Самарканд? Уж там-то мы их загоним.

Умар Алиев. Правильно придумано. Но ты, Захар, не учел психологию этой пожилой женщины.

Обертынский. Какая у ней психология? Она глупа, как брюква. Попробуй убедить ее, что эта печка в плодородном такшентском климате способна вырасти в паровое отопление. Она усомнится? Никогда! Она только спросит: «И без поливки?»

Умар Алиев. Тем не менее она женщина с характером. Мужа — кассира — заставила, как дворняжку, стеречь гараж с барахлом. Он без ее разрешения не осмелится вставить ключ в гараж. Она порядочная женщина. Она будет соблюдать нашу тайну, если ей внушить, что наше предприятие честное. Ее даже деньгами не надо заинтересовывать. Ей нужно что-нибудь возвышенное...

Обертынский. Возвышенное отпустить легче, чем обед.

Умар Алиев. Не слишком возвышенное, а что-нибудь... про детей, что ли. Поговори с нею, Захар. Операция крупная, я так рассчитал — тысяч на двести. Необходима максимальная осторожность. Пойду выгружу ящики в гараж и вернусь. *(Ушел.)*

Обертынский. Про детей? Трудновато холостому человеку про детей. Позвольте, но ведь у нее есть же дочь?! Правда, ей двадцать с хвостиком, но в глазах матери она все еще сосунок.

Входит Ада Львовна, жена кассира Щелкана, достойная, дородная, важная женщина с неважным резким голосом.

(Мрачно.) Ада Львовна! Вам знаком советский уголовный кодекс?

Ада Львовна. Нет, голубчик. Я если книги и читала, так насчет домашнего сада.

Обертынский. Следовательно, вам незнакомо наказание за воровскую и обманную доставку частных грузов по железной дороге?

Ада Львовна *(беспечно)*. Нет, голубчик, нет, Захар Ильич.

Обертынский. Пятнадцать лет.

Ада Львовна. Бедняги. Ведь случаются судебные ошибки.

Обертынский. В отношении вашей дочери Елены не случится судебной ошибки?

Ада Львовна *(испуганно)*. В отношении?.. Да что вы, Захар Ильич! Откуда?

Обертынский *(грозно)*. Позволила ли себе ваша дочь, Елена, обратиться к своим поклонникам с преступной загадкой, на мотив соревнования? Кто, дескать, больше меня любит, тот и

доставит имущество наших сотрудников в Самарканд? Было так?

Ада Львовна. Голубчик! Почему же это преступно?

Обертынский. А потому преступно, что обезумевшие от страсти поклонники попрут все человеческие и божеские законы, но выполнят свою задачу.

Ада Львовна. И слава богу! Ведь эти все неприятности от моего кассира. Пришел эшелон в Ташкент. Стали выгружать имущество сотрудников, а вы, говорят, сидите пока в вагонах. Что ж сидеть, как галкам? Пошли мы с Леной молока достать к чаю. А в это время — распоряжение: «Выехать немедленно всему эшелону треста в Самарканд». А имущество? Кого бы оставить? Ну, раз жена и дочь у него на базар ушли, а он к тому же тихий,— оставить кассира Щелкана! Вернулись — эшелона нет, а мой кассир сидит у вещей. Теперь бы отправить вещи сотрудников, а сами мы как-нибудь доберемся.

Обертынский. Багаж на вокзале не принимают?

Ада Львовна. Не принимают.

Обертынский. Следовательно, вы понимаете весь преступный замысел вашей дочери?

Ада Львовна. Не понимаю, голубчик. Ведь вещи-то не наши, а сотрудников! Какое же это преступление чужие вещи отправлять?

Обертынский. Тьфу! Отправлять не преступление, когда это запрещено? Да, может быть, не понимаете, что такое пятнадцать лет? Эти пятнадцать лет тюрьмы получит ваша дочь.

Ада Львовна. Леночка? Да бог с вами, Захар Ильич!

Обертынский. Со мною не бог, а со мною закон. Вот что, Ада Львовна! Ваши глаза напоминают мне очи моей любимой матери. Я вам помогу. Мне самому надо отправить кое-что из тех вещей, которые вы разрешили поставить в ваш гараж.

Ада Львовна. Вот и прекрасно, голубчик. Что же это за вещи?

Обертынский. Мануфактура и обувь для детей. Бедные, несчастные дети. Кто больше их страдает от ужасных условий войны? Чей голос не задрожит, чья рука осмелится не помочь им, чье черствое сердце?!.. Словом, Ада Львовна, надо впаковать мануфактуру и кожу в вещи ваших сотрудников, и пускай едут в Самарканд к детям.

Ада Львовна *(утирая слезы)*. Милые детки, несчастные крошки...

Обертынский. В получении, спешном, мануфактуры заинтересовано начальство. Ада Львовна, вы знаете, что такое начальство?

Ада Львовна. Еще бы. Мой муж служит в тресте кассиром. Он всему начальству жалованье выплачивает.

Обертынский. Ваше трестовское начальство перед моим начальством все равно что судак в томате перед разварной стерлядью. Мое начальство высшее, которое никого, кроме своей жены, не боится. Понятно?

Ада Львовна. Как же непонятно. Мой муж небольшое начальство, но тоже меня боится.

Обертынский. А если, допустим, ваш муж обещает вам прислать для детдомов, над которыми вы, допустим, шефствуете, мануфактуру и кожу, но не пришлет?

Ада Львовна. Посмотрела бы я, как он не пришлет.

Обертынский. Вот тут-то и хранится спасение вашей дочери.

Ада Львовна. Да как же так, голубчик?

Обертынский *(вытирая потный лоб)*. У-ух!.. Поймите! Мануфактуру и кожу посылаем в ваших вещах. Естественно, что, заинтересованное в получении кожи и мануфактуры, высшее начальство не очень обратит внимание на неправильную додоставку груза, тем более что он уже доставлен. Ясно? Ну?!

Ада Львовна. А это не противозаконно, Захар Ильич?

Обертынский. Зачем же я, заведующий столовой для лиц интеллектуального труда, буду унижать свой интеллект, занимаясь противозаконными поступками, даже в интересах детей? Только, пожалуйста, храните тайну. Мужу — ни-ни. Дочери тем более.

Входит Умар Алиев.

Знакомы? Это Умар Алиев, начальник транспортного отдела консервного завода.

Ада Львовна. Проходите, Умар Алиич.

Умар Алиев. Я знаю, когда надо заходить, когда надо стоять на пороге. Я тоже европейское образование получил.

Ада Львовна. Вот как? Где же вы учились?

Умар Алиев. Два раза по полтора года в тюрьме сидел. *(Хохочет.)*

Обертынский *(Аде Львовне)*. Оклеветали его. Вот он теперь и шутит беспрерывно над людской несправедливостью.

Умар Алиев. Бабушка, у ворот такая красивая девушка подошла с персидской книжкой. Твоя дочь?

Ада Львовна. Да. Лена от нечего делать персидский язык стала изучать.

Обертынский. Здесь больше пригоден адский, чем персидский.

Умар Алиев. Саади на персидском языке совершенно по-адски сказал: «Никакому другу не отдавай души. Никакой стране не

отдавай души. Ведь земля и море обширны, а людей очень много». Это как бы обо мне сказал.

Мимо него с книжкой в руке проходит Лена, дочь Щелкана.

Саади изучай день и ночь, как свою душу. Верно, девушка?

Лена. Саади, так же как и свою душу, изучать трудно. В особенности в подлиннике.

Умар Алиев. А что легко? Человека, верно, убить легко, но не всякому интересно.

Обертынский. Умар, пойдем.

Лена. Почему же? Он только что начал о вас говорить.

Обертынский. В каком смысле?

Лена. В таком, что человека убить легко, а скотину трудно не только убить, но и отвадить от дома.

Ада Львовна. Лена!

Умар Алиев. Не мешай, бабушка. Умных людей опасно прерывать.

Обертынский. Не запугивайте меня, Елена Яковлевна. Я прекрасно вижу все ваши слабые стороны...

Лена. Если б видели, так давно б толкнули меня в грязь.

Обертынский. ...и, учтя все ваши слабые стороны, сделаю так, что вы мне еще в ножки поклонитесь.

Лена. Да, поклонюсь, чтобы дернуть вас за эти ножки, авось упадете.

Ада Львовна. Лена! Что ты говоришь?

Лена. К сожалению, только правду, мама.

Умар Алиев. Умная девушка. Жалко сына нет, посватал бы. *(Хохочет. Обертынскому.)* Побили? Ха-ха. Пойдем, Захар. До свиданья, бабушка! До свиданья, девушка! Очень приятно было познакомиться. На другой раз приду — кагор принесу, изюм принесу, фазан принесу. Умных людей уважаю.

Умар Алиев и Обертынский ушли.

Ада Львовна. Такой приятный, такой обязательный человек, так о тебе только что позаботился.

Лена. В чем это он обо мне позаботился?

Ада Львовна *(спохватившись)*. Да так... на словах. Он достойный человек, влиятельный, принципиальный. Перед ним все жены академиков заискивают...

Лена. Они не перед ним заискивают, а перед котлом, в котором он щи варит.

Ада Львовна. И этот, Умар Алиич,— тоже достойный человек, сильно, видно, исстрадавшийся.

Лена. Все исстрадались, а только твоя дочка тверда и точна, как учебник. Верно, мамочка? *(Обнимает ее.)* Миленькая моя, заботливая мамочка. Ну какие у тебя могут быть дела с Обертынским?

Ада Львовна. Вот бы ты поготовила обеды, да если б у тебя всей наличности было триста рублей, тогда бы ты поняла, какие могут быть дела с заведующим столовой. Сейчас обед принесу. Прибери со стола. Ключ от гаража они оставили?

Лена. А зачем им был нужен ключ от гаража?

Ада Львовна. Ну, они мне... помогали вещи сотрудников переставить, дров достать. *(Кладет ключ в карман и уходит.)*

Лена садится к столу и раскрывает учебник. Сейчас войдет ее отец, возвращающийся после сбирания долгов и с базара. Но прежде чем рассказать об ее отце, мы коснемся слегка дочери, конечно, настолько, насколько она позволит это. Лена училась в Московском университете, но недоучилась. Случается, что юность думает, будто она знает больше, чем старость, опыт и труд. Она стала презирать профессоров. Она вернулась в Тулу. Здесь она поняла, что ошиблась,— и не нашла ничего лучшего, как поступить в трест, где работал ее отец. Она несколько озлобилась, но не на себя, а, как это часто случается, на других. Она стала резка. То, что звучит в голосе ее матери, в тысячу раз сильнее воплотилось в мыслях ее дочери.

Сейчас Лена одета в короткую меховую куртку, порядком истершуюся и обнаружившую этим, что некоторое время назад обладатели шкурок, из которых сделана шубка, умели мяукать. Шляпа, в виде кокошника, черная, линялая, сдвинута на затылок, но это не скрывает ее отвратительного качества. На груди ее — вязаное белое жабо, похожее на те салфеточки, которые рачительные хозяйки кладут на диваны, туда, куда, по их мнению, должна прислониться голова гостя. Не подумайте, что у меня такие фривольные мысли и касательно Лены,— пока что только голова кота Васьки касалась ее груди, да и то не на долгое время. Из-под куртки видна голубая юбка... нет, я не буду конфузить барышню описанием ее жалкого наряда. Но с чистым сердцем и откровенной совестью я должен признаться, что, даже несмотря на этот бедный скарб, который она называет туалетом, она все же кажется красивой, а в профиль — совершеннейшей красавицей.

Что в ней красивого? Когда я спрашивал об этом свою жену, которая, как известно, очень строга в смысле выбора красоты и за меня вышла исключительно потому, что встретила редкий случай безобразия,— моя жена сказала — ей нравятся в Лене

ее глаза. Я вгляделся. Да, моя жена права. Глаза у Лены такие пронзительные, что вам кажется, будто она знает все ваши недостатки, а в недостатках своих люди не так-то часто сознаются. Ее боятся. В тресте, как уже сообщалось, она — секретарь председателя, но все же местком и еще кое-кто собирались уволить ее раза три, но, вспомнив ее глаза, оставляли. Я глубоко убежден, что предтреста, там в Самарканде, потому-то и не вызывает ее, и даже потому-то и оставил всю семью Щелкана в Ташкенте, что боится ее языка и ее насмешливого взгляда.

Говорят, будто бы на кондитерских фабриках рабочие не могут есть конфет, так как они им приелись. Они даже работают с закрытыми глазами и с ноздрями, из которых торчит вата. Не знаю, правда ли это, но я как автор, работающий среди писателей, которые в известном смысле могут быть приравнены к конфетам, в особенности это относится к поэтам, я могу сказать, что книги их я правда не все, но читаю. Извините за болтовню, я, в сущности, вовсе пишу пьесу не о себе, а о Лене и ее отце и я хочу этими строками сказать, что замечание о конфетах может относиться и к Лене. Ей так много раз предлагали любовь, расписывали ее так слащаво, завертывали ее в такие обертки, что Лена не может слышать о любви. Что ей тогда хочется? — спросит удивленный читатель. И я отвечу: она так красива, что любой самый отвратительный педант разрешит ей не говорить нам сейчас, что ей хочется, в смысле любви, конечно. Дело в том, что все мы ревнивы, а педанты в особенности, и мы рады, когда красивая девушка не выходит замуж. В глубине души мы надеемся, что она полюбит нас. Приятная вещь надежда. Я с ней никогда не расстаюсь. Но дверь уже давно раскрыта и давно уже Яков Никитич *ходит смущенно по комнате, держа в руках ковер. Яков Никитич — отец Лены. Мне, пожалуй, надо было бы описать его, но неприятность состоит в том, что природа не особенно тщательно выбирала для него части его тела, и после того, как я описал красавицу, мне не хочется смотреть на ее отца. Он мал ростом, скуден волосами и голосом, походка у него шириной с хлебный злак, не с растение, это было бы еще туда-сюда, а с зерно или, в лучшем случае, с десяток зерен, положенных рядом. От привычки считать деньги он время от времени проводит большим пальцем (руки, конечно, а не ноги) по остальным пальцам (тоже, конечно, руки.) У него усы великолепного рыжего цвета, но и тут природа поморщилась: один ус у него смотрит кверху, а другой зачем-то лезет в рот, где и без того мало места. Невзрачен мой Яков Никитич! Иной даже скажет,— напрасно вы, дорогой и блестящий мой автор, тратите на него*

всю энергию и талант. И мне хочется ответить такому негодяю: вглядись, раскрой свои свиные глазки и подними ослиные свои уши! А, впрочем, мне наплевать на тебя, не вглядывайся. Настоящие люди разглядят за этой невзрачной внешностью ту неприметную материю, которая держит и создает рисунок вашего костюма, то, что в портняжном мастерстве и в оружии называется прикладом. Без приклада не выстрелишь; без приклада костюм не согреет тебя. Приклад необходим нам и в битве и дома... вот почему я люблю моего Якова Никитича Щелкана.

Лена *(учит вслух)*. «Надо строго различать будущее время и выражение «я хочу». Например, «михахам бегуйам» — я хочу сказать...». *(Отцу.)* Пиво пил?

Яков Никитич. Пил. Две кружки.

Лена. Врешь! По запаху слышу — три.

Яков Никитич. Это новый сорт пива — от двух кружек пахнет как от десятка, а действие — как будто и не выпил.

Лена. Долг получил?

Яков Никитич. Семьдесят пять рублей.

Лена. И все пропил?

Яков Никитич. Зачем пропивать? Я купил ковер. Шестьдесят рублей дал. Мы закроем теперь дыру в углу.

Лена. Мама велела тебе купить циновку за десять рублей и остальные деньги принести домой. Сколько у тебя, папашенька осталось?

Яков Никитич. Ничего.

Лена *(встает)*. Ну, я пойду к Любе. Мне не нравится, когда моего родителя бьют по щекам.

Яков Никитич. Когда меня били по щекам?

Лена. Ну, не били, так побьют.

Яков Никитич *(с отчаянием)*. Понимаешь, Леночка, идет узбек, такой величественный старец, шейх...

Лена. Вы и направились с этим шейхом в пивную?

Щелкан. Для молодости ты слишком однообразно думаешь, Лена. Шейх несет ковер. Вот, ты говоришь — пиво. Да, пиво. А что мне делать, если мне нет места в жизни. Я не только не кассирствую, что мне сейчас тоже мало бы понравилось, но я вообще ничего не делаю.

Лена. Ты стережешь гараж.

Щелкан. В такое-то время человеку со средним образованием стеречь какие-то пустые шкафы, сундучишки?.. Подходит ко мне шейх. В руках — ковер. «Купи, говорит, «Розу Азии». Вот эту...

Лена. Она заметно осыпалась *(смеясь)*, отец! У нас триста наличными, а ты пропил семьдесят пять, а затем принес с помойки какие-то отрепья. Отец! Твой поступок безнравственен.

Ада Львовна *(входит. Она взглянула на ковер, на Щелкана, и лицо ее побагровело)*. Яков. Ты получил деньги? *(Молчание.)* Где же деньги?

Щелкан. Понимаешь, иду по Алайскому рынку...

Ада Львовна. Я тебе приказала, Яков, купить циновку, чтобы закрыть эту отвратительную дыру, из которой скоро полезут скорпионы. Где циновка?

Щелкан *(показывая ковер)*. Вот.

Ада Львовна. На таких циновках и навоз не выносят!

Лена. Метко сказано.

Ада Львовна. Отвратительно видеть! Дочь паясничает с утра до вечера, а отец — дурак круглые сутки. Господи, когда наконец я от вас избавлюсь? *(Выбегает.)*

Щелкан. Лена, ты жестока с матерью.

Лена. Будь бы я с ней мягка, она испытала бы на тебе жесткость своих кулаков. А на психологии детей, отец, плохо отражаются драки родителей. Я своего мужа буду бить в лесу хворостиной, чтоб деревенские мальчишки не портились от дурного примера. Кстати о примере, отец. Я, кажется, плохо пошутила. И почтенный инженер Дежин и молодой ученый Заид Иргашев всерьез приняли мою шутку о соревновании на вывоз имущества сотрудников. Ну что ж, вернемся к науке? *(Раскрывает учебник.)* Знаешь, папа. По аналогии с арабскими заимствованиями есть немало случаев, когда чисто персидское слово образует множественное число по одному из арабских типов изменения гласных внутри слова. Правда, интересно?

Щелкан *(сухо)*. Очень. *(Заглядывая в учебник через ее плечо.)* «Михахам бегуйам». Что это значит?

Лена. Это значит: «я хочу сказать». Но дело в том, что от тебя пахнет пивом. Пиво приятно пить, но не нюхать из чужого рта.

Щелкан *(отходит.)* Да-а... Вот, скажем, жил я в Туле. Сидел я в застекленной будке, и подходили ко мне люди. Кому я выдавал двадцать, кому двести, а кому и две тысячи. И я понимал их! Понимать людей, между прочим, очень приятно. Я понимал — этот несет жене, этот истратит на костюм, а этот пропьет. Пожалуйста! Что такое счастье? Исполнение желаний.

Лена. Исполни мое желание — говори тише.

Щелкан. Какие ж у меня желания? Немножко работы, немножко

рыбной ловли, немножко вкусной пищи, немного выпить, чтобы обменяться ценными мыслями с друзьями,— и еще поменьше таких случаев, при которых мне боязно. Я сознаюсь, что я не витязь в тигровой шкуре. Но что я имею на данный момент? Пиша у меня отвратительная. Вина у меня нет. Все мои собутыльники разбежались черт знает куда. А боязни я испытываю столько, сколько не испытывали все мои предки, начиная от каменноугольного периода.

Лена. Тогда людей не было.

Щелкан. Не было? Этак, пожалуй, через десять тысяч лет скажут, что и нашего периода не было. А откуда столько костей?

Лена. Папа! Я тебя прошу, потише. Любуйся на свой ковер.

Щелкан *(подходит к ковру)*. Конечно, это чепуха, что передо мной «Роза Азии», которая, мол, приносит счастье. Откуда ко мне счастье? Не та цитата мною вынута. Ведь попади ковер к какому-нибудь персу, скажем Ахмету... Лена, есть у персов имя Ахмет.

Лена. Да, есть.

Щелкан. Держит Ахмет ковер. Вы думаете, для него это простой ковер, за приобретение которого вас бьют по морде? Нет! На востоке особая форма счастья. Если в Европе и Америке счастье — деньги, то похоже, что на Востоке счастье — чудо. Вот берет Ахмет ковер и, не сомневаясь в чуде, говорит ему: «Михахам бегуйам, поднимись!»

И тут-то случилось необычное. Ковер, лежавший возле темного пятна в углу, вдруг выпрямился, качнулся и как раз настолько, насколько указывал ему Яков Никитич, поднялся в воздух. Яков Никитич страшно перепугался, замахал руками.

Да ты что, с ума сошел?! Опустись, михахам бегуйам!

Ковер послушно опустился. Яков Никитич вытер холодный лоб и, совершенно потрясенный необычайным происшествием, сел на ковер. Он робко взглянул на дочь. Дочь, отложив книгу, внимательно смотрит на него.

Лена. Папа! Что ты там проделывал с ковром?

Щелкан. Ничего. Я хотел его выхлопать.

Ада Львовна *(входит. Она ставит на стол миску, бросает ложки. Лене сердито)*. Ты что ж, посуду не можешь поставить?

Лена. Мама, способен ковер без поддержкди висеть в воздухе?

Ада Львовна. Отстань! В воздухе висит не ковер, а наши деньги.

Лена. Мама, посмотри, у отца странное лицо.

А д а Л ь в о в н а. Пьет всякую гадость, а потом — странное лицо. Я удивляюсь еще, как оно вообще уцелело. Садитесь к столу.

Л е н а. Мама! Я сама видела — ковер поднялся в воздух, повисел с минутку и упал. Папа! Висел ковер?

Щ е л к а н *(неохотно)*. Висел.

Л е н а. Почему висел?

Щ е л к а н. А прах его знает, почему он висел. Я ему сказал слова — он и поднялся.

А д а Л ь в о в н а. В первый раз слышу, чтоб ковры пьяными напивались.

Щ е л к а н. Нет, он не пьян, черт возьми! И я не пьян! И я это вам докажу! Ковер, голубчик! Поднимись наравне с моей грудью! Михахам бегуйам, поднимись!

Ковер поднялся.

Видишь?!

А д а Л ь в о в н а. И неужели с таких дурацких слов он поднялся? *(Осматривая ковер.)* Пружина, наверное, какая-нибудь в полу.

Щ е л к а н. Пол глиняный. Я уже проверял. Опустить?

А д а Л ь в о в н а. Подожди.

Л е н а. Мама но, ведь это совершенно неисследованное явление, возможно, ему вредно висеть в воздухе.

А д а Л ь в о в н а. Семьдесят пять рублей бросили, будто кошке под хвост, а теперь — неисследованное явление. Это наш ковер или нет? *(Осматривает его еще раз.)* Да. Значит, какие-то неизвестные вибрации соединились и произошло такое...

Щ е л к а н. Что соединилось?

А д а Л ь в о в н а. Вибрации, дурак. А, по-твоему, что?

Щ е л к а н. Вибрации так вибрации. Даже как-то спокойнее, если вибрации.

Л е н а. Папа, ковер поднялся по словам, которые ты прочел в моем учебнике.

А д а Л ь в о в н а. Где они?

Л е н а. Вот эти.

Ада Львовна берет учебник.

Не значит ли это, папа, что он поднялся ради меня.

А д а Л ь в о в н а. Скажи пожалуйста, какая красавица! В нее даже ковер влюбился. А кто вас, идиотов, вывез из Тулы под бомбами? Кто из вас перепутал поезда? Кто вас собрал и погрузил! Я! Кто для вас комнатку нашел эту, иначе жили бы в гараже? Кто?

Л е н а. История уже отметила в своих анналах твои подвиги, мама.

А д а Л ь в о в н а. Не знаю, как история, но ковер если и поднялся, так ради меня. *(Подходит к ковру с раскрытым учебником.)*

Где это? Ага. *(Читает по складам.)* Ми-ха-хам бе-гуй-ам, опустись. *(Поднимает глаза из-за учебника.)* Опустился?

Лена. Нет. Он любит, когда ему с выражением читают.

Ада Львовна. Дура! *(Читает снова, но уже быстрей.)* Михахам бегуйам, опустись! Ну?

Лена. Придется мне попробовать. *(Читает торжественно.)* Михахам бегуйам, опустись. *(Резко.)* Ты что же, оглох? Опустись! Михахам бегуйам! *(Бросает учебник и садится к столу.)* Мерзкая тряпка!

Ада Львовна. Значит, это вы получили наследство, поздравляю, товарищ Щелкан!

Щелкан *(сконфуженно)*. Чрезвычайно затруднительная история! Что же я с ним буду делать?

Ада Львовна. В оперу поедешь. Вот что, Яков. Пока есть деньги, надо тебе садиться и ехать в Наманган. Там, говорят, рис — десять рублей кило. Я сейчас мешки приготовлю. *(Роется в узлах.)* Не знаю, какую он скорость развивает, успеешь ли к вечеру вернуться, но в крайнем случае ночуешь у знакомых. У меня есть адрес.

Щелкан *(нерешительно)*. Ада!

Ада Львовна *(недовольная)*. Что еще?

Щелкан. Ада! Не у каждого человека в жизни случается чудо. Но уж если ты получил чудо, так изволь обращаться с ним достойно.

Ада Львовна *(грозно)*. То есть?

Щелкан *(отступая перед ее взором)*. То есть, мне кажется, не надо ехать за рисом. Вернее, я отказываюсь ехать за рисом.

Ада Львовна. Вот как? Ну тогда и готовь сам обед на этом самом ковре, а я не буду! *(Хватает миску, но затем отставив ее, берет опять учебник и, подскочив к ковру, резким голосом кричит.)* Я тебе приказываю, михахам бегуйам, опустись! Яков, почему он не опускается?

Щелкан *(без малейшей насмешки)*. Вибрация, наверно, не та.

Ада Львовна. Убери ты эту гадость! Что она висит?

Щелкан *(покорно)*. Михахам бегуйам, опустись!

Ковер падает на пол. Щелкан подходит к столу и, положив на него руки, стоит, открыв рот. Он думает. Жена, поджав сердито губы, смотрит на него. Дочь притворяется, что читает книгу. Гордость ее уязвлена. Она — самая умная в семье, самая красивая — и фортуна прошла мимо нее.

Ада Львовна. Любопытно, какие же твои планы, Яков, относительно ковра?

Щелкан. Я предполагал завесить им дыру в углу, но теперь, пожалуй, неудобно.

Лена. Почему же? Роскошь в том и заключается, что едят на золоте, а чудом завешивают дыру, откуда неприятно пахнет. Мы всегда жили роскошно!

Ада Львовна. А что ты думаешь, Яков, относительно Тулы?

Щелкан. Тулы?! Я как-то в последнее время о ней мало думал.

Лена. Сегодня перед уходом на базар ты говорил: «Как-то наши поживают в Туле?»

Щелкан. Это, собственно, не думы, а так, привычка.

Лена. Полезные привычки надо закреплять. Мама права.

Ада Львовна. В чем это я права?

Лена. В том, что папе полезно и даже необходимо слетать к нашим родным в Тулу.

Щелкан. В Тулу?! У тебя, Лена, появляются иногда удивительно несерьезные мысли. Если ты не будешь останавливать себя, ты плохо кончишь. В Тулу? А как я туда найду дорогу?

Лена. Зачем же тебе искать дорогу? Если ковер сам поднимается на любую указанную тобой высоту, то, несомненно, он-то уж найдет дорогу к Туле.

Щелкан. Я и на самолете-то не летал, а тут — на ковре. А если он лопнет вдруг... Парашюта у меня нет. В Тулу я не полечу. *(Взволнованно ходит по комнате.)* Хотя, конечно... хотелось бы повидать брата Ивана. Он способен дать совершенно необходимые сейчас советы... Знаешь, Ада. Решено. Я полечу!

Лена. Ты? Ты полетишь, папа?!

Щелкан. А почему же мне не полететь? Ведь, в конце концов, летают же летчики моего возраста? А здесь даже есть преимущество перед самолетом: мотор не гудит, бензина не надо, летишь без ориентира, устал — ложись и спи. Ада, давай шубу, валенки. Лена, где бельевая веревка?

Ада Львовна. Зачем тебе бельевая веревка? Зачем тебе она?

Щелкан *(рассматривая ковер)*. Перевяжу его крест-накрест. Иначе, если разовью большую скорость, за что мне держаться? Часто мелкие предосторожности спасают жизнь.

Тем временем Ада Львовна и Лена достали необходимые ему вещи. Он надел шубу, завязал шапку, поцеловал их, взял ковер и вышел на улицу. Они бросились к окну.

Лена. Я уверена, что он полетит.

Ада Львовна. Он и во сне-то не осмеливался летать, а тут?

Лена. Ну, смотри. Встал на ковер. Бормочет...

Ада Львовна. Господи! Поднялся!

Лена. Летит! Летит!

А д а Л ь в о в н а *(кричит в форточку)*. Яков, осторожней, не задень за верхушки тополей!

Голос очень издалека: «О-о-о-о...»

Л е н а. Что это он?

А д а Л ь в о в н а. Он говорит: хорошо.

Л е н а. Мне придется пересмотреть свое мнение о папе.

А д а Л ь в о в н а. Не мешало бы и о маме. Я ведь теперь у тебя одна, деточка моя.

Л е н а. Одна ли?

А д а Л ь в о в н а. Что это значит, Лена?!

Л е н а. А то, что ты кокетлива, мама, и папа был прав, когда не особенно доверял тебе.

А д а Л ь в о в н а. Разве он когда-нибудь признавался?

Л е н а. Не признавался, но умный человек может понять чувство другого с одного взгляда. Я убеждена, что не пройдет и недели с его гибели, как ты выйдешь за другого.

А д а Л ь в о в н а. Леночка! Что ты говоришь! Я его так люблю. Я так дорожила каждым его словом, каждым его поступком, спускала ему все, все... *(Всхлипывает.)*

Входит совершенно обледеневший Щ е л к а н. С него сыплется снег. Он подбегает к печурке, вытягивает руки и, мыча что-то неразборчивое, показывает дочери на ноги. Лена подает ему стул. Он садится, и, продолжая мычать, мотает ногами. Лена стаскивает с него валенки.

А д а Л ь в о в н а. Явился! Я так и знала. Откуда?

Л е н а. Мама, перестань! Что ты не видишь, он ноги отморозил.

Щ е л к а н *(заплетающимся голосом)*. Во-одки!..

Ада Львовна достает из чемодана небольшую бутылочку. Она наливает в чашечку глоток. Щелкан жадно следит за ее движениями.

Л е н а. Мама, налей побольше, надо ноги растереть.

Щ е л к а н. Да, да, обязательно ноги! Я по неопытности километров на десять маханул. *(Берет у дочери чашку и пьет.)* Жар идет не от пор во внутренность, а от внутренности к порам. Поэтому чем растирать, лучше выпить.

А д а Л ь в о в н а. Струсил? А я-то ждала, что ты из Тулы догадаешься нашу керосинку захватить.

Щ е л к а н. Попытаюсь.

А д а Л ь в о в н а. Что — попытаешься?!

Щелкан. Попытаюсь, говорю, захватить керосинку. Я теперь на бреющем полете двинусь.

Ада Львовна поспешно пишет.

Дай-ка мне еще одеяло, Ада. Из Тулы еще чего привезти?

Ада Львовна *(подает записку).* Вот здесь все перечислено. Чемодан пустой возьми. *(Дает чемодан.)*

Щелкан. Давай. Ну пока, друзья мои! Не забудьте вьюшку в печке вовремя закрыть, а то весь жар опять выпустите. *(Ушел.)*

Ада Львовна. Теперь не вернется. Я его знаю. Это упорнейшая личность. Такого человека нужно только направить.

Дверь скрипит. Тихо входит Дежин. Ада Львовна сразу из меланхолического настроения впадает в ярость.

Нет, ты-таки вернулся, скотина?

Поворачивается. Перед ней — смущенный Дежин. Лена хохочет. Василий Кузьмич Дежин у всех, кроме разве Лены, создает впечатление, что такая личность не скоро слиняет. Это, если можно так сказать, человек каменной кладки, так как известно, что дома каменные бывают наиболее солидными. Движения у него медленные, говорит он тихохонько и подолгу останавливается на каждой мысли. Празднословие он презирает. Любит и ненавидит основательно, и только имея веские причины. Лену он полюбил потому, что решил — из нее, несомненно, выйдет верная подруга и хороший помощник в деле. Завоевание Лениной любви он ведет тоже основательно и вдумчиво. «Вы задаете мне загадку,— думает он про себя,— любопытно ее отгадать, чтобы узнать ваш характер. Но в дальнейшем потрудитесь отгадать и мои загадки». Словом, превратить себя в дурака он не позволит.

Собой Василий Кузьмич, как говорится, мужчина в расцвете. Лицо у него как раз такой длины, которая требуется ему по его положению. Выбрит он тщательно. Волосы расчесаны на две красивые пряди, чуть прикрывающие его несколько великоватые уши. Одежда на нем опрятная, белье чистое, так что возле него не расчихаешься. Многие барышни способны расчувствоваться возле него, но его нельзя уличить в слабости: если он сказал, что любит одну Лену, он, значит, любит ее и способен следовать за ней до самой гробовой доски, даже если таковая воспоследует и через двести лет. Здоровьем он славен, но так как многие теперь жалуются, то и он иногда из вежливости говорит, что он страдает от поджелудочной железы: ему кажет-

ся, что в скромной жизни своей он обязан в такое пышное время иметь тоже что-нибудь эффектное.

Д е ж и н. Простите, пожалуйста, Ада Львовна! Извините, Лена, что побеспокоил. Здравствуйте! Я за ключом, Ада Львовна.

А д а Л ь в о в н а. За каким ключом, Василий Кузьмич?

Д е ж и н. За ключом от гаража, Ада Львовна.

А д а Л ь в о в н а *(встревоженно)*. А зачем вам ключ от гаража, Василий Кузьмич?

Д е ж и н. Помните, я обещал Лене отправить имущество ваших сотрудников в Самарканд. Есть такая возможность.

А д а Л ь в о в н а. На чем же его отправляете?

Д е ж и н. По железной дороге.

А д а Л ь в о в н а. Но ведь багаж не принимают.

Д е ж и н. Я нашел способ.

Л е н а *(смеясь)*. Любопытно, что это за способ?

Д е ж и н. Способ очень скромный.

Л е н а. Однако я хотела бы знать.

Дежин молчит.

Не хотите говорить?

Д е ж и н. В данном способе нет ничего удивительного, Лена.

Л е н а. В нем удивительно то, что в результате вашего способа я должна быть вашей женой.

Д е ж и н *(скромно)*. Это очень приятно.

Л е н а. Я думаю. Но раз приятно, вы и мне должны доставить приятность. Каким способом вы добились того, что наше имущество примут на железную дорогу.

Д е ж и н. Очень простым.

Л е н а. Я это слышала. Но в чем его простота?

Д е ж и н. Простота, Лена,— наиболее необъяснимое качество. В общем, все, все слажено. Я привел подводу. Будем грузить, Ада Львовна.

Л е н а. Нет, не все. Вы погрузите одну треть.

А д а Л ь в о в н а. Лена, что ты говоришь? Как — одну треть?

Л е н а. За мою руку бьются три соперника.

А д а Л ь в о в н а. Два!

Л е н а. Три!

А д а Л ь в о в н а. Кто же третий.

Л е н а. Обертынский.

А д а Л ь в о в н а. Обертынский? Да ты же утверждала, что он ненавидит тебя?

Л е н а. Еще Шекспир, кажется, сказал, что из ненависти вырастает любовь. Последние исследования подтвердили этот факт. Значит, если Василий Кузьмич хочет соревноваться на равных

правах, зачем ему увозить все имущество. А чем же остальные соперники докажут мне свою любовь?

Ада Львовна. Ну мало ли что можно найти? Саксаул заставим колоть.

Лена. Нет. Вы, Василий Кузьмич, берите только треть.

Дежин. Да, пожалуй, так будет справедливее. Разрешите, однако, мне взять бо́льшую треть. Я достал лошадь и мебельную повозку: предмет редкий. Остальные ведь вряд ли...

Лена. У всех должны быть равные части.

Дежин. Прекрасно. Ада Львовна, разрешите ключ.

Ада Львовна *(достает ключ и протягивает было его Дежину, но вдруг вскрикивает)*. Ах, боже мой! Я ведь не уложилась!

Лена. Что тебе там укладывать, мама? Столы и ящики не требуют укладки. Отдай ключ.

Ада Львовна. Это ключ не от гаража.

Лена. Ну как «не от гаража», когда я несколько раз ходила туда за саксаулом именно с этим ключом.

Ада Львовна. У того... другие зубчики...

Дежин. Извините, но нельзя ли примерить?

Ада Львовна. Да зачем и примерять, когда я и так знаю.

Лена. Мама, ты ошибаешься.

Ада Львовна. Лена, мне надоели твои нравоучения. Ты хочешь содрать с меня шкуру.

Лена. Мама, мне кажется, ты сама с себя сдираешь шкуру. Это ключ от гаража.

Ада Львовна. А я говорю — нет!

Лена. Говорить можно все. Но еще древние мудрецы, сопротивляясь демагогии, требовали точных знаний.

Дежин. Если разрешите, Ада Львовна, я выйду на минутку к возчику...

Ада Львовна. Сидите. Сейчас я сама примерю ключ. *(Ушла)*.

Пауза.

Дежин. Заметно потеплело, хотя и февраль. Почки есть на деревьях.

Лена. Да, на людях они реже встречаются.

Дежин. За городом колхозники начали рыть канал. Большое предприятие.

Лена. Да, не чета вашему уменью разговаривать.

Дежин. Меня сняли с цеха и поставили на снабжение.

Лена. А вы себя мозгами не можете снабдить? Хотя бы телячьими за неимением других.

Дежин. Я питаюсь в заводской столовой. На базаре мозги нынче в цене.

Лена. Это и заметно. (*Пауза.*) Дежин.

Дежин. Слушаю вас, Лена.

Лена. Объяснитесь мне немедленно в любви.

Дежин. Я не умею.

Лена. Почему же, когда я предложила молодым людям разрешить современную загадку, именно вы вызвались доставить имущество?

Дежин. Потому что они б ее не решили. Они малопрактичны.

Лена. Следовательно, вы взялись за эту загадку только потому, что вам любопытно ее решить, а не потому, что безумно в меня влюблены?

Дежин молчит.

Дежин, я жду объяснения!

Дежин. Я право... мне думается... знаете, Лена...

Дверь внезапно распахивается. В комнату вбегает Щелкан. *Вслед за ним летит кривое полено саксаула, похожее на бумеранг, но без его проворства. Щелкан прижимается к печке. Еще полено, побольше.*

Лена. Дежин, примите на себя эти удары судьбы!

Дежин. Слушаюсь! (*Встает впереди Щелкана.*)

Ада Львовна (*вбегает, разъяренная*). Я тебе покажу, негодяй, подсматривать за мной.

Щелкан. Адочка, что мне подсматривать? Я зашел взглянуть — почему открыт гараж? А вдруг — воры?

Ада Львовна (*стучит ключом по столу*). Пока здесь, в этой комнате, царит моя честность, никакой вор сюда не попадет. Смотрите на него! Смотрите, добрые люди! Он, мало того, что ковер испортил, глядите, что он с новой шубой сделал?!

Щелкан. Да, действительно... прострелили полу. Только успел за Ташкент податься, как по мне из пулемета... Там, возле Чирчика, из камышей...

Ада Львовна. За такую шубу теперь две тысячи возьмешь, а он ее под пулемет подставил, болван!

Дежин. Простите, не понимаю. Как же это так? Наш самолет, наших же среди бела дня обстреливает?

Щелкан. Опознавательные знаки я не поставил, что ли.

Ада Львовна (*забыв на столе ключ, надевает пальто*). У меня голова разболелась. Лена, поди проводи меня, проветрюсь.

Ушли.

Щелкан и Дежин. Щелкан подходит к столу и смотрит на ключ.

Щелкан. Забыла ключ.

Дежин. Наверное, она оставила, чтобы я мог погрузить имущество.

Щелкан. Забыла! *(С жадностью хватает ключ.)* Мой! Мой! Не отдам! Раньше в нем хранилось имущество сотрудников, а теперь — государственное. Я действительно за ней не подглядывал. Но разглядеть-то я разглядел. Я теперь буду хранить государственное имущество, да-с!

Дежин. Какое государственное имущество, Яков Никитич?

Щелкан. В гаражике хранилось, должно быть, государственное имущество, не попавшее на учет. Когда в спешке выгружали имущество сотрудников — не заметили, а теперь я разглядел. Возможно, что это к вашему заводу даже имеет отношение. Там сбоку на ящиках я как будто видел надпись: «Консервному заводу на улице Лахути».

Дежин. Разрешите взглянуть?

Щелкан. А взгляните. Сейчас я ковер осмотрю и приду.

Щелкан *(один, рассматривая ковер)*. Все края изрешетили. Та-ак! Если он летает, так это, насколько мне известно, относится к законам физики? Значит, для ремонта надо обращаться не к ковровому мастеру, а к профессору физики? Любопытно, берет ли игла? *(Пробует.)* Берет. Вот это уж совсем странно. Что же, значит, он летает вне законов физики? Не верю!

Дежин *(входит)*. Яков Никитич. Товары наши. Мы их должны были сегодня получить. Мануфактура и кожа для прозодежды.

Щелкан. Гараж, стало быть, перепутали. А не воры ли, Василий Кузьмич?

Дежин. Умар Алиев, начальник нашего транспорта,— трезвый и порядочный человек. Правда, анкета говорит, что он сидел в тюрьме, но клевета доказана.

Щелкан. Могли его опием опоить или хлороформом, мало ли что. Ошибка? А, что же, у них поддельный ключ от гаража есть? *(Показывает ключ.)* Такого ключика во всем Ташкенте не подобрать!

Дежин. Но ведь если составить протокол, вторая судимость, Умар Алиев сильно пострадает...

Щелкан. А вы испытайте-ка, воры или нет? Вы возьмите да и скажите, что первая партия пропала бесследно и вы выхлопотали вторую. А эту вторую сейчас погрузите на свою подводу и увезите на склад. Вдруг они решат — дурак у нас заведующий снабжением и хапнут второй раз?!

Дежин. Думаете, в ваш гараж привезут?

Щелкан. В мой ли, в другой ли, проследить нетрудно. Скорей всего в мой — сам Щелкан не смеет открыть двери, дочь-де его смотрит в персидскую книжку, жена-де... *(Вздрогнув.)* Нет, пожалуй, не стоит пытаться, Василий Кузьмич. Не надо...

Дежин. А я разлакомился. Я попытаюсь. Вора всегда приятно поймать, а в теперешнее, военное время — вдесятеро. Пойду ящики грузить.

Щелкан. Что это меня так ожгло. *(Охватив голову руками.)* Куда это меня мысль понесла? Куда это я лечу? В пропасть. Или — к счастью? Или дано мне увидать людей, их горе и подвиги? Или меня уносит от людей? Кто же мне ответит? Кто мне поможет? Кто мне скажет, куда мне лететь на моем ковре?!

Тридцать лет назад, молодым человеком, я проходил Старым Городом. Сегодня я снова вошел в него. Увы! Моя голова седа. Ноги мои,— правда, после болезни — дрожат. И я думал: неужели же все то, что я помню, было только моей молодостью? Где та пестрота, разнообразные крики, звоны, кони и пушистые ослики, такая теснота, что узкая улица казалась трубой того рога изобилия, который видел я в детстве в моей азбуке. Улички мертвы. Тогда они были узки, сейчас — широки, ибо даже мухи не летают по ним. Неужели передо мной зеркало моей жизни? Неужели пора каркнуть ворону над моим трупом, дабы могильщики торопились закопать меня?

И вдруг за стеной послышались голоса. Я увидел ворота. Я взглянул в них.

Вместо разрушенного квартала Старого Города я увидел новое, сверкающее здание лаборатории. Все его многочисленные окна, казалось, говорили приветливо: поздравьте меня,.я творю! И тогда я понял, что именно здесь рождается тот элексир жизни, благодаря которому я буду жить вечно.

Физический институт. Лаборатория профессора О. П. Норберга. Те, кто бывал в лабораториях, знают, что это такое, а те, кто не бывал, сколько им ни описывай, все равно ничего не поймут, так как даже и побывавшие, если расспросить их по совести, признаются, что они тоже ничего не поняли. А как же иначе. Наука есть наука, и если б мы все ее понимали, то, несомненно, все были б научными работниками. Аппараты. Стекло. Металл. Бумага. Карандаши типа «Пионер» и фиолетовые чернила. На заднем плане большие застекленные двери. Видимо, производится какой-то серьезный опыт. Профессор О. П. Нор-

берг, высокий мужчина с низким голосом, отдает приказания, лаборанты отвечают ему почти по-военному. Я завидую и профессору и его лаборантам. Приятно отдавать приказания, а еще приятнее исполнять их, так как знаешь, что создаешь науку или, во всяком случае, ловишь ее. А что представляет из себя моя личность? Я сижу день и ночь за столом, вожу карандашом или пером по бумаге, изредка печатаю на машинке — и приказания отдаю только себе, но всякий знает, как трудно быть лаборантом у самого себя. Вот почему мне никогда не поймать фортуну. Впрочем, однажды совершенно случайно я ее поймал. Но так как я устал от погони и вследствие того сильно раздражился, то я обращался с ней крайне зверски. И правильно делал, если говорить правду. Негодяйка никогда больше не попадалась мне на дороге. Так пусть же она помнит меня!

Профессор Норберг. Направо! Ток!
Лаборант. Есть ток, профессор!
Профессор Норберг. Включите, рубильник, юноша!
Другой лаборант. Уже полчаса, как включен, профессор!
Профессор Норберг. Молчать. Мы хотим познать законы пуэнфуиновых лучей, а не вашу способность к рассуждению.
Второй лаборант. Слушаю, профессор!

Звон в коридоре, словно бы упал и разбился графин. Входит Иргашев. Так как он нам встретится еще позже, там будет больше места, здесь же необходимо скорее рассказать, что за звон в коридоре, а краткую анкету Иргашева мы еще напишем.

Профессор Норберг. Опять что-то разбили, Иргашев?
Иргашев *(гордо)*. Я никогда ничего не разбивал, профессор. Даже свои мысли.
Профессор Норберг *(вспыхнув.)* Вечно противоречите, Иргашев. Что случилось?
Иргашев. Один мой знакомый влетел на ковре на веранду.

Профессор, привыкший к точному выражению своих мыслей, шокирован манерой лаборанта выражаться. Старательно выговаривая слова, профессор этим как бы намекает, что лаборант должен приобрести академическую манеру выражаться, хотя она, может быть, и старомодна. Но нужно помнить — статистика показала,— только ученые со старомодной манерой выражаться сделали все новейшие открытия.

Профессор Норберг. Как — на ковре? Его, по вашему мнению, завернули в ковер и затем им выстрелили? Имея среди своих знакомых людей, которые употребляются как снаряды, вы, дорогой мой Иргашев, далеко не уйдете в науке физики.

Опыт, только опыт, а не частность! Киньте этот снаряд обратно.

Иргашев. Он желает вас видеть.

Профессор Норберг. Сообщите ему, если вы сами это забыли,— я работаю на оборону. Мне тоже хочется дать фашистам по зубам. *(Он смущенно прокашливается, так как выразился совершенно не академически.)* Пусть он мне не мешает.

Входит Щелкан с ковром.

А, это вы! Делайте, гражданин, свое дело, а я буду делать свое.

Щелкан. Я и делаю свое.

Профессор Норберг. Какое же?

Щелкан. Я летаю на ковре.

Профессор Норберг. Летали бы на стуле, это гораздо удобнее.

Щелкан *(показывая на Иргашева)*. Вот он видел, как я прилетел.

Профессор Норберг. Да ведь он же признался, что вы его знакомый. Кто знает, не влюблен ли он в вашу жену или дочь?

Щелкан. Он действительно влюблен в мою дочь. Но тем не менее я действительно летаю на ковре.

Профессор Норберг *(Иргашеву)*. Милый Иргашев. Если все ваши знакомые из сумасшедшего дома, то не лучше ли вам продолжать ваши изыскания в том же помещении?

Щелкан. Чем спорить и раздражать друг друга, разрешите, я вам покажу?

Профессор Норберг. Здесь? Среди ценнейших аппаратов мирового значения вы будете размахивать своим половиком? Извините, но, если вы не покинете лабораторию, я буду вынужден отдать приказание, чтобы вас связали.

Щелкан. Тогда я полетаю в коридоре. Вы можете наблюдать за мной через дверь.

Профессор Норберг. Отлично. Летайте себе на здоровье по коридору.

Щелкан уходит. Лаборант закрывает двери. Профессор, стоя спиной к двери, углубляется в свою работу. Опять благоговейная тишина, изредка прерываемая приказаниями профессора и ответами лаборантов.

— Направо.

— Есть, направо, профессор!

— Включите рубильник, юноша!

— Он включен еще вчера!

— Молчать!

Один из лаборантов поднял невзначай голову и посмотрел в дверь. Мимо двери, скрестив на груди руки, летит медленно Щелкан.

Лаборант *(изумленно)*. Профессор! Он летает!

Профессор Норберг. Кто? Рубильник?

Лаборант. Нет, профессор. Летает тот гражданин с ковром.

Профессор Норберг. Ну что вы все сегодня будто взбесились от неудачных опытов. Повторяю — опыт наш непременно удастся. В науке важнее знаний терпение.

Иргашев *(мрачно)*. Тем не менее он летает.

Профессор Норберг. Ага, вы мне хотите сорвать опыт? Где летает эта дурацкая плюшка с ковром?

Профессор Норберг поворачивается к двери. Как раз в это время мимо двери плавно летит Щелкан. Профессор, забыв всю академическую чопорность, хлопает себя по ляжкам и, повернувшись на каблуке, кричит.

Вот шельма! Он действительно летает!

Свистит бич, конь мчится вдоль круга, акробат на седле выделывает поразительные прыжки.

Ты мог видеть это тысячу раз — и забыл в одно мгновение. Но если однажды, выскочив из камышей тугая, промелькнет мимо тебя кабан, осыпая с клыков рыхлую пену,— ты запомнишь эту встречу на тысячу лет.

Ибо жизнь всюду неожиданна, а ловкость акробата однообразна, и к тому же она зависит от размеров арены.

Артистическая уборная в цирке. Здесь одеваются и принимают посетителей два артиста: укротитель Мясоедов и фокусник Дюкруасси. Стол вдоль одной стены, два больших зеркала. Две двери: одна — в коридор, другая — в репетиционный зал, откуда, время от времени доносится рычание тигров. Хотя в уборной нет перегородки, но заметно, что отношения между артистами посредственные. Вещи одного никак не соприкасаются с вещами другого. Дюкруасси — томный элегантный мужчина, уставший от жизни и от успехов. Он сидит спиной к зеркалу и чистит ногти. Мясоедов, бывший борец, грудастый, толстомордый, багровый, в венгерке и с кобурой на поясе, стоит перед ним, широко расставив ноги. На лице его непередаваемое возмущение. Он возмущен и поведением Дюкруасси, и его видом, и даже его успехами у женщин. Он почти кричит, разго-

варивая с ним. Дюкруасси отвечает бестрепетно и чуть-чуть вкрадчиво, так как он привык прельщать людей именно томной своей вкрадчивостью.

Мясоедов. А я, как председатель месткома, утверждаю, что вы способны выступать три раза в день!

Дюкруасси. Вы не только председатель месткома, но вы и артист. Вы укротитель тигров.

Мясоедов. Легче укротить трех тигров, чем зазнавшегося фокусника. Бабник. Глазированная глупость!

Дюкруасси *(спокойно)*. Голубчик, сегодня два моих опытнейших помощника мобилизованы. С кем мне работать? А вы кричите — три раза!

Мясоедов *(разозленно)*. Слушайте вы, двояковыпуклый дурак. Я вашу фамилию, смотрите, бо́льшими буквами, чем свою, напечатал...

Дюкруасси. Это только справедливо.

Мясоедов. Поймите вы, дупло! Представления — на оборону! Для раненых!

Дюкруасси. Для раненых я согласен. Но на следующий раз...

Служитель *(вбегает)*. Товарищи! Он летает!

Мясоедов. Кто?

Дюкруасси *(томно)*. Ну, поклонники мои. Попросите их, милый Григорий Петрович, сюда. *(Прихорашивается.)*

Служитель. Он на ковре — ко мне. Я — пропуск? А он — над головой и — сюда!

Мясоедов. Григорий Петрович, духобор. Литр или два укротили?

Служитель. Он летает — около уборных. Говорит: «Подавай фокусника».

Дюкруасси. Но вы бы сказали, что я принимаю всех от часу до двух, а *(смотрит на часы)* в данный момент мы имеем половину второго.

Входит с ковром в руках Щелкан.

Мясоедов *(угрюмо отходя от Дюкруасси, Щелкану)*. Вы поскорее, козырь. У нас оборонное собеседование.

Дюкруасси *(с вялой любезностью)*. Чем могу быть полезен, товарищ?

Щелкан. Я хочу перед вами пролететь.

Мясоедов. Если вниз головой, то вот лестница. Не надо колебаться при полезных решениях.

Дюкруасси. Крайне любопытно. На чем же вы летаете?

Щелкан. На ковре. *(Показывает ковер.)*

Мясоедов. Да, на самолетах укачивает, и многие теперь предпочитают ковер.

Щелкан. Оно и видно, что вы работаете у ковра.

Дюкруасси *(одобряюще)*. Премировано. *(Щелкану.)* Так значит, вы летаете. Как ваша фамилия?

Щелкан. Яков Никитич Щелкан.

Дюкруасси *(показывая на дверь)*. Если вас не затруднит, пройдите в наш репетиционный зал. Там, правда, тигры, но вас ведь они не испугают. Раз вы летаете, вы будете летать у них над головами.

Щелкан. Да, я могу летать над их головами. *(Уходит.)*

Мясоедов. Зачем вы этот клистир впустили в репетиционный зал?

Дюкруасси. Некоторые поклонники впадают в буйство или в истерику. Тогда мы его запрем там на ключ, пока не отдышится. Клетки ваши на замке?

Мясоедов. Да. Табачку у вас нет ли?

Дюкруасси *(нежно)*. Самосад. *(Не поворачиваясь к дверям.)* Так, так, Щелкан, вижу! Превосходно. Продолжайте.

Мясоедов. Дюкруасси, вы должны посещать профсоюзные собрания. А то вы все с бабами и я слышу нарекания... *(Беспокойно.)* Что он там делает? *(Подходит к дверям, смотрит. Повернувшись к Дюкруасси в крайнем изумлении.)* Дюкруасси! Этот куцый действительно летает.

Дюкруасси, положив руки на колени, недвижно и мечтательно глядит в потолок.

Чем пленителен лавр? Чем сладок ладан преклонений? Перед кем расступается толпа?

Кого ненавидят унылые сообщники? Против кого они направляют отраву, кинжал, пулю и клевету?

Про кого они говорят, что он преждевременен? Над кем они смеются, что тридцати лет он считает себя столетним по мудрости, а прожив сто, он думает, что жил десять тысяч? Про того, кто не боится своей силы.

Сила человека сопредельна любой его мечте.

Сила человека оправдывает всякое преувеличение и всякий его порыв.

И только дерзающий всегда услышит топот приближающегося счастья!

Большие тесовые ворота гаража господствуют над двориком. Но не стоит обольщаться: гараж плохо натурализовался здесь. Глядя на него, я всегда вспоминаю разговор с одним светским человеком. Лет пятнадцать назад я впервые собирался в Европу. Я был так упоен и так гордился шестью вышедшими своими сочинениями, что мне казалось — европейцы всех сословий и всех состояний наперерыв будут приглашать меня к себе. Не подумайте, что я ждал даровых обедов. Просто им захочется, думал я, чтоб я своим великим пером описал их жизнь и самочувствие. Ну и ясно — придут ко мне высокопоставленные лица... нельзя ж конфузить и себя и свою республику отсутствием хорошего тона! Поколебавшись слегка, я отправился за советом о хорошем тоне к некому бывшему министру царского правительства. К сожалению, министр уже несколько лет выжил из ума и смог вспомнить только один совет, который, кстати сказать, по отношению ко мне он не применил. Он сказал: «Когда к вам придет плохо одетый посетитель, вы должны немедленно переодеться соответственно его виду».

Должно быть, гараж посещало такое количество плохо одетых посетителей, что у него закружилась голова от переодеваний. Он покосился. На глинобитной крыше валяются кое-где черепицы, а кое-где камыш, а кое-где зелененькая травка. Стены и ворота его выпачканы теми уличными изречениями, которые никакие краски и никакие ухищрения человеческой изобретательности не могут стереть.

На дворе теплый и солнечный день. Солнце, не говоря о гаражишке, пытается украсить светом и терраску, примыкающую к гаражу. Если гараж, как мы уже говорили,— известная бодрая нота в увертюре к Старому Городу, то терраса, примыкающая к комнатке, где живет кассир Щелкан,— совершенно обратное. Эти дьявольские, истрескавшиеся, изгнившие доски сложены с таким злорадством и издевательством над вами, что, едва вы успели вступить на террасу, они вас или защемят, или провалят. Окно в комнату Щелкана открыто. Комната проветривается. Лишнее подтверждение моего, только что высказанного определения человеческого дерзания, которое беспредельно.

Возле гаража на груде поломанных кирпичей разостлан ковер. Щелкан *сидит на ковре.* Ада Львовна *подходит к воротам гаража.* Лена *стоит подле отца.*

Ада Львовна. Яков, дай ключ от гаража.

Щелкан. Я все время думаю, что такое человек нашего времени? Откуда в нем такое мужество? Почему он способен так трудиться? Так воевать? Так страдать?

Л е н а. О каком человеке ты говоришь, отец?

Щ е л к а н. Вот о том, который ходит вокруг меня, мимо меня, в этом городе да и в других городах.

А д а Л ь в о в н а *(жалобно)*. Яков, мне нужен ключ.

Щ е л к а н *(не обращая на нее внимания)*. Я не опишу того, как он трудится или как воюет. Я беден словом, чтобы высказать это. Но я знаю о том, как он страдает, с каким поразительным мужеством. За эти страдания не полюбить его? Не желать ему помочь? Подняться ввысь от него на волшебном ковре? Оторваться от земли? Улететь? Никогда!!..

Л е н а. Но ковер все-таки у тебя.

Щ е л к а н. Я хотел отдать его науке. А там профессор сказал — феномен, надо создать авторитетную комиссию. Знаю я эти авторитетные комиссии! Я улетел. Хорошо, думаю, может быть, ты не годишься в науке, так позабавишь народ. Прилетаю в цирк... а там!.. *(Махнул рукой.)*

А д а Л ь в о в н а. Яков, Яша!

Щ е л к а н. Тебе что надо, Ада?

А д а Л ь в о в н а. Ключ.

Щ е л к а н. Вот мне было заказано открывать гараж. А я взял да и открыл его. И у меня такое впечатление, что я открыл свою душу.

А д а Л ь в о в н а *(дрогнувшим голосом)*. Открыл?

Щ е л к а н *(пытливо)*. А что, Ада? Ты вроде встревожилась?

А д а Л ь в о в н а. Нет, ничего... *(Идет к террасе.)* Что же, Василий Кузьмич увез имущество?

Щ е л к а н. Увез. Треть. А что? Тебя это тревожит?

А д а Л ь в о в н а. Нет, зачем же... я рада... *(Хочет войти в дом, но останавливается. С напряжением.)* Здесь... приходил какой-то... и спрашивал про ящики... забыли в гараже... бывшие владельцы...

Щ е л к а н. Там нет никаких ящиков.

А д а Л ь в о в н а. Но, может быть, ты все-таки дашь мне ключ, Яков?

Щ е л к а н. Я не дам ключа. Мне некуда складывать железный лом. Думаю приспособить для этого гараж.

А д а Л ь в о в н а *(вспыхнув и с прежней решимостью)*. Яков! Ты от этого идиотского ковра совершенно обалдел. Кассир треста. С минуты на минуту надо ждать вызова в Самарканд, а он поступает в какую-то кустарную мастерскую собирать железный лом!!..

Щ е л к а н. Кустарная мастерская вырабатывает снаряды, а снаряды защищают мою родину.

А д а Л ь в о в н а. Я это понимаю. Но ведь платят-то тебе двести рублей в месяц. А в тресте у тебя оклад и директор как дирек-

тор, а здесь какая-то Любка Чимтик. Не фамилия, а кличка снегиря. Чимтик! Двести рублей. Чимтик! Железный лом!!..

Щелкан. Совершенство человека заключается не в том, что он имеет, а в том, что он собой представляет. Пусть в кассе у тебя сто тысяч, но цена тебе грош.

Ада Львовна. Лучше стоить грош, да иметь сто тысяч, чем иметь грош, да стоить сто тысяч.

Щелкан. Пора тебе, Ада, отвыкнуть от подобных позорных слов. *(Достает из кармана записку.)* Вот, возьмешь эту записку и пойдешь к директору Любе Чимтик. Ты, Лена, поступишь в третий филиал на сверловщицу, а ты, Ада, помощником счетовода...

Ада Львовна. Я — пойду к Любке Чимтик? Я? Никогда! *(Комкает и бросает записку.)* Ни за что!..

Входят Обертынский и Умар Алиев. Увидев кассира, они переглянулись, остановились было, но затем Умар Алиев решительно шагнул вперед.

Умар Алиев. Здравствуйте. Здравствуй, товарищ кассир. Говорят, ты поступил на работу. Разве сегодня выходной?

Щелкан. Размышляют не только по выходным.

Умар Алиев. Совершенно верно. Размышления украшают жизнь человека; как хорошая сбруя лошадь. Ай, здравствуйте, бабушка. А-а, здравствуй, девушка. Кассир, почему ты смотришь на меня так пристально? Ты что, врач?

Щелкан. Подойди ко мне.

Умар Алиев. Что-о?

Щелкан. Подойди ко мне, Умар Алиев.

Лена. Папа, у тебя такой торжественный голос, будто ты лицензию на весь мир получил.

Умар Алиев. Лицензию? Что значит «лицензия»? *(Встревоженно оглядывает всех.)* Он получил новый пост, да? Почему он на меня так отвратительно смотрит? Он переменил прическу? Я его не узнаю. Почему про него в Старом Городе говорят, что он вампир и в Америку на ковре улететь может?

Щелкан *(уверенно и твердо)*. Вы подойдете ко мне, Умар Алиев.

Умар Алиев *(содрогаясь и отступая назад)*. Ты думаешь, я боюсь твоего взгляда удава? Чума ко мне пристанет, так? Холера меня сгрызет, так?

Щелкан. Вы сами себя сгрызете, Умар Алиев, если не подойдете ко мне.

Обертынский. Крайне было б глупо подчиниться такому бессмысленному приказанию.

У м а р А л и е в *(вытирая холодный лоб и понемногу приближаясь к Щелкану).* Конечно, не подчинюсь. Его кустарные мастерские не входят в систему нашего завода. Что ты от меня хочешь, кассир? *(Напряженно смеясь.)* Мне нужно в вашей ведомости в получении склада расписаться? Пожалуйста! Или ты гадаешь по руке?

Щ е л к а н. Подошли? Теперь выдохните на меня.

У м а р А л и е в *(с отчаянием).* Да ты что, душу мою хочешь вытянуть, шайтан? Не буду на тебя дышать. Граждане, он колдун?

Щ е л к а н. Дышите! Грубей, глубже!

Умар Алиев дышит.

Все. Идите.

О б е р т ы н с к и й *(развязно).* И мне дыхнуть?

Щ е л к а н. Вы и без того дышите на ладан.

А д а Л ь в о в н а. Захар Ильич! Умар Алиич! Пожалуйте в дом.

У м а р А л и е в. Пойдем в дом, бабушка. Я на душе плохо себя чувствую.

О б е р т ы н с к и й, У м а р А л и е в и А д а Л ь в о в н а идут в домик. На террасе, где Щелкан их не видит, Обертынский указывает в сторону кассира и многозначительно стучит себя пальцем по лбу. Ада Львовна скорбно разводит руками. Они ушли.

Л е н а. Отец. Ты знаешь, что такое любовь?

Щ е л к а н. Да, узнал.

Л е н а. Не уступишь ли мне частицу своих знаний?

Щ е л к а н. Я уже уступил. *(Указывая на записку, брошенную Адой Львовной.)* Вот она.

Л е н а. Когда наберусь сил, может быть, и подниму. Отец, ты как думаешь, Дежин меня любит?

Щ е л к а н. Ты об этом должна думать, а не я.

Л е н а. Я и думаю. Он же выполнил мою задачу. И мне странно думать, что я пошутила. А вдруг не шутила? Тогда что?

Л е н а медленно уходит в дом. Щелкан садится на ковер, думает, насвистывая старинную песенку: «Пыль клубится по дороге, слышны выстрелы порой — то с набега удалого едут суженцы домой...» Входит З а и д И р г а ш е в. Иргашев — явление исключительное, если рассматривать его вне среды и вне времени. В нашей среде и времени это не более как явление своеобразное. Его история? Колхоз отправил способного узбекского мальчика учиться в Ташкент. Он жил до того в отдаленнейшем кишлаке, и вам понятны будут те трудности в

науке и в жизни, которые ему пришлось преодолеть. Да, тропа к вершинам науки всегда нелегка, а для Иргашева она особенно была тяжка. Все же он добрался пока еще не до вершин, а до перевала, с которого видны вершины. Но здесь он узнал размеры своих сил и еще более, чем прежде, поверил в себя. Тут, на перевале, он встретил Любу Чимтик. Они полюбили друг друга. Но затем, как часто бывает, влюбленные поссорились. Он попытался разлюбить... Вот поэтому-то он стоит сейчас перед Щелканом, вежливо сняв кепку. Когда пройдешь длинный и каменистый путь, редко бывает, что ноги остаются без ссадин и царапин. Иногда мне кажется, что Иргашев вследствие трудного пути и много раз уязвленного самолюбия относится к себе, словно бы он лишен юмора и оттого способен идти по высокой насыпи, тогда как вы идете метров на десять ниже его. Возможно, что я ошибаюсь. Иргашев обладает юмором. Просто из уважения к великому русскому языку он обращается с ним пока чрезмерно осторожно. Обождите. Пройдет от силы пять лет, и он станет ослепительно шутить — и над собой и над вами. И так как мир любит науку и шутку, а, соединенные вместе, они очаровательны, то мы не ошибемся, если предскажем Иргашеву блестящую карьеру. Как он одет? Он одет плохо. К счастью, это его мало интересует. Попробуйте перешить костюм Лены на мужской, и вы будете обладателем того одеяния, в котором ходит молодой ученый. Он не презирает хороший костюм, а просто его насущный хлеб не стал еще той сущностью, которая, в сущности, и осуществляет возможность молодому человеку прилично одеться. Его фигура, лицо, походка, голос? Он — молод. Он, пожалуй, мил, и в особенности когда улыбается. У него прекрасные белые зубы. Будь он киноартистом, его зубами любовался бы весь мир. Я советую ему улыбаться почаще. Он возражает. По его мысли, частая улыбка означает подхалима. Для людей, знающих все разновидности жаб и ехидн подхалимажа, мнение молодого ученого только подтверждает истинность этой уже найденной классификации.

Иргашев. Здравствуйте, Щелкан.

Щелкан. Здравствуйте, Иргашев. Вы от института?

Иргашев. Нет, от себя. Как ваша жизнь?

Щелкан. В частных обстоятельствах неудобна, как чурка.

Иргашев. Если найти правильный и моральный и политический подход к самому себе, любую чурку расколете с легкостью.

Щелкан. То-то и пытаетесь так легко расколоть чурку своей любви. Вы, я вижу, привели подводу. Вы хотите увезти вашу треть из этого гаража?

Иргашев. Да. Профессору дали вагон. Он едет на опыты за Самарканд, в горы. Есть возможность увезти имущество ваших сотрудников.

Щелкан. Вам попалась особенно сучковатая чурка, Иргашев.

Иргашев. Почему вы так думаете?

Щелкан. Вы хотите сказать, почему я так знаю. Она мне дочь. Естественно, я думаю, зачем Иргашеву жениться на моей дочери, если он любит другую?

Иргашев. А вы уверены, что я люблю другую? Кого?

Щелкан. Любу Чимтик.

Иргашев *(горячо)*. Да, я ее любил! Она меня обидела. Я полюбил другую. Вашу дочь. Для доказательства я увезу имущество.

Щелкан. Полюбил? А вы проверьте себя.

Иргашев. Каким образом?

Щелкан. Пойдите сейчас в мою комнату. Сядьте. Думайте. Сравнивайте мою дочь с Любой Чимтик. Верьте своему сердцу. А если хотите вдобавок поблагодарить меня за совет, прислушайтесь, не будут ли говорить Умар Алиев и Обертынский о ящиках.

Иргашев. Умар Алиев? Такой высокий, черный транспортник? Обертынский? Знаю. О каких ящиках они могут говорить?

Щелкан. О ворованных ящиках. Про Умара Алиева все говорят — трезвенник, а он сегодня — пьян. Почему? Прошу вас в дом, Заид, а я пойду посмотрю в окрестных переулках: не стоят ли где ящики? Они хотят всунуть их в мой гараж.

Иргашев. Мне ящики непонятны, но, раз просите, сделаю.

Иргашев ушел в дом. Щелкан — на улицу.

Ада Львовна *(выходит и поспешно идет к гаражу)*. Так беспокоюсь, что ключ не в состоянии у мужа отнять. Хоть в щелку посмотреть: пропали они или нет? *(Смотрит в замочную скважину.)* Не вижу! Исчезли?

Входят профессор Норберг и Дюкруасси. Профессор в черном поношенном пальто, в мягкой засаленной шляпе и стоптанных ботинках. На шее — тощее кашне. Дюкруасси в великолепном английском плаще, плюшевой шляпе и прекрасных американских ботинках.

Дюкруасси. Простите, здесь живет кассир Щелкан?

Ада Львовна. Здесь. А что? *(И оробела, осматривая их.)*

Дюкруасси. Мы имеем удовольствие видеть перед собой супругу вышеобозначенного кассира Щелкана?

Ада Львовна. Позвольте, а вы, судя по костюму, из «высших»?

Дюкруасси. Пожалуй, в известном смысле, мы из «высших».

Ада Львовна. Я сразу узнала. Эти люди, думаю, обожают детей. Я сама обожаю детей. И мне было бы обидно обижать их, и я бы никогда так не сделала, но дело в том, что ключ захватил мой муж, а у него ничего толком не добьешься. Я боюсь сказать о том, что произошло. Я надеюсь еще получить ключ от своего мужа и установить точно, исчезли они или нет.

Дюкруасси. Она говорит научным языком, профессор?

Профессор Норберг. Нет, я не понимаю. Мне кажется, она говорит на цирковом диалекте.

Дюкруасси. Простите, матушка, вы не о ковре?

Ада Львовна. Ну да, с ковра все и началось. Он сначала вцепился в ковер, а затем вцепился в ключ.

Дюкруасси. Остановимся пока на чудесном ковре. Если еще у вас вдобавок имеется и чудесный ключ, мы вернемся к этому вопросу попозже. А сейчас попросите сюда кассира Щелкана.

Ада Львовна. А мне что же делать? В милицию разве сообщить?

Дюкруасси. Я вас не задерживаю. Идите, раз чувствуете в этом необходимость. Но на вашем месте я бы пореже ходил в милицию. Они сейчас так раздражены от всех этих прописок, регистраций, их тоже стоит пожалеть.

Ада Львовна. Спасибо. Муж сейчас придет, а мне разрешите пойти в дом, у меня — гости.

Дюкруасси. Ради бога, мы не в гости, а по делу.

Ада Львовна ушла. Дюкруасси берет ковер, щупает его. Восхищение показывается на его лице.

Дюкруасси. Великолепный фокус. Откуда не протягиваю щупальца, никак не могу разгадать.

Профессор Норберг. А я далек от того мнения, что перед нами фокус.

Дюкруасси. Да, вы правы. Хороший научный опыт, только плохой фокус.

Профессор Норберг. Милостивый государь, вы, должно быть, не имеете чести знать, с кем разговариваете. Доктор физических наук профессор Норберг.

Дюкруасси. А я доктор белой магии, и моя магия в данном случае победит вашу науку. Я получу ковер.

Профессор Норберг. Считаю для себя унизительным вести спор на подобную тему.

С улицы входит Щелкан. *У него сосредоточенный и недовольный вид. Не здороваясь, он останавливается подле профессора Норберга и Дюкруасси и хмуро смотрит на них.*
Пауза.

Профессор Норберг. Я должен извиниться перед вами, уважаемый товарищ Щелкан. Прошлый раз я принял вас без должного внимания. Мой опыт не удавался, и я был раздражен. *(К Дюкруасси, не без злорадства.)* А теперь мне бы позавидовал Эйнштейн. Теперь, прежде чем уехать на опыты в горы...

Дюкруасси. Погуляйте пока по горам, профессор. Сейчас там весна и цветут опытные цветочкп. Щелкан! Вот вам билет на мое представление. Здесь три билета, по количеству членов вашей семьи. Вас всех троих я беру к себе в помощники. Оклады. Вам — семьсот. Дочери и матери — по пятьсот.

Как раз, когда стал говорить Дюкруасси, Ада Львовна *вышла на террасу. Услышав суммы оклада, она всплеснула руками и ринулась обратно, чтобы вытащить дочь.*

Ада Львовна. Леночка, иди-ка сюда. Семьсот и пятьсот! *(Ушла.)*

Профессор Норберг *(к Дюкруасси)*. Простите, гражданин чародей и маг, но я все-таки профессор, во-первых, а во-вторых, я сед. И, казалось бы, вы должны отдать предпочтение в разговоре именно мне. Товарищ Щелкан! Интуиция мне подсказывает, что вы совершенно инстинктивно наскочили на проявление щитогенических лучей, наличие которых оспаривалось всеми, кроме меня. Сюда, ко мне, привела вас сама судьба. Я не могу вам предложить те тысячи, которые перед вами разбрасывает жалкий фокусник, фигляр и скоморох. Я говорю с полным авторитетом: Щелкан, войдптс в науку! Сегодня же вместе с вашей семьей вы переедете в мой институт. Вы пока поселитесь в моей квартире...

Входит Ада Львовна.

Дюкруасси. Окончили вашу лекцию? Слушатели разошлись безмолвно, не поняв ни слова. Квартира? Если разговор о квартире, то у меня мобилизовали трех помощников и освободилось три комнаты, с ванной...

Ада Львовна. Леночка! С ванной, слышишь? Иди сюда!.. *(Ушла.)*

Профессор Норберг. Интересы науки, товарищ Щелкан, судя по его виду, прекрасно это понимает — интересы науки выше всякого паясничанья.

Дюкруасси *(теряя самообладание)*. Ваша наука — сплошное паясничанье.

Профессор Норберг. Шарлатан весь мир принимает за сплошное шарлатанство.

Щелкан. Обождите, граждане! Ковер? Какой тут ковер, когда уже приготовлены ящики... *(Тряхнув головой.)* Впрочем, это мое, личное. *(Вспомнив что-то, оживился.)* О, профессор? Вы, товарищ фокусник? Как славно, что вы пришли!

Дюкруасси. С такого восклицания и надо было начать нашу встречу, любезнейший Щелкан.

Щелкан *(достает из кармана записку)*. Вот адрес. Это — Люба Чимтик. Она директор кустарной мастерской, вырабатывающей.... ну, те самые железные булки, которыми мы немцев угощаем.

Профессор Норберг. Но я, вряд ли я...

Щелкан. Вы передадите ей записку, и, возможно, она вас примет.

Профессор Норберг. Возможно? Меня в Совнаркоме без всякой записки и доклада принимают.

Щелкан. Я верю, что в Совнаркоме не так заняты, как Люба Чимтик. Я предлагаю ей принять вас в авторитетную комиссию при мастерской. У нас что-то с металлом не ладится, а такая комиссия, безусловно, поможет. Если Люба Чимтик вас примет, тогда и я с вами буду разговаривать. Я у ней в подчинении.

Дюкруасси. Простите, а ковер этот не выработка ее мастерской?

Щелкан. Возможно, да.

Дюкруасси *(вырывает записку из рук профессора)*. Я пошел! *(Идет.)*

Профессор Норберг. Позвольте, и я иду с вами.

Ушли.

Щелкан *(вышедшему на террасу Иргашеву)*. Как там? С ящиками?

Иргашев. Все понятно.

Щелкан. И мне тоже. Идите-ка сюда, Заид. Нет, подождите, кто-то еще пришел.

Вошли два оборванца. Иргашев остается на террасе. Один оборванец хромает на правую, второй — на левую ногу. Они тощи, небриты, но по сорту лохмотьев, а особенно по громадным ботинкам можно определить без труда, что перед нами иностранцы. За плечами у них брезентовые мешки. Они идут медленно, поддерживая друг друга.

Первый оборванец *(с польским акцентом)*. Дозволительно ли мне увидать уважаемого господина Щелкана?

Щелкан. В известном смысле я действительно теперь господин своей жизни.

П е р в ы й. Позволительно ли мне представиться вам, пане Щелкан? *(Вытягивается по-военному.)* Ротмистр великих польских войск Громаковский. Местопребывание имею в Кракове.

В т о р о й. Капитан сербской королевской бригады Петр Вукашенович. Из Крагуевца.

Щ е л к а н. Садитесь, господа. О чем же мы будем разговаривать?

П е р в ы й. В жизни мы, пане Щелкан, обитаем то под облаками, то ниже колеи грязной проселочной дороги. Но я — философ.

В т о р о й. Мой друг — философ. Я — нет.

Щ е л к а н. Я сам немножко философ, немножко — нет.

П е р в ы й. Пане Щелкан, когда перед вами утверждают, что философы не нуждаются в славе, не верьте тому, пане.

Щ е л к а н. Я и не верю.

П е р в ы й. Вам это легко понять, пане Щелкан, так как вы сами уже имеете длинную славу.

Щ е л к а н. Интересно, издалека ли вы ее разглядели?

П е р в ы й. Мы впервые услыхали о вас и о вашем летающем ковре за четыреста километров от Ташкента.

В т о р о й. За триста семьдесят восемь.

П е р в ы й. Мой друг — точный, потому что не философ. Я жил в Америке, мой друг — в Дамаске. Но мы вышли на дорогу вместе и пошли вместе в Россию. Мы шли через Сирию. Мы шли через Иран. Мы шли много. Было, да, было трудно. И тут я стал философом.

В т о р о й. А я — нет. Я до того был философом.

П е р в ы й. Когда мы услышали о летающем кассире, я сказал: ковер — это значит только мудрость. Он мудр, а человеческое воображение, как всегда, наделило его волшебством. Вспомните Соломона. Он тоже сидел на ковре и только поучал с него...

В т о р о й. Соломон не только поучал на ковре, он подлинно летал на нем, пане Громаковский.

П е р в ы й. Не будем спорить. Спор раскалывает дружбу и удлиняет путь. Итак, мы услышали о ковре и о летающем кассире. И мы сказали промежду себя: есть учреждение, которое даст нам обмундирование и пищу. Ордена мы принесли с собой. *(Достает и показывает горсть орденов.)* Но все это — прах по сравнению с человеческой мудростью и поучением. И прежде чем пойти в польское представительство, мы пошли к вам. Прежде всего скажите нам, господин Щелкан, что нас ждет?

Щ е л к а н. То же, что ждет и меня.

П е р в ы й *(с трепетом)*. А именно?

Щ е л к а н. Победа.

Офицеры вытягиваются и некоторое время стоят молча. Затем они обнимают Щелкана и целуют его.

П е р в ы й. Пане Щелкан, я увижу Польшу?

Щ е л к а н. Вы — Польшу. А вы, капитан,— Сербию. А я надеюсь увидеть и то, и другое, и третье. *(Достает из кармана записку.)* Вот адрес. Идите по нему. Посмотрите, как работают для победы над немцами самые слабые, самые, кажется, обиженные судьбой люди. Если так работают кустарные мастерские, то что же делается на заводах? Вы увидите предзнаменование победы.

Офицеры делают движение, указывающее на их лохмотья.

Не смущайтесь, что вы оборваны. Эти лохмотья будут вашими победными знаменами. До свиданья, увидимся.

Офицеры ушли. З а и д И р г а ш е в, растроганный, со слезами на глазах подбегает к Щелкану.

И р г а ш е в. Щелкан! Я был младенец, когда лепетал, что тебе надо политически и морально понять себя. Щелкан! Ты зови меня сыном, я тебя буду звать отцом.

Щ е л к а н. Если ты любишь мою дочь, ты и будешь мне сыном.

И р г а ш е в. Я смотрел на нее. Красивая. Такой другой красивой нет на земле. Но я люблю другую и к ней пойду. Но только как быть с подводой? Если я отвезу имущество, что же, выходит, я надсмеялся над человеком. Если я не отвезу имущество, выходит, она надсмеялась над человеком. Как быть?

Щ е л к а н. Да, положение запутанное.

И р г а ш е в. Крайне запутанное положение. Как быть?

Щ е л к а н *(достает записку).* Вот тебе адрес. Сначала заедешь в 37-ю школу, раз у тебя есть подвода, сын мой, а затем отвезешь из школы железный лом по указанному адресу.

И р г а ш е в. А как же имущество сотрудников на вокзал?

Щ е л к а н. Я улажу. И ты ни над кем не надсмеешься, и над тобой, сынок, никто не надсмеется. Верь в дружбу.

И р г а ш е в. Верю. *(Читает записку.)* Позволь, так это — Люба Чимтик? Мне к ней привезти лом? Когда мне к ней цветы нужно принести, любовь, просьбу о прощении?!

Щ е л к а н. Время такое, что цветы сейчас выращиваем металлические и преимущественно стальные. Для нас с ней такие цветы — самое лучшее доказательство любви, Заид. Подожди. Какой же там, в комнате, разговор о ящиках?

И р г а ш е в. Умар Алиев сказал мельком Обертынскому: «Когда он уйдет, надо ящики...» И замолчал. А в чем тут дело?

Щ е л к а н. Возможно, вечерком узнаешь, а возможно, и не узнаешь. Иди.

Иргашев ушел.

Щелкан. Воры. Сообщники. Жена? Дочь Не верю! Поверить не могу, но и не поверить не могу.

Молодой летчик со следами ранения решительно распахнул калитку. Весь вид летчика говорит, что он или выписался сейчас из госпиталя, или готов выписаться. Он подходит к Щелкану и говорит горячо, быстро, почти глотая слова.

Летчик. Более глубоко глупую выдумку трудно себе и представить. Летать на ковре так же несуразно, как и на метле. Но, должно быть, вы авторитетная личность, если о вас такая летная легенда пущена. Меня с минуты на минуту выпустят из лазарета. Но я не добьюсь у врачебной комиссии, буду я летать или не буду? Буду я еще драться? Буду я фашиста уничтожать? Щелкан?

Щелкан. Щелкан.

Летчик. Так чего ж вы молчите. Буду я летать? Я хочу летать! Кто мне ответит? Кто мне даст веру в меня?

Щелкан. Я. *(Достает из кармана записку.)* Через полчаса получите. Вот адрес. В крайнем случае ответ запоздает минут на сорок. Боюсь предсказывать, но мне кажется — ответ будет благоприятный.

Летчик *(счастливо смеясь)*. Если так, я сделаю первый полет в вашу честь, Щелкан.

Щелкан *(тоже счастливо улыбаясь)*. А я со своей стороны, тоже.

Летчик. Простите, товарищ Щелкан, ваша профессия?

Щелкан. Раньше выдавал деньги, теперь, за отсутствием кассы, выдаю купоны на счастье.

Летчик *(глядя ему в глаза)*. Разрешите вам дать совет?

Щелкан. Жду с радостью.

Летчик. Один из купонов возьмите себе. *(Ушел.)*

Щелкан *(один)*. Взял бы, да он, купон этот, скользит передо мной, как солнечный зайчик на стене.

Входят три пионера.

Вы ко мне, детки?

Пионеры *(хором)*. К вам!

Щелкан. А как вы думаете, ребята, существуют летающие ковры?

Пионеры *(хором)*. Нет.

Щелкан. Так зачем же вы пришли?

Первый *(после паузы)*. Посоветоваться.

Второй. Летаете вы или нет?

Третий — девочка. Летает!

Щ е л к а н. А как по-вашему, на чем удобнее и приятнее летать — на ковре или на У-2?

П е р в ы й. На У-2.

Д е в о ч к а. На ковре.

Щ е л к а н. Вот что, ребята. У меня есть знакомый летчик. Вот его адрес. Подите туда и скажите ему, что вы от меня. Он вам расскажет о полетах, а попозже и полетает с вами.

П и о н е р ы. Спасибо!

Идут.

Щ е л к а н. А вы не боитесь идти к Любе Чимтик?!..

П е р в ы й. Нет.

На террасу выходит Л е н а. Она стоит молча, прислонившись к стене.

Щ е л к а н. Напрасно. Она вас бранить будет. У нее железа нет, а ваша 37-я школа совсем плохо утильсырье собирает.

В т о р о й. Уроков много.

Щ е л к а н. У меня тоже уроков не меньше, а я вчера шестьсот пудов достал. Мы с вами так договоримся, завтра я зайду к вам.

П и о н е р ы *(идут)*. Спасибо, Яков Никитич, заходите.

Д е в о ч к а *(отстав)*. Дяденька!

Щ е л к а н. Что, милая?

Д е в о ч к а. А на ковре страшно летать?

Щ е л к а н. Почему ты так думаешь?

Д е в о ч к а. А у тебя, дяденька, лицо скучное-скучное, как буксир.

Щ е л к а н. Ты что ж, с Днепра?

Д е в о ч к а. С Днепра!

Щ е л к а н. Эх ты, пароходчица. Иди. Скоро увидишь меня пассажирским пароходом.

Д е т и ушли. Щелкан возвращается к камню.

Л е н а. Надо заметить, папа, ты очень ласков с чужими детьми.

Щ е л к а н. Пожалуй, и ты, дочка, с чужими отцами ласковей.

Л е н а. С кем? С Обертынским? Или с Умар Алиевым? *(Смеется.)* Они чаю-сахару принесли, пряников — мне, и то с ними противно сидеть.

Щ е л к а н. Что им нужно?

Л е н а. Не знаю. Наверное, что-то хотят купить у мамы из одежды.

Щ е л к а н. А не из души ли, дочка? *(Обнимает ее.)* Эх, дочка, дочка! Смотри. Закружиться волчком не трудно, отдышаться трудней. Голова не земля, ей свое солнце найти трудно...

Л е н а. После одной моей, не очень удачно придуманной загадки, все загадки мне неприятны, отец.

Щ е л к а н. Я рад, если слова мои для тебя только загадка.

Л е н а. Кстати, папаша, о загадках. Это уже просто свинство, как со мной поступает Дежин. Отгадал загадку, повел носом и не является. В конце концов, это единственный приличный человек, который мне хоть сколько-нибудь нравится... *(Всматриваясь.)* Ты о чем думаешь, папа.

Щ е л к а н. Мне нужна шуба.

Л е н а. Я принесу. *(Ушла.)*

Щ е л к а н. Дочь ни при чем. Хоть тут отлегло от сердца. Неужели Аду вовлекли? Такая умная, проницательная женщина. Поверить невозможно, но, с другой стороны, нельзя не поверить, так как о ящиках справлялась. Да, ключик... тяжел ты, голубчик, тяжелее пудовой гири.

Входит А д а Л ь в о в н а с шубой.

А д а Л ь в о в н а. Ты хочешь спрятать шубу в гараж, Яков? Смотри, как бы не украли ее.

Щ е л к а н *(вспылив)*. И ты, ты смеешь мне говорить о краже?

А д а Л ь в о в н а. Неужели ты думаешь, Яков, что я утащила эти ящики?

Щ е л к а н. Я не знаю, кто их утащил, но я знаю, кто их прятал! И я не могу этого видеть! Я ухожу отсюда.

А д а Л ь в о в н а. Куда, Яков?

Щелкан поворачивается к ней и укоризненно глядит на нее.

Яков! Ты можешь даже пропить твою шубу. В конце концов, она твоя. Но надо же договориться с теми «высшими». Где ты получишь такой оклад? Семьсот, пятьсот, подумай.

Щ е л к а н. Я думал — ты газон. Пригляделся — ан просто зеленая лягушка.

А д а Л ь в о в н а *(вслед ему)*. Я? Лягушка?! Яков! Я — лягушка? Улетел! Боже мой, был полный гардероб счастья, а теперь стою на пустом дебаркадере.

Входит О б е р т ы н с к и й.

О б е р т ы н с к и й. Кагорчик действует, мамаша? Веселитесь? Отлично! Скоро вы у меня запоете, как двустворчатая раковина.

А д а Л ь в о в н а. Он улетел. Он унес ключ с собой!

О б е р т ы н с к и й. Нам без ключа гараж открыть все равно что десерт съесть.

Ада Львовна. Замок государственный. Гараж нам дали на время. Как можно взламывать. Я приглашу слесаря...

Обертынский. Слесарь нам еще понадобится кандалы расковывать, бабуся. Дела приняли плохой оборот, как говорится в библии. Похоже, что я по ошибке вступил в кабальный договор с Умар Алиевым. Он требует телеграммы из Самарканда, подтверждающей, что товар получен. Иначе, говорит, сверну шею. А у меня нет телеграммы. Что высшему начальству не понравились подарки для детей?

Ада Львовна. С высшим начальством все улажено.

Обертынский. Ка-ак?

Ада Львовна. Я с ними уже говорила.

Обертынский. Когда?

Ада Львовна. Сегодня. Я держалась плохо от растерянности. Но все-таки, кажется, мне удалось объяснить им. Они, в общем, поняли меня. Сходите, говорят, в милицию, сообщите о краже — и перестанем об этом думать. Поступайте к нам на службу.

Обертынский. О какой краже?

Ада Львовна. Господи! Да я вам и забыла сказать. Я ведь ваши товары в вещи сотрудников не уложила. Товары исчезли из гаража.

Обертынский. Позвольте, да вы что дергач, что ли? Вы же мне сказали, что мои товары уложены и увезены в Самарканд? Где правда?

Ада Львовна. Я боялась вашего гнева и утаила правду.

Обертынский. Дура! Дерюга!

Ада Львовна. Захар Ильич, зачем браниться? Все улажено, слава богу.

Обертынский. Куда уложено? В гроб! Какие еще тут высшие начальства приходили?

Ада Львовна. Один из них, я расслышала, он с такой аристократической фамилией, Дюкруасси.

Обертынский. Дюкруасси? Так Дюкруасси — фокусник! Ха! Начальство?! Ха! Вот это-то начальство и уперло мои товары. Пустые вещи отправила? Фу! Даже одышка от злости появилась. А я хотел вторую партию — надо ее обратно. Умар! Умар! Вот так кадриль. Что ж делать?!

Ада Львовна. Ума не приложу.

Обертынский. Не рассуждайте, килька! Нет, нет... Я человек не одноэтажный. Я — небоскреб. И не из таких цитат вывертывался. Сейчас выпущу пар — и в путь! Итак! Мысли кишмя кишат, но какую выбрать? Мамаша! Обертынский перебьет ноги у любой злобы. Он сидит в партере гениальных выдумок.

Ага! Вот и готово. Слушайте, вы, пария! Подтверждаете, что Яков Никитич безумно любит свою дочь?

Ада Львовна. Лену?

Обертынский. Нет, меня! Дальше. Дежин ее тоже безумно любит. Погубить ее не захочет, даже если она и выйдет за другого. Следовательно, я тоже должен в нее безумно влюбиться. И я уже влюблен.

Ада Львовна. В Лену трудно не влюбиться.

Обертынский *(насмешливо)*. Ну еще бы! Меню прочли? Значит, она выходит за меня и грех матери примет на себя.

Ада Львовна. Какой же за мной грех, Захар Ильич?

Обертынский. Ада Львовна! У вас в голове вся клавиатура испортилась. Поднимите вашу проницательность. Или вы на самом деле не понимаете, какому начальству и какие товары мы с вами отвозили?

Ада Львовна. Право, Захар Ильич, не понимаю.

Обертынский. Начальство мое из самых возвышенных и начитанных спекулянтов и бандитов, а товары наши — краденые, со склада консервного завода. Надеюсь, я открыл перед вами пропасть?

Ада Львовна. Ой убили. *(Опускается на камень, возле которого происходит их разговор.)* Ой, погибла моя душенька.

Обертынский. Обвисли, тетя? Вы думали, игрушечки? Ну а если думали, так пеняйте на себя.

Ада Львовна *(поднимая к нему заплаканное лицо, всхлипывая)*. Я и пеняю на себя, голубчик! Ну какой я пловец в таком водовороте?

Обертынский. Ничего. Привыкните. У вас скоро, как у рыбы, плавательный пузырь появится. Уверяю вас, что я пропитан, как морская вода солью, всеми способами изворота. Встаньте. Пригласите сюда Лену.

Ада Львовна поспешно уходит.

Ничего! Ничего! Расстояние между мной и смертью, как замечаю, с каждым днем все увеличивается. А что касается Леночки вашей, то мы и с нее пломбы сорвем.

Входит Лена.

Обертынский. Поверните, Лена, рычаг на внимание.

Лена. Важный разговор?

Обертынский. Да! Я в последние дни рыскал за уяснением своих чувств, как собака за зайцем.

Лена. Я верю, что ваши чувства действительно заячьи.

Обертынский. Вы меня расслаивали все время, а теперь вам придется меня сложить. И если сложить все чувства, которые я к вам питаю, то они поднимутся ввысь, как вот этот тополь! Какие-то случайности отделяли нас друг от друга.

Лена. Не томите. Мне всегда нравились короткие разговоры.

Обертынский. Правильно. Нашей короткости хочу не только я, но и все общество.

Лена. Не думаю, чтоб общество так уж заинтересовалось нашим союзом.

Обертынский. Напрасно думаете. Если красивая женщина идет в красивой одежде, которую я ей могу предоставить, что общество, не охнет? Если вас минует трудовая мобилизация, общество не восхитится моей оперативностью? Если вы будете хорошо питаться, общество не скажет — ее красоту надо поддерживать и питать наравне с академиком? Красота жены и муж с красивой энергией — такого обстоятельства нельзя укрыть.

Лена. Энергия ваша подлинно потрясающа.

Обертынский *(скромно)*. Тут, собственно, не одна моя энергия. Тут сыграли роль и социальные обстоятельства. Заведующий хорошей столовой — бог.

Лена. Боги тоже отмирают.

Обертынский. Если их увековечивает красота, как, например, ваша,—такие боги бессмертны.

Лена *(хохочет)*. Обертынский, вы превосходно объясняетесь в любви.

Обертынский. Еще бы. Вы бы посмотрели, какие люди объясняются мне в любви,— тогда б вы поняли, откуда у меня таковое. Я сейчас бог брюха, дорогой товарищ Обертынский! Над таким словом не ухмыльнешься. Если не исключительные обстоятельства, разве Обертынский бы перед вами унижался?

Лена. Исключительные обстоятельства? Какие?

Обертынский. Такие, что я безумно полюбил вас, Лена.

Лена. Обертынский! Ваше твердое убеждение: за пищу, одежду и безделье сейчас можно купить всех?

Обертынский. Кроме сумасшедших, конечно.

Лена. Тогда вам придется пригласить ко мне психиатра. Мне почему-то думается, что мой кулак окажется для вас убедительнее, чем мои слова.

Обертынский. Если вы мне скажете, что любите,— мне больше никаких слов не надо.

Лена. Да, люблю.

Обертынский. И кончены пререкания. Я теперь для вас цистерна, из которой вы можете черпать все, что вам угодно. Слово

«люблю» — и я делаюсь горячим, как электропечь, в которой расплавлю все препятствия.

Лена (*задумчиво*). Да, я люблю думать о нем. Двадцать пять уже лет, как он творит, и творит не во имя брюха. И когда я думаю о нем, мне кажется вздорной и одежда, в которую я одета, и пища, и квартира. Он поднимает меня над всем.

Обертынский. Кто это?

Лена. Вы его не знаете, Обертынский. Вы с ним не знакомы, хотя, может быть, и часто встречали. Это — советский человек.

Обертынский. Не раздражайте меня, пожалуйста. Давайте говорить о любви.

Лена. Я, в сущности, и говорю о любви. (*Указывает на брошенную записку отца.*) О той, которую бросила.

Обертынский. Бросили? И хорошо! Я не ревнив. Вы только скажите...

Лена. Пожалуй, скажу.

Обертынский. Пора.

Лена. Раньше вы мне были глубоко противны...

Обертынский. Чувствовал.

Лена. А теперь вы мне глубоко ненавистны.

Обертынский (*спокойно*). Не чувствую. Вы мне чертовски нравитесь. В вас, Лена, имеется такая крутизна, от которой голова кружится.

Лена направляется мимо гаража.

Куда вы? Куда вы? Обиделась! Полно! Идем чай пить, чайник скипел...

Лена (*поднимая записку отца*). Во мне вскипело другое. Я иду за отцом.

Обертынский. Эка! Да, он парит под облаками. Он, говорят, летает. Попробуй догони, найди.

Лена. Я найду его по скользящей от ковра тени. (*Обертынскому.*) Если от меня отвернулся Дежин, так неужели же только вы, тунеядец и бездельник, мне к лицу? (*Ушла.*)

Обертынский (*один*). Вернешься. И не такие героини ко мне возвращались.

Ада Львовна (*входит*). Где же Леночка?

Обертынский. Ушла в очередь. Скоро придет.

Ада Львовна. А, очередь? А что выдают?

Обертынский. Выдавали нового человека. Но, кажется, он уже кончился.

Наше общество создает необходимое.

Наш человек превращает это необходимое в прекрасное. Если государство, выстроив завод, создает необходимые для нашей защиты самолеты, то летчик делается великим капитаном Гастелло.

Канцелярская комната, похожая на другие канцелярские комнаты, как одна репродукция на другую или как один плешивый схоластик на другого, волосатого. Редко кто не видал таких комнат; редко кто не сидел за столом, закапанным чернилами; на дубовом стуле с черным клеенчатым сиденьем; редко кто не видал белой фарфоровой плевательницы, наполненной окурками и обрывками любовных писем с решительным отказом; редко кто не нюхал едкого, пахнущего серой и преисподней табачного дыма; редко кто не знает результата таких знаний: стоит только пощупать свои распухшие от зевоты скулы. К сожалению, я должен испортить такую превосходную по своей скуке репродукцию. Она оживлена. Пять молоденьких, свеженьких лиц силой в три тысячи свечей каждое сидят за столом, сменив мужчин, которые ушли на фронт, дабы эти молоденькие лица в дальнейшем сияли с силой в сто тысяч свечей каждое. Из крошечной соседней отгородушки, обитой фанерой, выходят задумчивый Дежин и сияющий Иргашев.

Иргашев. Вы — святой человек, Дежин! Я перед вами преклоняюсь. *(Хохочет.)* Значит, они еще раз хотели украсть ящики, которые уже раз украли. Напрасно не позволил. Я бы их увез, а затем они бы их опять украли! *(Хохочет.)*

Дежин. К сожалению, время не для баловства.

Иргашев. Тогда акт — и к следователю.

Дежин. Хочу достать неопровержимые доказательства, что все это работа Обертынского и Умара Алиева, а семейство Щелкана ни при чем. Прошу вас помочь мне, Иргашев.

Иргашев. Я же сказал, что помогу. Старик Щелкан — святой человек, старушка — тоже святая, но глупая святая. Что касается девушки, то я запутался. Все имущество увез Дежин, и мою треть в том числе; люблю другую, а забочусь о первой... ах, опаздываю в институт, до свиданья... *(Ушел.)*

Дежин *(подходит к столу. В руке у него бумажка)*. Анна Матвеевна, сколько у нас на складе моркови?

Та, которая пишет. Сто десять центнеров.

Дежин. Направить всю в седьмой цех. Вот приказ. *(Подает бумажку.)*

Та, которая пишет *(громко читает ее)*. «Лена! Наконец мне пора объясниться. Мое чувство любви к вам беспредельно...». Количество центнеров здесь не указано, Василий Кузьмич.

Дежин. Это вы измеряете любовь на центнеры, а я на тысячи тонн! *(Выхватывает бумажку и убегает в свою отгородушку.)*

Хохот.

Радиорупор *(прочихавшись)*. Говорит заводской радиоузел. Седьмой цех намерен сегодня выполнить двести процентов нормы. Ждите сообщений о выдающейся стахановке цеха Ревуновой.

Та, которая роется в шкафу. Могу биться об заклад — седьмой цех не выполнит двухсот процентов. Сто семьдесят от силы!

Та, которая сидит у телефона. Ставлю борщ против вашей грудинки, Ира.

Та, которая роется в шкафу. Идет, принято.

В дверях показывается Щелкан. Одной рукой он волочит по полу ковер, другой тащит шубу. Лицо у него потное, недоумевающее. Дружный хохот девушек встречает его.

Щелкан. Здравствуйте, девушки.

Та, которая роется в шкафу. Комиссионный магазин через два квартала на юг, бабушка.

Хохот.

Входит Дежин. Он кидает еще одну бумажку на стол той, которая пишет. Появлению Щелкана он не удивился.

Дежин. Ого! Вы аккуратны, Яков Никитич.

Щелкан. Что значит, «аккуратен», Василий Кузьмич?

Дежин. Но я же писал вам, чтоб вы зашли в девять.

Щелкан. Не получил извещения. Я погорячился и ушел из дому. Кажется, поступил жестоко. Прошу вас, Василий Кузьмич, зайдите к ним, успокойте. К утру надеюсь вернуться.

Дежин. А мне как раз вас ночью-то и нужно.

Щелкан. Не могу. Должен сдать ковер. Народная ценность, а никто не берет. Если это необходимая и важная вещь, надо с ней обращаться осторожно. Ведь никто, например, не держит в сухарнице квас...

Та, которая пишет. Вздор!.. Не важно название вещи, а важ-

но содержимое. Я употребляю сухарницу под мыло и очень довольна.

Щелкан. Судя по вашему виду, вы с успехом могли бы держать мыло в музее.

Та, которая у телефона. А вы с успехом бы уложились в сухарницу!

Дежин. Товарищи, выключите вашу человекорезку. *(Отводит Щелкана в сторону.)* Яков Никитич, хотите занять должность начтранспорта? Вместо Умара Алиева...

Радиоузел. Внимание. Говорит радиоузел консервного завода. Стахановка Ревунова выполнила свое обещание. Она дала тысячу сто процентов нормы...

Голоса девушек. Браво, Ревунова! Браво! Бис! Просим!

Дежин. Тише! Сколько вы-то выполняете нормы?

Девушки садятся по местам.

Щелкан. Не сердитесь на них. Это не они орут, это — молодость.

Дежин. Ну, так что же, Яков Никитич? В ваших руках будет огромный транспортный парк.

Щелкан. Я ужасно тронут доверием, Василий Кузьмич. Место, конечно, для меня громадное. Но и на маленьком месте можно сделать огромные дела. Я уже поступил в кустарную мастерскую, по снабжению...

Дежин. Прозевал я, экая жалость...

Щелкан. Значит, у вас с транспортом благополучно? Я хотел было — ковер к вам устроить.

Дежин. Какой Ковер? Коня так зовут?

Щелкан. Но, пожалуй, вы и без него обойдетесь. Василий Кузьмич, как мне найти самый бедный колхоз Узбекистана?

Дежин. Бедный колхоз? Не знаю такого. Ходит предание, что один секретарь райкома нашел к нему дорогу. Но тут же был снят за намерение идти по такому отвратительному пути.

Входит стахановка Ревунова, пожилая, решительная, с размашистыми движениями и в длинной юбке.

Ревунова. Василь Кузьмич! От цеха просьба. Дай резервную морковь. План срывается.

Дежин. Отпущена. Уже и ордер готов. Щелкан, знакомтесь. Стахановка Ревунова, тысячасто... тысячастосотен... Фу, для нее и слова еще не подобрано. А, это — товарищ Щелкан.

Ревунова *(негодуя)*. Этот. Этот! Какой он товарищ? Тебя кто пропустил?

Щелкан *(смущенно)*. Видите ли... у меня ковер... Я хотел его предложить вашему заводу...

Ревунова. Кто тебе выдал пропуск на этот ковер? Ты что, на барахолку явился, насекомых к нам разбрасывать? Мы здесь вчерась мыли, мы всем цехом воскресник устроили, а он, скажите пожалуйста, ковер к нам принес продавать? И шубу еще! Тьфу! Да еще по полу волочит, вредитель! Уходи, уходи!

Щелкан. Позвольте, но вы не знаете, какой это ковер?

Ревунова. Знаю! Антисанитарный. И шуба твоя антисанитарная! Идем. Не хотел честью, силой выведу, а ковер твой попробуем под жидким воздухом, в каком отношении он к насекомым.

Щелкан. Я не дам свой ковер под жидкий воздух. Вы не знаете, какой это ковер. Не дам! *(Бежит. Ревунова устремляется за ним.)*

Хохот.

Дежин *(когда Щелкан и Ревунова скрылись в коридоре)* Не смешно, товарищи. Вот горячая женщина. Анна Матвеевна, пойдите, прекратите это безобразие, усмирите Ревунову, а Щелкана приведите сюда.

Дежин ушел к себе, Анна Матвеевна в коридор.

Та, которая роется в шкафу *(тихо)*. Компот против борща, что не усмирит.

Та, которая у телефона *(тихо)*. Принято.

Работают.

Та, которая пишет *(вбегает)*. Василий Кузьмич. Василий Кузьмич!

Выходит Дежин

Гражданин с ковром исчез.

Дежин. Как исчез?

Та, которая пишет. Выбежал во двор и исчез. Все обыскали, нету. Думали машина не захватила ли проезжая,— нет. И через будку проходную не проходил. Исчез бесследно.

Дежин. Не провалился ли он в какую-нибудь яму?

Та, которая пишет. Весь двор заасфальтирован, и ям нету. Все склады закрыты, в цеха никто не входил. *(Тянет за руку Дежина)*. Василий Кузьмич,— по секрету. *(Шепчет на ухо, вытаращив глаза.)* Василий Кузьмич, я выдала сейчас государственную тайну.

Дежин. Да что вы?

Та, которая пишет. Да. Тайну! Над заводом пролетел четы-

рехугольный бесшумный самолет размером в этот стол. С одним пассажиром. Плоский.

Дежин (*многозначительно*). Да. В городе говорят. Опыты. Не болтайте.

Лена (*вбегает*). Нет ли здесь моего отца?

Дежин (*остальным*). Видите! Это вы ее отца потеряли. Что я ей отвечу теперь? Видите вы все это?!

Я люблю смотреть на цветущие деревья, вдыхать запах молодой травы и принимать на свои плечи лучи солнца. Но больше всего меня согревает, друг мой, улыбка твоих глаз и ласковый блеск твоих губ.

Широкая довольная луна так сияет, что звездам и передохнуть некогда. Они пытаются поиграть лучами, но где там! Но кто такой, что смелее звезд и хочет затмить луну? Смотрите. Плоский, продолговатый предмет медленно пересекает лунный диск. Затмение, или, как прежде, опять гоголевский черт балуется в небе?

Крыльцо, двор, дувал. За дувалом — цветущее дерево. На крыльцо выходит старец узбек в длинном халате и конической шапке.

Старец узбек. Кажется, он уже пересекает луну. (*Вглядывается.*) Да, он. Скоро прилетит. Халима! Прошу тебя зажги свет в правлении.

В доме зажигается лампа. Сверху слышится насвистывание «Пыль клубится по дороге...» Показывается ковер. Щелкан сидит, поджав ноги и нюхая сорванную где-то цветущую ветку. Ковер двигается порывисто, словно сходит по ступенькам.

Щелкан. Да что такое сегодня с тобой? Ты что, устал что ли? Или ты привык к жизни в городе и не хочется в деревню? Уж что-что, а упрекнуть меня, что я тебя заездил, нельзя!

Насвистывание замирает. Ковер опустился за дувал, рядом с деревом. Выходит Щелкан с ковром и с шубой.

Щелкан (*увидав старика*). Позвольте. А это не вы, случайно, мне ковер продали? Нет. Не вы. Где здесь, дедушка, председатель колхоза?

Старец узбек. Вот, я, друг мой.

Щелкан. Теперь мне понятно, почему меня ковер, согласно при-

казанию, в самый бедный колхоз привез. Вам поди лет восемьдесят.

Старец узбек. Девяносто семь. С годами мудрость редко уменьшается, друг.

Щелкан. Мудрость-то, может, и не уменьшилась, а вот ваша производительность — заметно. Одной мудростью поле не вспашешь. Дедушка! Я к вам прилетел из Ташкента.

Старец узбек. Я вижу.

Щелкан. И прилетел с определенной целью. Я передаю в распоряжение колхоза свой ковер. Он летучий.

Старец узбек. Большое спасибо, друг мой.

Щелкан. Я вам спасибо скажу, если он вам окажется впору.

Старец узбек. Садись рядом друг мой, побеседуем.

Щелкан. Дедушка, я предпочел бы вам дать инструкцию, и уехать. Мне к восьми часам на работу, поезд проходит здесь в пять — еле-еле успею.

Старец узбек. Успеешь, Садись, друг мой, отдохни. Я знаю, тебе было трудно улететь из Ташкента.

Щелкан. Да, нелегко. У меня ведь кроме мастерской еще и семейные неприятности. Но это мое личное дело, я не буду вас затруднять. Теперь вернемся к ковру. Уверяю вас, дедушка, на эту машинку можно положиться. То, что он плохо сюда двигался, я объясняю тем, что я надоел ему. Ну судите, какой я чародей? Ему на меня небось и смотреть-то противно, а вы к нему вполне подходите. Вашему бедному колхозу от него будет большая помощь. Как-никак помимо прочих качеств это же бесплатный транспорт.

Старец узбек. Да. Наш колхоз беден. Почему? Все сыны моего колхоза ушли на фронт, добровольно, против фашиста. И что же?

Щелкан. Силой-то вы, верно, бедны, но духом-то, выходит, вы побогаче некоторых.

Старец узбек. Но скоро и по силам наш колхоз будет богат.

Щелкан. Вы намекаете на мой ковер, дедушка?

Старец узбек. Те, кто почему-либо не ушел на фронт, идут к нам на помощь. Они идут ко мне из заводов, из канцелярий, из школ. Вглядись, сын мой. Они идут сюда трудиться. Слышишь их песню?

Щелкан *(слушая приближающуюся песню и вглядываясь)*. Дедушка, вижу Аду, свою жену. И Лену. И профессора, и Дюкруасси, и пионеров, и тех девушек, которые надо мной смеялись. Дедушка, а кто тот знакомый, что шагает рядом с моей женой? Он похож на меня.

Старец узбек. Это ты и есть. Ты просто видишь завтрашний день, сын мой.

Через сцену медленно, с песней, проходят м н о г и е з н а к о м ц ы *из этой легенды. Впереди них —* Щ е л к а н. *Он идет, задрав вверх голову и распевая,— не столь хорошо, сколь громко. Одна рука его лежит на плече* ж е н ы, *другая — на плече* д о ч е р и.

Щ е л к а н. Странно. Неужели у меня такая глупая самодовольная физиономия? В такой торжественный момент можно вести себя и получше. Нет, это не я. Как это возможно? Я сижу здесь, на крыльце колхоза, и одновременно иду мимо этого крыльца.

С т а р е ц у з б е к. Так делает сон. Он сдвигает время. Он сдвигает пространство. Мир огромен и велик. Но человеческое воображение превращает его в ковер и песню. Нет ничего великолепнее человеческой песни, в особенности тогда, когда она поет победу. Слушай песню своего сердца, смелый кассир Щелкан.

Поднимается легкий розоватый туман. И д у щ и е *исчезают в этом тумане. Щелкан прислоняется к плечу старца и мечтательно смотрит, как поднялось солнце и вдали открылись алые горы.*

Щ е л к а н. Вот это мне больше нравится, чем моя физиономия. Как прекрасно. Хорошо бы остаться здесь навсегда.

С т а р е ц у з б е к. Ты увидишь это много раз, Щелкан. А сейчас лети к испытаниям. Встань опять на ковер и читай таинственные формулы счастья.

Щ е л к а н. Опять домой! Надоела мне эта уголовщина, дедушка. Неужели я такой маленький, что мне и врагов подсунули маленьких, как мышей?

С т а р е ц у з б е к. Нет маленького врага, как нет и маленького дела,— ты же сам об этом говорил недавно. Ключ от гаража в твоем кармане — так неужели ты его выкинешь?

Щ е л к а н. Я? Никогда! *(Раскидывает ковер и встает на него.)* Михахам бегуйам, поднимись. Михахам бегуйам, поднимись. Михахам...

Быстро кончается песня. Скоро уходит с неба радуга. Еле распустившись, осыпается цветок.
Но наша жизнь течет еще быстрей.
Спеши понять и не обидеть ее.

Комната Щелкана в Старом Городе. Обстановка та же.
Ночь. У косяка, тесно прижавшись к стене, стоит У м а р А л и е в. *За дверями слышны голоса Обертынского и Ады Львовны. Умар прислушивается.*

Голос Обертынского. А я утверждаю, ключ у вас, старая хрычовка.

Ада Львовна. А я говорю, муж взял ключ. И слава богу. А гараж взламывать не позволю!

Распахивается дверь, вбегает Обертынский.

Обертынский *(кидаясь к столу).* Я найду ключ, Все барахло переверну вверх тормашками!

Умар Алиев. Я уже перевернул. Нету ключа.

Обертынский *(испуганно повернувшись).* Ты, Умар, Здесь?

Умар Алиев. А ты тоже здесь? Мы — друзья. Как иначе? Один друг думает: старуха обманула, спрятала товары, надо проверить. Другой думает: вторая кража не удалась, неужели первая тоже неудачно? Проверю. Вот и встретились.

Обертынский. Как быть, Умарчик? Старуха не подпускает к гаражу. Ломать замок — закричит. Она совсем с ума сошла. Дочь и муж от нее убежали.

Умар Алиев подходит к Обертынскому и спокойно бьет его по лицу. Обертынский падает.

Зачем меня бьешь?

Умар Алиев. Я тебя не бью. Я тебе галстук подправил. Подтверждаешь?

Обертынский *(охотно).* Подтверждаю. Можно встать?

Умар Алиев. Вставай. Я взял обстоятельства в свои руки. Подтверждаешь?

Обертынский. Давно бы так. Ты знаешь местные условия.

Умар Алиев. Слушай. Я сейчас уеду со старухой. Вторая кража как-то особенно была неудачна, думаю, за нами следят. Старуха даст тебе алиби. Ты останешься. Ей поверят: сама убежала, дочь, муж убежали. Что касается Умара Алиева, то он уехал в командировку.

Обертынский. Старуха с тобой не поедет, Умар.

Умар Алиев. Если прилично с ней поговорить, уедет. Зови старуху.

Обертынский. Не пойдет.

Умар Алиев. Вежливо обратись. Скажи: Умар Алиич в гости пришел. *(В форточку.)* Эй, Ково, ты здесь? Лом принес? А, принес.

Обертынский. Зачем тебе лом, Умарчик?

Умар Алиев. Зачем? А вдруг ты вздумаешь друга покинуть. Иди, зови.

Обертынский ушел.
Умар Алиев встал опять у стены.

Жирный, глупый индюк. Откуда на меня такая тьма нахлынула, поверил ему?

Отворяется дверь. Проходит Обертынский, *за ним* — Ада Львовна. *Пропустив ее, Умар Алиев наскакивая сзади, хватает ее за воротник и бросает на пол. Ада Львовна только охнула.*

Умар Алиев *(Обертынскому)*. Видишь? Где бы ты слова тратил, меня с одного жеста поняла. Бабушка! Дочь от тебя убежала, муж от тебя тоже убежал. Тебе надо непременно исправить характер.

Обертынский. Нашел время для морали.

Умар Алиев. Кто тебя может замарать. Ты весь сплошная грязь. Молчи!

Ада Львовна. Что вы от меня хотите, Умар Алиич?

Умар Алиев. Надо характер исправить, бабушка. Тебе надо, бабушка, снять подозрения с дочери, которая от этого подозрения тебя покинула. Надо снять подозрение с мужа, которому большой пост предназначен. Подумай о небе, бабушка! С каким ты грузом туда придешь? Как ты в глаза богу посмотришь?

Ада Львовна. Уж верно, Умар Алиич, лучше умереть.

Умар Алиев. Не рекомендую. Ну в крайнем случае нас поймают? Что тебе, старухе, дадут? Пять лет. Через полгода раскаешься, просидишь год-полтора, выпустят. Дай вечную ручку, Захар.

Обертынский. В ней чернила высохли.

Умар Алиев. Немножко ошибся. Душа твоя высохла, а не чернила. Давай! *(Берет ручку и подает Аде Львовне. Укоризненно Обертынскому.)* Дурной человек! Почему не доставить женщине удовольствие — написать прощальное письмо дочери хорошей ручкой. Пиши, бабушка, пиши всю правду, не стесняйся. Как я тебя завлек, обманул и прочее. Про Захара пе надо. Он твои следующие письма передавать будет. Его побережем. Захар! Опять рот раскрыл? Помоги вещи бабушкины уложить.

Обертынский *(глядя через плечо Ады Львовны)*. Надо писать — изобличать, а не обличать.

Умар Алиев. Захар!

Обертынский. Иду, Умар Алиич!

Поспешно суют вещи в чемоданы. Умар Алиев нашел веревку и смотрит на нее задумчиво.

Умар Алиев. Ночь темная, бабушка сумасшедшая, а вдруг убежит? Бабушка, подними ноги, я тебя веревкой прикреплю *(Смотрит на стол)* Подписала? Приятный у тебя почерк, ба-

бушка. Захар, один чемодан несу пустым — мне с ним надо в гараж зайти. А вдруг там товары?

Обертынский. Как же так, меня бранил, а сам возьмешь товары?

Умар Алиев. Дурак. Ты, беря их, и меня и себя подводил. Я беру — и себе и тебе алиби делаю. Веди бабушку. Поддержи, видишь, она впервые на бегство идет.

Умар Алиев открывает дверь, тихонько свистит. Молчание. Он прислушивается и оборачивается.

Ково убежал. Влипли. Милиция.

Ада Львовна Ах! *(Падает в обморок.)*

Умар Алиев. Прислони бабушку, к двери. *(Открывает окно, гасит свет.)* Иди к окну, вылезай!

Обертынский. Они меня первого и пристрелят.

Умар Алиев. Эх, зачем им стрелять, когда мы сдаваться будем? *(В дверь.)* Мы сдаемся. Дверь открывайте тихонько, здесь помирающая бабушка лежит, а я держу Обертынского. *(Бежит к окну.)* Полезай, Захар!

Обертынский. Как я полезу, когда тут мне что-то в морду въехало?

Голос Щелкана. Зажгите свет, граждане, а то в темноте могу кого-нибудь пристрелить.

Умар Алиев зажигает свет. В окне виден конец свешивающегося ковра. На ковре лежит, вытянув вперед револьвер, Щелкан. Он прыгает в комнату.

Щелкан. Осторожней, не шевелитесь. Я и сам боюсь, как бы оно не выстрелило. Положите Аду Львовну на постель. Осторожно! Захар Ильич, чаю ей. Возле вас, потрудитесь. Входите, товарищи.

Входят Дежин и Иргашев. Дежин оглядывает Умара Алиева и Обертынского.

Дежин. Кажется, теперь все ясно?

Умар Алиев. А ты еще сомневаешься? Не смотри на старушку. Мне ее тоже жалко. Она в нашей операции ни при чем.

Обертынский. Как ни при чем? Она — главный винт.

Умар Алиев. Захар, когда замысел не удался, зачем ты его портишь вдобавок привлечением каких-то старух?!..

Обертынский. Вот тебя, голубчика, без старух-то и поставят к стенке.

Умар Алиев. Конечно, к стенке! Позор какой!

Иргашев. А еще бы не позор.

Умар Алиев. Вот ты тоже понимаешь, позор? Допустим, я попал бы в оккупированную зону, к немцам? Из меня бы бургомистр или мэр города возник бы.

Щелкан. Таких мэров мы как орешки щелкаем.

Умар Алиев. Не спорю. И меня бы как орешек сщелкнули. Но зато каких бы я барышень обнимал...

Ада Львовна. Фу, мерзость!

Умар Алиев. Прости, бабушка, не знал, что ты проснулась.

Иргашев. Ну, пойдем!

Умар Алиев. Дай сказать. Я опасаюсь — у них может превратное представление обо мне остаться. Там бы я был настоящим грабителем, а тут за что пристрелят? Каких-то десять ящиков с мануфактурой и плохой кожей, да?

Дежин. К тому же их в гараже не было. Гараж стоял пустой.

Умар Алиев. Так я и подозревал, что этот болван Обертынский только в пустой гараж и способен ломиться. Пойдем, Захар. Очень неприятно стоять с таким идиотом у стенки,— но бывают в жизни неприятности.

Обертынский. За что же, если гараж пустой? Нужно выяснить...

Иргашев. Выяснят, кому нужно. *(Аде Львовне.)* Передайте, пожалуйста, Лене: с Любой Чимтик помирился, Дежин имущество все увез, нет материала для соперничества,— приду сегодня же навестить.

Умар Алиев. До свиданья, бабушка. До свиданья, кассир. Простите, что так неудачно вышло.

Иргашев и Дежин уводят Обертынского и Умара Алиева. Дежин скоро возвращается.

Ада Львовна. Навестить? А кого навещать? Где дочь, Яков? Надо дочь искать.

Щелкан *(улыбаясь)*. Где ее ночью найдешь?

Дежин. Видите ли, Ада Львовна. Мне хотелось бы сказать...

Ада Львовна. Что вы можете сказать о моей дочери, что-о?

Дежин. Именно я-то и могу сказать, Ада Львовна...

Лена *(в дверях)*. Василий! Как ты мямлишь!

Ада Львовна. Дочка! Как ты похудела. Ты чем же это питалась?

Лена. Законсервированными мужчинами преимущественно, мама. *(Повернувшись.)* И все-таки я, мама, хороша! Хороша?

Ада Львовна. Чудо как хороша. Ты что же юбку укоротила, что ли?

Л е н а. Просто, мама, я от счастья немножко выросла. Мама, я хороша как жена Дежина?

А д а Л ь в о в н а. Жена?

Д е ж и н. Именно. *(Облегченно вздохнув.)* Наконец-то сказал.

А д а Л ь в о в н а *(оглядывая Дежина)*. Идете к теще и не в состоянии галстук более нежного цвета выбрать. За что вас может полюбить красивая жена?

Л е н а. За что? Я люблю тебя, Дежин, за то, что ты мне в любви ни разу не объяснился, а любишь меня больше всех, кого стоит любить. Я люблю тебя, Вася, за то, что ты выполнил мою шутливую загадку самым загадочным и шутливым образом, до сих пор не сказав, как же тебе удалось отправить имущество сотрудников в Самарканд.

Д е ж и н. Рассказал начальнику вокзала обстоятельства, он сам страдает от любви — и дал разрешение.

Л е н а. Я люблю тебя, Дежин, за то, что ты любишь моего отца, а мой отец показал мне, что такое любовь к людям. Я подобрала с земли твою записку, отец, и пошла в третий филиал твоей мастерской. Я благодарю тебя за эту записку, отец. Ну, а теперь — к нам в гости.

Щ е л к а н. Какое там — к нам. Два часа ночи. Спать пора. Спектакль окончен.

Л е н а. Нет. Далеко не окончен. У нас — ужин и две бутылки вина, и как-никак моя свадьба. Там уже ждут Люба Чимтик, Иргашев, профессор Норберг, фокусник Дюкруасси и прочие.

Стук.

Это, наверно, за нами. Войдите.

Входит с т а р е ц у з б е к.

С т а р е ц у з б е к. Мир вашему дому, друзья.

Щ е л к а н. Дедушка! Ты? Ну да, ты! И это ты продал мне ковер на Алайском рынке.

С т а р е ц у з б е к. Вгляделся. Узнал. Значит, ковер потерял для тебя всю свою волшебную силу. Я пришел за ковром. Вот твои деньги.

Старец узбек кладет деньги на стол. Ада Львовна направляется было к столу.

Щ е л к а н. Ада, не трогай деньги. Садись.

Ада Львовна покорно садится. Щелкан передает ковер старцу узбеку.

Л е н а. Дедушка, если это не профессиональная тайна, может быть,

вы расскажете тайну ковра? К сожалению, это последняя тайна нашего спектакля.

Старец узбек. Я скажу. Передают, что ковер выткали давно-давно по рисунку мудрого султана Бобура. Говорят, султан Бобур был волшебником. Если судить по его стихам,— это правда. И вот, когда выткали ковер, султан Бобур назвал его «Роза Азии» и дал ему волшебные свойства.

Лена. Одно из свойств мне известно. Когда человек приобретает этот ковер, он начинает страшно длинно говорить.

Ада Львовна. Лена. Сказку не перебивают.

Лена. Простите. Я просто хотела оживить несколько старомодную манеру изложения почтенного старца. Продолжайте, дедушка.

Старец узбек. И сказал султан Бобур: «Пусть лежит ковер недвижно. Но когда на свете появится редкий по уму и таланту человек, способный принести пользу человечеству, но почему-либо до сих пор не успевший принести ее,— дать ему «Розу Азии»...

Лена. Я бы, например, не относилась так доверчиво к проницательности своих потомков.

Иргашев. Султан Бобур был талантливый человек, а талантливый человек как может быть недоверчивым?

Лена. Святая истина. Мама страшно доверчива. Продолжайте, дедушка.

Старец узбек. «И развернется перед ним «Роза Азии». И поднимет его высоко над землей. И увидит он землю во всем ее величии и ширине. И полетит человек, и полетят от него лучи по земле, и скажет тот человек: «Я живу — значит, творю». Такова правда о ковре. *(На авансцене.)* Я ухожу. Если кто чувствует необходимость в ковре, обратитесь, пока я не ушел.

Лена. Дедушка, от этого ковра больше всех счастья получила я!

Ада Львовна. Нет, я!

Щелкан. Что вы? Если уж кто счастлив, так я!

Дежин. Позвольте, что значит ваше счастье в сравнении с моим?

Лена *(громко заглушая голоса)*. Я! Я! Я! Дедушка, я справляю свою свадьбу! Неужели вы откажетесь быть у меня гостем? Докажите им таким образом, что я счастлива больше всех.

Старец узбек. Я буду гостем у тебя, красавица.

Лена. Тогда пошли! *(Остальным, тихо.)* Если б вы знали, как шикарно иметь на свадьбе настоящего волшебника. Папа, а ты? Идем?

Щелкан. Я тут немного приберу и догоню вас.

Лена. То он хочет спать, то он подметает пол в два часа ночи. Может быть, это хорошая примета, папаша? Тогда — пожалуйста.

Ушли.

Щелкан один. Он держит в руках веник и прислушивается. Когда шаги уходящих затихли, он выходит на авансцену и, держа веник в руке, говорит сначала тихо, а затем все более и более горячась и даже размахивая веником.

Щ е л к а н. Собственно, за каким лешим мне подметать пол? Просто я задержался на минутку, чтобы сказать вам пару слов. При них было неудобно, да и к тому же я не знаю, поднимет мое реноме то, что я вам скажу, или, наоборот, уронит. Вообще-то говоря, наедине с собой я склонен к хвастовству. Итак... Перед вами — маленький советский человек, кассир какого-то там треста. Физически он уже не столь силен, да и годы солидные, так что он на фронт не попал. Но он хотел биться за отчизну! И вот в руки его вложили ключ от гаража. Раньше там стояла машина, обслуживающая людей, которые трудились для родины. Теперь и люди эти и машина эта — на фронте. И я хочу, чтобы и люди эти и машина эта с великой славой вернулись к своему труду. Я знаю, что воюет не один фронт. Воюет вся страна! И я буду здесь воевать, вырабатывать столько военных предметов, чтобы сотни гаражей не вмещали их, тысячи! Хочу работать так, чтобы товарищи на фронте, сказали — Щелкан, ты все-таки молодец!!.. Простите, я, кажется, захвастался? Но поверьте Щелкану — дело будет! Что же касается истории с ковром, то скажу по секрету, я еле-еле прилетел на нем из колхоза. Значит, он действительно сослужил свою службу и пошел дальше по белу свету? Не знаю. Сон ли это, или сказка? Но, как бы то ни было, ключ от гаража у меня в кармане, а ключ этот — целая программа действий. Вот и все! Иду на свадьбу, чего и вам желаю. Если есть намерение пойти со мной — захватывайте угощенье. А в общем — спектакль окончен!

Котенок играл клубком — и семь мудрецов не могли распутать его.

Клубок подкатился ко мне.

Я положил в карман клубок, дабы дома рассмотреть его. Дело в том, что в это время я шел по Пушкинской улице Ташкента, направляясь в Старый Город.

---

13 марта 1942 г., Ташкент, улица Урицкого, 70.

КОММЕНТАРИЙ

«Трепетная, туманно-юная» любовь к театру, прошедшая через всю жизнь Вс. Иванова, была одной из устойчивых привязанностей писателя, который, по словам Горького, не переставал всю жизнь ссориться с самим собой, а на исходе дней признался в дневнике, что был счастлив сомнением.

Первые свои драматургические произведения Вс. Иванов написал еще до революции, когда дорогами Сибири, Урала, Средней Азии долго и трудно шел в Индию — то в роли подручного приказчика, циркового борца, матроса, то в странной роли «факира» и «шпагоглотателя» Бен Али-бея, то автора пьес маленьких бродячих драматических трупп. «Театр» из пяти-шести человек гастролировал на железнодорожных станциях, в уездных городках, «давал представления» на сценах «вольнопожарного общества». Вс. Иванов рассказывает: «Так как пьес для пяти человек <...> существовало чрезвычайно мало <...> я брал каталог разрешенных к представлению цензурой пьес, выбирал <...> фамилию какого-нибудь неизвестного автора вместе с неизвестной пьесой и под эту неизвестность сочинял свою пьесу на пять действующих лиц, с переодеваниями, с неразрешимыми, казалось бы, затруднениями, в которые попадали герои в конце каждого действия, с пожарами, со сценой, густо уложенной деньгами, ревностью, убийствами, подлостью» *(«Театр и драматургия», 1934, № 3)*. Таким образом, Всеволод Иванов написал двадцать или тридцать пьес. Первые пробы пера Иванова-драматурга были полезны прежде всего тем, что к «напыщенным и ходульным мелодрамам» автор почувствовал потом «отвращение на всю жизнь» *(Иванов Вс. От автора.— В кн.: Вс. Иванов. Пьесы. М., «Сов. писатель», 1954, с. 3)*[1].

Первые серьезные опыты Иванова в области драмы (пьесы «Черный занавес» и «Шаман Амо», написанные до революции) не сохранились. После Великого Октября он в течение семи лет создает прозу, принесшую ему громкую славу. «Я перестал писать пьесы,— говорил Иванов позже.— Но я не перестал думать о них» *(Пьесы, 1954, с. 3)*. К драматургии Вс. Иванов вернулся в 1925 г., когда написал комедию «Алфавит». Это насмешливо-ироническое произведение о явлениях, порожденных нэпом, воспринимается сегодня в одном ряду с пьесами Н. Эрдмана, Б. Ромашова, А. Файко. Однако сам писатель считал «Алфавит» лишь экспериментом; он никогда больше не возвращался к этой своей комедии. Написав пьесу «Бронепоезд 14-69», автор сообщал А. М. Горькому: «Это первый сценический мой опыт, и я страшно волнуюсь» *(Переписка с Горьким, с. 44. Разрядка моя.— Е. Ц.)*.

---

[1] В дальнейшем приняты следующие условные обозначения:
Вс. Иванов. Собр. соч. в 8-ми т. М, Гослитиздат, 1958—1960.— Второе собр. соч.;
Вс. Иванов. Пьесы. М., «Сов. писатель», 1954 — Пьесы, 1954,
Вс. Иванов. Пьесы. М., «Искусство», 1964.— Пьесы. 1964;
Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., «Сов.писатель», 1969.— Переписка с Горьким;
Всеволод Иванов — писатель и человек. Воспоминания современников. Изд. 2-е, доп. М., «Сов. писатель», 1975.— Всеволод Иванов — писатель и человек.

Так началась на редкость интенсивная, почти полувековая «жизнь в искусстве» драматурга Всеволода Вячеславовича Иванова.

Большое и на первый взгляд «причудливо» разнообразное его театральное наследие легко и четко распадается на три разновеликие части. Первая — пьесы, вошедшие в историю советской драматургии и театра, имевшие ту или иную (подчас блистательную, подчас не слишком удачную) сценическую судьбу. Это: «Бронепоезд 14-69», «Блокада», «Компромисс Наиб-хана», «Голуби мира», «Пархоменко», «Ломоносов». Во второй группе — пьесы опубликованные, но так и не увидевшие света театральной рампы. Это: «Поле и дорога», «Двенадцать молодцев из табакерки», «Вдохновение», «Дядя Костя». И, наконец, третью часть произведений Вс. Иванова для театра составляют пьесы, которые никогда не ставились на сцене, не публиковались или публиковались частично; они хранятся сейчас в личном архиве автора. Это: «Алфавит», «Верность», «Синий в полоску», «Канцлер», «Два генерала», «Запевала», «Главный инженер», «Левша». Одна из пьес — «Ключ от гаража» опубликована посмертно.

Простой перечень написанного Вс. Ивановым для сцены свидетельствует о том, что перед нами знаменитый драматург, известный зрителям, а зачастую и специалистам только по нескольким пьесам. Уместно вспомнить размышление самого Вс. Иванова на похоронах Михаила Булгакова в марте 1940 г.: «Внутреннее торжество драматурга завершается только на сцене, только тогда, когда он видит созданных им людей перед собой — освещенными огнями рампы и сердцами зрителей». Так же, как и Булгаков, чей талант Иванов высоко ценил, он сам часто не мог «ощутить этого благородного и высокого торжества, этой полной и совершенной награды художнику» *(Отдел рукописей Гос. Библиотеки имени В. И. Ленина).*

Характерны даже названия статей, появившихся после выхода в 1964 г. сборника пьес драматурга: «Вс. Иванов несыгранный» *(И. Андроников,— «Лит. газ», 1964, 12 дек.),* «...и другие пьесы автора «Бронепоезда» *(Е. Полякова.— «Театр», 1965, № 8).*

Примечательно: сам Иванов (что бывает не часто) точно очертил судьбу своих пьес (после «Бронепоезда 14-69» и «Блокады»): «Меня терзает эта моя страсть к драмам! — писал Иванов Горькому 16 октября 1935 г.— Ставить их никто не ставит, печатают их с испугом, читают плохо... Писать, придумывать,— сознаюсь, приятно» *(Переписка с Горьким», с. 73).*

Иванов упустил лишь одно: многие его пьесы вызывали восторженные отклики больших, тонких знатоков театрального искусства. Их очень любил, например, Вл. И. Немирович-Данченко. Он считал Иванова «великолепным художником, зорко видящим пошлость за красивой звонкой фразой и крепко верящим в торжество социалистической идеи». Режиссер писал драматургу 29 сентября 1936 г.: «Меня всегда волнует чистота и честность Вашего творчества, в котором нет места сентиментальности.— Таким я Вас знаю, таким люблю и ценю Вас» *(Немирович-Данченко Вл. И. Театральное наследие, т. 2. М., «Искусство», 1954, с. 411).*

Заметим, что в 30-е гг. находились и критики, которые стремились обратить внимание на драматургию Иванова как своих собратьев по перу, так и театров. В статье «Вс. Иванов — драматург» говорилось о «замалчивании критиками Вс. Иванова, как одного из наиболее талантливых драматургов нашего времени» *(«Знамя», 1933, № 12).* Мих. Левидов опубликовал в «Литературной газете» специальный фельетон, в котором, говоря о пьесе Вс. Иванова «Поле и дорога», вопрошал: «То, что данная пьеса не может найти себе места в

театрах Москвы,— это сказка или быль?» И отвечал: «Если сказка, то глупая, бездарная сказка. Но если быль, то печальна такая быль» *(«Лит. газ», 1934, 6 окт.)*.

Однако эти голоса были единичными. С годами, кажется, все плотнее вырастала стена между критикой, театром и драматургом. Это был конфликт, глубоко трагичный для Вс. Иванова.

Одним из характерных примеров непонимания драматургии Иванова критикой являются претензии рецензентов к его пьесам из русской истории. Здесь вырисовывается явный парадокс. Иванов всегда очень тщательно (порой в течение многих лет) изучал исторические материалы к задуманному им произведению. Современники единодушно отмечали его поистине огромные познания и свободную ориентировку в исторических лабиринтах. Однако рецензенты нередко обвиняли Вс. Иванова в произвольном смещении исторических фактов.

Между тем очевидно, что история как таковая вовсе не является главным, а тем более единственным действующим лицом в исторических произведениях Вс. Иванова. Автора равно интересуют как логика, так и алогизмы исторического движения: в последних писатель также находит предмет для глубоких и неоднозначных раздумий. Многие из его исторических вещей построены по законам притчи, столь любимой Ивановым. На дне конкретных исторических ситуаций и судеб драматург находит общие «на все времена» нравственные коллизии, его волнует тема истинных и мнимых ценностей жизни. Причем такой ракурс художественного зрения не только не мешает, но помогает Вс. Иванову по-своему точно отразить историческую реальность.

Вс. Иванов, как правило, не отвечал своим критикам. Но он не раз высказывал на страницах дневника и предисловий к своим пьесам (как опубликованным, так и неопубликованным) собственную точку зрения на проблему «исторический факт и художественный образ». «...В моих пьесах истории ровно настолько, насколько нужно ее, чтобы она не застила свет искусству...» *(май 1943 г., личный архив Вс. Иванова)*. Эта мысль писателя, безусловно, дает необходимую «точку отсчета» для верного суждения об его исторических пьесах. В них автор прежде всего стремился создать «крупные характеры, сквозь которые просвечивает эпоха» *(Иванов Вс. О фильме «Петр Первый».— «Правда», 1938, 31 декабря)*. Вс. Иванов не раз повторит, что при построении драматургического характера нужно исходить не только из исторических фактов, но из законов развития, движения характера — иначе персонаж произведения остается «бессловесным портретом в галерее исторической, но не драматической» *(там же.)*

«Историческая пьеса, по-моему, никак не может носить характер реставрационно-археологический,— резко заявлял он в другой раз.— Задача музея — одна, задача театра, драмы или романа — другая. Театр отнюдь не является филиалом музея. Мы, художники, ищем в истории отдаленное начало тех героических и прекрасных действий, которые <...> свершают наши современники. В этих поисках — в пределах достоверности, разумеется,— художник имеет право компоновать исторический материал» *(Пьесы, 1954, с. 5—6)*. «...Художественное воплощение,— считает Вс. Иванов,— вырастает не из отрицания или иного толкования исторических фактов, а из глубокого, всестороннего изучения их. Эти исторические факты прежде всего должны быть чрезвычайно близкими вам, ну, словно ваш вчерашний день, не далее. Затем эти факты полезно не только полюбить, но и влюбиться в них, по-юношески, по-детски. Дети и юноши видят часто во сне предметы своей любви. И если уж говорить откровенно, скажу,

что я не могу писать исторической вещи до тех пор, пока не увижу во сне ту или другую часть исторического события, над которым я работаю» *(там же, с. 6)*. Это признание характерно для Вс. Иванова. Та же личная пристрастность привела его к Ломоносову: «...мне хотелось встречаться с Ломоносовым чаще и чаще. Я радовался, перечитывая его письма, и негодовал, что их сохранилось так мало. Меня поражали его научные познания, его энциклопедичность, и казалось странным, что современники не оставили о нем множества воспоминаний» *(там же, с. 7)*.

Но, может быть, главная из причин непонимания многих пьес Вс. Иванова театрами и критикой — это необычность их формы. Особенность таланта Иванова состояла в том, что его произведения, как правило, не укладывались в традиционные жанровые определения. Об этом говорил Б. Пастернак на обсуждении «Вдохновения»: «Я слушаю пьесу в третий раз, но, как и в первый, забываю обо всем и только слежу за тем, что в ней происходит. Неизвестно, к какому жанру надо отнести ее. Это не типичная драма, не роман, я бы сказал,— это произведение, возникшее драматически. Оно капризно, дерзко и очень талантливо. Оно ломает каноны жанра» *(Пельсон Е. Новая пьеса Вс. Иванова.— «Лит. газ.», 1939, 26 дек.)*.

Позже отмечалось: «...драмы исторические он чистосердечно писал так, словно нет ни одного «хода», сюжетной линии, до него созданной и законно используемой писателями; и конструкцию пьесы он создает заново и характеры ее, невиданные прежде» *(Полякова Е. «...и другие пьесы автора «Бронепоезда».— «Театр», 1965, № 8)*.

Вс. Иванов творил по законам собственного театра, собственной театральной эстетики. При всей необычности, новизне этого сочетания — «театр Вс. Иванова» — такой театр мог бы существовать. Был и режиссер, который ясно чувствовал это,— Вл. И. Немирович-Данченко. В пьесах Вс. Иванова его привлекало сочетание трезвого реализма с неудержимой фантазией.

Нереальное Вс. Иванов зачастую доказывет с помощью реального, осязаемого. Волшебный ковер в «Ключе от гаража» перевязывают обычной бельевой веревкой. В пьесе «Вдохновение» по «четвертой, воображаемой стене театра» вдруг ползут совершенно натуральные, не воображаемые черные тараканы. «...Присущая Вс. Иванову выдумка, всегда жизненная, всегда любопытная,— говорил Немирович-Данченко,— правдоподобная при кажущейся экстравагантности <...> часто кажется, что автор, как Гоголь, любит ставить хорошо знакомых ему людей в неожиданные и курьезные положения, и затем рассматривать, как они из них выкручиваются. Какая-то усмешка автора, выглядывающая из-за строк, не покидает читателя» *(«Ежегодник МХАТ» за 1948 г., т. 1, М., 1950, с. 433—434)*.

Именно наличием резко выраженной необычайности в театре Всеволода Иванова объяснял Немирович-Данченко судьбу его пьес 1930-х гг. Он не переставал жалеть о том, что не имел возможности дать этому театру сценическое воплощение. «Со мной ведь часто так бывало,— говорил Немирович-Данченко, беседуя со Вс. Ивановым в октябре 1939 г. о пьесе «Вдохновение».— Мне приходилось часто пробиваться сквозь толщу актерского равнодушия. Так было с Чеховым, Ибсеном, Андреевым. <...> Мне хорошо было бороться с актерской рутиной, когда мне было сорок, пятьдесят, шестьдесят лет, а теперь мне восемьдесят. Мне сейчас трудно работать» *(Переписка с Горьким, с. 334)*.

Разумеется, не все в наследии драматурга равноценно. Главная причина тому не совсем обычна. В 1930—50-е годы Вс. Иванов не

видел на сцене многие свои пьесы, не видел в печати многие свои прозаические вещи. И писатель, по выражению В. Шкловского, «как бы оглох. Он был в положении композитора, который не слышит в оркестре мелодии симфоний, которые он создал» *(Всеволод Иванов — писатель и человек, с. 21—22)*. Может быть, потому Вс. Иванов не завершил и многочисленные свои замыслы — об этом свидетельствуют черновики, наброски, подробные планы его пьес «Львы», «Баба», «Чертенок» и целого ряда других.

В архиве писателя хранятся многочисленные, часто полностью доведенные до конца варианты различных его произведений; Вс. Иванову была свойственна вариантность художественного мышления. Не раз автор вносил изменения и в свои написанные ранее пьесы, не будучи уверенным в том, что «пьеса эта так уж совершенна» *(личный архив Вс. Иванова)*. Подобные замечания и изменения драматург делал в разные годы — на протяжении десятилетий. В частности, печатаемый вариант «Бронепоезда» существенно отличается от текста, опубликованного в шестом томе первого Собрания сочинений писателя.

Случалось, однако, что Вс. Иванов категорически отвергал тот или иной вариант своего произведения, приходя к выводу, что переделка бесперспективна. Создав в начале 1950-х годов новый вариант пьесы «Блокада» (печатался в сборнике пьес Вс. Иванова 1954 г.), автор позднее понял, что изменения противоречат и его замыслу и всей художественной системе произведения. Составляя том пьес, вышедший затем в 1964 г., драматург вернулся к первоначальному тексту, печатаемому в данном издании.

Иногда интересны и правомерны возвращения к «промежуточным» вариантам ивановских пьес. Например, из большого количества вариантов драмы «Ломоносов» в настоящем издании редакция сочла нужным поместить самый полный вариант пьесы 1951—1952 гг.

Все пьесы, кроме «Ломоносов» и «Ключ от гаража», печатаются по изд.: *Пьесы 1964*. Пьесы «Ломоносов» и «Ключ от гаража» публикуются по оригиналам, хранящимся в личном архиве Всеволода Иванова.

«БРОНЕПОЕЗД 14-69»

Впервые опубликовано в изд.: Вс. Иванов. Собр. соч. в 7-ми т., т. 6. М.-Л., Госиздат, 1931.

Историю создания пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» и мхатовского спектакля можно найти во многих воспоминаниях, эссе, литературоведческих и театроведческих исследованиях. Сам Вс. Иванов тоже не раз рассказывал о том, как писал свою знаменитую пьесу — то не веря в успех, то «с легкостью, бесстрашно, весело» *(см.: «Почему и как появился «Бронепоезд».— «Театр и драматургия», 1934, № 3; «От «Сцены на колокольне» к «Бронепоезду 14-69».— «Театр», 1952, № 2 и др.)*.

Процесс создания пьесы во многом совпал с процессом рождения спектакля. Эти процессы пересекались, корректировали один другой и завершились, в сущности, почти одновременно. Не менее важным было и то, что в поисках драматургического эквивалента повести «Бронепоезд 14-69» «рождался» драматург — происходило становление его творческого метода, вырабатывалось его творческое кредо.

Критикой высказывались различные суждения о пьесе Вс. Иванова. Существовало, в частности, мнение, что переделка повести в пьесу носила механический, а не творческий характер. «...Пьесы нет,—

писал Н. Осинский.— Был отличный рассказ о том, как груда сибирских партизан, стихийно идя напролом, душила и рубила чем попало плюющего огнем стального дракона — белый бронепоезд, злое исчадие контрреволюции. <...> Произошла переделка рассказа в пьесу. И прежде всего оказался замедленным темп. Бронепоезд пришлось остановить и пустить его в ход только два раза, да и то не понастоящему...» (*«Известия», 1927, 22 ноября*).

Здесь примечательно то, что критик не заметил главного: перед ним были различные произведения, различные художественные системы. В пьесу автор перенес из повести, в которой было очень сильно драматическое начало, прежде всего то, что соответствовало законам драмы.

Много говорилось и о роли МХАТ в создании пьесы. Критики не раз задавали вопрос: что же стало основой столь плодотворного сотрудничества старого академического театра и молодого, рожденного революцией прозаика? Конечно, Вс. Иванову была близка мысль Станиславского показать «революцию через душу человека». И в этом плане он мог многому поучиться у МХАТ — и жаждал такой учебы. Но нельзя забывать, что и театр встретил автора, который мог дать ему кроме нового революционного материала, еще и очень высокий уровень «человековедения». Отмечая общность творческих принципов драматурга и МХАТ, Н. Волков писал: «Партизан Вершинин, Васька Окорок, китаец Син Бин-у, прапорщик Обаб, капитан Незеласов — каждый из них по-своему переживает гражданскую войну, по-своему втягивается в нее. Изображая эти малые душевные величины,— думает Иванов,— только и можно изобразить целое, самую гражданскую войну, как сумму, слагаемую из десятков, сотен и тысяч отдельных человеческих усилий. МХАТ предметом своего творчества всегда имел и имеет также отдельного человека; какую бы эпоху он ни изображал на своей сцене, он всегда ее изображает через изображение отдельных участников этой эпохи <...> Вот почему не случайным кажется появление пьесы Иванова в репертуаре МХАТ, и вот почему так многого достиг театр в сценическом раскрытии «Бронепоезда» (*«Красная нива», 1927, 4 дек.*).

Принципы психологического анализа драматурга отчетливо проявились при создании им образа большевика Пеклеванова. Автор явно полемизирует с пресловутыми «кожаными куртками», мелькавшими и на страницах многих книг и на театральных подмостках 20-х годов. Здесь Вс. Иванов перекликается с А. Фадеевым, у которого позже Левинсон в «Разгроме» также был сознательно лишен пафоса и преувеличенного героизма, часто встречавшихся в произведениях о гражданской войне. У Пеклеванова «героическое и высокое не в его словах, как и у фадеевского Левинсона, а в делах и поступках...» (*«Сибирские огни», 1955, № 5*). Сам Вс. Иванов вспоминал: «...так как мне претили фальшивый пафос и декламационность тогдашних пьес, изображающих гражданскую войну, я решил сделать Пеклеванова возможно более обыденным. Отсюда — карандаш, забытые спички, забытые папиросы, размышление о китайском носовом платке и прочие мелочи» (*Второе собр. соч., т. 8, с. 601*). Искусство психологизма Вс. Иванов в те годы противопоставлял схематизму, поверхностной героике. Завершив пьесу, он писал Горькому 28 октября 1927 г.: «Я только боюсь одного, чтоб это не было настолько патриотично и фальшиво, что через год и смотреть будет невозможно» (*Переписка с Горьким, с. 46*).

Критика 20—30-х гг. не раз упрекала автора пьесы — как и целый ряд других писателей — в прославлении стихийного начала вос-

ставшего крестьянства. В 50—60-е гг. эти упреки были отвергнуты большинством исследователей. Пьеса Вс. Иванова была проанализирована в работах Н. Великой, М. Минокина, Н. Яновского, в книгах: Л. Гладковская. Всеволод Иванов. Очерк жизни и творчества. *(М., «Просвещение», 1972);* Н. Зайцев. Драматургия Всеволода Иванова. *(М., «Искусство», 1962);* Е. Полякова. Спектакль МХАТа «Бронепоезд 14-69» *(М., «Наука», 1965)*.

Над постановкой «Бронепоезда» в МХАТ работали: К. С. Станиславский, осуществлявший общее руководство, режиссеры И. Я. Судаков, который, по словам П. А. Маркова, «провел фактически подавляющее большинство репетиций и вложил много творческой энергии в спектакль» *(Всеволод Иванов — писатель и человек, с. 151)*, а также Н. Н. Литовцева, подготовившая с актерами первую и седьмую картины; оформлял спектакль художник В. А. Симов. Вс. Иванов, актеры и режиссеры МХАТ вспоминают, что одним из самых страстных энтузиастов нового спектакля был В. И. Качалов, игравший Вершинина.

В разгар репетиций пьесы реперткомом запретил ее постановку, считая, что «в пьесе не отражена роль партии в партизанском движении на Дальнем Востоке». «Я принял это замечание,— вспоминает И. Я. Судаков,— я понял всю его серьезность. Надо воссоздать подлинную картину восстания во всей ее широте, конечно, и в пьесе оно должно быть связано с подпольным партийным движением» *(Судаков И. Я. О первой постановке «Бронепоезда» в Художественном театре.— В кн.: Всеволод Иванов — писатель и человек», с. 156)*. Вс. Иванов в это время находился в Париже, и режиссер решил дополнить пьесу материалами из «Партизанских повестей». По возвращении драматурга вставленный текст был им отредактирован.

Спектакль был создан за три месяца — рекордный для МХАТ срок. Премьера состоялась 8 ноября 1927 года.

При создании спектакля наглядно проявилось творческое содружество разных поколений МХАТ — ветеранов театра и молодежи, пришедшей в коллектив за несколько лет до постановки. Роли исполняли: В. И. Качалов (Вершинин), О. Книппер-Чехова (Надежда Львовна), Н. Хмелев (Пеклеванов), М. Прудкин (Незеласов), М. Кедров (Син Бин-у), Н. Баталов (Васька Окорок), А. Тарасова (жена Пеклеванова), В. Станицын (Обаб), О. Андровская (Варя), А. Вишневский (Семен Семенович), А. Андерс (Знобов).

Критики единодушно отмечали новизну темы в репертуаре театра, обращение коллектива к революционной современности. 4 декабря 1927 г. в журнале «Красная нива» появился дружеский шарж Е. Мандельберга «Новое расписание поездов во МХАТе — I». На мчащемся бронепоезде был изображен В. Качалов в роли Вершинина, а у пушки — К. Станиславский и Вс. Иванов. Однако трактовка этого факта была различной. По первым откликам на постановку видно, как складывалась «репутация» спектакля, формулировалась оценка отдельных его компонентов. Новая работа МХАТ стала полем столкновения различных мнений о дальнейших путях советского театра, различных эстетических программ.

П. Керженцев в статье, опубликованной в «Правде», констатировал: «...своей постановкой «Бронепоезда» театр показывает, что он искренно подходит к темам, волнующим нового советского зрителя. В этом смысле «Бронепоезд» — большой этап театра» *(«Правда», 1927, 18 ноября)*. «Поздравляем 1 МХАТ с прекрасным спектаклем! — писала 19 ноября 1927 г. «Рабочая Москва».— На сцене Художествен-

ного театра зритель впервые увидал настоящих рабочих и крестьян, творцов революции...».

По-другому встретила спектакль вульгарно-социологическая критика, которая в те годы доходила до призывов вообще закрыть МХАТ как буржуазный театр. Рапповцы называли «Бронепоезд» реакционным спектаклем. Положительные же отзывы о постановке эта критика считала «вегетарианской оценкой, в которой эмоция от театральщины временами застилает сущность вещей» *(Бескин Эм. «Бронепоезд», как спектакль. (Его содержание и стиль).— «Читатель и писатель», 1927, 24 дек.).*

Другой критик — В. Блюм — решительно утверждал: «Революции в спектакле нет... Есть впечатление от революции <...> которая слабонервному театру и автору представляется «ужасно страшной». <...> Отсюда этот мрачный колорит всего спектакля. Светлые тона театр нашел лишь для изображения своих любимцев — «дядей Ваней и тетей Маней»...» *(«Веч. Москва», 1927, 21 ноября).* С возражениями В. Блюму и другим «левым» критикам выступил в газете «Известия» *(1927, 24 ноября)* М. Ольшевец, который назвал спектакль МХАТ «настоящей большой работой».

В спорах о мхатовском спектакле приняли живое участие зрители. Один из диспутов, посвященных постановке «Бронепоезда 14-69», провела редакция газеты «Комсомольская правда» в клубе «Правдист». В отчете о диспуте отмечалось, что аудитория объединилась «в дружной защите спектакля». Один из комсомольцев заметил: «Бронепоезд» Художественного театра двинулся <...> навстречу революции, и нам незачем ложиться на рельсы, чтобы препятствовать этому движению, а нужно горячо приветствовать его» *(Б. Г. Комсомольцы о «Бронепоезде».— «Веч. Москва», 1927, 13 дек.).*

Большое значение пьесе Вс. Иванова и спектаклю МХАТ придавал А. В. Луначарский. Он высоко оценил замысел постановки и проявлял заботу о ее судьбе. 26 ноября 1927 г. в газетах «Вечерняя Москва» и «Красная газета» (вечерний выпуск) одновременно печатается статья «Бронепоезд» в МХАТе». «Бронепоезд во многих отношениях триумфальный спектакль...» — заявляет Луначарский. Он одним из первых определил этапность мхатовской постановки в истории советского театра: «Да, «Бронепоезд» оказался подарком МХАТа Первого Октябрю, который не только должен быть принят революцией радушно, но который свидетельствует о богатстве тех перспектив, которые теперь расстилаются перед нами...» Луначарский не раз возвращался затем к этой мысли. 27 октября 1928 г. в статье, посвященной тридцатилетнему юбилею МХАТ и опубликованной в «Правде», он называет спектакль «Бронепоезд 14-69» «лучшей победой Художественного театра до сих пор» *(Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-ми т., т. 3. М., «Худож. лит.», 1964, с. 380—381, 413).* Нарком просвещения внимательно следил и за прессой, посвященной спектаклю. После появления в газете «Читатель и писатель» статьи Э. Бескина Луначарский писал А. Б. Халатову — руководителю Государственного издательства, выпускавшего газету «Читатель и писатель»: «...почему же Вы <...> позволяете Э. Бескину нападать на Художественный театр. Гениальный мировой театр <...> сумел дать волнующе-революционный спектакль. <...> А теперь Вы даете Э. Бескину в Вашем журнале <...> говорить вздор о том, что спектакль надо принять с оговорочкой, потому что будто бы он, видите ли, передвижнический. Как будто нам сейчас не нужно именно передвижничество, именно такой сочный гражданский реализм, понятный всякому...» *(«Театр», 1975, № 1).*

Спектакль МХАТ был показан делегатам XV съезда ВКП(б) (см. об этом материалы в «Комсомольской правде», «Рабочей газете», «Труде» за 11 декабря 1927 г.). 30 мая 1928 г. на спектакле МХАТ побывал А. М. Горький (см.: *Кудрявцев И. Встреча на спектакле.— «Советское искусство», 1937, 17 июня; Театр имени Горького.— «Литературный критик», 1938, № 9—10).* По свидетельству Е. П. Пешковой, «Алексей Максимович был потрясен игрой Василия Ивановича (Качалова)» *(«Ежегодник МХАТ за 1948 г.», т. 2, с. 542).*

В ноябре 1927 г. «Бронепоезд» был поставлен в Ленинградском академическом театре драмы (режиссер Н. Петров).

«Интереснейший спектакль этот,— отмечают современные исследователи,— отличался от спектакля Художественного театра. Отличался не только решением художника Н. Акимова, более декоративно-красочным и обобщенным, чем оформление В. Симова в Художественном театре». У ленинградцев «шел более ранний вариант пьесы: первая сцена спектакля — «набережная», где капитан Незеласов всматривался в даль, не идут ли японские корабли. <...> Исполнители двух театров показывали белогвардейцев как врагов опасных в своей ненависти к народу, в активной защите своих жизненных благ. Но в Художественном театре внешний рисунок был более сдержанным, бытовым». У ленинградцев же белогвардейцы «не хотели быть обыкновенными». Незеласов.— И. Певцов «с первой же картины был именно карателем, садистом... Театры расходились и в прочтении основной темы пьесы. В Ленинграде, при всей достоверности исполнения роли Б. Жуковским, Пеклеванов не был образом такой силы и глубины мысли, как Пеклеванов Хмелева. В ленинградском спектакле главенствовал Вершинин — Н. Симонов с его крестьянской степенностью, тяжелыми раздумьями о жизни»... *(История советского драматического театра в 6-ти т., т. 3. М., «Наука», 1968, с. 58—62).*

В 1936 г. пьеса была поставлена в Малом театре режиссером Л. Волковым. По просьбе театра Вс. Иванов внес некоторые изменения в текст. Рецензируя спектакль, критики определяли его жанр как «народно-героическое, романтическое представление... Самая трактовка спектакля отличается от МХАТовской меньшей камерностью, меньшей интимностью...» *(«Сов. искусство», 1936, 5 мая).* Спектакль Малого театра не стал творческой удачей. «Малый театр в некоторых эпизодах и образах полемизировал с Художественным театром, в некоторых повторял его, но не развивал его принципы, не давал последовательного сегодняшнего прочтения революционной классики 20-х годов» *(История советского драматического театра в 6-ти т., т. 4, с. 118).*

В 1951 г. пьеса пошла в ленинградском Новом театре (режиссер П. Вейсбрем) Спектакль имел как целый ряд достоинств, так и недостатки, главный из которых заключался в том, что режиссер изменил в ряде случаев автору. Например, вместо ивановского финала, когда участники восстания идут в бой, неся впереди на носилках, как знамя, труп убитого Пеклеванова, театр дал «ходульно-оптимистический марш с шелковыми нарядными знаменами» *(«Веч. Ленинград», 1951, 1 фев.).*

В 1951 г. И. Судаков решил как бы реконструировать свою мхатовскую постановку 1927 г. на сцене Центрального театра транспорта. Вс. Иванов создал для постановки новую редакцию пьесы. Критика отмечала, что и пьеса Вс. Иванова и «классическое мхатовское решение, великолепно воплотившее замысел драматурга», успешно прошли «испытание временем» *(Блок В. Испытание временем.— «Веч. Москва», 1952, 7 янв.).*

С 1927 г. пьеса Вс. Иванова широко идет в театрах страны. С постановкой «Бронепоезда 14-69» связано становление многих известных ныне театральных коллективов, утверждение в советском театре принципов социалистического реализма.

На сцене Театра им. Руставели (1928 г.) С. Шаншиашвили создал «кавказский» вариант пьесы, перенеся ее действие в Дагестан, изменив имена главных героев, опустив некоторые сюжетные линии. В центре спектакля оказались партизаны и их вожак Анзор (его именем и была названа пьеса), которого играл выдающийся грузинский актер Акакий Хорава. Спектакль, оригинально поставленный С. Ахметели и оформленный художником И. Гамрекели, «явился одним из самых значительных событий советской театральной жизни тех лет» *(История советского драматического театра в 6-ти т., т. 3, с. 25)*. Посмотрев спектакль «Анзор» во время гастролей Театра им. Руставели в Москве, Вс. Иванов оценил замысел режиссера и С. Шаншиашвили, он заявил, что его пьеса «зазвучала совершенно по-новому и необычайно остро» *(«Рабис», 1930, № 25)*.

В пьесе Иванова играли многие мастера сцены, создав яркие актерские работы. Так, в спектакле Русского театра в Казани (сезон 1928/29 г.) были заняты П. Герага (Вершинин), М. Жаров (Васька Окорок), М. Астангов (Незеласов).

Пьеса Вс. Иванова неоднократно издавалась и ставилась во многих странах мира — Японии, Китае, Австралии, ГДР, Польше, Болгарии, Чехословакии, Монголии, Румынии, Югославии, Франции, Вьетнаме и др. (см. подробнее в комментарии М. Минокина в кн.: *Пьесы, 1964*).

Примечательной была постановка «Бронепоезда» в декабре 1932 г. в Париже, в Международном театре интернационального действия, который основали Леон Муссинак и группа прогрессивных деятелей Франции. Друг Вс. Иванова французский писатель Владимир Познер перевел пьесу, а затем переработал ее — для того чтобы «Бронепоезд» был более понятен парижскому зрителю. Например, установленный в зале «громкоговоритель информировал зрителей о международном положении и о состоянии Сибири и Дальнего Востока во время гражданской войны» *(Познер В. «Бронепоезд 14-69» в Париже.— «Театр и драматургия», 1933, № 1)*. Ставил спектакль И. Даниель (в сотрудничестве с А. Грановской). Художник Натан Альтман сделал оформление к спектаклю, вызвавшее большой интерес у парижских театралов. «Декорации, целиком трехмерные, чрезвычайно упрощены,— писал В. Познер.— В каждой сцене отобраны и подчеркнуты немногочисленные детали. Например, полустанок сделан следующим образом: кусок вокзала с залой для ожидающих, задняя стена, лестница, ведущая наверх к телефонистке, перрон, отрезок пути, две скамейки и семафор. Условным декорациям придан реалистический рисунок. Зритель видит захолустную станцию. В то же время сцена не загромождена, вся площадка представлена в распоряжение режиссера».

«Постановка «Бронепоезда» Всеволода Иванова в Париже вызвала озлобленные отклики буржуазной и белогвардейской печати,— сообщала газета «Известия» *(21 дек. 1932 г.)* в заметке под выразительным названием «Нападение волков на бронепоезд»,— злой вой достойно заключает милюковская газета «Последние новости», которая глубоко возмущена тем, что «публика бешено аплодировала известной сцене с американцем».

Композитор Д. Кабалевский написал в 1955 г. по мотивам повести и пьесы «Бронепоезд 14-69» оперу «Никита Вершинин» (либретто

С. Ценина). В том же году оперу поставил Государственный академический Большой театр Союза ССР (режиссер Л. Баратов, дирижер А. Мелик-Пашаев, художник В. Рындин).

Последние месяцы жизни Вс. Иванова снова прошли «под знаком» «Бронепоезда», он обратился к дням юности, к любимым героям: вместе с коллективом МХАТ Иванов работал над новой постановкой пьесы, писал сценарий «Бронепоезд 14-69» для киностудии «Мосфильм» (опубликован в журнале *«Простор», 1963, № 11)*.

Непосредственным поводом для новой постановки МХАТ послужил показ одной из картин (сцена «На колокольне») на посвященном 100-летию К. С. Станиславского торжественном вечере 17 января 1963 г. Сцена имела огромный успех. Решено было поставить заново всю пьесу (режиссеры И. Раевский и Н. Ковшов, художник Б. Волков). По единодушному мнению критики, новая постановка «Бронепоезда» (премьера — в ноябре 1963 г.) становится для театра примечательным событием. Рецензенты отметили юность ивановского творения перед лицом времени. «...Когда этот спектакль, посвященный социалистической революции, перестали играть,— писал Б. Волгин,— в кулуарах театра, вспоминая слова из известной песни, поговаривали, что «Бронепоезд» стоит на запасном пути. И вот в канун 46-й годовщины Октября его снова увидели на магистрали. И каждый зритель может убедиться, что «Бронепоезд» и сейчас ведет прицельный огонь. Его оружие, если под ним подразумевать оружие сцены, не устарело» *(«Москва», 1964, № 11)*.

Фильм по сценарию Вс. Иванова поставлен не был *(см.: Сценарий не увидел экрана.— «Сов. культура», 1962, 3 февр.)*. Тем не менее, «Бронепоезд» имеет свою историю и на киноэкране. В 1931 г. режиссер Я. Протазанов снял на студии Межрабпомфильм художественную ленту «Томми» на сюжет знаменитой повести и пьесы. Спустя сорок два года на «Мосфильме» вышла кинокартина режиссера Ю. Чулюкина «И на Тихом океане...», в основу которой легли «Партизанские повести» Вс. Иванова.

«БЛОКАДА»

Впервые опубликовано в альманахе «Земля и фабрика» (кн. 5. М., 1929).

Успех «Бронепоезда» укрепил в авторе веру в свое драматургическое призвание. Пьесу «Блокада» он начал писать вскоре после блистательной мхатовской премьеры. Уже в январе — феврале 1928 г. Вс. Иванов сообщает Горькому: «Написал я пьесу «Блокада» — о взятии Кронштадта в 921 году. Пьесу хвалят, пойдет она в театре им. Вахтангова. Актеры там не ахти что, но больно молоды, энтузиасты и как-то легко с ними разговаривать» *(Переписка с Горьким, с. 53)*. 19 августа 1928 г. отрывок из «Блокады» под названием «Сцена у канала» был напечатан в «Красной газете».

Как и в «Бронепоезде», Вс. Иванов стремится в «Блокаде» показать революцию в разрезе человеческих душ и судеб. «Блокада» в этом отношении даже более полемически заострена. Пьеса непосредственно связана с циклом рассказов Вс. Иванова «Тайное тайных», который автор создавал с середины 20-х годов. Психологический реализм многих рассказов цикла Горький ставил выше бунинского *(см.: Переписка с Горьким, с. 41)*, а сам Вс. Иванов в конце жизни считал «Тайное тайных» одним из высших своих достижений как прозаика. На связь «Блокады» с «Тайное тайных» не раз указывал автор. При-

мечательно и то, что в пьесе использованы мотивы и сюжеты некоторых рассказов цикла (например, исповедь Осипа Мироныча в третьем действии заставляет вспомнить коллизию рассказа «Литера «Т», который примыкал к циклу «Тайное тайных»). Как и в «Тайное тайных», Иванов выражает свою художественную идею через сложную систему образов. Главным образом «Блокады» не случайно оказывается туман, который обволакивает не только город, но и людские души. Многослоен и интересен варьирующийся на многих страницах пьесы образ «трех ветров». Да и в само название — «Блокада» — автор вкладывал емкий смысл. Иванов говорил, что хотел изобразить «тройную блокаду: со стороны империалистов, со стороны восставших кронштадтцев и, наконец, блокаду чувств — моральную связанность, инертность» *(«Рабис», 1928, 2 окт.)*.

Автор осуществил в пьесе точно сформулированную им творческую задачу: «дать несколько символичные фигуры героев последнего гражданского сражения — то есть, битвы под Кронштадтом и ту усталость, которая столь характерна для преднэповского периода нашей революции» *(«Современный театр», 1929, 12 февр.)*.

Новаторский характер пьесы верно почувствовали некоторые критики 20-х гг. П. Керженцев выступил в «Правде» *(26 февр. 1929 г.)* с большой статьей, в которой отмечалось, что «пьеса очень искусно выявляет всю многосложность социальных и личных отношений и дает ряд захватывающих сцен трагического характера». Иванова «интересовала не историческая достоверность и бытовая фотография, а настроения, политическая атмосфера той эпохи,— писал Р. Пикель.— На чрезвычайно тонкой социальной и психологической канве он ткет сложнейший узор классовых взаимоотношений и столкновений. Он решительно рвет со штампом и трафаретом, установившимся у нас в пьесах на тему о гражданской войне. <...> Два начала проходят через всю сюжетную ткань «Блокады»: пафос гражданской войны и социалистического строительства» *(«Веч. Москва», 1929, 28 февр.)*.

Однако в основном о «Блокаде» писали как о явной неудаче драматурга. Постепенно сбывалось печальное пророчество автора, который незадолго до мхатовской премьеры признавался: «Боюсь и жду упреков, что характеры героев пьесы обладают «иррациональным», то есть тем, что наша критика нашла в моих рассказах и повестях и что, в сущности, является неприспособленностью критиков к внимательному чтению, неспособностью найти мотивировку поступков героев». Иванов возмущенно отвергал эпитет «яркореакционного» писателя. Драматург ждет от критиков действительного анализа своих работ, хочет, чтобы в его произведениях видели поменьше «иррационального» и побольше смысла!» *(«Современный театр», 1929, 12 февр.)*.

В 60—70-е гг. стали появляться работы исследователей, в которых содержится объективная оценка «Блокады», как, например, в упомянутой книге Л. Гладковской, статье М. Минокина «Трагедия Вс. Иванова «Блокада» и споры вокруг нее». *(«Ученые зап. Орловского пед. ин-та», т. 30, 1966)*.

Пьеса первоначально должна была ставиться в Театре им Евг. Вахтангова. Однако, уступая просьбам мхатовцев, Иванов передал «Блокаду» в Художественный театр. О причине заинтересованности МХАТ пьесой не раз говорил Вл. И. Немирович-Данченко: «Блокада», сочетающая высокий революционный героизм с чрезвычайно простым человеческим материалом, глубокий замысел — с отточенными до символов реальными фигурами — мне казалось, должна явиться произведением нового, советского Ибсена. На такой пьесе можно бы-

ло сделать необходимые шаги к поднятию огрубевшего мастерства наших актеров» *(«Веч. Москва», 1929, 15 апр.).*

Немирович-Данченко подчеркивал, что одна из целей постановки — «найти форму современного драматического спектакля». Театр и драматург шли одной дорогой. Иванов так рассказывал о своем замысле: «...я хотел освободиться от быта и бытовых словечек, господствующих сейчас в нашей драматургии...» *(«Современный театр», 1929, 12 февр.).* Замысел постановщика был идентичен. «В поисках монументальной формы спектакля, к которой я стремлюсь во всех своих последних работах,— говорил Немирович-Данченко,— я опирался на лучшие традиции и приемы Художественного театра, очищенные от натурализма и доведенные до четкой и строгой простоты. Мы искали трагического пафоса без ходуль. <...> Несмотря на напряженность темы, мы хотели освободиться от сентиментальности, которая убивает трагедию. Мы искали внутренней наполненности, закованной в строгие и четкие, я бы сказал, музыкальные формы» *(«Веч. Москва», 1929, 25 февр.).*

25 февраля 1929 г. спектакль МХАТ был впервые показан зрителям. Роли исполняли: В. Грибунин (Осип Мироныч), В. Качалов (Артем Аладьин), Н. Тихомирова (Анна Матвеевна), Б. Ливанов (Лукьян), И. Кудрявцев (Дениска), М. Кедров (Жихарко), К. Еланская (Ольга), А. Грибов (Кисель), Н. Баталов (Рубцов) и др. Кроме Немировича-Данченко над постановкой работал И. Судаков. Оформил спектакль художник И. Рабинович.

В материалах к «Истории моих книг» есть размышления Иванова о судьбе «Блокады»: «После «Бронепоезда» МХАТ поставил мою пьесу «Блокада» на тему кронштадтского восстания. Насколько «Бронепоезд» имел большой успех, настолько же «Блокада» не имела успеха, хотя я и сделал там большие народные сцены, и театрально, пожалуй, пьеса была сделана лучше,— с моей точки зрения,— чем «Бронепоезд». <...> Я не унывал, хотя, признаюсь, мне было совсем не легко» *(личный архив Вс. Иванова).*

Эта запись автора точна в целом, но если иметь в виду хронологию событий, то сопоставление театральной судьбы «Бронепоезда 14-69» и «Блокады» следует конкретизировать. После премьеры «Блокады» в МХАТ в большинстве рецензий на спектакль преобладали восторженные интонации. П. Керженцев писал в «Правде», что «Блокада» знаменует для МХАТ полную победу на фронте подлинного советского, революционного репертуара» *(«Правда», 1929, 26 февр.).* Рецензент «Вечерней Москвы» замечал: «Блокада» звучит, как эпос, как героическая песня о событиях и людях» *(«Веч. Москва», 1929, 28 февр.).*

Но постепенно среди критических отзывов на спектакль стали преобладать другие, написанные с вульгарно-социологических позиций. Не находя достаточно убедительных доводов против пьесы и спектакля МХАТ, рапповская критика прибегла к откровенной клевете на Вс. Иванова и режиссера И. Судакова *(см.: Анна Б. Соавторская «Блокада».— «Рабис», 1929, № 14; Дик Г. В Художественном театре неблагополучно! — «Нов. зритель», 1929, № 16).* Вс. Иванов откликнулся на эти материалы возмущенным письмом в редакцию журнала *(см.: «Рабис», 1929, № 16).* 3 апреля 1929 г. в МХАТ состоялось общее собрание труппы, где была принята резолюция, отвергающая измышления врагов спектакля. В журнале «Новый зритель» было напечатано в связи с этим письмо коллектива МХАТ в редакцию *(см. «Нов. зритель», 1929, № 16).* В январе 1947 г., перебирая газетные вырезки, относящиеся к постановке «Блокады» в МХАТ, Вс. Ива-

нов записывает в дневнике: «...РАППу нужно было меня вышибить из МХАТ, ибо зачем ему, действительно, делать из меня всероссийскую «фигуру». <...>И вот рапповцы пишут, что «Блокада» была поставлена потому, что я дал авторские Судакову, т. е. взятку. Никаких авторских он не получал, да и разговора [об этом] быть не могло. Скандал получился, имя мое было, более или менее, скомпрометировано, так же, как имя И. Судакова» *(Переписка с Горьким, с. 412).*

Последствием этих инсинуаций явилось исключение спектакля «Блокада» из репертуара МХАТ, а равно и то, что он долгое время недооценивался историками театра. Между тем, как заметил П. А. Марков, «Блокада» сыграла для театра роль выдающуюся — она была образцом режиссерского мастерства в области создания современного философского спектакля» *(Всеволод Иванов — писатель и человек, с. 154).*

Кроме мхатовского спектакля известны постановки «Блокады» в Драматическом театре 1-й Государственной художественной студии (Ленинград, 1928, постановщик П. Вейсбрем), в Бакинском рабочем театре. В ноябре 1967 г. состоялась премьера «Блокады» в Белорусском академическом театре им. Я. Купалы (постановка Б. Эрина).

«ПОЛЕ И ДОРОГА»

Впервые опубликовано в журнале «Театр и драматургия», 1934, № 8.

На точное время написания пьесы и творческую «сверхзадачу» автора указывают строки из письма Вс. Иванова Горькому 12 апреля 1933 г.: «Третьего дня закончил пьесу. О гуманности и гуманизме. В наших, советских, условиях» *(Переписка с Горьким, с. 69).*

Неожиданная, на первый взгляд, философская комедия Вс. Иванова органично вписывается в историко-литературный контекст. Тема воспитания нового человека и «перековка» старого, как выражались тогда, были основными темами в литературе конца 20-х —30-х годов. Об этом — произведения А. Макаренко, Н. Погодина, А. Малышкина и др. Своеобразие пьесы Вс. Иванова состоит в том, что драматург соединил тему, выдвинутую временем, с «вечной» темой самоопределения и самоосуществления личности, с «вечной» проблемой борьбы добра и зла.

В сложной симфонии ивановского творчества пьеса воспринимается как одно из многих устремлений автора осмыслить роль добра и доброты в жизни человека и судьбе человечества.

В рукописи пьесу читал А. М. Горький, который внес в текст ряд редакторских поправок (об этом свидетельствует запись Вс. Иванова на одном из экземпляров произведения, хранящемся в личном архиве автора пьесы). Ее «основной темой» Горький считал «роль гуманизма в борьбе двух классов, двух миров» *(«Театр», 1954, № 11).*

Пьеса не была поставлена на сцене. По этому поводу в «Литературной газете» появилась статья М. Левидова, который писал о «выдающихся достоинствах пьесы Иванова», о «подлинной и волнующей ее проблемности». «...Язык этой пьесы,— продолжал М. Левидов,— резко отличен от рыбьих слов и ватных диалогов многих наших пьес», он «полновесен, образно насыщен, ярко индивидуален», «некоторые реплики и диалоги пьесы» звучат «силой поражающей, словно удары молота в могучих руках». Объясняя причины, по которым театры прошли мимо истории о «трагическом эксперименте ста-

рого рабочего Даудова», М. Левидов замечает: «Вс. Иванов написал трудную пьесу, необычную, своенравную. Правда, трудно к ней приступиться: остроугольная она, какая-то колючая, рогатая, такая непохожая на обычные наши круглые, благополучные пьесы, как крокетные шары, движущиеся по сценической площадке. Беспокойная пьеса» («Лит. газ.» 1934, 6 октября).

«ДВЕНАДЦАТЬ МОЛОДЦЕВ ИЗ ТАБАКЕРКИ»

Впервые опубликовано в журнале «Новый мир» (1936, № 1).

«Двенадцать молодцев из табакерки» открывают своеобразный драматургический цикл, в котором Иванов обращается к событиям отечественной истории. При всем различии художественных структур пьес Вс. Иванова «Двенадцать молодцев из табакерки», «Вдохновение», «Канцлер», «Ломоносов, «Левша» их объединяют устойчивые, прошедшие через десятилетия раздумья автора о судьбе своего народа на том или ином историческом перепутье, о судьбе и предназначении русского гения.

На характер сочленения и осмысления событий в пьесе «Двенадцать молодцев из табакерки» указал сам автор, увидев жанровые границы пьесы между комедией и трагедией *(см.: Переписка с Горьким, с. 79)*. Рассматривая реальный исторический факт — заговор и дворцовый переворот 1801 г.,— драматург как бы пользуется тем, что конкретные детали переворота малоизвестны, имеют различные версии. Поэтому он предлагает собственную трактовку событий, оставаясь в пределах основной исторической коллизии. Так и кажется, что автор рассказывает читателю и зрителю один из исторических анекдотов, столь распространенных в XIX веке.

В анекдоте верно схвачена суть характера; исследуя эти яркие характеры в сложных переплетениях исторического карнавала, Вс. Иванов вовсе не скрывает своего подхода к материалу. Посылая пьесу Горькому 16 октября 1935 г., он писал: «Желаю, чтоб в ы д у м к и м о и доставили Вам удовольствие!» *(Переписка с Горьким, с. 73. Разрядка моя.— Е. Ц.)*.

Разговор о «Двенадцати молодцах из табакерки» проходит через несколько писем Горького и Вс. Иванова. Автор рассказывает о работе над пьесой, его старший друг говорит о своем понимании произведения, дает советы по доработке. М. Горький считал, что парадоксальность ситуации пьесы, яркие сатирические штрихи в обрисовке персонажей соответствуют глубинному «подтексту» истории. «...Этот Ваш «опус» мне нравится,— пишет он Иванову 10 января 1936 г.— Интересна и вполне оправдывается эпохой мысль посадить на престол всероссийский — купчиху. Французы делают революцию, отрубая головы дворянам и королю, англичане побаиваются, как бы у них не разыгрался социальный скандал такого же типа, а у нас, на Руси, обходя все детали и нюансы, дворяне возглавляют сами себя дородной купчихой, после того как испробовали иноземных баб» *(Переписка с Горьким, с. 82)*. В одном из писем (после 19 октября 1935 г.) Горький обращается к пьесе Вс. Иванова, уточняет ее замысел, подчеркивает жанровые особенности: «...купчиха хочет посидеть царицей. Не знаю, каковы Ваши реальные данные для такой острой выдумки, но — весьма одобряю ее. Однако эта тема обязывает Вас усилить элементы комедийности, не страшась даже гротеска. Павел — исторический гротеск, как бы ни смотреть на него» *(Горький М., Собр. соч. в 30-ти т., т. 30. М., Гослитиздат, 1955, с. 405)*.

Горький советовал автору «издать существующий текст как «По-

весть в диалогах». Работая далее над пьесой, Вс. Иванов придерживался этого совета *(см.: Переписка с Горьким, с. 84—85)*. Пьеса «Двенадцать молодцев из табакерки» была принята к постановке в МХАТ. 15 февраля 1936 г. сообщение об этом появилось в многотиражной газете театра «Горьковец» *(см.: Переписка с Горьким, с. 79)*.

О судьбе пьесы в МХАТ рассказывает П. Марков: «Двенадцать молодцев» — пьесу, поразившую общей атмосферой, яркостью характеристик, мощной образностью, напряженностью сюжета, должен был ставить Борис Ливанов, влюбившийся в пьесу, но постановка по каким-то причинам все откладывалась — то нужные исполнители были заняты в других спектаклях, то «Молодцы» уступали место пьесам современной тематики» *(Всеволод Иванов — писатель и человек», с. 154)*.

«ВДОХНОВЕНИЕ»

Впервые опубликовано в журнале «Красная новь», 1940, № 3.

С «Вдохновением» приходит в творчество писателя тема искусства. Все чаще Иванов возвращается к мысли, которую впервые занес в дневник в мае 1939 г.: «Я, наверное, совершенно зря пропустил в своих писаниях тему искусства. А между тем какой это могучий и настоящий материал! Надо писать пьесу, роман — и вообще много об искусстве. Присмотреться к нему. Это — настоящее» *(Переписка с Горьким, с. 332)*.

Как и в «Двенадцати молодцах», автор обращается во «Вдохновении» к малоизученным событиям русской истории, дающим простор вымыслу, фантазии. Здесь это тем более необходимо, что драматург как бы проводит в пьесе смелый, интересный эксперимент: соединяет прошлое и настоящее, отделенные друг от друга «магической» цифрой лет: 333. Прошлое держит экзамен перед настоящим, перед осуществившейся историей.

В дневнике Вс. Иванова имеется запись, отразившая раздумья автора о героях пьесы, которые «любят свою Родину и ее идеи и защищают их» *(Переписка с Горьким, с. 332)*. Эта запись — от 27 мая 1939 года — позволяет также точнее определить время работы Вс. Иванова над «Вдохновением».

В декабре 1939 г. пьеса «Вдохновение» обсуждалась на заседании Президиума Союза писателей СССР. В обсуждении приняли участие А. Фадеев, Б. Пастернак, Д. Бергельсон, В. Шкловский, А. Файко и другие. «Это очень талантливое произведение,— сказал В. Шкловский, открывая обсуждение.— Я не знаю исторической пьесы более реалистической, чем эта. С точки зрения исторической достоверности она замечательна». Выступавшие отмечали оригинальность композиции пьесы, которая позволила Иванову органично раскрыть свою концепцию истории, на необычном художественном материале доказать излюбленную мысль о неизбывности лучших черт национального характера, о вечной «ниточке» вдохновения, соединяющей разбросанные во времени людские поколения. «Мне нравится многоплановость пьесы Вс. Иванова,— говорил А. Фадеев.— Я слышу в ней перекличку веков, вижу преемственность исторического развития» («Лит. газ.», 1939, 26 дек.).

После передачи пьесы в МХАТ 20 октября 1939 г. состоялся телефонный разговор между драматургом и Вл. И. Немировичем-Данченко о судьбе «Вдохновения» в театре.

Запись беседы, сделанная Вс. Ивановым, передает как оценку «Вдохновения» режиссером, так и тот историко-театральный контекст, в котором решался вопрос о постановке пьесы в МХАТ. «...Пьеса та-

лантлива, оригинальна.. — говорил Немирович-Данченко.— В вашей пьесе превосходный язык, прекрасные характеры. Например, Самозванец... В русской литературе не было еще такого Самозванца... Тем не менее весь художественный совет был против меня... Я еще поборюсь с ними, т. е., собственно, это не борьба, а внушение. Им необходимо внушать. Иначе нельзя» *(Переписка с Горьким, с. 334—335).*

Уже после рассмотрения пьесы в театре автор работал над ней. Были сделаны исправления и сокращения, а первоначальное название — «Кесарь и комедианты» — заменено на «Вдохновение». Это было связано с уточнением авторского замысла: в новом варианте расширился современный пласт пьесы, сильнее зазвучала тема «переклички веков».

Пьеса дважды обсуждалась на заседаниях художественного совета МХАТ — 12 и 23 января 1940 г. На первом заседании пьесу читал сам автор, хотя непосредственно на обсуждении он не присутствовал. Стенограммы обсуждений дают достаточное представление о неосуществленном режиссерском замысле одного из основоположников МХАТ. Немирович-Данченко прочитал «Вдохновение» прежде всего как философскую сказку. Критику пьесы некоторыми выступавшими он называет «раздеванием сказки». Режиссер с недоумением говорит о непонимании сюжетной коллизии «Вдохновения», о том, что сказку меряют логикой здравого смысла: «Вдруг сказку раздели, разголили: почему этого нет? да почему он, советский человек, туда пришел? да почему есть кино? да зачем это? можно и без кино! Сели разбирать сказку и сказали:— Прежде всего уберите все сказочное, ничего сказочного не нужно!» *(Музей МХАТ. Архив ВЖ, № 1674).*

Руководитель МХАТ развивает авторское определение пьесы: «шуточная сказка в трех действиях». Он называет «Вдохновение» «поэтической фантазией». Немирович-Данченко прекрасно понимает особую условность пьесы, где историческое ничуть не мешает сказочному. «Это шутка, конечно,— говорил Немирович-Данченко,— но какая шутка!? С большими, глубокими мыслями, идеями, образами. Шутка — но с какими трагическими сценами! Взял да кусок нарисовал исторический живьем в этой шутке. Это и есть смелость и дерзость». Выслушав соображения о том, что «историчность образа» Самозванца «трудно совместима со сказочностью», Немирович-Данченко ответил: «Если это будет даже очень бытово, исторично и захватит своей историчностью — это не помешает сказочности. Тем ярче будет выступать контраверза с человеком сегодняшнего века» *(Там же).*

Немирович-Данченко называл пьесу «экспериментальной» и потому еще считал постановку «Вдохновения» необходимой для МХАТ. Пьеса «трудная,— говорил он,— ее трудно сделать, трудно охватить, и поэтому она для меня представляет интерес в моей режиссерской работе <...> тут все будет ново, весь спектакль свежий». Интересную мысль Немировича-Данченко в защиту пьесы Иванова привел в своем выступлении и один из участников обсуждения: «Вы, Владимир Иванович, говорили, что Художественный театр может завянуть, если будет сидеть на знакомых формах; что он делает ошибку тем, что не желает вдуматься в трудную природу автора; делает ошибку, если не берет на себя инициативу разобраться в сложностях литературы Вс. Иванова. Это все обязывает нас сделать попытку экспериментального спектакля».

Немирович-Данченко считал, что при сценической трактовке пьесы надо учитывать и первоначальное и последнее ее название. Он отмечал также «великолепный язык» «Вдохновения», «великолепные сцены народные», которые «должны живьем идти».

Об отдельных образах и компонентах пьесы Немирович-Данченко сказал: «Я четыре раза брал пьесу читать... первая сцена Дмитрия — и улыбка не сходит у меня с лица. У меня впечатление, что это будет идти под сплошной великолепный смех в зрительном зале». «Я утверждаю,— ни у Островского, ни у Пушкина так Дмитрий не нарисован. Если бы я был актером — чтобы я отказался от такой роли Дмитрия?! Такое богатство <...> талантливая фигура! Марина — великолепно сделанная, и четко, и интересно, и ново. Чуркина — не очень. Филатьев — такой обыватель среди наших актеров есть. <...> Наташа — очаровательный образ, сцена за сценой. Она-то будет советской актрисой — и это мне страшно нравится» *(там же)*.

Пьесу было решено ставить в МХАТ, но постановка осуществлена не была.

Вс. Иванов впоследствии не раз возвращался к «Вдохновению». В его личном архиве хранятся экземпляры пьесы с возможными названиями, данными в 50-е гг.: «Император и скоморохи», «Кесарь Дмитрий Первый».

«ЛОМОНОСОВ»

Впервые опубликовано в журнале «Театр», 1953, № 6.

В течение многих лет Иванова притягивал своей загадкой блистательный ломоносовский гений. Необычная судьба этого гения, где слились драматизм и высокая героика, привлекала его и как публициста и как художника. В раздумьях Иванова тема Ломоносова была частью другой, более широкой, во многом личной темы — русских самородков, которых «от Ломоносова до Горького русский народ выдвигал из своей среды» *(Второе собр. соч., т. 8, с. 560)*. С примечательной последовательностью на протяжении десятилетий Вс. Иванов высказывал свою концепцию личности Ломоносова. «...Ломоносов — наш современник, а эти слова редко можно сказать про какого-либо ученого XVIII века,— писал он 18 ноября 1936 г. в статье, опубликованной в «Известиях».— В науке и искусстве талант — великое дело, но еще более великим делом является талант, помноженный на поэтическое и научное предвидение, которое вытекает из веры в свой народ, в его гений, в его будущее!..». Проходит пятнадцать лет. В рецензии на книгу А. Морозова «Михаил Васильевич Ломоносов» писатель возвращается к той же мысли: «Главное в истинном ученом и поэте — это дар предвидения. Ученый и поэт <...> на основе своих научных и поэтических наблюдений должен сказать, какими путями идти в дальнейшем науке и поэзии, чтобы и поэзия и наука лучше служили народу» («Комс. правда», 1951, 7 марта). И в своих статьях и в своей пьесе Вс. Иванов утверждает, что Ломоносов перешагнул границы своего века, узкие рамки социальных устройств и ясно увидел Россию завтрашнюю.

Пьеса Вс. Иванова — первая серьезная попытка вывести на сцену Ломоносова. Работая над пьесой, автор в течение долгого времени изучал исторические материалы. В его личной библиотеке до сих пор хранятся не только труды самого Ломоносова и работы о нем, не только исследования, посвященные XVIII веку, но и такие книги, как девятитомные «Открытые тайны древних магиков и чародеев или волшебные силы натуры, в пользу и увеселение употребленные» *(М., 1804)*, «Словарь натурального волшебства» *(1795)*. Эти книги Вс. Иванов читал, стремясь приобщиться с помощью первоисточников к науке XVIII века.

Судя по черновикам драматурга, многочисленным заметкам с характеристиками действующих лиц, проникновение в исторический ма-

териал соединялось у Вс Иванова с напряженными поисками психологических мотивов, субъективных, личностных нюансов исторического процесса. О своем герое он хотел «так рассказать, чтоб слышалось рядом его дыхание и в пальцах было ощущение от ворса сукна его кафтана». Для Иванова очень важно и то, что Ломоносов «прежде всего... был очень хороший человек» *(Пьесы, 1954, с. 7).*

В личном архиве Вс. Иванова имеется много набросков и вариантов «Ломоносова». Свидетельствует о том же и одно из интервью с писателем: «Работает Иванов много, по многу раз переписывает одно и то же. Его пьеса «Ломоносов», которая не так давно шла на сцене Художественного театра, разместилась на 70 страницах, а написано было — 2000» *(Борисова И. У Всеволода Иванова.— «Лит. газ.», 1959, 28 июля).*

Первый вариант «Ломоносова» создавался с декабря 1948 г. по ноябрь 1951 г. (о чем говорят пометки автора на нескольких экземплярах пьесы). Отрывок из «Ломоносова» был опубликован в «Известиях» 22 мая 1949 г. (См. отклик: *Капустинский А. Реальность и фантазия в литературном творчестве. Письмо в редакцию.— «Известия», 1949, 31 мая).*

В 1951 г. состоялось обсуждение пьесы на заседании секретариата Союза писателей СССР. На заседании председательствовал А. А. Фадеев. Выступавшие «оценили пьесу как интересное и значительное произведение» *(«Театр», 1951, № 5).* В дальнейшем автор продолжал работу над «Ломоносовым».

В 1953 г. пьесу поставил МХАТ (режиссер Б. Ливанов, художник В. Ходасевич, музыка к спектаклю Ю. Шапорина). Основные роли исполнили: Б. Ливанов (Ломоносов), Ю. Леонидов (Разумовский), А. Тарасова (Нарышкина), В. Попов (Теплов), В. Готовцев (Иконников), А. Чебан (Шумахер), Н. Свободин (Уитворт) и другие.

Просмотрев 31 марта 1953 г. прогон спектакля в МХАТ, Вс. Иванов написал специальные «Замечания» о постановке (датировано 1 апреля 1953 г.), которые отправил в театр. Перед нами своеобразный автокомментарий драматурга к собственной пьесе, его трактовка отдельных персонажей. Вс. Иванов во многом предлагает здесь свой вариант спектакля, в чем-то перекликающийся с мхатовским прочтением, а в чем-то корректирующий его. Он, в частности, выдвигает основные принципы сценического воплощения образа Ломоносова. Надо, пишет он, «играть силу, жизнерадостность, оптимизм, а ни в коем случае — раздраженность и слабость». Иванов предлагает свой рисунок роли Ломоносова в каждом действии. Комментируя четвертое действие пьесы, он пишет: «Победа — в условиях XVIII века — дело не легкое. Ломоносов болен. Но <...> это полководец, который и тяжело раненным не уходит с поля боя. Он подсмеивается над предложением Нарышкиной «уехать в Англию», а не выражает тоски по этому поводу, как это показано сейчас. Он утешает ее, а не хнычет над ней! Хныкать должна она, Нарышкина. Это — воин, который бьется до последней капли крови, мужественно, без слезливости, опять-таки не жалея себя, ибо он — утверждает свое дело! В финале Ломоносов должен быть скромным и, может быть, только тут растрогавшимся над своими учениками, над завершением своего жизненного предназначения». Писатель дает и такие советы постановщику: «Мужики первого действия должны представлять из себя скрытую и умную силу, а не дикарей»; «Калина Судьин должен быть наделен какой-то резкой, отчетливо запоминающейся характерностью, вроде того, что он чуть-чуть заикается» *(личный архив Вс. Иванова).*

Критика по-разному встретила пьесу и поставленный по ней спек-

такль. Появился ряд отрицательных рецензий и откликов. Правда, даже авторы самых резких статей против «Ломоносова» отмечали, что Вс. Иванов «отказался... от распространенной у нас в биографических произведениях иллюстративности» *(Смирнова В. «Ломоносов» на сцене МХАТ.— «Театр», 1953, № 9)*. Более объективная точка зрения на пьесу и спектакль была высказана в статьях Вл. Орлова, Н. Яновского, в книге Н. Зайцева. Н. Яновский убедительно полемизировал с В. Смирновой *(см.: «Сибирские огни», 1955, № 5)*. Вл. Орлов писал: «Ломоносов сегодня впервые оживает на сцене театра и протягивает руку современникам, как живой с живыми говоря». Рецензент особо выделял «выразительный, сочный, народный язык пьесы, отмеченный тем радостным для актера благозвучием, которое не часто присутствует в современных драматических произведениях» *(«Известия», 1953, 29 мая)*. Пьеса вызвала горячее одобрение и интерес у А. Фадеева. В своих «Заметках о литературе» он заявил, что не согласен «с той кислой оценкой, которая дана была критикой» нескольким историческим пьесам, в том числе «Ломоносову» Вс. Иванова. Суть проблемы Фадеев видит в том, что «драматические произведения оцениваются походя, только в связи с их сценическим воплощением, как они получились на сцене, без прочтения пьес». Обращаясь же к постановке МХАТ, А. Фадеев считает, что в спектакле не учтено подлинное своеобразие драматического материала: «Пьеса Иванова — романтическая по форме. <...> Постановщик пьесы в Московском Художественном театре, он же исполнитель роли Ломоносова, должно быть, видел, что спектакль нельзя поставить в реалистически-бытовом плане. Но он не создал романтического спектакля, а вступил во внешнем оформлении на путь стилизации, а в актерском воплощении характеров, особенно Ломоносова, на путь, если так можно выразиться, ложной «монументализации» <...> внешнее заслонило внутреннее <...> Исчез так хорошо написанный драматургом, такой земной и крылатый Ломоносов, с бесстрашным полетом мысли, морально чистый до наивности, по-мужицки сильный, неуклюжий и драчливый». Позже, в 1955 году, в письме Вс. Иванову по случаю его 60-летия А. Фадеев снова вспомнил о пьесе: среди «замечательных побед» писателя он назвал и «Ломоносова», который еще недооценен, а на самом деле является произведением редкостной поэтичности» *(Фадеев А. Собр. соч. в 5-ти т., т. 5, М., Гослитиздат, 1961, с. 31, 32, 525)*.

В ноябре 1970 г. спектакль по «Ломоносову» был поставлен на архангельской студии телевидения (режиссер Ю. Тамерьян). Своего великого земляка сыграл артист Областного драмтеатра им Ломоносова И. Колесников.

«КЛЮЧ ОТ ГАРАЖА»

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни», 1977, № 8. В приложение включена как посмертная публикация.

Пьеса была создана Вс. Ивановым в 1942 г. в Ташкенте, куда писатель приехал, чтобы принять участие в съемках художественного фильма «Пархоменко».

Пьеса сначала называлась «Волшебный ковер». Позднее это «сказочное» название было заменено драматургом, но авторский подзаголовок — «сказка» — остался: с ним автору было «удобнее» возводить причудливое, необычное здание произведения. Он помогает читателю и зрителю воспринимать сочленение реальных и фантастических линий пьесы.

Определяя творческую манеру Иванóва, К. Федин заметил в январе 1943 г.: «Гофман, помноженный на Чехова» *(Переписка с Горьким, с. 370)*. Сопоставляя даты, можно прийти к выводу: эти слова были сказаны именно о «Ключе от гаража»; они точно характеризуют поэтику пьесы.

Как всегда у Вс. Иванова, поиск интересной, необычной, драматургической формы нужен ему для того, чтобы острее, неожиданнее поставить сложные нравственные проблемы. Примечательна одна из записей Вс. Иванова о сути волшебного ковра: «волшебный измеритель» измеряет нравственное состояние... людей» (личный архив Вс. Иванова). Думая о войне, Иванов думает не только о подвиге и страданиях всего народа, но о судьбе отдельной, «рядовой» личности. В этом был свой полемический пафос: ведь фашизм уничтожал личность как таковую, лишал ее права на единственность, сокровенность.

Волшебный ковер не приносит главному герою пьесы, Щелкану, денег, не приносит новую квартиру — он приносит новый взгляд на мир. Слагаемые чуда, по Иванову, просты и вечны: «И полетит человек, и полетят от него лучи по земле, и скажет тот человек: «Я живу — значит, творю». Фундаментом пьесы является ивановская концепция жизни как творчества, счастья как пути к творчеству. А творчество, по Иванову,— это не только талант создавать художественные и научные ценности. Это талант замечать радости всех, даже сиюминутных проявлений жизни.

В одном из черновиков драматурга есть его вопрос к самому себе о героях пьесы: «В чем их подвиг?» И короткий ответ: «Подвиг тыла» *(личный архив Вс. Иванова)*. С помощью волшебного ковра Щелкан собирает металлолом, который идет потом на снаряды. Автор неоднократно упоминает в пьесе кустарную мастерскую, где делают эти снаряды (а точнее, наверное, заготовки к ним). Упоминание почти непроизвольное. Из дневника Вс. Иванова видно: он не раз бывал в Ташкенте на таких вот маленьких заводиках. Удивлялся подросткам, работающим здесь по двенадцать часов в сутки. «Удивляешься чуду жизни,— заносил Иванов в дневник,— тому, что люди изворачиваются в таких необыкновенных обстоятельствах, о которых следует написать очень подробно». Тут же в дневнике Иванов обозначил одну из основных задач этих небольших заводиков: «Главное: а) борьба за материал; б) и затем, чтобы не портили этот материал...» *(Переписка с Горьким, с. 350)*. Как видим, драматург не случайно заставляет своего героя собирать с помощью волшебных сил металлолом.

Таким образом входит в пьесу Иванова будничная, суровая, реальная жизнь. С помощью воображения и фантастики Иванов не только не уходит от реальности, но пытается максимально ближе подойти к ней.

Варианты пьесы, хранящиеся в личном архиве писателя, а также наброски с отдельными записями о конфликте «Ключа от гаража» и характеристиками героев показывают, как кристаллизовался замысел драматурга. Например, в одном из вариантов финала пьесы Вс. Иванов давал материалистическое объяснение случившемуся: здесь все перипетии с волшебным ковром просто приснились Щелкану. Автор закономерно ушел от подобного финала, так как он явно упрощал драматическую коллизию, разрушал образное единство.

В 1953 г., вернувшись к теме пьесы, писатель хотел написать комедию в стихах; существуют и наброски Вс. Иванова к повести «Волшебный ковер».

Е. Цейтлин

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Марков. Драматургия Всеволода Иванова . . . 3
Бронепоезд 14-69 11
Блокада 69
Поле и дорога 133
Двенадцать молодцев из табакерки 199
Вдохновение 253
Ломоносов 313
Приложение и комментарий
Ключ от гаража 399
Комментарий 459

Всеволод Вячеславович Иванов

ПЬЕСЫ

Редактор З. М. Пекарская
Художник Л. М. Чернышев
Художественный редактор Л. И. Орлова
Корректоры И. В. Разинкина и Г. Я. Троицкая.

ИБ № 720. Сдано в набор 07.07.78. Подп. к печ. 17.04.79. А 12029. Формат издания 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. п. л. 25,305. Уч.-изд. л. 27,467. Изд. № 12099. Тираж 15 000. Заказ 561. Цена 2 р. 10 к. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.